307.222
16
970
XII

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

E. BALECZKY, L. DOBOSSY, P. KIRÁLY,
L. KISS, I. SIPOS

REDIGIT

L. HADROVICS

TOMUS XVI FASCICULI 1—2

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1970

STUD. SLAV. HUNG.

STUDIA SLAVICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA NYELV- ÉS IRODALOMTUDOMÁNYI OSZTÁLYÁNAK KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V., ALKOTMÁNY U. 21.

A *Studia Slavica* szláv és egyéb nyelveken közöl értekezéseket a szlavisztika tárgyköréből.

A *Studia Slavica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg, több füzet alkot egy kb. 20—30 íves kötetet. Évente általában egy kötet jelenik meg.

A közlésre szánt kéziratok a következő címre küldendők:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi levelezés.

Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó"-nál (Budapest V., Alkotmány utca 21. Bankszámla 05-915-111-46), a külföld számára pedig a „Kultúra" Könyv- és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest I., Fő utca 32. Bankszámla 43-790-057-181) vagy külföldi képviseleteinél és bizományosainál.

«*Studia Slavica*» публикуют трактаты из области славистики на славянских, французском, английском и немецком языках.

«*Studia Slavica*» выходят отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том. Ежегодно выходит один том, объемом в 20—30 печатных листов.

Предназначенные для публикации рускописи следует направлять по адресу:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации. Подписная цена — $ 16.00 за том.

Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Текущий счет № 43-790-057-181) или его заграничные представительства и уполномоченные.

307.222

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

E. BALECZKY, L. DOBOSSY, P. KIRÁLY,
L. KISS, I. SIPOS

REDIGIT

L. HADROVICS

TOMUS XVI

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1970

STUDIA SLAVICA

INDEX VOCABULORUM ET NOMINUM

Tomus XVI., 1970.

Abbreviationes:

bg = Bulgaricum
bh = Bohemicum
brs = Belorussicum
hg = Hungaricum
mc = Macedonicum
pl = Polonicum
rm = Rumenicum (Valachicum)
rss = Russicum
slc = Slovacicum
slv = Slovenicum
scr = Serbocroaticum
ucr = Ucranicum

Abajev V. I. 245
Achmatova A. 170
Adalberg S. 372
Ádám O. 46
Adamec P. 219, 227
Adamik T. 166
Admoni V. G. 220, 221, 225, 232, 233
Adrianova-Peretc V. P. 162, 173
Ady E. 65, 387, 389, 392
Aitzetmüller R. 159, 160
Aleksandrowska E. 379, 380
Almási T. 108
Altajskaja V. F. 243, 246, 248
Ambruš J. 97
Amort Č. 361
Andrássy Gy. 167
Andrejev L. 25
Andrianova Je. K. 222
Andrić I. 332, 335—337
Angyal [E.] A. 171, 174, 367, 368
Antonov S. 228
Apresjan Ju. D. 143, 153
Arany J. 58, 103, 106, 107, 112, 167, 168
Arató E. 90, 367
Aristov F. F. 362
Aristová T. F. 362
Artjuškov A. 310
Asbóth O. 179
Aucouturier M. 330
Auty R. 149
Avenarius A. 366
Avenarius R. 28
Avvakum 164, 170

Babajevskij S. 244
Babakova I. A. 234
Babić Lj. 332
Babits M. 389
Bachmeister H. L. Ch. 375
Bachturina R. V. 243
Bačvanski A. 168
bak slc 206
bakdeska slc 206
Bakos F. 396
Bakunin M. A. 278, 297, 361
Bălcescu N. 76
Baleczky E. 165, 171, 394
Bally Ch. 238, 301, 302
Balogh I. 165, 394
Balugjanskij A. M. 366
Balzac H. 21, 72, 280, 289
Banó I. 165, 394
Bánóczi J. 100
Barabás J. 127
Barac A. 332, 334, 338
Barannikova A. P. 242
Barczafalvi Szabó D. 241
Bárczi G. 126, 127, 218
Barinova G. A. 243
Barsi J. 84
Bartholomaeides L. 122
Bartók B. 63
Bartoš Fr. 216
Baskakov N. A. 245
batár slc 203, 204
Batowski H. 363
Bažan M. P. 43
Bazilovyč I. 359
Becker H. 62
Beckmann J. 375, 376
Bednárik R. 216
Begović M. 332, 334, 336, 337
Bél M. 96

Belić A. 331
Bělič J. 367, 368
Belinskij V. G. 259, 264, 276—279, 289, 293, 295, 297, 300, 378
Beljajev V. 50
Belostenec J. 181, 187
Benda K. 189
Benický J. 200
Benke G. 395
Benkő L. 126, 127, 192
Benyovszky [Beniowski] M. 382, 383
Bergová D. 363
Berkov P. N. 162
Berneker E. 216
Bernolák A. 125, 127, 216
Berrár J. 126, 127
Bertagajev T. A. 245
Berthold, archiepiscopus 375
Bertold B. 165
Betz W. 240
Bezruč P. 391
Bielfeldt H. H. 367
Bilec'kyj O. I. 51
Bittner K. 55
Blagoj D. D. 320
Blanqui A. 78
Blok A. 311
Boborykin P. D. 135
Bobula J. 360
Bočarov S. G. 329, 330
Bogdanov A. 27, 28
Bogdanov J. V. 362
Bogoslovskij S. M. 119
Boguslavskij A. S. 230, 231
Bohorič A. 159
Bokarev Je. A. 245
Bolek A. 363
Bolla K. 141, 147, 219, 394
Bordovič A. M. 232
Borisova T. V. 221, 232
Borkovskij V. I. 367
Borodovčák V. 358, 361, 363
Borovszky S. 123
Botev Ch. 365
Botto J. 107
Bozóki I. 46
Brabec I 332—334
Branovački St. 128
Bredetzky S. 94, 95
Brik O. 311, 312, 315
Brodszky E. 49, 50
Brückner A. 59, 216
Bryzgunova Je. M. 147
Budagov R. A. 152, 219, 220
Budai-Deleanu J. 58
Budich W. 160
Budiščev A. N. 135
Budzyk K. 379
Buffa F. 127, 216
Bugát P. 241
Bulachovskij L. A. 240
Bunin I. A. 231
Bürger G. A. 102, 106
Burjak B. S. 51
Burmistrova T. Ju. 1
Bykov B. A. 120
Byron G. G. 71
Bystrický V. 364, 366
Bystroň J. S. 373

Cabet É. 76
Čajak J. 113
Campe J. H. 239, 240
Čapek K. 63, 388—391
car' rss 385
Cavour C. 75
Čechov A. P. 45, 135, 136, 138, 139, 377
Čepan O. 167
Černyševskij N. G. 277, 323—330, 361
Cervantes S. M. 276, 279
Červenák A. 365
Cesarec A. 332
céza slc 204
Chalupka S. 105, 106
Chamcówna M. 380
Chateaubriand Fr.-R. 377
Chavronina S. A. 227
Cheraskov M. 153
Cherestešiu V. 91
Chmel R. 108
Chmel' rss 51
Cholšebnikov V. Je. 304
Chomjakov A. S. 365
Chomsky N. 143, 144
Chopin Fr. 75
Chorvát C. 362
Chryčikov B. V. 219
Combarieu J. 302
Comenius [Komenský] J. A. 216, 389—391
Comtet M. 136
Čopić B. 332, 334, 335, 337, 339
Ćosić D. 332, 335
Csanda S. 110
Csapláros I. 382
Cselingarián J. 135
Csokonai (Vitéz) M. 58
Csűry B. 218
Čyževs'kyj D. 57, 174
Czambel S. 216
Czartoryski A. 79, 363
Czuczor G. 107, 216
Czuczor L. 388

Dalmatin A. 159
Dan M. 366
Danilák M. 360
daróc hg 367
Davičo H. S. 131, 132
Davičo O. 167
Deák L. 366
Décsy Gy. 216
Delaisi Fr. 61, 64
Deme L. 217
Deribas L. A. 395
Dernałowicz M. 69

Deržavin G. R. 106, 153, 301, 318—320
Dezsényi B. 91
Dezső L. 396
Dickens Ch. 72, 373
Dietrich K. 61
Dimitrijević M. 128
Diószegi S. 241
Djordjević Vl. 132
Dmitrijev I. I. 170
Dobossy L. 53, 58, 65, 387—390
Dobrjanskyj 359
Dobrodomov I. G. 245
Dobroljubov N. A. 259, 260, 279, 289, 294, 361
Dobrovský J. 55, 97
Dobšinský F. 216
Dohnány M. 108
Dokulik M. 221
Doľd-Michajlik Ju. 49
Dolgopolova Z. K. 236
Dolmányos I. 1
Doruľa J. 395
Dostojevskij F. M. 24, 138, 170, 173, 259—300, 325, 326, 328, 329, 365, 377, 378
Drahos Á. 216
Duchnovyč A. 359
Dugonics A. 241
Durakov A. 173
Đurić V. 332, 334
Ďurišin D. 365, 366
Ďurovič L. 219, 233

Eber I. G. 225
Ebert K. E. 97
Egri P. 326
Engel E. 240
Engels Fr. 2, 20, 25, 28, 30, 39, 78, 118, 257, 277
Ertl 196
Ethey Gy. 102, 112
Ewerbeck H. 76

fakósekér, fakový voz slc 205
Faktorovič D. 174
Fándly J. 216
Farman M. 16, 17
Fedor M. 365, 366
Fekete J. 135—137
Fenyvesi I. 394
Ferenczy Gy. 165, 394
ferhéc slc 206, 207
ferhíc, ferhica slc 206
Feuerbach L. 20
firhejc slc 206
Fludorovits J. 126
Fogarasi J. 216
Fokos-Fuchs D. 257
Fonvizin D. I. 153
Fourier Ch. 76
Fredro 382
Fridman L. G. 220
Fried I. 93, 384
Franko I. 45, 48, 362
Frolkina A. V. 395
Fuhrmann P. 395
Fursenko D. J. 165

Gábor A. 48
Gács A. 49
Gajsina R. M. 229
Gál I. St. 188
Galamb S. 108
Gáldi L. 181, 187—192, 392—394, 396
Galkina-Fedoruk Je. M. 220, 221, 232
Galogaža St. 332
Ganič D. I. 232
Garašanin M. 359
Garay J. 102, 107
Gárdonyi G. 64
Gáspár E. 43
Gáspár I. 108, 111
Gellért E. 46
Georgiev E. 395
Gepr.er Ju. R. 219
German Ju. 225, 235
Gessen Vl. 139
Gincburg D. G. 393
Gladkij A. V. 142, 144
Goethe J. W. 68, 71, 107, 279, 292, 294
Gogoľ N. V. 138, 139, 170, 173, 259, 262, 266, 281, 287—289, 292—294, 326
Goleniščev-Kutuzov I. N. 171—175
Goleniščeva-Kutuzova I. 175
Goliński Zb. 380
Gombocz Z. 216
Gombos L. 46
Gömöry J. 388
Gomulicki J. W. 381
Gončar O. T. 49, 52
Gončarov I. A. 138, 325, 326
Gondor F. 362, 363
Gor'kij M. 24—26, 28, 31, 33—39, 45, 46, 164, 242, 362
Görög I. 48
Gorškova K. V. 395
Grammont M. 301
Graßhoff H. 375, 376
Gregor F. 128, 193, 200, 205, 215, 371
Greguss A. 102
Grepľ M. 219, 220
Gribojedov A. S. 272, 281
Grigássy É. 42, 45, 50
Grillparzer Fr. 101
Grimm J. 257
Grzeszczuk St. 380
Gudzij N. K. 162, 163, 302
Gukovskij G. A. 153
Gundulić 190
Gurevič V. A. 221, 232
Gvadányi J. 383
Gyárfás M. 46
Gyarmathi S. 393
Győrffy Gy. 386

Habovštiak A. 209, 210, 216
Habovštiaková K. 395
Hadas F. 396
Hadrovics L. 159, 160, 162, 171, 174, 177—187, 200, 203, 216, 367, 368, 393, 394, 396
Hafner St. 159
hajlok slc 207, 208
Halaga O. R. 358, 360
Halász I. 207
Hamm J. 333, 395
Hamuljak M. 365
Hanka V. 105
Hankó M. 50
Hapák P. 123
Haraskim L. 363, 366
Harčev P. I. 363
Hašek J. 388—392
Hauptová Z. 199, 203
Havlík L. 360
Hebbel Fr. 103
Hegel G. W. Fr. 20
Hejnic J. 380
Helvetius Cl.-A. 93
Hercen A. I. 24
Herder J. G. 54, 95, 376
Herkeľ J. 358
Herman O. 216
Hernas Cz. 380
Hevesi J. 48
Hexelschneider E. 375
Hexendorf E. 241
Hidas A. 42, 44, 45
Hikmet N. 110
Hillert S. 375
hintószekér hg 194, 199
hintov slc 199, 200
Hoffmann E. Th. A. 292—294, 378
Hoffmann P. 376, 377
Holbach P. H. D. 93
Hollós A. 396
Hollý J. 97
Holub J. 216
Holuby J. L. 216
Honti R. 48
Hopp L. 382—384
Horák G. 216
Horák J. 56
Horecký J. 125, 216
Hormayr B. 97, 100, 103
Horvat J. 332, 337
Horváth J. 101
Horváth K. 384
Horváth M. 394
Horváth P. 199, 216
Hostička H. 360
Hraste M. 332—334
Hrdina C. 380
Hrozienčik J. 359, 362—364
Hubai M. 47
Hugo V. 168
Hus J. 391
Hüttl-Worth G. 152
Hviezdoslav P. O. 103, 362
Hvozdzik J. 216
Iglói E. 162—164
Ignjatović J. 81, 83, 87, 130—132, 167
Illés B. 42, 254
Imre S. 217
Ioann, exarchus 161
Iordanskaja L. N. 143
Ipolyi A. 96
Ivić M. 333, 336, 337
Ivić P. 333, 335, 337
Ižakevič G. P. 245

Jackl J. 380, 381
Jackson R. L. 377, 378
Jagoditsch R. 174
Jakab I. 103
Jakobson R. 154, 311
Jakubinskij L. P. 304
James R. 151
Jancsovics I. 125, 215, 217
Janiss J. 95, 96
Javorov P. 65
Jedlicska P. 102
Jemnitz J. 2
Jermolajeva L. S. 221
Jesenský J. 362
Jevgen'jeva A. P. 155
Jevnina O. M. 41, 46
Jirásek A. 64
Jókai M. 83, 103, 104, 108—110, 112, 131, 168, 382
Jonke Lj. 333, 338
Joyce J. 329
József A. 391
Jungmann J. 62

Kagan S. Je. 232
Kajsiewicz H. 74
Kálal M. 125, 217
Kaleb V. 332, 334, 337
Kaleta R. 380
Kalinčiak J. 204, 206
kaľka rss 238
Kálmány L. 106
Kamenev L. 16, 17
Karadžić V. St. 62, 105, 106
Karamzin N. M. 61
Karancsy L. 323
Karcevskij S. 242
Kardos L. 41—44
Kardos T. 187
Karinskij N. 157
Károly S. 220, 241
Kassák L. 392
Kautsky K. 29
Kazinczy F. 62, 94, 103, 241
Keglevich I. [E.] 135—137
Kehrer J. 91
Keintzel-Schön Fr. 370, 371
Kemény G. G. 91

Kemény M. 50
Képes G. 42, 44
Kerek E. 49
Kerényi G. 383
Kevelov M. 360
Kicska A. 394
Kijov hg 51
Kil'bibekova T. A. 231
Király Gy. 259, 270, 280, 284
Király (Gy.-né) N. 382
Király P. 204, 212, 218, 394—396
Királyi P. 85
kiša slc 208
Kisch G. 370
Kisfaludy K. 100, 101, 103, 382
Kiškin L. S. 362
Kiss L. 186, 191, 192, 395, 396
Klaniczay T. 55
Klátik Z. 365
Klein S. 392
Klevanskij A. 1
Klokov V. I. 361
Kluge Fr. 124, 217
Knapski G. 373
Kniezsa I. [St.] 179, 189—191, 201, 202, 209, 213, 215, 368—371, 388
koč slc 194, 195, 198, 199
Kočerga I. 46
Kochanowski J. 175, 365
Kochol V. 105
kočia, kočie slc 194
kočí slc 194, 196
Kočiš Fr. 395
Kocjubinskij M. 48
kocsi hg 193
kocsis hg 197, 198
Koerner Th. 80
Kolar S. 332, 334, 337
Kolberg O. 373
Kolbuszewski St. 59, 60
Kölcsey F. 241
Kollár J. 53, 55, 56, 64, 97, 100—103, 111, 358, 359, 363, 365
Koller E. 301
Kolos I. 97
Koltai S. 48
Kondrašov N. A. 360
koňhakoč slc 198, 199
Konstantinos Porphyrogennetes 385
Kopečný F. 216
Korbut G. 379, 381
Kornejčuk A. 46—48
Korolenko V. G. 135—140
Kosaras I. 165, 394
Kostenicz K. 69
Kostomarov V. G. 165
kotčí bh 194
kotczy pl 194
Kotljarevs'kyj I. 45
Kott F. S. 217
Kott J. 381
Kovai L. 49
Kovtunova I. I. 145
Kowecki J. 380
Kozocsa S. 43, 135
Krajčovič M. 364
Král' J. 107, 113
Krammer J. 387, 389
Krandžalov D. 366
Krasznyánszky K. 111
Kraus C. 107
Krauss W. 367
Krejčí K. 57, 391
Krekics J. 394
Krestić M. 82
Krivošejeva A. 27
Krleža M. 332, 335, 336, 339
Krotevič Je. V. 220
Krstić M. 82
Krylov I. A. 170
Krysin L. P. 148, 239, 242, 245, 246
Krzyżanowski J. 372—374
Kucenko V. L. 252
Kučera M. 363
Kučerová K. 363, 364, 366
Kudělka M. 363
Kukučin M. 365
Kuricin F. 163
Kušik M. 218
Kuško Je. 1
Kuzmány K. 102
Kuz'mina S. M. 243
Kuz'mina V. D. 173

Lafargue P. 20
Lägreid A. 158
P. Lakatos É. 91
Lalević M. S. 333, 335, 336
Lamanskij V. I. 361
Lange A. 383
Lányi P. 124
Lányi S. 44
Laptev O. A. 243
Larin B. A. 151, 155
Lasocka B. 380
Lauch A. 375
Lazarević L. 132, 365
Lebedeva A. I. 155
Lebedeva G. F. 224
léč, lejč slc 209, 210
leereßtô (leerestu) hinto slc 200
Lehoczky T. 108
Lejkin N. A. 138
Lénárt É. 49
Lenin V. I. 1—18, 20, 22, 24—28, 32—34, 36, 248
Leont'jev A. A. 141
Leopardi G. 72
Lermontov M. Ju. 62, 170, 279, 294, 300, 307, 318, 325, 365, 393
Lasage A.-R. 284
Leskov N. S. 135
Lesňáková S. 362
Lessing G. E. 93
Lewicki A. M. 372

Lewicki T. 396
Lichačev D. S. 162, 173, 174
lievč slc 209, 211
Lifšic M. 28
Linde S. B. 217
Livanova T. 320
Lizanec' P. M. 394
loč, lojč slc 209—211
Locke J. 93
lógov slc 211, 212
Lomonosov M. V. 61, 149, 162
Lomtev T. P. 221, 232
longo(v) slc 211, 212
Lönnrot É. 53, 62
Lónyay M. 167
Loos J. 113, 125, 217
louč slc 209, 211
Lugossy J. 165
Lumtzer V. 216
Lunačarskij A. V. 19—39
Lur'je Ja. S. 162
Lutskay M. 359
Lux L. 124
Luxemburg R. 10
Lyczei J. 217
Lytkin V. I. 245

Mácha K. H. 102, 106, 107
Machál J. 56, 60
Machek V. 125, 217, 368, 369
Madarász E. 49
Magdalenić M. 187
Magnuszewski J. 363
Magos L. 52
Majkov V. N. 279, 289, 294, 295, 300
Majláth J. 97, 103
Major T. 47
Makai I. 42, 50
Makowiecka Z. 69
Maksay F. 124
Maksimović D. 332, 334, 336, 337
Malevič O. 361
Malewski Fr. 69
Malíř Fr. 165
Malyško A. 43
Mańczak W. 160
Manga J. 112
Mann Ju. 294
Maretić T. 331, 338
Margo Dj. 81
Marinković B. 332, 337
Marjanek F. 394
Marković L. 82
Marr A. Ja. 242
Marsina R. 218
Martínek J. 380
Martius E. 241
Martovič L. 49
Marusenko T. A. 395
Marx K. 2, 11, 20—22, 25, 28, 30, 39, 78, 118, 257, 277
maša slc 122—128
massa hg 122—128
Mátrai-Betegh B. 47
Matula V. 361, 364
Matvejev A. Ja. 240
Mauthner F. 240
Maver G. 174
Mazon A. 58, 59, 173, 242
Mednyánszky A. 96—104, 107, 110
Megiser H. 158, 159
Mehring Fr. 20
Meillet A. 240
Meľčuk I. A. 142—144
Meletinskij Je. M. 172
Melich J. 179, 189, 208, 211
Mianowska-Klimowicz Z. 379
Mičátek L. A. 217
Michajlov A. 135
Michajlova-Čjumina O. N. 138, 139
Michalus St. 395
Michelet J. 75
Mickiewicz A. 54, 62, 67—80, 102, 106, 363, 365, 383, 384
Mihăilă G. 371
Mihailović Lj. 333
Mikitenko I. 46
Miklosich Fr. 162, 393
Mikszáth K. 110—112, 131
Mikulik J. 124, 127
Mikulski T. 379, 380
Miletić Sv. 128—130, 133, 364
Miličević M. 132
Milinčević V. 166—168
Mirovič A. 219, 220
Mišianik J. 216
Mitev J. 366
Mladenović A. 333, 334, 338, 339
Mogilevskij R. I. 256
Moisejev A. I. 122
Mokuter I. 339
Molière J. B. 166, 167
Molnár E. 2
H. Molnár I. 219, 225, 226
Molnár M. 363, 365
Montalambert Ch. de 73
Moór E. 209
Moravcsik Gy. 385
Móricz Zs. 380, 387
Morvay K. 374
Mrożek S. 388
Müller Kl. 371
Murko M. 368
Musset A. 72
Mžeľskaja O. S. 155

Nadjvinski D. 132
Nagy Gy. 193
Nahnybida M. 51
Natanson M. D. 221
Nazor Vl. 173
Nechoda I. 43
Nejedlý Zd. 388, 389, 391
Němcová B. 125, 217

Neményi Ö. 50
Némethy P. 96
Nemlaha A. 360
Neruda J. 389
Neumann St. K. 64, 65
Nevrlý M. 365
Newton I. 93
Nezval V. 64, 389
Niederhauser E. 1
Nietzsche Fr. 37
Nikolajeva T. M. 147
Nikolić B. M. 333
Nikolić I. 81, 88
Nižnánský J. 113
Nižnanský J. R. 208, 212
Nosák B. 365
Novič N. 138
ňujtoų slc 205
Nyáry P. 82
Nyitske A. 99
Nyrop K. 301

Obernyik K. 168
Obrenović M. 82
-og, -oga scr 330–339
Ondrus P. 217
Orlov A. 162
Ormis V. J. 97
Ostapin A. I. 234
Ostrovskij A. N. 326
Ostrowski Chr. 70, 74
Ožegov S. I. 227, 238, 243, 245

Padučeva Je. V. 143
Pajević A. 133, 134
Palárik J. 167
Palić [Palich] E. 356
Palkovič J. 125, 217
Palkovič K. 202, 206
Páll E. 141, 146, 219, 394
Pannová E. 362
Panonová E. 362, 365
Panov M. V. 147, 148, 242
Papaghagi P. 239
Papp F. 141, 143, 148, 165, 166, 171, 219, 394
Papp L. 192
pártbizottság hg 253
pártiskola hg 253
Pauliny E. 217
Pavičić St. 333, 334
Pavlović M. 333, 334, 339
Pavlović T. 81, 87
Pawłowiczowa J. 380
Pechány A. 109, 217
Pejáković K. 81
Pennington A. E. 149
Peresvetov I. 163
Pervomajs'kyj L. 42, 43, 51
perzsel hg 371
Peškovskij A. M. 144, 234
Pete I. 219
Péter M. 150, 154, 171, 394
Peters I. A. 362
Pető M. 43
Petőfi S. 42–44, 58, 62, 78, 81, 104, 106, 107, 138, 167, 391
Petrichevich Horváth L. 104, 105
Petrović V. 332
Pivoluska J. 359, 362
Platt J. 380
Plechanov G. V. 20–22, 24–26, 32, 37, 38
Plotkin V. Ja. 234, 235
Poe E. A. 72, 378
Pogodin M. P. 359
Pogodin N. F. 46
Polevoj B. 244
Polit J. 82
Polivanov Je. D. 242, 246
Pollák P. 358, 359, 361, 362
Pollak R. 379
Ponomarenko L. A. 240, 255
Pope A. 93
Popov A. I. 151
Popovič A. 360, 365
Popović M. 333, 334, 337
Popović St. 132
Portal R. 59–61
Pospelov G. N. 324
Pošvář J. 363
Póth I. 135, 167, 168
Prašković M. 174
Prévost d'Exiles A.-F. 276, 280
prochlada rss 153
Prokopovič G. F. 224
Protčenko I. F. 243
Proudhon P.-J. 76
Pukolay D. 91
Pumpjanskij L. V. 319, 320
Puškin A. S. 61, 62, 70, 71, 106, 170, 173, 259, 266, 281, 320, 326, 365
Putilov B. N. 106, 172
Putnik P. 82
Pyns'kyj L. 174

Rab Zs. 42, 49–51
Radiščev A. N. 325, 326, 374–377
Radó Gy. 42, 43, 49–51, 67
Rank J. 125
Raspopov I. R. 221
Ratnikova P. P. 395
Rečková E. 366
Reczek S. 217
Reychman J. 382
Reymont W. 383
Ridley M. 151
Rikman I. G. 221, 232
Ritter Vitezović P. 167
Robert A. 97
Robin A. 69
Robinson A. 162
robot hg 392
Rogowski L. M. 172

Romain R. 387, 389—392
Romportl M. 369
Rostworowski E. 379
Rosty Zs. 103
Rot A. M. 237, 249, 395, 396
Rouget de Lisle Cl.-J. 67
Rousseau J.-J. 93
Rozencvejg V. Ju. 253
Rubinštejn A. 138
Rublev A. 162
rúda slc 205
Rybak N. 50, 51
Rybakov B. A. 119
Rysiński 373
Ryt Je. 238

Šabalina V. F. 219, 221
Šachmatov A. A. 151, 157, 169
Šadnik L. 159, 160
Šafařík P. J. 55, 56, 358, 360
Saidov S. 221, 232
Saint-Simon Cl.-H. 76
Šajankova N. A. 223
Šalamin E. 233
Šalda F. X. 388, 392
Šalm H. 97
Saltykov-Ščedrin M. Je. 272
Samociuk T. 383
Sand G. 75
Sandfeld K. 238
Šapir E. 239
Šapiro A. B. 221
šaragle slc 212, 213
Sasinek Fr. V. 217, 218
Sasvári Á. 131
Šavickij V. D. 362
Ščepetkin Je. Je. 232
Ščerba L. V. 147, 148, 169, 240, 393
Schneiner W. 370
Schelesniker H. 160
Scher (T.-né) V. 41, 45, 46
Scherer L. 387
Schiller Fr. 68, 106, 168, 280, 289
Schmidt H. 376
Schneeweis E. 126
Scribe E. 168
Šedivý J. 362
Sekulić I. 332, 334—336
Seliščev A. M. 242, 246
Seneca L. A. 375
Šenoa A. 175
Šerdeľnikov Je. A. 230
Ševčenko T. 44, 45, 363
Shakespeare W. 103, 168, 280
Šicel M. 332, 334, 339
Sickingen Fr. v. 21
Sienkiewicz H. 64
Sieroszewski A. 383
Siklósi M. 50
Šima F. 255
Simmons J. S. G. 149, 151
Simonov K. 227—229
Simonyi Zs. 217, 241
Šimunovič D. 175
Singer S. 240
Sipos I. 127, 218, 394, 396
Sirotin O. B. 243
Sirotinina O. B. 145
Skalička V. 154
Skerlić J. 167
Skladaná J. 395
Skljarenko S. 49
Skorupka St. 372
Sládek Z. 362
Sladkovič A. 107
Sławski Fr. 218
Slipičević F. 333
Słowacki J. 363, 382
Slukijajnen I. I. 1
Šmatlák St. 167
Šmelev D. N. 231, 243
Šmilauer Vl. 369
Smolič Ju. 49
Sobko V. 47, 49
Sobol R. 380
Sobolevskij A. I. 157
Somogyi J. 188
Soós I. 127
Šor R. O. 242
Sosjura V. 43
Sőtér I. 191
Šourková A. 227
Sova A. 65
Speranskij M. M. 366
Spira Gy. 81
Sreznevskij I. I. 151
Stanić M. 333, 339
Stanislav J. 126, 218
Stanković B. 175
Stranawski J. 380
Šťastný V. 361
Stavrovský E. 360
Stefanik V. 49
Steľmach M. 50, 51
Sterne L. 276
Stevanović M. 331—335, 338, 339
Stevović I. 333—335
Stieber Z. 367
Stojaković Dj. 82, 87
Štolc J. 207, 218
Strausz A. 131
Stupkiewicz St. 380
Štúr K. 107—109
Štúr L. 358, 361, 363, 365
Suara R. 165, 394
Sue E. 289
Sulán B. 192
Šupala F. 195
Süpek O. 191
Šuvalov B. B. 221, 232, 233
Sverdlov Ja. 16
Szabó E. [A.] 136, 138—140
Szabó J. 218
Szalatnai R. 111, 390
Szamota I. 217

Szántó Gy. 99, 112, 113
szaragi pl 213
Szarvas G. 217
Szasácska hg 51
Szczepaniec J. 380
Szebényi P. 99
Szeberényi L. 108, 111
Szeghalmi Szennovitz Gy. 111
Székely (T.-né) N. 377
Szekfű Gy. 187
Szemere B. 84
Szentkereszti T. 112
Sziklay L. 64, 100, 105, 106, 111, 382—384
Szilágyi I. 84
Szinnyei J. 167, 217
Szirmai M. 49
Szklarska A. 360
Szüts I. 84
Tacitus P. C. 375
tačka slc 202
Taine H. 21
Takáts S. 218
Tálasi (I.-né) A. 165, 394
tališka slc 201, 202
taliga slc 200, 201
Tamás L. 218, 371
Táncsics M. 91
Tarasenkov D. 227—229, 236
tárny voz slc 203
Tarr L. 191, 218
tengel' slc 205
Terebovlskij V. 164
Terényi I. 50
Tétényi-Halász M. 164
Thim J. 82, 83
Tibenský J. 95, 96
Timofejev K. A. 228
Tjutčev F. I. 301—321
Tóbik Št. 123, 125
Tolnai V. 104, 241
Tolstoj L. N. 23, 24, 45, 135, 138, 170, 173, 235, 277, 289, 324—326, 328, 330, 362, 365
Tomaševskij B. V. 152
tömlöc hg 371
Törs K. 108
H. Tóth I. 158, 396
Towiański A. 75
Trediakovskij V. K. 149
Trencsényi-Waldapfel I. 45
Trenev K. 46
Trifković K. 166—168
Trifonović J. 81
Trifunac P. 81, 88
Trost Kl. 160
Trubar P. 159
Truchlář A. 380
Turczel L. 110
Turgenev I. S. 164, 223, 325
Tyčina P. 43

Uhland L. 106
Ujević T. 332, 338
Ukrainka L. 45
Unbegaun B. O. 149—154, 238, 239
Urbańczyk St. 370
Urbán-Nagy R. 19
Ušakov D. N. 227, 238

Vaillant A. 160, 393
Vajanský (Hurban) Sv. 107
Valenta J. 361
Valimova G. V. 232, 235
Valovič P. 102, 113
vankuč slc 213—215
Vansová T. 204, 207
Varsík B. 218
Vasilev Chr. 160
Vasshegyi M. 168
Vasvári P. 84
Vazov I. 365
vdochnovlenije rss 239
vendlíky slc 215
Vendryes J. 239
Veselinović J. 132, 365
Vinogradov V. V. 152, 169—171, 220, 221, 223, 229, 232, 243
Vinokur T. G. 243
Višnevskij Vs. 46
Vitković J. 81
Vlčev J. 364
Vodnik (Drechsler) B. 167
Vojnović I. 171
Volný J. 208
Voltaire 93
Vörösmarty M. 101, 103, 109, 382, 384
Vorovskij V. V. 25, 26
voz slc 193, 203, 205
Vozár S. 365
Vraz St. 106
Vyvíjalová M. 95

Weiher E. 160, 161
Wellmann I. 188
Wenckheim B. 128—130
Weöres S. 42, 44, 45
Wernke G. 396
Wesselényi M. 383
Witkowski M. 380
Wolker J. 389, 391
Wollman Fr. 53, 56—59
Wołoszyńska Z. 380
Wołoszyński R. 380
Worth D. S. 143

Záborský J. 167, 362, 365
Žaček V. 363
Zakariás S. 111
Zapolska G. 383
Zasenko O. E. 51
Zbanackij Ju. 50
Zechenter-Laskomerský G. K. 125
Zelenin V. V. 1

Zemskaja Je. A. 243
Żeromski S. 365
Zimin A. 173
Žirmunskij V. M. 174, 309, 393
Živković D. 333, 336
Živković M. 132
Živković S. 332–334
Zlatovratskij N. N. 135
Zmaj J. J. 103, 128–135, 167
Zola E. 378
Zöldhelyi(-Deák) Zs. 136, 138, 140, 378
Zolnay Gy. 217
Zolnay L. 193
Zolotova G. A. 219, 220, 230
Zoščenko M. M. 170
Zsombor J. 49
Žukov Ju. 245
Žukovskij V. A. 153, 326
Zverova Je. N. 225

STUDIA SLAVICA

1970. Tomus XVI. Fasciculi 1—4.

INDEX

Dobossy, L.: Considérations sur les rapports entre les littératures slaves et non-slaves d'Europe Orientale 53

Fried, I.: Die Sagen des Waagtales in der slowakischen und der ungarischen Literatur 93

Gregor, F.: Ung. *kocsi* 'Wagen' und die Namen ähnlicher Fahrzeuge sowie einiger Bestandteile im Slowakischen 193

Каранчи, Л.: «Что делать?» Чернышевского как психологический роман 323

Кирай, Д.: Структура романа Достоевского «Двойник» 259

Kiss, L.: László Hadrovics sechzigjährig 173

Коллер, Э.: О звуках тютчевских стихов 301

Нидерхаузер, Э.: Ленин и национальный вопрос 1

Пете, И.: Типы синтаксической модальности в русском языке 219

Radó, Gy.: Adam Mickiewicz et l'idée de la liberté 67

Pom, A. M.: Особенности калькирования лексических инноваций русского языка советского общества в венгерском языке 237

Шер, В.: Украинская литература в Венгрии 41

Spira, Gy.: The National Minorities Policy of the Pest Revolution's Left in March, 1848 81

Урбан-Надь, Р.: А. В. Луначарский о пролетарской литературе 19

Miscellanea

Comtet, M.: Čechov, Korolenko et „Magyar Szalon" 135

Gregor, F.: Ungarisches *massa* und slowakisches *maša* 122

Моисеев, А. И.: Из истории производственной терминологии советского периода ... 115

Mokuter, I.: Pridevski navstavak *-oga, -og* u savremennom srpsko-hrvatskom jeziku 331

Palić, E.: Hrvatsko-slavonski internat u Budimpešti 339

Póth, I.: Zur Entstehung einiger Gedichte von Jovan Jovanović Zmaj 128

Зельдхейи-Деак, Ж.: Письма Э. Сабо к В. Г. Короленко 138

Critica et bibliographia

Adamik, T.: За современное обучение русскому языку 165

Arató, E.: Von der Arbeit des „Instituts für Geschichte der sozialistischen Länder Europas" der Slowakischen Akademie des Wissenschaften 357
Fried, I.: Tanulmányok a lengyel—magyar irodalmi kapcsolatok köréből 382
Gregor, F.: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur 367
Györffy, Gy.: Gy. Moravcsik, Studia Byzantina 385
Hadrovics, L.: Anzeiger für slavische Philologie, I—III. 159
Hadrovics, L.: H. Megiser, Slovenisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch..... 158
Hadrovics, L.: E. Weiher, Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung 161
Кирай, Н.: Oświecenie 379
Крысин, Л. П.: К. Болла—Э. Палл—Ф. Папп, Курс современного русского рзыка ... 141
Morvay, K.: Nowa Księga Przysłów i wyrazeń przysłowych Polskich..... 372
Петер, М.: B. O. Unbegaun, Selected Papers on Russian and Slavonic Philology 149
Póth, I.: V. Milinčević, Kosta Trifković — život i delo 166
Секей, Н.: A. N. Radiščev und Deutschland 374
Tétényi-Halász, M.: Iglódi E., A régi orosz irodalom története. XI—XVIII. sz. 162
Х. Том, И.: Псковский областной словарь с историческими данными 154
Зельдхейи-Деак, Ж.: R. L. Jackson, Dostoevsky's Quest for From 377

Chronica

Голенищева-Кутузова, И.: И. Н. Голенищев-Кутузов 1904—1969 171
Холлош А.—Г. Вернке: Славянское языкознание в Венгрии за 1969—1970 гг. ... 394
Петер, М.: К шестидесятилетию Ласло Гальди 392
Петер, М.: В. В. Виноградов 1895—1969 169
Szalatnai, R.: László Dobossy a 60 ans 387

Ленин и национальный вопрос

Э. НИДЕРХАУЗЕР

Та Россия, в которой в 1890-х годах начал свою революционную деятельность Ленин, была не только отсталой аграрной страной, стонала не только под гнетом унаследованного у феодализма абсолютистического режима, пережила за несколько десятилетий до этого не только весьма половинчатые буржуазные преобразования и не дошла еще до буржуазно-демократической революции — она была и страной многонациональной. В ней по подсчетам Ленина великорусская народность составляла лишь 43 или 45% всего населения, значит, большинство ее жителей складывалось из нерусских, причем — как это также неоднократно подчеркивал Ленин — эти национальности занимали окраины российской империи.[1] Революционеру, шедшему в бой в конечном счете за социалистическую революцию, но вынужденному — в силу отсталости России — на первом этапе добиваться буржуазно-демократических преобразований, и работавшему в стране, где рабочий класс — хотя и сильно концентрированный — составлял лишь незначительную часть населения, приходилось отыскивать те силы, на поддержку которых он мог еще рассчитывать. Угнетенные, подверженные гонениям и погромам национальности могли быть рассматриваемы как потенциальные союзники.

[1] См. *В. И. Ленин,* Полное собрание сочинений (в дальнейшем: ПСС) 25 : 66, 85; 27 : 264. Вопрос имеет и помимо трудов Ленина огромную литературу, даже беглый обзор которой занял бы не меньше места, чем настоящая статья. Поэтому мы обращаем внимание читателей лишь на некоторые, новейшие работы. Вопрос в общих чертах (и в его отношении к идее интернационализма) был разработан в последнее время в трех книгах *Т. Ю. Бурмистровой:* Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП, 1894—1903 гг. Ленинград 1962; Национальная политика партии большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. Ленинград 1962; Национальный вопрос и рабочее движение в России (Ленинская политика пролетарского интернационализма, 1907—1917 гг.) Москва 1969. Из венгерской специальной литературы: *Dolmányos I.*, A nemzetiségi politika története a Szovjetunióban [История национальной политики в Советском Союзе]. Budapest 1964. В отношении отдельных наций: *Е. Кушко,* Ленин и польский национальный вопрос. Советское Славяноведение 1969, 3 : 3—8; *А. Клеванский,* В. И. Ленин и борьба за создание революционной партии чехословацкого пролетариата. Советское Славяноведение 1969, 4 : 16—28; *В. В. Зеленин,* Ленин о национальной революции южного славянства. Советское Славяноведение 1969, 2 : 2—9; *И. И. Слукияйнен,* В. И. Ленин и Финляндия. Новая и Новейшая История 1969, 5 : 3—10.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

И это имело место не только в России. Не говоря уже о народах колоний (внимание Ленина было обращено на них именно наличием колоний России в Средней Азии), по соседству находилась Австро-Венгрия, заселенная и различными славянскими национальностями, среди них и такими, представители которых — большей численностью, чем в Австро-Венгрии — проживали также на территории России (поляки, украинцы). Для Восточной Европы в целом, как на это не раз указывал Ленин, было характерно, что на ее территории образовались не национальные, а многонациональные государства.

Мысль о том, что союзников в революционной борьбе следует искать в ряду национальностей, была все же не совсем очевидной. Вопрос о союзниках представлял собою одну из важных проблем марксистской теории и революционной практики начиная с 1848 г., даже — с предшествовавших революции 1848 г. лет.[2] Национальный вопрос встал в международном рабочем движении сравнительно рано. Ленин прекрасно знал, что «к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его».[3] Ленин отмечал именно по поводу польского вопроса, оказавшегося и впоследствии в центре дискуссий, приуроченность позиции Маркса и Энгельса к определенной исторической эпохе. «Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции в Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX в., то она перестала быть верной к XX в. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России . . При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения».[4]

[2] Относительно предтеч см. *E. Molnár*, La politique d'alliances du marxisme (1848—1889). Budapest 1967 (работа вышла и на венгерском языке); — *J. Jemnitz*, Nationalism and internationalism and the labour movement at the turn of the century: Nouvelles Etudes Historiques, Budapest 1965, 2: 153—172.

[3] Ленин, ПСС 25 : 300.

[4] Там же, 297—298.

Поэтому подчеркивал Ленин, что Социалистическая Партия Польши, неизменно ссылавшаяся и в изменившихся условиях на приведенное выше положение Маркса, придерживалась ошибочного мнения, и «это означало уже использование *буквы* марксизма против *духа* марксизма».[5] Ленин всегда решительно отвергал буквальное истолкование марксизма, и как в любом вопросе, так и в национальном, исходил из конкретно-исторических условий. А исходя из них, он расценивал национальный вопрос, как один из вопросов революционной борьбы, решение которого подчинено великому делу социалистической революции. Разумеется — революции в международных, мировых масштабах. Эта сторона проблемы отчетливо выдвигается на первый план, если изучать воззрения Ленина в их развитии. Но национальный вопрос рассматривался им все же прежде всего с точки зрения русской революции. До 1917 г. основным отправным пунктом служила подготовка, развертывание революционного движения в России, с ее точки зрения и рассматривал Ленин в этот период национальный вопрос; после 1917 г. в качестве такой центральной проблемы встала защита социалистической ревоюции, советской власти.

Декларировавшийся Лениным основной принцип, право наций на самоопределение, был впервые сформулирован на конгрессе второго Интернационала 1896 г. в Лондоне, после продолжительной дискуссии по польскому вопросу.[6] В 1903 г. в Программу РСДРП — вопреки польским социал-демократам и Бунду, российской еврейской пролетарской партии, но в полном согласии с Плехановым — был внесен этот же основной принцип. Придавая ему первостепенное значение в борьбе с великорусским национализмом, Ленин считал нужным провозгласить его уже тогда. Но, аргументируя данный принцип, Ленин в своей статье «Национальный вопрос в нашей программе», тут же предупреждал о необходимости правильного истолкования понятия «право наций на самоопределение». Это требование, естественно, входило — и об этом не следует забывать — в программу — минимум РСДРП, имевшую в виду перспективы буржуазно-демократической революции. Данным обстоятельством и объясняется факт включения в нее пункта о праве наций на самоопределение. Ленин и тут отмечал совершенно однозначно, что «Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения . . . Мы должны всегда и безусловно стремиться к *самому тесному* соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федера-

[5] Там же, 298.
[6] См. там же, 295—296.

тивным единством и т. п.»[7] Социал-демократия должна подчеркивать не национальные, а классовые противоречия.[8]

Несомненно, что Ленин в общих чертах определил уже здесь свое отношение к национальной проблеме, точнее — к вопросу о национальных движениях, но не признавал его столь важным, как другие значительные вопросы, приуроченные на первом этапе к буржуазно-демократическому, а в последствии — к социалистическому преобразованию. Однако, события революции 1905—1907 гг., пробуждение Азии, усиление буржуазно-демократических национальных движений, а позже и войны на Балканах привлекли к себе внимание всей партии в большей мере, чем до этого. Данный факт признавал и сам Ленин.[9]

Более углубленному и тщательному анализу национального вопроса, определению его места в революционном движении в целом положила начало именно борьба народов Балканского полуострова, восставших против турецкого господства. Только вспыхнула война, и Ленин сразу узрел в ней большую возможность, о ней он писал в своей статье «Балканские народы и европейская дипломатия» (6/19 октября 1912 г.): «Для всей Восточной Европы бьет, может быть, час, когда скажут свое свободное и решительное слово сами народы.»[10] Вмешательство великих держав наносило бы делу балканских народов только вред, способствовало бы лишь продлению существования пережившего себя турецкого режима. «Именно «Европа» мешает установлению федеративной балканской республики.»[11] В своей статье «Социальное значение сербо-болгарских побед» (7/20 ноября) Ленин писал, что значение войны заключается в том, что эти сербо-болгарские победы «означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями».[12] Как раз поэтому существенным является не национальное, но социальное освобождение.[13] Ибо, как на это указывал Ленин и прежде: «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей.»[14] Это, правда, осуществилось не в форме балканской федеративной республики, а в форме союза монархий, но все же «сделан великий шаг вперед к разру-

[7] *Ленин,* ПСС 7 : 233.
[8] Там же, 241.
[9] *Ленин,* ПСС 24 : 57, 30 : 57.
[10] *Ленин,* ПСС 22 : 142.
[11] Там же.
[12] Там же, 187.
[13] Там же.
[14] Там же, 155.

шению остатков средневековья по всей Восточной Европе».[15] «Из всей Восточной Европы остается *только одна Россия* наиболее отсталым государством.»[16] Ленин пояснял и здесь, и в своей последующей статье, почему данный процесс проходил под руководством балканских монархий: «Главная историческая причина этого — слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих.»[17]

Можно предположить, что Ленин, кроме изложенного в этих статьях, сделал из развития на Балканах и другие выводы. Когда же — в 1913—1914 гг. — он создавал свои важнейшие работы по национальному вопросу, обобщал наряду с другими своими заключениями именно те уроки, которые были извлечены из данных событий, хотя и не упоминал о них прямо.

В пределах краткого исследования мы, естественно, не имеем возможности подробно прослеживать процесс становления воззрений Ленина, отмечать все наступавшие в них изменения, останавливаться на каждом частном моменте. Нам приходится ограничиваться рассмотрением лишь важнейших, обобщающих работ, обращать внимание только на самые значительные вехи этого пути.

«Тезисы по национальному вопросу» представляют собою как бы красную нить лекций, прочитанных Лениным в начале лета 1913 г. в Швейцарии. В них мысль о том, что пункт о праве наций на самоопределение (а под этим следует понимать право на отделение от многонационального государства и на создание самостоятельного государства) и впредь должен включаться в программу партии, Ленин мотивировал как раз опытом событий, произошедших в Восточной Европе. Право на отделение он считал важным подчеркивать именно в отношении России, поскольку ее национальные меньшинства размещались на окраинах страны,[18] то есть здесь было бы легче всего осуществить их выход из многонационального государства. В отношении Австрии этой проблеме придавалось менее серьезное значение, несмотря на то, что и Австрия принадлежала к тем странам Европы, в которых буржуазно-демократическая революция еще не была доведена до конца. Положение в ней все же было иное, чем в России, ибо «с 1867 года упрочились основы политической свободы и конституционного строя, а теперь введено и всеобщее избирательное право».[19]

Наряду с отделением Ленин указал и на возможность сохранения целостности государства (относя и это совершенно явно к России). Он подчеркивал, что при осуществлении демократического преобразования необ-

[15] Там же, 156.
[16] Там же.
[17] Там же, 187.
[18] *Ленин*, ПСС 23 : 314.
[19] Там же.

ходимо обеспечить национальное равноправие;[20] он отвергал мысль о государственном языке, требовал нового административного распределения, учитывающего как экономические, так и национальные моменты и предусматривающего широкое самоуправление.[21] Со всей решительностью отвергал Ленин (и к этому он впоследствии возвращался неоднократно) и зародившийся в кругах австрийской социал-демократии (но, как и это подчеркивал Ленин, отброшенный даже там в 1899 г.) вариант «решения» национального вопроса через культурную автономию, которая приближает пролетариат к своей буржуазии и в то же время разобщает его по национальному признаку. Ленин отрицал культурную автономию, ибо «этот лозунг (1) безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата, — (2) облегчает вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма, — (3) способен отвлекать от задачи последовательно демократических преобразований государства в целом, каковые преобразования одни только обеспечивают (насколько вообще это возможно при капитализме) национальный мир».[23] И еще один момент: лозунгу национальной культуры, который разобщает пролетариат, Ленин противопоставлял лозунг интернациональной культуры пролетариата. Именно поэтому он считал особенно вредной независимую от территории культурную автономию.[24] Сравнительный национальный мир возможен при капитализме только в случае демократического внутреннего устройства страны. В этой связи Ленин ссылался на пример Швейцарии. (К этому примеру он прибегал не только в лекциях, читавшихся в Швейцарии: ссылка на нее встречается и в ряде других его работ).[25]

К мысли о возможности демократического решения национального вопроса даже в условиях капитализма Ленин возвратился и в решениях совещания, состоявшегося летом 1913 г. в Поронине возле Кракова.[26] Резолюции совещания носят на себе ясный отпечаток того, что они составлялись в перспективе грядущей новой буржуазно-демократической революции в России и что в них Ленин признавал возможным решение национального вопроса и в пределах одной страны. Именно поэтому он так решительно подчеркивал мысль о широкой территориальной автономии (встречавшуюся, впрочем, и в его прежних работах), но продолжал настаивать также на праве национального самоопределения. Последнему резолюция придавала большое значение и в деле борьбы с великорусским шовинизмом.[28] Начертанные в данном

[20] Там же, 316.
[21] Там же, 317.
[22] *Ленин*, ПСС 24 : 133, 313.
[23] *Ленин*, ПСС 23 : 317—318.
[24] Там же, 318.
[25] Там же, 319, см. еще 23 : 425, 24 : 118, 138.
[26] *Ленин*, ПСС 24 : 57.
[27] Там же, 58.
[28] Там же, 59.

документе возможности решения национального вопроса (территориальная автономия, местное самоуправление, равноправие всех национальных языков при отказе от какого бы ни было государственного языка, защита прав национальных меньшинств) упоминались и позже. Они входили в законопроекты РСДРП,[29] составленные также Лениным и расчитанные на сохранение единства русской империи. Так как речь идет о законопроектах, представленных в Государственной Думе, за этим скрывался и трезвый политический умысел: на данном форуме было бы невозможно вносить план раздробления русского государства. Но дело было не только в этом. В пятом пункте резолюции указывается совершенно недвусмысленно: «Вопрос о праве наций на самоопределение (т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.»[30]

Ибо Ленин в этот период (и, кажется, — хотя он об этом не упоминал — как раз на основе уроков, извлеченных из развития Балкан, то есть из отделения малых стран), говоря о праве наций на самоопределение, уже больше выделял другую сторону проблемы (о чем, кстати, свидетельствует и приведенный пункт резолюции): вопрос о целесообразности отделения, сомнительность ее, указывая при этом на прогрессивность образования крупных государств. В работе «Критические заметки по национальному вопросу», вышедшей в конце 1913 г., опять фигурируют декларировавшиеся уже раньше принципы (решение национального вопроса демократическим способом, отказ от государственного языка и т. п.), но с большим весом выступает мысль о единстве рабочих, а в связи с ней снова — категорическое отрицание культурной автономии, а также — национальной культуры: «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман»,[31] заявлял со всей решительностью Ленин. Причем не из какого-либо национального нигилизма, ведь он, развивая дальше свой ход мысли, именно здесь ставил вопрос — разрабатывавшийся им впоследствии еще многостороннее — о наличествующих в каждой нации двух культурах.[32] Решающим, однако, является то, что существование (или сохранение) крупного государства, сверх национального равноправия и т. п., служит интересам пролетариата. « Марксисты, разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации — по той простой причине, что капитализм

[29] См. *Ленин*, ПСС 25 : 16—17, 85—86, 135—137.
[30] *Ленин*, ПСС 24 : 59.
[31] Там же, 120.
[32] Там же, 129.

требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств. *При прочих равных условиях* сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное госадарство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых бы могла широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией.»[33] «Централизованнное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство *(неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму.»[34] Данная мысль повторно подкреплялась Лениным именно в это время.[35]

Вот это и есть то теоретическое положение, которое действительно в общеевропейских масштабах, в том числе и для России, страны, развитие которой была наиболее важно для Ленина. Поэтому он говорил: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина *возможна*, без такого единства о ней не может быть и речи.»[36] Дело в том, что крупное государство является последствием тенденций капиталистического развития. Именно в этой области продемонстрировал Ленин свое умение рассматривать явления исторически, в их развитии. В отличие от Каутского (с которым Ленин к тому же был согласен), считавшего национальное государство естественной формой капитализма, Владимир Ильич в этой своей работе различал две тенденции капитализма: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»[37] Между двумя тенденциями намечается и расхождение по времени: первая является господствующей на ранних этапах развития капиталистического общества, вторая характерна для зрелого капитализма и для эпохи перехода к формированию социалистического общества.[38]

С этим связано и подробное изложение в этой работе мысли, согласно которой естественная ассимиляция представляет собою явление прогрессивное, особенно в таких отсталых странах, как Россия, где ассимиляция способствует ликвидации отсталости.[39] В этом же произведении Ленин истори-

[33] Там же, 143.
[34] Там же, 144.
[35] См. еще там же 229, 27 : 255.
[36] *Ленин*, ПСС 24 : 128.
[37] Там же, 124.
[38] Там же.
[39] Там же, 127.

чески и весьма заостренно ставил вопрос об отношении рабочего движения к национально-освободительным движениям. «Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше начинается позитивная (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к *укреплению* национализма.»[40]

Насколько важным считал Ленин вторую, более позднюю тенденцию капитализма, а вместе с ней и образование крупных централизованных государств, настолько же важной признавал он именно на этом этапе и борьбу против всяческих проявлений национализма. По этой же причине он выступал со все новыми статьями против принципа культурной автономии, так, например, 28 ноября/11 декабря 1913 г., когда он объяснял факт возникновения теории культурной автономии отсталостью Австрии. Но неправильность подобных воззрений подчеркивалась им и в дальнейшем снова и снова, при этом особо отмечалась ошибочность разобщения школьного дела по национальному признаку.[41] Национализм кадетов подвергался Лениным такой же жестокой критике, как национализм мелкобуржуазных партий. Но вместе с тем неизменно указывалось и на двуликость права на самоопределение: «Признание этого *права* нисколько не исключает ни пропаганды и агитации против отделения, ни разоблачения буржуазного национализма. Зато совершенно неоспоримо, что отрицание *права* на отделение «играет на руку» *самому отъявленному великорусскому черносотенному* национализму.»[42] Ленин неоднократно предупреждал о том, что кадеты относятся к отделению национальностей от России неодобрительно.[43] Как на пример практического осуществления права на самоопределение, Ленин многократно ссылался с одобрением на отделение Норвегии от Швеции в 1905 г., которое имело только положительные последствия, и с точки зрения рабочего класса.[44]

Формулируя законопроект о равноправии национальностей в России и останавливаясь при этом даже на таких подробностях, как — если национальное меньшинство в какой-либо области насчитывает всего 5% населения, то эта территория должна приниматься за смешанную по национальности — Ленин все еще имел в виду демократическое преобразование России и сохранение единства государства.

Перед самой мировой войной вышло полемическое произведение Ленина,

[40] Там же, 132.
[41] Там же, 174, см. еще 23 : 317, 24 : 174—177, 225, 237—238, 313—314.
[42] *Ленин*, ПСС 24 : 228.
[43] Там же, 209—210, 247—248, 257, 25 : 279.
[44] Например, *Ленин*, ПСС 25 : 69, 289—294.

в котором он наиболее полно изложил свои воззрения по национальному вопросу, «О праве наций на самоопределение». В этой работе Ленин полемизировал главным образом со взглядами Розы Люксембург, тем более, что остальные его противники — как в рядах польской социал-демократии, так и русских мелкобуржуазных партий — довольствовались, собственно, лишь воспроизведением ее доводов. В рамках настоящей статьи нет необходимости останавливаться на всех частных вопросах дискуссии, достаточно указать на те стороны ее, которые свидетельствуют о развитии воззрений Ленина по сравнению с его прежней позицией. Здесь, пожалуй, впервые освещался в такой подробной форме внутренний механизм национальных движений: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазней, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.»[46]

В полемике с Розой Люксембург Ленин выдвигал на первый план именно ту тенденцию права на самоопределение, которая может довести до отделения; когда же он различает здесь две эпохи капитализма, расхождение между ними видит в том, что: «Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.»[47]

Совершенно очевидно, что Ленин говорил здесь о тех же двух эпохах, которые упоминались им в его прежних работах, но здесь больше акцентировалась международная классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, борьба, далеко выходящая уже за пределы государственных границ. В Восточной Европе и Азии эта вторая эпоха только что началась, потоэму

[45] *Ленин*, ПСС 25 : 136.
[46] Там же, 258—259.
[47] Там же, 264.

для них национальные движения и право наций на самоопределение были еще вопросом вполне актуальным. Его поставили также украинские и польские социал-демократы в Австрии;[48] хотя проблема вообще не разбиралась, ибо буржуазно-демократическая революция в Австрии «началась 1848 годом и закончилась 1867».[49] Чехи и венгры в это время как раз и настаивали на прикрепленности к Австрии, «именно в интересах национальной независимости, которая могла быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!»[50] Следует еще отметить, что дуалистическая Австрия «теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)»[51] государство. Разумеется, Ленин оценивал здесь Монархию выше, чем она это заслужила на самом деле, но для него важнее всего было показать, что условия России более отсталые и варварские даже по сравнению с Австро-Венгрией.

Тут же подтверждается высказанное уже ранее положение о том, что пролетариат в национальном вопросе может занимать лишь принципиальную позицию, именно декларацией права на самоопределение (дело в том, что Роза Люксембург упрекала эту программу в недостающей практичности). Пролетариат не может давать безусловно положительный или отрицательный ответ на вопрос об отделении, ибо решение последнего подчинено интересам классовой борьбы.[52] Признание же самого права, по крайней мере «уменьшает опасность «распада государства»».[53] Ибо: «Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения.»[54] Ленин в связи с этим уделяет — кроме Норвегии — большое внимание и Ирландии, ссылаясь на Маркса, показавшего именно на этом примере, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. В Восточной Европе и Азии периода разрастания национальных движений просто не может быть иного лозунга, кроме как «признания права на самоопредение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, . . . отстаивает равноправие наций, — и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства.»[55]

[48] Там же, 272.
[49] Там же, 270.
[50] Там же.
[51] Там же, 271.
[52] Там же, 273.
[53] Там же, 285.
[54] Там же, 287.
[55] Там же, 298—299.

Ленин, таким образом, до начала мировой войны уделял национальному вопросу все больше внимания, придавал ему все бóльшее значение. В центре его внимания еще продолжала оставаться Россия, но наряду с Восточной Европой все чаще стала отводиться важная роль и Востоку, — Азии. Несмотря на то, что Ленин освещал положение вещей с различных сторон, он в это время постоянно и неизменно упоминал о *праве* наций на самоопределение и о международном *объединении* пролетариата. В них и заключаются условия, предпосылки решения национального вопроса демократическим способом.

С наступлением первой мировой войны положение коренным образом изменилось, раскрылись совершенно новые перспективы революционного движения. И национальный вопрос предстал неизбежно в новом освещении. Когда, в период господства шовинистически-националистической истерии первых месяцев войны, Ленин в своей работе «О национальной гордости великороссов» (12/25 декабря 1914 г.) определил, чем по праву может гордиться русский рабочий класс — и указал здесь на революционные традиции — он тут же называл русскую империю тюрьмой народов,[56] в пределах которой именно поэтому не следует забывать о национальном вопросе. Любовь к революционному классу неотделима от ненависти к рабскому прошлому и к современным господствующим классам, которые призывают к борьбе, «чтобы душить Польшу и Украину» и «называют удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов.»[57] «Мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений.»[58] Однако, какой бы прогресс ни знаменовал собою капитализм, его зарождение в России, рабочий класс ни в коем случае не может его поддерживать. В интересах революции «необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства.»[59] Ленин, таким образом, и впредь настаивал на своих положениях относительно национального вопроса, но несомненно решительнее подчеркивал лозунг «тюрьмы народов», из которого с естественностью следует, что из этой тюрьмы необходимо вырваться.

Этот же момент подчеркивался Лениным в Циммервальдском левом крыле рабочего движения, ведь достаточно было бросить взгляд на Восток (а под ним понимались тогда страны Азии), чтобы убедиться в актуальности данного лозунга.[60] Последний, сочетаясь, как и прежде, с лозунгом международного объединения рабочего класса, — а его должны провозглашать

[56] *Ленин*, ПСС 26 : 107.
[57] Там же.
[58] Там же, 109.
[59] Там же, 110.
[60] *Ленин*, Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. ПСС 27 : 61.

прежде всего угнетенные нации[61] — приобретал все большую значимость благодаря тому, что Ленин рассматривал события уже не просто под углом зрения буржуазно-демократической, а социалистической (в мировых масштабах) революции. Имелось в виду, конечно, социалистическое преобразование такого типа, которое в борьбе за социалистическую революцию должно было завоевать и демократию, а неотъемлемой частью последней является и право наций на самоопределение.[62] Известное видоизменение предстоявших задач было вызвано и тем, что Ленин к 1914 г. наряду с Восточной Европой стал уделять все большее внимание полуколониальным и колониальным странам. В упоминавшихся выше тезисах («Социалистическая революция и право наций на самоопределение») он уже в этом смысле делил страны на три группы: на капиталистические государства, угнетающие другие народы; на страны Восточной Европы (среди них имелась в виду прежде всего Россия), в которых буржуазно-демократические движения начались в XX в.; наконец, на полуколониальные и колониальные страны, в которых демократические движения стали развертываться только теперь.[63] Право наций на самоопределение в таком отношении уже включает в себя и ликвидацию колониальной системы, ибо уничтожение ее и является специфической для колониальных стран формой осуществления права наций на самоопределение. Вместе с тем дальнейшее признание данного права означает — вопреки социалистам- «оборонцам» обоих лагерей — и осуждение аннексий.[64] «В России, где к угнетенным нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 миллионов, — где эти нации населяют по преимуществу окраины, — где часть этих наций более культурна, чем великороссы, — где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером, где не завершена еще буржуазно-демократическая революция, — в России признание права на свободное отделение от России угнетенных царизмом наций безусловно обязательно для с.-д. во имя их демократических и социалистических задач.»[65] Важные задачи встали в связи с этим также и перед международным рабочим движением: следовало дополнить Лондонскую резолюцию 1896 г., нужно было указать на исключительную важность признания права наций на самоопределение в эпоху империализма, но в то же время и «на политическую условность и классовое содержание всех требований политической демократии» между прочим.[66]

Эти положения развертывал Ленин в написанных в июле 1916 г. «Итогах дискуссии о самоопределении», в которых он, ссылаясь на проблемы, поставленные и заостренные ходом войны, подробнее разъяснял, почему он

[61] Там же, 63.
[62] Там же, 252—253.
[63] Там же, 261.
[64] Там же.
[65] Там же, 264.
[66] Там же, 265.

осуждает аннексию и прямо отстаивает право народов аннектированных областей на восстание.[67] Насколько важным он считал понимание права на самоопределение как права на отделение, видно из того, что Ленин не раз обвинял в «империалистическом экономизме» социалистов,[68] умалчивавших о вопросе государственных границ в интересах принципа «возможно более крупного государства». Из данной работы еще убедительнее явствует, что в это время Ленин подходил к национальному вопросу исключительно с позиций социалистической мировой революции, которую будут совершать крупные народы, поэтому освобождение последних важнее, чем освобождение более мелких наций: «Интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций» и, «что требование демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе.»[69] Социал-демократ, принадлежащий к народу-угнетателю, обязан отстаивать право на отделение, иначе он становится империалистом, зато социал-демократ, относящийся к мелкой нации, должен подчеркивать необходимость объединения.[70] Перспективы мировой революции, но и конкретной русской революции заставляли Ленина заявить, — опираясь и на опыт революции 1905 г. —, что «думать, что *мыслима* социальная революция без восстания маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной* революции.»[71] Именно с этой точки зрения признавал он важным и заслуживающим поддержки восстание в Ирландии и решительно выступал против тех, кто видел в этом событии лишь какой-то дворцовый переворот.[72]

После февральской революции то, что ранее было только теоретическим предположением — социалистическая революция в России — стало конкретной и достижимой возможностью. А вместе с ней и решение национального вопроса в России, который, в принципе, был поставлен уже Февральской революцией. Ленин еще в апреле написал проект «Задачи пролетариата в нашей революции» (работа вышла, правда, только в сентябре). Здесь он заявил совершенно недвусмысленно: «В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом», а в то же время: «Пролетарская партия стре-

[67] *Ленин*, ПСС 30 : 30.
[68] Там же, 19, см. еще О рождающемся направлении «империалистического экономизма». Там же, 59—67 и О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», там же 77—130.
[69] Там же, 38.
[70] Там же, 44—45.
[71] Там же, 54.
[72] Там же.

мится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс, всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех наций*.

Полная свобода отделения, самая широкая местная (и национальная) автономия, детально разработанные гарантии прав национального меньшинства — такова программа революционного пролетариата.»[73]

В своей речи о национальном вопросе, прозвучавшей на VII конференции партии, Ленин подчеркивал тоже право на отделение. В резолюции конференции были обобщены, собственно, его положения, провозглашавшиеся и до этого, и на первом плане оказалось опять право на свободное отделение и на создание самостоятельного государства (делая тем самым совершенно однозначным продолжительно обсуждавшееся прежде понятие самоопределения).[74] Тут же отмечалось: «Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.»[75] Именно в интересах однозначного определения этого, ставшего и вопросом практики, пункта программы предлагал Ленин видоизменить восьмой пункт последней так, чтобы на месте слова «самоопределение» вносилось «право на свободное отделение».[76]

После победы Великой Октябрьской социалистической революции можно было приступить к практическому осуществлению программы действительно в обоих отношениях: во-первых, путем реализации права на самоопределение и свободного отделения, а, во-вторых, — путем объединения свободных наций, которое развивалось параллельно с первым и стало с середины 1918 г., то есть, с начала гражданской войны, все более сильным и конкретным.

Последовательному осмыслению ленинской теории и уже формировавшейся практики было обязано своим возникновением (осенью 1918 года, когда по всей Австро-Венгрии разгоралась революция) обращение к народам Австро-Венгрии, подписанное от имени Совета Народных Комиссаров В. Лениным, от имени Всероссийского Исполнительного Комитета — Я.

[73] *Ленин*, ПСС 31 : 167—168.
[74] Там же, 432.
[75] Там же, 439—440.
[76] *Ленин*, ПСС 34 : 379.

Свердловым, а от имени Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов — Л. Каменевым. Обращение содержало братский привет революционерам и призыв следовать примеру России: «Мы твердо уверены, что мужественные и честные рабочие не для того скинули иго венского императора, чтобы позволить обманывать себя чешской буржуазией, с Крамаржем во главе, и что они не оставят руководство своей политики в руках банкиров, с Брейсом во главе. Мы твердо верим, что немецкие рабочие и солдаты Австрии не для того опрокидывают трон императора Австро-Венгрии Габсбургов, чтобы подчиняться императору Германии Гогенцоллернов, что они не для того восстали, чтобы на место старых властей поставить себе на шею Вейкирхнеров, Вольфа и др. представителей австрийской буржуазии. Мы глубоко убеждены, что поземельные румынские крестьяне, которые сбросили иго венгерских магнатов, не пойдут на службу к румынским боярам, адвокатам и попам.

Мы глубоко убеждены: когда немецкие, чешские, кроатские, венгерские, словенские рабочие, солдаты и крестьяне возьмут власть в свои руки и довершат дело всего национального освобождения, они заключат братский союз свободных народов и объединенными силами победят капиталистов . . .

Да здравствует свобода народов Австрии: венгров, чехов, словен, русинов!

Да здравствуют Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов в Австро-Венгрии!

Да здравствует их союз между собой и Советамы России за объединенную борьбу!»[77]

Решение национального вопроса стало в советском государстве частью повседневной практики. В международных же масштабах этот вопрос разросся в национальный и колониальный, а Ленин излагал свои положения уже в поистине мировых масштабах — на форуме III Интернационала, с тем лишь видоизменением, что на повестке дня встал вопрос о диктатуре пролетариата, в интересах же ее победы следовало теперь оказывать поддержку национальным революционным движениям. (Указанное поинятие употребляется здесь на месте использовавшегося ранее понятия «буржуазно-демократические движения».)[78] Дальнейшим значительным шагом развития воззрений Ленина по национальному вопросу было положение о том, что с помощью пролетариата в экономически отсталых странах может быть обойдена капиталистическая фаза развития.[79]

В условиях советского государства Ленин в своем интервью от 27 октября 1922 г. корреспонденту Обсервера и Манчестер Гардиана, М. Фар-

[77] Известия от 3 ноября 1918 г.
[78] *Ленин*, ПСС 41 : 243.
[79] Там же, 246.

ману, мог уже заявить: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают возможность конфликтов на этой почве.»[80]

Поэтому Ленин признавал столь важной борьбу с великорусским шовинизмом во время переговоров о создании союза советских республик. Об этом же свидетельствует его записка Каменеву от 7 октября того же года, то есть незадолго до упоминавшегося выше интервью: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь а на смерть . . .

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИК-е *председательствовали* по очереди

русский,
украинец,
грузин *и. т. д.*
Абсолютно!»[81]

В последних работах, продиктованных уже смертельно больным Лениным, он говорил о национальностях с бережной заботой, подчеркивая, что их следует ограждать от великорусского шовинизма — в основном еще старого — государственного аппарата.[82] Необходимо различать национализм угнетенных и угнетающих наций. По поводу конкретного случая Ленин указывал, что «сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны.»[83]

Думается, что даже этот беглый обзор одной из важных частей творчества Ленина со всей очевидностью убеждает нас в том, каким глубоко историческим, глубоко марксистским и глубоко гуманным было его отношение к национальному вопросу. Основные принципы его оформились в определенной, конкретной исторической ситуации, но видоизменялись, окрашивались, доходили до реализации соответственно изменению исторических условий. Ленин оставался верен всегда основным принципам, а среди них в первую очередь самому главному, согласно которому национальный вопрос представляет собою лишь одну из проблем, подчиненных международной социалистической революции. Все частные вопросы (и о скольких таких вопросах можно было бы еще упомянуть!) оценивались им с этой точки зрения, при строгом учете конкретно-исторических условий. Сто лет спустя со дня рождения Ленина в коренным образом изменившемся мире и националь-

[80] *Ленин*, ПСС 45 : 240.
[81] Там же, 214.
[82] Там же, 357.
[83] Там же, 360.

ный вопрос предстает перед нами в совсем другом освещении. Социализм одержал победу в ряде стран, он стал мировой системой. Проблемы третьего мира возникают изо дня в день прямо на наших глазах. Ленинским заветам остается верен тот, кто пытается найти новые ответы на возникающие в этом изменившемся мире новые вопросы.

А. В. Луначарский о пролетарской литературе

(Начало XX в.)

РОЗАЛИЯ УРБАН-НАДЬ

1. Не является ли пресловутой задачей изучение проблемы пролетарской литературы, т. е. изучение вопроса о создании этой литературы нового характера в ранний период марксистской эстетической мысли, а также деятельности представителя этой мысли А. В. Луначарского?

Проблема эта, которая вызывала столько столкновений среди работников официальных органов по искусству и его практических деятелей, долгое время не сходила с повестки дня художественных дискуссий и даже гораздо позже — после победы Октябрьской революции, в уже ставшими для нас историческими 20-ые годы — не получила окончательного решения.

Однако достаточно перелистать лишь заглавия многочисленных работ начала века, чтобы убедиться, какую большую и значительную библиографию можно было бы составить на их основе по работам одного Луначарского. Правда, далеко еще время, когда он уже окончательно будет разделять «искусство пролетарское» и «социалистическое», давая точное разъяснение этим терминам, говоря что литература социалистическая должна вырастать на почве пролетарской литературы, так как первая носит общечеловеческий характер, а носителем второй «является один только класс, находящийся в борьбе или союзе [с отдельными социальными слоями — *Р. У. Н.*]. Однако пролетарская литература все же носит отпечаток этого социализма, потому что к нему направлена вся деятельность пролетариата» («Идеализм и марксизм». Москва 1924, 119).

Вопрос о создании пролетарской литературы рассматривается в двух аспектах. Первый из них, когда вопрос исследуется в качестве сугубо политической задачи в деле создания нового пролетарского общества путем революции, т. е. задачи, в первую очередь, практической, боевой. В таком аспекте вопрос ставится в следующем плане: нужна ли рабочему движению такая литература, если она нужна — какими путями она осуществима, чем должна отличаться от предшествующей литературы, каковыми должны быть ее основные идейные качества?

Второй аспект, естественно вытекающий из первого и неразрывно связанный с ним, выступает в эстетическом, более теоретическом плане.

Он должен выяснить главные вопросы литературной теории, должен ответить на следующие вопросы: каковой должна быть пролетарская литература по своим внутренним эстетическим законам, какие требования она предъявляет к сфере художественного творчества как к специфической области науки об обществе. Здесь мы сталкиваемся непосредственно и с автономными, имманентными законами развития искусства, его *функциями*, эстетическими закономерностями, «постоянными» и «меняющимися» явлениями художественного творчества, диалектическим единством этих двух явлений и т. д.

Для выяснения этих специфических вопросов в свое время было сделано немало уже Марксом и Энгельсом, хотя их наследие в этой области долгое время не получало должного внимания. Но ни основоположники марксизма, ни продолжатели их великого учения — Меринг или Лафарг, Ленин или даже Плеханов — не считали своей главной задачей выработку принципов марксистской эстетики. Они занимались вопросами литературы, как и вопросами других отраслей искусств, поскольку эти вопросы ставились по ходу развития рабочего движения, наряду с огромным количеством других актуальных идеологических вопросов. Больше всех занимался этими проблемами Плеханов, но и он не уделял должного внимания марксовому учению в этой области идеологии.

В начале века еще не было целостной системы марксистской эстетической мысли, точнее говоря, то, что было сделано Марксом и Энгельсом в этом направлении, было мало известно и мало изучено, так как оставалось в форме отдельных высказываний, в рассуждениях, разбросанных в различных научных трудах другого характера.

Плеханов, которого А. В. Луначарский неоднократно называл «основоположником марксистской эстетики», изучая прежде всего взгляды домарксовских мыслителей, и в первую очередь, взгляды Гегеля и Фейербаха, попытался приступить к ее «созданию». Он обратился непосредственно к Гегелю для того, «чтобы в этой социальной области, где Гегелем как раз сделано чрезвычайно много, повторить ту операцию, которая сделана была Марксом по отношению к гегелевскому мировоззрению в целом, то есть перевернуть в свою очередь и гегелевскую эстетику с головы на ноги» (А. В. Луначарский, Собрание сочинений в 8-и томах, 8 : 227).

Между тем, это уже было сделано Марксом и Энгельсом. Для них существовала лишь одна, универсальная наука — наука об истории как об истории классовой борьбы, которая воспринимает развитие природы, общества и мышления как один исторический процесс и которая стремится раскрыть и общее и партикулярное, относящееся к отдельным эпохам и их закономерностям. Марксизм не признает разного разделения отдельных отраслей наук. Ни наука, ни отдельные ее отрасли, в частности искусство, не имеют независимости, имманентной, исходящей исключительно из собственной диалектики истории. Достаточно вспомнить в качестве примера

один лишь вопрос, имеющий исключительно важное значение — вопрос о диалектике превращения типического в жизни в художественный образ, изображение типического в индивидуальном. Эта проблема в эстетике Маркса и Энгельса связана, в первую очередь, с воплощением в изображаемых героях и событиях характерных черт движения истории, главенствующих тенденций этого движения. Сегодня уже общеизвестны собранные в отдельное издание мысли Маркса по поводу типичности вымышленных персонажей Бальзака, или образа, реально существующего Франца фон Зикингена, а также рассуждения Энгельса о типичности образа рабочего на разных этапах классовой борьбы, а так же его воплощения в поэзии «истинных социалистов», или в повести Маргарет Гаркнесс и т. д.

Правда, Плеханов блестяще разработал концепцию о том, что искусство рождается под влиянием общественной потребности и что борьба классов определяет собою не только политическую жизнь, но и художественное развитие человечества. Но именно в этом социальном обосновании искусства, которое содержало глубокую правду, состояла и известная слабость Плеханова, не уделявшего должного внимания именно специфической стороне искусства. Эта слабость Плеханова стала известной, благодаря социологическому схематизму, в следствие которого и произошло обнищание эстетической стороны искусства, когда последовательно игнорировались специфические закономерности искусства, размывались вещественные и методологические грани между литературоведением и литературной теорией. Однако во всем этом был повинен не один Плеханов. И всеже это он высказал впервые свое мнение о том, что критик-марксист должен стремиться к тому, чтобы найти социологический эквивалент произведения и дать ему эстетическую оценку. Для него эстетика как наука являлась в сущности пассивной, описательной, регистрирующей, лишенной динамической, преобразующей, активной силы. Она, по мнению Плеханова, не провозглашает вечных законов искусства: она старается изучить те вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие.

Не составляет особого труда доказать, что в этом вопросе Плеханов, недооценивая учение Маркса и Энгельса, опирался почти целиком на Ипполита Тэна, на его высказывания. «Наука наша эстетика — наука новая и отличается от старой своим историческим, а не догматическим характером, т. е. тем, что она не предписывает правил, а только выясняет законы . . . Наука, понимается таким образом, не осуждает и не прощает, она только указывает и объясняет». (И. Тэн, Чтения об искусстве. СПб. 1889, 9—10.)

Однако Плеханов ясно видел значение постановки вопроса о создании пролетарской литературы в его первом аспекте. Еще в 1885 г. он говорил о том, что у рабочего класса должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихи, в которых он найдет своего героя, свои надежды и стремления. Работая над проблемами литературы и живописи современного ему буржуазного общества,

он видел выход из тупика, в который завела искусство упадочная культура буржуазии, в приобщении к великому освободительному движению рабочего класса.

Плеханов вырабатывал свои положения на основе возникавших философских, идеологических вопросов современного рабочего движения конца XIX, начала XX вв. В этой работе создания идейной, теоретической основы пролетарской литературы, пролетарского искусства, классический пример того, как нужно обращаться с марксовым наследием — мы находим у В. И. Ленина. Без выяснения роли В. И. Ленина в этой проблематике невозможно приступить к первоочередной нашей задаче: к исследованию творческой деятельности А. В. Луначарского в области создания пролетарской литературы.

Ленин, как и Маркс, требовал широты в постановке вопросов искусства, безо всякого догматизма, понимания всей точности и сложности художественной деятельности. То, что пролетариат должен иметь свою литературу, — это было для Ленина естественно.

В 1900 г. в заявлении редакции ленинской «Искры» говорилось: «... выработке общей, принципиально выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы». (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Москва 1953, I : 19.)

Через три года, на II съезде партии в резолюции «О партийной литературе» говорилось: «... насущной задачей партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной возможно более широкой массе читателей» (там же, 54). Ленин осознал новую и чрезвычайно существенную проблему роли литературы в развертывающейся борьбе рабочего класса за революцию, за осуществление нового, социалистического строя. Он и разработал вопрос о месте литературы в этой борьбе. Характеризуя подлинное положение, напряженность социально-политической борьбы в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», он писал:

В годы подготовки революции (1903—1905) «везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического и пролетарско-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов ... классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 41 : 8—9). Эта борьба отражалась особенно остро в литературе, где разные группы и классы выковывали себе «надлежащее оружие» в целях достижения своих интересов. Естественно, эта борьба носила более сложный и специфический характер,

благодаря специфике литературы, однако и в литературе речь шла о том, какую, по существу, позицию занять в назревающих революционных битвах.

Ленинские высказывания о литературе имели также сложный характер. Они одновременно вели борьбу против существующего государственного строя, его экономики и идеологии и против разнообразных, вредных или ошибочных концепций самих революционных деятелей, принадлежавших к различным партийным фракциям. Ленин блестяще показал во взглядах Льва Толстого те противоречивые условия, в которых совершалась историческая деятельность не только крестьянства, но и самих революционеров в конце XIX в. и в начале XX в. Он в своих статьях о гениальном художнике непосредственно боролся за приобщение литературы к освободительной борьбе нового класса — пролетариата, боролся за тех благонадежных писателей, которые в силу своего таланта ненавидели царизм, отсталость России, бесчеловечные условия жизни народа, хотя и сторонились политики, потому что не понимали реальных путей самого революционного движения.

Самая известная его статья по этому вопросу писалась в бурные дни революции 1905 г. В статье «Партийная организация и партийная литература» (получившей впоследствии так много неправильных толкований) прежде всего подчеркивается наиболее важный идейный критерий искусства, в том числе и литературы — вопрос о партийности. Несомненно, что в свое время статья имела прежде всего большое практическое значение, что было связано с датой ее написания. Революция на самом деле доказала правоту данных ленинских принципов партийности в литературе. Она доказала, что не признает нейтральных, ведь нейтральности вообще нет. В этом смысле одна из главных мыслей этой работы очень быстро могла быть проверена на практике. Но кроме того, в статье еще выражена и идеологическая программа будущей литературы. И эту идеологическую основу новой пролетарской литературы, так же как и социалистической, Ленин видел в народности и в социалистической идейности.

Ленин дальше развивал марксово положение о типическом и об образе в литературе. Образ, по его мнению, — это не произвольная игра фантазии, в нем отражены объективные связи, объективные закономерности реальной действительности, так как обобщение явлений действительности в литературе лишь в том случае будет отражением жизни, если оно будет соответствовать правде жизни, объективной реальности.

Когда Ленин наметил путь нового реалистического искусства, вырабатывая его философскую идейную программу, представители буржуазного искусства утверждали субъективный произвол художника, отказ от познания мира, от объективной реальности в искусстве. Они оправдывали волюнтаристские смещения в художественном творчестве. Эти идеалистические откровения буржуазных, т. н. модернистских художников стали философ-

ской основой самой их художественной практики. Им можно было противопоставить тех выдающихся писателей, которые в силу своего таланта, часто сами того не сознавая, отражали в своих художественных произведениях объективную действительность, разоблачая ее во всех своих противоречиях. В своих работах об идейных вопросах литературы Ленин и обратился к произведениям этих художников — к романам Л. Толстого, Достоевского, Герцена, Успенского и других. Этим он показал, какое значение имело художественное наследие русской литературы для дела революции пролетариата. Его подлинно марксистский подход к литературным ценностям прошлого, который проявился и в его выступлении 1909-го г., против составителей сборника «Вехи» (известно, что работники сборника резко порвали со всеми заветами русской демократии) стал основой его взгляда в области искусства и после победы Октябрьской революции.

Самой большой сложностью создания пролетарской литературы в это время было то, что историческая действительность, давшая прекрасную плеяду профессиональных революционеров, теоретиков и практиков революции, а также много «зеркал» из среды лучших буржуазных художников, еще не выдвинула своего художника-революционера, в котором со всей отчетливостью были бы видны все требования, предъявленные Лениным к новой, революционной, пролетарской литературе. Поэтому все теоретические высказывания, непосредственно касавшиеся пролетарской литературы, имели условный характер. Идейные и специфические вопросы литературы, поставленные Лениным и Плехановым, а также А. В. Луначарским в начале его деятельности, не могли быть проверены самой действительностью, т. е. на конкретных художественных произведениях, написанных в целях борьбы пролетариата. Этим объясняется и то положение, что в ранних теоретических работах Луначарского, рассуждавшего об отвлеченных понятиях в области эстетики, встречаются и псевдонаучные элементы, не имеющие под собой реальной почвы.

Еще в то время, когда буржуазная критика объявляла М. Горького певцом индивидуализма и ницшеанцем, Ленин уже в 1901 г. обратил внимание на него как на новое явление в литературе. Впоследствии он именно в Горьком увидел художника рабочего класса, «зачинателя» пролетарской литературы. Не претендуя на обзор всей деятельности Ленина в эти годы, направленной на создание необходимой пролетариату литературы — это не является главной задачей данной статьи — мы должны отметить, какой представлялась Ленину пролетарская литература. Она ему представлялась прежде всего как реалистическая, жизнеутверждающая, воспитывающая людей в духе революции. Она может создаваться и непосредственно руками пролетариев, выходцев из широкой массы крестьянства, интеллигентов, но самым важным идейным критерием ее должна быть ее партийность, служение делу социализма.

Самая большая заслуга Ленина в этой области заключается в том, что он вслед за Марксом и Энгельсом приучал эстетическую мысль обращаться к жизни, смело переходить от разбора характеров и типов героев произведений к анализу общественного и эстетического смысла самой действительности. У него социальные и эстетические суждения и оценки нераздельны и выступают в единстве. Художественность связывается не только с положительными социальными началами, с идеалом, но прежде всего — с объективной правдой познания, с отражением реальных противоречий и движущих сил революционного развития действительности.

Естественно, что выступления Ленина и Плеханова о литературе будущего в России являлись лишь одними из первых шагов создания марксистских эстетических принципов в литературе. По их определенному взгляду идейность определяется как *элемент художественности*, усиливающий определенность образа, его реалистическую конкретность как противоречие схоластике и отвлеченности.

Основным спорным вопросом являлся еще в этот период вопрос о публицистичности художественного творчества. Плеханов всякую публицистику вообще, независимо от ее содержания, от ее роли в художественном произведении, считал признаком нехудожественности. Как известно, Плеханов это свое положение иллюстрировал, в первую очередь, на произведениях М. Горького, на его американских очерках и романе «Мать». Он считал, что включение в предмет эстетического познания общественного смысла явлений действительности приближает нас к правде художественного изображения — высшей цели реалистического искусства, но одновременно и удаляет нас от самого искусства, так как эта правда достигается как бы не художественными средствами писателя, а публицистическими средствами социолога.

В разработке этого вопроса важное место занимал Воровский — один из первых критиков пролетарского искусства. Он выработал критерий художественности нового пролетарского искусства, пролетарской литературы, диалектику реальной и идеальной, жизненной и художественной правды в искусстве, ее связи с ленинской партийностью. По его мнению, идеальный элемент и публицистическая проповедь могут погубить художественный образ, если они связаны с ложью, с произвольной выдумкой (Леонид Андреев). Но и то, и другое усиливают его изобразительные, художественные качества, если утверждают правду жизни, отражают направление развития действительности. Ложь в искусстве не может дать ни при каких условиях реалистического художественного образа, в какие бы прогрессивные и революционные одежды она ни рядилась.

Действительным (реальная правда) и возможным (идеальная правда) для М. Горького является не все то, что в самом деле имеется в современной ему жизни и и современных ему представлениях, а только сумма тех поло-

жительных черт, которые способствуют развитию общества в сторону человечности. А если такова жизненная правда, то не удивительно, что художественная правда заключается в том, чтобы из этих положительных черт строить идеальный образ той жизни, которая должна быть и будет, ибо нужно, чтобы она была» — писал Воровский (В. В. Воровский, Сочинения, 1931, 2 : 216).

Свои взгляды Воровский утверждал на анализе произведений двух значительных писателей того времени: Леонида Андреева и М. Горького. Воровский в произведениях Л. Андреева считает неправильной уже саму исходную концепцию, т. е., что, по Андрееву, «истинно, человечного» гораздо меньше, чем зла, грязи, насилия и т. д. — и что, исходя из этого, он изображает все в обобщенном, даже в символическом образе господства тьмы. Тем самым, он выбрасывает ростки нового и пишет о торжестве этой тьмы. Значит, когда Л. Андреев перешел от бытоописательных зарисовок к решению социальных вопросов в отвлеченно-символической форме — это привело его к односторонней, узкой мысли «„о голом человеке" на голой земле». Воровский показывает нам, что причина нехудожественности некоторых новых произведений Андреева кроется не в публицистичности проповеди как таковой, а в ложности ее содержания, в метафизичности подхода художника к жизни. Не публицистичность является главной причиной нехудожественности, а недостаток диалектики и ложная исходная точка зрения на жизнь.

Воровский пошел дальше в правильном разрешении этого вопроса, чем Плеханов, и в конкретных произведениях Горького, несмотря на большую или меньшую долю публицистичности в них, он видит художественность нового реалистического искусства. В этих работах наглядно выступает его большое умение, поскольку социологический и эстетический анализ у него выступали не раздельно, а в своем диалектическом единстве.

В данном вопросе Воровский стоял гораздо ближе к ленинским взглядам на литературное творчество, чем Плеханов, хотя он (Воровский) не развил своих принципов в теорию, как это было сделано Плехановым. Эти принципы, лишь намеченные в его отдельных работах, впоследствии стали исходным пунктом псевдонаучных взглядов представителей ложной теории бесконфликтности. К сожалению, эти, несомненно важные, стороны вопроса о создании пролетарской литературы все еще не подверглись достаточному исследованию. Поверхностный анализ или анализ только идейной проблематики будущего искусства у многих советских литературных критиков и литературоведов в течение длительного времени исключали возможность решения этого вопроса в эстетическом плане, включая сюда и разработку принципов самой литературной теории. Ближе всего подошел к такому сложному пониманию искусства А. В. Луначарский, который в некоторых случаях использовал и указания Ленина.

2. Долгое время совершенно не изучалось огромное наследие Луначарского. Это было связано, несомненно, с теми прямолинейными принципами советской философско-эстетической теории, которые не давали возможности подлинному развитию марксистской эстетической мысли. Оно умалчивалось в целях построения частично ложной концепции закономерности развития искусства, т. е. долгое время философская эстетика в Советском Союзе почти стирала грани эстетики и литературной теории. Смещение функций эстетики и литературной теории способствовало тому, что стал спорным сам факт необходимости исследований по литературной теории. Смещались и термины, одни и те же понятия обозначали и общие, и специфические вопросы искусства, и определение конкретных, исторических направлений, а также и определение новой системы ценностей. К сожалению, и до сегодняшнего дня мы очень часто пользуемся теми же понятиями в жизни, как и в теории литературы или искусства (так, например, часто встречается понятие «трагичности» в теоретических работах не в своем художественном «понятии», а в прямом жизненном понимании и т. д.).

Одну из главных трудностей в исследовании ранних работ А. В. Луначарского в области марксистской эстетики составляет и этот прежде высказанный факт, а также известный эмпириокритицизм Луначарского, на почве которого он прямо и переносит научные термины, точнее термины естественных наук в область обществоведения. Это последнее, неоднократно подвергавшееся критике со стороны Ленина, вследствие своей идеологической ошибочности и вредности, затрудняет понимание его системы ценностей в эстетике. Помимо этого, затруднения увеличиваются и по той простой причине, что часто нельзя понять — о чем же идет речь под тем или иным псевдонаучным термином, когда он, как и Богданов, вместо того, чтобы заниматься марксистским исследованием данного вопроса, лишь одевает уже открытые подлинным марксистским исследованием истины в биологические и энергетические термины. Кажется, что эти понятия, перенесенные в область общественных наук, попросту являются пустыми и не имеют под собой никакой обоснованной почвы.

Изучая богатое наследие Луначарского, прежде всего хочется отметить, что автор настоящей статьи считает его выдающейся личностью с подлинно марксистскими взглядами, представителем русской революционной мысли. Все его творчество имеет очень важное значение. Его жизненный путь со всеми противоречиями, всей сложностью является единым путем. Было бы глубоко неправильно считать, как, впрочем и сегодня это довольно часто делается исследователями, что его историческое развитие, т. е. развитие революционера, разделяется на разные периоды. По этой удобной, но весьма вредной схеме, Луначарский до 1906 г. был марксистом. Затем в эпоху реакции он становится махистом-«богдановцем» и лишь в 1917 г. возвращается снова к марксизму. Это мнение впервые было высказано А. Кривошеевой

(Эстетические взгляды Луначарского. Москва 1939). Затем уже было санкционировано «философской энциклопедией» изд. 1964 г. в Советском Союзе.

Луначарский, как и все мыслители-марксисты, прошел долгий и самостоятельный путь к учению Маркса и Энгельса, а в дальнейшем Ленина, с которым он с начала XX в. работал вместе и соратником которого являлся в большей части своей жизни. Этот путь — путь русских революционеров-марксистов — имеет много общих черт, однако каждый из них отличается и специфическими чертами, ведь каждый из них, как личность, обладал характерными только для него одного человеческими качествами. Луначарский пришел к революции от науки. Он стал революционером, благодаря своим многосторонним знаниям. Русская действительность конца XIX и начала XX вв. давала немного возможностей проверить свои знания, правоту этих знаний на практике. Еще в большей степени это относится к области эстетики. Деятельность всей ленинской плеяды, в том числе и Луначарского, может быть понята только при таком историческом подходе к ее изучению. И на этой почве сразу бросается в глаза, насколько неправильна прежде-упомянутая ложная схема периодизации его деятельности.

В начале своего творческого пути еще до 1906 г. Луначарский уже сблизился в Калужской, затем в Вологодской ссылках с Богдановым, смелые взгляды которого на переработку учения Маркса безусловно пленили молодого человека. Под сильным влиянием бывшего профессора Р. Авенариуса и нового своего товарища Богданова уже в 1904 г. написал он «Основы позитивной эстетики», — вещь в основном махистской концепции, а через год издал свое краткое изложение книги Р. Авенариуса «Критика чистого опыта» и т. д.

Но после поражения первой русской революции (значит, во второй период его деятельности, согласно популярной схеме), появились его первые статьи о творчестве М. Горького, конкретные высказывания о необходимости нового искусства пролетарского характера. Без внимания оставляется исследователями, охотно прибегающими к неправильной схеме, тот факт, что большая работа Луначарского «Мещанство и индивидуализм», которая впервые была напечатана в сборнике «впередовцев» в 1909 г., — это действенная марксистская критика высказываний Иванова-Разумника, Франко, Бердяева и других. Эта работа содержит серьезный марксистский анализ расслоения русской интеллигенции. Все это уже доказывает, что односторонний взгляд на творчество Луначарского вызван поверхностным отношением к его наследию, не вникающим в суть сложных явлений. Не наша задача проследить в этой статье развитие его философских взглядов. Все, интересующиеся этим вопросом, могут прочитать послесловие Михаила Лифшица к 7-ому тому сочинений Луначарского, где этот вопрос разработан в глубоко научном плане.

Развитие его первоначальных мыслей не прекращается до самой смерти. Однако положение после 1917 г. резко изменилось. В это время он, больше чем когда-либо, мог проверить свои собственные научные выводы на практике. Создалась та среда, которой нехватало ему до революции. Особо важными были для него искусство и литература, так как в то время появилось множество произведений, претендовавших на звание произведений нового, пролетарского искусства.

Одно из самых ранних упоминаний Луначарского о литературе нового, пролетарского типа — это его мысли о необходимости «порождения нового строя души». Это «порождение» он считает непосредственной задачей в своих работах «Этюды критические» (1905 г.), «Социальная психология и социальная мистика» (1906 г.), «Марксизм и искусство» и «Новая психология» (1909 г.).

Немало внимания уделяет он тому факту, что, на его взгляд, натурализм уже ничего не способен предложить взамен развенчиваемой художником действительности. Даже такой великий представитель натурализма, как Золя, «додумался только до полумещанского полусоциализма». (Собрание сочинений в 8-и томах, 7 : 159.) Что касается модного отдела художественного натурализма, т. е. искусства социального сострадания, Луначарский доказывает несостоятельность взгляда, что именно эти произведения искусства, изображающие страдания «народа», могут быть отождествлены с социальным и даже социалистическим искусством. В своем немаловажном труде «Задачи социал-демократического художественного творчества», который целиком посвящен стремлению доказать, почему должно быть партийным художественное творчество, Луначарский для развенчивания сентиментальных и народнических заблуждений приводит слова Каутского, в связи с новыми драмами об обыденных явлениях. «Пока представление на сцене обыденного является чем-то новым, небывалым, это может интересовать как смелый эксперимент. Но представление повседневных явлений неизбежно наскучит нам, когда оно перестанет быть единичным экспериментом и само превратится на сцене в повседневное явление. Помимо этого, иллюзия, будто драма все более обращается к обыденному, вызывается еще тем, что чем больше пролетарское движение завладевает общественной жизнью, тем больше растет интерес драматурга и театральной публики к темам из жизни низших классов и к проявлениям их жизни, например, к их речи, то есть к явлениям, которые мы встречаем на каждом шагу и которые кажутся нам поэтому обыденными». «Но поэт только тогда овладеет нашим вниманием, если он сумеет показать нам эти явления с совершенно новой стороны или при необычайных обстоятельствах.» «Во всяком случае, ни эти новые тенденции, ни драмы не имеют ничего общего с историческим материализмом» — писал Каутский (А. В. Луначарский, Собрание сочинений в 8-и томах, 7 : 160), «ни с пролетарским духом» добавляет еще Луначарский.

Натурализм, по Луначарскому, не способен удовлетворить требований, предъявляемых пролетарским движением. Его беда заключается в разочаровании, пессимизме. Пролетариату нужно искусство, которое «с совершенно новой стороны» сумело бы изображать и быт пролетариев. И эта «совершенно новая сторона», по его мнению, это — боевая сторона пролетарской жизни. А новый «дух», о котором он так часто говорил уже в более ранних, прежде-указанных работах — это дух творчества, дух надежды. Этот новый дух «вдохнет новую жизнь в реализм, когда реализм этот станет пролетарским» (там же, 161).

Луначарский явно видит, как изменилось положение в искусстве. Марксисты XIX в. сильно интересовались широкими картинами социальной жизни в романах своего века. Эти романы назывались реалистическими, но под этим термином в то время понимались и реалистические и натуралистические романы. И романы и интерес известных марксистов к характеру проблем типического и в них и в обществе были обусловлены историческими условиями — усилением противоречий капиталистического строя и его губительного действия на человеческую личность, обострением классовой борьбы.

Для Маркса и Энгельса и их ближайших соратников, а впоследствии и для Ленина социальный тип никогда не был и не мог быть явлением статичным. Он предстает как явление динамичное, воплощающее в себе черты и тенденции социально-исторического развития той или иной группы или класса на определенном историческом этапе. Вместе с тем, эта проблема — проблема типичного и в жизни и в литературе, как один из аспектов вопроса формирования личности в обществе, в XIX в. для литературного критика, в первую очередь, представлялась как проблема формирования именно буржуазной личности, ее сознания, ее инстинктов, как проблема способов художественного изображения ее типических черт.

Луначарский шел дальше. В тех же «Задачах социал-демократического художественного творчества» он уже касается одной, весьма спорной задачи пролетарского искусства: изображения грядущего. И это отнюдь не относится к утопистической литературе, где лишь фабула повествует о грядущей действительности, и личности. Характеры, страсти и чувства этих людей остаются на заднем плане. И даже здесь не дается больше, чем человек данной исторической действительности. Он говорит о том этапе развития, когда изображается «выпрямленный» человек, как он наслаждается, борется и как страдает. Художник-социалист, вдохновляемый этим новым человеком будущего — по Луначарскому — не обязательно должен происходить из рабочей среды, однако, это «светило нового искусства» может взойти и оттуда. Эти слова были высказаны им уже в 1906 г. на редакционном собрании сотрудников журнала «Новая газета».

Этот факт важен, поскольку вопрос о пролетарском искусстве ставится в резком плане: кто должен быть творцом этого нового искусства? Как

известно, вопрос оказался весьма знаменательным, прямо-таки ключевым вопросом в спорах о пролетарской литературе в 20-ые годы. Луначарский противостоит практикам и теоретикам Пролеткульта и в это время занимает прежнюю свою позицию, которую он обосновал уже в начале века. В «Задачах социал-демократического художественного творчества» он приводит примеры из сферы искусства, указывая на некоторые произведения М. Горького, которого он характеризовал, как выходца «из низов», но, который «подошел к задачам социалистического художественного творчества уже как несомненный интеллигент» (там же, 164).

Луначарский придавал особое значение в искусстве будущего, т. е. в пролетарском искусстве — сердцу человеческому, считая, что «кто может отдать всю свою *голову* работе на новой ниве, тот уже отдал ей все свое *сердце*» (там же).

Главную разницу между художником-интеллигентом и художником из пролетариев Луначарский видит в том, что и тот, и другой неизбежно по-разному будут решать задачи пролетарского художественного творчества. Луначарский не исключает возможности, что «как раз интеллигентный прозелит (не настоящий, но целиком принявший новую веру) способен *ярче* выразить самое важное и ценное в пролетарском настроении, чем сам пролетарий, будь он так же талантлив . . .».

«. . . Самое важное и ценное в пролетарском настроении — это, во-первых, его жизнерадостная целостность в отличие от интеллигентской дряблой прозаичности и, во-вторых, психический коллективизм в отличие от интеллигентского индивидуалистического одиночества» (там же, 165).

Продолжая дальше свои размышления, Луначарский оценивает одобрительно произведения М. Горького именно потому, что он начал открывать взором своим это душевное богатство пролетариев, которые дышат своим стихийным коллективизмом так же естественно, как естественна красота природы для крестьянина.

Кроме этого, Луначарский высказывает в этой статье еще одну важную мысль, а именно, что нельзя суживать подсказанными темами горизонты художника-социалиста. «И надо помнить, — говорит он — что в конце концов важны не темы, а радостная, победная трактовка их, точка зрения члена класса завтрашнего дня . . .» (там же, 166).

Итак, Луначарский в тот период, когда он, согласно ложной периодизации его жизненного пути, был далек от марксизма, был «болдановцем», «махистом» и т. д., в 1906 и 1907 гг. уже внес ценный вклад в теорию о пролетарском искусстве, вклад, который целиком сохранил значение идеологической марксистской основы всего пролетарского искусства. Эта идейная основа играла также решающую роль в литературных спорах 20-х годов Луначарского и других литературных критиков марксистской концепции не только с пролеткультовцами, но и с конструктивистами, комфутистами и т. д.

Однако было бы ошибочно не признать, что — несмотря на серьезное отношение Луначарского к партийности искусства, к главным марксистским тенденциям, в его работе «Задачи социал-демократического художественного творчества» — уже намечаются определенные тенденции вредного, псевдонаучного труда «Религия и социализм», уродливость субъективных тенденций и вредность объективного влияния которого В. И. Ленин так ясно разоблачил в своем «Материализме и эмпириокритицизме».

Нельзя забывать о том, что время это, о котором идет речь, — это время ожесточенных споров и боев внутри социал-демократической партии. В ряде актуальных теоретических и практических вопросов произошло полное расхождение большевиков и меньшевиков. Это было время, когда особенно важной задачей являлось усиление политической независимости большевизма, и нельзя недооценивать ошибок в философском плане богдановских «впередовцев». Однако мы должны знать, что, хотя «Материализм и эмпириокритицизм» формально, то есть в философском смысле, был написан против махистов, по своему содержанию, то есть в политическом смысле, он был направлен прежде всего против Плеханова, «марксизм» которого, несмотря на формальную правду этого «марксизма», оказался безжизненной догмой. Ленин открыто указывал на методологическую тайну правых меньшевиков — не что иное, как уничтожение революционной диалектики.

Луначарский на штутгартском съезде в качестве представителя большевиков, боролся против меньшевиков, в том числе и против Плеханова. И получается очень интересная, хотя и не уникальная в то время для характеристики борьбы внутри рабочего движения картина: Луначарский со всей своей идеалистической философией был и остался большевиком, ни на одну минуту не становясь политическим противником Ленина. Этим последним оказался Плеханов, который до появления «Эмириокритицизма» формально имел полное право издеваться над идеалистическими философами из лагеря большевиков.

Естественно, что выяснение основных вопросов в связи со становлением самостоятельной большевистской партии не может являться главной задачей этой статьи. Однако без упоминания данных мыслей мы упустили бы из виду сложное отношение Луначарского к борьбе Ленина и его партии за чистоту марксистской мысли в области политики и философии.

Литературно-критическую деятельность Луначарского в этот период мы должны рассматривать в том аспекте, как она ему и представлялась: она для него самого прежде всего являлась одной из многочисленных форм вышеуказанной идейной борьбы. Луначарский, занимаясь исследованием писателей-современников, использовал создаваемые ими картины действительности, чтобы выявить конкретные формы умирания старого строя и те симптомы, которые неоспоримо доказывают необходимость нарождения нового общества.

Мы уже видели, каким образом считает Луначарский возможным создание пролетарской литературы интеллигентами, принявшими пролетарскую идеологию, готовыми работать в этом новом духе. Этим и объясняется, что он тщательно следил и за тем, как отражается в современной ему литературе сложный и значительный процесс размежевания внутри интеллигенции, зная, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 7 : 343).

Луначарский отметил многообразные формы, в которых происходит формирование самосознания и той новой интеллигенции, которая складывалась из наиболее образованных пролетариев и революционеров, из мелкобуржуазных и буржуазных слоев.

Одной из главных своих задач он считал политическое просвещение масс, многостороннее воспитание новой интеллигенции, в том числе и художественной. С этической точки зрения он делал то же самое, чего ожидал от пролетарской литературы — он воспитывал, учил и просвещал людей. По воспоминаниям современников известно, что многие из его работ были доступны в то время рабочему читателю. А наиболее сложные по кругу разбираемых вопросов были понятны и интересны всей рабочей партийной интеллигенции.

Особое место принадлежит в его критических высказываниях о возможной, нужной пролетарской литературе, его статьям о произведениях М. Горького. Луначарский высоко оценил в творчестве Горького то, что он называл чутким пониманием процесса, происходившего в русском обществе в период 1861—1905 гг. Но Горький писал в такое время, когда «пореформенный период» в России близился к концу. Кроме консерваторов, либералов, демократов в борьбу вступает уже и пролетарский социализм. В связи с этим и социальная среда, являющаяся предметом «драм расслоения» Горького, иная — это уже не дворянство и дворянская интеллигенция, а мещанство, т. е. различные группы, круги и поколения средней и мелкой буржуазии, а также и буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Такой драмой расслоения, по Луначарскому, были у Горького уже «Мещане».

«Старый, прежде незыблемый материк мещанства — Бессеменовы отцы, — растерянные и испуганные отступают, давая место своим детям . . . Бессеменовы-дети вступают в жизнь под разными флагами и их лица постепенно обрисовываются . . . в ходе пьесы . . .»

«Левым крылом молодого мещанства является уверенный в себе жизнерадостный Нил . . .» (А. В. Луначарский, Собрание сочинений в 8-и томах, 2 : 78).

В советской критике встречалось немало возражений против этой

характеристики Нила, когда зачисление Нила в «левое крыло мещанства» прямо-таки называлось ошибкой. Для выяснения правоты Луначарского рассмотрим этот вопрос более тщательно. Формально выходит, что правы те критики Луначарского, которые в Ниле видят прежде всего рабочего, ведь он на самом деле и принадлежит к числу фабричных рабочих. Однако этот чисто формальный подход упускает из виду настоящую суть вопроса. Достаточно вспомнить, какое большое внимание в это время уделял В. И. Ленин вопросу о пролетариате и мещанстве — вопросу о втягивании все большего числа мещан города и деревни в ряды рабочих. Он указывал на многостороннее значение этого процесса, на трудность и длительность воспитания в орабочивающихся мещанах настоящих пролетарских черт. В «Мещанах» Горького мы замечаем у Нила лишь противопоставление себя, трудящегося человека, паразитам, лишь защиту своих личных прав в бессеменовском доме. Но от этого далеко еще до той особой пролетарской психологии, о которой говорит Ленин, правда, много лет спустя, в 1922 г. в своей записке Молотову: «. . . . необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей [намек на сознательное стремление белогвардейцев и людей из разных слоев общества поступить на фабрику и, будучи «рабочими», вступить в правящую большевистскую партию — *Р. У. Н.*], а по общим условиям экономического и социального быта» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 45 : 20). Это ленинское высказывание может относиться и к Нилу. В этом смысле Луначарский прав, видя в судьбе и психологии Нила характерные формы пролетаризации части мещанства в своей подлинно социально-исторической конкретности, что оставляется без внимания критиками этой его мысли, исходившими из абстрактных представлений о классах. Но Луначарский, разъясняя левое настроение мещан Ниловского типа, в дальнейшем раскрывает и всю несовместимость идеологии Нила с идеологией Бессеменовых.

Сопоставляя драмы Горского «Мещане» и «На дне», Луначарский подчеркивает особенную ценность литературы пролетарского духа и определяет ее в реалистической конкретности. Нельзя забывать, что как и все его литературно-критические статьи, и эта статья тоже преследует цель воспитания средствами художественного слова на конкретных произведениях нового писателя и читателя в общей борьбе пролетариата.

Только социально-историческая конкретность реализма способна разоблачать сложные явления, происходящие в современном обществе, которые в некоторых произведениях носят вредный, отвлеченный философско-этический характер, в силу которого произведение может дать ложное представление.

Он считал, что такого рода литературное произведение может дать большее эстетическое наслаждение, оно может быть само по себе более художественным, чем например, «На дне» Горького, которое несомненно сильнее в этом смысле, чем «Мещане». Но «в социально-психологическом отношении «На дне» дает бесконечно меньше, так как разновидности общественного «дна» не могут иметь для нас того значения, какое имеет «мещанство».

Луначарскому явно не нравились философско-этические проблемы, поставленные Горьким в «На дне», и ответы, данные писателем на них. Особенно противен ему вопрос о жалости, который он считает коренным вопросом пьесы. «Писатель словно испугался обвинений в жестокосердии и голом отсутствии любви к ближнему» (там же, 9).

Это «полное отсутствие любви к ближнему» и это «жестокосердие» прозвучали в тогдашней художественной критике в статьях Шишкина и других представителей передовой буржуазной прессы, которые были шокированы холодной жестокостью характера таких положетельных персонажей «Мещан», как Нил и Тетерев.

Луначарский указывает на сознательную тенденцию Горького — выразить свои взгляды: презрительную жестокость к вялым и тряпичным отбросам процесса общественной ломки.

На этом конкретном социально-историческом фоне он блестяще демонстрирует то, что «эта презрительная жестокость ни на минуту не может помешать самой главной глубокой ценности к состраданию, к скорбям существ, здоровых, самой горячей жажде помощи тем, кто придавлен внешними обстоятельствами и бьется и ранит грудь о прутья проклятой клетки» (там же, 8).

В драме «На дне» нет этой жестокости. Там главенствует жалость. И эта жалость, по мнению Луначарского, ложная, так как все сострадание Луки — не что иное, как ложь. Тем более нелогично, что слова «интеллигентного босяка: «Человек — это звучит гордо», что само по себе выражает правду, — прозвучали как конечный итог учения этого странника Луки. Это логическая гримаса Горького. Его жалость не имеет под собой одобрительной почвы, так как на этой ложной основе можно было бы дойти до глубоко ошибочной концепции, «что самое страдание является уже достаточным основанием для уважения» (там же, 20). Но это «величайший вздор». «Строителям жизни» — говорит Луначарский — творцам ее новых форм приходится устанавливать своесм другие критерии для оценки людей» (там же).

Ставя единственным критерием уважения силу, Луначарский возвращается к вопросу о жалости, характеризуя и анализируя разговор Варвары с Рюминым, который означает, по его мнению, «разрыв той части интеллигенции, для которой глубокое внутреннее недовольство и страдание служит стимулом к исканию выхода, — с той, которая сделала из этого недовольства, из этого страдания свое амплуа» (там же, 21).

Отсюда можно заключить, что «жалеть стоит только тех, кого можешь уважать», а «уважать можешь только за силу» (там же, 20). Но сила в понимании Луначарского получает своеобразное разъяснение. «Силой приходится считать, разумеется, всякое дарование, способное украшать жизнь, делать ее интенсивнее, приближать ее к идеалу могучей, широко объединенной, человеко-божеской жизни». (Там же, 20—21.)

И вот на этом месте, несомненно, чувствуется известная правота критиков, современных Луначарскому, которые обвиняли и его и Горького в «ницшеанстве». На этом месте обнаруживается логическая гримаса Луначарского.

Выходит, что Луначарский впадает в ту же самую ошибку, в которой он подозревал Горького, в связи с его пьесой «На дне», характеризуя эту пьесу, как «философско-этическую», в которой отсутствует необходимая конкретная историческая действительность. Когда Луначарский провозглашает свои мысли о жалости и о железной жестокости (он делает это также без конкретной исторической основы, лишь в теоретическом плане, то есть ради красного словца или в силу его неясного в то время философско-этического убеждения), тогда он приходит к выводам на поверхности очень подобным некоторым положениям ницшеанской теории — о гордом, мужественном, активном, ищущим правды человеке, который «волен себе создавать иллюзии и грезы, если они ведут его вперед по пути творческих побед, к росту сил . . .» (там же, 10).

Однако в этой же статье (речь идет все время о статье «Дачники») анализ той социальной конкретности, наличию которой он радовался в «Мещанах» и «Дачниках» —, дает Луначарскому гораздо больше возможности подвести правильные итоги. Однако анализ на философско-этической почве тем не менее содержит в себе и известные ошибки.

Поэтому нельзя говорить, что Луначарский являлся ницшеанцем целиком (подобные размышления о человеке-боге именно в ницшеанском понимании можно найти в других его произведениях) как нельзя категорически говорить и том, что во всех своих рассуждениях он являлся подлинным махистом, как это говорилось многими исследователями данного периода его деятельности.

«Я считаю, — писал Ленин Горькому, — что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода воззрения и из своего художественного опыта, и из философии хотя бы идеалистической, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 47 : 143).

Эта правда имеет непосредственное отношение к художнику-реалисту Горькому. Однако художественный реализм — это достояние и художественной критики. И в этом смысле можно сказать, что слова Ленина могут отно-

ситься и к Луначарскому, который на самом деле преследовал цель — дать реальный анализ художественных произведений. Влияние Ницше в некоторых детальных высказываниях, естественно, дает о себе знать. Однако он не поддавался целиком этому влиянию, потому что его способность к самостоятельному мышлению и его уже довольно крепкая марксистская подкованность и — не в последнюю очередь — его постоянная революционная практика — давали ему более широкий кругозор и даже силу — подняться над своими ошибками, расписаться в своих ошибках.

Луначарский, который немало сделал для переводов Ницше на русский язык, воспринимал его «учение» как протест против капиталистического общества. Его привлекал в Ницше «гордый вызов обществу и его устоям» (А. В. Луначарский, Собрание сочинений в 8-и томах, 1 : 289).

Гораздо позже уже в 20-ые годы, он сам говорил об этом: «Когда я был молод, я стал наиболее положительные стороны ницщеанской философии связывать с марксизмом, и за это меня Г. В. Плеханов довольно порядочно трепал, находя, что это не годится, что из этого ничего не выйдет. Теперь я вижу, что действительно нельзя это соединить. И теперь, стоя на большом расстоянии, окончательно видно, что Ницше прежде всего был выразителем империалистической начинавшейся реакции, империалистического подъема настроения буржуазии» (ЦПА ИМЛ — ф. 142, опись 1, ед. хран. 438, лист 19).

Почему этот вопрос имеет, по нашему мнению, немалое значение? Вопрос о человеке — борце за будущее, о правдоискателе — остается центральным вопросом пролетарской литературы и в дальнейшем. В 20-ые годы журналы и отдельные издания были наполнены материалами литературных споров о практике нового человека. Точнее об изображении этого человека, в котором хотелось видеть максимального положительного героя, бойца революции, гражданской войны, социалистического строительства. Каким должен быть этот человек по своим этическим качествам? Чужда ли ему, сыну и отцу революции жалость, может ли быть положительный герой жестоким? Основные проблемы пролетарской литературы живы и получают разнообразные толкования. Несмотря на то, что образ Кожуха, Левинсона, Зудина, Корчагина и т. д. имеет совершенно другой характер, чем ранние образы Горького — ведь изменились обстоятельства, и сама действительность не была похожа на прежнюю дореволюционную,— однако в их изображении можно найти черты отвлеченные, черты опасного аскетизма, черты жестокости, прежде всего по отношению к себе.

Было бы грубой ошибкой считать, что это положение берет свое начало полностью из того времени, когда шла речь об изображении нового типа человека в условиях действующего капиталистического строя — т. е. условий первых лет XX в. Нельзя отрицать, что поставленные в это время проблемы не получили подлинно марксистского разъяснения до революции, что

привело к тому, что в решении их и в теоретическом смысле, и на практике было так много противоречий.

Луначарский на пьесах Горького учит читателя понимать истинное значение «положительных типов». Статья «Варвары» написана в 1906 г., когда борьба в самых острых формах еще не прекратилась, но основные очаги восстания были уже потушены и поражение революции уже начало сказываться во всех слоях русского общества, определяя настроение и поведение интеллигенции. В это время были высказаны печальные слова Плеханова: «Не надо было браться за оружие».

Но статья о «Варварах» написана революционером, не потерявшим голову от поражения, готовым к долгой и упорной борьбе, твердо верящим, что «послереволюционный период есть предреволюционный период».

Мы видели, насколько критически относился он к отвлеченной психологизации в пьесе «На дне». «Варвары» искренне обрадовали его. Он в этой пьесе находил необходимую реальную общественную почву для психологии и в связи с этим, большую содержательность человеческих переживаний.

Статья по своему идейному анализу одна из лучших, написанных в этом плане. Луначарский как бы разъясняет читателю, как надо читать драму, чтобы не упускались из виду ее яркие достоинства. Он говорит и о текущем политическом моменте, тесно связывая горьковские мысли со своими революционными мыслями.

«Художник помогает нам понять и оценить — пишет Луначарский — это колоссальное явление варварской войны варваров двух типов в непосредственных переживаниях живых личностей, в их эфемерном и пустом торжестве, в их жалкой или трагической гибели. Надо однако помнить, что настоящую цену всем перипетиям этой войны может дать лишь тот, кто не цепляясь за точки зрения дряхлого уклада и его иллюзий, не задерживаясь на лжи или самообмане черпуновской псевдофилософии минует также абстрактно-моральную или абстрактно-этическую точку зрения — лишь только тот, кто поймет, что безобразная железная Россия, и только она, создаст почву для новой борьбы, для нового конфликта, результаты которого одни лишь в состоянии спасти гибнущую во мгле уездных трущоб „Надежду"...» (А. В. Луначарский, Собрание сочинений в 8-и томах, 2 : 34—35).

Значит, Горький, по Луначарскому, помогает понять и оценить действительность. Однако он выражает художнику и упрек за то, что в мрачной картине «нет более светлых и определенных фигур» (там же, 34). Упрек этот связан с жадным желанием Луначарского увидеть уже в этих «первых ласточках» пролетарской литературы подлинного героя не только настоящего дня, но и будущего. Тем не менее он сам дает ответ на собственное желание: «невозможно требовать от художника», чтобы его пьеса «была целой» маленькой энциклопедией современной социальной жизни» (там же, 31) и заключает цепь своих размышлений так: «Драматург сделал хорошо, скон-

центрировав все наше внимание на столкновении деревянной России с железной» (там же, 34).

Это столкновение — художественный образ, типический, согласно всем требованиям и критериям Маркса и Энгельса. И хотя мы и учитываем его высказывание, что пьеса не должна быть «целой маленькой энциклопедией», мы все-таки чувствуем его неполноту. Горький, по мнению Луначарского, — художник нового реализма. Реализм через художественное «снятие» должен быть верным действительности. Естественно, что после подавленной революции сама действительность не могла проявлять ни светлых явлений, ни еще более светлых и определенных фигур. Их наличие в драме внушало бы ложное представление о действительности.

Луначарский высоко оценивает и художественные средства писателя: психологические контрасты характеров, блещущие афоризмами диалоги, огромный ряд изящно примененных тончайших наблюдений. К сожалению, эти положения не сопровождаются подробным художественным анализом, они остаются лишь в набросках.

Так как общие и партикулярные вопросы создания пролетарской литературы занимают в произведениях Луначарского начала XX в. центральное положение, можно было бы еще продолжать перечисление многочисленных примеров. Однако, это — задача следующей статьи, где основное внимание будет уделено эстетическим художественным критериям, тому, как они решаются — опосредствованно или непосредственно — в его работах теоретического и практического характера.

Украинская литература в Венгрии

ВЕРА ШЕР

Венгерско-украинские литературные связи, установившиеся и окрепшие после второй мировой войны, имеют славную историю. Прогрессивная общественность обоих соседних народов издавна проявляла взаимную заинтересованность культурной и духовной жизнью. И хотя в Венгрии интерес к украинской литературе не был таким широким, как в Польше, Чехии или других славянских странах, и изучение украинской литературы не было систематичным, все же переводы произведений отдельных украинских писателей и поэтов уже в конце прошлого столетия встречались на страницах венгерских журналов и газет.[1] Однако до освобождения Венгрии благоприятных условий для поддержки регулярных культурных связей между венгерским и украинским народами не было.

Освобождение Венгрии в 1945 г. открыло новую эру в развитии венгерско-украинских культурных и, в частности, литературных связей. И за прошедшие с тех пор 25 лет венгерские литераторы и широкие массы читателей познакомились со множеством выдающихся произведений украинской классической и современной литературы, которые раньше по тем или иным причинам были им недоступны. В этот период на венгерский язык было переведено и издано неизмеримо большее количество книг украинских авторов, чем за предыдущие сто лет.

В первые послевоенные годы дело с переводами произведений украинской литературы на венгерский язык однако обстояло довольно плохо, так как нехватало переводчиков хорошо владеющих украинским языком, знакомых с украинской литературой и культурными традициями.[2] Поэтому переводы тех времен носили случайный характер, выбор переводимых произведений целиком зависел от вкуса или просто желания переводчика,[3] и пере-

[1] Подробно об этом см.: *О. М. Євніна,* Дожовтнева та радянська українська література за рубежами СРСР, Київ 1956; — *В. Шер,* Украинская литература в Венгрии. Acta Litteraria Acad. Scient. Hung. 9 (1967) 288—300.

[2] Это замечание касается не только украинской, а вообще всех славянских литератур, так ка до освобождения в Венгрии в основном переводилась литература английская, немецкая и французская. Таким образом техника художественного перевода западноевропейских литератур стояла у венгерских переводчиков на более высоком уровне.

[3] На произвол переводчиков и их крайне малую осведомленность о литературах народов Советского Союза (украинской, белорусской, грузинской, и пр.) жалуются и составители антологии советской поэзии, вышедшей впервые на венгерском языке в 1952 г. (см. A szovjet költészet antológiája. Szerk. [Под ред.] Kardos L. Budapest 1952, 840).

водились произведения украинской литературы чаще всего не с подлинников, а с их русских переводов.

Примерно в 1950—1953 гг. начала быстро развиваться переводческая деятельность венгерских литераторов. К этому времени до невиданных ранее в венгерской литературе размеров расширился круг читателей, резко вырос тираж издаваемых книг. В авангард переводной литературы выдвинулась советская литература. По почину и под непосредственным руководством известного венгерского ученого, литературоведа академика Ласло Кардоша выросла новая гвардия переводчиков, которые с большим рвением стали переводить не только русскую литературу, но и литературы других народов Советского Союза, включая сюда и украинскую. Большая роль в популяризации произведений украинской литературы принадлежит Анталу Гидашу, Дьердю Радо, Шандору Верешу, Еве Григашши, Гезе Кепешу, Жуже Раб, Имре Макаи и многим другим венгерским поэтам и писателям.

На большие и серьезные события, происшедшие в общественной жизни Венгрии после второй мировой войны, наиболее быстро и активно откликнулась поэзия, как самый мобильный жанр литературы. В художественном отражении новой действительности, в укреплении более интенсивных связей с соседними народами сыграли немалую роль советские поэты. Первым украинским советским поэтом, с творчеством которого познакомились венгерские читатели был Леонид Первомайский. Он живо откликнулся на большие исторические перемены в Венгрии, создав целый цикл поэтических произведений на венгерские темы. Пребывание же Первомайского в Венгрии в дни ее освобождения,[3] давнее увлечение венгерской литературой[5] и личные знакомства с венгерскими литераторами, безусловно, сыграли значительную роль в том, что творчество его стало популярным в Венгрии. И если первый перевод стихотворения Л. Первомайского, посвященного революционному венгерскому поэту Шандору Петефи (в переводе Д. Радо) был знаком только очень узкому кругу венгерских читателей,[6] то уже летом 1945 г. на венгерском языке вышел небольшой сборник стихов Л. Первомайского.[7] В сборник вошло несколько стихотворений из военного цикла и два стиха на вен-

[4] Леонид Первомайский в рядах Красной армии сражался за освобождение Венгрии. Эти события он позднее запечатлел в стихах и рассказах на венгерские темы.

[5] Еще в 1930-х гг. Л. Первомайский стал увлекаться венгерской литературой, в частности поэзией Шандора Петефи. Об этом упоминает Бела Иллеш в предисловии к сборнику стихов Первомайского на венгерском языке (см. L. Pervomajszkij, Budapesti levél. Budapest 1948). А в 1949 г. выходит сборник стихов Ш. Петефи в украинском переводе Л. Первомайского. (См. *Шандор Петефі*, Вибрані поезії. Переклад з угорської *Леоніда Первомайського*. Київ 1949).

[6] Первый венгерский перевод стихотворения Леонида Пеовомайского, посвященного Шандору Петефи, был опубликован 29 января 1945 г. в фронтовой газете Magyar Újság, редактировавшейся известным венгерским писателем-коммунистом, тогда еще майором Красной армии Белой Иллешем.

[7] См. L. Pervomajszkij, Budapesti levél (Versek). Ford. [Перевел] Radó Gy. Budapest 1945.

герские темы *(Лист із Будапешта, Петефі Шандорові)*. Отклики в венгерской периодической печати тех лет говорят об интересе венгерской общественности и к этой небольшой книжке стихов, и к самому украинскому поэту.[8] В 1948 г. этот сборник был переиздан с некоторыми дополнениями.[9]

Количество переводов из украинской литературы, сделанных за первые десять лет после войны, невелико. В венгерских газетах и журналах изредка печатались переводы стихов Максима Рыльского, Павла Тычины, Н. Бажана, В. Сосюры.[10] Отдельные стихотворения украинских поэтов входили и в сборники, выпуск которых, по обыкновению, приурочивался к каким-либо юбилеям, знаменательным датам. Так, в 1951 г. вышел сборник «От Волги до Дуная» [A Volgától a Dunáig] к месячнику венгерско-советской дружбы со стихами советских поэтов о венграх; украинскую литературу здесь представляли стихи Л. Первомайского из венгерского цикла в переводе Д. Радо и Э. Гашпара.[11] Тематический сборник «Есть такая партия!» [Van ilyen Párt!] вышедший в том же, 1951 г., включал стихи советских поэтов о партии, среди них было несколько стихотворений украинских поэтов: М. Рыльского *(Партії)*, П. Тычины *(Партія веде)*, Л. Первомайского *(Партквиток, Син Партії)* и И. Неходы *(Я комуніст)*.

Известно, что в первые годы после освобождения венгерские читатели имели очень смутное, а многда и превратное представление о советской литературе. Поэтому знаменательным в те годы был выпуск первой антологии советской поэзии на венгерском языке (1952, под ред. Л. Кардоша).[12] Украинской поэзии советского периода в антологии отведена отдельная глава, в ней мы находим стихотворения М. Рыльского, П. Тычины, В. Сосюры, И. Бажана, А. Малышко и Л. Первомайского. Но сравнительно небольшой размер сборника и вызванная требованием времени односторонность его тематики воспрепятствовали полному раскрытию всего богатства и многогранности советской поэзии.[13]

[8] В венгерских газетах за 1945 г. (Új Szó, Kis Újság, Szabad Nép, Új Magyarország, Jövendő, Színház) особенно был отмечен интерес Л. Первомайского к венгерской культуре, посещение украинским поэтом музея Петефи в Кишкереше и энергичное его участие в восстановлении ценностей разоренного музея венгерского поэта Яноша Араня в Надьсалонте. (см. напр. статью: Szovjet költő a magyar Alföldön. Szabad Nép 1945, № 142).

[9] Второе издание сборника стихов Л. Первомайского было выпущено к столетию венгерских революционных событий 1848 г. со стихами украинского поэта о Петефи (Petőfi Sándor halála; Petőfi Sándorhoz).

[10] См. в библиографическом издании A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája, 1945—1949, 1950—1954. (Szerk. [Редакторы] Kozocsa S.—Radó Gy.).

[11] Van ilyen Párt ! Szovjet költők versei. (Szerk. [Под ред.] Kardos L., Pető M., Radó Gy.). Budapest 1951.

[12] A szovjet költészet antológiája. (Szerk. [Под ред.] Kardos L.). Budapest 1952.

[13] В связи с украинской советской поэзией можем, например, заметить, что в сборнике преобладают стихи боевого, политического характера; там нет ни эпических поэм М. Рыльского или П. Тычины, ни чудесной интимной лирики В. Сосюры или А. Малышко, хотя в украинской литературе они являются признанными мастерами именно этих жанров.

Интерес к украинской литературе не ограничивался только переводами произведений советских поэтов, так как шедевром переводов того времени был вышедший в 1953 г. сборник избранных стихотворений из «Кобзаря» Тараса Шевченко.[14] В отличие от «Кобзаря», изданного на венгерском языке в Ужгороде (в 1952 г.) с 28 стихотворениями, переведенными Анталом Гидашем,[15] в вышеупомянутый сборник было включено 121 стихотворение Т. Шевченко в переводе известного венгерского поэта Шандора Вереша. Первый полный «Кобзарь» на венгерском языке был тепло встречен венгерскими литературными кругами и общественностью, в периодической печати появился ряд положительных отзывов, критических заметок. В газете Szabad Nép академик Ласло Кардош высоко оценил вышеупомянутый сборник и, подробно охарактеризовав творчество Т. Шевченко, назвал творца «Кобзаря» одним из самых «цельных, идейно наиболее последовательных поэтов мировой литературы.»[16] В литературной газете Irodalmi Újság известная венгерская поэтесса, переводчица произведений Т. Шевченко Шаролта Лани выход в свет венгерского перевода «Кобзаря» считала большим достижением венгерской культуры;[17] и уже не впервые в венгерской литературе творчество Т. Шевченко сравнивается с творчеством Шандора Петефи, так как «их поэзия имеет те же самые корни, и ритм ее продиктован биением сердца народа.»[18]

В 1961 г. к столетию со дня смерти Т. Шевченко «Кобзарь» на венгерском языке был переиздан.[19] В новое, переработанное и дополненное издание вошли лучшие переводы шевченковских стихов, сделанные венгерскими поэтами-переводчиками в разные времена, но в основу сборника легли переводы Ш. Вереша из упомянутого уже первого издания. Так как переводы выполенены разными переводчиками, сборник представляет большой интерес, но тем труднее дать ему общую оценку. Однако, сравнительный анализ отдельных переводов поможет заметить ряд достижений и недостатков венгерских переводов украинской поэзии. Стихи, вошедшие в данный сборник, переводились в разные времена, переводчиками разных эстетических и художественных вкусов и направлений, на переводах сказался не только индивидуальный стиль переводчика, но и то, что каждый из них черпал материал из разных источников. Одни поэты переводили прямо с украин-

[14] T. Sevcsenko, Kobzos. Válogatott költemények. Ford. [Перевел] Weörös S. Budapest 1953, 342.

[15] T. Sevcsenko, Kobzar. — Válogatott versei [Избранные стихотворения]. Ukrán eredetiből ford. [С украинского оригинала перевел] Hidas A. Kiev 1951, 143.

[16] Kardos L., Sevcsenko az ukrán nép nagy költője. Szabad Nép, 1954, № 68.

[17] Lányi Sarolta, A «Kobzos» magyarul. Irodalmi Újság, 1954, № 4.

[18] Tarasz Sevcsenko: Új Filág, 1954, № 10.

[19] T. Sevcsenko, Kobzos. Budapest 1961, 314. Очень ценным является предисловие к этому изданию, написанное известным венгерским литературоведом Гезой Кепешем [Képes Géza], представляющее подробный анализ творчества Т. Шевченко. Статья эта позднее с некоторыми изменениями вошла в сборник «Шевченко и мировая культура», Москва 1964, под заглавием «Кобзарь на берегах Дуная».

ского оригинала (Антал Гидаш, Ева Григашши), другие — только с их русского перевода а все переводы Шандора Вереша (и их в сборнике подавляющее большинство), сделаны при помощи подстрочника. Работая только с помощью подстрочного перевода, поэт-переводчик, естественно, не может вникнуть во взаимоотношения всех структурных элементов поэтического текста оригинала. А воспроизвести на иностранный язык своеобразные образы Т. Шевченко, почти всегда органически связанные с украинским народным творчеством, сохраняя при этом частое изменение ритмов и аллитерации встречающиеся в оригинале, тем более трудно. Все эти трудности венгерские переводчики преодолевал по-разному. В результате получились: высокохудожественные венгерские стихи с новыми оттенками и поэтическими элементами, но далекими от шевченковского стиля (напр. стих Ш. Вереша), или стихи более близкие к подлиннику, но менее художественные в переводе.[20] Подобные проблемы чувствуются и в переводах тех нескольких произведений Ивана Котляревского, Ивана Франко и Леси Украинки, которые вошли в антологию мировой литературы, изданную в 1956—1958 гг. в Будапеште.[21]

Настоящая статья имеет обзорный характер. Подробный анализ венгерских переводов украинской поэзии или прозы не входит в ее рамки. Важно однако отметить, что, если раньше на эстетические качества венгерских переводов обращалось мало внимания, то сейчас уже художественность перевода играет при издании такую же значительную роль, как литературная ценность переведенного оригинала.

История распространения украинской литературы в Венгрии за прошедшие 25 лет связана с некоторыми общими закономерностями распространения советской литературы в зарубежных странах, а также с формированием и развитием венгерской литературной жизни, с изменением ее ориентации. Интенсивный интерес к советской литературе, проявленный в первое десятилетие после войны, был вызван не только признанием безусловной ценности произведений русской и вообще советской литературы, но и требованием времени, стремлением к идеологическому перевоспитанию масс. Активно помогал в этом и театр.

До освобождения общественные и литературные условия в Венгрии не могли способствовать широкому ознакомлению венгерской публики с представителями классического русского и советского театра, а тем более с современными авторами, в чьих произведениях отражалось не только историческое прошлое, но и важнейшие проблемы современной советской жизни. Правда, драмы Льва Толстого, А. Чехова и М. Горького еще до освобожде-

[20] Подробнее об этом см.: *Вера Шер,* Шевченко и его венгерские переводчики: Studia Slavica 14 (1968) 353—361.

[21] Világirodalmi antológia, IV. Szerk. [Под ред.] TRENCSÉNYI-WALDAPFEL I. Budapest 1956.

ния были хорошо известны венгерскому зрителю. (Пьеса Горького «На дне», например, уже в 1903 г. с большим успехом шла на венгерской сцене.)

А после освобождения венгерская публика постепенно стала знакомиться не только с лучшими произведениями советской лирики и прозы, но видную роль в репертуаре венгерских театров заняла и советская драматургия. Наряду с пьесами Вс. Вишневского, Н. Погодина, К. Тренева и других русских авторов на венгерской сцене появились и первые представители украинского театра. Заметим, что украинская драматургия еще в довоенный период не только завоевала равноправное место среди других видов и родов украинской литературы, но в художественном решении некоторых проблем даже шла впереди остальных жанров. В довоенных пьесах А. Корнейчука *(Платон Кречет, Банкір, В степах України)*, И. Кочерги *(ім'я, Вибір)*, И. Микитенко *(Кадри, Дні юності)* и др. с большой реалистической силой отразились характерные для советского общества конфликты, ярко обрисовывались типичные характеры людей социалистического общества. Образы этих новых советских героев и привлекали зарубежного зрителя. А, судя по ряду статей, рецензий польских, чешских, румынских, немецких, венгерских критиков, творчество А. Корнейчука — с его новыми темами и образами — имело благотворное влияние на первых порах на развитие драматургии в странах народной демократии.[22]

В 50-х годах во многих театрах Венгрии ставились пьесы А. Корнейчука: *Платон Кречет* (1950—53 гг.), *Макар Діброва* (1951), *Калиновий Гай* (1951), *В степах України* (1952).[23] Из неисчислимого количества рецензий, напечатанных в различных венгерских газетах и журналах (Szabad Nép 1953, № 16, Népszava 1953, № 24, Művelt Nép 1953, № 3, Színház- és Filmművészet 1953, №№ 1—3)[24] приведем несколько строк, в которых театральный критик Л. Гомбош (Színház és Mozi 1950, № 13) указал на «ощущение природы театра», как основную черту А. Корнейчука-драматурга. «Корнейчук, — пишет рецензент, — художник, хорошо знающий технику драматургии. Он умело завязывает конфликт, доводит до кульминации и развязки действие; умеет характеризовать своих героев, здоровый юмор в меру перемешивает с картинами драматического настроения — и все это у него обоснованно поставлено на службу идейному содержанию пьесы. «Сценичность пьес Корнейчука, актуальность и жизненная правдивость их тем привлекли к себе внимание таких известных венгерских театральных критиков режиссеров, как Отто Адам, Иштван Бозоки, Эндре Геллерт, Миклош Дьярфаш,

[22] См.: *О. М. Євніна,* Дожовтнева та радянська українська література за рубежами СРСР. Київ 1956.

[23] Перечисленные пьесы Корнейчука на венгерской сцене шли под названием: *Платон Кречет — Platon Krecset (Nagy műtét), — Макар Діброва — Makar Dibrova, — Калиновий гай — Bodzaliget, — В степах України — Ukrajna mezőin.*

[24] Точные данные см. в издании A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája. 1945—1949; более подробно в канд. дис. *В. И. Шер,* Украинская литература в Венгрии (1864—1964) 228—242.

Миклош Хубаи, Тамаш Майор, Бела Матраи-Бетег. На страницах журнала Színház- és Filmművészet [Искусство театра и кино] они развернули широкую полемику о проблемах, связанных с постановками пьес Корнейчука, в частности, пьесы-комедии *В степах України*».

Комедия «В степах України» имеет несложный сюжет. Основным конфликтом в жизни колхозного села является борьба с носителями отсталых и чуждых настроений, с пережитками капитализма в сознании людей. Исполнители ролей выполняют нелегкую задачу, им приходится воплощать живые образы, играть повседневных героев, подсказанных самой жизнью. Для венгерского театра это новые герои и новые темы, заставляющие режиссеров, исполнителей и критиков спорить, задумываться над проблемами. Известный театральный критик Б. Матраи-Бетег заметил, что пьеса «уже целый год идет в театрах Венгрии и снова и снова захватывает фантазию и мысли всех, кто над ней работал или просто ее видел», и актуальной она остается потому, что в ней решаются «почти все вопросы конфликта в драматургии и почти все проблемы художественного исполнения.»[25] В поставленной на венгерской сцене пьесе украинского драматурга В. Собко «За другим фронтом» (1951)[26] критики не только отмечают актуальность военной темы, но усматривают в ней и такую динамичность действия, которая захватывает зрителя, вызывая духовную, эмоциональную связь между публикой и актерами на сцене.[27] Эти сплошные положительные рецензии, однако, ставят под сомнение объективность венгерской литературной критики тех лет. Даже на первых порах, когда редко обращали внимание на художественность переводов, опытные театральные критики не могли упустить из виду, что невысокие качества переводов часто снижают ценность постановки. Переводы драматических произведений, к сожалению, не всегда выполнялись опытными, знакомыми со сценической техникой переводчиками. Комические ситуации оригинала, например, стушевывались, обесцвечивались маловыразительностью, плоскостью венгерского текста, изготовленного по русскому переводу украинской пьесы. Язык персонажей в украинских пьесах из народного быта — а комедия А. Корнейчука «В степах України» является именно такой пьесой — насыщен идиомами, комическими элементами разговорного языка, которые не всегда укладываются в нормы современного литературного языка. И даже при переводе на русский язык очень трудно сохранить или точно передать подобные элементы; и чаще всего переводчикам приходится их до определенной степени упрощать, а уже в третьем, т. е. венгерском варианте это приводит к вульгаризации, иногда даже превратной трактовке художественных образов и ситуаций. Конечно, и здесь имеются исключения. И одним из них

[25] Mátrai-Betegh B., Az Ukrajna mezőin. Színház- és Filmművészet 1953, № 3.
[26] Пьеса *Вадима Собко* «За другим фронтом» под названием *A második front mögött* ставилась на сценах будапештских и провинциальных венгерских театров в 1951 г.
[27] Mátrai-Betegh B., A második front mögött. Magyar Nemzet, 1951, № 154.

можно считать перевод драмы А. Корнейчука «Платон Кречет», сделанный известным венгерским писателем Андором Габором, где в пределах возможностей удачно сохранены все эстетические качества оригинала.[28]

Уже в начале 50-х г. большую часть переводов из украинской литературы составляла проза. Классическая проза была представлена венгерскими переводами рассказов И. Франко и М. Коцюбинского. В 1949 г. отдельным изданием вышла историческая повесть И. Франко «Захар Беркут» (в переводе Ш. Колтаи),[29] а в 1954 г. — сборник рассказов И. Франко (переводчик Имре Герег) в который вошло 13 новелл, напечатанных в венгерском переводе впервые.[30] В рецензиях на эти издания критики отмечают «едкую сатиру, бичующую иронию, с которой Франко рисует в своих произведениях портреты характерных для современной ему Галиции типов».[31] «. . . Страстные искания правды, благородная любовь к человеку, жгучая ненависть к угнетателям, картинные описания труда и природы, глубокое сочувствие своим героям, — пишет рецензент, — все это делает произведения Франко незабываемыми, а автор их становится одним из наших самых любимых писателей.»[32] Как видим, в отзывах литературных критиков есть тонкие, проницательные наблюдения, касающиеся, однако, в основном характеристики творчества писателя, а не работы переводчиков. А здесь именно можно выделить художественность венгерского текста, близость к атмосфере оригинала, как основные особенности переводов, сделанных представителями старшего поколения деятелей венгерской культуры: Имре Герег и Реже Хонти. В переводе последнего вышел новый борник рассказов И. Франко в 1956 г. к столетию со дня его рождения.[33] А к сорокалетней годовщине смерти выдающегося представителя украинского реализма М. Коцюбинского в 1953 г. была напечатана впервые на венгерском языке его повесть Fata morgana — одно из лучших произведений украинской классической прозы. Этой повестью открывался сборник избранных рассказов М. Коцюбинского,[34] о которых так метко писала венгерская критика: «Нельзя читать эти новеллы без умиления и гнева. И нет большей похвалы писателю, чем умение его вызывать у читателей чувства подобные тем, которые руководили его пером.»[35]

[28] Kornejcsuk, A nagy műtét (Platon Krecset). Színmű 3 felvonásban. Ford. [Перевел] Gábor A. Budapest 1955, 72.

[29] Franko I., Zahar Berkut. Oroszból ford. [С русского перевел] Koltai S. Budapest 1949, 178; в 1947 г. в газете «Új Szó» (№ 78) печатался рассказ «Історія одного кожуха» под названием «A bőrkabát története», в переводе Имре Тренчени-Вальдапфеля.

[30] Franko I., Elbeszélések. Ford. [Перевел] Görög I. Budapest 1954. Имре Герег хорошо известен венгерскому читателю по художественному переводу романа Горького «Мать» (1947 г.) и «Преступления и наказания» Достоевского (1949 г.).

[31] A könyvtáros, 1954, № 12.

[32] Művelt Nép, 1954, № 39.

[33] I. Franko, Emberek. Ford. [Перевел] Honti R. Budapest 1956, 280.

[34] M. Kocjubinszkij, Fata morgana és más elbeszélések. Ford. [Перевел] Hevesi Jolán. Budapest 1953, 294.

[35] A könyvtáros, 1953, № 3.

Из венгерских переводов украинской дореволюционной прозы следует отметить еще перевод рассказов «Хитрий Панько», написанных талантливым западноукраинским сатириком Лесем Мартовичем,[36] и напечатанный в 1954 г. в ж. Új Világ рассказ В. Стефаника «Катруся».[37]

Значительно больше переводили на венгерский язык произведения украинской советской литературы. После освобождения Венгрии изменилась общественная функция литературы, и она стала приобретать массовое значение. Естественно, что наиболее широкую популярность приобретали произведения, правдиво отражающие действительность, неизгладившиеся еще из памяти события недалекого прошлого. И, конечно, тема второй мировой войны в это время и в венгерской литературе, если и не преобладала, но все же занимала очень значительное место. Самым известным из укаринских романов на военную тему был в то время роман Олеся Гончара «Прапороносці», выдержавший на венгерском языке четыре полных издания.[38] Отдельные же главы романа, действие которых происходит в Венгрии, печатались в периодической печати еще в 1947—48 гг.[39] В периодической печати 1950 г. увидели свет и переводы других рассказов О. Гончара на венгерские темы, как, например, «На Балатоні», «Ілонка», «Сусіди» и др.[40] Венгерский читатель познакомился в то время и с произведениями других украинских писателей, написанными на военные темы; известны венгерские переводы романов и повестей Вадима Собко («Далекий фронт», «Серце», «Запорука миру»)[40] и Юрия Смолича («Ми разом були в бою»), [41] а военно-приключенческий роман Ю. Дольда-Михайлика «І один у полі воїн» был самым популярным романом, особенно после постановки на венгерских экранах одноименного фильма, и выдержал в венгерском переводе несколько многотиражных изданий.[42]

Мы не имеем целью здесь подробно перечислять все изданные на венгерском языке украинские произведения. Необходимо, однако, отметить, что в венгерской переводной литературе с начала 1950 г. до конца 60-х годов украинская литература представлена несколькими крупными произведениями самых различных жанров. Среди них можно встретить и прекрасные переводы исторических романов: «Шлях на Київ» Семена Скляренко

[36] Martovics L., A ravasz Panyko. Ford. [Перевел] Brodszky Erzsébet, Gács A., Szirmai Marianne. Budapest 1954, 129.

[37] V. Sztyefanik, Nehéz betegség. Ford. [Перевел] Lénárt Éva: Új Világ, 1954, № 33.

[38] O. T. Goncsar, Zászlóvivők. Ford. [Перевел] Rab Zsuzsa. Budapest 1950, 235; 4 kiad. [. . . .] 1955.

[39] A. T. Goncsar, A kék Duna (Regényrészlet [Отрывок из романа]). Ford. [Перевел] Madarász E.: Új Szó, 1947, № 183; Új Szó, 1948, № 36; Népszava, 1949, № 78.

[40] Szobko V., Távoli front. Ford. [Перевела] Rab Zsuzsa. Budapest 1950; — Az élő szobor. Ford. [Перевел] Zsombor J. Budapest 1951; — A béke záloga. Ford. [Перевел] Kerek E. Budapest 1952.

[41] Ju. Szmolics, Együtt harcoltunk. Ford. [Перевел] Kovai L. Budapest 1953.

[42] Ju. Dold-Mihajlik, Ordasok között. Ford. [Перевел] Radó Gy. Budapest—Uzsgorod 1959. 2-oe изд. вышло в 1960 г., 3-ье — в 1963 г.

(переводчик Имре Макаи),[43] роман-хроника Натана Рыбака «Переяславська Рада» (в переводе Дьердя Радо), вышедший к 300-летию воссоединения Украины с Россией.[44] Позднее (уже в 1961 г.) вышел на венгерском языке еще один роман Н. Рыбака — «Помилка Оноре де Бальзака»,[45] этот роман о последних годах жизни великого классика французской литературы, увлекательно написанный украинским писателем, к тому времени уже приобрел известность у французского, немецкого и итальянского читателя.[46]

Еще в 1952 г. вышел первый венгерский перевод романа М. Стельмаха Велика рідня».[47] А в начале 60-х гг. один за другим переводились на венгерский язык романы М. Стельмаха, написанные в виде больших эпических произведений, в которых писатель широко осветил жизнь украинского села. Роман «Кров людська — не водиця»,[48] повествующий об исторической судьбе украинского крестьянства на грани больших социальных перемен в годы революции, вышел в 1962 г. в переводе Жужи Раб. Красочное описание украинской природы и сельского быта, сочность народного языка и тонкий задушевный лиризм произведений М. Стельмаха с большим чувством художественной меры и такта воспроизвел на венгерском языке Имре Макаи в переводах романов «Хліб та сіль» (1963)[49] и «Правда і кривда» (1964).[50]

Нельзя не упомянуть и о переводах на венгерский язык романов и повестей украинских писателей, написанных для детей и юношества. «Таємниця Соколиного бору» (1955), Ю. Збанацкого,[51] «Старая крепость» (1955) В. Беляева,[52] «Зорі на Верховині» (1956) А Турчинской[53] и много еще других произведений украинской литературы для юношества было выпущено на венгерском языке издательством Ifjúsági Kiadó.

Критерием оценки иностранной литературы в наше время является состояние переводов прозы. Современные венгерские переводы украинской

[43] Sz. D. Szkljarenko, Út Kiev felé. Ford. [Перевел] Makai I. Budapest 1951, 437.

[44] N. Ribak, Örökre együtt. Ford. és előszót írta [Перевод и вступительная статья] Radó Gy. Budapest 1956, 665.

[45] N. Ribak, Balzac tévedése. Ford. [Перевел] Neményi Ö., Siklósi M. Budapest 1961, 313.

[46] Полный текст романа «Помилка Оноре де Бальзака» печатался на страницах фр. газеты «Les Lettres Fransaises» за 1958—59 гг., вскоре после этого роман был переведен на немецкий и итальянский языки.

[47] M. Sztelmah, Kiterjedt rokonság. Ford. [Перевела] Hankó Mária. Bp. 1952, 469; то же под названием: A nagy rokonság, I—II. Ford. [Перевели] Terényi I. és Brodszky Erzsébet. Budapest 1964.

[48] M. Sztelmah, Az ember vére drága. Ford. [Перевела] Rab Zsuzsa. Budapest 1962.

[49] M. Sztelmah, Kenyér és só. Ford. [Перевел] Makai I. Budapest 1963, 774.

[50] M. Sztelmah, Igazság és hamisság. Ford. [Перевел] Makai I. Budapest 1964, 642.

[51] Ju. Zbanackij, A szokolini fenyves titka. Ford. [Перевела] Kemény Márta. Budapest 1955.

[52] V. P. Beljaev, A régi vár. Ford. [Перевел] Radó Gy. Bukarest 1955 (Román—magyar közös kiadás).

[53] A. Turcsinszka, Csillagok a Verhovina felett. Ford. [Перевела] Grigássy Éva. Budapest 1956.

художественной прозы отличаются от переводов первых послевоенных лет не только качеством, но и более требовательным подходом к выбору переводимых произведений, так как сейчас уже издательства и переводчики могут при этом руководствоваться вышедшими за последние годы фундаментальными трудами по истории украинской литературы[54] и так недоставшими в прошлом антологиями.[55] Относительно большое количество переведенной украинской прозы дает возможность переводчикам использовать приобретенную практику переводов.

Двадцатипятилетний опыт показал, что венгерские переводчики успешно трудятся над тем, чтобы дать высокохудожественные переводы произведений славянских литератур, в том числе и украинской.[56] Подробному анализу переводов украинской прозы на венгерский язык будет посвящена отдельная статья. Здесь же мы пока ограничимся некоторыми общими замечаниями, касающимися однако всех, сделанных до сих пор переводов. Такой общей, серьезной и неупорядоченной проблемой является прежде всего проблема переводов собственных имен и географических названий. Вопрос, нужно ли их транскрибировать механически или же переводить, придавать форму, приемлемую в венгерском языке, остается нерешенным.[57] Поэтому здесь чувствуется большой разброд, но так как нет никакой определенно установленной нормы, то ссылаться приходится только на практику переводов. Еще серьезнее обстоит дело с переводами украинизмов, а при переводе с русского варианта — с руссицизмами. К сожалению, в Венгрии до сих пор очень мало занимались вопросами разработки теории переводов со славян-

[54] Здесь мы имеем в виду не только «Історію української літератури в двох томах» (гол. ред. *О. І. Білецький*). Київ [1954—1957 р., но и «Історію української літератури у восьми томах» (ред. кол. *Б. С. Бур'як, О. Е. Засенко* и иные), тома которой выходят с 1967 г.

[55] Например, сейчас, пользуясь «Антологією української поезії в 4-х томах» (ред. *М. Т. Рильський, М. Нагнибіда*), Київ 1958, венгерское издательство «Magvető» готовится выпустить анатологию украинской поэзии на венгерском языке.

[56] Интересно в этом отношении издание сборника Ukrán elbeszélők. Budapest 1968, выпущенного издательством Európa и содержащего целый ряд коротких новелл украинских писателей разных времен, начиная от Квитки-Основяненко до современных советских авторов.

[57] Например, правильно ли поступает переводчик, превращая имя *Сашенька* в *Szasácska* (звучащее очень натянуто и в венгерской речи) — см. *Л. Первомайский*, «Дикий мед» в переводе *Д. Радо* (L. Pervomajszkij, Vadméz. Budapest 1969, 541); или применение архаической венгерской формы *Kijov* [Київ] в переводе романа Натана Рыбака «Переяславська рада» (N. Ribak, Örökre együtt. Ford. [Перевел] Radó Gy. Budapest 1956). А вот буквальный перевод имен приводит к совершенной путанице. См., например, в вышеупомянутом переводе романа «Переяславська рада», где восклицание *Слава Хмелю!* (речь идет о прославлении Богдана Хмельницкого, называвшегося в народе просто «Хмелем») в венгерском переводе звучит как *Üdv Komlónak* [Слава Хмелю], т. е. *хмель* переводится буквально и не имеет никакого смысла. В переводе же романа *М. Стельмаха* «Кров людська — не довиця» (M. Szteлman, Az ember vére drága. Budapest 1962) неточное, или, скорее свободное словоупотребление, привело к искажению мысли автора и «переосмысливанию» текста подлинника. В начале романа приводится песня: *Василь, василь, васильочок . . . Мій прекрасний ти цвіточок . . .* (Мать поет песню над телом убитого сына Василия.) Переводчица романа — Жужа Раб, приняв *Василек* только за цветок, переименовала его в розу (*Rózsa, rózsa, rózsaszálom . . .*), так как *роза* более принята в венгерском народно-поэтическом творчестве.

ских языков, а навыки опытных переводчиков не применялись в повседневной практике переводов.

В последние годы между венгерскими и украинскими издательствами заключена договоренность об осуществлении совместной работы над переводами произведений украинской литературы.[58] Надеемся, что такое сотрудничество венгерских и украинских издательств благотворно отразится на изданиях переводов из украинской литературы, и венгерский читатель получит, наконец, широкое представление о богатстве и многогранности украинской классической и современной литературы.

[58] Результатом совместной работы является, например, венгерский перевод романа *О. Гончара:* Тронка [Kolomp]. Ford. [Перевел] Magos L. Budapest—Uzsgorod 1968, 344).

Considérations sur les rapports entre les littératures slaves et non-slaves d'Europe Orientale *

L. DOBOSSY

Je voudrais tout d'abord exposer en quelques mots la thèse qui sera défendue et développée dans le présent aperçu.

A l'encontre des chercheurs éminents dont d'ailleurs je me permettrai de citer les vues au cours de mon exposé, je soutiendrai l'opinion selon laquelle il est fallacieux de limiter l'étude comparative des littératures d'Europe centrale et orientale aux seules littératures slaves ou — pour employer le terme du regretté Frank Wollman — à des phénomènes «interslaves»; pour arriver à une connaissance plus exacte et plus judicieuse des faits et des processus littéraires, il nous paraît désirable de prendre également en considération les littératures des peuples non-slaves ayant subi les mêmes lois de l'évolution que les peuples et les littératures slaves. Notre propos vise donc à démontrer que l'identité ou — au moins — le parallélisme des grandes lois de l'évolution sociale et culturelle ont influencé plus puissamment la formation de la littérature que ne l'a fait la parenté linguistique ou ethnique. Cependant, il serait évidemment absurde de nier ou de mettre en doute que — par exemple — l'idée de la communauté des peuples slaves («Všeslavia», «literární vzájemnost mezi kmeny a nářečími slavskými») lancée par Ján Kollár — d'ailleurs, paradoxalement, dans une ville et un milieu non-slaves, à Pest, en 1835 — ait joué un rôle important dans la constitution du fond idéologique de quelques-unes des littératures slaves, surtout au très troublant XIXe siècle. Par contre, la constatation purement scientifique de l'appartenance des Hongrois au groupe ethnique et linguistique finno-ougrien n'est jamais devenue un facteur agissant dans l'évolution littéraire (sinon par la négative, c'est-à-dire en éveillant le sentiment de la solitude entre les peuples germaniques et slaves). Et pourtant, en pensant aux grands courants de la littérature hongroise du XIXe siècle, force nous est de regretter cette absence de solidarité finno-ougrienne, car, à un moment donné, il aurait été bien stimulant d'appliquer la belle impulsion d'Élias Lönnrot. Mais, obéissant à une loi plus impérieuse, les poètes hongrois de cette période de transformation, voire de formation, ont préféré suivre le même chemin que leurs contemporains dans les pays limitrophes.

* Cet article a fait l'objet d'une conférence à l'Institut d'Études slaves de l'Université de Paris, le 5 décembre 1969.

Ainsi donc, à la lumière des exemples cités, nous pouvons préciser en guise de conclusion à l'exposé de motifs de notre thèse que par-dessus les différences ethniques ou linguistiques, et aussi, quelquefois, malgré les aspirations politiques ou idéologiques divergentes, l'évolution littéraire des peuples slaves et non-slaves d'Europe centrale et orientale obéissait aux mêmes lois, aux mêmes principes directeurs, et cela, indiscutablement, à cause de la similitude, voire même de l'identité des conditions historiques et sociales dans lesquelles vivaient ces peuples.

*

En entrant dans le vif du sujet, il me paraît indispensable de confronter les deux conceptions fondamentalement différentes de notre discipline, d'abord celle que nous pourrions appeler une conception exclusivement slave, ensuite celle qui conteste la validité de cette conception et attire l'attention sur le caractère disparate des civilisations slaves. Enfin, pour terminer, je retracerai les grandes lignes d'une troisième conception qui préconise l'étude parallèle et complexe des littératures slaves et non-slaves d'Europe centrale et orientale.

Il est généralement connu que la chaire du Collège de France où Adam Mickiewicz commença son enseignement, en 1840, avait pour nom *Chaire de langue et de littérature slave* (au singulier, comme s'il s'agissait d'une langue et d'une littérature slave commune); or, cette désignation suggère déjà à elle seule l'idée d'une étroite parenté des manifestations linguistiques et littéraires des peuples slaves. Il est vrai que quelques années plus tard, en 1866,probablement sous l'impulsion des méthodes critiques de plus en plus en vigueur dans la philologie et l'historiographie, ce nom fut mis au pluriel: *Chaire de langues et de littératures slaves*. Vu de plus près, on reconnaît aisément que l'idée de la cohésion interne des littératures slaves et davantage encore celle de l'existence d'une littérature slave commune et autonome, était un fruit de l'idéologie romantique; la prise de conscience des peuples — surtout des peuples d'Europe centrale et orientale — allait de pair avec la découverte de leur passé. Il nous paraît très important de préciser dès maintenant qu'une continuité consciente de la littérature, telle qu'elle existait dans les littératures de l'Europe occidentale depuis la Renaissance, n'avait pas pu s'établir — pour des raisons historiques et autres — dans l'évolution littéraire de l'Europe de l'Est. Ici, le renouveau littéraire (et linguistique) s'effectua à l'époque où Herder et ses adeptes exigeaient que les sciences historiques expriment et illustrent à la fois «l'esprit de l'époque» (der Geist der Zeit) et «l'esprit de la nation» (der Geist der Nation).

Quiconque essayerait de caractériser tant soit peu sommairement la différence de rhythme qui se manifeste dans l'évolution littéraire des deux grandes zones européennes, serait amené à constater de prime abord que le renouveau fondamental des littératures occidentales s'est réalisé à l'époque de la Renaissance, sous le signe de l'humanisme, tandis que celui des littératures d'Europe de l'Est eut lieu à l'époque de la transition entre le classicisme

et le romantisme, mais partout — dans chaque pays — sous le signe de l'idée nationale.[1] C'est même un des grands paradoxes de ces littératures que leur époque dominante (nous pourrions même dire: leur époque «classique») dont les oeuvres représentatives furent ressassées à l'envi dès la prime jeunesse par les générations successives, — coïncide avec l'éclosion de l'idéologie romantique et, partant, avec l'extraordinaire diffusion des idées nationales. Même si l'on admet, comme il faut l'admettre, que — surtout dans le cas des peuples slaves — l'attachement à des rêves romantiques était suggéré par un instinct d'autodéfense, force nous est de regretter la primauté du romantisme dans le renouveau littéraire des peuples d'Europe centrale et orientale. A la veille de leur histoire moderne, le mythe de leur grandeur ancienne devait inspirer la foi en l'avenir de leur nation: et la légende d'une communauté slave jadis puissante, était à même de rappeler aux nations modernes en formation qu'elles n'étaient pas faibles et délaissées puisqu'elles appartenaient à une immense famille de peuples dont les membres sont liés par la parenté linguistique aussi bien que par les mêmes aspirations littéraires.

C'est à peu près dans ce sens que Pavel Josef Šafařík, appliquant la méthode d'investigations romantique à l'étude des littératures slaves, s'est efforcé de prouver l'unité de l'esprit de ces littératures. S'inspirant des travaux fondamentaux de Josef Dobrovský sur une seule langue slave composée de différents dialectes (notamment: *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*, 1822) Šafařík conçut l'interdépendance des littératures slaves à l'instar de la parenté des langues slaves; sa *Geschichte der slavischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten*, publiée d'ailleurs à Buda en 1826, avait pour but d'élever un monument à la gloire des langues et des littératures slaves; c'était la première défense et illustration de la thèse selon laquelle les littératures slaves présentent des valeurs intrinsèques en conséquence de la parenté linguistique et ethnique des peuples slaves et aussi de leurs traditions communes et de leur situation politique semblable.

Cette conception slave de l'interdépendance littéraire formulée d'abord par Kollár et Šafařík, a connu par la suite de nombreux avatars, surtout par l'effet de l'ingérence des facteurs extra-littéraires, voire philosophiques et politiques. Je pense avant tout au panslavisme slavophile dont les rapports avec la survie de la pensée de Kollár et de Šafařík seraient extrêmement difficiles à déceler et déborderaient les cadres de cet exposé. D'autre part, je laisse aussi de côté les diverses manifestations de la poussée vers l'Est de l'idéologie impérialiste allemande qui ont constamment tenu en éveil la vigilance des comparatistes slaves. Mais les travaux des «Ostforscher» — surtout avant et après la première guerre mondiale — ne supportent guère la critique scientifique; même la célèbre étude de Karl Bittner *Methodologisches zur vergleichen-*

[1] Cf. T. Klaniczay, La possibilité d'une littérature comparée de l'Europe orientale: Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae 5 (1962) 125.

den germanisch—slavischen Literaturwissenschaft (1925) se présente comme un pamphlet politique camouflé en histoire littéraire, visant à prouver la suprématie allemande dans l'évolution des littératures slaves.

Quoi qu'il en soit, les vrais continuateurs de la conception slave préconisée par Kollár et Šafařík sont avant tout et incontestablement les brillants comparatistes tchèques, Jan Máchal, Jiří Horák et surtout Frank Wollman (récemment disparu). Frank Wollman a l'insigne mérite d'avoir précisé dans de nombreux écrits méthodologiques (ainsi par exemple dans *K methodologii srovnávací slovesnosti slovanské*, Brno, 1936, ou encore dans *Duch a celistvost slovanské slovesnosti*, Praha, 1948, de même que dans de nombreux articles et comptes rendus publiés par *Slavia)* les principes de recherche de cette école scientifique. Dans un article polémique, publié en français dans *Slavia* (1951), il a défini lui-même la substance de ses préoccupations qui sont d'ailleurs — avec plus ou moins de modifications — celles des autres adeptes de la conception slave. Wollman y évoque avec la fougue qui lui était coutumière la raison d'être même d'une telle conception.

«J'ai déjà plus d'une fois démontré — écrit Wollman — que le pilier sur lequel toute la philologie slave repose, est constitué par la littérature slave comparée. Sans celle-ci, la linguistique slave comparative se trouverait isolée. J'ai montré les affinités étroites entre l'étude de la littérature et la linguistique slaves comparées dans le domaine du style et de la langue littéraire.»

«La science comparative — poursuit Wollman — a démontré que les relations et les rapports mentionnés sont beaucoup plus nombreux parmi les peuples slaves et leur littérature que chez les nations romanes et germaniques ou entre les Slaves et l'Occident. Tout ceci nous autorise à concevoir une littérature interslave en tant qu'une partie de la littérature générale. Si les comparatistes réussissent à prouver par des faits dans le sens sus-mentionné, l'existence d'une littérature romane ou germanique, nous sommes prêts à l'accepter. Il reste aux romanistes et aux germanistes de tenter cette entreprise à laquelle nous leur souhaitons beaucoup de succès. — Parmi certains cas particulièrement caractéristiques des Slaves, il faut citer, entre autres, l'assimilation analogue d'influences et d'impulsions étrangères et le cas où l'une des littératures slaves (à savoir un écrivain, une école, une génération etc.) sert d'intermédiaire à une influence ou impulsion étrangère dans une littérature slave. De pareils cas se rencontrent plus fréquemment chez les Slaves que chez les nations germaniques, romanes ou autres. Les raisons en sont multiples: une plus grande affinité de langues slaves, les sièges cohérents et compacts des Slaves, une plus grande ressemblance des peuples slaves qui fait que la différenciation ethnique entre eux est aujourd'hui seulement en train de s'achever et les accords frappants dans leur évolution politique et sociale.»[2]

[2] Fr. Wollman, A propos de notre conception de la philologie slave: Slavia 20 (1951) 112—113.

Cette profession de foi scientifique implique d'une part une identité inconditionnée de la parenté linguistique et de l'interdépendance littéraire slaves, et, d'autre part, la spécificité intrinsèque de ce qu'on pourrait appeler — en reprenant le titre d'une revue jadis célèbre — «le monde slave». Et même si l'on remarque des nuances d'appréciation, cette même conception — formulée si clairement par Frank Wollman — se décèle dans de nombreux travaux plus récents consacrés à l'étude comparée des littératures slaves, à tel point que l'attachement à cette conception ou son répudiement nous paraît être la pierre angulaire de toutes préoccupations concernant les perspectives de notre discipline. Pour nous, il ne s'agit point de la répudier, mais bien plutôt de la compléter.

Quand nous lisons par exemple dans la magistrale esquisse des littératures slaves de Dmitri Čiževskij, intitulée *Outline of Comparative Slavic Literatures* (publiée en 1952) la description des principales caractéristiques valables pour les littératures slaves, nous sommes frappés de constater que toutes les particularités dont il fait mention, se retrouvent également et intégralement dans les littératures non-slaves d'Europe centrale et orientale. Voici un exemple parmi et pour tant d'autres: le professeur Čiževskij, en se référant à des phénomènes des littératures russe, ukrainienne et slovaque, démontre que les liens entre la haute poésie et le folklore y sont beaucoup plus étroits que dans les littératures occidentales. Loin de contester cette vérité de La Palice, force nous est de remarquer que le même lien étroit entre la poésie et le folklore se révèle aussi une des caractéristiques frappantes des littératures non-slaves d'Europe orientale. Qu'il nous suffise de nous référer au *Kalevala* finlandais, au *Kalevipoeg* estonien, à la littérature roumaine du siècle dernier, ou encore à la poésie hongroise, renouvelée au début du XIXe siècle grâce à l'impulsion de la poésie populaire . . . , et il devient évident qu'il ne s'agit pas là d'une particularité slave, mais bien d'un phénomène commun à toute l'Europe centrale et orientale. Il y a même de grandes littératures slaves, comme par exemple la littérature russe, dont le renouveau, au cours du XIXe siècle, est — à la suite de l'évolution sociale et politique — beaucoup moins conditionné par le folklore que celui des littératures non-slaves mentionnées plus haut.

Pour prendre un autre exemple, j'ai recours à la monographie tout à fait remarquable de Karel Krejčí sur l'historique du genre héroï-comique dans les littératures slaves (*Heroikomika v básnictví Slovanů*, Praha, 1964); le professeur Krejčí y donne une brillante analyse du changement de fonction subi par les genres littéraires et plus spécialement par le genre héroï-comique dans toutes les littératures slaves: ce qui dans les littératures occidentales n'a le plus souvent que des visées sociales ou idéologiques (ou encore tout simplement comiques) se remplit, arrivé dans l'ambiance d'une littérature slave, d'une mission politique, voire nationale ou même (quelquefois) nationaliste. Or, ce même changement de fonction se manifeste simultanément dans les

littératures non-slaves aussi; les épopées comiques des poètes hongrois Csokonai, Petőfi, Arany, tout comme la *Ţiganiada* du poète roumain Joan Budai-Deleanu sont de la même veine et répondent aux mêmes postulats politico-didactiques que les oeuvres du même genre et de la même période des littératures slaves.[3]

Ces quelques exemples indiquent déjà, je crois, qu'il serait aléatoire d'étudier les littératures slaves en vase clos, c'est-à-dire indépendamment des autres littératures environnantes qui présentent les mêmes caractéristiques typologiques. Il en découle également que la conception interslave préconisée par Frank Wollman inspire des doutes à quiconque réfléchit critiquement sur l'évolution historique des peuples slaves et sur les facteurs politiques, sociaux, religieux et autres qui ont contribué à former leur civilisation. Déjà André Mazon, dans sa très remarquable leçon d'ouverture du cours de langues et de littératures slaves au Collège de France, publiée en 1924 dans la Revue des Études Slaves (sous le titre *Le Patrimoine commun des études slaves)* a posé de nombreux points d'interrogation avant de rappeler les grandes périodes d'histoire littéraire où les rapports entre les littératures slaves étaient effectifs et agissants. Voici les doutes formulés par André Mazon qui nous paraissant toujours valables:

«S'il faut reconnaître que l'étude d'une langue slave comporte, pour être solide, l'examen d'un certain nombre de problèmes qui s'imposent à tous les slavistes, on peut douter, à première vue, qu'il en soit de même pour l'étude d'une littérature slave. Ne serait-ce pas une unité singulièrement fugitive que celle que l'on croirait trouver dans l'ensemble disparate qu'offrent aujourd'hui les littératures russe, polonaise, tchèque, croate et serbe, slovène, bulgare? Ces littératures n'ont-elles pas pour unique lien l'étroite parenté des langues par lesquelles elles s'expriment, sous la réserve encore que ces langues ont d'autant plus divergé les unes des autres qu'elles ont progressé dans la civilisation par des voies plus indépendantes?»[4]

S'appuyant sur cette constation de fond, André Mazon a souligné, à d'autres occasions aussi, l'hétérogénéité des civilisations slaves et par conséquent la vulnérabilité consubstantielle de la conception interslave proposée par Frank Wollman. Ainsi, par exemple, dans le compte rendu critique d'une étude méthodologique où Wollman a esquissé un programme de recherche pour l'histoire comparée des littératures slaves *(Slavia,* 1958), Mazon, après avoir énuméré les points essentiels de l'article de Wollman, déclare avec un rien d'ironie: «Ce sont là des têtes de chapitres bien connues, et il ne resterait qu'à en écrire les chapitres en prenant soin de considérer l'ensemble des peuples intéressés et le patrimoine commun de ce que l'auteur appelle la littérature

[3] Cf. L. Dobossy, Krejčís Deutung des Heroikomikums: Studia Slavica 11 (1965) 432—434.

[4] A. Mazon, Patrimoine commun des études slaves: Revue des Études Slaves (= RÉS) 4 (1924) 123.

«interslave» (mezislovanská slovesnost). Tâche intimidante, et que la «périodisation binaire» envisagée par lui ne contribuerait guère à faciliter. Mais nous sommes rassurés par la conclusion de cet exposé, où Frank Wollman reconnaît que dans ce vaste tout imaginaire des littératures slaves l'inventaire des «différences» est plus profitable et plus instructif que celui des «ressemblances». La réalité, telle que l'histoire l'a faite, reprend ses droits.»[5]

Le caractère disparate de la civilisation ou plus exactement des civilisations slaves, mis en relief par André Mazon, fut fort justement souligné par M. Roger Portal aussi, dans l'introduction à son livre de synthèse, *Les Slaves*, où il est précisé: «En dépit d'une origine commune et de l'analogie des langues, les peuples slaves ont entre eux plus de différences que de ressemblances. Une histoire séparée a modelé leurs traditions, leur genre de vie, leur mentalité.»[6]

Je me suis permis d'évoquer ces remarques impliquant des doutes à l'égard de la conception interslave, non point pour étayer ma propre thèse, mais bien plutôt pour indiquer les bases historicistes sur lesquelles se sont placés les érudits qui proposèrent une étude comparée plus complexe des littératures slaves. Parmi ces érudits, il convient de réserver des places à part à des comparatistes polonais qui — continuant les précieuses initiatives d'Aleksander Brückner — se sont plus d'une fois prononcés en faveur d'une conception souple selon laquelle les littératures slaves font partie intégrante des littératures européennes dont les grands courants se manifestaient différemment, d'une manière particulière, dans chacune des littératures des littératures slaves. Ainsi, Stanisław Kolbuszewski, dans la pertinente étude intitulée *Les littératures slaves et la littérature comparée*, publiée par la Revue des Études Slaves (en 1962), déclare sans ambages après avoir confronté les deux conceptions, que — malgré les filiations et les influences réciproques — les littératures slaves réagissaient différemment aux impulsions venues, dans la plupart des cas, de l'Occident.

«L'examen impartial montre que les courants intellectuels et artistiques n'évoluaient pas parallèlement dans l'histoire (des civilisations et des littératures slaves); que l'art et la littérature n'y suivaient pas les mêmes voies et que les faits culturels n'y concordaient pas; au stade actuel de nos recherches, il nous est même impossible de discerner si, à des époques différentes, l'orientation de ces littératures envers les grands mouvements de l'art et de la pensée était similaire, puisque même les réactions appropriées et sensiblement analogues n'y déterminaient pas la création littéraire. La synchronisation des époques mise en jeu comme principe de la division n'est donc pas acceptable. Quand le même courant culturel embrassait les peuples slaves, il n'y paraissait pas au même moment, il se manifestait chez eux d'une manière individuelle,

[5] Id., Histoire littéraire et littérature comparée: RÉS 36 (1959) 94.
[6] R. Portal, Les Slaves; peuples et nations. Paris 1965, 18.

et ses suites étaient différentes. — On ne peut pas non plus accepter la thèse de Jan Máchal qui, en parlant des „relations littéraires assez vives" entre les nations slaves, y voulait voir l'expression d'une conscience slave de l'homogénéité. De telles relations sont hors de doute, mais elle ne prouvent pas grand-chose, puisque des contacts similaires rattachaient par exemple la littérature tchèque médiévale à la littérature occidentale, la Renaissance polonaise et dalmatienne à celle de l'Italie; le Romantisme polonais puisait dans les littératures anglaise, allemande et française; l'apport du classicisme français dans la formation de la pensée et de l'art polonais au temps des Lumières fut plus grand que celui de la littérature tchèque médiévale dans la formation de la littérature polonaise au Moyen Age.»[7]

A l'encontre d'une telle conception axée essentiellement sur l'influence et la réception des grands courants littéraires, il nous semble plus équitable de considérer la réception comme un acte d'assimilation. Le choix même d'un courant ou d'une oeuvre que l'on veut implanter dans le sol d'une autre littérature, est déjà une forme spécifique de la création intellectuelle. On pourrait évoquer maints exemples pour prouver — comme d'ailleurs nous y avons déjà fait allusion — qu'un courant littéraire ou artistique qui s'est acclimaté dans une autre littérature, n'est jamais plus exactement le même que dans son pays d'origine. Or, le changement de fonction subi par les grands courants de la littérature mondiale au cours de leur acclimatisation dans les littératures d'Europe orientale accuse les mêmes traits caractéristiques indépendamment de ce que les littératures réceptrices sont slaves ou non-slaves. C'est pourquoi — même au point de vue purement théorique et méthodologique — il nous paraît plus instructif d'étudier les parallélismes dans l'évolution des littératures slaves et non-slaves que de rechercher les influences directes et réciproques dont d'ailleurs il serait aussi vain de nier l'existence, surtout dans certaines périodes de l'évolution, que d'exagérer le rôle dans l'ensemble des littératures et à toutes les époques historiques.

La cause primordiale du changement de fonction survenu aux faits littéraires et artistiques au cours de leur migration vers l'Est européen, il faut la chercher incontestablement dans des facteurs extra-littéraires qui ont déterminé les grandes lois de l'évolution des peuples et des pays d'Europe orientale. Ce que M. Roger Portal écrit pour caractériser cette évolution, s'applique intégralement aux peuples et aux pays non-slaves aussi. «Placés trop à l'Est, devant le vide asiatique, en dehors des grands courants de circulation mondiale qui ont animé l'Europe à partir du XVe siècle, ils ont connu très tard le développement industriel qui a modifié toutes les structures des sociétés occidentales.»[8]

[7] St. Kolbuszewski, Les littératures slaves et la littérature comparée: RÉS 41 (1962) 130—131.
[8] R. Portal, Op. c. 16.

L'observation judicieuse de M. Portal nous confirme dans la supposition que les forces qui contribuent à modeler une civilisation ou plutôt des civilisations, dépassent en puissance les contingences ethniques ou linguistiques. Cette constatation nous amène à concevoir l'existence historique de deux Europes (d'une Europe industrielle et d'une Europe agricole) dans lesquelles la vie et la civilisation s'étaient organisées différemment, surtout entre la fin du XVe et le début du XXe siècles. (Il convient de remarquer entre parenthèse que l'ouvrage d'un économiste français, Francis Delaisi, intitulé justement *Les deux Europes* et paru en 1929 chez Payot, a soumis à une brillante — parfois même trop brillante — analyse les preuves péremptoires de la spécificité de l'évolution économique et sociale des deux zones de l'Europe, sans s'occuper pour autant des aspects autrement plus embrouillés des phénomènes littéraires.)

La tâche que nous nous sommes assignée consiste à proposer une illustration aussi convaincante que possible de notre thèse sur le fonctionnement des parallélismes littéraires. Ce faisant nous développerons quelques aspects des sujets que nous avons déjà occasionnellement effleurés en présentant les deux conceptions opposées du comparatisme slave, et — pour des raisons de commodité — nous nous cantonnerons au seul XIXe siècle, parce que les phénomènes étudiés s'y présentent avec plus de netteté que dans les périodes précédentes ou suivantes.

Le premier fait qui frappe l'observateur est l'analogie interne qui s'est manifestée dans le déroulement du grand renouveau de chaque littérature est-européenne à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècles.

Déjà, l'ouvrage de Karl Dieterich *(Die osteuropäischen Literaturen in ihren Hauptströmungen vergleichend dargestellt*, 1911) a attiré l'attention sur les traits communs de cette période cruciale où il s'agissait essentiellement de rattraper les grandes littératures de l'Ouest; d'où l'importance, à cette époque, de la traduction dont le but n'a pas été seulement la transmission des oeuvres considérées comme classiques, mais aussi la mise à l'épreuve des moyens d'expression de la langue littéraire, radicalement renouvelée. A cette fin, on a procédé dans chaque pays d'Europe centrale et orientale à une substantielle réforme de langue qui ne concernait pas seulement l'enrichissement du vocabulaire, mais aussi un certain assouplissement de la structure grammaticale. Rien n'est aussi passionnant ni surtout aussi instructif que l'étude parallèle des discussions souvent orageuses qui ont accompagné cette mise au pas des langues nationales. On sait qu'en Russie les prodromes d'une pareille réforme de la langue littéraire se manifestèrent déjà au milieu du XVIIIe siècle, quand Lomonosov établit le système des «trois langues». Cependant, l'unification de la langue littéraire ne s'est réalisée que grâce à Karamzin, au tournant des deux siècles, et encore — il est vrai — d'une façon assez abstraite, mais pourtant suffisamment efficace pour que la véritable langue littéraire russe puisse s'épanouir dans l'oeuvre de Puškin, par un nouvel accouplement du langage

châtié et de la langue populaire. Les promoteurs du mouvement de réforme linguistique dans les autres pays de l'Europe orientale procédèrent quelque peu différemment selon la spécificité des buts que leurs littératures respectives se proposaient d'atteindre. Toutefois, il est à noter que ces instigateurs, bien qu'ils ne se soient point connus, professaient presque exactement les mêmes vues, les mêmes exigences, les mêmes programmes, comme il ressort clairement de l'étude révélatrice consacrée par Henrik Becker à l'histoire parallèle de la réforme linguistique en Hongrie et en Bohême, c'est-à-dire pratiquement à la confrontation critique de l'activité de Kazinczy et de Jungmann (*Zwei Sprachanschlüsse*, Berlin, 1948).

L'autre trait commun du renouveau de chaque littérature d'Europe centrale et orientale est le rôle exceptionnellement important que le folklore y a joué, dans toute la première moitié du XIXe siècle. Le romantisme comme idéologie n'y a pas instauré seulement la découverte de la conscience nationale, mais aussi celle du peuple et de la poésie populaire en tant que sources du renouveau national aussi bien que du renouveau littéraire. Descendre au sol nourricier de la poésie populaire, découvrir en elle la manifestation la plus pure de l'esprit national, se servir de la langue poétique populaire et des formes créées par la poésie du peuple: voilà le but principal et commun de toutes les littératures d'Europe centrale et orientale au cours des premières décades du XIXe siècle. Ces tendances visent à créer une vraie littérature nationale, une littérature qui n'appartiendrait plus à une seule classe sociale, mais à la nation tout entière. Créer une littérature élevée s'alignant sur des modèles occidentaux, et — en même temps — une littérature authentiquement nationale selon les modèles de la poésie populaire: cette intention est visiblement commune dans toutes les littératures de l'Est.

Il est inutile, je crois, de rappeler tous ceux qui — de Vuk Karadźić à Élias Lönnrot — ont de quelque manière que ce soit cherché les liens d'attache entre la poésie populaire et la haute littérature. Mais, même chez des créateurs aussi souverains que Puškin et Lermontov, ou Mickiewicz et Petőfi, nous relevons la présence de la poésie populaire à un degré beaucoup plus élevé que chez quiconque de leurs contemporains occidentaux. On connaît le rôle important de la poésie populaire dans l'oeuvre de Puškin et dans celle de Lermontov. Non seulement l'*Oniéguine* contient des éléments folkloriques, mais aussi le *Rousslan et Ludmilla*, les *Tziganes*, la *Fontaine de Baktchisseraï* et le *Prisonnier du Caucase* se basent sur la poésie populaire. Néanmoins, il est à noter que ce rôle de la poésie populaire en Russie est plus ou moins transitoire; après la formation de la littérature nationale, le folklore n'aura plus qu'une fonction périphérique. Par contre, en Hongrie, en Roumanie, ou même, presque paradoxalement en Bohême aussi, les formes de la poésie nationale garderont jusqu'à nos jours certains éléments populaires: le vers populaire s'adapte à l'expression des contenus les plus modernes.

Pour étayer notre thèse sur le rôle éminent et convergent de la poésie populaire dans le renouveau littéraire de tous les peuples d'Europe centrale et orientale, nous pouvons invoquer aussi les résultats des recherches musicologiques qui ont démontré qu'il existait un accord intime entre les diverses manifestations créatrices des peuples d'Europe orientale dans le domaine de la musique, et que cet accord intime n'était pas — ne pouvait être — conditionné par une affinité nationale ou raciale, mais bien par le même degré d'évolution sociale et intellectuelle.

A ce propos, je me plais à rappeler un mot du grand écrivain tchèque, Karel Čapek, qui — après avoir rendu visite au compositeur Béla Bartók (en 1936) et après avoir écouté avec émotion les doinas roumaines et les chansons slovaques enregistrées par Bartók — a noté que selon l'opinion de celui-ci les folkloristes musicologues des pays d'Europe centrale et orientale étaient dans l'impossibilité de connaître leur propre musique nationale sans la connaissance approfondie de la musique des peuples environnants. Du reste, Béla Bartók, dans son étude fondamentale consacrée à la classification typologique des rapports réciproques entre la musique populaire des Hongrois et des peuples avoisinants, réserve une mention spéciale à une catégorie de mélodies qui peut être caractérisée par «un certain jargon musical international de l'Europe Orientale». «Ces sortes de mélodies — note Bartók — existent aussi bien en Hongrie que chez les Slovaques, les Polonais, les Croates et les Ruthènes (elles sont par contre rares chez les Roumains). Elles ne caractérisent la mélodie populaire d'aucun des peuples énumérés; nous pourrions plutôt les concevoir comme appartenant à un certain jargon musical international de l'Europe Orientale. Nous ne pourrons probablement jamais établir chez quel peuple telle ou telle mélodie de cette catégorie a vu le jour. Cela n'a d'ailleurs pas d'importance.»[9] Il me semble que cette remarque de Bartók pourrait donner d'heureuses impulsions à quiconque étudie les rapports entre les littératures de l'Est européen.

On sait que le troisième grand facteur du renouveau des littératures de l'Europe de l'Est fut la découverte de l'histoire nationale. Étant donné que l'histoire en tant qu'inspiratrice des oeuvres littéraires et artistiques peut être considérée comme un des corollaires du romantisme, nous ne nous y attardons pas, même s'il est entendu que le rôle du genre ou plus exactement: des genres historiques est beaucoup plus important dans les littératures est-européennes qu'à l'Occident. Il nous paraît plus frappant et plus instructif de constater qu'au moment même où ces genres historiques se sont presque entièrement dépréciés en Europe occidentale, c'est-à-dire dans les dernières décades du XIXe siècle, on observe la survie, voire même une certaine renaissance parallèle de ce walter-scottisme dans toutes les littératures d'Europe centrale et orien-

[9] B. Bartók, La musique populaire des Hongrois et des peuples voisins. Budapest 1937, 9.

tale, où le Polonais Sienkiewicz, le Tchèque Jirásek, le Hongrois Gárdonyi le Croate Kumčić et bien d'autres encore ont remis en vogue le roman historique, avec le dessein évident et avoué de renforcer la conscience nationale de leurs peuples respectifs.[10] A ce propos, il importe de modifier le jugement récemment élaboré par les historiens des littératures en question qui se sont efforcés de prouver que les auteurs mentionnés et leurs émules représentaient le courant réaliste dans la mise en scène romanesque de l'histoire. Or, l'étude approfondie des parallélismes démontre que ces oeuvres historiques sont bel et bien le produit d'un néoromantisme spécifique, que l'on peut considérer pour d'autres raisons aussi comme une des caractéristiques communes de ces littératures au tournant des XIXe et XXe siècles. Et ici nous touchons de nouveau à un des traits les plus frappants de toutes les littératures de l'«autre Europe» (pour reprendre le terme de Francis Delaisi); c'est que dans cette aire géographique, les lettres et les arts ont été, non seulement dans la première moitié du XIXe siècle, comme nous l'avons déjà indiqué, mais — de fait — jusqu'aux années 1890, un facteur de poids dans le processus de la formation en nation. Ou bien ils voulaient enseigner, éduquer, relever, «ennoblir», comme l'a très justement remarqué le poète tchèque, Vítězslav Nezval, en parlant des traditions poétiques de son peuple: «Depuis les sentences des sonnets de Kollár jusqu'aux sentences explosives de Stanislav Kostka Neumann, la littérature tchèque s'est développée autour d'un noyau didactique à l'excès»;[11] ou bien, comme dans le cas de la littérature hongroise, ils répétaient leurs avertissements pathétiques au sujet de l'autodestruction, de la disparation, continuellement menaçante de la nation. Mais, de toute façon, c'était toujours l'engagement, l'action politique, le désir d'exercer une influence directe qui conditionnaient l'acclimatisation et le développement des courants artistiques qui, pourtant, dans leur pays d'origine, proclamaient d'ordinaire des principes humains généraux et visaient à des buts exclusivement esthétiques.

*

Étant donné que le roman historique est — par son essence même — orienté vers un certain didactisme sinon national du moins humanitaire et moralisateur, je crois qu'il ne sera pas déplacé d'invoquer encore un exemple à l'appui de notre thèse sur le changement de fonction survenu parallèlement dans toutes les littératures de l'Est dans des courants littéraires ou artistiques qui, à leur état initial, manquaient complètement de prosélytisme national.

Cet exemple complémentaire évoquera le symbolisme qui — après la conquête rapide et décisive des lettres françaises — s'est très vite répandu dans les autres littératures européennes aussi. Dans une étude consacrée aux origines

[10] L. Sziklay, Le roman historique au tournant du siècle: Studia Slavica 14 (1968) 371—384.

[11] V. Nezval, Z mého života. Praha 1965, 96.

de la poésie tchèque moderne, je me suis appliqué à démontrer que le symbolisme, arrivé à nos confins, s'est sensiblement tansformé, surtout, évidemment, quant à son contenu idéologique. Partout en Europe centrale et orientale, la poésie symboliste s'est adaptée aux traditions spécifiques de ces littératures, et, par conséquent, elle s'est assimilée — d'ailleurs des façons les plus diverses — aux luttes sociales et nationales du tournant du siècle. Qu'il suffise de rappeler la période symboliste des poètes tchèques Neumann et Sova, l'oeuvre du poète hongrois Ady, celle du poète bulgare Javorov, et il sera aussitôt évident que le symbolisme dans les littératures d'Europe centrale et orientale s'est chargé d'une fonction spécifique conforme à l'esprit et aux traditions de ces littératures.[12]

Pour conclure, je me permets de rappeler que je n'avais nullement l'intention de contester telle ou telle conception d'histoire littéraire. Je me suis contenté d'illustrer et de démontrer la thèse selon laquelle, aux étapes importantes des lettres modernes se manifestaient, en Europe centrale et orientale, des symptômes —tendances, courants, «écoles» et oeuvres —typologiquement, semblables. Ces nouvelles aspirations artistiques s'implantaient, le plus souvent, comme des emprunts dans les littératures slaves et non-slaves de cette partie du continent; cependant, enracinées dans leur nouveau milieu et adaptées aux traditions littéraires nationales, elles changeaient de fonction, mais de manière si spécifique que leur cheminement ultérieur au sein de ces littératures fut jalonné d'oeuvres aux structures identiques pour leur fond ou du moins semblables. Cela est d'autant plus important que les créateurs de ces oeuvres et les représentants de ces littératures ne se connaissaient généralement pas, ou encore bien des fois ils se croyaient opposés les uns aux autres sur le plan politique.

[12] L. Dobossy, Contribution à l'étude des origines de la poésie tchèque moderne: Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae 10 (1968) 281—292.

Adam Mickiewicz et l'idée de la liberté

GY. RADÓ

Sans vouloir fétichiser les idées dans le sens d'un *Zeitgeist* hégélien, on peut constater qu'elles mènent une vie presque biologique. Comme les êtres vivants entre la naissance et la mort, les idées — ou plutôt la signification des mots devenus les équivalents des idées dans l'opinion courante — changent aussi. Les *lumiéres*, qui ont éclairé le XVIIIe siècle, ne survivent que dans les musées, cependant qu'aux portes du XIXe siècle la *liberté* devenait l'idée dominante.

«Liberté, liberté chérie» — les mots de Rouget de Lisle ont résonné dans toute l'Europe; même les mouvements dirigés contre la liberté de tous inscrivirent sur leur drapeau, comme devise, la liberté — la leur. (En Amérique, les États du Sud, luttant contre l'abolition de l'esclavage. La même farce se joua sous nos yeux, quand le mouvement le plus antisocial de notre siècle, le nazisme, s'attribua le nom de «socialiste». Et quel changement de Protée a subi la notion de «progrés» à partir de l'époque des lumières et à travers l'essor du capitalisme jusqu'aux révolutions socialistes!)

La liberté, comme idée dominante, a mené depuis le seuil du XIXe siècle une vie agitée et variable. Ses changements (on peut dire à bon droit: son évolution) peuvent être mesurés avec une précision surprenante dans les oeuvres du grand poète polonais, Adam Mickiewicz. Les grands poètes réagissent toujours aux événements avec une sensibilité extrême, et Adam Mickiewicz, reçut en outre en partage un lot tragique pour lui-même, mais favorable à l'exacerbation de ses réactions de poéte.

*

1. Selon la philosophie française du XVIIIe siècle la liberté, droit naturel de l'homme, était une idée stérile, animée plus tard par la Révolution Française et mortifiée en Pologne après que celle-ci eut perdu son indépendance.

«Litwo! Ojczyzno moja!» — Lituanie, ma patrie — voici le commencement de l'épopée «Pan Tadeusz» de Mickiewicz, et le fait qu'un poète *polonais* chante sa patrie *lituanienne*, qui aujourd'hui appartient à la république sovié-

tique *biélorusse*, atteste d'un part la complexité nationale de ces régions, et d'autre part l'amitié historique des peuples qui y habitent.

À cause de cette complexité nationale, l'histoire de cette région fut assez mouvementée. Après les partages de la Pologne, ce territoire appartenait à la fin du XVIIIe siècle à la Russie. C'était la situation historique, quand Adam Mickiewicz est né à la veille de Noël de 1798 aux environs de Nowogródek.

Quand il écrivit «Litwo! Ojczyzno moja!», après l'insurrection de 1830—31, dans son exil à l'étranger, ces mots naïfs de son enfance résonnaient désormais avec une profonde tristesse: désormais il avait compris que tous ses souvenirs de jeunesse, le paysage charmant, les légendes des fleuves, les chansons des paysans, les premiers sentiments de sa vie, tout cela n'était devenu inévitablement que la complainte de la patrie perdue . . .

La littérature mondiale contemporaine n'avait pas encore atteint l'apothéose générale de la liberté nationale. Bien que l'«Egmont» de Goethe eut paru un quart de siècle plus tôt, la célébration littéraire des luttes pour la liberté d'une nation était un phenomène encore isolé. «Guillaume Tell» de Schiller parut pendant l'enfance de Mickiewicz, mais il n'est qu'un précurseur de la grande popularité de ce thème. Oui, l'idée de la lutte pour la liberté nationale n'était pas encore un thème de la littérature en général, bien qu'elle fut le thème le plus actuel, le plus ardent dans les cercles de la petite noblesse et des intellectuels polonais, où Adam Mickiewicz naquit et grandit. Toute sa vie, toute son oeuvre atteste l'importance décisive, définitive de ces années de son enfance: de 1798 à 1812.

2. 1812, la campagne de Russie. Les Polonais, de même que l'écolier Adam Mickiewicz espèrent que Napoléon va libérer leur pays partagé, et voilà que avec la Grande Armée, le prince polonais Joseph Poniatowski entre à Nowogródek. Suivent l'incendie de Moscou, Berezina, la perte de l'espérance polonaise, tout cela laisse sa marque dans l'âme du jeune homme, qui va faire ses études en août 1815 à l'université de Wilno (Vilnius).

Selon la mode de l'époque, les étudiants formaient des sociétés secrètes, une de celles-ci était la Société des Philomathes («des amis de l'étude») fondée en août 1817, dont Adam Mickiewicz fut un des dirigeants jusqu'en septembre 1820, quand il partit pour Kowno (Kaunas), où il alla enseigner. À Kowno il prit part à la Société des Philarètes, («des amis de la vertu») et c'est là qu'il fut arrêté avec d'autres philarètes en octobre 1823. Les autorités tzaristes soutinrent contre lui une accusation politique et le condamnèrent à l'exil. Il dut quitter sa patrie, où il ne revint plus.

Les historiens de la littérature polonaise ont effectué un immense travail de recherche dans les bibliothèques et les archives de leur patrie cruellement éprouvée, dans les documents des émigrés — documents qui ont survécu les cataclysmes — pour reconstruire l'activité des anciennes sociétés secrètes.

Ce qui provient de la plume de Mickiewicz — cent cinquantes pages à peu près dans l'édition critique de ses oeuvres complètes[1] — a surtout un caractère d'organisation. Entre les statuts et les règlements, les idées des philomathes par exemple sont formulées ainsi:

«. . . .[Dosyć] jest na Rzym rzucić okiem: pięć wieków ledwie mu wystarczyło na stałe urządzenie się wewnętrzne, które dokonawszy, we dwustu latach trzy części świata [zdołał] zagarnąć. Czym była Wielka Brytania przed utwierdzeniem parlamentu i konstytucji, a czym jest teraz?»[2]

Il est convaincu que l'étude de l'histoire des nations mènera au régime de l'esprit. Le 27 octobre 1819 il écrit à son collégue philomathe,Franciszek Malewski:

«Były sekty filosoficzne i religijne; my powinniśmy utworzyć sektę moralną.»[3]

Outre ces méditations philosophiques, le jeune Adam Mickiewicz arbore aussi ses idées sur la liberté sous une forme poétique. Nous pouvons citer quelques-uns de ses poèmes écrites dans cette période.

Dans sa «Pieśń filaretów» en décembre 1820, il écrivait:

«Wymowa wznieść nie zdoła dziś na wolności szczyt»[4]

et dans sa célebre «Oda do młodości» de la même période il chantait:

Pryskają nieczułe lody
I przesądy światło ćmiące;
Witaj, jutrzenko swobody,
Zbawienia za tobą słońce![5]

Les idées de Mickiewicz sur la liberté, formulées en cette période s'expriment d'une manière sans équivoque par l'image utopique dans le poème épique inachevé «Kartofla», image peinte par la prophétie de l'archange Michel, concernant l'Amérique future: un pays, où toute oppression sera inconnue et où les formes de vie ne seront définies que par les vertus civiques et la science. Le retour de ce monde utopique à la réalité: c'est le poème «Do Joachima Lelewela z okoliczności rozpoczęcia kursu historii powszechnej w Uni-

[1] A. Mickiewicz, Dzieła. Wydanie Narodowe. 1—16. Warszawa 1949—1955. 5: 7—149.

[2] Ibid. 13. [Il suffit de jeter un coup d'oeil sur Rome: cinq siècles à peine suffirent pour son instauration intérieure permanente, et, l'ayant réalisée, elle fut capable de conquérir trois parties du monde. Et la Grande-Bretagne, qu'est-ce qu'elle était avant la consolidation du parlement et de la constitution et qu'est-ce qu'elle est maintenant?]

[3] Voir: Maria Dernałowicz—Ksenia Kostenicz—Zofia Makowiecka, Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824. Warszawa 1957, 188. [Il y avait des sectes philosophiques et des sectes réligieuses; nous devons créer une secte morale.]

[4] Dzieła 1: 105. [L'éloquence d'aujourd'hui ne peut pas s'élever jusqu'au sommet de la liberté.]

[5] Dzieła 1: 104. [Il éclate maint glaçon d'insensibilité / Et maint préjugé ternissant toute clarté: / Salut, point du jour de la Liberté! / Le jour de la délivrance est à tes côtés.] (Traduit par A. Robin. Adam Mickiewicz 1798—1855. Hommage de l'Unesco à l'occasion du centième anniversaire de sa mort. Paris 1955, 176.)

wersytecie Wileńskim dnia 6 stycznia 1822 roku».[6] Adam Mickiewicz cherche de nouveau la vérité absolue, mais il voit les obstacles réels de telles recherches:

Człowieku, sługo wieczny! bo nie tylko zmysły,
Ale i sądy twoje od drugich zawisły.
Pierś dziecinną ojcowskie napełniają czucia,
Gdyś młody, uciskają zwyczajów okucia.
Nieraz myślisz, ze zdanie urodziłeś z siebie,
A ono jest wyssane w macierzystym chlebie;
Albo nim nauczyciel poił ucho twoje,
Zawżdy część własnej duszy mieszając w napoje.
A tak, gdzie się obrócisz, z kazdej wydasz stopy,
Żeś znad Niemna, żeś Polak, mieszkaniec Europy.[7]

Un grand succés: Adam Mickiewicz est de taille à esquisser l'histoire universelle en appliquant la mesure de la liberté. Son point de vue est celui de la monarchie constitutionelle, il fait l'éloge des chartes, qui —

«panów i sług powinność objaśniły . . . takie na Albijońskim spisano ostrowie i takie Jagiellony dali nam królowie».

Il est curieux que le poète recule devant la Terreur de la Révolution, et qu'en même temps il soit content, que

«z gminowładnego wzleciał ptak cesarski gniazda, i krwawa legiojonów zabłysnęła gwiazda».[8]

Ce poème refléchit les idées politiques du jeune Mickiewicz avec une totalité encyclopédique — les mêmes idées résonnèrent cinq années plus tôt dans l'«Ode à la Liberté» de son contemporain, Pouchkine, devenu bientôt son ami.

C'est l'ouvrage d'un libre-penseur.

3. La période suivante de la vie d'Adam Mickiewicz — de 1824 a 1829 — est signalée par les guerres d'indépendance de Grèce et d'Amérique du Sud, par une tentative vaine, celle des dékabristes, en Russie et, au contraire, par

[6] Selon la chronique de la vie de Mickiewicz (voir note 3) p. 319., la date de cette épître se base sur une petite erreur, car les leçons de Lelewel commencèrent le 9 janvier.

[7] Dzieła 1: 110. [Homme éternel esclave! non-seulement tes perceptions, mais tes idées mêmes dépendent toujours de ce qui n'est pas toi! Enfant, les préjugés héréditaires ont nourri ta pensée, jeune homme, les entraves de l'habitude la compriment; tu crois souvent avoir enfanté une idée, et tu l'as sucée dans le lait maternel, ou bien ton maître en a saturé tes oreilles, en mêlant toujours son áme à tes aliments: et quoi que tu fasses, on devine à chacun de tes actes que ton fleuve natal c'est le Niémen; ton pays, la Pologne; ton univers, l'Europe!] (Traduit par Chr. Ostrowski. Oeuvres poétiques complètes de Adam Mickiewicz. Deuxième édition. 1—2. Paris 1845, 1: 333. Cette traduction ancienne contient les mots «ton univers, L'Europe», oú le poète écrivait «tu es un habitant de l'Europe».)

[8] Dzieła 1: 113, 114. [. . .stipulent les rapports entre maîtres et serviteurs. Telle est la charte que la verte Albion écrit sur ses campagnes, et celle que nous donnent les les rois Jaghellons . . . de l'ère démocratique s'envole l'aigle impérial, l'étoile des légions polonaises se lève sanglante.] (Traduit par Chr. Ostrowski. Oeuvres poétiques complètes. 1: 335—336.)

l'aggravation du joug de la Sainte-Alliance. Dans le monde entier les sons poétiques de la liberté faiblissent, Byron meurt, Pouchkine est censuré, le libéralisme se retire en conspiration.

Le poète vit en Russie, son exil n'est pas trop cruel, il enseigne à Odessa, il fait des voyages, les dékabristes et Pouchkine sont ses amis.

La lutte du captif pour sa liberté: c'est la forme de l'idée libérale chez Mickiewicz en cette période.

Konrad Wallenrod, le héros du poème homonyme, est un membre nimbé de gloire de l'ordre des Chevaliers Teutoniques, qui, après avoir subjugué la Prusse, étaient en train de conquérir la Lituanie encore païenne. Konrad, figure byronique, mystérieux et farouche, forgeait un projet démoniaque, quand il fut élu Grand-Maître de l'ordre: mener l'ordre à la ruine. Car Konrad était un patriote lituanien, qui jouait seulement le rôle du héros de ses ennemis pour libérer sa patrie. Quelques critiques appelèrent le poème «Konrad Wallenrod» la glorification de la trahison. Mais Konrad resta fidèle à son idéal: la libération de sa Lituanie, et s'il réussit à décevoir ses ennemis, ce fut par son arme spéciale et non pas unique dans l'histoire des guerres secrètes. Mickiewicz donne la leçon de la lutte conspirative à ses compatriotes, et cela représente une nouvelle phase dans l'évolution de ses idées concernant la liberté. Un héros qui lutte pour la liberté, était l'initiateur actif déjà dans son poème «Grażyna» (écrit en 1821—1822), mais dans «Konrad Wallenrod» il donne des directives précises concernant la lutte secrète, la destruction interne de l'ennemi. Le fait, qu'il choisit une citation de Machiavel comme épigraphe de ce poème, a aussi sa signification.

La censure tzariste permit l'édition de ce poème, parce qu'Adam Mickiewicz avait déjà appris la technique de la conspiration: s'exprimer avec des mots compréhensibles aux amis et en même temps inintelligibles aux ennemis. Une leçon apprise bientôt par toute la nation polonaise. Oui, ses compatriotes ont compris qu'il pensait à l'influence des idées démocratiques, quand il parlait des influences littéraires dans son article «O krytykach i recenzentach warszawskich»:

«Nasi uczeni, oprócz literatury francuskiej do połowy ośmnastego wieku, nic godnego uczenia się nie widzą. Rozumują z kalifem Omarem, że albo wszystkie obce literatury zgodne są z poetyką Boala, i wtenczas mniej potrzebne, albo nie zgodne, a zatem szkodliwe».[9]

4. Le 27 mai 1829 Adam Mickiewicz quitta la Russie à bord d'un navire anglais. Un pélerinage commença, pendant lequel Adam Mickiewicz fit aussi la connaissance de Goethe, voyagea en Allemagne, en Suisse et en

[9] Dzieła 5: 261. [Nos savants ne voient rien de digne à l'imitation, sauf la littérature française jusqu'au milieu du XVIIIe siècle. Ils s'entendent avec le calife Omar, que toutes les littératures étrangères ou bien s'accordent avec la poétique de Boileau et sont alors moins nécessaires, ou bien ne s'accordent pas avec elle et sont alors nuisibles.]

Italie; à la nouvelle de la révolte de Pologne, il partit pour sa patrie, mais il n'arriva à la frontière prusso-russe qu'au moment où la révolte était déja battue . . .

Pendant ces deux années, signalées aussi par une révolution en France, peu d'oeuvres de Mickiewicz naquirent. Leur atmosphère est gravement pessimiste; évidemment le poète était déçu: ses illusions sur la liberté occidentale, dont il se berçait dans son exil oriental, s'étaient envolées. La comédie humaine, Goethe pouvait la contempler d'en haut avec le sourire d'un dieu grec, Balzac et Dickens en souffraient péniblement, Edgar Poe, Leopardi et Musset en périrent. L'évolution de l'idée de la liberté dans l'esprit de Mickiewicz — peut-être aussi dans l'opinion publique européenne de ces années là traversait une crise grave . . .

5. «Le printemps de Dresde», période de la vie d'Adam Mickiewicz jusqu'en juillet 1832, fut de nouveaux fructueux pour lui. Alors et pendant ses années de Paris jusqu'en 1834, l'évolution de ses idées sur le contenu de la liberté arriva à une phase nouvelle. Une guerre mondiale pour la liberté des peuples: voilà la définition de cette phase nouvelle. Pas une guerre mondiale dans le sens du XXe siècle, pas un massacre des millions, mais une lutte commune des peuples pour leur liberté — une lutte comme celle qui allait commencer en 1848, un «printemps des nations» qui ne pouvait être plus qu'un printemps, parce que la moisson fut empêchée par les forces réactionnaires encore prédominantes . . .

«Do przyjaciół Moskali»: c'est la le titre d'un des «Épisodes» du poème dramatique «Dziady», où Adam Mickiewicz souhaite que

«aż na północ zalecą te pieśni żałosne . . . i . . . niech wam zwiastują wolność».

Ici-même le poète démasque ses affinités avec l'attitude de Wallenrod, son identité avec son héros:

Poznacie mię po głosie; pókim był w okuciach,
Pełzając milczkiem jak wąż, łudziłem despotę . . .

La main du poète russe Bestoujeff, laquelle

«w minach ryje, skuta obok polskiej dłoni»[10]

est une vision attachée nécessairement à une autre, quand les mains des diverses nationalités rompront leurs chaînes et empoigneront leur sabre ensemble. C'est déjà la nouvelle interprétation du mot «liberté» par Mickiewicz.

[10] Dzieła 3: 305, 306. [. . .ces chants plaintifs vous parviennent jusque dans le Nord . . . et puissent-ils vous augurer la liberté . . . Vous me reconnaîtrez à ma voix ! Tant que j'étais dans les fers, en rampant silencieusement, je trompais le despote . . . pioche dans une mine, rivée à côté d'une main polonaise . . .] (Traduit par lui-même et par ses fils. Chefs-d'oeuvre poétiques d'Adam Mickiewicz. Deuxième édition. Paris 1924, 344.)

6. Une autre vision se présente dans l'oeuvre «Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego», écrite à Paris en 1832 — une longue série de visions religieuses historiques, pour qu'à la fin, dans le 22e chapitre des pélerins, on voie une scène, où

«Wolność zasiędzie na stolicy świata, będzie sądzić narody»,

avec une prophétie de Cassandre:

«Odrzuciły mocarstwa kamień Wasz od budowy europejskiej, a oto kamień ten stanie się kamieniem węgielnym i głową przyszłej budowy, a na kogo on upadnie, tego skruszy; a kto nań potknie się, ten upadnie i nie powstanie. A z wielkiej budowy politycznej europejskiej nie zostanie kamień na kamieniu.»[11]

Dans le projet d'une proclamation qu'il voulait adresser aux Russes, il écrit:

«. . .carowie znając, iż potrzeba wzbudzać niezgodę, ażeby bezpiecznie panować, roszczą mniemanie, jakoby wolność Polski miała być zgubą Rosji. Ale wolność jest tym dziś, czym była wiara niegdyś . . . Narody nie mają żadnego interesu gubić się nawzajem. Dzień upadku despotów będzie pierwszym dniem zgody i pokoju narodów.»[12]

L'ouvrage le plus grandiose et le plus important d'Adam Mickiewicz dans cette période est sans doute l'épopée dont nous avons déjà cité la première ligne: «Pan Tadeusz», considéré comme l'épopée nationale des Polonais. Sous un autre titre — «Żegota» — une autre variante de ce poème est resté en brouillon: quatre «livres» (au lieu de douze dans la variante finale) écrits pendant le séjour de Mickiewicz en Allemagne: évidemment la vie des manoirs polonais dans les régions occupées par les Prussiens éveilla les souvenirs de jeunesse du poète, et il ne voulut que perpétuer quelques scènes caractéristiques de cette vie sous forme d'une lecture amusante. Mais la situation après la défaite de la révolte donna une actualité politique au thème; paradoxe bizarre: le poète pouvait rendre son oeuvre actuelle en fixant le temps de l'action à un quart de siècle plus tôt. Les images de l'ancienne vie provinciale, des traditions pouvaient tenir en éveil dans l'esprit des émigrés l'idée de la patrie perdue et il voulut, en même temps, soutenir leur coeur par l'évocation de l'optimisme, de l'essor et des espoirs polonais des temps napoléoniens. Voici l'interprétation de l'idée de la liberté dans cette évocation du passé, le contenu du mot «liberté» dans cette oeuvre centrale de la littérature polonaise:

[11] Dzieła 6: 53—54. [. . .la liberté s'assiéra sur le trône du monde, elle jugera les nations . . . Les puissances ont rejeté votre pierre de l'édifice européen, et voilà que cette pierre deviendra la pierre angulaire, et la clef de l'édifice futur; et celui sur qui elle tombera, sera écrasé; et celui qui se heurtera contre elle, tombera et ne se relèvera plus. Et du grand édifice politique de l'Europe actuelle, il ne restera pas pierre sur pierre.] (Traduit par Ch. de Montalambert. Adam Mickiewicz 1798—1855. 212, 213.)

[12] Dzieła 6: 154. [. . .les tzars, qui savaient qu'il faut soulever le mécontentement pour régner paisiblement, entretiennent les gens dans l'erreur que la liberté de la Pologne équivaut à la ruine de la Russie. Mais la liberté est aujourd'hui la même chose qu'était la foi auparavant . . . Les peuples n'ont aucun intérêt à se détruire mutuellement. La journée de la chute des tyrans sera la première journée de l'accord et de la paix des peuples.]

L'idée de l'indépendance nationale de la Pologne, une indépendance réalisée par le ralliement de toute la société polonaise.

Ce ne sont pas certaines lignes, certaines déclarations — c'est le poème entier qui exprime cette idée de l'auteur. Le petit noble et le magnat, le tavernier juif et le paysan luttent dans une union fraternelle pour la patrie. Le programme social de cette union se trouve dans la grande scène finale, quand Tadeusz déclare:

> Sami wolni, uczyńmy i włościan wolnemi,
> Oddajmy im w dziedzictwo posiadanie ziemi,
> Na której się zrodzili, którą krwawą pracą
> Zdobyli, z której wszystkich żywią i bogacą.[13]

7. Adam Mickiewicz avait trente-six ans, quand il finit le chef d'oeuvre de sa vie et pendant les vingt et un ans qu'il vécut encore, il n'écrivit que quelques vers — de petites perles — quelques pièces au succès très modeste et des articles, des proclamations, des synthèses historiques — oeuvres plutôt politiques que littéraires. Dans une lettre, qu'il écrit le 31 octobre 1835 à son ami Hieronim Kajsiewicz, on lit:

«. . .Prawdziwa poezja naszego wieku jeszcze może nie urodziła się, tylko widać symptomata jej przyjścia. Zbyt wiele pisaliśmy dla zabawy albo celów zbyt małych. Przypominaj, proszę, te słowa St. Martina: ‚On ne devrait écrire des vers qu'aprés avoir fait un miracle'. . . często zdaje mi się, że widzę ziemię obiecaną poezji jak Mojżesz z góry, ale czuję, żem niegodzien zajść do niej.»[14]

La crise intérieure du poète, représentée par ces mots, ne bouleversa cependant son caractère de poète: ce caractère se manifestera dans ses oeuvres historiques. La première de celles-ci a encore peu de rapport avec la science. Mickiewicz l'a écrite en français et elle parut dans l'édition posthume de 1872, à Paris sous le titre: «Premier chapitre des guerres futures, récit humoristique et prophétique.» Dans cette oeuvre utopique la guerre des nations devient une guerre des systèmes sociaux, et son héros est — quinze ans avant le «Manifeste Communiste» — le prolétaire! Curieusement, dans cette guerre future, l'armée des confédérés démocratiques et révolutionnaires est commandée par un Hongrois et par un Ukrainien, leur force principale est la cavalerie hongroise, tchèque et cosaque. Outre ces curiosités, nous faisons

[13] Dzieła 4: 345. [Puisque nous voilà libres, donnons-leur aussi la liberté; donnons-leur en héritage la terre sur laquelle ils sont nés, qu'ils ont conquise en quelque sorte par leur travail et leurs sueurs, et dont ils ont tiré notre propre nourriture et nos richesses]. (Traduit par Chr. Ostrowski. Oeuvres poétiques complètes. 274—275.)

[14] Dzieła 15: 133—134. [La vraie poésie de notre âge n'est peut-être pas encore née, on ne voit que les symptômes de son arrivée. Nous avons écrit trop pour l'amusement ou pour des buts trop mesquins. Vous souvenez-vous, s'il vous plaît, de mots de St. Martin: «On ne devrait écrire des vers qu'après avoir fait un miracle». . . il me semble souvent que je vois la Terre Promise de la poésie, comme Moïse du haut du mont, mais je me sens incapable d'y arriver.]

connaissance dans cette oeuvre du parti des «réalistes», formé surtout des ouvriers et des paysans, qui ne connaissent qu'un seul dogme, celui de la réforme agraire . . . Quinze ans avant le «Manifeste Communiste» se dessinèrent dans l'imagination d'Adam Mickiewicz les contours de l'internationalisme prolétarien. Cette oeuvre nous intéresse comme un échelon qui menait à la phase prochaine de l'interprétation de la liberté dans l'idéologie de Mickiewicz.

Ce n'est qu'un échelon menant vers un développement futur, car dans cette période-là — une très longue période de la vie du poète, de 1834 à 1847 — Adam Mickiewicz s'occupa d'abord de l'histoire de la littérature latine et des littératures slaves (il enseigna en 1839—1840 à Lausanne, à partir de 1840, pendant quatre ans, au Collège de France, où Georges Sand, Frédéric Chopin, Saint-Beuve, Michelet et Cavour l'écoutèrent), puis il s'enfonca dans le mysticisme. À Paris il tomba sous la coupe du charlatan hypnotiseur polonais Andrzej Towiański et devint bientôt un membre très actif de la secte de ce dernier. L'influence néfaste de Towiański poussa le poète au mysticisme, auquel il inclina pendant toute sa vie. Dans ses délires mystiques — évoquant une fois le tzar Alexandre I, une autre fois Napoléon — il ne s'occupait pas de l'interprétation du mot «liberté» . . .

Mais, ce qui est important à l'égard du développement futur de ses idées, qui n'avaient concerné auparavant que la nation polonaise — elles s'étendirent au cours de son séjour au Collège de France: elles embrassèrent désormais plusieurs nations, à savoir les nations slaves.

Peut-être, en choisissant le sujet de ses cours parisiens — «Cours de littérature slave» (après le «Cours de littérature latine professé à Lausanne»), avait-il déjà à l'esprit ses conclusions finales — ou peut-être ces dernières se précisèrent-elles seulement pendant les cours mêmes, et ce fut le processus du *docendo discimus* qui lui enseigna ces conclusions. Quoi qu'il en soit, Adam Mickiewicz donna le «Résumé de l'histoire politique des États slaves» dans son vingt-cinquième cours le 27 juin 1843.

D'abord il synthétisa tout ce qu'il avait dessiné de cette histoire politique en rapport avec l'histoire de la littérature des nations slaves.

> «Cette vaste race» — écrit-il — «. . .apparaît, vers le VIe siècle, comme ayant déjà à peu près réalisé l'idéal du bonheur domestique et communal.»

Cet idéal commun se perdit dans les vicissitudes historiques, les diverses nations slaves se formèrent avec des caractères très différents, tandis qu'à présent

> «la grande lutte entre ces trois frères mythiques, entre le Russe, le Lech et le Czech est moralement finie; ils sont morts tous trois ! C'est en vain qu'on voudrait maintenant pousser ces peuples les uns contre les autres au nom de leur vieille haine nationale. . . tous les regards des peuples slaves cherchent dans le ciel et sur la terre celui qui en recueillera l'héritage . . . Les temps sont passés où les nations disaient: Chacun chez soi, chacun pour soi. En quoi consisterait le progrès des nations si elles ne tendaient pas

vers la construction d'une unité religieuse, politique et sociale? Les Slaves ont acquis le sentiment de ce besoin . . .»[15]

L'idée abstraite du poète — la liberté comme héritage slave — n'avait rien de commun avec le panslavisme qui camouflait l'expansionnisme des tzars ou frayait son chemin. Elle n'était qu'un stade intermédiaire entre l'idée de la liberté nationale et celle de caractère international.

8. L'année 1848 presque toute l'Europe était en effervescence. En février à Paris, en mars à Vienne, à Pest, à Milan, à Berlin, à Munich, en juin à Prague etc. etc. éclataient les événements révolutionnaires. Déjà le pressentiment de cette tempête secouait la torpeur d'Adam Mickiewicz.

Le 21 janvier il quitta Paris pour arriver douze jours plus tard à Rome. Il voulait mettre une légion polonaise sur pied.

Le 29 mars les treize premiers membres de la légion publiaient une proclamation de quinze points, rédigée par Mickiewicz. Le treizième point («Każdej rodzinie rola domowa, pod opieką gminy. Każdej gminie rola gromadna, pod opieką narodu») et le quatorzième («Wszelka własność szanowana i nietykalnie pod straż urzędowi narodowemu oddana»)[16] nous intéressent spécialement parce qu'ici des éléments socialistes avaient paru chez Mickiewicz dans son idée sur la liberté.

La légion polonaise prit part à la lutte des nationalistes italiens; «*per la Nostra e la Vostra Libertà*» — c'était l'inscription de leur drapeau. Et quand la lutte militaire devint impossible en Italie, Mickiewicz continua la lutte politique comme journaliste à Paris.

Son arme était un journal: La Tribune des Peuples, qui parut du 15 mars 1849 au 10 novembre de la même année. Un journal de rédaction internationale: des Français, des Polonais, des Italiens, des Russes, des Roumains, un Allemand, un Espagnol, un Croate, un Belge et un Chilien figuraient parmi ses collaborateurs. Il y avait Herman Ewerbeck, un des rédacteurs de la Neue Rheinische Zeitung de Karl Marx, et le Roumain Nicolae Bălcescu, un dirigeant de la révolution roumaine de 1848, le représentant de la solidarité révolutionnaire hungaro-roumaine. Tous faisaient profession de foi du socialisme — des différentes tendances socialistes, il y avait parmi eux des disciples de Proudhon, de Cabet, de Fourier et de Saint-Simon.

Adam Mickiewicz lui-même écrivit environ cent articles pour ce journal. Alors que nous n'avons trouvé que des citations dispersées dans les oeuvres antérieures du poète pour prouver les changements de son opinion sur la

[15] A. Mickiewicz, Les Slaves. Cours professé au Collège de France (1842—1844). Paris 1914. 212, 221—222.

[16] Dzieła 12: 8. [Á toutes les familles un terrain propre sous la protection de la municipalité. Á toutes les municipalités un terrain communal sous la protection de la nation . . . Toute sorte de proprieté est respectée et remise intacte à la garde de l'autorité nationale.]

liberté — ses articles écrits pour La Tribune des Peuples nous fournissent des arguments abondants pour montrer le contenu socialiste de l'opinion du poète à cette époque.

Voici quelques exemples des articles rédigés en français par Adam Mickiewicz.

Dans le premier numéro du journal parut son article daté du 14 mars, «Notre Programme», qui commence par une déclaration de solidarité des peuples:

«La situation de l'Europe est telle qu'il devient désormais impossible pour un peuple de marcher isolément dans la voie du progrès, sous peine de se perdre lui-même en compromettant ainsi la cause commune.»

Et la seconde phrase contient une expression importante:

«Les ennemis du peuple, en Europe, n'ont cessé d'agir solidairement entre eux . . .»[17]

Voici les ennemis de la liberté nommés les ennemis du peuple! Et plus tard l'auteur de l'article désigne le but du journal, qui veut

«défendre les droits de la France, s'ils concordent avec les intérêts de la cause populaire en Europe . . .»

Oui, de la cause populaire.

Et voici aussi la définition du sujet de cette cause populaire: c'est

«le peuple proprement dit, c'est-à-dire celui qui jusqu'à présent n'a pu aller dans les écoles ni lire de livres, ne possède aucun moyen de savoir ce qui se passe réellement à l'étranger».[18]

Et, pour finir la caractérisation de cette terminologie, nous soulignons que dans cet article le journal s'appelle «un organe populaire européen».

«L'Italie manque d'argent!» c'est le titre de l'éditorial du 18 mars, où on lit que les révolutionnaires ont respecté la propriété des riches; certes, le général autrichien va rançonner les villes italiennes pour employer à l'écrasement de la révolution les ressources matérielles épargnées par les révolutionnaires. Mickiewicz prétend que la révolution bénéficie du droit d'expropriation.

Dans l'article «La séance de l'Assemblée» (paru le 14 avril) il demande s'il est possible que les exploiteurs capitulent devant la logique des arguments quand ils sont resté sourds à tous les sacrifices des générations.

Du 15 au 20 avril, parut en trois parties l'article d'Adam Mickiewicz intitulé «Le socialisme», dans lequel il déclare avec passion:

«Non, le système socialiste n'est pas une négation . . . vous n'avez pas le droit d'accuser le socialisme de n'être qu'une négation»

et il continue l'apologie poétique du socialisme:

[17] Adam Mickiewicz 1798—1855. 216.
[18] Ibid. 218.

«Le socialisme moderne n'est que l'expression d'un sentiment aussi ancien que celui de la vie, du sentiment de ce qu'il y a d'incomplet, de tronqué, d'anormal et, par conséquent, de ce qu'il y a de malheureux dans notre vie. Le sentiment socialiste est un élan d'esprit vers une existence meilleure, non pas individuelle, mais commune et solidaire . . .»

Et l'expression moderne du sentiment ancien,

«le socialisme, tout nouveau qu'il est, a des désirs nouveaux et des passions nouvelles, qui ne peuvent pas être compris des hommes de la vieille société . . .»[19]

Le 7 mai, dans un des articles du cycle intitulé «L'orléanisme», Adam Mickiewicz donne une autre définition poétique, celle de l'internationalisme. Il dessine une vaste et magnifique image de l'avenir, où les Hongrois auront fait triompher leur indépendance, que la Pologne aura jeté à bas son pierre tombale, que l'Allemagne et l'Italie seront ressuscitées — de l'avenir où tous les peuples seront désormais libres, les uns avec l'aide des autres, les autres pour aider ceux qui en ont besoin . . . Alors ils proclameront la seule vraie Sainte-Alliance, la Sainte-Alliance des peuples . . . Mais ce ne sera, dans cette vision poétique, que la première étape de l'oeuvre des nations. La deuxième partie, commencée par toutes les nations en commun, la tâche la plus difficile, ce sera d'assurer à chacun le partage qui lui revient du bonheur acquis par le travail commun . . . Vraiment comme une vision d'une société communiste . . . Mais Adam Mickiewicz, le poète qui cherche la vérité, accède aux calculs du savant économiste et historien même dans l'indication des buts proches et pratiques. Par exemple il plaide déjà, dans son second article («Préface au procès de Bourges», le 15—16 mars) la cause d'Auguste Blanqui et de ses compagnons estimés des vrais chefs du parti prolétaire, des vrais communistes révolutionnaires par Marx et Engels aussi . . .

Le gouvernement de Louis-Napoléon préparait le second Empire et trouvait inconfortable que La Tribune des Peuples paraisse à Paris. Suivirent des vexations policières, Adam Mickiewicz fut discrètement éloigné, le nouveau rédacteur du journal fut arrêté, et le 10 novembre parut le dernier numéro de La Tribune des Peuples . . .

Les six années dernières de la vie d'Adam Mickiewicz se passèrent dans un monde déprimé.

«L'Europe est silencieuse, elle est de nouveau silencieuse, ses révolutions sont passées . . .»

— écrit le barde hongrois, Petőfi, au commencement de l'année 1849, puis il tombe au champ de bataille en même temps que l'intervention du tzar étrangle sa révolution, en juillet. Le journal révolutionnaire du poète polonais lui survécut encore de trois mois . . .

[19] Ibid. 223—224.

La réaction triompha dans toute l'Europe, et bientôt une nouvelle phase des guerres européennes éclata: la conflagration impérialiste autour de la question d'Orient.

Adam Mickiewicz qui fut destitué de sa chaire du Collège de France en avril 1852, perdit ses ressources et reçut enfin un emploi de grâce: il fut nommé bibliothécaire de la Bibliothèque de l'Arsenal à Paris. Il habitait et travaillait déprimé et abandonné . . . La nouvelle de la guerre de Crimée le secoua de sa léthargie — pour la dernière fois de sa vie.

Quand la tension entre la Russie et la Turquie augmenta et qu'il devint évident que la France et l'Angleterre allaient se confronter avec l'Empire du tzar, Adam Mickiewicz, le poète qui avait fait profession de foi pour le socialisme et la solidarité internationale des mouvements populaires par ses articles dans La Tribune des Peuples, qui avait approché même le socialisme scientifique, le poète-journaliste, qui devait apprendre que le triomphe de ces idées était de nouveau retardé par les forces de la réaction — ne put pas renoncer à la possibilité du moment: à la possibilité ou au moins à l'espoir de la libération nationale de sa patrie. Cette idée qui l'animait dès son enfance, qui nourrit ses plus belles pages et aussi son opinion sur la liberté dans toutes les phases de son développement idéologique, cette idée semblait devenir actuelle et réalisable par la guerre des grandes puissances.

Le chef des émigrés polonais, le prince Adam Czartoryski, un protecteur du poète même quand la politique les séparait, l'aida maintenant à déployer son activité. Par son intervention, Adam Mickiewicz reçut en septembre 1855 du gouvernement français la mission de partir pour la Turquie. La tâche pour laquelle Mickiewicz s'engagea d'abord, fut l'étude des institutions culturelles des chrétiens vivant sous la domination turque — mais quand le poète arriva à Constantinople, l'organisation d'une légion polonaise était déjà en train. Les querelles des chefs de cette légion s'allumaient déjà, et Mickiewicz, pour se faire une idée claire de la situation, visita le camp de Bourgas. Puis il retourna à Constantinople, soudainement il ressentit un malaise et mourut le 26 novembre: selon l'opinion générale du choléra, mais il y en avait qui disaient qu'il avait été empoisonné.

Quant aux oeuvres de la dernière période de sa vie son activité s'exténua à faire des proclamations, aide-mémoires, lettres, notes.

Ses idées concernant la liberté, qui atteignirent leur sommet dans la forme de la lutte pour la liberté de contenu socialiste et internationaliste pendant la période de La Tribune des Peuples, semblèrent se concrétiser pendant les derniers mois de sa vie . . .

*

La lutte pour la liberté nationale — les idées d'un libre-penseur — la lutte du captif pour sa liberté — des crises répétées — une guerre mondiale pour la liberté des peuples — l'idée de l'indépendance nationale réalisée par le ralliement de toute la société nationale — la libération des peuples slaves — la liberté de contenu socialiste et internationaliste: voici les étapes de cette évolution idéologique que nous pouvons suivre dans les oeuvres d'Adam Mickiewicz.

Cette évolution, qui commença avec des idées basées sur les «lumières» du XVIIIe siècle, mena aux idées qui ont servi de base aux idées du XXe siècle par excellence. Ainsi le sort des idées d'Adam Mickiewicz, et sa vie même réfléchissent toute l'évolution idéologique du XIXe siècle. Et tout le romantisme de sa vie réfléchit le sort de ce siècle, son rôle dans l'histoire de l'humanité.

*

Polały się łzy me czyste, rzęsiste,
Na me dzieciństwo sielskie, anielskie,
Na moją młodość górną i durną,
Na mój wiek męski, wiek klęski;
Polały się łzy me czyste, rzęsiste . . .[20]

[20] Dzieła 1: 378. [Mes larmes coulent, humides, limpides, / Sur mon enfance angélique, rustique, / Sur ma jeunesse glorieuse, orageuse, / Sur mon âge mûr — faite des défaites, / Mes larmes coulent, humides, limpides . . .] (Traduit par Thérèse KOERNER. Adam Mickiewicz, Choix de traductions parues en France et opinions françaises sur le poète. Varsovie 1955, 92.)

The National Minorities Policy of the Pest Revolution's Left in March, 1848*

GY. SPIRA

Under the leadership of the youth of March rallying round Petőfi, as a result of the prompting effect of the victorious Pest revolution of 15th March, the representatives of the Pest and Buda Serbians, together with those country Serbs coming from further forty-five villages[1] to the fair of Joseph's day, hold an extempore meeting from 17th till 19th March, in the quadrangle of the *Tökölyanum*, the College of the Serbian undergraduates studying in the capital of the Hungarian revolution. At this meeting a petition is hastily drawn up under seventeen headings comprising the national postulations of the Serbs to be submitted to the sovereign and Parliament in session at Pozsony, and to have it subsequently passed.

Even with the best intentions the majority of the participants of the meeting cannot be ranged with the most radical supporters of national aspirations. If we try to classify them according to their status, we arrive at the conclusion that the country people are, almost all, well-off merchants, while the residents are partly also well-to-do burgesses, partly none the less prosperous lawyers or distinguished civil servants, and only one third of them are undergraduates. Furthermore, if we examine their political affiliation, we can conclude that the fuglemen of the meeting are partly such loyal elements as e.g. Chamber Councilor Pavle Trifunac, the president of the *Matica srpska*, the Serbian cultural association residing in Pest, or Isidor Nikolić, secretary of the Council of Governor General, or Censor Jovan Subbotić, or Jovan Trifonović, a stationer in Pest, partly such brothers-in-arms of the liberal movement of Hungarian nobility as e.g. Todor Pavlović, the editor of the *Serbske narodne novine*, or Senior Jovan Vitković of the Greek-Orthodox Church of Buda, or Pastor Djordje Margo of the Pest Serbian Church, or Jakov Ignjatović, the writer, or Kuzman Pejaković, the guild-master of the non-united Greek soap-makers of Buda, District Chief of the Serbs of Tabán and the comman-

* This study is a part from the author's larger work in preparation.

[1] In this connection see the statement of the leaders of the Budapest Serbians: Pesti Hírlap, 31st March, 1848, in: 1848—1849. évi iratok a nemzetiségi megbékélésről. Budapest 1948, 14.

der of the Tabán militia, but Djordje Stojaković must be mentioned here, too. He practised law in Pest, and was the legal advisor of Miloš Obrenović, the exiled Serbian prince who endevoured to co-operate with the liberal movement of the Hungarian nobility. However, none of the competent elements of the meeting think of separation from the Hungarians. Separative aspirations were only represented by some southern participants — as e.g. Mihail Krestić and Jovan Polit merchants from Titel and Újvidék resp. — and by a few young intellectuals as first of all Lazar Marković, the president of the Pest Society of Serbian Youth. On the other hand, also among the Serbian undergraduates of Pest present at the meeting there is a fairly large number who, as e.g. Pavle Putnik and Miloš Krstić arts students — consider the Hungarian revolution as the most important depositary of the interests of Serbians in Hungary.

Accordingly, the petition elaborated by the meeting does not contain a single claim which could be termed with common sense as injurious to the national interest of Hungary. The essence of the claims is that the independent existence of the Serbians as a nation should be recognized by the Hungarian side, the Serbs living in Hungary should be given the right of administering their internal affairs in their mothertongue (in return for which, however, the Serbians also accept Hungarian as the only official language of Hungary), that the Greek Orthodox Church should be guaranteed complete equality of rights, that the Greek Orthodox serfs should be exempted from paying tithes to the Roman Catholic clergy, it should be approved that the Serbians in Hungary should be able to develop and direct their schools and other cultural institutions themselves, without any restriction, and it should be granted that the ecclesiastical and secular representatives of the Serbians in Hungary should annually assemble for a public national congress. If nevertheless there is some objectionable element in the petition, it lies in the request that these annual congresses want to submit their petitions directly to the sovereign[2] with the ommision of Parliament and the Government responsible to Parliament. But evidently this request is not considered so decisive a factor by the drafters of the petition as not to be abandoned in case of the meeting of the other claims.

It is otherwise clearly revealed by the manifestations of the participants of the meeting that they do not want to enforce their claims at the expense of the Hungarians. When the delegates of the Opposition Club, rallying the Pest liberals, appear at the meeting on 17th, their speaker, Pál Nyáry, the deputy sub-prefect of Pest County, expounds that "In Hunnia* let the Serb be — Serb, the Hungarian — Hungarian, but let them all live and die for the common country of Hunnia". His words meet with acceptance and next day

[2] For all these see the minutes of the meeting: Thim J. [edited and introduced], A magyarországi 1848—49-iki szerb fölkelés története, II. Budapest 1930, 26—31.

* Romantic name of Hungary.

the Serbian young people, under the leadership of Ignjatović and under the Hungarian national colours (fastened to a staff painted with the Serb national colours), march to the National Museum[3] and "amid enthusiastic addresses and brotherly embraces" they, as a body, enter the egalitarian battalion of the militia consisting of radical undergraduates.[4]

This scene of brotherhood created favourable stir throughout the city. "This venture shows some very favourable characteristics of the Serbians of our capital" — states the Pest press.[5] One of the leaders of the youth of March, Mór Jókai, under the influence of the event, on the 19th of March, appeals enthusiastically to his comrades, "Let us take pains to attach the foreign-speaking youth of our country to ourselves with brotherly ties, let us pull down the barrier that has been petrified in our bosom for centuries, which has separated us from our relatives, and let us shake hands with everybody whose watch-word is liberty".[6]

But such voices can be heard only until the petition elaborated by the Serbians has not become public. But as soon as it becomes evident that the Serbians also expect their national emancipation from the revolution, the declarations of sympathy at once give place to insinuations.[7] From this time onward it can be heard everywhere that the Serbians strive for separation or at least they want to form a state within the state. And the leaders of the Serbs point out in vain in different articles that any "intention aiming at political division" is indeed alien from them,[8] that they consider themselves "freemen of the Hungarian state and thus Hungarian subjects as well", that the Serb nation "has not lost sight of that most holy relationship which attaches it to the king with proper loyalty, to the common Hungarian country with filial affection and to the Hungarian nation with firm devotion", and that "as they agree with the newer opinion of the [Hungarian] people in everything" if their grievances are redressed, "the wounds of the past will not only heal up, but they will also be forgotten". On the Hungarian side only the liberal *Pesti Hírlap* states that their honesty is not called into doubt, but even this paper promises to meet only some of their just claims.[9]

Those who take the lead in the condemnation of the Serbs after having

[3] THIM J., op. cit. I. Budapest 1940, 23.

[4] JÓKAI M., Mi hír Budán? [What is the News in Buda?], 19th March, 1848, in: JÓKAI M., Cikkek és beszédek, II. [Ed. by SZEKERES L.] Budapest 1967, 19.

[5] Jelenkor, 21st March, 1848, No. 35, p. 142.

[6] JÓKAI M., Nyílt szavak honunk fiatalságához [Plain Words to the Youth of Our Country], in: JÓKAI M., Cikkek és beszédek, II, 15.

[7] Some are spreading the rumour e.g. that a great number of the Pest Serbians are in Russian service. (About this question a secret report for the Vienna Court-Police and Auditing-Office, Pest, 23rd March, 1848: Österreichisches Staatsarchiv, Wien, Allgemeines Verwaltungsarchiv, Ministerium des Innern 2 Zl. 1848 : 237/Polizei- und Censur-Hofstelle Zl. 1848 : 4416.)

[8] About this the statement of the leaders of the Budapest Serbians: Pesti Hírlap, 25th March, 1848, in: 1848—1849. évi iratok a nemzetiségi megbékélésről, 8.

[9] See the statement referred to in the 1st note, loc. cit. 14—15, or rather the editorial commentary attached to it, ibid. 16.

got acquainted with the petition, are the very same people who previously greeted them more rapturously than anybody else, the most consequent adherents of liberty, equality and fraternity, the youth of March. Thus, at first sight, it appears that the statement of István Szilágyi, the button-maker, one of the fuglemen of the liberal bourgeois circles, can also be applied to them, "those who demand liberty at the top of their voices, usually have the least respect for the liberty of their neighbours".[10] But, of course, this is not the case. Because the youth of March demand liberty not only loudly, but also earnestly. When they join battle for the liberty of press, or the emancipation of serfs, for equality before the law, or popular representation, for general sharing in taxation, or religious equality, they — similarly to the liberals — want to give a share in these liberties to the non-Hungarian inhabitants of the country just as to the Hungarians. From the fact that they are fighting for even more comprehensive human rights follows that it is just they who want to give the greatest share in liberty to the non-Hungarian inhabitants of the country, too. In these days they have given full proof that they do not want to render the enjoyment of the rights to be gained dependent on the nationality of the inhabitants of the country.

When e.g. on 26th March the revolutionary Committee of Pest County discusses the Bill of popular representation elaborated by Parliament which, in the case of the commonalty, intends to subject suffrage to high census, while, in case of the nobility — which has been the only qualified elector until now —, the Bill wants to keep franchise without any limitation in the future, too, it is just the young people of March who protest on the spot against the discrimination most passionately. Not only because the Bill would retain — at least partially — the former feudal inequality of the nobility and commonalty, but also it would retain the former national inequality of the Hungarians and non-Hungarians as well. When Bertalan Szemere, the Minister designate for Home Affairs of the liberal Government in the process of formation, who has left Pozsony for Pest in the meantime, asks them whether they are not afraid that "the position of the Hungarians might turn out to be insecure" in case of the realization of universal suffrage (because the nobility as a whole can be regarded as Hungarian while the majority of the commonalty of the country is not Hungarian), Pál Vasvári, the leading ideologist of the group of the youth of March states firmly that "the enjoyment of liberty cannot be subjected to nationality". Likewise "with an angry face" Petőfi answers, "nationality is sacred, but liberty is even more sacred".[11]

[10] Recorded by Barsi J., Utazás ismeretlen állomás felé 1849—1856. Budapest 1890, 104.

[11] Szemere Bertalan miniszterelnök emlékiratai az 1848/49-i magyar kormányzat nemzetiségi politikájáról [Prime Minister B. Szemere's records on the policy of the 1848/49 Hungarian Government towards the national minorities]. [Ed. by Szűts I.] Budapest 1941, 27—28.

Why do the youth of March turn against the Serbs making their claims public? ". . .Because the Serbs — answers Pál Királyi, one of the youths of March — want to introduce themselves as a nation", albeit in Hungary "there is only one nation and it is the Hungarian . . ."[12] That is, the legal due of the Serb (or any other non-Hungarian) inhabitants of Hungary is the same as that of the Hungarians, but only as the sons of the Hungarian "nation". (Accordingly every inhabitant of the country belongs to the concept of Hungarian "nation", that Hungarian nation, however, excludes those people from her realm who profess themselves the loyal subject of the Hungarian crown, but in the meantime are also loyal to a certain true national community separating itself on ethnical ground.)

Thus, the youth of March borrow their conception regarding this issue, too, from the Great French Revolution, their main ideal, but, it is just the nature of the French Example that becomes distorted in the given case, in their hands. Because — needless to say — it is another case when the French Revolution accepts the foreigners identifying themselves with the cause of the revolution as members of the French nation in the ethnical sense of the word, because they roughly populate the whole territory of the country and thus they are practically identical with the political "nation". On the other hand the French revolution casts out the French enemies of the revolution from the bosom of the "nation" taken in the political sense of the word. But it is again another case when the Hungarian revolutionists are willing to accept only those subjects as loyal to the Hungarian revolution — from among the ethnically non-Hungarian inhabitants of the very mixedly populated Hungary — who are ready to declare themselves the members of the Hungarian nation in the political sense of the word, together with the inhabitants who are ethnically Hungarian; but those who though they may greet the revolution most enthusiastically, but listening to reason, persist in regarding their own ethnical community as their national community, and considering this real national community of their to have been inferior to the Hungarian nation proper, now, perchance, venture to urge even their own national emancipation, too. Therefore they are qualified as the doubtful adherents or even as the enemies of the revolution.

It is obvious, of course, that this antiliberal attitude in the case of the youth of March cannot be explained merely by nationalistic dispositions, because none of them possess estates situated in a region inhabited by a national minority and none of them hold office as Lord Lieutenant of a county inhabited by non-Hungarians. Thus the antiliberalism of the Youth of March cannot be derived from the same source from which the otherwise very similar antiliberalism

[12] K[IRÁLYI] P., Pest, martius 21kén: Jelenkor, 23rd March, 1848, No. 36, p. 145.

of the Hungarian liberal nobility springs. The youth of March whole-heartedly identify themselves with the cause of all oppressed and sincerely proclaim the — really indisputable — truth that the consistent realization of bourgeois transformation and the elimination of Habsburg-absolutism as the main obstacle of transformation, are of primary importance in the interest of all oppressed of the country, both Hungarians and non-Hungarians. Thus when they demand moderation from the politicians of the national minorities who ask for separate national rights, and offer stiff resistance to their otherwise just claims, they do it first of all for the same reason as when they more than once dictate moderation to themselves, too, if in connection with some of their not less just aspirations they encounter the opposition of the circles of the liberal nobility or the bourgeoisie in order not to damage the unity of the revolutionary camp in the making. According to their conviction, this unity is the basic condition that the revolutionary struggle commenced for the bourgeois transformation and for the elimination of Habsburg-absolutism should be carried out successfully for the benefit of the oppressed inhabitants, as well as for the benefit of the oppressed non-Hungarian inhabitants of the country.

No doubt, however, that in deciding their line of conduct for developing a middle class and carrying on their only too justifiable struggle against Habsburg absolutism, nationalistic concepts also played their part. The Habsburgs, happening to be foreign rulers, strive to absorb Hungary as much as possible into the system of their patched up feudal empire, and subordinate the interests of Hungary to their own imperial interests which have been more than once in flat opposition to those of Hungary for centuries. Thus, even the most consistent Hungarian adherents of bourgeois transformation may easily feel as if the Habsburgs were not standing in the way of the rise of Hungary, because the feudal system of their empire is in correlation with the internal feudal order of the empire, but simply because they are foreigners and so they entertain indifference or even malevolence for the fate of the Hungarian people. Consequently the youth of March, similarly to the Hungarian liberals, can easily arrive at the conclusion that the cause of the rise of Hungary would be served best if the country regained her independence. Moreover, the youth of March can be even more consistent adherents of the thought of national independence than the liberals, since they have nothing to expect from the Habsburgs. The liberal nobility, however, on the one hand also suffers from the Habsburg regime, but on the other hand, it relies on the assistance of the Habsburgs — last but not least — for the maintenance of its power exercised over the national minorities living in Hungary.

However, if the youth of March do not consider the fight against the imperial system of the Habsburgs indispensable only or above all because the elimination of the internal feudal order of the empire — and within it Hun-

gary — requires the elimination of the feudal system of the empire as well, but, similarly to the liberals, merely or above all because without it the independence of Hungary cannot be restored, then, even they themselves, can hardly understand that the ancient framework of independent Hungary to be restored within her medieval boundaries is as ripe for destruction as the framework of the whole empire. It is doomed simply because — although it embraces an organically connected territory from a geographical point of view — disregarding the ethnical situation, it intersects the bodies of more than one nation advancing, similarly to the Hungarians, on the way of awakening to national consciousness in double-quick time. Viz. if the youth of March regard the Habsburg with justifiable wrath not only as the feudal enemies of bourgeois transformation, but — similarly to the Hungarian liberals — with national partiality, then they inevitably have to regard the framework of historical Hungary and the national minorities wedging themselves within these boundaries — again similarly to the Hungarian liberals — with nationalistic prejudice.

But if that is the case, then it is obvious that the youth of March want to defend not only the stability of the camp of the revolution, but — similarly to the liberals — they want to defend also the stability of the framework of historical Hungary when they set themselves against those Serbs living in Hungary who — although they express their readiness to back the Hungarian revolution devotedly — demand that their belonging to the Serbian nation, the majority of which lives outside the boundaries of Hungary, should be recognized.

At first sight the youth of March seem to have achieved their aims. The elaborators of the Pest petition of the Serbs, drawing a lesson from the indignation produced by their attempts, at last give up the intention of submitting their claims to the sovereign and Parliament.[13] But the resistance of the youth of March seems to be successful only at first sight. Because e.g. Pejaković and many other Serbian citizens living in the sister-towns — who are attached to the Serbian nation virtually only by their religion and mother-tongue, but given the identity of their conditions of life and everyday worries, are drawn nearer to the Hungarians who surround them — inspite of the suffered humiliations, remain loyal to the Hungarian revolution in the future, too. Thus even the unfair treatment cannot kill the conviction of Pavlović or Ignjatović that the Serbians and Hungarians, their chief interests being common, have to fight for their rise side by side. But e.g. Subbotić and Stojaković soon join that southern Serb revolt which is to break out some months later. This uprising tries to fight for the right of the Serb nation against the Hungarian revolution and in league with the Habsburg counter-revolution, considerably facilitating thereby for the Habsburgs to finish as soon as possible with both the Hunga-

[13] THIM J., op. cit. I, 24.

rians and the Serbians, as well as with their other turbulent oppressed. Trifunac and Nikolić, however, when the time comes, enter directly the service of the same Habsburgs again whom they served as fervent clerks before 1848, too.

Thus the steps taken by the youth of March actually bring about just the opposite result as intended. Instead of increasing in the last analysis, they undermine the stability both of the revolutionary camp and of the framework of historical Hungary. Of course, the loosening of the already doomed framework of historical Hungary would not be tragic in itself. (Although it is not a secondary question either in which form this framework will break up: will historical Hungary fall into parts which will be separated from one another by the barriers of hatred, or will Hungary in dissolving enter a larger organization of the highly interdependent East-European small nations?) But the weakening of the camp of the revolution is an inexpiable sin, — even if done ever so involuntarily.

Of course, the youth of March can soon notice that the rigid refusal of the nationalistic demands of the non-Hungarian nations has quite different consequences than expected. Especially, when on 25th March, in Zagreb, the capital of Croatia, a territory rather held in fee than wholly subjected to the Hungarian crown, the leaders of the Croatian national movement, which is stronger than any of the movements of the national minorities living in Hungary, formulate their own thirty points. In these they take the field not only for exactly the same internal bourgeois transformation as the Hungarian revolution is also fighting for, but they demand, on the whole the same independence from Hungary for Croatia as Hungary demands for herself from the Habsburgs.[14] Therefore these demands set the youth of March thinking harder than those of the Pest Serbians. And their answer issued in two proclamations is by no means so unfriendly as that of the Hungarian nobility.[15] Here is one of the proclamations:

Croatians, Our Beloved Brethren,

After an oppression of three hundred years, we are at last on the eve of independence and liberty. What we have achieved was attained both to your and our benefit. The slogan adopted for our past and future fight is not nationality but the sacred name of independence and liberty which comprehends all nationalities and every interest. The cause is common, it is ours as well as yours. The enemy is common: the Austrian tyrannical bureaucracy. We have to unite against it, all the races inhabiting the country, Hungarian, Croatian, Serbian, German, Wallachian and the rest. We can preserve and attain the independence and liberty of the country only in this way.

[14] The Zagreb items in Hungarian translation were published in a special supplement on the 31st March, 1848 issue of the Nemzeti Újság.

[15] To the latter the flatly refusing commentary on the thirty points by the Nemzeti Újság is a good example. L.c. just referred to.

Friends, We address you in the sacred name of friendship safeguarded truly in good and bad luck for eight centuries. The brother will understand the sincere words of his brother. Croatians, We ask you for the sake of everything that is sacred to you: Let us not quarrel. Let us forget the difference of language, who are one in the interes of common liberty. Let us not listen to those who provoke us to fight against one another, because they want to make use of our quarrel for rendering us weaker and oppressed. Brethren, Let us unite.[16]

And the other proclamation goes even further, although its main argument is also the common interest of the inhabitants of the country in carrying out bourgeois transformation:

What is embodied in the twelve items of Pest are the requests of the Hungarian nation.

The majority of these requests have been comfirmed by Parliament, and now as irrevocable rights have become the possession of every nation under the rule of the Hungarian crown.

Brethren of Our Annexed Province. This liberty and these rights have been attained not only for ourselves, but for you, too; because under the rule of the Hungarian crown you are one with us.

The benefits of the abolition of socage, popular representation, general sharing in taxation and of all the other national rights can only be preserved and enjoyed if we agree and hold together.

But now this reasoning is supplemented by the comparatively compliant discussion of the issue of national rights:

Fellow Citizens, You are urged to revolt against us saying that we want to oppress you, national minorities.

For your reassurance we can state that nobody intends to do so.

We do not interfere with the question of what language you use in your family-, in your church life, or in your public-affairs. It depends on you to decide the language of your own authorities, law-courts, churches in every field of life and public administration.

All we want in return is that when you communicate with the legislature, government and authorities of the mother country, to use the Hungarian diplomatic language.

Without it the unity of the country would be jeopardized. It is necessary for preventing disintegration and that despotism and tyranny regaining strength by our quarrel should not oppress us again as weak disintegrated parts.[17]

That is to say, the youth of March ask the Croatians only for one thing, the acceptance of Hungarian as the only official language of the state which they could have received from the Serbs — according to their Pest claims — without any request.

No result, however, can be attained even with this more compliant statement either. First of all not because they constantly insist on considering Hungarian as the only official language of the state — perhaps, this would

[16] The Pest revolutionary committee to the Croatians, Pest, 31st March, 1848: published in: Valóság 1948, 171.

[17] Appeal to the Croatians without date and signature: Országos Levéltár [National Archives], Budapest, Collections, Printed Matters from 1848—49 and Exile.

not be regarded as a decisive factor by the other partner, but because they are not willing to recognize for the future either that only one part of the inhabitants of Hungary is Hungarian while the other part is recruited from members of other nations. On the contrary: even now they are speaking about every (that is — in the later usage — the whole) nation living in the realm of the Hungarian crown.

Thus they again refer to that self-evident truth in vain that the main and common interest of all oppressed in the country is the internal bourgeois transformation and their main and common enemy is the absolutism of the Habsburgs. Just as they are unable to subordinate consistently the supposed or real, but, by all means, secondary national interests embraced by them to the primary interest of the common struggle to be fought against the absolutism of the Habsburgs, similarly the Croatian and Serbian nationalists are neither able to do so. (This is self-evident since the nationalists — just because they are nationalists — can always be characterized by the excessive exaggeration of the importance of the isolating national endeavours and by the underestimation of the importance of common efforts; even in the case when only the stock-blind cannot see that in the given historical moment the enforcement of common efforts would serve the interests of their own nation much better, too, than the separating national efforts.)

In such circumstances only the Roumanians present themselves as allies for the youth of March from those national minorities whose words reach them. But neither do the Roumanians present themselves as allies because they are exempt from every sort of nationalism. They do it not incidentally, but moved by motives of nationalistic character, because their national self-respect has been and is hurt from the Hungarian and Serbian side alike in so far as within the bosom of the Hungarian Greek Orthodox Church they have been pushed into a rather inferior position by the Serbs.[18] Thus, when the Pest petition of the Serbs comes to light, the Roumanian undergraduates studying in Pest, immediately issue a counter-declaration on 22nd March, in which — according to the taste of the Hungarian public opinion — at first they also accuse the Serbians with anti-Hungarian separatism, then they declare, "For fear that some misunderstanding should happen and so the Wallachians who have been oppressed — as far as religion is conserned — by the Serbs and who intend to continue their oppression, should be regarded as amalgamated with the Serbians, we solemnly declare hereby that as the Wallachian ethnic-family has endured and suffered together with the Hungarian nation in peace and war alike ever since their arrival, so, at present . . . shaking hands with the Hungarians, places all her trust in the hope that the new Hungarian ministry will

[18] Cp. Arató E., A nemzetiségi kérdés története Magyarországon [The History of the Nationality Question in Hungary], II. Budapest 1960, 192—193, 290—291.

liberate this ancient heroic ethnic-family from the power and influence of the Serbian nation . . ."[19]

After all these things it is obvious, of course, that between the Roumanian and Hungarian youth of Pest a good co-operation develops. Thus when Sigismund Pop, the Roumanian Pastor of Pest, mentions at the session of the Committee of Pest County on 6th April that Eftimie Murgu, the well-known revolutionist has been languishing as political prisoner in the jail of the New Building — although three weeks have passed since the victory of the revolution — both the county[20] and the city[21] immediately embrace the cause of rhe Roumanian politician who has been well-known by his friendliness towards Hungarians. Thus, two days later, thanks to the Hungarian and Roumanian youth marching together[22] to release him, he has a share in such a triumphal procession[23] as Mihály Táncsics, his fellow-sufferer had on 15th March. Murgu and Pop remain the loyal fellow-in-arms of the Hungarian revolution in the future, too. But the Hungarian revolution does not succeed in drawing the majority of the Roumanian people, especially the Roumanians of Transylvania, into its camp, similarly to the Serbians and Croatians, because in the case of the Roumanians, too, a better course of action than that of the exploitation of the Serbian—Roumanian petty conflicts would be necessary to obtain a great number of loyal allies, namely, by consistently restraining Hungarian nationalism . . .

[19] A pesti római (oláh) ajkú fiatalság nyilatkozata [The Statement of the Pest Roumanian (Wallachian) Youth]. Pest, 22nd March, 1848: Országos Levéltár, Collections, Printed Matters from 1848—49 and Exile.

[20] Pukolay D., Pest april 8. 1848, Marczius Tizenötödike 1848 ápr. 11, published by Dezsényi B.—P. Lakatos É., Egy téves adat a sajtószabadság napjának történetében: Magyar Könyvszemle 1957, 176; the 42nd Entry in the Minutes of the 6th April, 1848 Session of the Revolutionary Committee of Pest County, published by Spira Gy., A vezérmegye forradalmi választmánya 1848 tavaszán: Századok 1964, 747.

[21] Fővárosi Leveltár [Archives of the Capital], Budapest, The Archives of the City Pest, Minutes of the Session of the council (Minutes of the General Assembly) 8th April, 1848 : 5779.

[22] Cheresteşiu V., A balázsfalvi nemzeti gyűlés 1848 május 15—17 [The National Congress of Balázsfalva May 15th—17th 1848]. Bukarest 1967, 166.

[23] J. Kehrer, Die Ereignisse von 14ten und 15ten März 1848 in der Stadt Pest. Országos Széchényi Könyvtár [Széchényi National Library], Budapest, Archive of Manuscripts, Quart. Germ. 713, 9th April, 1848, I, 12; Keményi G. G., Pest nemzetiségi lapjai 1848—49-ben [The Nationality Journals of Pest 1848—49]: Budapest 1968/5, 42.

Die Sagen des Waagtales in der slowakischen und der ungarischen Literatur

I. FRIED

Für den ersten Abschnitt der osteuropäischen Aufklärung bedeutete die Landschaft keinerlei Erlebnis, keine Inspirationsquelle; die Berge und Täler, die Flüsse und die einsamen Felsen zählten nur als wirtschaftlich nützliche oder nutzlose Erscheinungen. Die Gebräuche, Lieder, Sagen und Märchen der in der Landschaft lebenden Menschen erweckten ebenfalls keine besondere Aufmerksamkeit. Die wissenschaftliche Forschung, das Erfassen aus dem Gesichtspunkt der Nützlichkeit, die Feststellung der Vermögenslage der Umgebung, das Inbetrachtziehen der Möglichkeiten und der Notwendigkeit beschäftigten die Reisenden, sowie die Leserschaft der in Zeitungen und Büchern sich mehrenden topographischen Literatur. Die volksbeglückenden Ideen der westeuropäischen Aufklärung änderten sich auf dem Boden der osteuropäischen Möglichkeiten erheblich; es handelt sich hier nicht um bloßes Einbeziehen, Übernehmen, auch dann nicht, wenn der Gelehrte den Ideen von Locke, Newton, Voltaire, Holbach, Helvetius, Rousseau und anderer an deutschen Universitäten (Göttingen, Jena, Tübingen, Halle, Wittenberg, Leipzig), eventuell auch auf italienischem Boden begegnete. Die Gegenüberstellung mit der osteuropäischen Wirklichkeit bestimmte das Schicksal des westlichen aufgeklärten Gedankens. So wird auch Rousseau nicht zur oft zitierten Beispielsammlung des Kulturpessimismus, vielmehr legitimiert er den Rationalismus wesentlich umfärbenden, ins Literarische formenden Sentimentalismus; auch Lessing bedeutet nicht die Schule des freieren radikaleren Denkens, sondern der religiösen Toleranz. Der grundlegend volkserzieherischen, moralveredelnden Tendenz der osteuropäischen Aufklärung wegen, erwachen die Schriften einzelner Autoren, die von kleinerer Bedeutung sind oder im Westen schon als überholt angesehen werden, zu neuem Leben; die Werke Popes, Delilles, Marmontels dienen als Maßstab und Vorbild.

Die topographische Literatur wuchs aus allgemeinem Bedürfnis zum bedeutenden Faktor heran. Nicht der Naturkult Rousseaus wirkte auf Osteuropa, im Gegenteil, die Vorstellungen Rousseaus wurden den osteuropäischen Möglichkeiten angeglichen. Die Rückständigkeit, die Armut im ganzen Lande, das zwangsläufige Insichgeschlossensein waren die Ursache, daß sich

das Straßennetz langsamer, schwerfälliger als in Westeuropa entwickelte. Das vorwiegend autarkische Gepräge der Produktion machte den Ausbau eines guten Straßennetzes im Ausmaße Westeuropas nicht notwendig, demzufolge war das Reisen weder sicher noch leicht. Auch innerhalb eines Komitates war der Verkehr sehr schwierig. Im Winter erschwerten Schneewächten, im Frühjahr und Herbst der Matsch auf den Wegen, im Sommer die drückende Hitze im Staub- und Sandmeer den Besuch ferner liegender Landstriche. Infolge des unentwickelten Handels gab sich die Bevölkerung mit dem Besuch der nahen Märkte zufrieden. Das langsame Erwachsen des Selbstbewußtseins aber, das zögernde, oft ungewisse und nicht von jedem Widerspruch freie Verbreiten der Ideen der Aufklärung erforderte das Kennenlernen des Vaterlandes, das Klarlegen der Möglichkeiten der wirtschaftlichen Entwicklung und der augenblicklichen gesellschaftlich-kulturellen Lage. Deshalb entwickelte sich dieser charakteristisch osteuropäische Zweig der topographischen Literatur in den ungarischen, tschechischen und in diesen Gegenden sich ausgestalteten deutschen Literatur. Und da die Topographen die Ansprüche der Leserschaft befriedigen wollten, d. h., das nicht umfangreiche Lesepublikum mit einem leicht faßlichen Buch zu versehen, strebten sie nach der literarischen Form. Zum Nützlichkeitsgesichtspunkt gesellten sich hier die literarischen und rationalistischen Bestrebungen, hier begegnen sie dem in Ausgestaltung begriffenen Sentimentalismus des literarischen und gesellschaftlichen Lebens.

Die Entdeckung des Waagtales ist ebenfalls eine Invention der ersten Jahre des 19. Jahrhunderts und knüpft sich an den Namen von Samuel Bredetzky. Er ist ein charakteristischer Vertreter seiner Zeit; seine über jedes nationale Bewußtsein sich erhebende, im Geiste des deutschen Neohumanismus verstandene »weltbürgerliche« Vorstellung wurde bereits von den gedulgigen Schöpfern der ungarischen Aufklärung (z. B. Ferenc Kazinczy) für zu wenig gehalten. Sein Lebensweg führte ihn bis zur Superintendenz in Polen; die besten Stücke seiner literarischen Wirksamkeit stammen aus den topographischen Studien. Er benützt die Kunstart der Topographie dazu, um über das Problem des Patriotismus und des Nationalismus zu meditieren.[1] Er schreibt lieber über die Werkstätten der Bildung (Bibliotheken und Schulen) als über Landschaften. Er hat auch Augen und Ohr für die Ethnographie, obwohl er hier auf dem Niveau der Tatsachenmitteilung bleibt; er zeichnet kein Märchen, kein Lied und keine Sage auf, berichtet lediglich, daß es solche gibt. Auch von diesem Gesichtspunkt aus ist es interessant, was er über die hauptsächlich slowakischen Bewohner des Waagtales schreibt: »Die Anwohner (Slowaken)

[1] S. Bredetzky, Beyträge zur Topographie des Königreichs Ungarn, Zweyte verbesserte und vermehrte Auflage, Wien 1803, 2: 119. — Ders., Reisebemerkungen über Ungern und Galizien, Wien 1809, 1: 185—92. Auf S. 4 des IV. Bandes seines ersterwähnten Werkes schreibt er auch über die slawischen Lehnwörter der ungarischen Sprache.

des Waagflusses sind arbeitsame, größtenteils robuste, hie und da schön gebaute, fröhliche Menschen. Im Schnitt hört man nichts als Menschenstimmen von allen Seiten ertönen. Die Magd kann ihr Gras nicht schneiden, ohne mit erhabener Stimme die rührendsten erotischen Lieder im frommen Ernste abzusingen. Der Knecht preist die Schönheit seines blond gelockten Mädchens. Der Mann singt Balladen, und so drücken alle Gattungen von Menschen ihre Empfindungen im Gesang aus, der für den Fremden überraschend ist.«[2] Dies ist noch nicht die Begeisterung Herders für den Liederkult der Slawen (und innerhalb dieser für jenen der Slowaken), es ist eher die Überraschung des Reisenden, das objektive Fixieren der gehörten Tatsachen. Nicht der von der Romantik des Volkskultes inspirierte Dichter jauchzt, er sucht nach der Quelle in der Volksdichtung. Bredetzky schreibt, was er gesehen und gehört hat; mit wenigen Worten und maßhaltenden Bezeichnungen und kaum mehr gefärbt, als dies ein in literarische Form gegossener Reisebericht zuläßt. Dennoch: er entdeckt die überwiegend aus Slowaken bestehenden Bewohner des Waagtales für die Literatur. Er ruft die Aufmerksamkeit auf die Schätze wach, die in den Tiefen des Volkslebens verborgen sind. In seinen Büchern, die von vielen österreichischen, deutschländischen und tschechischen deutschsprachigen Blättern immer wieder gewürdigt wurden, finden wir die Lieder, Märchen und Sagen des Waagtales.

Auf die Beschreibungen Bredetzkys reagierte jedoch vorerst nur die wissenschaftliche popularisierende Topographie. In der Zeitschrift Tudományos Gyűjtemény (Wissenschaftliche Sammlung) ist ein Artikel über drei Burgen: Trencsén, Beckó und Vág-Beszterce[3] erschienen. Die neuere slowakische Geshichtsforschung beschuldigt die Redaktion der ersten Jahre mit Recht, nationalistisch zu sein.[4] Aber dies ist nur eine Seite der Wahrheit. Wir dürfen nicht vergessen, daß mindestens so viele objektiv freundschaftliche Artikel in der Zeitschrift über die Slowaken erschienen sind als Angriffe gegen einzelne Erscheinungen der slowakischen Literatur und nationalen Bewegung. Gerade der erwähnte Artikel ist ein schönes Beispiel für die objektive Forschung. Über die Burg Trencsén stellt der Artikel fest, daß sie Besitz Swatopluks gewesen sein konnte. Die Burg wird eingehend beschrieben, und über ihre Geschichte werden Angaben mitgeteilt. Den berühmten Brunnen der Burg haben — laut Janiss — in Gefangenschaft geratene Türken in den Felsen gehauen. Über die Burg Beckó erwähnt er: Über den Ursprung dieser

[2] S. Bredetzky, Reisebemerkungen, 1: 222.

[3] Janiss J., Trentsin Vármegyéről, és különösen ezen Vármegyének három régi: Trentsin, Beczkó, s Vág-Besztercze várairól [Über das Komitat Trentschin, und besonders über drei alte Burgen dieses Komitates: Trentschin, Beczkó und Vág-Beszterce]. Tudományos Gyűjtemény 1823: 11—24.

[4] Mária Vyvíjalová, Juraj Palkovič 1769—1850. Bratislava 1968, 181. — J. Tibenský, Úvahy Michala Kuniša o šírení maďarskej reči a maďarizácie v Uhorsku: Historický Časopis 1968: 584.

Burg sind im Volk viele Gedichte in Umlauf.«[5] Der Verfasser des Artikels äußert sich abfällig über diese »Gedichte«, er betrachtet die Ereignisse der Burg vom dem Standpunkt des Gelehrten. Er erwähnt den Herrn der Festung nicht nur unter dem in den Urkunden des 14. und 15. Jahrhunderts gebräuchlichen Namen Stiborius, sondern auch in der verzerrten slowakischen Form Czibor. Den Tod Stibors (des Woiwoden Stibor der ungarischen Literatur) beschreibt er so, daß in dieser Beschreibung sich die gehörte Sage oder das eventuelle Leseerlebnis und die wissenschaftliche Forschung vereinen: den Tod Stibors führte der Biß einer giftigen Schlange herbei. Dieser einseitige und in der immer mehr romantisch werdenden Zeit wirklich unzeitgemäße halbwissenschaftliche Gesichtspunkt kehrt auch in einem Artikel des Sprachrohrs des ungarischen Pseudoklassizismus, der Zeitschrift Felső-Magyarországi Minerva (Oberungarische Minerva) wieder.[6] Der Autor schreibt über den Woiwoden Stibor und teilt aus dem Leben Ungarns im 14—15. Jh. für die wissenschaftliche Forschung einige wirklich wichtige Urkunden mit. Er argumentiert mit Matthias Bél, der in der im Manuskript erhaltenen Beschreibung des Komitates Trencsén schreibt, die Forscher sollten statt Volkssagen die wissenschaftliche Forschung vor Augen halten. Den Namen Stibor leitet er — richtig — von dem slowakischen Ctibor ab und hält den slowakischen Namen für die slawisierte Form des lateinischen Namens Tiburtius. Der ehemalige Herr der Burg Beckó war jedoch nicht slowakischer sondern polnischer Abstammung: er war ein Vertrauter König Sigismunds von Ungarn (1387—1437). Der Autor gedenkt auch der Volkssagen als getreuen Spiegel der einstmaligen traurigen Beschaffenheit des Lebens des Volkes.

Die Abneigung gegen die Folklore charakterisiert einen Abschnitt in der Laufbahn des Gelehrten Alois Mednyánszky,[7] der als erster die Sagen des Waagtales aufgezeichnet und für viele Autoren der slowakischen und der ungarischen Literatur Quellen erschlossen hat. Dieser reiche Grundbesitzer des Komitates Neutra war mehr als ein herrschaftlicher Dilettant, seine Vertieftheit, Gelehrtheit und unleugbare Schreibfertigkeit hoben ihn bedeutend über den Dilettantismus. In seiner Person zeigen sich die Spannungen von Gegensätzen, er steht gleichsam sogar mehrfach an der Grenze zweier Epochen, zweier Welten. Nach Beendigung seiner Schulzeit wurde er Praktikant, Konzipist des ungarischen Hofkanzlei, 1806 ist er bereits kaiserlicher Kämmerer, 1811 eine Führergestalt der ungarischen Habsburggegner. Seine Wirksamkeit erstreckt sich auf die Entwicklung des Verkehrs, auf die popularisierende Geschichtsliteratur, Archäologie, Ethnographie, Statistik, Volkswirtschaft.

[5] Janiss, a. a. O. 20.

[6] Némethy P., Stibor vajda [Woiwode Stibor]. Felső-Magyarországi Minerva 1834, 157—203.

[7] Ipolyi A., Mednyánszky Alajos emlékezete [Gedenken an B. A. Mednyánszky]: Új Magyar Museum 1854, 1: 201—232. — J. Tibenský, Alojz Mednyánszky a Slovensko. In: A. Mednyánszky, Malebná cesta dolu Váhom. Bratislava 1962, 2—44.

Und alle diese vielseitige Tätigkeit will er im Interesse des ungarischen Vaterlandes ausüben. Als Ján Kollár in dem »Überlieferung zur Geshichte unserer Zeit« betitelten Blatt seine Flugschrift gegen die Magyarisierung veröffentlicht, ist es Alois Mednyánszky, der die Anschuldigungen Kollárs zurückweist; er nimmt den Handschuch vor den österreichisch-deutschen Lesern auf und kämpft für den ungarischen Standpunkt.[8] Derselbe Alois Mednyánszky liefert für die Volksdichtungssammlung Kollárs eine ansehnliche Zahl slowakischer Volkslieder und Volksballaden (der Großteil des Materials aus dem Komitate Neutra ist der Mitwirkung Mednyánszkys zu verdanken), auch wird er Abonnent dieser Sammlung. Es ist uns bekannt, daß er mit mehreren slowakischen Dichtern korrespondierte (z. B. mit Jan Hollý).[9] Mednyánszky wurde von dem stürmischen Schwung der ungarischen nationalen Bewegung in den Jahren 1830 und 1840 nicht berührt; wenn wir ihn auch nicht aulisch bezeichnen können; er fühlte sich jedenfalls seiner Wiener Gesellschaft näher als den radikalen ungarischen Reformern. Seine Wiener Gesellschaft bestimmte seine Weltanschauung und seinen in der nationalen Frage eingenommenen Standpunkt. Einige hervorstechende Mitglieder dieser Gesellschaft waren Hormayr, Hugo Salm, Hammer-Purgstall, ihr Grundprinzip der Reichspatriotismus.[10] Dieser war auf den Zusammenhalt der Völker Österreichs, zuerst — zur Zeit der napoleonischen Kriege — gegen den äußeren Feind, sodann auf die Entwicklung, auf den Aufstieg der einzelnen Landesteile abgezielt. In den Rahmen des Reichsbewußtseins wollte man das geschichtliche Bewußtsein der einzelnen Landesteile stärken. Man war der Meinung, daß die Vergangenheit der einzelnen Landesteile, alle ihre geschichtlichen, künstlerischen Denkmäler, ihre Volksdichtung zur Popularisierung des Zusammenhalts, des Reichsgedankens des von dem gemeinsamen Herrscher regierten Reiches dienen. Hormayrs Zeitschrift »Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst«, dann das von Mednyánszky redigierte »Taschenbuch für vaterländische Geschichte«[11] dienten diesem Ziel. Hier erschienen die Sagen des Waagtales, diese Zeitschrift sicherte das Auftreten der verschiedenen Gelehrten und Schriftsteller Österreichs vor der österreichisch-deutschen Öffentlichkeit (von den Mitarbeitern können wir Dobrovský, K. G. Rumy, K. E. Ebert, Swoboda, János Majláth, Kopitar erwähnen), wir können tschechische, ungarische, serbische, slowakische Sagen, Märchen und Lieder in deutscher Übersetzung lesen.

[8] J. V. Ormis, Bibliografia Jána Kollára. Bratislava 1954, 232—233.

[9] Korešpondencia Jána Hollého. Pripravil J. Ambruš, Martin 1967, 82, 280—281.

[10] A. Robert, L'idée nationale autrichienne et les guerres de Napoleon. L'apostolat du B. Hormayr et le salon de Caroline Pichler, Paris 1933. — I. Kolos, Gróf Majláth János [Graf J. Majláth]. Palaestra Calasanctiana, Budapest 1938.

[11] Das Taschenbuch . . . veröffentlichte zwischen 1820—29 (als Mednyánszky Mitredakteur war) Köffingers Betzko-Ballade, im Zyklus »Sagen und Legenden« die Sagen der Burgen Hricsó, Lietawa, Trencsén, Árva, Nyitra (1820—21), die Margita-Sage (1824), die Sage von Szomolány (1825) usw.

Mednyánszky, der Gelehrte, ging vom Standpunkt des in der Urkundenlehre und der Archäologie beschlagenen Forschers aus. Hinzu kommen noch seine Kindheitserlebnisse. Auf seinem Besitz lebten hauptsächlich Slowaken. Der Gutsherr versteht die Sprache seiner Leibeigenen, die häufige Berührung mit ihnen wird auch durch das patriarchalische Verhältnis nach und nach zum ethnographischen Studium. Die Tradition der Familie vermengt sich mit den Sagen des Volkes, und wie der Magnat in seinen Werken die geschichtliche Wahrheit färbt, wird diese durch die Volkstradition literarisch geformt. Die Geschichte des Waagtales ist für die Umfärbung der geschichtlichen Wahrheit an und für sich geeignet. In dieser Gegend tobte immer Kampf und herrschte Unruhe; außer dem erwähnten Woiwoden Stibor regte die Gestalt Máté Csáks die Phantasie der Historiker und Dichter an. Sowohl die slowakische als auch die ungarische Literatur formten aus diesem Potentaten vom Beginn des 14. Jahrhunderts ihren eigenen Helden, den Kämpfer des nationalen Widerstandes. Auch die hussitischen Kämpfer gelangten hierher; die kühnen Burgherren zogen gegen die Türken in den Kampf und kehrten mit türkischen Gefangenen heim. Das Waagtal war der Schauplatz ungarischer Unabhängigkeitskämpfe im 17. Jh., die auch um die Religionsfreiheit der protestantischen Bewohner geführt wurden. Die Soldaten Ferenc Rákóczis und Miklós Bercsényis finden hier Heimstätten, ebenso die gegen die Habsburger kämpfenden Kuruzen, von hier stammt auch der »Blitz« Rákóczis, der zum Verräter gewordene kühne Kuruzenführer László Ocskay. Die an geschichtlichen Ereignissen reiche Gegend, mit den an den Ufern der Waag oft schon in Trümmern liegenden Burgen, ist die Geburtsstätte von Sagen und Liedern. Das romantische Zeitalter hat die traurige Geschichte des Woiwoden Stibor, den Brunnen des Liebespaares von Trencsén, das eingemauerte Burgfräulein der Burg Budetin entdeckt.

Alle diese Sagen gelangten nicht unmittelbar aus der Volkstradition in die Literatur. Sowohl in der slowakischen als auch in der ungarischen Literatur ist Mednyánszky die Quelle. In seinem ersten Werk: Malerische Reise . . .[12] hat noch der Gelehrte, der kontemplative Topograph das Wort. Er zeichnete sowohl die Sage von Margite (die tragische Geschichte der Stiefmutter des Waisenmädchens) auf, fügt aber hinzu: »So weit die Sage, durch welche freylich die Geschichte nicht bereichert wird.« Auch von Likava erzählt er eine Geschichte, die er so schließt: »so berichtet die Überlieferung des Volks«. Als ob er die Volkstradition nicht ernst nähme und die etwas trockene, die Wirtschaftlichkeit anstrebende Topographie höher schätzte! Es erweckt den Anschein, als ob er der Praxis des osteuropäischen Klassizismus entsprechend, die Volkstradition nur in den »unteren« Regionen der Literatur anerkennen würde!

[12] Malerische Reise auf dem Waagflusse in Ungern, Pesth 1826; Zweite vermehrte und verbesserte Ausgabe, Pesth 1844. Die moderne slowakische Ausgabe s. Anm. 7.

Als ob er zwischen Literatur und Volkstradition eine scharfe Grenzlinie zöge! All dies verschwändet vollständig in seiner nächsten Arbeit, in derem Titel er bereits anzeigt, daß er Geschichte und Volkstradition vermengt: »Erzählungen, Sagen, Legenden aus Ungarns Vorzeit.« Das Werk erregte bedeutendes Aufsehen, wurde innerhalb weniger Jahre auch in ungarischer Sprache herausgegeben,[13] während die einzelnen Sagen von slowakischen und von ungarischen Dichtern zu neuem Leben erweckt wurden.

Der Titel ist scheinbar irreführend. Er spricht von den Sagen Ungarns. In der ersten Hälfte des 19. Jh.-s bekennen sich Ungarn und Slowaken zu Ungarn, dem Staat mit vielen Nationalitäten als zu ihrem Vaterland. Wenn von der Geschichte Ungarns die Rede war, sprach man von der Geschichte des den Karpaten umgebenen Staates und wich von dieser Bezeichnung nur dann ab, wenn man vom Schicksal des Staates Swatopluks sprach. Die Geschichte des einstigen großmährischen Reiches lag nämlich außerhalb der gemeinsamen Geschichte der Völker Ungarns, diese erhielt im Zeichen der eigenartigen Vergangenheitsforschung und des Traditionskultes der slowakischen Geschichtsschreibung zuerst ihre aufgeklärte, sodann ihre romantische Formulierung. Die obenerwähnte Wiener Gesellschaft Mednyánszkys verstand unter der Geschichte Ungarns ebenfalls die Geschichte sämtlicher in Ungarn lebender Völker und machte nur unter der tschechischen, der ungarländischen und der kroatischen Geschichte einen Unterschied (da diese verwaltungsmäßig in den Rahmen anderer Länder fielen), die slowakischen und die ungarischen Traditionen wurden jedoch untereinander gebracht. Die Bewohner des Waagtales waren überwiegend Slowaken, neben ihnen finden aber auch Deutsche, Ungarn und Juden ihre Heimstätten. In der Mednyánszky-Sammlung vermengen sich oft unentwirrbar die familiären Sagen (Geschichte des Woiwoden Stibor)[14] mit den wirklichen Volkssagen. Der vorherrschende Teil dieser Volkssagen ist slowakischen Ursprungs. Der ungarische Geschichtsschreiber des Waagtales György Szántó (1893—1961) schrieb wiederholt darüber,[15] daß er in seinem Geburtsdorf Vágújhely von slowakischen Bauern Sagen über die Burgen Beckó, Trencsén, Csejthe, Szkalka gehört hat. Die ethnographische Glaubwürdigkeit dieser Volkssagen ist zweifelhaft. Es handelt sich nicht darum, daß vielleicht Mednyánszky ihr Autor gewesen wäre. Dieser mit literarischem und geschichtlichem Gefühl begabte Magnat war in erster Linie im Reprodu-

[13] Pesth 1829. — Elbeszélések, regék s legendák a magyar előkorból. Némethből Báró Mednyánszky Alajos után szabadon fordították Nyitske Alajos és Szebényi Péter nevelők [Erzählungen, Sagen und Legenden aus der ungarischen Vorzeit, nach Baron A. Mednyánszky aus dem Deutschen frei übersetzt von den Erziehern A. Nyitske und P. Szebényi]. Pest 1832, I—II.

[14] Ergebnisse geschichtlicher Forschungen: Diplomatarium illustris in Hungaria quondam gentis Stiborianae. — Familiensage, auch Sage der Mauernische von Budatin.

[15] Öt fekete holló [Fünf schwarze Raben]. Budapest, Önéletrajzi regény [Autobiographischer Roman] 7—14.

zieren ein Meister und nicht in der selbständigen Schöpfung. Er tat sich in der Zusammenstellung des gehörten und erforschten Materials hervor, das Schöpfen einer selbständigen Handlung (ja auch dessen Redigieren) zählten aber nicht zu seiner Begabung. Wir müssen die Ursache eher in der Auffassung der Zeit suchen. Mehrere Forscher betonten, daß im 19. Jh. nicht das als Folklore gehalten wurde, was die über entwickelte technische Hilfsmittel verfügenden Forscher des 20. Jh.-s als Folklore bezeichnen. Die osteuropäische Volkstümlichkeit (sowohl der Slowaken als auch der Ungarn) hatte einen Zeitabschnitt, in dem gleichsam jede alte Schöpfung als volkstümlich bezeichnet wurde. So wurde zwischen den Reimerein von Studenten, Kantoren und Edelleuten und den Schöpfungen des Volkes kein Unterschied gemacht. In Kollárs »Národnie zpiewanky«, aber auch in der aus der Zeit um 1840 stammenden Sammlung ungarischer Volksdichtungen ist nicht jeder Gesang von volkstümlicher Authentizität; der Redakteur konstruiert manchmal aus mehreren Variationen einen Text.[16] Selbst der Sammler von ernsten Absichten war der Gefahr der unfreiwilligen Verfälschung ausgesetzt. Den gehörten Text notierte er handschriftlich an Ort und Stelle, blieb hinter dem Märchenerzähler zurück und ergänzte die fehlenden Teile mit seiner Phantasie und mit dem eigenen Wortschatz. Hierbei waren Nachdichten, Stilisierung ein allgemein akzeptiertes Prinzip. Die wissenschaftlichen Verbesserungen, Verschönerungen, die eventuelle Annäherung an weltliterarische Vorbilder, schreiben wir also nicht zu Lasten Mednyánszkys, sondern zu Lasten des Zeitgeistes. Mednyánszky gebührt das Verdienst, daß er diesen Sagenschatz erschlossen hat und hiermit die slowakischen und die ungarischen Dichter zu literarischen Schöpfungen anregte.

Die ungarische Literatur erreichte ihre romantische Epoche früher als slowakische. Erstere reagierte auch früher auf das Themenangebot der Mednyánszky-Bände in Hormayrs Archiv. Zu Beginn der ungarischen Romantik taucht bereits das Motiv des Waagtales auf: der aus einem Wandermaler zum romantisch-nationalen Schauspieldichter, zum Almanach-Redakteur und zum Dichtererzieher gewordene Károly Kisfaludy schöpfte gerade aus Hormayrs Archiv das Theme seines eindrucksvollen Theaterstückes,[17] die Schicksalstragödie »Stibor vajda« (Woiwode Stibor) wird später mehr als ein erfolgreiches Repertoirestück. In diesem Stück leben alle Tugenden (und Fehler) der Anfänge der ungarischen Romantik, vorausgreifend bietet es — in gewissem Maße — auch die Tugenden und Fehler der sich später entwickelnden nationalen Bewegung. Die wohlbekannte Geschichte ist die folgende: Stibor läßt seinem

[16] Sziklay L., A kelet-európai összehasonlító irodalomtörténetírás néhány elvi kérdéséről [Über einige prinzipielle Fragen der osteuropäischen vergleichenden Literaturgeschichtsschreibung]. Világirodalmi Figyelő 1962: 498—501.

[17] Bánóczi J., Kisfaludy Károly és munkái [Károly Kisfaludy und seine Werke]. Budapest 1882, 1: 226, 240.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

Hofnarren eine Burg bauen und vertauscht sodann die Burg, wo die Verlobung seines Sohnes abgehalten wird. Eine Diener schlägt seinen Lieblingshund, worauf ihn der böse Besitzer von einem Felsen hinunterstoßen läßt. Der zum Tode verurteilte Diener verflucht seinen Hern, ein Jahr darauf wird Stibor an derselben Stelle von einer giftigen Schlange gebissen und springt, halbwahnsinnig vor Schmerz, von der Spitze desselben Felsen in die Tiefe. Scheinbar folgt der Autor den Spuren Grillparzers, Müllners und Houwalds. Aber die Geschichte ist von einer die »Leibeigenen schützenden, demokratischen Tendenz« durchdrungen.[18] Die mit der Haupthandlung parallel verlaufende Handlung erzählt von der rührenden Liebe des Sohnes des bösen Burgherrn und eines Bauernmädchens. In der Gestalt des Hofnarren — muß dies überhaupt betont werden? — lebt zu Beginn des 19. Jahrhunderts der Hofnarr König Lears auf. Der Gegensatz zwischen Vater und Sohn — eines der schwersten Erlebnisse Kisfaludys! — ist der osteuropäische Gegensatz von Burg und Hütte. Dazu zählen wir noch den gehobenen Stil, den Bilderreichtum auf und die charakteristische romantische Tragödie steht vor uns. Die antifeudale Tendenz wird jedoch durch den gerade von Károly Kisfaludy verhöhnten »Hurrapatriotismus« gemildert. Stibor ist nämlich kein Ungar, sondern — ebenso wie seine bösen Frau — ein »Fremder« (wie wir wissen, ein Pole). Das nationale Prahlen (ein charakteristischer Zug der idealisierenden Tendenz der slowakischen und der ungarischen Literatur) erblickte in den Fremden, in den entarteten Söhnen (Mihály Vörösmarty: entartete Söhne, Ján Kollár: odrodilec), in den Renegaten die Ursachen der nationalen Nöte, der nationalen Rückständigkeit. Der Fremdenhaß hat die nationale Prahlerei zur Folge, dies ist die Ursache dafür, daß die Dramen weder der slowakischen noch der ungarischen Literatur die Intensität der lyrischen Dichtung erreichten. Das Umgehen, »Verwischen« der dramatischen Konflikte rächte sich durch Werke ungleichen Erfolges.

Das Theaterstück Károly Kisfaludys ist auch mit seinen Fehlern eine bedeutende Schöpfung. Es bestimmte das weitere Stibor-Bild der ungarischen Literatur. Die spätere, die Sage verarbeitende ungarische Literatur schöpfte außer von Mednyánszky hauptsächlich von Károly Kisfaludy.

Von den Sagen des Waagtales regten die um die Gestalt von Erzsébet Báthori geschlungenen Schauergeschichten am meisten die Phantasie der Dichter und Schriftsteller an. Die alternde Burgherrin badet im Blut junger Mädchen, womit sie ihre Jugend, ihre glatte Haut und Schönheit zurückgewinnen möchte. Von der grausamen Burgherrin und ihrem Prozeß sind tatsächlich schriftliche Dokumente erhalten geblieben, die sich mit den Schöpfungen der

[18] Horváth J., Kisfaludy Károly és íróbarátai [Károly Kisfaludy und seine Schriftstellerfreunde]. Budapest 1955: 430. — Kisfaludy Károly Válogatott Művei [Károly Kisfaludys Ausgewählte Werke]. Budapest 1954. Szauder J. bevezetése [Einleitung von J. Szauder].

Volksphantasie nicht ganz decken.[19] In Kollárs Sammlung von Volksdichtungen finden wir jene Ballade von untadeliger Schönheit, die gleichsam die Gedanken des Volkes zusammenfaßt. Aus dem Dialog zweier junger Leibeigener bietet sich die traurige Geschichte. Zusammen damit erscheint der Kampf gegen die Türken, der seiner Liebsten beraubte Bursch schließt sich in seiner Trauer dem gegen die Türken ziehenden Heer an, um im Kampf den Tod zu finden.[20] Die ungarische Literatur schöpft nicht aus der Volkstradition, sondern aus den Büchern Mednyánszkys. Wir heben die »Báthori Erzsébet« betitelte Ballade von János Garay, des volkstümlichen Balladen- und Theaterstückautors der Jahre um 1830 hervor.[21] Ihn interessiert nicht die Geschichte, sondern die Seelenverfassung der Burgherrin. Vorahnung, Geheimnis, auf der Schrägfläche des Wahnsinns tanzende Frauenvision, Verzweiflung, Buße: aus diesen Elementen setzt sich die Ballade zusammen (dieses Thema hat Garay übrigens auch als Theaterstück bearbeitet). Der Zusammenbruch der Frau — wie es die Fieberträume ahnen lassen — erfolgte, nachdem sie auch ihre eigene Tochter töten ließ. Der Zusammenbruch war die Folge der unbewußt begangenen Sünde. Garay hat mit seinen Balladen den Weg für die in der zweiten Hälfte des Jahrhunderts sich entwickelnde, die psychologische Glaubwürdigkeit anstrebende ungarische Ballade vorbereitet. In dieser Bestrebung ist er hauptsächlich mit dem Slowaken Karol Kuzmány zu vergleichen, der von der sentimentalen Ballade Bürgers, unter Einwirkung von Mickiewicz und Mácha, den Weg zur modernen psychologisch glaubwürdigeren Ballade finden wollte. Kuzmány hat gerade so nur die ersten Schritte getan wie Garay; die Wegbereitung wird das Verdienst der Dichter der Štúr-Schule sein.

Das Eindringen der Sagen des Waagtales in die Literatur wird durch den Umstand gefördert, daß sie zugleich mit dem Shakespeare-Kult zur Lektüre der Dichter wurden. Die eine oder die andere Sage hätte sich — aus der Feder eines großen Dichters oder Dramatikers — sogar zum Pendant von Romeo und Julia oder Othello entwickeln können. Eine solche Sage ist die Geschichte der Mauernische von Budetin.[22] Der hoffärtige Grundbesitzer will seine Tochter dem benachbarten Gutsbesitzer zur Frau geben. Das Mädchen liebt aber einen anderen. Der geheime Liebhaber will das Mädchen entführen.

[19] Ethey Gy., Vágújhely története és a szomszédos várak [Die Geschichte von Vágújhely und die benachbarten Burgen]. Nyitra 1926. — Auch die Lebensereignisse des Woiwoden Stibor stimmen mit der Sage nicht überein. Vgl.: Jedlicska P., A Vágújhelyi prépostság története [Die Geschichte der Propstei von Vágújhely]: Magyar Sion 1867, 173—175. — Ethey, a. a. O. 84—86. — Ders., Vágvölgyi krónika [Waagtaler Chronik]. Komárno—Komárom 1936, 193—194. — Ein gutes Verzeichnis, hauptsächlich der slowakischen Quellen über Vágújhely und Umgebung bei P. Valovič, Bibliografia Nového Mesta nad Váhom a okolia, v Martine 1960.

[20] Alžbeta Batorowá w Čachticech, In: Národnie zpiewanky, W Budiné 1835. Djl druhy 433—434.

[21] Greguss A., A balladáról [Über die Ballade]. Budapest 1886³, 166.

[22] Vágvölgyi, A budetini várromok története [Geschichte der Burgruinen von Budetin]. Vasárnapi Ujság 1857, Nr. 41.

Die Entführung wird jedoch entdeckt, das Mädchen eingemauert, während der Liebhaber im Duell ums Leben kommt. Außer Mednyánszky hat auch ein anderer Mitarbeiter von Hormayrs Archiv, nämlich János Majláth, Freund der ungarischen Schriftsteller und Ján Kollárs, die Geschichte aufgezeichnet. Majláths Novelle wird vom Veteran der ungarischen Literatur, Ferenc Kazinczy, übersetzt,[23] und sie regt auch zwei weniger talentierte Autoren zu Dramen an.[24] Zsigmond Rosty (1811—1875), Beamter und Archivar, verfolgte die Spuren des Woiwoden Stibor. Aber während Kisfaludy sein Drama zu Blütezeit des Absolutismus des Königs Franz schrieb, dichtete Rosty im aufsteigenden Abschnitt der nationalen Bewegung. In seinem Theaterstück tritt glückliches Einanderfinden, unlogisches happy end ein. Die undichterische Sprache verflacht die ohnedies forciert dahinfließende Handlung. Nur um einen Grad talentierter ist der ebenfalls zu Recht vergessene István Jakab (1798—1876), Übersetzer, Dichter und Komponist. Sein Drama ist um so vieles besser, als er mehr Shakespeare und Vörösmarty gelesen hat. Im Drama können wir hervorstechende Meditationen über die Macht des Goldes lesen. Zu Zeiten überrascht diese und jene schöne Zeile: »Zehn Fuß tiefer Abgrund gähnte unter mir, Wo im Felsenbett mit wildem Gebraus, Jagen hin der Waag aufgepeitschte Wellen . . .« Auch dieses Theaterstück ist eine Schöpfung der sekundären Romantik. Wir müssen uns nur deshalb damit befassen, weil es als Vorgeschichte — vielleicht als Behelf? — zu dem epischen Gedicht János Aranys, dem Romanteil Maurus Jókais dient. János Arany, der größte ungarische Dichter der zweiten Hälfte des 19. Jh.-s (ins Slowakische übersetzt von Hviezdoslav, ins Serbische von Jovanović-Zmaj, seine dichterische Größe von Hebbel anerkannt), schrieb im Jahre 1850 seine »Katalin« betitelte dichterische Erzählung.[25] Die sich dicht übereinander drängenden Ereignisse werden hier prächtig von der kühn-kompakten dichterischen Zeichnung des Waagtales umrahmt; die Naturbilder ergänzen gleichsam die Gefühle der Gestalten; der Dichter vermengt sozusagen mit Rembrandtscher Kunst Licht und Schatten. Die Seelenzeichnung der Gestalten ist vollkommen: der den Tod seiner Tochter verursachende und von der Selbstanklage zerrissene starrsinnige Vater; die dem Schicksal trotzenden Liebenden, die sich im Tod vereinen; der das Urteil des Schicksals ausführende und in der Tragödie gereinigte und so die Absolution bringende Rivale. Aus dem Dunkel blitzt nur manchmal Licht hervor, um die Gefühle der Liebenden, die so rein sind, wie jene von Romeo und Julia, zu beleuchten. Der Monolog des Vaters kann jenem König Lears gleichgestellt werden . . .

[23] J. Majláth, Die Eingemauerte. In: Magyarische Sagen und Märchen, Brünn 1825. — A falba zárt: Musárion 1829.

[24] Rosty Zs., Katicza, vagy a budetini Fal-üreg [Katicza, oder die Mauernische von Budetin]. Pest 1835. — Jakab I., Zsarnok apa [Der tyrannische Vater]. Buda 1836.

[25] Katalin. In: Arany János Összes Művei [Gesammelte Werke von J. Arany], III. Budapest 1952, 103—132.

Maurus Jókai erzählt in seinem im Jahre 1882 erschienenen Buch »Szeretve mind a vérpadig« (Geliebt bis zum Schafott) als Einlage die Sage von dem eingemauerten und entführten Mädchen. Der Autor bringt kein neues Moment, es würde auch gar nicht in die Handlung passen. Der Dichter verwendet die traurige Geschichte eher als Motiv zum Milieu.[26]

Unter den von ungarischen Autoren besungenen Sagen des Waagtales erwähnen wir noch die Sage des Margita-Felsens. Der Autor ist: Lázár Petrichevich Horváth, Schriftsteller, Redakteur,[27] Gegner Sándor Petőfis, sich zu den Aristokraten drängender Kritiker des großen ungarischen Dichters. Er erwarb sich Verdienste mit dem Übersetzen Byrons, seine Werke gehören jedoch zum damals schon überholten Biedermeier und zur Almanach-Novellistik. Wir denken an Geziertheit, Sentimentalität und Affektation, wenn wir seinen Namen hören. Auf seiner literarischen Laufbahn leiteten ihn die Mode und seine Untertänigkeit der Aristokratie gegenüber. Und da die Reisebeschreibung Mode war und darin auch das Volksleben Erwähnung fand, wurde er auf seiner Reise im Waagtal auch mit dem slowakischen Volksleben bekannt. »Frauen und Männer kleiden sich sauber . . .« schreibt er. Sodann stellt er die Tänze der slowakischen Burschen und Mädchen vor: »Die Tänze sind die folgenden: der erste und häufigste ist der ungarische Tanz, der sogenannte nationale Friskó; ihn tanzt der Slowake con amore . . . Nicht weniger beliebt ist der deutsche Tanz Nyemeczky . . . Dann kommt der Zahradnitzky (Gärtnertanz)... Mit großer Vorliebe tanzen sie auch den kosakischen Zbojnitzky (Tanz der Diebe) . . . Dann kommt der Kozsuch, eine Art Radovecska, dem schließlich der Rusnyicskovi (Tüchertanz) zu folgen pflegt.« Interessanter für uns als die »Inventur« der Tänze ist, wie er die Sage des Margarita-Felsens beschreibt, die er bei Mednyánszky gelesen, aber auch unterwegs gehört haben konnte. »Einer der gefahrvollsten Felsen ist die sogenannte Margita-Spitze, welcher Name von einer alten Sage herrührt. In den schönen Ruinen der Burg Sztrecsnó wohnen nämlich eine Frau, die zweite Gemahlin des einstigen Burgherrn, eine schöne und junge Witwe, zugleich die Stiefmutter der Tochter ihres Gatten. Ein wackerer Nachbar, ein schöner ungarischer Recke, ließ häufig unterhalb des Schlagbaumes der Burg sein Horn ertönen. Die schöne Witwe ließ die Zugbrücke immer gern hinaufziehen, wenn sie das bekannte Roß wiehern hörte. Der Anziehungspunkt des Eisenpanzers, des Recken war aber nicht sie. Margit — die blauäugige Margit von Sztrecsnó, die einzige Tochter des Burgherrn — war das süße Gift. Die Liebe ist, so lange sie still ist, blind; sie hat tausend Augen, wenn das Eis bricht. Der schöne Abend lockt die erregte Stiefmutter zum Spaziergang; sie fand das Mädchen auf der Felsenspitze über

[26] Tolnai V., A budetini Katalin-monda Jókainál [Die Budetiner Katalin-Sage bei Jókai]: Irodalomtörténet 1932, 5—6.

[27] Petrichevich Horváth L., Kaleidoskóp. In: Munkái [Werke] VI. Buda 1842, 6—10. — Ursprünglich erschienen in: Társalkodó 1841, Nr. 76. Der Ausflug erfolgte im Mai 1839.

der Waag, den Abendwind ersehnend, der von ihrem Geliebten herüberwehte; das junge Mädchen fragte, ob er ihr wohl gut sei. In solch süßer Träumerei ereilte sie der Tod, denn der Arm, der ihren Vater umfaßte, brachte ihr den Untergang. Die raschen Wellen verschlangen die schöne Dame. Nur ihr Name blieb, den der traurige Felsen trägt.« Es ist leicht nachzuweisen, wo die Hand des Biedermeier Schriftstellers in die Volkssage hineinlangt. Wir wollen zugleich die Aufmerksamkeit darauf lenken, daß diese slowakische Sage in dem Jahrgang der Zeitschrift erschienen ist, in dem die slowakischen Professoren des Panslawismus bezichtigt wurden (es ist wahr, daß auch Štúrs zwei Antworten publiziert wurden). Zur Zeit der nationalitätspolitischen Kämpfe werden die slowakischen und die ungarischen Schriftsteller nicht müde, die Kultur des anderen zu beobachten und zu schildern; sie publizieren, was sie für wertvoll halten. Nicht die Bearbeitung, sondern die Kenntnisnahme ist das Verdienst von Petrichevich Horváth; dieser Teil seines Buches hat nicht eine literarische, sondern beziehungsgeschichtliche Bedeutung.

Die slowakische Literatur beginnt mit der Aufnahme der Tradition der Volkssagen zu einer Zeit, als dies zum nationalen Programm wird. Der klassizistisch-sentimentalen Generation waren die als echt wirkenden volkstümlichen Werke fremd. Die Štúr-Schule[28] kämpft mit Themen aus der Volksdichtung um die wahre und genauere Schilderung der nationalen Vergangenheit und dabei um die konsequente Geltendmachung des nationalen Programms. Kollárs Generation und die seiner Anhänger sanktionieren nur jene Volksdichtung, die von der Gelehrtenwelt bereits akzeptiert wurde, so die Lied- und Balladenpublikationen von Vuk Karadžić, die Königinhofer Manuskripte Hankas und den Igor-Gesang. Die slowakische Volksdichtung wurde gesammelt und herausgegeben, hatte jedoch zur Literatur kaum Zugang. Die Schöpfer der Štúr-Schule ließen neues Blut in den alternden Blutkreislauf der slowakischen Literatur fließen, indem sie sich den für volkstümlich gehaltenen und den wirklichen volkstümlichen Quellen zuwandten. Auch sie konnten die Folklore von den Geschichten der Schundliteratur und den Studentenliedern nicht genau unterscheiden, kamen aber jedenfalls dem geläuterten Begriff des Volkstümlichen näher. Daß nun die für charakteristisch slowakisch gehaltenen Geschichten und Sagen oft gemeinsamer Sagenschatz waren? Dies hat zu jener Zeit nicht gezählt, den Wert eines Werkes bestimmte die Funktion, die das Werk in der literarischen und gesellschaftlichen Entwicklung einnahm. Samo Chalupka selbst bemerkt, daß er das Thema von Turčín Poničan von dem evangelischen Geistlichen in Pojnok bekommen hätte.[29] Zu dem Sohn des geraubten, zum türkischen Renegaten gewordenen Kindes kommt eine slowakische Amme, in deren Lied und Haltung der Sohn seine Mutter erkennt bzw. die Mutter ihren Sohn und ihren Enkel. Laut László Sziklay: »Die alte

[28] V. Kochol, Poézia štúrovcov. Bratislava 1955.
[29] Spevy Sáma Chalupku. V Turčianskom Sv. Martine 1912.

Frau, die so viel gelitten hat, ist wieder nur ein Symbol, das Symbol des Vaterlandes, der Vaterlandsliebe, in dem wieder das christliche Motiv mitspielt.«[30] Ob Chalupka wohl geahnt hat, daß dieses Thema auch in der ungarischen Volksdichtung heimisch war und daß man in mancher Gegend Ungarns ähnliche Lieder sang (z. B. in der Gegend von Eisenstadt)?[31] Das ständige Wandern, Austauschen der Motive der Volksdichtung, ihre Bereicherung durch die Motive anderer Völker birgt heutzutage keinerlei Spannung mehr. Wichtig ist, in welcher Weise das volkstümliche Motiv zum Mittel dessen wurde, was die Nation in der slowakischen Literatur auszudrücken hat. Ebenso bearbeitet Chalupka ein verwandtes Thema in seinem Werk »Murán« (auch Petőfi und Arany haben dieses Thema aufgearbeitet).

Die Dichter der Štúr-Schule sehen — ähnlich wie Arany und Petőfi — in diesen Burgsagen, in den lokalen geographischen Sagen die Möglichkeit des Neuerweckens der nationalen Vergangenheit; das Volkstümliche der Sagen glauben sie durch einen volkstümlichen Tonfall hervorzuheben. Sie weichen bewußt von der Folklore ab, ihre Volkstümlichkeit ist »gewollt«[32] literarisch; diese Art der Volkstümlichkeit paart sich mit der Idealisierung. Die andere Sphäre dieser Werke (Balladen, Sagen) gehört eher in den Sachkreis der psychologischen Glaubwürdigkeit. Die bis dahin mehr beschreibende, meditierende, Tatsachen fixierende und deshalb ein wenig trockenrhetorische Dichtung wollten sie durch Schilderung der seelischen Vorgänge in den Gestalten erneuern. Die Dichter streben an, sich mit ihren Helden zu identifizieren; statt der bis dahin angewandten äußeren Schilderung wird die Identifizierung mit gefühlsmäßigen Reaktionen (Schuldbewußtsein, Wahnsinn, Gewissensbisse) zur hauptsächlichen Art der Darstellung. Und eben deshalb, weil sie neuartige Darstellungen anstreben, benützen sie meistens grelle Farben; sie schieben die dichterischen Mittel der Extreme zu. Trotz ihrer realistischen Bemühungen sind sie oft exzentrisch, geziert absonderlich. Hinzu kommt, daß sowohl die Realisten als auch die Präromantiker sich die Errungenschaften der Romantik aneignen; sie sind zugleich Anhänger Bürgers, Uhlands, Schillers und Byrons und Leser von Deržavin, Puškin, Mickiewicz, Mácha, Erben, Vuk Karadžić, Stanko Vraz. Diese Einwirkungen lassen sich manchmal auch philologisch nachweisen, dennoch kann man die Štúr-Schule nicht allein mit diesen Wir-

[30] A szlovák irodalom története [Geschichte der slowakischen Literatur]. Budapest 1962, 326.

[31] Kálmány L., Történeti énekek és katonadalok [Historische Lieder und Soldatenlieder]. Budapest 1952, 143—146. — Eine Variante der Geschichte: A Zólyomi basa [Der Pascha von Zólyom]. Vasárnapi Újság 1871: 599. — Als Schlummerlied war es auch im einstigen Komitat Neutra bekannt. — Über die mährische Verwandtschaft dieser Sage: O. Sirotkáva, Moravská balada o ztračenem synu — janičárovi: Slovenský Národopis 11 (1963) Nr. 2—3. — B. N. Putyilov, A magyar—szláv folklórkapcsolatok történetéből [Aus der Geschichte der ungarisch-slawischen Folklore Beziehungen]: Magyar Tudományos Akadémia I. Osztályának Közleményei 1964, 21, 49—66.

[32] Sziklay a. a. O. 491—492.

kungen erklären. Nicht nur deshalb, weil die Mitglieder dieser Schule selbst zur Sammelarbeit unter das Volk gingen. Der inneren Notwendigkeit der slowakischen Literatur entsprechend, haben sie alles ins Slowakische assimiliert, was sie aus der deutschen, englischen, russischen, polnischen, tschechischen und ungarischen Literatur übernommen haben. Eigenartig slowakisch wurde das Endresultat, das in vielen Punkten mit den Ergebnissen solcher Autoren der ungarischen Romantik verwandt erscheint wie János Garay, Gergely Czuczor, ja sogar János Arany.

Die bisher geschilderten Sagen des Waagtales wurden von vielen Autoren aufgearbeitet. Es reihen sich Karol Štúr und Andrej Sladkovič mit Ctibor, Karol Štúr und Ján Botto mit Margita, Karol Štúr mit Nevolnica (die Sage von Budetin) aneinander, um mit in der ungarischen Literatur bisher unbekannten Themen, wie z. B. Král's »Zakliata panna vo Váhu a divný Janko« bereichert zu werden.[33] Auf die angeführten Werke bezieht sich, was wir über die Dichtung der Štúr-Schule geschrieben haben. Die Schlußfolgerungen haben wir zumeist aufgrund dieser Werke gezogen. Die erwähnte Ballade Král's bearbeitet z. B. die Geschichte der ihren Geliebten ins Wasser lockenden und ihn dort ums Leben bringenden Nixe (Goethe: Der Fischer), aber das Werk Král's bedeutet mehr als ein Werk dieses Themas aus der internationalen Balladenliteratur. Das slowakische Dorf, genauer das Waagtal erscheint hier mit seinem volkstümlichen Mystizismus, mit Naturschönheiten und Aberglauben. Kráľ erzählt all dies in einer Sprache, die mit jener Petőfis und Máchas verglichen werden kann. Oder mit dem Werk »Margita a besná« von Botto (das den Untertitel »Povesť z Považia« trägt), das auch nicht bloß die dichterische Bearbeitung des Motivs der bösen Stiefmutter und des Waisenkindes bedeutet.[34] Es handelt sich hier um ein Werk mit Rahmenkonstruktion:einmal erscheinen die Flößer der Waag (ihr schweres Schicksal hat Hurban-Vajanský in seiner Ballade »Pltník« ergreifend dargestellt), diese Flößer erzählen die Geschichte. Die Darstellung des Schuldbewußtseins der Stiefmutter ist mit den »Wahnsinnsszenen« János Aranys verwandt, ohne daß wir eine Einwirkung auf Arany voraussetzten. Wir wollen eher die Parallelen der realistischen Bestrebungen beweisen.

Von den Sagen des Waagtales möchten wir noch eine hervorheben: die Sage vom Brunnen der Burg von Trencsén. Auch diese wurde zuerst von Mednyánszky bearbeitet. István Zápolya (Ende des 15. Jh.-s) bringt seiner Frau eine Sklavin, die schöne Türkin Fatme, die Geliebte Omars. Bald erscheint Omar, der seine Liebste unter der Bedingung auslösen darf, daß er in den fürchterlichen Felsen einen Brunnen bohrt. Die höllische Arbeit bringt nach

[33] Über Entwicklung und Eigenarten der slowakischen Ballade berichtet eingehend: C. Kraus, Slovenská romantická balada. Bratislava 1966.

[34] J. Botto, Spevy. Bratislava 1962, 87—93. Erste Ausgabe: Orol 1879; also beinahe gleichzeitig mit den Balladen, die János Arany im Alter geschrieben hat (1877).

drei Jahren einen Erfolg: aus dem Felsen bricht Wasser hervor, Zápolya selbst traut die Liebenden. Die poetische Sage wurde außer Karol Štúr (Pomnjk lásky) Mikuláš Dohnány, der viel mehr als Historiker denn als Dichter von Bedeutung ist, in seiner Sage Trenčianska studňa bearbeitet.[35] Der Anfang des kleinen epischen Gedichtes scheint auf die Wirkung des Königinhofer Manuskriptes hinzuweisen (Poviem vám povesť minulých století), um dann später etwas umständlich und nicht überaus dichterisch in eine verwickelte Handlung überzugehen. Die didaktische Absicht verringert den Wert des Gedichtes, aber als poetische Bearbeitung der Sage des Brunnens von Trencsén bleibt es ein interessantes Dokument.

Die Jahre um 1860 und 1870 sind traurige Jahre der politischen Berührung zwischen Slowaken und Ungarn. Die ungeduldige und kurzsichtige Nationalpolitik der Regierung hat das slowakisch-ungarische Verhältnis arg gestört. Zur selben Zeit erfuhr die Verbindung von Literatur und Bildung keine Unterbrechung, Lajos Szeberényi, Kálmán Törs,[36] Imre Gáspár[37] überraschen die Leserschaft mit sehr wertvollen Übersetzungen der slowakischen Volkslieder; die Kisfaludy-Gesellschaft setzt die Beschreibung der slowakischen Volksdichtung auf das Programm. 1882 führt das Nationaltheater das Singspiel (Volksstück) von Tihamér Almási mit dem Titel »A tót leány« (Das slowakische Mädchen)[38] auf, das eben seiner slowakischen Umgebung und der slowakischen Lieder wegen gewaltigen Anklang findet. In der Hauptrolle spielt die Operettendiva Lujza Blaha, genannt die Nachtigall der Nation, ihr war der triumphale Erfolg zu verdanken. Dem Stück verleiht nicht die einfache Liebesgeschichte das Interessante (der ungarische Landwirt erlaubt nicht, daß sein Sohn die Tochter des Anführers slowakischer Taglöhner heirate. Schließlich heiratet er sie doch, und das Stück endet mit einer großen slowakisch-ungarischen Verbrüderung), sondern die darin erklingenden slowakischen Lieder. In dieser Atmosphäre erscheinen die wirkungsvollen und in weitesten Kreisen gelesenen Romane von Maurus Jókai, in denen stellenweise — wenn auch nur als Einlage, als schmückende Elemente — auch die Sagen des Waagtales Platz finden. Der große ungarische Romancier besuchte 1879 das Waagtal, von welcher Reise die bedeutendsten ungarischen Blätter berichteten. Das dort Gesehene und Gehörte berührte die Phantasie des Schriftstellers, der die Bände Mednyánszkys wahrscheinlich kannte, aber auch den Reiseführer von Adolf

[35] M. Dohnány, Dumy. Bratislava 1968, 51—56. — R. Chmel, Mikuláš Dohnány— život a dielo: Slovenská Literatúra 1967: 241—259. — Die Sagen K. Štúrs: Ozwena Tatry . . . od Karla Štúra. W Prespursku 1844.

[36] Tót népdalok [Slowakische Volkslieder]. Übersetzt von L. Szeberényi, T. Lehoczky, K. Törs, Pest 1866.

[37] Gáspár I., Hazánk tót népe [Das slowakische Volk unseres Vaterlandes]. Budapest 1879.

[38] Almási T., A tót leány [Das slowakische Mädchen], in Musik gesetzt von L. Serly, Budapest 1883. Almási (1838—1907) Arzt, Verfasser von Volksstücken, Molière-Übersetzer. — S. Galamb, Nemzetiségi népszínművek [Die Volksstücke unserer Nationalitäten]. Irodalomtörténeti Közlemények 1941: 21—22.

Pechány[39] gelesen haben dürfte. Jókai[40] hat sich mit der Literatur und Kunst der slawischen Völker viel befaßt; so hat er während seiner Reise die Holzschnitzerkunst eines slowakischen Burschen zu schätzen gelernt. In einem Gedicht schrieb er über die Slowaken: »Halte, Ungar, den Slowaken immer achtbar, nenn' ihn deinen Bruder, deinen Nachbar!«[41] An anderer Stelle schreibt er über die Slowaken wie folgt: ». . .das ungarländische Slawentum verfügt über so viel natürlichen Verstand, Bildungsempfänglichkeit; sein Fleiß und seine Sparsamkeit sind erstaunlich; sein Volksleben, seine Lieder, seine Melodien sind voll der Poesie, sein Gemüt ist unverdorben, sein Herz gut.«[42] Jókai hat das slowakische Volk immer hochgeschätzt, bestaunte seine Volkskunst, bearbeitete seine Volkssagen. Aber in einem früheren Werke (Traurige Tage) zeichnet er von Štúr ein Zerrbild. Der Freiheitskrieg von 1848/49 hat die Stellungnahme Jókais für ein Leben bestimmt; wenn er in seinen Prinzipien auch konservativer, in seiner politischen Haltung aulischer gewesen ist: als Ideal, als Sehnsucht, als Ehre des Ungartums leuchteten ihm die Jahre 1848/49 in vollkommenem Glanz. Er verherrlichte diese Heldenzeit in Romanen, Novellen, Rückerinnerungen. Und er, der gegen den Chauvinismus einen Artikel schrieb, er, der sich für das slowakische Volk begeistern konnte, verzieh Štúr und dessen Kreis niemals, daß sie sich gegen den ungarischen Freiheitskrieg gewendet hatten. Neben seinem schon erwähnten Roman beschreibt er in dem späteren Werk »Akik kétszer halnak meg« (Die zweimal sterben) die Sage des Brunnens von Trencsén mit dem Titel »A szép Laila balladája« (Die Ballade der schönen Laila). Jókai hat die Geschichte stark geändert. Ob dies auf schriftstellerische Willkür zurückzuführen ist oder darauf, daß er eine Variante der Sage an Ort und Stelle gehört hat, ist heute schwer festzustellen. Aus Fatme wird Laila, vielleicht in Erinnerung an die feenhafte Frauengestalt in einem 1827 von Vörösmarty geschriebenen Kurzepos (in seinem Werk »Eger« kommen Laila und Omar vor ; diese Geschichte knüpft sich jedoch an die Belagerung der Burg Eger im Jahre 1552 und hängt mit der Sage des Brunnens von Trencsén auf keine Weise zusammen). Während der schweren Arbeit wird — bei Jókai — Omar stumm. Das Burgfräulein Rózsa verliebt sich in ihn. Sie rüstet zur Verlobung mit Omar, der nicht widersprechen kann. Im Augenblick der Verlobung springt er aber tollkühn von der Burg hinunter und flüchtet sich vor der ihm verhaßten Ehe. Jókai bestreut die Geschichte mit dem Goldstaub des Märchens; die Betonung liegt auf der Romanhaftigkeit, auf der zauberhaften Schilderung der außerordentlichen

[39] Pechány A., Kalauz a Vágvölgyében [Führer im Waagtal]. Budapest 1888.
[40] Jókai M., Akik kétszer halnak meg [Die zweimal sterben]. Budapest 1966, 1: 426—443. — Az Osztrák—Magyar Monarchia írásban és képben [Die Österreichisch—Ungarische Monarchie in Schrift und Bild]. Felső-Magyarország [Ober-Ungarn] I. Budapest 1898, 455.
[41] Jókai M., Szomorú napok [Traurige Tage], (1848—1856). Budapest 1963, 268.
[42] a. a. O. 129.

Ereignisse. Jókai wollte und konnte vom Zauber der Sagen nicht frei werden, dieser belebt als umwelt- und stimmungsmalende Einlage die an sich schon märchenhaften, romantischen Romane.[43]

Kálmán Mikszáth verfolgt bei der Bearbeitung dieser Sagen andere Intentionen als Jókai. Während Jókai den Sagenschatz des slowakischen Volkes durch Ausflüge und Reisen kennenlernte, kam Mikszáth, durch seine Herkunft seiner Jugendumwelt und seiner Studienjahre mit der slowakischen Literatur in enge Verbindung. Im Schemnitzer Lyzeum dürften die Gedichte von Sládkovič in seine Hände geraten sein.[44] Sein erstes bedeutendes Buch — mit dem er landweit Erfolg erreichte — war das Werk »Tót atyafiak« (Die slowakischen Vettern). In den Novellen dieses Buches erwachen die Gestalten der slowakischen Umwelt seiner Kinderzeit, der Schriftsteller schildert mit Liebe, Wohlwollen den Kampf des slowakischen Volkes um das tägliche Brot, seine Menschlichkeit, seine Leidenschaft, seine reinen Gefühle. In einer Novelle verewigt er gerade einen »Volkskünstler«, Lapaj, »den berühmten Dudelsackpfeifer«. Nach alldem haben wir uns darüber nicht zu wundern, wenn wir den Namen Mikszáth unter der Übersetzung eines slowakischen volkstümlichen Kunstliedes lesen können.[45] Das Thema dieses slowakischen Liedes ist der preußisch—französiche Krieg von 1870/71. Mikszáth ging auch in Jókais romantische Schule, aber in ihm ist mehr Skepsis, Ironie; die immer mehr kapitalistische, aber von feudalen Bindungen belastete Welt schildert er gleichzeitig mit beißendem Spott und mit Mitgefühl. Das slowakische Volksleben stellte er jedoch beinahe immer mit Achtung, Sympathie und der Kindheitserinnerung gebührender Nostalgie dar (in seinen Romanen St. Peters Regenschirm, Sonderbare Ehe).

1890 erschien der unter dem Titel »Magyarország lovagvárai« (Die Ritterburgen Ungarns) ein Band, der auch die Sagen des Waagtales bearbeitete. Dies waren ursprünglich einem Jugendblatt zugedachte Schilderungen, Geschichten, die sich um die einzelnen Burgen flochten. Das Ziel bestimmt die Art der Abfassung: er hatte diese Aufarbeitungen der Jugend zugedacht, er ist bestrebt, sehr einfach und lehrreich zu schreiben. Der Schriftsteller verleugnet sich jedoch nicht. Er fügt humoristische Dialoge ein, umreißt mit zutreffenden Sätzen die Umgebung. Ein neues Element ist kaum vorzufinden. Mednyánszky ist die Hauptquelle Mikszáths, er dehnt die Geschichten mit eigenen Erfindungen nicht aus. Die Lebhaftigkeit und die Frische seiner Vortragsweise sind es, die diesen kleinen Geschichten Wert verleihen. Er baut Stimmungselemente ein. So sind wir überrascht, wenn die Geschichte von

[43] Die fernere Variante der Sage des Brunnens von Trencsén in der türkischen Dichtung: Nazim Hikmet, Legenda a szerelemről [Legende von der Liebe]. Budapest 1955.

[44] Turczel L., A szlovák nép Mikszáth műveiben [Das slowakische Volk in den Werken Mikszáths]. In: Csanda S., Magyar—szlovák kulturális kapcsolatok [Ungarisch—slowakische kulturelle Beziehungen]. Bratislava 1959, 290—294.

Erzsébet Báthori und der Burg von Csejthe erzählt wird (Die Herrin von Csejthevár). »Vom Komitat Nyitra singen die Slowaken gerne das folgende Lied:

Nyitra, teures Nyitra,
Als deine Knospen trieben:
Ins Buch der Geschichte
Viel Schönes du geschrieben!«

Es fällt uns sogleich das wohlbekannte Stück aus der Sammlung Kollárs ein:

Nitra milá, Nitrá, ty wysoká Nitra:
Kdeže sú té čásy w ktorych si ti kwitla?[46]

Wir können auch feststellen, daß es sich hier eher um eine Nachdichtung als um eine getreue Übersetzung handelt. Mikszáth konnte gut Slowakisch, aber als er die zitierte Sage verfaßte, hatte er Kollárs Text nicht vor sich. Das die Ehre der Slowaken besingende Lied haben auch Imre Gáspár und Lajos Szeberényi übersetzt, viel getreuer und genauer als Mikszáth. Er mag beide Übersetzungen gekannt haben. In einem Abschnitt seines Lebens stand er zu Imre Gáspár in sehr gutem Verhältnis.[47] Auch von Gáspár konnte er das slowakische Original oder die ungarische Version gehört haben. Zwei Fälle sind möglich:

1. Mikszáth war das Original bekannt, beim Abfassen der Sage hatte er jedoch Kollárs Buch nicht zur Hand, und so übersetzte er aus der Erinnerung.

2. Er dichtete die Interpretationen Gáspárs oder Szeberényis, ebenfalls aus der Erinnerung. Der Text Mikszáths steht jenem Gáspár am nächsten.

Die Burgsagen Mikszáths zeugen lebendig vom Interesse und der Erzählerfreude des Schriftstellers. Diese sind nicht nur an sich bedeutend, sondern auch in ihrer Wirkung. Wahrscheinlich entstanden Mikszáth folgende — zum Großteil von Dilettanten — die Bände über die Sagen von Neutra und anderer Burgen,[48] die weder durch ihre Mitteilung noch durch ihre forcierte literarische Beschaffenheit das Niveau der bis jetzt behandelten Werke erreichen. Sie verdienen lediglich wegen der Kontinuität des Interesses Erwähnung. Sentimentalität, kitschiger Stil oft unlogische Handlungsführung können manchmal beanstandet werden. Hierzu kommt manchmal noch der Fehler des Anachro-

[45] Szalatnai R., Mikszáth Kálmán szlovák népdalfordítása [Die slowakische Volkslied-Übersetzung K. Mikszáths]: Irodalomtörténeti Közlemények 1960: 375—377.

[46] Kollár . . . Djl perwy. W Budinje 1834, 29.

[47] Sziklay L., A századvég ellenzéki irodalmának történetéből. Gáspár Imre [Aus der Geschichte der Oppositionsliteratur zu Ende des Jahrhunderts. I. Gáspár]. Budapest 1955, 97, 99.

[48] Szeghalmi Szennovitz Gy., A Vágvidék mondaköre [Der Sagenkreis des Waaggebietes]. Gyoma 1904. — Zakariás S., Várregék [Burgsagen]. Kassa 1904. — Krasznyánszky K., A regényes Vágvölgy várainak történelmi emlékei és regéi [Die geschichtlichen Denkmäler und Sagen der Burgen des romantischen Waagtales]. Trencsén 1908.

nismus (in der mittelalterlichen Sage werden Balladen von János Arany als geschichtlich glaubwürdige Antiquität gesungen usw.).

Die Tradition Jókais und Mikszáths wurde nicht von ihnen sondern von den Ethnographen fortgesetzt,[49] die unter Anwendung eines strengen Maßes festgestellt haben, was eine wirkliche volkstümliche und was eine Familiensage ist. Von den Ethnographen müssen wir den zwischen den zwei Weltkriegen tätigen Gyula Ethey[50] hervorheben, der in seinen Kurzmonographien die Vergangenheit des Waagtales aufzuklären suchte. Außer den Urkunden hat er auch die Volkstradition untersucht und ihr entnommen, was daraus die geschichtliche Forschung nutzbar machen kann.

Nach Mikszáth beschäftigt sich der in Vágújhely geborene György Szántó (1893—1961) mit den Sagen des Waagtales. Seine Kindheit verbrachte er in Vágújhely in slowakischer Umgebung, aber auch als Erwachsener kam er zur Erholung und um sich auszuruhen, hierher. Das slowakische Volkslied begleitete ihn bis ans Ende seines Lebens. Eines zitiert er auch in seinem »Aranyágacska« (Goldzweiglein) betitelten Roman:

Lasztovenka szkorom rano sztaval
Ked vihadzse szlnecsko.
Mustruju sza, mustruju
Sablinki csul blinkaju
Povedala moja mila
Zse mnya zabiju.[51]

Auch seine ersten Theatererinnerungen knüpfen sich an Vágújhely.[52] Er beschreibt die Aufführung der »Tragödie des Menschen« von Madách, wie sie von der Familie einer Wander-Theatergesellschaft gespielt wurde. In die Statisterie tritt auch der kindlich junge Schriftsteller auf, und die für der Pariser Szene notwendige Marseillaise übt der sozialistische Schlosser der Gemeinde slowakisch, in eigener Übersetzung mit den Darstellern ein. Hier sieht er in einem Marionettentheater auch »Faust«, gespielt in slowakischer Sprache. Zu Ende des vergangenen und zu Beginn unseres Jahrhunderts leben in Vágújhely noch die Sagen der Umgebung, die der alternde Schriftsteller in seinem Sammelband »A három vaskorona« (Die drei Eisenkronen) bearbeitete.[53] Aus dem vier Sagen enthaltenden Band ist die Geschichte »Bolondóc« (Kasperle) für uns von Interesse. Dies ist nicht bloß eine einfache Sagen-

[49] Szochonyi, Vágvölgyi népszokások [Volksgebräuche des Waagtales]: Hírnök 1844, Nr. 10, 30. — Szentkereszti T., Nyitramegyei népmondák [Volkssagen aus dem Komitate Neutra]: Ethnographia 1895: 416—418. — Manga J., Népzenegyűjtés Nyitra vidékén [Volksmusiksammeln in der Gegend von Neutra]: Tátra II, Nr. 2.

[50] Ethey, vgl. die in der Anm. 19 zitierten Werke. — Ders., Z dejín čachtickych pivníc: Historica Slovaca V—VI.

[51] Wir haben das Lied mit der Orthographie des Schriftstellers zitiert. Aranyágacska [Goldzweiglein], Budapest 1958, 172. Erste Ausgabe: Budapest 1935.

[52] Szántó Gy., Első színházi emlékeim [Meine ersten Theatererinnerungen]: Film, Színház, Muzsika 1 (1957) 5: 22—23.

[53] A három vaskorona [Die drei Eisenkronen]. Budapest 1960.

bearbeitung, der Autor variiert und gruppiert frei die Elemente mehrerer Sagen; die slowakischen Phantasie gewinnt weiten Raum. Wir können in einer Studie aus dem vergangenen Jahrhundert über die Sagen der Slowaken lesen: »Diese sind vor allem die Erscheinungen von Dunkelheit und Licht, von Winter und Sommer, von Tod und Leben, in denen das Märchen Dämonen mit Selbstbewußtsein und freiem Willen sieht, die von ihrem oberirdischen Aufenthaltsort den armen Sterblichen unschweben . . .«[54]

György Szántó gruppiert — wie erwähnt — mehrere Sagenelemente. Die Grundgeschichte verläuft auf zwei Bahnen: die Geschichte von Stibor und Beckó, und die Geschichte des aus dem Dorfe Bohuslavic stammenden und dort lebenden Ritter Bohuslav, der sich an die Spitze eines Bauernaufstandes stellt. An die letztere Geschichte knüpft sich das zarte Märchen seiner Liebsten, der Frühlingsfee Ludmilla. Einige Teile der Sagen vom eingemauerten Mädchen, vom Brunnen der Verliebten (hier mit ganz anderem Motiv), von den Priestern ohne Kopf, vom zu Stein gewordenen Pfarrer, sind auch hier vorzufinden. Aus diesen vielartigen Sagenelementen entwickelt sich jedoch ein harmonisches, abgerundetes Ganzes. Der für das Recht der Leibeigenen kämpfende Ritter Bohuslav steht dem die feudale Willkür verkörpernden Woiwoden Stibor gegenüber; obwohl Stibor in mehreren Schlachten siegt, wird schließlich die Idee der Freiheit und des Rechtes Sieger in. Szántó schuf, sich der Volksphantasie anpassend, ein allegorisches Werk. Beckó ist die gute Laune; Stibor die Tyrannei; Bohuslav die Gerechtigkeit; Ludmilla der die tyrannische Herrschaft des Winters brechende Frühling, die Jugend . . . Alles ist erfüllt von der schwärmerischen Liebe zur Heimat, zur personifizierten Natur, und wird zur geliebten Lektüre der ungarischen Jugend durch die — sehr glückliche — märchenhafte Intonierung des Schriftstellers. Der Autor bezeichnet diese Kunstart, die Quelle und die Art der Bearbeitung mit den Worten: »Auf den Spuren der slowakischen Volkssagen des Waagtales.« Die in der Kindheit gehörten Märchen ergänzen sich in der reichen Phantasie des Schriftstellers zu wirklicher Literatur.

Die Märchen und die Sagen des Waagtales wirken seit Beginn des 19. Jh.-s, von den Anfängen der ungarischen Romantik an gleichsam bis zum heutigen Tag in der slowakischen und in der ungarischen Literatur.[55] Einerseits als Andenken des slowakisch—ungarischen Zusammenlebens, anderseits als Quelle von Schönheit, Wahrheit und Weisheit. Zugleich sind sie Beweise für das Wandern von literarischen Motiven. Es handelt sich hier nicht um philologische Wirkung, sondern um das Anpassung in der Denkweise, in den

[54] Loos J., A tót népmesék mythologiájához [Zur Mythologie der slowakischen Volksmärchen]: Figyelő 1872, 41: 484.

[55] Über Erzsébet Báthori schrieb z. B. Jožo Nižnánský einen Roman. Mit diesem Thema befaßt sich neuerdings Ján Čajak (V zajati na holičskom hrade). — Valovič: vgl. Anm. 19, a. a. O. — Das Gedicht »Divný Janko« (1941) von J. Poničan weist auf J. Král', dessen dichterisch-revolutionäre Haltung sich der Autor zum Vorbild nimmt.

Gebräuchen und in der Dichtung nebeneinander lebender Völker; ein jedes Volk bewahrt die eigenen Farben, den eigenen Geschmack indem es durch die Schönheiten des anderen Volkes bereichert wird.

Neben wichtigen Schöpfungen gibt es auch mit Recht vergessene Werke, als Beweis dafür, daß das Schicksal des einen oder des anderen Themas auf abenteuerlichen Pfaden läuft. Die ungarische Literatur hat die in den Sagen des Waagtales verborgenen Möglichkeiten wahrgenommen, hat die Art der dichterischen Bearbeitung gefunden und sie zugleich ins eigenartig Ungarische übertragen. Ebenso wurde das slowakische Gepräge der Sagen von den Autoren der Štúr-Schule gestärkt. Es ist dies nicht der einzige Fall, daß das gleiche Thema eine slowakische bzw. eine ungarische Betonung erhält. Auch die gemeinsamen Traditionen beleben die beiden Literaturen; der Vergleich der gemeinsamen Themen, die besonnene Feststellung ihrer Verwandtschaft können die Untersuchung der beiden Literaturen mit neuen Gesichtspunkten bereichern. Nicht die Priorität im Auftauchen der Themen ist wesentlich, sondern der Vergleich der Ähnlichkeiten und der Verschiedenheiten. Auf diese Weise werden wir zahlreiche Parallelen der slowakischen und der ungarischen Literatur klären können.

Из истории производственной терминологии советского периода

(Названия профессий)

За 50 лет советского периода истории нашей страны в русском языке произошли значительные изменения во всех его сторонах и составных частях: в лексике и орфоэпии, в грамматике и стилистике и т. п. Но особенно заметны сдвиги в строго номинативных средствах языка — в лексике и фразеологии терминологического характера.

В данной статье будут рассмотрены некоторые явления из истории названий профессий в современном русском языке.

1. Профессии в современном русском языке обозначаются, как правило, личными именами существительными и словосочетаниями на их основе: *аппаратчик, лебедчик, машинист, монтажник, плотник, прессовщик, сушильщик, токарь, транспортировщик; токарь-карусельщик, токарь-инструментальщик, токарь по металлу, токарь по резине* и т. п. Такое употребление личных существительных в неличном значении основано на метонимии: профессия всегда связана с человеком, с лицом, выполняющим соответствующие производственные обязанности, поэтому и названиями профессий стали наименования лиц.

Названия профессий (НП), а вместе с ними и наименования лиц по профессии (НЛП) принадлежат к строго номинативным средствам языка — к лексике и фразеологии специального употребления. История развития НП-НЛП представляет особо значительный интерес, потому что это наименования явлений (лиц и их профессий), отражающих наиболее значимые социальные функции членов общества — место и роль человека в общественном производстве материальных и духовных благ.

В основе названий профессий и наименований лиц по профессии лежат отношения лиц к процессу производства, к объектам, средствам и результатам труда. Эти стороны общественного производства отражаются прежде всего в мотивации личных существительных (ЛС), формирующих НП (НЛП): наименования по процессу труда (*грузчик, пекарь, сортировщик, транспортировщик, вулканизаторщик, монтажник* и под.), названия по средствам труда (*крановщик, лебедчик, машинист, станочник* и т. п.), по предметам труда (*зольщик, каменщик, винипластчик, шлаковщик* и др.), по продуктам труда (*мармеладчик, модельщик, обувщик* и т. п.). Они, основные стороны или элементы процесса общественного труда, отражаются, далее, и более непосредственно — через лексическое значение слов-уточнителей в составе описательных наименований: *аппаратчик по дистилляции воды, моторист лебедки, сушильщик пиломатериалов, токарь по пластмассе* и т. п. Наименования профессий поэтому очень чувствительны ко всем изменениям

в общественном производстве — к изменениям в общественном разделении труда, в технологии производства, в средствах (машинах, орудиях, инструментах), предметах труда и т. п. Изменения в системе НП за 50 послереволюционных лет шли, однако, не только по пути непосредственного отражения изменений в общественном производстве через новую лексику, но и в форме более глубоких структурных преобразований. Но наиболее заметны все-таки изменения самого состава НП-НЛП.

2. Можно отметить прежде всего значительный количественный рост наименований профессий. Конечно, НП, как и другие пласты лексики и фразеологии языка, не поддаются точному подсчету, но о количественном распределении их можно более или менее уверенно судить по показаниям общих и особенно специальных словарей.

В связи с переписями населения в нашей стране в 1921, 1926, 1937, 1939 и 1959 гг. издавались Словари занятий (СЗ), в которых зафиксированы реальные и возможные ответы на вопрос переписного листа о профессии или специальности опрашиваемого лица. Данные этих словарей очень выразительны: в Словаре 1921 г. было около 5500 наименований, а Словаре 1959 г. — примерно 30.000, — увеличение более, чем в пять раз. Промежуточные по времени словари делают этот разрыв более постепенным и равномерным, демонстрируя вместе с тем неуклонность роста числа НП в этот период: в Словаре 1926 г. — 10.000 наименований, 1937 г. — 14.000, 1939 г. — 19.000 названий.

Если взять, далее, не НП в целом, а только ЛС, лежащие в их основе, то и в этом случае можно наблюдать тот же неуклонный рост: СЗ 1921 г. содержит 2850 ЛС, словарь 1939 г. — 5500, 1959 г. — 6320 ЛС.

Надо при этом иметь в виду, что каждый последующий словарь включает в себя материал предшествующих словарей далеко не полностью, так как многие личные существительные и названия профессий в целом выходили из специального употребления, а многие из них исчезали из языка вообще и поэтому, естественно, не фиксировались новыми Словарями занятий. Так, из 2850 ЛС, имеющихся в СЗ 1921 г., только 1900 дошли до Словаря 1959 г., и составили лишь 30% его состава, а остальные 950 ЛС, т. е. ровно треть составе Словаря 1921 г., «растерялись» по 40-летнему пути. В связи с этим можно сформулировать такое общее положение: количество новых ЛС и НП в любом последующем словаре значительно больше разницы между его общим составом и составом его предшественников.

Обновление состава наименований профессий имело, однако, не только количественное, но и качественное выражение. Важно поэтому учесть, какие именно названия исчезали и какие появлялись, возникали как новые.

Из состава НП выпали прежде всего наименования профессий, характерных для буржуазного общества и чуждых обществу социалистическому, уничтоженные революцией или постепенно исчезнувших в процессе строительства нового общественного строя. Некоторые из этих наименований, как переходное наследие дореволюционного уклада жизни, как родимые пятна прошлого, сохранялись известное время и в новых условиях. Они зафиксированы, в частности, в СЗ 1921 г.: *антрепренер, батрак, биржевой маклер, бонна, вояжер, гувернер, денщик, дворецкий, извозопромышленник, компаньон, лакей, маклак, маркитант, меняла, половой, прасол, рантье, ресторатор, форейтор, ходатай по делам, частный пристав, шарманщик, шансонетка, экзекутор* и т. п.

Далее должны быть названы НП, исчезнувшие в связи с ростом техники производства и культуры общества: *бурлак, саночник, саночник-тягальщик* (в шахтах), *бадейщик, желонщик* (добыча нефти); *ворожея, гадалка, колдун, повитуха, повивальная бабка* и под., также отмеченные еще в Словаре 1921 г.

Возникшие в большом количестве новые наименования профессий были обусловлены появлением или массовым распространением новых средств труда, сырьевых материалов, новых технологических процессов и целых производств, отраслей промышленности: *автосварщик, автогенщик, абразивщик, анодчик, аэродромщик, бортпроводник, бульдозерист, вакуумщик, высоковольтник, вышкомонтажник, гальваник, грейдерист, катодчик, киномеханик, лекальщик, лифтер, пенопластчик, пневматик, пластикаторщик, радиограф, рельсопрокатчик, светокопировщик, скреперист, спектрографист, телетайпист, турбомашинист, элеваторщик, электробурщик* и многие сотни других подобных. Большинство из перечисленных существительных в сфере НП-НЛП усвоено в последние десятилетия: даже в СЗ 1939 г. их еще нет.

Новые наименования — это, однако, не только новые, ранеее не известные в ситеме НП или даже вообще в русском языке не существовавшие лексемы, но и новые номинативно-устойчивые словосочетания и комплексы на базе уже использовавшихся как НП личных имен существительных — доминант НП: *кузнец-штамповщик, кузнец-прессовщик, кузнец на молотах и прессах* и т. п.

Чрезвычайно показательны в этом отношении наименования на базе доминант *аппаратчик* и *машинст.* В Словаре 1921 г. указано лишь несколько аппратчиков и машинистов: *аппаратчик-запарщик, аппаратчик-зрельщик, аппаратчица-настильщица* — всего 14 наименований; названий с доминантой *машинист* — 35: *машинист лебедки* и т. п. Ср. с этим данные более поздних СЗ: в Словаре 1939 г. *аппаратчиков* около 100, *машинстов* более 300; в Словаре 1959 г. *аппаратчиков* около 450, *машинистов* почти 500, кроме того более 150 наименований с доминантами *механик, моторист.*

Не менее показательны наименования с первой частью *электро-:* в Словаре 1921 г. только *электрик, электромонтер, электроосветитель, электропайщик, электропроводник, электротехник* (всего 6 НП), а в словаре 1959 г. их более 80: *электросварщик, электробурильщик, электрогравер, электрозаточник, электроиспытатель, электрокрановщик, электрощитовой* и т. п.

Таким образом, хотя наименования *машинист, аппаратчик, электрик,* а также комплексные и описательные наименования на их основе использовались и в первые годы советского периода, но их количество и их доля в общей системе НП были тогда крайне незначительны и резко возросли в наши дни. В этом сказались качественные сдвиги в профессиональном разделении труда, смена ручных профессий механизированными и электрифицированными.

Все это, и общее расширение коилчества НП-НЛП, и характер исчезнувших и вновь возникших наименований, самым непосредственным образом связано с изменениями, происшедшими за 50 лет в советском обществе в целом и в общественном производстве, в частности. Но в системе НП произошли важные изменения и без прямой, непосредственой обусловленности со стороны внеязыковых факторов. Это изменения в структуре НП и семанти-

ческой мотивации личных имен существительных, формирующих наименования профессий.

3. Как было отмечено уже ранее, ЛС, формирующие НП, образуются от названий процессов, предметов, средств и продуктов труда: *сушит — сушильщик, бульдозер — бульдозерист, лекало — лекальщик* и т. п. То же самое и в сложных ЛС: *сталевар, смологон, болторезчик, эмалеварщик* и под. Общая сфера мотивирующих признаков остается неизменной — это процессы, средства, предметы и продукты труда, так как в принципе каждая профессия характеризуется именно этими признаками в полной или той или иной их совокупности. Это базисные признаки любой профессии. В них отражаются основные стороны, основные элементы общественного производства: «Простейшие элементы труда, — писал Маркс, — следующие: целесообразная деятельность, или сам труд, предмет труда, средства труда» и далее: «Процесс угасает в продукте».[1]

Сами мотивационные типы, таким образом, устойчивы, но соотношение между ними не постоянно, оно исторически меняется. Произошли изменения здесь и в советский период: в системе современных наименований преобладает мотивация по процессу труда при незначительной доле наименований по предметам труда и несколько большей — по продуктам и средствам труда. Так, из учтенных 1430 простых ЛС (без образований на *-ер, -тор, -торщик: гравер, вулканизатор, вулканизаторщик* и под.) по процессу мотивировано 992 слова (69,4%), по продукту — 181 (12,6%), по средствам труда — 165 (11,5%), по предметам труда — 92 слова (6,4%). В начале рассматриваемого периода было иное соотношение: в той части СЗ 1921 г., которая не представлена в Словаре 1959 г., по процессу труда было мотивировано лишь 49% ЛС, а по предмету труда — 16%.

Перестройкой системы НП с предметных семантических основ на процессуальные можно объяснить такое интересное явление как замена предметно мотивированных личных существительных существительными, мотивированными по процессу, при сохранении прежней корневой части слова: *брикетчик — брикетировщик, пакетчик — пакетировщик, центрифугист — центрифугировщик* и т. п. В общесемантическом плане, без учета языковой формы, все как будто осталось по-прежнему: *брикетировщик*, как и *брикетчик*, занят изготовлением брикетов какого-либо назначения; *центрифугировщик*, как и *центрифугист*, обрабатывает что-либо на центрифуге, обслуживает центрифугу и т. п. Но в языковой форме, а следовательно, и в собственно языковой семантике слов здесь произошло существенное изменение: если в слове *брикетчик* отражен только продукт труда (брикет), а производственный процесс лишь «угадывается», как говорил в свое время о подобных случаях В. А. Богородицкий, то в слове *брикетировщик*, напротив, отражен именно трудовой процесс (брикетирование), а продукт труда (брикет) только, так сказать, просвечивает сквозь этот процесс. При замене слов типа *центрифугист* словами типа *центрифугировщик* произошла замена мотивации по средствам труда при «угадываемом» процессе мотивацией по процессу при «просвечиваемом» средстве труда. То же самое наблюдается и в соотношении «процесс труда» (отражен в мотивации слова) — «предмет труда» («просвечивает», «просматривается» в значении слова) в ЛС *алюминировщик, графити-*

[1] *К. Маркс, К. Энгельс,* Сочинения. Москва 1960, 23 : 189 и 191.

ровщик, *талькировщик* и т. п. В их основе лежат глаголы с общим значением покрывать что-либо (это только «угадывается») чем-либо (это просматривается сквозь процесс): *талькировать* — 'покрывать что-либо (например, велосипедные шины) тальком' и т. п.

Общая тенденция к процессуализации НП проявляется также в более частных явлениях словообразования, например, в расширении сферы использования суффикса *-льщик* (см. об этом далее, в разделе 5).

Перераспределение семантических основ наименований профессий — длительный процесс: он начался, вероятно, несколько веков назай (для древнейшего периода исследователи отмечают преобладание наименований по продуктам труда, по готовым изделиям)[2] и, видимо, еще не закончился. Он в конечном счете связан с углублением общественного разделения труда: готовый продукт становится результатом труда многих профессий, а каждая из них определяется главным образом характерными для нее производственными процессами и операциями.

4. Еще дальше от непосредственной связи с внеязыковыми факторами стоят изменения в структуре НП-НЛП. Эти изменения выражаются в расширении числа составных (описательных) и комплексный (аппозитивных) наименований: *токарь-карусельщик*, *токарь-револьверщик*, *токарь-затыловщик* и т. п.; *токарь по резине*, *токарь по пластмассам*, *токарь по эбониту* и т. п. То же с другими доминантами и уточнителями. Создаются описательные наименования на базе комплексных доминант: *загрузчик-выгрузчик плиток*, *загрузчик-выгрузчик сушильных камер* и т. п. Такие наименования были и раньше, но соотношение их с однословными наименованиями резко изменилось.

Сопоставление по основным структурным типам НП современных Тарифно-квалификационных справочников[3] и предреволюционного «Словаря профессий» (1911 г.)[4] дало следующие результаты:

Типы НП	Словарь 1911 г.	Современные ТКС
Однословные	1530 (40%)	1238 (11,2%)
Аппозитивные	140 (4,5%)	672 (6,1%)
Описательные:		
на базе однословных	1430 (45%)	более 8000 (74,8%)
на базе комплексных	20 (0,6%)	868 (7,9%)

Можно кстати отметить, что аппозитивные наименования, хотя и встречаются во всех сферах специальной терминологии, но особенно заметна их доля именно среди наименований профессий. Так, в «Кратком политехническом словаре» (Москва 1956) на 800 подряд просмотренных терминов аппозитивных оказалось лишь 10: *котел-утилизатор*, *кран-балка*, *кран-деррик* и

[2] См. *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси. Москва 1948, 504 и 505.

[3] Тарифно-квалификационные справочники (ТКС) являются основными официальными документами, в которых сосредоточены наименования и характеристики современных профессий и специальностей.

[4] См. *С. М. Богословский*, Система профессиональной классификации. Москва 1911.

т. п. В недавно изданном словаре геоботанической терминологии[5] аппозитивные наименования единичны: *минимум-ареал* и некоторые другие.

В обилии неоднословных наименований, особенно описательных, можно видеть определенный недостаток системы НП, возникающий в результате своеобразного отставания языка от потребностей общества: язык не успевает создавать наиболее совершенные однословные наименования для непрерывно и интенсивно возникающих новых профессий и специальностей. Описательные НП — это как бы временные заменители настоящих, наиболее отработанных — однословных наименований. Показательно, что в процессе пересмотра действующих наименований и совершенствования системы НП составные наименования часто заменяются однословными: вместо *аппаратчик светокопировального аппарата — светокопировщик, подготовщик флюсов — флюсовщик, зарядчик электродов — электродчик, машинист бульдозера — бульдозерист* и т. п. Но потребности в новых наименованиях возникают непрерывно, поэтому описательные наименования из временных заменителей фактически превращаются в наиболее характерный тип наименований большинства терминологических систем, в том числе и системы НП-НЛП.

5. В словообразовательном отношении наименования профессий советского периода характеризуются дальнейшей специализацией использования словообразовательных средств: более 50% суффиксальных существительных, формирующих НП, образовано с помощью суффикса *-щик*, его вариантов и производных — *-чик, -овщик, -льщик* и др., а среди отглагольных ЛС, образования на *-щик* превышают 90%: *варщик, выборщик, выпарщик, заливщик, замерщик, мойщик, наборщик, ботанщик, бегунщик, выгранщик, лекальщик, миксеровщик, рольщик, опиловщик, сверловщик, баковщик, горновщик, копровщик, крановщик, пультовщик, вальцовщик, прессовщик, фильтровщик, валяльщик, выжигальщик, измеряльщик, трепальщик, чесальщик, выбивальщик, обметывальщик, расчесывальщик, бурильщик, волочильщик, коптильщик, серебрильщик, травильщик, магнитщик, трафаретчик, кюветчик, лопатчик, бисквитчик, мармеладчик, препаратчик* и т. п. Это своеобразная монополизация словообразовательных средств.

Расширение сферы использования суффикса *-щик* очень длительный процесс, начавшийся много столетий назад (первые существительные на *-щик-* отмечены историками языка в XIII в., например *данщик*) и продолжающийся в наше время. Это проявляется не только в росте абсолютного числа образований на *-щик* и их оносительной доли в системе личных существительных, формирующих названия профессий (в частности, за счет доли существительных на *-ник* и *-тель)* но и в прямой замене существительных на *-ник* существительными на *-щик: вязочник* (СЗ 1921 г.) — *вязчик* (СЗ 1959 г.), *затяжник — затяжчик, обтяжечник — обтяжчик, размольник — размольщик, рукоятник — рукоятчик, струнник — струнщик* и т. п. Такое же соотношение обнаруживается между СЗ 1959 г. и современными ТКС: *передвижник — передвижчик, разделочник — раздельщик, фашинник — фашинщик, хомутник — хомутчик, центрифужник — центрифугировщик* и другие.

Возрастание активности (продуктивности) суффикса *-щик* ~ *-чик* проявляется также в том, что он используется как средство вторичной суффикса-

[5] *Б. А. Быков*, Геоботаническая терминология. Алма-Ата 1967.

ции — осложнения личных существительных, имеющих уже другие агентивные суффиксы, а у сложньх ЛС также и бессуффиксных: *вулканизатор — вулканизаторщик, дегазатор — дегазаторщик, карбонизатор — карбонизаторщик, препаратор — препараторщик, флотатор — флотаторщик, рафинер — рафинерщик, болторез — болторезщик, гайкорез — гайкорезчик, водосмотр — водосмотрщик, кистевяз — кистевязальщик, эмалевар — эмалеварщик* и т. п.

Увеличивается также количество ЛС с суффиксом *-льщик*, даже за счет существительных на *-щик: варщик — варильщик, прессовщик — прессовальщик, фильтровщик — фильтровальщик, шпарщик — шпарильщик* и т. п.

Эти процессы можно объяснить собственно языковыми явлениями: суффикс *-щик* обладает почти строгой однозначностью, а суффикс *-ник* многозначен, ср.: *сапожник, конник, союзник, приемник, градусник, чайник, рудник, задачник, сборник, телятник, цветочник, малинник* и т. п. Суффикс *-льщик* отличается другой очень яркой особенностью: он образует личные существительные только от глагольных основ, подчеркивая тем самым процессуальность производного слова, ср. *прессовщик* (от *прессовать* или от *пресса*) и *прессовальщик* — только от *прессовать*.

6. В истории НП советского периода отмечается еще одно весьма интересное явление: полностью вышли из употребления в системе НП личные существительны на *-ло, -ла, -лка* (типа *подчищало, таскала, подметалка*), довольно широко распространенные еще сравнительно недавно, так, в СЗ 1921 г. зафиксировано более 30 таких слов: *варила, вертело, выгружало, вырезало, выставляло, гладила, гоняла, зачищало, замывала* и т. п. Имеются они еще и в Словаре 1959 г.: *вышивалка, вязалка, моталка, вязало, таскало* и др.

*

Изменения в системе наименований профессий советского времени, кратко описанные выше, были обусловлены влиянием многих и разнообразных факторов, языковых и внеязыковых — лингвистических и экстралингвистических, действоваших в тесном переплетении друг с другом. Взаимодействие различных факторов, всегда опосредствованных системой языка, можно видеть почти во всех видах и формах этих изменений.

1) Появление новых наименований профессий, а также общий рост их числа обусловлены в первую очередь, конечно, ростом количества самих профессий (внеязыковой фактор), но вместе с тем появление и исчезновение НП происходило и в результате простого переименования уже существовавших и сохраняющихся профессий, в чем проявляется действие уже собственно языковых процессов (увеличение или уменьшение продуктивности отдельных словообразовательных средств и приемов, в данном случае суффикса *-щик* и его вариантов, с одной стороны, и суффиксов *-ник, -тель, -ец* и особенно *-ло*, с другой).

2) Характер или тип мотивации личных имен существительных (по действию, по предмету, по признаку и т. п.) — глубоко языковое явление, но в перегруппировке предметных и процессуальных типов наименований профессий сказалось влияние процессов дальнейшего углубления общественного разделения труда, следствием чего является то, что профессии все более характеризуются не предметами и продуктами труда, а самим процессом труда.

3) В устранении наименований на *-ло* (*подчищало* и т. п.) сказались особые стилистические и эмоциональные свойства этих слов (собственно лингвистический фактор), преломленные в эстетических представлениях общества: всякий заинтересован в том, чтобы его профессия не только была «хорошей» сама по себе, но имела бы и «хорошее» название (экстралингивстический фактор).

4) В росте активности и продуктивности суффикса *-щик* более всего проявилось действие внутрилингвистических факторов (функциональная однозначность суффикса), но в расширении сферы употребления суффикса *-льщик* вновь легко просматривается влияние внеязыковых процессов: образуя личные имена существительные только на базе глаголов, суффикс *-льщик* более всего соответствует общей тенденции в развитии НП — перестройке системы наименований профессий с предметных семантических основ на процессуальные, что связано уже с изменениями самих профессий; такое же взаимодействие языковых и внеязыковых факторов проявляется в заменах предметной мотивации на процессуальную при сохранении корневой части слова: *брикетчик — брикетировщик*.

5) Описательные, а отчести и аппозитивные наименования являются ареной столкновения общественных потребностей в новых обозначениях (внелингвистический фактор) и номинативной слабостью самих наименований такого типа (языковой фактор), вследствии чего в одни периоды число описательных наименований профессий бурно растет, в другие — при пересмотре и совершенствовании системы НП — заметно сокращается в результате замен некоторой части из них однословными наименованиями как более совершенной формой языковой номинации.

Понятно, что все пути и формы изменения языкового материала, а также все факторы, вызывающие эти изменения, равно заслуживают внимания и изучения со стороны лингвистов.

Ленинград

А. И. Моисеев

Ungarisches *massa* und slowakisches *maša*

1. Das ung. *massa* bedarf sowohl wegen des Bedeutungsinhaltes als auch der Abstammung einer Klärung. Es steht nämlich bis heute noch nicht mit voller Sicherheit fest, worauf sich *massa* in der Eisenerzeugung im 17—18. Jh. und eventuell auch noch im 19. Jh. bezogen hat. Aufgrund des zeitgenössischen Quellenmaterials kann nicht ohne jeden Zweifel festgestellt werden, ob *massa* einen Hochofen bezeichnete, wie es auch von Bartholomaeides behauptet wird[1] oder, ob darunter der slowakische Ofen, bzw. eine andere Art Hüttenanlage (Hüttenwerk) verstanden wurde. Diesbezüglich stellt Vastagh fest, daß da die Eisenschmelzöfen noch keine endgültige Nomenklatur erhalten haben (und auch der Wortgebrauch der einschlägigen deutschen Fachliteratur

[1] Vgl. Memorabilia Provinciae Csetnek. Neosolii 1799, 158; — Inclyti Superioris Ungariae Comitatus Gömöriensis Notitia historico-geographico-statistica. Leutschoviae 1806—1808, 348, 352.

nicht einheitlich ist), erscheint auch bei *massa* eine angemessene Behutsamkeit geboten. Anscheinend bezeichnet *massa* am wahrscheinlichsten den Floßofen. Dazu muß man aber wissen, daß »Masselofen, Blauofen und Floßofen, in denen schon Eisen erzeugt wurde (im Blauofen konnte unter Umständen auch Schmiedeeisen erzeugt werden)« zwischen Hochofen und slowakischem Ofen »standen, aber an Maß und Produktionsumfang dem Hochofen unterlagen . . .«[2] Eine ähnliche Auffassung vertritt auch Hapák: »Na Slovensku a vôbec v Uhorsku prvá vysoká pec (menšie vysoké pece boli nazývané mašami) bola postavená roku 1680 pri Dobšinej na rieke Hnilec.«[3] Es steht also zweifellos fest, daß *massa* immer eine gewisse Art Floßofen oder Hüttenanlage bezeichnete.

Eine andere Angabe weist aber darauf hin, daß *massa* bei den Paloczen (Nordungarn) eine Fabrikanlage ist.[4] In diesem Falle wurde der Sinn des Wortes durch Bedeutungserweiterung auf die ganze Industrieeinheit, die aus Hüttenwerk und Schmiede, d. h. Hammerwerk bestand, ausgedehnt. Anfangs durfte nämlich das Eisenerz, höchstwarscheinlich in Luppenöfen verhüttet und die Luppe in der auf der gleichen Stelle aufgestellten Werkstatt, dem Hammerwerk, ausgeschmiedet worden sein.[5] Neben die Luppenöfen, d. h. slowakischen Öfen wurden also, jeweils auch Hammerwerke erbaut.[6] So sind z. B. im Inventar von Belényes (Zipser Komitat) aus 1600 das Hüttenwerk und das Hammerwerk ebenfalls nebeneinander erwähnt: ». . .egy koh ház kemenczéje, régi, egy öreg verő ülőstül, kit az viz hajt, az verőhöz való kerék tengelyestül, kit hámornak is hínak . . .« (TörtTár 1901:469). *Massa*, die Bezeichnung für den Floßofen wurde also im Laufe der Zeit manchenorts auch auf das Hammerwerk, dann auch auf die gesamte Fabrikanlage ausgedehnt.

Wie Štefan Tóbik darauf hingewiesen hat, begegnen wir ähnlichen Erscheinungen auch im Slowakischen, wo in einigen Landschaften neben *huta* und *maša* auch *hámor* ebenfalls in der Bedeutung 'Hüttenanlage' bis in die neueste Zeit gebräuchlich ist. Der Verfasser betont: »Niekedy používanie slova *huta* alebo *hámor* býva rozdielne podl'a krajov, inokedy sa dodnes popri *hámor* užíva sa aj *maša*.«[7]

2. Bei der Etymologie von ung. *massa* stoßen wir auf mehrere Schwierigkeiten. Aufgrund der Belege erscheint allerdings das lat. *massa* als die wahrscheinlichste Quelle für ung. *massa*, d. h. es hat letzten Endes dieselbe Etymologie wie ung. *massza*. Nur fragt sich es, wie diese Entlehnung vor sich gegangen ist.

Da die Blüte des ungarländischen Erzbergbaus und der Erzverarbeitung mit der Tätigkeit der hier ansässigen Deutschen verknüpft ist und daher auch ein guter Teil der einschlägigen volkstümlichen Fachterminologie aus dem Deutschen stammt, erscheint es wichtig, dieses Wort auch von der deutschen Sprache her zu untersuchen. Schleicher beruft sich auf die zweite Ausgabe des

[2] Kohászati lapok 1961: 475.

[3] P. Hapák, Dejiny železiarskeho priemyslu na Slovensku. Od konca 18. storočia do roka 1867. Bratislava 1962, 11.

[4] Vgl. Gömör és Kishont vármegye. Szerk. [Red. von] Borovszky S. Budapest, o. J. 201.

[5] Vgl. Heckenast: Kohászati Lapok 1962 II, 331.

[6] Vgl. Hapák, a. a. O. 9—10.

[7] Sborník Filozofickej fakulty Univerzity P. J. Šafárika v Prešove. Bratislava 1960, 85.

1923 von Osann erschienen Lehrbuches der Eisenhüttenkunde, wo der Verfasser die deutschen Wörter *Massel, Massen-* aus dem lat. *massa ferri* 'Eisenmasse' ableitet. Gleichzeitig hebt Schleicher aufgrund mehrerer Facharbeiten hervor, daß *massa* »auch in schwedischen Wörtern aus dem 14—15. Jh. zu finden ist, etwa in *masugn* = Massenofen, *massomaestare* = Massenmeister«.[8] In gleichem Sinne äußert sich in der deutschen Sprachwissenschaft auch Kluge, nämlich das lat. *massa* 'Teig, Klumpen' die Quelle des nhd. *Masse* und mhd. *masse* 'ungestalteter Stoff, Metallklumpen' sei. Zur Erklärung fügt er hinzu: »Das Wort bezeichnet zunächst den Brotteig, der durch Hefe aufgeht, dann das Metall, das durch Zusatz echten Materials sein Volumen vergrößert . . .« (Kluge[17] 467.)

Die Richtigkeit dieser Auffassung kann auch mit ungarischen Angaben bestätigt werden. So steht z. B. im Urbar der Burg Szendrő von 1570: »Sunt hic quattuor furni cum quattuor follibus germanice Bloswerkh, ubi minera ferri opera montanistarum et artificum liquefit in rudem massam ferri.«[9] Im Hüttenwesen wurde dieses *massa ferri* 'Roheisen' im Gegensatz zu *minera ferri* 'Eisenerz' auch auf den Ofen, bzw. die Hütte übertragen, wo das Eisenerz zu Roheisen verhüttet wurde. So findet man in den Angaben nach dem 17. Jh. das lat. *massa* schon als Bezeichnung auch für die Hüttenanlage. Im Jahre 1724 werden in Dobschau »praeter *massam*« zwei Eisenhammerwerke des Pál Lányi registriert (Történelmi Szemle 5:29), und in Jakubany (Zipser Komitat) wird 1776 der Foßofen als »fornax maior *Massa* dicta« erwähnt (Historické štúdie 4:130) usw.

Die aus Dobschau stammenden deutschen Angaben zeugen davon, daß *massa,* womit ein Mittelding zwischen Hochofen und slowakischen Ofen bezeichnet wurde, im ungarischen Hüttenwesen etwa im ersten Drittel des 17. Jh.s sich zu verbreiten begann. Mikulik fand nämlich in den Protokollen des Stadtrates und der evangelischen Kirchengemeinde von Dobschau folgende Eintragungen: 1629: »seine ganze Handlung als Hamer sampt seinem ganzen zugehörung, die *Masz* sampt derselbigen zugehörungen« (TörtTár 1881:500); 1637: »Ex Chalÿbeis conflatoriÿs *Mass* vocatis 50 d. quotiescunq agitat . . .« (a. a. O. 498); 1640: »*mass* vnd hamer, mit aller zugehörung mit allen seinen Bärgen« (a. a. O. 500). Ohne Zweifel bezeichnen hier die Wörter *masz, mass* in jedem Falle eine Art Floßofen. In der deutschen Mundart von Dobschau sind diese Ausdrücke als *Mass* ~ *Mos* auch heute noch lebendig.[10] Damit haben wir aber lediglich die Abstammung des deutschen Ausdruckes erhellt, die unmittelbare Quelle von ung. *massa* ist nach wie vor fraglich geblieben. In den deutschen Varianten des Wortes wird nämlich bis heute *ss (s)*, in der ungarischen Variante hingegen konsequent *šš* (mit. ung. Rechtschreibung: *ss*) gesprochen, sodaß eine deutsche Vermittlung kaum in Betracht gezogen werden kann.

3. Da Erz in Ungarn einst in bedeutendem Maße auf slowakischem Siedlungsgebiet verarbeitet wurde, sollte auch die Möglichkeit des Einflusses der slowakischen Sprache erwogen werden. Slk. *maša* 'Hütte, Hüttenanlage' ist im großen slowakischen Wörterbuch von der zweiten Hälfte des 19. Jh.s

[8] Schleicher: MTA Műszaki Osztályok Közleménye 12 : 409.

[9] Urbáriumok. XVI—XVII. század. Szerk. [Red. von] Maksay F. Budapest 1959, 479.

[10] Vgl. L. Lux, Wörterbuch der Mundart von Dobschau. Marburg 1961, 142.

an gebucht.[11] Mein erster Beleg stammt aus 1732: aus diesem Jahr zitiert nämlich Houdek in bezug auf den Bergbau der Gegend von Rosenberg in Klammern das Wort *mašu* (Sg. Akk. von *maša*) im Sinne von Hochofen.[12] In den slowakischen Wörterbüchern des 19. Jh.s (Bernolák, Jancsovics, Loos) ist dieses Wort übrigens nicht enthalten, aber Palkovič hält es schon für slowakisch (s. Kálal 325) und in der 8. Ausgabe des deutsch—tschechischen Wörterbuches von Rank (die früheren konnte ich nicht überprüfen) wird die tschechische Lautform *maše* 'große Eisenhütte, Eisenschmelzwerk, Floßofen' schon als slowakisches Wort angeführt. Es besteht also kein Zweifel, daß *maša* in der ersten Hälfte des 19. Jh.s, aber offensichtlich schon im 18. Jh. auf einigen Gebieten ein allgemein bekannter Ausdruck war. Mitte des 19. Jh.s begegnete Božena Němcová während ihrer Reise im Sohler Komitat auf Schritt und Tritt Einrichtungen, die *maša* genannt waren, von denen sie in der Fußnote folgendes schreibt: »Maša, veliký stroj na vodě, ku př. na klince, na dráty a pod.«[13] Zechenter-Laskomerský erwähnt auch *mašiar* 'Hüttenmann, Hüttenarbeiter'[14] als Beweis für das Heimatrecht dieses Wortes. Neben der allgemeinen Bedeutung '(Hoch)ofen' wird *maša* auch im Sinne von 'Hammerwerk' gebraucht (s. die oben angeführten Belege von Tóbik und Němcová), aber in einigen Orten, so auch in Rochovce, bedeutet *maša* 'Säge(werk)'.[15]

Der Bedeutungsinhalt des von der ersten Hälfte des 18. Jh.s an belegten slk. *maša* ist also mit dem des ung. *massa* identisch, die Lautformen der zwei Wörter zeigen jedoch einen großen Unterschied. Im Slowakischen wird *maša* nämlich durchgehend mit einem *š* ausgesprochen, im Ungarischen hingegen mit geminiertem *šš (massa)*. Der einheitliche, geminierte *šš*-Laut des vermutlich im 17. Jh. entlehnten *massa* kann aus dem slk. *š* auch dann nicht abgeleitet werden, wenn die Abstammung des slowakischen Wortes geklärt wäre.

Von den in den slawischen Sprachen fast alleinstehenden slk. *maša* '(Hoch)ofen' macht lediglich Machek eine verbindliche Aussage. Aus der Bemerkung von Němcová (s. oben) ausgehend, glaubt Machek das slk. *maša* aus *mašina* (< dt. *Maschine)* ableiten zu können.[16] Indessen kommen hier auch zwei solche Gesichtspunkte in Betracht, die von Machek anscheinend unbeachtet blieben, nämlich: *maša* bedeutete nur sekundär 'Hammerwerk', anfangs wurden damit lediglich das Hüttenwerk und der Floßofen bezeichnet, und das ist ein Unterschied. Außerdem erscheinen die für die letzteren gebräuchlichen deutschen Ausdrücke n i e m a l s in Zusammensetzungen mit *Maschine*. Zweitens ist die Wortbildung wie etwa *mašina* > *maša* für das Slowakische gar nicht typisch, wohl aber das Umgekehrte.[17] Eben deswegen scheint uns Macheks Meinung nicht begründet.

[11] Vgl. Slovník slovenského jazyka, II. Bratislava 1960, 104.

[12] Vgl. Sborník Štátneho banského muzea Dionýza Štúra v Banskej Štiavnici 2 (1938) 74.

[13] B. Němcová, Národopisné a cestopisné obrazy ze Slovenska. Praha 1955, 207.

[14] Vgl. G. K. Zechenter-Laskomerský, Úsmevy nad životom. Bratislava 1958, 446.

[15] Diese Angabe ist dem Zettelkatalog des slowakische Mundartwörterbuches (Preßburg, Slowakisches Sprachwissentschaftliches Intitut) entnommen.

[16] V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957, Dodatky.

[17] Vgl. J. Horecký, Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava 1959, 105, 108.

Bei der Feststellung der Abstammung des slk. *maša* scheint uns auf den ersten Blick der Weg viel gangbarer, wenn wir aus dem dt. *Mass(el)* 'Hüttenwerk, Floßofen' ausgehen. Der *s*-Laut der Lehnwörter kann im Slowakischen auch zu *š* werden. Aus den von Stanislav angeführten Beispielen aber geht hervor, daß slk. *š* an Stelle eines intervokalen fremden *s* für die vor dem 10—11. Jh. ins Slowakische gelangten Entlehnungen bezeichnend ist.[18] Aus *s* + Kons. kann auch noch in den mittelalterlichen oder späteren Entlehnungen *š* + Kons. entstehen (z. B. *firšt* < dt. *First; fošňa, hašpel, koštovať, kunšt, šparkasa* usw.), aus dem Ostslowakischen ist auch die Veränderung ausl. Vokal + *s* > *š* belegt: *ratuš* (< dt. *Rathaus)*. Eine eventuelle Entsprechung des intervokalen dt. *s (ss)* mit slk. *š* aber kann aus den später entlehnten Wörtern nicht belegt werden. In solchen Fällen bleibt das ursprüngliche *s (ss)* erhalten (z. B. *asentírka, fasovať, kasa, kasáreň, vaserkasta*[19] usw.). Die Entlehnung des slk. *maša* aus dem Deutschen ist daher kaum anzunehmen. Umgeachtet der Abstammung des slowakischen Wortes aber kann das ung. *massa* wegen des geminierten *šš* nicht eine Übernahme des slk. *maša* sein.

Zu erwähnen ist noch das aus der serbischen Bergmannssprache der Mitte des 18. Jh.s stammende *maža* 'ein von Bleiglätte gereinigtes Stück Blei', das sich an das skr. *madža* 'das erste Eisen, das aus dem Schmelzofen fließt' knüpft. Nach der Meinung von Schneeweis ist das serb. *maža* eine Entlehnung des dt. *Maß, Massel*.[20] Nur wird das *s* der deutschen Lehnwörter im Serbischen erst in den Entlehnungen vor dem 13. Jh. zu *ž*, andererseits entspricht einem dt. *ß* im Serbischen ein *s* und kein *ž*.[21] Infolgedessen können *maža* und *madža*, deren Verwandtschaft mit ung. *massa* und slk. *maša* zweifelsfrei erscheint, nicht ausschließlich aus dem Deutschen abgeleitet werden. (Striedler-Temps behandelt sie a. a. O. auch nicht unter den deutschen Lehnwörtern der serbischen Sprache, obwohl er sich derselbe Quelle bediente, der Schneeweis das Wort *maža* entnahm.)

4. Unter Berücksichtigung dieser Umstände muß ich daran denken, daß die unmittelbare Quelle der betreffenden ungarischen, slowakischen und serbischen Wörter genauso im Latein zu suchen ist wie die der deutschen Fachtermini *Masse, Maß, Massel* und *Massen-*. Nicht unbekannt ist die Tatsache, daß im einstigen ungarländischen Latein das *s* in Wirklichkeit als *š* lautete und intervokales *s* als *ž* ausgesprochen wurde.[22] Das geminierte intervokale lat. *ss* lautete im Ungarischen sehr oft — und lautet heute noch — als *šš*, z. B. *komissió* (< lat. *comissio), missió* (< lat. *missio), passió* (< lat. *passio)* usw. Später, etwa von der Wende des 18—19. Jh.s an, griff die klassizierende Aussprache immer stärker um sich, deshalb hört man in den neueren lateinischen Lehnwörtern schon ein *s* (mit ung. Rechtschreibung: *sz)*. Wie Benkő schreibt: »In mehreren Fällen stehen sich zwei Aussprachevarianten gegenüber, die alte mit *s (zs)* und die neuere mit *sz (z)* als Zeichen dafür, daß in den früher entlehnten Wörtern die klassizierende Aussprache später zur Geltung kam:

[18] J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava 1958², 587—591.
[19] Das letztere s. bei Banícka dedina Žakarovce. Bratislava 1956, 657.
[20] E. Schneeweis, Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen. Berlin 1960, 81.
[21] H. Striedter-Temps, Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen. Berlin 1958, 58—60.
[22] Fludorovits J., A magyar nyelv latin jövevényszavai. Budapest 1937, 28—29; — Bárczi G.—Benkő L.—Berrár J., A magyar nyelv története. Budapest 1967, 294

z. B. *passus* ~ *passzus*, *Kristus* ~ *Krisztus*, *sákrámentum* ~ *szakramentum*, *zsálya* ~ *szálvia*, *csízsió* ~ *csízió* usw.«[23] Die gleiche Veränderung mag auch das lat. *massa (ferri)* durchgemacht haben. Im 17—18. Jh. mag *ss* des lat. *massa* im ungarländischen Latein wohl noch als *šš* oder a u c h als *šš* gelautet haben, und diese Aussprachеweise prägte sich ein bei der Einbürgerung des ung. *massa* 'Hüttenwerk, Floßofen', slk. *maša* und serb. *maža*. (Im mittel- und ostslowakischen Lautsystem fehlen die geminierten Konsonanten, deshalb erscheinen sie in den Lehnwörtern vereinfacht.) Das ung. *massa* taucht zum ersten Mal in der zweiten Hälfte des 18. Jh.s auf. Mikulik bringt aus einem Prozeßbuch des Archivs von Dobschau, wo der von der Herrschaft in Csetnek gegen Dobschau i. J. 1770 angestrengte Prozeß zu lesen ist, folgenden Beleg: »Tiness Pálnak vagyon egy *massája*, attúl jön esztendeig négy forint. Peress Hanesznak vagyon aczél hámora, kitűl fizetnek négy forintot« (TörtTár 1881:499). Weitere Beispiele: Szokolyahuta 1781: »*Massa*béli Legények Deputátuma vulgo fáer gelt« (MTA Műszaki Osztályok Közleményei 25:173); Szokolyahuta 1782: »Mindennémü költségek a Szokolai *Massa*, Hámor, Gátak és más egyébb ott lévő épületek körül« (a. a. O. 172); »*Massa*béli épület más egyéb eszközökkel« (a. a. O. 173); 1794: ». . .a' Garam vizének kút fejétől nem messze, egy aczél *massa* fel állittatott . . .« (Term. Közlöny 20:479). Heute bedeutet *massa* in Fiľakovo (Fülek) und Umgebung (Slowakei) soviel wie 'Hüttenwerkstatt' (eigene Sammlung), in Rudna wurde folgender Satz gesprochen: »Ott volt a *massa*, ott égették ki a vaskövet« (Aus der Sammlung von J. Barabás, Museum der Volkskunde).

Dieses umgangssprachliche Wort ist auch im ON *Ómassa* (Bükk-Gebirge) bewahrt. Die Einwohner dieses Dorfes stammen aus dem Bergbaurevier des ehemaligen Ober-Ungarn, vor allem aus den Komitaten Zips und Gömör, und siedelten sich hier in der zweiten Hälfte des 18. Jh.s an.[24] Nach Imre Soós sind die ersten Familien hier in den 1770er Jahren seßhaft geworden. Auf dieser Stelle nämlich eine Eisenhütte errichtet. »A massának nevezett vasolvasztó munkásai — mintegy 15 család — a massánál telepedtek meg és az új települést is Massának kezdték nevezni, mely 1813 után, Ómassa elnevezést kapott.«[25]

Das lat. *massa* wurde unter dem Einfluß der späteren klassizierenden Aussprache, bei Bewahrung des *ss* im Ungarischen als *massza*, im Slowakischen als *masa* wieder eingebürgert. Gleichzeitig behielten die aus volkssprachlichem Gebrauch bekannten ung. *massa* und slk. *maša* ihr ursprüngliches *š*. Es ist nicht unmöglich, daß die Einbürgerung der Variante mit *s* (mit ung. Rechtschreibung: *sz*) auch von der abweichenden Bedeutung mitbeeinflußt wurde. Eine ähnliche Erscheinung tritt auch im altentlehnten ung. *passió*, slk. *pašia* und dem später entlehnten ung. *passzió* und slk. *pasia* (beide aus lat. *passio)* auf. Das intervokale geminierte *šš* blieb aber in den später eingebürgerten ung. *komissió*, slk. *komišia* (Bernolák: *Komiššia)*, dem mundartlichen *komešija*[26] erhalten, in denen *šš (š)* gleichfalls auf die von der klassischen abweichende

[23] Bárczi—Benkő—Berrár, a. a. O. 295.

[24] Vgl. I. Sipos, Geschichte der slowakischen Mundarten der Huta- und Hámor-Gemeinden des Bükk-Gebirges. Budapest 1958, 30—31, 68.

[25] »Die Arbeiter der Eisenhütte, genannt *massa*, — etwa 15 Familien — ließen sich bei der Hütte nieder und begannen auch die neue Siedlung *Massa* zu nennen, die nach 1813 den Namen *Ómassa* erhielt.« (Soós: Borsodi Szemle 4: 515.)

[26] F. Buffa, Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava 1953, 165.

ungarländische lateinische Aussprache hinweist. In anderen Sprachen treffen wir an gleicher Stelle *s*, so z. B. dt. *Kommission*, tsch. *komise*, poln. *komisja*, rus. *комиссия* usw.

5. Aufgrund der obigen Ausführungen glaube ich, daß ung. *massa* und slk. *maša* mit gutem Grund zu den Lehnwörtern gezählt werden können, die im 17. Jh. unmittelbar aus dem Latein ins Ungarische und Slowakische entlehnt, und hauptsächlich im 18. Jh. in breiteren Kreisen bekannt wurden.

F. Gregor

Zur Entstehung einiger Gedichte von Jovan Jovanović Zmaj

Der namhafte serbische Dichter spielte — wie bekannt — auch im politischen und gesellschaftlichen Leben seines Volkes eine bedeutende Rolle. Als Herausgeber, Schriftleiter oder Mitarbeiter der satirischen und humoristischen Blätter *Komarac*, *Zmaj*, *Žiža* und *Starmali* förderte er mit Hingebung und Erfolg die Zielsetzungen der Politik von Svetozar Miletić und seiner Partei.

Es wurde schon öfters hervorgehoben, wie schnell Zmaj auf die politischen und sozialen Begebenheiten reagierte, und so mit seinen satirischen Gedichten immer aktuell sein konnte. Dafür liefert dieser kleine Beitrag einige charakteristische Beispiele.

1. In der 2. Nummer des *Zmaj*, im Jahre 1868 erschien Jovanovićs Gedicht *Kome nije pravo . . .* Das kurze satirische Gedicht, das sich übrigens keiner besonderen ästhetischen Werte rühmen kann, lautet folgendermaßen:

Kome nije pravo
(Gosp'r Venkhajm veli)
Taj neka se seli!

Ekscelentna miso —
Ja bih je potpiso.

Ala, ala, ala!
Što vam nije pala
Na um ta seoba
U ma koje doba,
Kad je vama bilo
Nepravo i krivo.

Um den Ideengehalt seiner Verse dem zeitgenössischen Leser ganz klar zu machen, fügte der Dichter folgende Anmerkung hinzu:

»Da se bolje razumemo, treba znati, da je juče bila 'racka' deputacija kod ministra b. Venkhajma, u stvari narodnog pozorišta, kojom je prilikom ministar rekao da država ne može svakoj varoši teator izdržavati. Na to je g. ministru odgovoreno, da to nije varoško pozorište već narodno, — a g. ministar odsečno reče, da on ne zna ni za kakve narodnosti, ovde ima samo *Népfaja*.[1] A u pročem veli, kom nije pravo nek se se i.«

Die Abweisung der Bitte der serbischen Delegation — der Stevan Branovački, Miša Dimitrijević und Svetozar Miletić angehörten — durch den ungarischen Innenminister Baron Béla Wenckheim (1811—1879) und insbesondere seine Äußerung, daß er nur eine Nation im Lande anerkenne und die anderen Völker hier nur »Volksrassen« wären, traf den Dichter sehr hart.

Diese Begebenheit ereignete sich am 27. April 1868 (den 15. April im Julianischen Kalender), worauf Zmaj gleich am nächsten Tag mit dem obigen

[1] ung. *nép* 'Volk'; ung. *faj* 'Rasse'.

Gedicht antwortete. Er mußte über den Vorfall unmittelbar unterrichtet sein, denn die *Zastava* brachte darüber zuerst am 7. Mai (25. April im J. K.) eine kurze Nachricht, und einen ausführlicheren Bericht gab die Zeitung erst in ihrer nächsten Nummer, d. h. drei Tage später.

Wie tief den Dichter dieser Fall berührte, zeigt auch der Umstand, daß er sich mit dem zitierten Gedicht nicht zufrieden gab, sondern auch in Prosa auf das Ereignis zurück kam. In derselben Nummer des Blatts *Zmaj*, in dem die genannten Verse veröffentlicht wurden, ist noch folgendes zu lesen:

»*Ministru Venkhajmu*, koji i danas ima običaj odricati nam narodnost i zvati nas Nép-faj, — preporučujemo pravij-izražaj; umesto Nép-faj treba uvek de kaže Nép-jaj de fáj !«[2]

In der vierten Nummer derselben satirischen Zeitschrift ist folgende Glosse erschienen:

»Ministar Venkhajm svečano izjavljuje da on nije mislio: Kome nije pravo u Srbiji nek se seli amo ! — već: Kome nije pravo ovde nek se seli tamo ! A kad je pripovedao o juksu, što se sa Vladimirom Jovanovićem desilo, nije mogao prećutati vic, kako su Vladimira samo *motozovali* a nisu *botozovali*.[3] Kuća mal nije pukla od smeja na taj špas. — A mi ćemo se osobito radovati, ako nam g. ministar još mnogi taki vicova za 'Zmaj' spremi.«

Zmaj Jovan Jovanović, der ein gesundes Nationalbewußtsein hatte und auf die geistigen, materiellen und sozialen Errungenschaften seines Volkes stolz war, konnte die Beleidigung, die seinen Landsleuten und auch ihm persönlich durch die Aussage des ungarischen Ministers zugefügt wurde, nicht so leicht vergessen. Die Geringschätzung der Serben durch Baron Wenckheim — wobei wahrscheinlich auch soziale Momente, die Hochmütigkeit und Überheblichkeit der herrschenden Klasse mitgespielt haben — verursachte tiefe Wunden, unvergeßliche Eindrücke im Bewußtsein des serbischen Dichters.

Insbesondere traf ihn die Äußerung, wonach diejenigen Serben, denen der Standpunkt und die Verfügungen der ungarischen Behörden nicht gefallen, auswandern mögen. In ihrem Bericht über den Empfang der serbischen Delegation bei dem ungarischen Innenminister erwähnt die *Zastava* (1868, Nr. 34) unter anderm, daß die Wenckheims noch an den Ufern des Rheins, oder des Mains spazierten, als die Serben das Land gegen die Türken verteidigten, denn die Familie des Barons hat die ungarische Staatsbürgerschaft erst im Jahre 1790 erhalten. Das serbische Blatt zieht aus dem Verhalten des Ministers die Schlußfolgerung: ». . .poturica gori od Turčina.«

Drei Jahre später, im Jahre 1871 lesen wir im satirischen Blatt des Dichters *(Zmaj*, No.3—4) einige ironische Sätze über die gespannten, verdorbenen politischen Beziehungen zwischen Serben und Ungarn im Land. Unter anderem steht hier folgendes:

». . .Madjari su se služili *ajvar*[ancij]*om*, to nam je bilo žao i rekosmo: kad smo zajedno pili, ajde da zajedno i jedemo ! al na to je Madjare tako *'morila ljutina'* da je jedan ministar rekao: k o m e n i j e p r a v o n e k a s e s e l i ! [gesperrt von *I. P.*] Ne znam ko je bio pametniji, al nama valjade popustiti, i — Miletić se *odseli* u Vac,[4] 'Zmaj' se *odseli* u Beč, poverenje, pouzdanje *odseli* se u Nevidiš, prijateljsko raspoloženje *odseli se* u Nedodjin . . .«

[2] *Nép, jaj de fáj* 'Volk, wie weh tut es'.

[3] ung. *motoz* 'durchsuchen, einer Leibvisitation unterziehen'; ung. *botoz* 'prügeln' *(bot* 'Stock').

[4] Miletić wurde von den ungarischen Behörden 1870 zu einem Jahr Kerker verurteilt. Seine Strafe hatte er in Waitzen (Vác) abgesessen.

Aber auch noch zehn Jahre später deutet der Dichter in seinen Gedichten auf die Aussage von Baron Wenckheim hin. 1878, als die ungarische Regierung finanzielle Schwierigkeiten hatte, die mit der Okkupation von Bosnien und Herzegowina in Zusammenhang standen, trat der damalige Finanzminister Kálmán Széll zurück, worauf der serbische Dichter mit zwei Gedichten reagierte. Das eine lautet (*Starnali*, 1878, No. 8):

Ministarska deviza

»Kome nije pravo
Taj neka se seli«,
To stara deviza
Ministarska veli.

Mi se nismo otselili,
Bili smo uporni,
Mi za dela ničija
Nismo odgovorni.

Tu devizu staviti,
To je poso vraži,
Jer, gle, evo ona sad
Za ministre važi.

I tako će ta deviza
Da postigne cel,
Nek se sele ministri,
Medj' njima je Sel!

Die obigen Gedichte, die Beweggründe und Umstände ihrer Entstehung zeigen uns handgreiflich und demonstrativ wie Zmaj Jovan Jovanović inmitten des gesellschaftlichen und politischen Lebens stand, wie er an allen Begebenheiten, die sein Volk angingen, regen Anteil nahm, und wie er mit seinen dichterischen Werken stets die progressiven Zielsetzungen seines Volkes und seiner Nation unterstützte.

2. Am Ende der siebziger Jahre und in den achtziger Jahren des vorigen Jahrhunderts war Jakov Ignjatović eine sozusagen ständige Zielscheibe der beißenden politischen Satire von Jovan Jovanović Zmaj. Die einstigen Jugendfreunde entzweiten sich in dieser Zeit schon vollständig, und zwar aus politischen Gründen. Zmaj war ein konsequenter Anhänger von der Partei Svetozar Miletićs, von der *Srpska narodna slobodoumna stranka* und wurde mit seinen politischen Gedichten der erfolgreichste Propagator derselben. Ignjatović trat hingegen bis zu seinem Lebensende grundsätzlich für eine Zusammenarbeit und Freundschaft mit den Ungarn ein, er unterstützte mit seiner Feder jede ungarische Regierung, abgesehen davon ob sie progressive Ziele verfolgte, wie die in den Revolutionsjahren 1848/49, oder regressive Tendenzen bekundete, wie das die Budapester Regierungen nach dem Ausgleich mit Österreich taten. Im satirischen Blatt *Starmali* erschien in diesen Jahren aus Zmajs Feder eine ganze Reihe von Gedichten, in denen die politische Ansicht und Haltung des bekannten serbischen Romanschriftstellers angeprangert wurden.

Am 30-sten Juni 1888, in der 18-ten Nummer des *Starmali* erschien Zmajs sarkastisches Gedicht *U obranu srpske časti.*

U obranu srpske časti

»Rusija — ona je na koju treba da padne prokletstvo celog civilizovanog sveta.«

To je citat iz jednoga
Većeg članka, — nije san.
To je neko izrigao
U »Revue de l'Orient«.

Zglednuše se svi Francuzi,
Obuze ih sram i stid,
Pa čitaju još jedared, —
Jer možda ih vara vid.

Ne vara ih, — tako stoji, —
To je izraz, to mu ton.
I njima se na to zgadi,
I rekoše: »O fi donc«.

Ta u tima rečma leži
Nedostojan štampe čin.
Ta **to** kazat' *nije mog'o*
Francuskoga roda sin!«

Pogledali malo niže,
Našli ime pisca tog;
I Francuzi odahnuli, —
A sram ode na drugog.

Sram su *nama* dobacili,
U naš kutak u naš do;
A to kriti, zabašurit'.
To bi tekem bilo zlo.

Eno citat tamo gore,
A potpisa evo šar,
Evo: *Jaša Ignjatović*,
Srpski akademičar.

Dosta j' nama druga srama,
Pa zar primit' još i taj!
Na zamašan ovaj udar
Evo srpski odmašaj

U rečima onim leži
Svem Slovenstvu gnusan čin.
I to kazat' nije mog'o
Srbinskoga roda sin.

Il ako se ne odriče
Da je srpskog stabla nik,
To je onda, to je onda,
Samo njegov — otpadnik.

Dixit et salvavit animam
N. N. N.

Dieses Gedicht ist — wie ersichtlich — als Protest gegen einen ausführlichen Artikel von J. Ignjatović entstanden, den dieser im Blatt *La Revue de l'Orient* veröffentlicht hat.

Diese Wochenzeitung in französischer Sprache ist von Anfang Mai 1886 bis Anfang Juli 1890 in Budapest erschienen. Ihr Hauptschriftleiter war der namhafte Balkanologe Adolf Strausz (1853—1944), der verantwortliche Schriftleiter war Armin Sasvári (1853—1924), ein bekannter Journalist und Museologe.

La revue de l'Orient scheint in erster Linie wirtschaftliche Ziele verfolgt zu haben, wie das auch aus dem Leitartikel der ersten Nummer ersichtlich ist, der unter dem Titel *Notre programme* erschienen ist. Hier ist z. B. unter anderem folgendes zu lesen:

»La partie économique de notre journal sera un conseiller consciencieux pour le financier dont les capitaux pourraient féconder ces terres nouvelles, un voyageur clairvoyant pour le commerçant à la recherche de nouveaux débouchés et un explorateur sagace, infatiguable pour l'entrepreneur qui voudrait monter des usines ou exploiter les produits du pays.«

Aber auch für das gesellschaftliche, kulturelle Leben der Balkanvölker, wie auch für ihre Kunst und Literatur zeigt das Blatt reges Interesse:

»Dans notre feuilleton on publiera des causeries sur la vie sociale des nations de l'Orient, des études sur leurs hommes publics, sur leurs écrivains, leurs artistes et leurs savants et enfin la traduction des plus beaux morceaux de leur littérature contemporaine«

— schreibt ebenfalls der Verfasser des obigen Leitartikels.

Das in französischer Sprache herausgegebene Budapester Wochenblatt hat für seine Zielsetzungen eine imposante Zahl von Mitarbeitern gewonnen. Unter ihnen befinden sich namhafte ungarische Gelehrte und Universitätsprofessoren, bekannte Schriftsteller — wie z. B. Mór (Maurus) Jókai, Kálmán (Koloman) Mikszáth — und viele Journalisten. Das gut redigierte Blatt konnte aber auch eine ganze Reihe von Söhnen anderer Nationen zu seinen Mitarbeitern zählen. An dieser Stelle mögen nur die Serben erwähnt werden, wie *Haim Davičo* (1854—1918), der seinerzeit bekannte Theaterkritiker

und Schriftsteller, der in den 80er Jahren Sekretär des serbischen Generalkonsulats zu Budapest war; *Vladan Djordjević* (1844—1930), der bekannte Politiker und Literat, Inhaber und Schriftleiter der seinerzeit bedeutenden literarischen Zeitschrift *Otadžbina; Stevan Popović* (1845—1917), Direktor des Tökölyanum, des Studentenheims für serbische Studenten in Budapest und last but not least *Jakov Ignjatović*. Der produktivste und eifrigste unter den genannten war Vladan Djordjević.

Im Blatt findet man regelmäßig Nachrichten aus Belgrad, Berichte über das politische, wirtschaftliche und kulturelle Leben der serbischen Hauptstadt. Auch Artikel historischen und ethnographischen Charakters gibt es hier in schöner Zahl und auch die mazedonische Frage wird öfters behandelt. (*La Revue de l'Orient* mag für Historiker viel Interessantes bieten!) Aber auch vom literarischen Gesichtspunkt aus ist in der Wochenzeitung so manche Perle zu finden.

In den Nummern 28, 29 und 31 des ersten Jahrgangs ist unter dem Titel *Salut, heiduques!* die Übersetzung der Novelle *U dobri čas hajduci* von Laza Lazarević erschienen. Der Name des Übersetzers wird nicht angegeben, aber jedenfalls ist das die erste französische Übertragung dieses Werks von L. Lazarević.

Aus der zeitgenössischen serbischen schönen Literatur mögen in chronologischer Reihenfolge noch folgende Übersetzungen erwähnt werden, die in der *La Revue de l'Orient* veröffentlicht wurden: *Zuleika* (Zulejka) von Milan Miličević (1887 Nr. 9 u. 10), *Sorcelleries* (Čini)[5] von Janko Veselinović (1887 Nr. 17), *Le serpent* (Zmije) von Mita Živković (1888 Nr. 18), *Louna* (Luna) von Haim S. Davičo (1888 Nr. 52, 53 u. 1889 Nr. 1) und *Cinq paras le numéro* (Pet para broj) von Vladan Djordjević (1890 Nr. 5, 6 u. 7). Die meisten dieser Erzählungen wurden aus Vladan Djordjevićs *Otadžbina* übernommen.

In diesem Budapester französischen Wochenblatt, das so reges Interesse für das Leben und die Kultur der Serben und der anderen Völker der Balkanhalbinsel zeigte, hat Jakov Ignjatović zwei Artikel veröffentlicht. Der erste ist unter dem Titel *Mariages politiques dans le monde slave* im Jahre 1888 Nr. 17 herausgekommen, der andere *Les grands armements et la Russie* im selben Jahrgang, in den Nummern 25 und 26 erschienen. Eben dieser letztere Beitrag bewegte Jovan Jovanović Zmaj dazu, das oben zitierte Gedicht zu schreiben.

Ignjatović behandelt in diesem Artikel mit scharfer, stellenweise gehässiger Kritik das Problem der Aufrüstung und Expansionspolitik des zaristischen Rußland, im Sinne der Außenpolitik Österreich—Ungarns. Er beendet sein Schreiben mit folgendem Satz:

»C'est elle [la Russie] qui menace la paix, c'est elle qui doit être l'objet de toutes les imprécations du monde civilisé et c'est elle que les peuples, à bout de patience, révoltés par tant de persistance dans le désir de faire le mal, finiront par frapper de leur sainte colère.«

Jovan Jovanović Zmaj war selbstverständlich ganz anderer Meinung. Obzwar er kein blinder Russofil war, wie das z. B. seine polenfreundliche Gedichte in den sechziger Jahren zeigen, so sah er doch im großen russischen Reich einen mächtigen, väterlichen Beschützer der kleineren slawischen Völker

[5] Für diese Angabe sage ich Kollegen Dobrivoj Nadjvinski (Neusatz) herzlichen Dank.

in Österreich—Ungarn und auf dem Balkan. Eben die Doppelmonarchie an der Donau war ja das Land, von dessen Politik so manche slawische Völker zu leiden hatten. Es mußte den selbstbewußten Dichter, der ein gesundes Nationalgefühl hatte, schwer treffen, daß ein Serbe — noch dazu sein einstiger Jugendfreund, ein anerkannter Schriftsteller und Mitglied der Serbischen Akademie der Wissenschaften — sich so unfreundlich, ja sogar feindlich gegen den zaristischen Staat äußerte, auf den die meisten seiner Landsleute ihre politischen und nationalen Hoffnungen setzten. Er fühlte es als eine ungeheure Schmach und Schande der ganzen Nation, daß ein Serbe zu einem solchen Schreiben seine Feder hergeben konnte und er betrachtete es als seine ernste nationale Pflicht, sofort eine entsprechende Antwort zu geben.

So schrieb Zmaj in seiner aufrichtigen Empörung das am Anfang dieses kleinen Aufsatzes angeführte Gedicht. Das Motto dazu entnahm er, wie ersichtlich, aus dem Schlußsatz von Ignjatovićs Artikel, der ebendeshalb oben wörtlich zitiert wurde.

3. Die Umstände der Entstehung des Gedichts *U obranu srpske časti* zeigen eindeutig und klar, wie gewissenhaft Zmaj die Rolle und Aufgabe des vaterländischen, politischen Dichters betrachtete. Was für schwere Probleme und Gewissenskonflikte das Schreiben von Gedichten — die irgendein Problem des öffentlichen Lebens behandeln — dem Dichter verursachte, zeigt sehr anschaulich ein Brief, in dem er über das Entstehen des Gedichts berichtet, das er anläßlich des Todes von Jovan Subotić verfaßt hat.

Jovan Subotić (1817—1886) spielte — wie im allgemeinen bekannt — eine sehr bedeutende Rolle im öffentlichen Leben der Serben Ungarns und auch Kroatiens. Er war eine führende Persönlichkeit im politischen, wie auch im kulturellen und literarischen Leben. Als Schriftsteller war er sehr produktiv und er konnte seiner Zeit auch viel Anerkennung finden. Sein Epos *Kralj Dečanski* wurde viel gelesen und als ein hervorragendes Werk gewürdigt, seine Dramen waren Repertoirestücke des serbischen und des kroatischen Theaters.

In der Politik — und das ist hier von Belang — begann Subotić seine Laufbahn als ein reger Anhänger von Svetozar Miletić. Doch Anfang der siebziger Jahre nahm er eine weniger radikale Stellung ein, er suchte Kompromißlösungen, er trachtete nach einem modus vivendi zwischen der Narodna slobodoumna stranka einerseits und der Hierarchie der serbisch-prawoslawischen Kirche und der ungarischen Regierung anderseits. Diese Entfernung von der politischen Richtlinie Miletićs — die auch aus der von Subotić redigierten Zeitung *Narod* ersichtlich ist — hatte zur Folge, daß Zmaj in ihm keinen einwandfreien, makellosen serbischen Politiker sehen konnte.

Nach der Hinscheidung von Jovan Subotić wurde der Dichter von seinem Verleger Arsa Pajević aufgefordert ein Gedicht über den Verstorbenen für den *Starmali* zu schreiben. Das mit offensichtlicher Zurückhaltung und in gedämpftem Ton verfaßte Gedicht lautet:

Venac na grob Dr-a Jovana Subotića

Pvrh groba tvoga
Dve se zvezde sjaje:
Jedna je priznanje,
Druga uzdisanje!

Mnogo si nam bio
Težeć višoj celi;
Mnogo si nam bio,
To priznanje veli!

[6] *Starmali* IX (1886) Nr. 3.

Što si još nam mog'o
S darom svojim biti,
Ni to nije manje —
Veli uzdisanje.

Svetla dela *tvoja* —
Naša večna dika.
A to je najlepši
Uzdar za pesnika.

Utir'o si pute,
Dobližav'o mete,
Sadio si cveće —
Pa sad beri splete.

S.

Der passende und würdige Kommentar zu obigen Strophen ist im Brief[7] des Dichters zu finden, den er bei dieser Gelegenheit an seinen Freund und Verleger Arsa Pajević richtete. In diesem (meines Wissens bisher unveröffentlichten) Schreiben können wir einen Blick in seine schöpferische Werkstatt werfen, einen schaffenden Dichtergeist bei seiner Arbeit beobachten, der mit gewissenhafter Verantwortung die Feder zur Hand nimmt und dieselbe in erster Linie in den Dienst seines Volkes, seiner Nation stellt. Zmaj schreibt hier unter anderem folgendes:

»Ovo je doba kanda najodsudnije za srpski narod — lomi se, krva se, i ja iz te lomljave jasno čujem pitanje: hoće li nas biti ili ne biti? — U takoj krizi sve je drukčije, nego što je u naroda, koji su u normalnom toku.

Bi li mi se smelo zameriti, kad bih u ovo doba, kad osećam da se davimo, zaboravio na sve drugo i tražio kao utopljenik slamku — tražio samo političkih karaktera.

Ta ja *sad* o drugom ničem i ne mislim — već kunem slabost svoju, koja ima samo volje, a nema i snage da zagrmi, pa kao prava grmljavina, da vazduh čisti a i da porazi što je za poraz.

Labavost. Popuštanje na sve strane. Nemar. Sebičnost. Još malo, pa ćemo se utrkivati, ko je brži junak u popuštanju, u trčanju natrag.

To su zmije, koje danju kako tako savladjujem, ali noću one mene savladjuju i umorenom mozgu sanak piju.

Pa u to vreme ište se od mene, da nad grobom jednog velikana kriknem taku hvalu, koja njemu više ne treba, ali bi puzavcima (recimo samo u zagrebačkom ‚srpskom' klubu) tako mila bila.

Ja sam se iskoprco iz tog procepa.

Napisao sam pet strofa na grob Jovana Subotića.

Što sam god rekao nije hipokrizija (ta avet, nadam se, da na mene nikad neće pasti). Da je drugo vreme, još bih drukčije znao oplakati taka čoveka. Što sam rekao tih pet strofa, za to me mi savest nikad neće ukoreti. Ali vi ćete videti što je izmedju linija. I to je ono što se sa mojom dojakošnjom otvorenošću ne slaže — i to me boli.

U četvrtoj strofi kažem: ‚Svetla dela tvoja — naša večna dika.' — Ali zašto ja da ne kažem ‚*samo*' svetla dela tvoja . . .

To je kuga popuštanja, koja je ovom prilikom i mene zavijorila, — zaoportunitetila.

Njuškov nos u trećoj strofi nanjušiće neki mahijavelizam. Naivniji ljudi mogu pitati, kako treba to da se razume:

Što si još nam mog'o
S darom svojim biti,
Ni to nije manje . . .

mogli bi me pitati kako ja to mislim. Mislim ni da bi Jova, kad bi još poživeo mogao mnogo uraditi, ili mislim, da je za života mogao više poraditi sa svojim darom. Kad bi me zapitali, kako sam mislio, ja bih došao u nepriliku . . . ne, — došao bih u priliku da kažem kako sam mislio.

Eto vam, dragi Arso, to su oni vrtlozi, koji čoveka *zavrte*, ili upravo izvrte ga iz ćutanja, koje je mislio da je ovom prilikom najbolje, pa onda mora da piše dugačke komentare u opravdanje, ili u okrivljenje svoje. . .

[7] Rukopisno odeljenje Matice srpske (Novi Sad). Inv. br. 26.933.

Još mi nije dosta. Jedanput sam rekao da ‚srpske gusle lagati ne znadu' — moje gusle nisu lagale ni sada, kad sam ovih pet strofa napisao. Poštujem spomen Jove Subotića. I rekao sam što najbolje mogoh — od scrca. Ali sve se bojim da nisam skrivio, što ne rekoh otvorenije, i ono što je u meni ostalo. — Ponoć je — dosta je . . .«

Nach dem langen Zitat aus Zmajs Brief dürfte es sich erübrigen, weitere Bemerkungen zu machen, Erklärungen zu geben. Die angeführten Stellen des Briefs genügen, um das tiefe Verantwortungsgefühl des Mannes zu veranschaulichen, der sich der Pflicht und Schuldigkeit eines patriotischen Dichters, eines Dichters des öffentlichen und politischen Lebens vollkommen bewußt ist.

I. Póth

Čehov, Korolenko et „Magyar Szalon"

A en juger par l'ouvrage «Bibliographie hongroise de la littérature russe»,[1] les lettres russes jouissaient en Hongrie dès les années 1890 d'une large audience. Encore convient-il de se rappeler que ce manuel ne tient pas compte de tous les périodiques hongrois de l'époque;[2] leur étude n'est pourtant pas moins révélatrice.

C'est ainsi par exemple que la revue «Magyar Szalon»[3] consacrait une large part de son numéro de septembre 1894 à la littérature russe. La matière proposée au lecteur était particulièrement abondante; une étude de Jakob Cselingarián[4] introduisait un choix de textes très riche qui allait de Leskov à Zlatovratskij, Tolstoj, Čehov, Boborykin, etc. Certains récits avaient même été rédigés spécialement pour la revue.[5] L'ensemble était illustré d'une iconographie complète accompagnée bien souvent des dédicaces des écrivains.

On comprend qu'un tel numéro n'ait pu être le résultat que d'un patient effort de préparation où entrait pour une large part toute une correspondance. Retrouver des éléments de cette dernière éclairerait sans aucun doute certains rapports littéraires encore mal connus entre Hongrie et Russie.

Nous avons pour notre part découvert dans le département des manuscrits de la Bibliothèque Lénine de Moscou deux lettres de «Magyar Szalon» adressées l'une à Čehov, l'autre à Korolenko,[6] en vue d'obtenir d'eux une photo dédicacée et un texte. Ces deux lettres ont le même aspect extérieur: même papier à en-tête couvert d'une écriture identique et signé d'un même cachet. Comme on s'en rendra compte, elles présentent peu de variantes; il s'agit

[1] Az orosz irodalom magyar bibliográfiája. Összeállította és bevezetéssel ellátta: Kozocsa S. Budapest, 1947.

[2] Ibid. p. XV.

[3] Revue éditée a Budapest jusqu'en avril 1894 par le comte István Keglevich. Puis József Fekete devait cumuler les fonctions d'éditeur avec celles de rédacteur qu'il remplissait déja.

[4] Cselingarián J., A modern orosz irodalom [La littérature russe moderne]: Magyar Szalon 21 (1894) 3: 1127—1128.

[5] Citons Jól talált [Bien trouvé] d'A. Budiščev: Magyar Szalon 21 (1894) 3: 1248—1258; — A tetem (Труп) de P. Boborykin: 1281—1306; — Céltévesztett [Un coup raté] d'A. Michajlov: 1307—1312.

[6] Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, фонд 331. 44.22. et фонд 135. III.

vraisemblablement d'un modèle stéréotypé qui fut adressé à tous les écrivains russes sollicités par «Magyar Szalon». Elles ne sont pas datées mais une note manuscrite de Korolenko sur la lettre qui lui était destinée permet de penser qu'elles furent envoyées au printemps 1894.[7]

Čehov laissa selon toute apparence cette demande sans réponse; nous n'avons pu trouver trace d'une réponse éventuelle de sa part et le fait que son portrait ne figure pas dans le numéro de «Magyar Szalon» confirme cette hypothèse. Il devait pourtant être représenté par un récit, «La peur».[8]

Quant à Korolenko, la lettre parvint à son domicile de Nižnij-Novgorod alors qu'il était parti où allait partir passer l'été à la campagne chez son ami S. D. Protopov, tant et si bien qu'il différa sa réponse jusqu'au 28 septembre 1894.[9] Cette réponse nous a été conservée grâce à une copie faite de la main de Korolenko[10] qui se trouve également au Département des Manuscrits de la Bibliothèque Lénine.[11] Elle arriva en Hongrie forcément trop tard et le numéro de «Magyar Szalon» devait paraître sans le portrait envoyé par l'écrivain. A n'en pas douter ce retard fut involontaire de la part de Korolenko qui attachait toujours beaucoup de prix aux marques d'intérêt venues de l'étranger; qu'il ait pris la peine de conserver une copie de sa réponse montre d'ailleurs qu'il lui attachait une certaine importance. Qu'il n'ait pas envoyé de manuscrit ne peut non plus nous étonner à une époque de sa vie où en lui le journaliste l'emportait sur l'écrivain, réduisant à peu de choses ses activités littéraires.[12]

Telle qu'elle est, nous espérons que cette publication aidera à mieux préciser les rapports qu'ont pu avoir Korolenko et Čehov avec la Hongrie en allant dans le même sens que l'article de Zsuzsanna Zöldhelyi paru ici même à propos d'Endre Szabó.[13]

Toulouse

M. Comtet

1. *Lettre de «Magyar Szalon» à Čehov*

Éditeur — Directeur
Le Comte Etienne Keglevich — Joseph Fekete
Magyar Szalon
Revue littéraire et artistique
Adresse: Budapest (Hongrie), Kerepesi-út 9/b.

Милостивый Государь!
Антон Павлович!

Редакция венгерского журнала литературы с иллюстрациями «Magyar Szalon» имеет честь просить Вас удостоить наш журнал несколькими стро-

[7] Note écrite au crayon bleu: «Envoyé le 29 septembre 1894 (lettre reçue en mai ou juin)» C'est bien sur sa réponse que Korolenko date du 29 septembre. Cf. note 16.

[8] A félelem (Страх): Magyar Szalon 21 (1894) 3: 1187—1200.

[9] D'aprés Биографическая канва жизни и деятельсности В. Г. Короленко in: *В. Г. Короленко*, История моего современника. Полвата 1929, 5 : 221.

[10] Korolenko avait coutume de garder des fac-similés de ses lettres les plus importantes qu'il groupait dans des registres spéciaux, ou «копировальные книги».

[11] фонд 135. II. 11, лист 384.

[12] Tous les critiques de l'époque en étaient a déplorer la pauvreté de sa création littéraire succédant a des débuts prometteurs.

[13] *Жужанна Зельдхейи*, Эндре Сабо — венгерский популяризатор творчества П.А. Чехова: Studia Slavica 6 (1960) 436—440.

Magyar Szalon

5073

ÉDITEUR
COMTE ETIENNE KEGLEVICH

MAGYAR SZALON

DIRECTEUR
JOSEPH FEKETE

REVUE LITTERAIRE ET ARTISTIQUE

Adresse: Budapest (Hongrie), Kerepest-út 9/b.

Послано 29 сент. 1894
(письмо повторено
1 нояб. въ 1 экз.)

Милостивый Государь!

Владиміръ Галактіоновичъ!

Редакція венгерскаго иллюстрированнаго журнала литературы „Magyar Szalon" имѣетъ честь просить Васъ удостоить нашъ журналъ посвященіемъ нѣсколькихъ строкъ съ приложеніемъ, если можно, Вашего портрета, или же какою-либо рукописью, чѣмъ Вы насъ очень обяжете, а венгерской публикѣ окажете великую честь и удовольствіе познакомиться ближе съ русской литературой.

Въ надеждѣ, что Вы благосклонно отнесетесь къ нашей просьбѣ и въ ожиданіи скорого исполненія ея остаемся съ истиннымъ почтеніемъ и благодарностью

„MAGYAR SZALON"
Budapest, Sándor-utcza 9. sz.

ками с приложением Вашего, если можно, портрета, или же чем-нибудь из Ваших новейших произведений, чем Вы доставите венгерской публике честь и наслаждение.

В надежде, что Вы, Милостивый Государь, благосклонно отнесетесь[14] к нашей просьбе, исполните ее, остаемся с истинным почтением и [. .][15]. признательностью

«Magyar Szalon»
Budapest, Sándor-utcza 9. sz.

2. *Lettre de «Magyar Szalon» à Korolenko*[16]

Éditeur
Le Comte Etienne Keglevich
Magyar Szalon
Revue littéraire et artistique
Adresse: Budapest (Hongrie), Kerepesi-út 9/b.

Directeur
Joseph Fekete

Милостивый Государь!
Владимир Галактионович!

Редакция венгерского иллюстрированного журнала литературы «Magyar Szalon» имеет честь просить Вас удостоить наш журнал посвящением нескольких строк с приложением, если можно, Вашего портрета, или же какою-либо рукописью, чем Вы нас очень обяжете, а венгерской публике окажете великую честь и удовольствие познакомиться ближе с русской литературой.

В надежде, что Вы благосклонно отнесетесь к нашей просьбе и в ожидании скорого исполнения ее остаемся с истинным почтением и благодарностью

«Magyar Szalon»
Budapest, Sándor-utcza 9. sz.

3. *Réponse de Korolenko à «Magyar Szalon»*[17]

Милостивый Государь

Любезное письмо Ваше не застало меня в Нижнем и мой запоздалый ответ объясняется тем, что отвечаю я уже по возвращении в Нижний-Новгород. Прошу простить невольное замедление.

Портрет с автографом посылаю.

Очень может быть, что это уже слишком поздно, — но «лучше поздно, чем никогда» говорит пословица.

С совершенным уважением

Вл. Короленко

28 сент. 1894
Нижний-Новгород

[14] L'original porte distinctement «относися» au lieu et place de «отнесетесь», qui seul convient ici bien évidemment.

[15] Illisible, le mot rappelle pourtant curieusement относился.

[16] Note au crayon bleu de la main de Korolenko en haut a droite: «Послано 29 сент. 1894 (письмо получено в мае или в июне)»; cf. note (7).

[17] Note au cayon bleu de Korolenko: «Ред. Magyar Szalon (Будапешт)».

Письма Э. Сабо к В. Г. Короленко

Для исследователей венгерско-русских литературных связей большой интерес представляет деятельность венгерского переводчика и популяризатора русской литературы — Эндре Сабо (1849—1924).

Венгерский поэт, редактор сатирического журнала Üstökös (Комета), Э. Сабо выучил русский язык, чтобы переводить шедевры русской литературы с оригинала. Впоследствии венгерские читатели познакомились почти со всеми произведениями Достоевского, со многими рассказами Чехова, с «Мертвыми душами» Гоголя, с «Обломовым» Гончарова и со многими другими произведениями классиков русской литературы в переводах Э. Сабо. Он помогает О. Чюминой в ее работе над переводами на русский язык стихотворений Ш. Петефи, составителю сборника, «Мадьярские поэты», Н. Новичу и т. д. Большая заслуга Сабо заключается также и в том, что, будучи автором целого ряда статей в исключительно популярном венгерском лексиконе «Паллас», он дал объективные, дифференцированные представления о развитии русской литературы, о деятельности русских писателей. С некоторыми из них он установил во время своих двух поездок в Россию, а также путем переписки, личную связь.[1]

В рукописных отделах разных советских библиотек (напр., библиотеки им. Ленина, Музея Л. Толстого, Пушкинского дома) хранятся письма Э. Сабо к Толстому, Лейкину, Чехову, Ольге Михайловой-Чюминой и. т. д. Несколько лет назад нами было опубликовано на страницах журнала Studia Slavica его письмо к Чехову.[2] В данном сообщении мы публикуем текст двух его писем к Короленко, лишний раз свидетельствующих о том, что имя Сабо в начале XX в. уже было не безызвестно русским писателям.[3]

Из первого письма сразу выясняется, что их переписка началась по инициативе самого Короленко, пославшего Сабо экземпляр «Истории моего современника». Обрадованный и изумленный подобным вниманием, Сабо пишет Короленко следующее письмо:[4]

1. 1909, 16-го июня
(н. ст.)

Милостивый Государь,
Владимир Галактионович!

Получил Ваше, посланное мне сочинение «История моего современника». Благодарю Вас за неожиданное внимание!

Но как Вы попали на меня? Откуда узнали, что я существую и что я как венгерец, порусски понимаю? Любопытно было бы узнать. Правда, что

[1] О деятельности Э. Сабо см.: *Жужанна Зельдхейи*, Эндре Сабо — венгерский популяризатор русской литературы. Венгерско-русские литературные связи. Москва 1964, 126—174.

[2] Э. Сабо — венгерский популяризатор творчества А. П. Чехова. Studia Slavica 6 (1960) 436—440.

[3] Письма хранятся в рукописном отделе библиотеки им. Ленина в Москве (ф. 135, разд. II. К 33, ед. хран. 6). Я приношу свою благодарность советскому педагогу А. Рубинштейну, обратившему на них мое внимание.

[4] Письма даются с сохранением всех стилистических и грамматических особенностей оригинала.

когда-то печатались мои стихи в «Вестнике Европы» в переводе Ольги М. Чюминой и Вл. Гессена, но это было очень давно, лет 15-го.

Впрочем и я перевел из русских авторов (между другими и от Вас), но едва ли Вы о том в свое время знали.

Два года тому назад слыхал я от одного русского знакомого, что Вы были у нас, в Венгрии, на Татре. Представить себе не можете, как мне было досадно, что именно в том году я не посетил Татрафюред, и не познакомился с Вами. Ведь живу же я каждое лето там-же, на Татре, в Iglófüred-е где у меня маленькая дача. Если еще случится, что Вы приедете к нам, в Венгрию, надеюсь, что Вы меня посетите; уверяю Вас, что буду сердечно рад Вас у себя видеть и будете у нас желанным гостем. Супруга моя тоже писательница и будет тоже чрезвычайно рада.

До свидание же!
Ваш покорный слуга
Андрей Сабо.

Мой адрес летом: Mr. Szabó Endre, Iglófüred
(Как раз сегодня еду туда и останусь там до 1-го октября н. ст.)

Короленко ответил на это письмо — об этом свидетельствует отметка „отвечено 9 IX 1909"; Сабо в следующем письме подтверждает получение ответа и новой книги:

2. Iglófüred, 1909, 1-го июля (н. ст.)

Милостивый Государь,
Владимир Галактионович!

Извините, что после получения Вашей книжки «Отошедшие», сейчас не ответил Вам, но ходил три дня по ярмаркам лошадь *ки*пить [sic!] и вернулся только вчера вечером.

Очень Вам благодарен за Вашу любезность. Сейчас начал читать и успел уже прочесть первую статью: об Успенском. До сих пор я мало знал Успенского, о нем Вы такую живую картинку рисуете, — но Вы сделали его для меня таким симпатичным, что непременно познакомлюсь с ним основательнее, полагая конечно, что есть польное собрание его сочинений, и был бы Вам очень благодарен, если бы Вы хоть через открытое письмецо уведомили меня: где вышли его сочинения?

Вы угадали это был я, который два года тому назад справился в редакции «Русского богатства» на счет Вашей биографии. Хотел тогда о Вас в наш «Conversations-Lexicon» по-подробнее писать; — но ответа не получил, а теперь приходится только в дополнительных томах воспользоваться «Историей Современника».

Может быть интересно будет Вам узнать, что у меня имеется одно письмо Антона Чехова, написанное ко мне в оное время. В то время я тоже справился у него на счет его биог[р]афии и он мне ответил.

Читаю теперь с большим интересом в «Русском Богатстве» «Трагедию писателя» так как несчастный Гоголь один из моих любимцев.

Если уж теперь не приедете в Венгрию, авось случается в будущем, что Вы нас посетите? Из Полтавской губернии до нас не очень далеко!

С искренним уважением имею честь быть
Вашим покорным слугою
А. Сабо

К сожалению, ни писем Короленко к Сабо, ни посланных ему книг — по всей вероятности надписанных автором — в нашем распоряжении не имеется. Они утеряны вместе с архивом Сабо. Но по тону и содержанию этих писем можно предположить, что Короленко весьма сердечно относился к Сабо, который был тем более благодарен выдающемуся русскому писателю, что на родине он не был удостоен большого внимания и похвал.

Жужанна Зельдхейи-Деак

К. Болла—Э. Палл—Ф. Папп, **Курс современного русского языка.** Под редакцией Ф. Паппа. Будапешт 1968, 669 стр.

Давно замечено, что исследование какого-либо конкретного языка «извне» дает не совсем те результаты, что изучение его говорящими на этом языке. Со стороны иногда лучше видится то, мимо чего проходит внутренний наблюдатель, в частности, и лингвист — носитель данного языка.

Вышедший в прошлом году в Будапеште «Курс современного русского языка» (авторы К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп; общая редакция Ференца Паппа)[1] полностью подтверждает эту мысль.

Хотя авторы использовали результаты многочисленных исследований по русистике (о чем свидетельствуют ссылки в тексте книги, а также библиографический указатель),– в книге масса их собственных, порой очень тонких, наблюдений и выводов. Прекрасное знание русского языка, стремление к наиболее полному и глубокому анализу различных его сторон, большой опыт преподавания русского языка в нерусской среде позволили трем венгерским ученым создать фундаментальный теоретический курс, в котором новый (недавно возникший в лингвистике) взгляд на язык как на автоматическое устройство органически сочетается с «традиционным» подходом к анализу ряда языковых явлений.

«Курс» рассчитан на людей, в достаточной степени владеющих русским языком. По этому курсу должны учиться не те, кто хочет практически овладеть языком, а те, кто стремится уяснить себе внутренний механизм, с и с т е м у русской фонетики, морфологии, синтаксиса. Короче говоря, это книга для будущих преподавателей русского языка венграм.

Адресуясь к венгерскому читателю, авторы проводят систематическое сопоставление русского и венгерского языков, дают методические советы по практическому овладению теми или иными средствами русского языка. Эти советы особенно ценны в тех случаях, в которых венгры наиболее часто испытывают затруднения или ошибаются (ср., например, стр. 259, 309, 348, 365, 380, 403, 405, 406 и многие другие). На основе сопоставления разных языковых систем возникают интересные, иногда полемически заостренные, выводы, формулируются правила, которые в обычных грамматиках русского языка (для русских) отсутствуют, но которые здесь, в курсе подобного рода, крайне необходимы (см. §§ 84, 122, 156, 189, 199, 210, 265 и др.).

Книга состоит из трех основных разделов: *Фонетики — Фонологии, Морфологии и Синтаксиса* (последний включает в себя *Формальный* ситаксис и *Семантический* синтаксис), а также двух приложений и списка использованной литературы, который насчитывает свыше двухсот названий.

Поскольку вторые два раздела, *Морфология* и *Синтаксис*, представляются основными в рецензируемом учебнике, определяющим его «лицо», — целесообразно начать характеристику книги именно с этих разделов.

[1] Одним из первых откликнулся на выход этой книги *А. А. Леонтьев* (см. его рецензию в журнале Русский язык за рубежом, 1969, № 3.)

Уже в *Предисловии* к «Курсу» авторы заявляют о том, что грамматика языка рассматривается ими как некое автоматическое устройство, способное порождать правильные высказывания на данном языке. Это устройство состоит из двух частей: «морфологического автомата», порождающего словоформы, и «синтаксического автомата», содержащего правила порождения предложений. Описание этих устройств дается в книге с последовательно формальной точки зрения. При этом термин *формальный* значит не столько «не обращенный к смыслу», сколько «основывающийся на анализе явно выраженного, логически последовательный и однозначный».[2]

Для описания морфологии русского языка автор соответствующего раздела, Ф. Папп, пользуется следующими понятиями и терминами: слово, понимаемое как: а) словоупотребление, б) словарная единица, лексема и в) словоформа; морфема, морфа, морфологическая категория; часть речи; (грамматический) класс слов и нек. др. Порождение текста осуществляется следующим путем: лексема → словоформа → словоупотребление → высказывание; анализ текста — путем обратным (от высказывания к лексеме). Морфема определяется как совокупность морф, обладающая общим грамматическим значением. Материальная общность означающих при этом, по-видимому, не существенна, а часто и просто немыслима; ср. примеры морфем в § 79 и след.: морфема, означающая «род. п. нуществит.», и др. «Морфема — абстрактная единица, ее нельзя услышать, написать, произсести» (стр. 193), и в этом смысле она соотносима с фонемой (а морфа — со звуком). Эта понятийно-терминологическая дифференциация, проводимая в основном достаточно последовательно, иногда, к сожалению, нарушается несколько небрежными формулировками вроде: «Часть *словоформы*, остающаяся после отделения грамматических *морфем*, называется корнем» (стр. 199). Ср. также стр. 239, где в качестве материального выражения алломорф выступают фонемы ⟨а⟩, ⟨i⟩ и др.

Анализ отдельных частей речи начинается с их определений, которые основываются на категориальных характеристиках той или иной части речи. Грамматическая же категория определяется как совокупность морфем, получаемых рядом однотипных (произдевенных в одной и той же позиции) изменений окружения (стр. 194). Именно так, например, выводятся категории одушевленности — неодушевленности, рода, числа, падежа у существительных, категории лица — числа, числа — рода, вида, времени, наклонения и залога — у глаголов и т. д.

В ряду строго категориальных определений различных частей речи некоторой непоследовательностью выглядит характеристика *наречия* на основе его синтаксических свойств («неизменяемая часть речи, зависящая в предложении от глаголов, прилагательных, а также от других наречий», § 148). Возможно, что на появление этого определения повлияло то, что наречие, в отличие, например, от глагола и существительного, очень «бедно» грамматическими категориями.

Чрезвычайно важно для морфологического раздела понятие *стандартного изменения:* «стандартным считается изменение, если оно выступает в одном определенном месте парадигмы преобладающего большинства представителей данной категории слов» (§ 83). В связи с этим основа толкуется как часть слова, которая в ходе парадигматических изменений не меняется или претерпевает лишь стандартные изменения (там же). В соответствии с этим различием стандартности и нестандартности парадигматических чередований и идет описание конкретных явлений русской морфологии.

Так, с учетом морфонологических различий основ рассматривается склонение существительных, прилагательных, спряжение глаголов. При этом описание фактов, характеризующихся стандартными парадигматическими менами, более компактно, чем описание явлений нестандартности. Эта «неравновеликость» частей совершенно естественна

[2] Ср. сходное понимание термина *формальный* в книге А. В. Гладкого и И. А. Мельчука Элементы математической лингвистики. Москва 1969, 9.

и понятна: стандартное укладывается в небольшое число строго формулируемых правил, тогда как нестандартность сама по себе не единообразна и требует более громоздкого описания. Ср.: «Глагол является нестандартным, если в ходе его формообразования выполняется хотя бы одно из следующих условий: а) один из формообразующих суффиксов выступает не в стандартной форме; б) УО (= усеченная основа) претерпевает нестандартные изменения; в) УО претерпевает стандартные изменения в нестандартных местах; г) УО в стандартных местах не претерпевает стандартных изменений» (§ 158).

Последовательно формальный подход к анализу не только определяет структуру описания: сначала дается характеристика *формы* тех или иных классов слов, а затем указываются типы манифестируемых ею значений, — но и наводит автора на некоторые размышления относительно предсказуемости одними структурными показателями других, о морфологическом строении тех или иных частей речи и т. п. Ср. в этом отношении понятие ключевого падежа (§ 101); если выбор одной из двух алломорф, которыми реализуется данный падеж, точно предсказывает выбор алломорфы в другом падеже, то первый падеж является ключевым; пример: род. п. мн. ч. для сущ. 1-го склон., по флексиям *-ов -ей* можно определить флексии (и концы основ им. п. ед. ч.), а также интересное наблюдение, касающееся большей сложности морфемного строения глагола по сравнению с существительным (стр. 347—348) и др.

Еще одним ценным и, безусловно, правильным шагом представляется разграничение фактов устной и письменной речи, которое систематически проводится в книге. Действительно, как это показано неоднократно в морфологическом разделе, устная и письменная речь могут более или менее существенно различаться набором морф (для выражения одного и того же грамматического значения), словоизменительными типами и т. п.

Раздельное рассмотрение устных и письменных морфологических явлений в ряде случаев способствует формулированию правил, действующих в пределах какой-либо одной из двух речевых разновидностей, правил, простота и четкость которых особенно привлекательны с методической точки зрения. Например, на стр. 269 выводится следующая зависимость для склонения существительных в устной речи: «если в им. п. ед. ч. было вещественное (ненулевое) окончание, то в род. п. мн. ч. должно быть нулевое окончание, и наоборот: если в им. п. ед. ч. было нулевое окончание, то окончание в род. п. мн. ч. ненулевое».

Устная и письменная речь характеризуются разными ступенями порождения словоформ, что и отражено автором морфологического раздела в различных, но сопоставимых правилах и блок-схемах. Последние, наряду с таблицами, являются наглядным и экономным средством описания морфологической системы русского языка. И хотя Ф. Папп довольно часто прибегает к графическому изображению грамматических отношений, нигде не создается впечатление «табличной избыточности», перенасыщенности.

Формальный синтаксис, следующий за *Морфологией*, как и явствует из его названия, посвящен описанию различных типов предложений и словосочетаний современного русского языка. Как кажется, в разделе удачно сочетается изложение традиционных грамматических понятий, данное в начале (§§ 199—202), с новым подходом, отражающим современные достижения порождающих и трансформационных грамматик. Кратко характеризуя такие понятия, как «член предложения», «главный член», «второстепенные члены», «подлежащее», «сказуемое», «дополнение», автор подчеркивает, что сделать это необходимо, так как в существующих венгерских грамматиках (и, заметим, не только в венгерских) господствуют еще именно эти понятия. Однако основная часть раздела строится на принципах современных ситаксических теорий, использующих формальный анализ (ср. работы Н. Хомского, Д. С. Уорта, Р. Ружички, Л. Теньера, Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука, Е. В. Падучевой, Л. Н. Иорданской и др.).

Вначале автор знакомит читателя с такими понятиями, как непосредственно составляющая, порождающие и распознающие грамматики,[3] синтез и анализ предложений, затем переходит к описанию условий, позволяющих считать определенные конструкции *ядерными* предложениями, и дает список трансформаций, допустимых в русском синтаксисе. В дальнейшем подробно анализируются ядерные предложения с именной и глагольной группами (двусоставные и односоставные предложения рассматриваются раздельно) и неядерные предложения, получаемые путем трансформаций.

Поскольку многие из перечисленных понятий структурной лингвистики достаточно хорошо сейчас известны, позволим себе остановиться более подробно только на некоторых из них, и то лишь в связи с теми вопросами и замечаниями, которые возникли по ходу чтения «Курса».

Термин *предложение*, который взят структурной грамматикой из традиционной, понимается в книге следующим образом: «Предложение — это наиболее длинный линейный ряд форм, грамматически связанных между собой (и только между собой) непосредственно или опосредствованно» (стр. 425). В этом определении не указан такой важнейший признак предложения, как предикативность, или сказуемость.[4] А без этого невозможно отличить предложение от словосочетания. Характеристика «наиболее длинный линейный ряд форм . . .» вполне приложима и к словосочетанию. В том, что этот промах — плод недоразумения, можно убедиться, читая § 201, где автор совершенно справедливо пишет: «Связь между подлежащим и сказуемым, т. е. предикативная связь, *возможна только в структуре предложения* [подчеркнуто нами — *Л. К.*] . . . предикативная связь между двумя главными членами предложения — это одна из специфических черт предложения. Если эту связь элиминировать, т. е. провести депредикативацию, то предложение перестает быть предложением» (стр. 429).

Впервые предложенный Н. Хомским взгляд на грамматику как на «совокупность правил, позволяющих построить (породить) любое правильное предложение данного языка и не порождающих ни одного неправильного предложения данного языка» (§ 205) — является основополагающим для синтаксического раздела книги. Правильность предложения здесь понимается, по-видимому, как грамматическая правильность (в отличие от осмысленности; ср. обсуждение различий между тем и другим в Syntactic Structures Н. Хомского). Такое понимание последовательно проводится во всем разделе. См. в этой связи теоретически и методически обоснованные указания (стр. 456) на необходимость начинать анализ фразы на малознакомом языке не с лексики, а с грамматики; подтверждением этой мысли может служить логически безупречный анализ автором щербовской фразы *Глокая куздра* . . . (§ 205).

Однако грамматическая правильность (неправильность) предложения, по-видимому, не распознается носителем языка: грамматика и смысл высказывания воспринимаются им нерасчлененно, и он, вероятно, отвергнет как неправильные (на самом деле только лишенные смысла, но грамматически нормальные) фразы типа *Бесцветные зеленые идеи бешено спят*. С этой точки зрения кажется «завышенной» следующая оценка языкового сознания говорящих (стр. 341): «Языковым сознанием определяется, каково порожденное предложение: (1) грамматически правильное; (2) грамматически неправильное; (3) колеблющееся между грамматически правильным и неправильным». По-видимому, более

[3] В общепринятом противопоставлении порождающих и распознающих грамматик недавно усомнились. А. В. Гладкий и И. А. Мельчук (см. указ. выше работу, § 6), которые показали, что одна и та же грамматика может работать «в обе стороны» (т. е. быть то порождающей, то распознающей). Более глубоким, по их мнению, является различие грамматик по способу задания в них информации о ситаксической сочетаемости (грамматики с правилами сочетаемости, rule grammars, и грамматики без правил, ruleless grammars).

[4] См. А. М. Пешковский, Русский ситаксис в научном освещении. Москва 1956, 180.

реалистично такое представление о возможностях языкового сознания: оно распознает (1) осмысленные, (2) неосмысленные и (3) промежуточные предложения.

В разделе *Формальный синтаксис* рассматриваются и вопросы порядка слов.[5] Хотя, как указывает автор, расположение слов в русском предложении отличается большей свободой, чем в других языках, — здесь сделана попытка сформулировать правила, основывающиеся на таких категориях, как обязательность — необязательность, обычность (частая встречаемость в речи) — необычность: ср. с этим понятия стандартности и нестандартности в *Морфологии*.

Так, например, для места определения найдено следующее правило:

«Определение, если оно обычное по структуре и длине, стоит перед определяемым словом, в противном случае — после него». «Обычное по структуре определение — это определение-прилагательное» (одиночное прилагательное или прилагательное в сочетании с наречием являются обычными и по длине); «необычное по длине определение — это любое прилагательное (еще чаще причастие), расширенное не только одним наречием или другими прилагательными» (стр. 548). Здесь полезно было бы назвать как исключения случаи постпозиции одиночных прилагательных — в терминологических и полутерминологических словосочетаниях: *шалфей луговой, шалфей мускатный; костюмы мужские шерстяные*.[6]

Удачно объяснение «нестандартных» явлений в порядке слов (инверсия, препозиция вместо постпозиции и т. п.) с точки зрения актуального членения (§ 280). Рассмотрение вопросов актуального членения позволяет автору еще раз обратить внимание на необходимость строго различать грамматический и смысловой аспекты высказывания:

«С учетом смысловой ткани, актуального членения предложения становится особенно наглядной неприемлемость выделения главных членов по смысловым критериям: подлежащее, мол, это название того, о чем говорится в предложении, сказуемое же — то, что говорится о подлежащем. Ведь терминам «подлежащее» и «сказуемое» (если они грамматические термины) должны соответствовать грамматические сущности, от которых отлично смысло-логическое содержание, хотя последнее и выражается с помощью первых» (стр. 554—555).

Хорошо, что правила порядка слов и изложение теории актуального членения разделены: сначала описываются первые, а объяснение дано как нечто интересное, необходимое, но не такое, что студент должен заучивать (ср. возможный, но нежелательный вариант правил о порядке подлежащего и сказуемого: «. . . в том случае, когда не сказуемое, а подлежащее о з н а ч а е т н е ч т о н о в о е, происходит инверсия»). То есть опять-таки и здесь, как и в других местах книги, чисто грамматический анализ четко отделяется от «объяснительно-логического», смыслового.

Сравнивая разделы *Морфология* и *Формальный синтаксис* с точки зрения последовательности осуществляемого в них подхода к языковым явлениям, следует подчеркнуть, что автор в подавляющем большинстве случаев придерживается выдвинутых им принципов формального анализа. И лишь кое-где он отступает от них, как например в § 93, где дается только семантическая характеристика несклоняемых существительных иноязычного происхождения («существительные, означающие н е о д у ш е в л е н н ы е предметы, относятся к среднему роду»; ср. возможность другого описания: к среднему роду из несклоняемых неодушевленных существительных относятся слова с ударным конечным гласным). Напротив, в § 183 находим описание только формы страдательного залога; остается неясным, чем этот залог отличается от внешне похожего на невозвратного залога.

[5] Известно ли авторам исследование *О. Б. Сиротининой* (Саратов, 1965), содержащее ряд интересных наблюдений и выводов.

[6] См. об этом, напр. *И. И. Ковтунова*, Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. Москва 1969, § 5.

Параграфы, посвященные количественным оборотам (§ 238 и след.), а также замечания о некоторых особенностях согласования (стр. 516 и след.) не кажутся органичными в рамках *формального* синтаксиса и тем более при изложении трансформаций, которыми получаются простые неядерные предложения: характеристика правил здесь семантико-стилистическая, а не формальная. В § 240, например, чтобы остаться на уровне формального анализа, надо было бы, по-видимому, задать списками слова (1) могущие и (2) не могущие сочетаться с числительными *двое, трое*. Впрочем, сознавая, что подобные процедуры могут оказаться чересчур громоздкими для работы учебно-методического плана, мы скорее склонны объяснить данный случай стремлением к компактности изложения, нежели квалифицировать его как «нарушение принципов».

Раздел *Семантический синтаксис*, как сообщает его автор Э. Палл, преследует практическую цель. Хотя указания на то, как надо употреблять те или иные конструкции, мы находим и в *Формальном синтаксисе*, здесь *специально* рассматривается вопрос о том, как в речевой практике используются описанные с формальной точки зрения синтаксические структуры.

Наличие этого раздела в книге учебного характера, адресованной нерусскому читателю, представляется крайне полезным. Многочисленные факты русско-венгерских синтаксических соответствий (несоответствий!), на которые обращает внимание автор, убедительно показывают, с какими трудностями сталкивается на практике венгр, говорящий по-русски.

В соответствии с целями раздела, его материал группируется по типам значений, из которых подробно рассматриваются два: временные отношения и отношения способа действия, как типы, наиболее широко представленные в смысло-синтаксических связях слов в предложении. Особенно детально описываются те языковые факты, которые вызывают трудности при их парктическом использовании.

В целом раздел *Семантический синтаксис* отличает глубокий семантико-стилистический анализ синонимических и «квазисинонимических» конструкций, позволяющий устанавливать условия их взаимозамены или же, напротив, ее недопустимость. Специфический интерес в этом отношении, как кажется, представляют случаи, когда венгерской конструкции эквивалентны две или больше русских, которые различаются между собой по смыслу. Ср. конструкции с *перед* и *до:* задержался *перед уходом* и засиделся *до* поздней *ночи; к* и *на:* приехать *к десяти* и назначить *на десять* часов и т. п.

На стр. 577 отмечаются тонкие и потому трудно уловимые для иностранца оттенки значения между наречиями и преложно-падежными сочетаниями типа: *поминутно, ежеминутно, минутами, по минутам*. Жаль, что эти слова даются изолированно, вне их сочетаемости — семантические различия всегда легче понять из контекста, чем из одиночного словоупотребления.

При анализе русско-венгерских предикативных смысло-синтаксических соответствий автор в большинстве случаев указывает как необходимый признак вид русского глагола и обращает внимание венгерского читателя на то, что часто при изменении вида конструкция превращается в неправильную. Даже случаи желательности — нежелательности того или иного вида (в отличие от случаев обязательности — невозможности) предусматриваются для ряда конструкций. Ср., например: «Обозначение непосредственного, «моментного» предшествования объясняет известное тяготение предложных конструкций с *перед* к глаголам совершенного вида» (стр. 565). Или: «Глаголы = сказуемые, выражая постепенный процесс возрастания или убывания [в сравнительных конструкциях с парным союзом *чем — тем* — Л. К.], чаще всего стоят в форме несов. в.» (стр. 614).

Однако такие указания даются не всегда, хотя они и необходимы. Так, например, при рассмотрении предикативных сочетаний типа: *не ел два дня, лежал в постели вторую неделю* — стоило бы обратить внимание венгерского читателя на то, что здесь невозможны

глаголы совершенного вида (стр. 573). Существительные в творительном падеже мн. ч., обозначающие меру, количественную характеристику действия (стр. 596—597), также сочетаются, как правило, с глаголами несовершенного вида: *лежать грудами, запасать бочками* (ср. менее обычное* *лечь грудами, *запасти бочками;* в связи с этим приведенный здесь же пример *переселиться семьями* следовало бы заменить сочетанием *переселяться семьями).*

Иногда использование различных глагольных видов связано с различением дополнительных (кроме видовых) смысловых оттенков. Так, предложно-падежные сочетания в + вин. п. *(в год, в месяц* и т. п., см. стр. 578) могут выражать значение повторяемости, регулярности лишь при соединении с несовершенным видом глаголов получения, добывания: *зарабатывает в месяц по 150 рублей* (то есть вообще в месяц, не в данный именно), *получать в год* и т. п. Конструкции же с глаголами совершенного вида значением повторяемости не обладают: *заработал в месяц = заработал за месяц* (то есть именно за месяц, а не за другой срок). Поэтому-то здесь более часта конструкция «за + вин. п.» . .

Несколько особое место в книге, как нам кажется, занимает раздел *Фонетика — Фонология.*

Подробно, с использованием многочисленных таблиц, рисунков, фотографий, осциллограмм, написана часть об акустической стороне звуков. Сами по себе данные, приводимые автором, вне всякого сомнения очень ценны и необходимы иностранному читателю. Но их изложение кажется подчас слишком специальным для издания учебно-методического типа.

В §§ 44—56 дается характеристика интонационных свойств русской речи. Усвоение чужой интонации, по общему признанию, является одним из самых трудных процессов при изучении другого языка. Систематическое исследование специалистами русской интонации по существу только начинается (см. работы Е. М. Брызгуновой, Т. М. Николаевой и др.). Описывая типы интонационных структур, К. Болла делает ряд тонких наблюдений, предостерегая венгерского читателя от отождествления внешне сходных, но интонационно и функционально различных синтаксических единиц.

Сама интонация определяется автором так: «Под термином «интонация» мы понимаем совокупность фонетических средств, служащих для оформления синтагм и фраз» (§ 46). В этом определении нет указания на то, что интонация (как и ударение) является суперсегментным звуковым средством. Да и во всем фонетическом разделе мы не найдем упоминания о разграничении сегментных и суперсегментных единиц речевой цепи (ср. М. В. Панов, Русская фонетика, § 56 и след.), хотя в дальнейшем (см. стр. 160, 434—435) этим термины и сами понятия используются, как знакомые читателю по разделу *Фонетика.*

В изложении фонетической и, в особенности, фонологической теории в рецензируемой книге есть некоторые непоследовательности. Известно, что такие фонологические школы, как Пражская, Московская, Ленинградская существенно различаются между собой по взглядам, и читателю важно составить об этих различиях определенное представление (см. § 34, «Разные точки зрения на фонему»). Однако кажется, что изложение основ фонологической теории должно вестись все же с позиций какой-либо одной из этих школ (или с собственных, авторских позиций): в этом случае сохраняется логическая последовательность теоретических положений.

К. Болла излагает фонетико-фонологические понятия, опираясь в основном на принципы московской фонологической школы. Но иногда вдруг делается шаг в сторону ленинградцев, употребляется и соответствующая терминология.

Так, в основу определения фонемы (§ 26) положен функциональный принцип, которого придерживаются представители московской школы (в отличие от последователей Л. В. Щербы, применявших, при трактовке фонемы, акустико-артикуляционный подход). В соответствии с воззрениями этой школы описываются и такие важнейшие понятия,

как позиция, фонемный ряд гиперфонема, варианты и вариации фонем (§§ 28, 29, 32). Но в § 27 находим упоминание о звуковых типах (термин ленинградцев), хотя дальше автор справедливо пишет, что «при выделении фонем самой существенной является различительная функция, а звучание имеет второстепенную важность» (стр. 96). Говоря о стилях произношения (§ 9), автор опирается на введенное Л. В. Щербой разраничение двух стилей произношения — полного и разговорного. В связи с этим напомним, что за последнее время появился ряд новых исследований, в которых вопросы произносительной стилистики, рассматриваемые в рамках иных фонологических воззрений, подвергаются глубокому конкретному анализу на материале современной русской речи (ср. работы М. В. Панова).

В разделе есть очень важная для иностранцев, изучающих русский язык, часть, посвященная орфоэпии. Здесь автор указывает на источники нарушения произносительных норм русского языка, а затем описывает основные правила русского произношения. Возможно, что с композиционной и учебно-методической точек зрения удобней было бы вначале дать сводку правил, а потом перечислить источники их нарушения.

В этой части приводятся в фонетической транскрипции многочисленные примеры произношения различных слов. По-видимому, было бы полезно рядом с транскрипцией слов (хотя бы некоторых) писать их орфограмму — иначе нерусскому читателю трудно «узнать» слово: ср. [ж̄ок], [ў$\underline{\text{лц}}$а́], [вы́та́л’иы] *(сжег, у отца, в Италию)*.

Старомосковские произносительные нормы автор иногда рекомендует слишком категорично, не всегда учитываются новые, но уже широко распространившиеся варианты: ср. [жлры́], [шлга́т’], [бл^{ы}у́с’], [бли́шс’ъ], [булъчнъ^{ы}ъ] — наряду со старыми [жы^{э}ры́], [шы^{э}га́т’], [бл^{ы}у́с], [бли́шсъ], [булъшнъ^{ы}ъ].

В заключение следует сказать несколько слов о двух приложениях, которыми заканчивается книга (автор Ф. Папп). В первом описывается история изучения русского языка в России и Советском Союзе и за рубежом, говорится об основных периодических изданиях по русистике и учреждениях, занимающихся исследованием русского языка. Это описание, как замечает и сам автор, имеет фрагментарный характер и не ставит себе целью систематически обозреть работы по русистике.

Особый интерес вызывает раздел *Паралингвистические факты. Этикет и язык*, в котором сообщаются некоторые сведения о языковом поведении в русской среде, сведения, крайне необходимые иностранцу. В связи с этим представляется весьма существенным следующее замечание, высказанное в конце раздела: «. . . недостаточно знать правила грамматики при образовании, положим, форм *хочешь* и *хотите*, правила фонетики при произношении обеих форм. Как грамматическое оформление, так и произношение могут быть отличными — но к чему все это, если не знаешь, когда, при каких условлях применять ту или иную форму?»

Книга «Курс современного русского языка» написана с единых, последовательно выдержанных позиций, и в этом ее большая научно-методологическая ценность. Новаторский подход к освещению ряда грамматических проблем выдвигает ее в число подлинно современных лингвистических работ, а свобода и непринужденность, с которыми авторы излагают трудные для иностранного читателя вопросы русской грамматики, делают эту книгу незаурядной и с методической точки зрения.

Москва *Л. П. Крысин*

B. O. Unbegaun, **Selected Papers on Russian and Slavonic Philology.** Clarendon Press: Oxford University Press 1969, 341 p.

Издательство Оксфордского университета преподнесло замечательный подарок международной славистике, отмечая семидесятилетие профессора Б. О. Унбегауна изданием его избранных трудов по русской и славянской филологии. Как указано в предисловии к сборнику, его составители, Р. Оти и А. Э. Пеннингтон руководствовались при отборе материала желанием показать всю широту научных интересов и достижений юбиляра, а также собрать воедино работы, часть которых была опубликована в теперь уже мало доступных изданиях. Как принцип отбора, так и его осуществление следует признать вполне удачным.

В сборник вошли 26 работ, написанных за почти сорокалетний период от 1929 до 1965 гг. Этими работами далеко не исчерпано научное творчество Б. О. Унбегауна. Так, в русистике он известен как автор незаменимой монографии об именном склонении русского языка XVI в.,[1] образцового пособия по русскому стихосложению,[2] сжатого, но весьма информативного библиографического руководства по русскому языку[3] и обстоятельной грамматики современного русского языка.[4] Тем не менее настоящий сборник способствует в значительной мере раскрытию некоторых характерных черт его творческой индивидуальности.

Для удобства обзора, не претендующего, впрочем, на полноту, выделяем в сборнике несколько тематических кругов. (Деление имеет явно условный характер, так как намеченные тематические круги частично покрывают друг друга; с этим, очевидно, считались и составители сборника, располагая его материал в хронологической последовательности.)

К первой тематической группе можно отнести работы в основном традиционно-филологического характера. Автор не только выступает в них во всеоружии своей филологической эрудиции, но также обнаруживает импонирующую осведомленность в смежных (и даже не совсем смежных) областях знания. С образцовым применением исторической, филологической и собственно лингвистической аргументации разбирает он сложные генеалогические отношения между различными русскими (и не русскими) вариантами повествования о взятии Константинополя турками. (Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople, 1—26.) В тексте *Артаксерксова действа*, первой пьесы, представленной в придворном театре царя Алексея Михайловича в 1672 г., он находит попытки силлаботонического стихосложения, опередившие на более, чем полвека реформу стиха Тредияковского и Ломоносова. (Les débuts de la versification russe et la *Comédie d'Artaxerxès*, 154—164.) В небольшой статье о старом русском календаре (Remarques sur l'ancien calendrier russe, 121—127) приводятся данные, свидетельствующие о том, что в течение XVII в. наряду с традиционным европейским календарем еще широко использовался литургический календарь, в котором даты определялись при помощи «опорных» церковных праздников и постов. Статья об истории русской карточной терминологии (Cards and Card-Playing in Muscovite Russia, 255—261) является вместе с тем культурно-историческим очерком распространения карточной игры в ряде европейских стран. Не менее интересна заметка о «докладной записке» 1684 г., составленной по поводу одной археологической находки и подтверждающей распространенность еще к этому времени поверья, будто предками людей были *волоты*, т. е. великаны. (Les contemporains d'Avvakum en présence des fossiles, 233—236.)

[1] La langue russe au 16e siècle. Paris 1935.

[2] Russian Versification. Oxford 1956. Французское издание: Paris 1958.

[3] *B. O. Unbegaun* and *J. S. G. Simmons*, A Bibliographical Guide to the Russian Language. Oxford 1953.

[4] Grammaire de la langue russe. Lyon—Paris 1951. Английское издание: Oxford 1957.

Как бы промежуточным между филологической и собственно лексикологической тематикой являются исследования, в которых история отдельного слова или имени прослеживается с привлечением большого филологического или историографического аппарата. Сюда относится, например, статья о происхождении этнонима *Rutheni*, который, по мнению автора, восходит в конечном счете к имени галльского племени *Ruteni* и был перенесен на восточных славян (с последующим сужением его номинативной функции) по обычаю средневековых хронистов называть народы, новопришедшие на арену истории, известными этнонимами античного мира. (L'origine du nom des Ruthènes, 128—135.) Поучительно и занимательно изложена история широко распространенной русской собачьей клички *Полкан*. (Polkan, oder vom italienischen Halbhund zum russischen Kriegsschiff, 218—232.) Она восходит к фантастической фигуре получеловека-полупса *Pulicane* из итальянской поэмы *Buovo d'Antona* и распространилась в России вследствие большой популярности *Повести о Бове Королевиче*. Автор прослеживает метаморфозу полупса в полуконя и его последующее отождествление с кентаврами (которым он, по-видимому, был обязан классицизирующей склонности Ломоносова), его проникновение в фольклор и в почетный ряд легендарных героев, по именам которых назывались между прочими и военные суда царского флота («Полкан», «Аскольд», «Илья Муромец» и др.), и, наконец, его превращение — в качестве «опустившейся культурной ценности» — в собачью кличку. Отличное знание автора неславянских языков и литератур проявляется также в интересной статье о происхождении русского слова *мартышка*. (L'origine belge d'un nom russe du singe, 136—147.)

Большое место в сборнике занимает собственно историко-лексикологическая тематика. В наш век, когда лингвистическое мышление проникнуто пафосом системности языка и стремлением к выявлению универсальных закономерностей строения и функционирования естественных языков, кропотливое изучение судьбы отдельного слова может казаться мало перспективным занятием; некоторые исследователи прямо склонны отвести его на периферию лингвистики. Главную заслугу лексикологических очерков Б. О. Унбегауна мы усматриваем именно в его умении улавливать те, иногда скрытые системные связи, которыми в значительной степени определяется история того или иного слова. Блестящим примером такого структурного подхода может служить статья, в которой семантическая эволюция слова *порох* прослеживается на широком фоне его исторически менявшихся взаимоотношений со словами *зелье* (первое русское название пороха, семантическая калька с нем. *Kraut*), *прах*, *порошок* и *пыль* с учетом аналогичных процессов того же семантического поля в остальных славянских, германских и др. языках. (Les Slaves et la poudre à canon, 287—298.) Интересные результаты дает этот же подход при изучении слов румынского языка со значением 'снег'. (Les noms de la neige en roumain, 148—153.) Оказывается, что замена в части румынских говоров исконного романского названия снега как вещества (*nea*) славянскими названиями его нагромождения (*zăpadă*, *omăt*), не является изолированным фактом в румынском языке; ср. слова со значением 'песок': *arină*, *anină* < лат. *arēna* в одних говорах, *nisip*, *năsîp* < слав. *nasypь* — в других. В этой же связи хочется отметить статью, в которой автор на материале описания внешности заемщиков в т. н. кабальных книгах конца XVI в. делает ценные наблюдения над семантической системой цветовых обозначений в русском языке данного периода. (Les anciens Russes vus par eux-mêmes, 272—286.)

В иной связи нам уже приходилось указать на ценное в методологическом отношении умение проф. Унбегауна раскрывать экстралингвистические факторы языкового развития, не отказываясь при этом от признания автономного характера последнего.[5]

[5] См. *М. Петер*, Некоторые вопросы структурно-исторической грамматики. Annales Univ. Sci. Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio philologica 7 (1967) 98—99.

В его историко-лексикологических очерках это умение проявляется в искусном применении метода «Wörter und Sachen», как, например, в статье о первом русском названии компаса *матка* или *маточник (матошник)*, которое по мнению автора было метафорически перенесено с названия коробки старинного геодезического прибора, астролябии. (При этом само название было в свою очередь калькировано с лат. *mater*, арабск. *umm* 'мать'). Автор пришел к этому выводу во время посещения музея истории естественных наук в Оксфорде, где ему бросилось в глаза сходство коробки астролябии с аналогичной частью компасов, изготовленных в XVI—XVII вв.[6] (Le nom de la boussole en russe, 197—202.)

Лексикологический интерес Б. О. Унбегауна устремлен прежде всего на среднерусский период (XV—XVII вв.), на эпоху, сыгравшую решающую роль в формировании современного русского литературного языка, но, к сожалению, наименее удовлетворительно изученную в лексикологическом отношении. При этом особое внимание уделяется автором определенному типу языковых памятников этого периода, а именно словарям и словарным записям иностранцев, проживших более или менее длительное время в России.[7] Значение этого рода памятников Б. О. Унбегаун определяет в следующем: «Во-первых, внимание и любопытство иностранца были часто направлены на такие подробности повседневной жизни, которым обыкновенно нет места в текстах московского периода . . . Во-вторых, иностранец, особенно при недостаточном знании чужого языка, обыкновенно нечувствителен к разным запретам морального и социального характера, совершенно очевидным для туземца . . . Поэтому записи иностранцев — единственный письменный источник, где все названо, так сказать, своим именем.» (262—263.) Правильность такой оценки подтверждается весьма разнообразным лексическим материалом упомянутых источников, разработанным самим автором, и охватывающим названия разных мелких животных и насекомых, слов призыва и отгона животных, названия монет, термины карточной игры, различные арготические элементы и т. д. (The Language of Muscovite Russia in Oxford Vocabularies, 237—254; Наблюдения англичанина над русским языком конца XVI века, 262—271.) Словарь Марка Ридлея оказывается вместе с тем и наиболее ранним из известных нам лексикографических источников, фиксирующим местоимение *этот* (а также его парадигму), отражая тем самым его распространенность в московском просторечии конца XVI в. (Das Alter von russisch *etot*, 165—168.)

Значительное место в сборнике занимает проблематика становления и развития русского литературного языка. Б. О. Унбегаун является в настоящее время наиболее авторитетным и последовательным представителем того взгляда, согласно которому история русского литературного языка представляется в основном как сложный процесс руссификации церковнославянского языка. Хотя этот взгляд и восходит к известной концепции И. И. Срезневского и А. А. Шахматова, проф. Унбегауну удалось в некотором смысле «продвинуть» ее, уточнив и расширив аргументацию предшественников. В рамках настоящей рецензии нет возможности подробно изложить эту аргументацию а также те

[6] Имеется и другое объяснение этого термина: А. И. Попов усматривал в нем семантическое обогащение слова *матка* под влиянием карело-финского *matka* 'путь', 'направление' и при содействии народной этимологии. См. *А. И. Попов*, Из истории лексики языков Восточной Европы. Ленинград 1957, 60.

[7] Речь идет, в частности, о рукописном русско-английском словаре англичанина Марка Ридлея, проживавшего с 1594 до 1599 гг. в Москве в должности придворного врача. См. *J. S. G. Simmons* and *B. O. Unbegaun*, Slavonic Manuscript Vocabularies in the Bodleian Library. Oxford Slavonic Papers 2 (1951) 119—123. Другой известный памятник этого рода, русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—19) был издан Б. А. Лариным в 1959 г. в Ленинграде.

возражения, которые она вызывала прежде всего со стороны акад. В. В. Виноградова.[8] Позволяем себе ограничиться лишь двумя замечаниями общего характера. 1) Нам кажется, что споры об истории русского литературного языка остаются мало перспективными до тех пор, пока спорящие стороны не придут хотя бы к терминологическому согласию, т. е. пока не будет достигнуто единство в понимании как типологической, так и исторической стороны в содержании понятия «русский литературный язык».[9] Терминологическая ясность тем более желательна, что церковнославянский (книжно-славянский) язык с одной стороны, и государственно-административный (деловой, приказный) язык с другой, представляются нам вплоть до XVIII в. «не как две области с твердой границей, а как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых исторически расположились реальные факты.»[10] Между этими полюсами располагалась целая гамма промежуточных разновидностей письменного языка, обслуживавших всю функционально-жанровую пестроту письменности древне- и среднерусских периодов, и характеризовавшихся разнообразными сложными взаимоотношениями церковнославянских и исконно русских элементов своего состава. Поэтому любой попытке изучения литературного языка «как такового» данного периода, ограничивающейся в той или иной мере произвольным отбором материала, заранее угрожает односторонность ее возможных результатов. 2) Наше второе замечание касается положения Б. О. Унбезауна о том, что «в своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославяского словообразования.»[11] (Имеются в виду слова типа *здравоохранение*, *соцсоревнование*, *истребитель* и т. п.) Наличие массы таких слов в современном русском литературном языке — неоспоримый факт. Однако, вопрос об их статусе в лексической и словообразовательной системе русского языка нельзя считать решенным. Было бы весьма поучительно (и, кажется, не против духа исследовательского метода самого проф. Унбегауна) поставить этот вопрос на более широком фоне сопоставления с mutatis mutandis аналогичными явлениями французско-английских языковых отношений. Эти отношения характеризуются, как известно, весьма глубоким и продолжительным проникновением французских элементов в лексическую, словообразовательную и даже грамматическую систему английского языка. Можно ли на этом основании утверждать — перефразируя шуточные слова Б. О. Унбегауна, сказанные им на VI Международном съезде славистов в Праге —, что английский язык развивается «как нормальный французский ребенок»? Думается, что даже убедительно аргументированное опровержение этой аналогии могло бы приблизить нас к правильному пониманию специфики формирования и развития русского литературного языка.

Вернемся, однако, к сборнику, в котором эта тема представлена кроме суммарного изложения концепции автора (Le russe littéraire est-il d'origine russe? 299—311) в ряде

[8] Из новейшей литературы этой дискуссии см.: *Б. О. Унбегаун*, Язык русской литературы и проблемы его развития. VIe Congrès international des slavistes. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. Paris 1968. *Герта Хютль Ворт*, Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. American contributions to the Sixth International congress of Slavists. The Hague 1968. *В. В. Виноградов*, О новых исследованиях по истории русского литературного языка. Вопросы языкознания 1969, 2. См. его же посмертно опубликованную работу: Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. Вопросы языкознания 1969, 6.

[9] О типологических и исторических элементах в содержании понятия «литературный язык» см.: *Р. А. Будагов*, Литературные языки и языковые стили. Москва 1967, 13—18.

[10] Цитированные здесь слова Б. В. Томашевского были сказаны в совсем другом контексте (в связи с различиями стиховой и прозаической речи), но сама формулировка кажется нам вполне применимой к нашей мысли. См.: *Б. В. Томашевский*, Стих и язык. Москва—Ленинград 1959, 13.

[11] Б. О. *Унбегаун*, Язык русской литературы и проблемы его развития. 129.

конкретных исторических исследований о взаимоотношении и взаимодействии церковнославянских и исконно русских лексических элементов русского литературного языка. Большой интерес, в частности, представляют работы, прослеживающие проникновение церковнославянских элементов в исконно русскую юридическую терминологию. (Le «crime» et le «criminel» dans la terminologie juridique russe, 203—217; Russe et slavon dans la terminologie juridique, 176—184; Язык русского права, 312—318.) Как показывает автор, терминологическое закрепление таких слов как *закон, преступление, преступник* сопровождалось секуляризацией их значения. (Слово *закон* употреблялось в древнерусском языке в религиозном смысле как 'закон божий' или как синоним слова 'вера'; существительные *преступление, преступник* имели также первоначально религиозное значение: 'клятвопреступление', 'клятвопреступник') Распространение новых юридических терминов *преступление, преступник* привело к постепенному вытеснению соответствующих старых русских терминов *воровство* и *вор* с последующим сужением их значения. (Еще во второй половине XVI в. существительное *вор* употреблялось главным образом в значении 'государственный преступник'; автор указывает также на аналогичные семантические процессы в других славянских языках: см. чешск. *zloděj*, польск. *złodziej*. Сужение семантики существительных *вор* и *воровство* привело в свою очередь к установлению «синонимической конкуренции»[12] между ними и древними словами *тать* и *татьба*, которые впоследствии разделили своеобразную участь некоторых других вышедших из употребления (но этимологически общеславянских!) слов и вошли в фонд «славянизмов» литературного языка. (Ср., например, историю слов *очи, уста, чело.)* Сложные взаимоотношения церковнославянской и народно-русской стихий ярко выступают также в очерке семантической истории слов с производной основой *прохлад-*. (Vulgarisation d'un terme liturgique: russe прохлаждаться, 112—120.) Калькируя употребление древнегреческих *ἀναψύχειν, ἀναψυχή, ἀνάψυξις*, слова **прохладити**, **прохлаждение**, **прохлада** встречаются в старославянских текстах не только в своем первичном значении 'охладить', 'охлаждение', но также в переносных значениях 'дать отдых', 'успокоить', 'приободрить' и, соответственно, 'отдых', 'покой' и т. п. (Ср. аналогичное употребление лат. *refrigerare, refrigeratio, refrigerium* в христианских текстах.) По свидетельству «Домостроя» (XVI в.) в русский бытовой язык эти слова проникли именно в этих вторичных значениях, дальнейшая же семантическая эволюция слова *прохлада* привела к его употреблению в значениях 'удовольствие', 'наслаждение', 'потеха'; в этих значениях оно встречается и в литературных текстах XVIII в. в частности у Державина, Фонвизина и Хераскова.[13] (Подобное употребление слова подкреплялось по мнению автора и влиянием французского языка XVII—XVIII вв., в котором *se rafraîchir* имело еще значение 'отдыхать'', 'подкрепляться'.) В дальнейшем, однако, народно-разговорное употребление слова *прохлада* в значениях 'отдых', 'удовольствие', все более сокращается, и оно в конце концов превращается в семантический диалектизм. В современном литературном языке сохранено только употребление глагола *прохлаждаться* в значении 'проводить время в безделье, в удовольствиях' и выражение *с прохладцей (с прохладцем)* 'без усердия, не торопясь', 'равнодушно'. — Наконец, в тематический круг русско-церковнославянских лексических взаимоотношений входит и исследование о параллельных топонимах типа *Новгород~ Новоград (Волынский), Золотоноша ~ Златополь, Юрьев ~ Георгиевск* и т. д. (Les noms des villes russes: la mode slavonne, 58—68.) Здесь же упомянем о другой работе сборника, рассматривающей «греческую моду» наименования русских городов, характерную для второй половины XVIII в. (Les noms des villes russes: la mode grecque, 69—91.)

В заключение остановимся на двух работах, не причисляемых собственно к отме-

[12] См. *Ю. Д. Апресян*, Проблема синонима. Вопросы языкознания 1957, 6 : 84—85.

[13] Кроме приведенных автором цитат можно указать еще на тонкие замечания Г. А. Гуковского о семантике слова *прохлада* в элегии Жуковского «Вечер» (1806). См. *Г. А. Гуковский*, Пушкин и русские романтики. Москва 1965, 60.

ченным тематическим кругам сборника. Исследование о кальках в славянских литературных языках (La calque dans les langues slaves littéraires, 27—57) является не только значительным вкладом в сравнительное изучение лексики славянских языков, но оно могло бы иметь прямо основополагающее значение для ареально-типологической лексикологии языков Центральной Европы.[14] В этой работе, написанной в 1932 г., пожалуй, впервые проявилось тонкое умение Б. О. Унбегауна изучать языковые факты под таким углом зрения, который позволяет рассматривать структурные свойства языка и процессы его «внешней» истории как автономные, но вместе с тем взаимодействующие факторы. Не будем замалчивать при этом то подкупающее впечатление, которое на венгерского читателя производит незаурядная осведомленность автора, с которой он вводит и интерпретирует венгерский материал своего исследования. — Особняком стоит в сборнике работа о славянских арго, формировавшихся в концентрационных лагерях фашистской Германии. (Les argots slaves des camps de concentration, 92—110.) В бесподобных социо-лингвистических условиях лагерной жизни развивались собственно два типа арго: один для коммуникации между собой заключенных, принадлежащих к одной национальности, другой — для межнационального общения внутри лагеря. «Субстратом» для обоих типов (хотя не в одинаковой степени) служили официальная немецкая военно-тюремная терминология лагерной жизни, а также «профессиональное» арго ее хозяев-эсэсовцев. Основной словарный фонд этих двух разновидностей арго описан Б. О. Унбегауном в последовательности ознакомления заключенных с учреждениями, властями и режимом лагеря, начиная с лагерных ворот с их цинично-зловещими надписями, и кончая последней остановкой лагерного хождения по мукам — крематорием. Рецензент должен признаться, что при всей лигвистической ценности наблюдений над различиями словообразовательной структуры русских, чешских и польских элементов лагерных арго, наиболее сильное впечатление на него производит нелингвистический «подтекст» этой работы. Описание подробстей лагерной жизни потрясает не только достоверностью очевидца; в этой как будто внешне-номинативной характеристике самого чудовищного заведения нашего века отчетливо звучит протест представителя par excellence человеческой науки против бесчеловечия.

М. Петер

Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1 *(А—бибишка)*. Изд-во Ленинградского университета, 1967, 200 стр. + 1 карта.

В последнее время в Советском Союзе в результате оживленной диалектографической работы вышли в свет ценные диалектные словари: Краткий Ярославский областной словарь (Ярославль 1961 г.); Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики (Рига 1963 г.); Словарь русских говоров Среднего Урала, I. (Свердловск 1964 г.).

Эти словари принадлежат к типу непольных, дифференциальных словарей, в которых учтена только лексика современных русских диалектов. Псковский областной словарь (ПОС), являющийся плодом 15-летней работы, отличается от указанных выше

[14] Мысль о типологическом изучении языкового ареала Центральной Европы была впервые выдвинута в области фонологии почти одновременно с появлением данной работы Б. О. Унбегауна представителями Пражской лингвистической школы. См. *R. Jakobson*, Über die phonologischen Sprachbünde. Travaux du Cercle Linguistique de Prague 4 (1931). *V. Skalička*, Zur mitteleuropäischen Phonologie. Časopis pro moderní filologii 21 (1935) 2.

словарей двумя своими особенностями: он является полным диалектным словарем, содержащим и лексическое богатство памятников псковской старины. Сравнительная полнота и историзм словаря обеспечивают ему особое место среди региональных диалектных словарей русского языка.

ПОС представляет собой совместную работу коллективов двух учебных заведений: Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова и Псковского педагогического института им. С. М. Кирова. Сбор материалов для словаря проводился в течение 15 лет диалектологическими экспедициями, с работой которых сочеталась работа над более ранними публикациями псковских диалектных данных и письменными памятниками Пскова. В результате широкоразвернутой деятельности составителей и сотрудников накопилась богатая картотека, которая достигает 1 миллиона карточек. Работой руководили А. П. Евгеньева и Б. А. Ларин. Последний составил инструкции для ПОСа, определил характер издаваемого диалектного словаря. После смерти Б. А. Ларина сотрудники словарного кабинета продолжали работу под руководством А. И. Лебедевой и О. С. Мжельской, которые являются и редакторами первого выпуска ПОСа.

Материалы словаря распределены по алфавитному порядку, что несомненно придает изложению словарного материала определенный механический характер, который однако успешно преодолевается составителями словаря. Словарная статья состоит из двух частей: основной и иллюстративной. К ним присоединяется историческая часть, в которой приводятся случаи употребления данного слова из псковских памятников. В основной части словарной статьи дается «развернутое толкование» значения слова. В иллюстративной части имеется 6—7 примеров употребления данного слова. Много внимания уделяется составителями ПОСа детализации оттенков значения слова, причем привлекаются омонины, синонимы. В словарной статье учтены словообразовательные моменты, фразеологические особенности, стилистические пометы, географическое распространение, грамматические, фонетические особенности в упрощенной транскрипции слова. К ним присоединяется и перечисление письменных памятников, если слово ими засвидетельствовано.

Многостороннее освещение особенностей слова нивелирует опасность механического расположения слов в алфавитном порядке. Этот порядок дает возможность исследователям произвести группировку материала по любому принципу.

Как видно из подачи слов по словарным статьям, составители ПОСа исходили из системного характера диалектной лексики и старались показать связи далектного слова по различным ярусам системы. Исходя из принципа системности, составители словаря старались дать не только дифференциальный словарь, а словарь полного типа исторического характера. Это значит, что в нем выражен весь активный словарный запас псковских говоров, включая некнижную, профессиональную терминологию. Архаика, представленная пассивным запасом лексики, тоже отражена ПОСом. Приводимые исторические данные делают доступным изучение развития, путей становления, псковского диалектного словарного запаса. Из «полного характера» словаря вытекает, что в нем сообщены не только специально псковские диалектизмы, но и диалектизмы, общие для нескольких диалектов и общенародная лексика, представленная литературным языком. «Полнота» ПОСа, за которой стоят определенные трудности и затраты энергии со стороны составителей, делает возможным изучение сложных процессов взаимодействия общенародной, литературной и диалектной лексики, с одной стороны, и изучение междиалектных процессов — с другой. Конечно, это не значит, что каждый диалектный словарь должен быть «полным», ибо это повлекло бы за собой повторение одних и тех же материалов в различных словарях. Однако надо составлять и полные диалектные словари, несмотря на определенную опасность составления такого словаря. Большой заслугой редакторов и составителей ПОСа является то, что они смело подошли к трудностям задачи, диктуемым особенностями полного словаря.

Появление регионального словаря всегда можно считать важным событием диалектологии. Появление этого же словаря особенно важно еще и потому, что выходит словарь такого диалекта, лучше сказать такого комплекса диалектов, как псковские. Со стороны только описательной диалектологии псковские говоры представляют собой один из самых интересных комплексов русских диалектов. Современные псковские говоры являются средневеликорусскими говорами (возникшими на северновеликорусской основе) с переходом к белорусским говорам. Они составляют комплекс разнородных местных диалектов, среди которых иногда встречаются значительные расхождения, особенно в неударяемом вокализме (яканье различного типа, иканье). Наличие и распространение яканья, с одной стороны, постепенное изчезновение цоканья, сохранение мены **s**∼**š**, **z**∼**ž** вызваны сложными историческими условиями складывания комплекса псковских говоров. Расхождения и сближения, совершающиеся между ними, дают ценные материалы о влиянии близких друг к другу говоров. Интересно и географическое расположение псковских говоров. Они занимали пограничное положение с южновеликорусскими и белорусскими говорами. На них оказали влияние (из-за свойственного им географического положения) и прибалтийско-финские языки. Все это отражается в лексике псковских говоров. Таким образом изучение псковского диалектного запаса может освещать особенности межъязыковых интерференций. Язык, отражая историю говорившего на нем коллектива, дает ценные материалы историку, этнографу, археологу. ПОС каждому представителю названных выше наук дает ценные информации по интересующим их вопросам.

Уже первый выпуск содержит в себе очень интересные сведения о современных псковских говорах. Не стремясь к полноте, приведем некоторые данные ПОСа, на основании которых можем представить себе некоторые их особенности.

В первом предударном слоге встречается аканье:[1] *сайти* (Клин, Слан), *снапаў* (Тучи, Пушк), *балеть* (Просни, Себ). Что касается первого предударного слога после мягких согласных, тут мы можем обнаружить яканье, еканье и иканье: *апятиту нет* (Турово, Беж), *апититу* (Евановичи, Порх), *пабиждаит* (Большие Толбицы, Пск), *навярех* (Фатейсково, Беж), *одявай* (Смольки, Кун), *дяревья* (Каношино, Остр), *ляжат* (Петровск, Печ), *береза* (Черные Стайки, Нев), *атвечаю* (Усохи, Пуст). Что касается согласных, заслуживают внимания случаи цоканья: *вецерам* (Духново, Оп), *яецка* (Бобыли, Остр), *бабацками* (Каношино, Остр), *внуцки за пецьку* (Чудская Рудница, Гд), *кароцэ* (Пашково, Остр), *мужыцки* (Ореховцы, Гд). Можно отметить следы характерного для древнепсковских говоров совпадения согласных: *з — ж* и *с — ш: яны зъвазжилися, сафсшем пабиждаит хазжяина* (Большие Толбицы, Пск). Наряду с взрывным произношением *г* отмечается и фрикативное *ɣ: багун* (Кипино, Дей), *багуна* (Горка, Порх), *баɣану, ɣалава* (Просни, Себ), *каɣды* (Мелюхи, Нев). Иногда можно наблюдать колебание в произношении *г* и *ɣ* даже у одного и того же лица: *Па баɣану нахадила, галава балить* (Мисники, Нев). На месте *в* часто произносится *у, ў: ў хляве, ў байну* (Алё, Н-Сок), *у муке, у печку* (Аннинск, Себ).

Интересной чертой некоторых псковских говоров является появление гласного *а* перед двумя согласными в начале слова: *авторка, авторник, авчерашный, адвор, акремный, апрутье*. Подобное явление можно отметить в сочетании звуков, восходящем к прасл. **ĭът, гът:** *аллянща, альнян-, аляной; аржаной*. В этом же сочетании встречается и *и: иржы*.

Морфология тоже имеет заслуживающие внимания особенности, из которых приведем следующие:

Флексия *-е* в род. п. ед. ч. существительных ж. р.: *потом сыпишь муке* (Аннинск, Себ). В дат. и пред. пп. ед. ч. тех же существительных встречается флексия *-ы (-и): г бабы* (Клин, Слан; Нестерово, Пореч), *яны в вады* (Раскопель, Гд), *по трубы* (Марьинское,

[1] При наших примечаниях мы не будем учитывать тип аканья и яканья.

Ляд), *в ряки расту многъ бълаболък* (Ремда, Сер). Флексия род. п. мн. ч. существительных ж. р. на *-аф: у бабаф* (Дубари, Кр). Особенно широко представлена псковскими говорами флексия *-ам* в твор. п. мн. ч.: *з бабам, з дефкам* (Лужок, Гд), *бабуркам и клаткам яровой хлеп ставять* (Поляне, Пушк), *з двум днам* (Поддубница, Сл), *балабышкам завет* (Кулье, Печ), *Лен . . . бабачкам ставили* (Луневщица, Гд), *кучкам на вады* (Раскопель, Гд), *с рукавам* (Мещоки, Тор).

Из особенностей местоимений отмечаем формы: *етъ* (Ветвеник, Гд), *ети* (Ждани, Стр), *ета* (Самохвалово, Палк; Крутцы, Н-Рж; Подолешье, Гд; Кулье, Печ), *ён* (Большие Толбицы, Пск; Магиново, Остр; Усохи, Пуст), *ѐнта* (Дроздково, Оп), *яны в вады* (Раскопель, Гд).

В системе глагола заслуживают внимания разновидности личного окончания 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего и простого будущего времени:

1) Наличие *-т*, как в литературном языке и северновеликорусском наречии: *знаит* (Патрово, Пск), *бывает, гаварят, балится* (Ельна, Холм), *завут* (Отево, Кр).

2) Отсутствие личного окончания: *ахне* (Кочегоще, Стр), *жывё* (Шахницы, Пск), *буде* (Ровницы, Свр), *плыве, бегаё* (Подолешье, Гд), *завё* (Кулье, Печ).

3) *-ть* в личном окончании глаголов, как в южновеликорусском: *ставять* (Поляне, Пушк), *ядять* (Мелюхи, Нев), *выносять* (Тучи, Пушк), *навязуть, пиримесють, фкапливають* (Бобыли, Остр), *выпьеть, пають* (Подбережье, Локн).

Из синтаксических особенностей можно отметить употребление деепричастия в функции сказуемого: *он любя баб* (Стуколово, Печ), *бабы в их пъругафшы* (Елешно, Полн), *Шурин приехафшы* (Апалево, Гд), *Была баба залифшы* (Остров, Стр), *Калабушка ня пёкши* (Опоки, Локн), *Бабенка прося яво на поручки* (Ждани, Стр). Иногда встречается и новая звательная форма: *мам, знаши, што* (Шатуново, Сош).

Этими примерами, конечно, не исчерпывается огромное богатство интересных, проблематичных диалектных особенностей псковских говоров. Приведенные нами примеры свидетельствуют о большом разнообразии псковских говоров, что обусловлено факторами их истории.

Рассматривая и разбирая приметы псковских диалектов, мы сталкиваемся с вопросами истории. И это обстоятельство заставляет нас сказать несколько слов о древнепсковском говоре. Открытый А. И. Соболевским древнепсковский говор был одним из самых интересных древнерусских говоров. Некоторые его особенности, как например цоканье, мена *с* — *ш*, *з* — *ж*, *кл, гл* < **tl**, **dl**, *жг* < **žd**, *в* < **vl**, изменение **ě** > е, признаются специалистами действительно существовавшими диалектными приметами псковской речи. Другие же особенности древнепсковских источников, вызвали оживленную дискуссию между А. И. Соболевским, Н. Каринским, с одной стороны, и А. А. Шахматовым — с другой. Споры между ними до сих пор не получили окончательного решения. Это станет возможным когда будут привлечены новые данные из древнепсковских источников и современных говоров, существующих на территории бывшей Псковской земли. Как известно, А. И. Соболевский был того мнения, что древнепсковские говоры почти бесследно исчезли. Это мнение выдающегося историка русского языка не было полностью оправдано. Другой отличный знаток древнепсковского диалекта Н. Каринский обнаружил некоторые остатки этого говора в диалекте Мды, Онды, Ремды, Чудской Рудницы. Он же сопоставил особенности этих говоров с особенностями, отмеченными в псковских памятниках XVI—XVI вв. Благодаря исследованиям Н. Каринского в области смешанных говоров, сохранивших некоторые особенности древнепсковского говора, многие места древних рукописей стали понятными, однако Н. Каринский не продолжал исследования современных ему псковских говоров и не сличал их с псковскими памятниками. Только после второй мировой войны оживленная диалектологическая работа, продолжающая традиции Н. Каринского, делает более доступным изучение псковских говоров. Задача исторической диалектологии выя-

вить: сохранены ли некоторыми диалектами, хотя бы в прикрытом виде, реликты древнепсковского говора. В этой работе нужно было бы обратить особое внимание на изучение местностей, исследованных Н. Каринским: Мда, Онда, Ремда, Чудская Рудница. Может быть, что по истечении полувека скудные остатки древнепсковского диалекта были забыты, исчезли. Может быть, что кое-что из его особенностей сохранилось в этих местностях или в других. ПОС может оказать и в этом отношении огромную помощь исследователям псковской старины.

Общеизвестно, что в наши постепенно теряются особенности диалектов под влиянием литературного языка. Этот факт дает себя знать в постепенном исчезновении цоканья в псковских диалектах. Сбор исчезающих диалектизмов — большая заслуга сотрудников Кабинета Псковского областного словаря.

Под конец мы считаем целесообразным высказать несколько пожеланий:

1) Первый выпуск ПОСа вышел из печати в 1967 г. Имея в виду большой размер словаря, было бы желательно издание следующих выпусков в недалеком будущем.

2) Псковские говоры известны по диалектологическим учебникам и отдельным статьям. Несмотря на это, желательно было бы дать краткий очерк современных псковских говоров для более детальной информации о них. Это не было сделано в первом выпуске и поэтому вряд ли будет возможным в следующих, однако в последнем выпуске целесообразным было бы составление подобного очерка.

3) В ПОСе имеются 3 карты распространения некоторых слов в различном значении в современных псковских говорах. Желательно было бы увеличить количество таких карт. Если это возможно, стоило бы дать карту определенных фонетических и морфологических примет псковских диалектизмов (цоканье, смешение *с — ш, з — ж*, падежный синкретизм, формы местоимений, личные окончания глаголов).

4) В ПОСе дается лексика специальных псковских предметов обихода, одежды, утвари, обуви. Целесообразно было бы дать изображение этих предметов.

5) В приложении можно было бы привести библиографию псковской диалектологической литературы.

Осуществление высказанных выше пожеланий облегчило бы пользование словарем.

Псковский областной словарь благодаря своей многосторонности и историзму представляет собой большой вклад в изучение псковских говоров. Одновременно свидетельствует о высоком подъеме и хорошо обоснованной теории и практике советской лексикографии.

И. Х. Том

Hieronymus Megiser, **Slovenisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch.** Neugestaltung und Faksimile der ersten Ausgabe aus dem Jahre 1592. Bearbeitet von Annelies Lägreid. (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, VII) Otto Harrassowitz, Wiesbaden 1967, XII + 388 S.

Die wortgeschichtliche und etymologische Erforschung des Slowenischen kann mangels geeigneter lexikalischer Hilfsmittel nur langsam fortschreiten. Pleteršniks reichhaltiges und für seine Zeit mustergültig bearbeitetes Wörterbuch enthält nur spärliche historische Dokumentation, so daß der ganze Wortschatz des 16—18. Jahrhunderts eigentlich noch nicht erschlossen ist. Um so wertvoller ist die Neuausgabe und Neubearbeitung des Wörterbuchs von H. Megiser, die uns einen beträchtlichen Teil des Wortschatzes des 16. Jh.s leicht zugänglich macht. Es war ein glücklicher Gedanke, den slowenischen Wortschatz, der in Megisers Dictionarium quatuor linguarum an vierter Stelle steht, hervorzuheben, nach slowenischen Stichwörtern anzuordnen und die einzelnen Wortartikel nach praktischen Gesichtspunkten zu bearbeiten. Das Stichwort wird

in der heutigen normalisierten Form gegeben. Veraltete oder Dialektformen wurden als Verweisstichwörter beibehalten. Die Verweise sind allerdings nur dann aufgenommen, wenn die betreffenden Formen im Wörterbuch sehr weit voneinander zu stehen kommen. So sind *prez, risnica, šula* mit gutem Recht als Verweise auf *brez* bzw. *resnica* und *šola* aufgenommen, aber *šlojer* z. B. würde man umsonst suchen, denn die Form *šlajer* steht ja ohnehin in derselben Spalte.

In jedem Wortartikel werden Megisers deutsches Stichwort und die lateinische Bedeutung angeführt, außerdem wird auch die entsprechende moderne deutsche Erklärung hinzugefügt. Verweise auf andere Wörterbücher und sonstige Quellen erleichtern die weitere Forschung.

Die beiden sicheren Quellen für Megisers Wörterbuch, nämlich Dalmatins Wörterverzeichnis zur Bibelübersetzung (1584) und der Wortschatz von Bohoričs Grammatik »Arcticae horulae« (1584) sind im Anhang abgedruckt, und zwar Dalmatins Wörterverzeichnis (auch ohnehin alphabetisch geordnet) in der ursprünglichen Form, Bohoričs Wortschatz aus der Grammatik — mit Beibehaltung der alten Rechtschreibung — alphabetisch neugeordnet. Das Faksimile der Erstausgabe aus d. J. 1592 ergänzt das sehr sorgfältig, sowohl wissenschaftlich als auch technisch einwandfrei ausgestaltete Buch.

Es braucht wohl nicht erst betont zu werden, wie sehr Megisers Dictionarium als wortgeschichtliche Quelle bei den etymologischen und wortgeographischen Forschungen ins Gewicht fällt. Solange das historische Wörterbuch des Slowenischen fehlt, wird man stets Megisers Wörterbuch als erstes Hilfsmittel zu Rate ziehen. Das Vorhandensein eines Wortes bei Megiser ist nun die feste Grundlage, auf die man sich stützen kann. Das Übrige muß man sich noch immer aus den Textquellen erarbeiten, das in Einzelfällen ein sehr zeitraubendes und nicht immer fruchtbringendes Unterfangen sein kann. Darum ist es zu bedauern, daß die sonst so nützliche einleitende Studie der Herausgeberin gerade in dieser Hinsicht etwas zu kurz ausgefallen ist. Bei aller Gründlichkeit der Bearbeitung von Megisers Quellen, Orthographie, Sprache und Lehnwörtern, fehlt eben die eingehendere Charakteristik des genuin slowenischen Wortschatzes, die m. E. nur aufgrund des Vergleichs mit Trubars und Dalmatins Sprachgebrauch hätte erfolgen können. Das könnte aber auch in einer besonderen Studie nachgeholt werden. Alles in allem haben die Herausgeber der Reihe »Monumenta linguae Slauicae . . .« mit der Aufnahme dieser Veröffentlichung in ihr Programm den Forschern der slowenischen Sprachgeschichte einen sehr nützlichen Dienst erwiesen.

L. Hadrovics

Anzeiger für slavische Philologie, Bd. I: 1966; Bd. II: 1967; Bd. III: 1969. Hg. von Rudolf Aitzetmüller und Linda Sandik (vom 3. Band ab auch von Stanislaus Hafner).

Die Gründung einer neuen slawistischen Zeitschrift verdient volle Aufmerksamkeit. Sie zeugt nicht nur von der mächtigen Entfaltung der deutschsprachigen Slawistik in der Nachkriegszeit, sondern auch von einem neuen kritischen Geist, der sich in allen Arbeiten der Herausgeber und so auch in der vorliegenden Bänden bekundet. Der »Anzeiger« erscheint — wie die Verlagsnotiz informiert — »nicht-periodisch mit einem Umfang von etwa 12 Bogen je Band«. Die Betonung des nicht-periodischen Charakters wird wohl nur bedeuten, daß man statt der strengen mit einer freier gedeuteten Periodizität, etwa je ein Band im Jahr, doch rechnen darf. Sonst könnte sich ja die neue Zeitschrift in den Rhythmus des wissenschaftlichen Lebens schwerlich einfügen.

Da die Herausgeber es unterlassen haben, mit einem Vorwort den Leser über ihr Vorhaben eingehender zu informieren, so kann man erst aus dem Inhalt der ersten drei

Bände ein Bild vom Ziel und Charakter der neuen Zeitschrift gewinnen. Der Inhalt der einzelnen Bände gliedert sich in drei Teile: I. Artikel; II. Materialien, Diskussionsbeiträge; III. Berichte, Rezensionen, Anzeigen. Es muß gleich festgestellt werden, daß der »Anzeiger« keineswegs etwa die Gesamtproduktion der Slawistik von Zeit zu Zeit referieren will, sondern eher zu ausgewählten neuen Veröffentlichungen sowie zu den bedeutendsten Problemen der heutigen Slawistik Stellung nimmt.

Was dem »Anzeiger« ein besonderes Profil verleiht, sind eigentlich zwei Grundgedanken, die sich auch in der ganzen wissenschaftlichen und Lehrtätigkeit der Herausgeber bekunden. Der eine offenbart sich in dem Bestreben, die Kulturwerte der kirchenslawischen Literatur neu zu entdecken. Das Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten, die großangelegte Šestodnev-Ausgabe, die Reihe »Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris« zeugen von einer Renaissance der kirchenslawischen Studien in der deutschsprachigen Slawistik. Und dieses Ziel wird auch im »Anzeiger« systematisch weiter verfolgt.

Der andere Grundgedanke gilt — nach meiner Beurteilung — der Durchsetzung einer Generalrevision der morphologischen Probleme des Slawischen. Man ist Zeuge eines zähen Bestrebens nach allmählicher Ablösung der althergebrachten formalistischen Auffassung durch die funktionale Betrachtungsweise. Deklinations- und Konjugationsformen werden nicht aufs Geratewohl mit willkürlichen Konstruktionen erklärt, sondern durch Aufdeckung der funktionalen Zusammenhänge in ein festes System eingebaut. In beiden Richtungen haben die Begründer des »Anzeiger« bereits vor der Gründung der Zeitschrift bedeutende Ergebnisse erzielt und das Interesse für diese Studien in einem weiteren Schülerkreis zu wecken vermocht. Aus diesem Schülerkreis rekrutiert sich auch der Stab der Mitarbeiter, zu denen sich gelegentlich auch slawische Lektoren der deutschen Universitäten sowie Kollegen aus Moskau, Krakau, Prag, Sofia, Budapest und sogar aus Amerika gesellen. Somit tritt nicht nur der internationale Charakter des »Anzeiger« klar hervor, sondern auch seinem Inhalt ist die gesunde Vielfalt gesichert.

Was die einzelnen Beiträge betrifft, muß betont werden, daß die bedeutendsten Gedanken nicht immer in den »Artikeln«, sondern manchmal eben in den Rezensionen niedergelegt sind. So ist m. E. besonders hervorzuheben die eingehende Kritik, die R. Aitzetmüller dem 3. Band der Grammaire comparée von A. Vaillant gewidmet hat (Bd. 2, SS. 145—163), wo die funktionale Betrachtungsweise des Rezensenten gegenüber der formalistischen Deutung des Altmeisters der vergleichenden Grammatik einen großen Fortschritt bedeutet. Von den einzelnen grammatischen Problemen seien hier nur die folgenden hervorgehoben: Entwicklung der Nasalvokale im Polnischen (E. Weiher in Bd. 2); Contraction des voyelles dans les langues slaves (W. Mańczak in Bd. 1); Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen (Verf. H. Schelesniker, rezensiert von L. Sadnik in Bd. 1, Entgegnung des Verfassers in Bd. 2); Développement de la déclinaison des noms propres en polonais (W. Mańczak in Bd. 2); Richtungsdativ, Richtungslokativ und andere syntaktische Probleme des Altrussischen (R. Aitzetmüller in Bd. 2); Der Ersatz von Aorist und Imperfekt durch die *l*-Periphrase (L. Sadnik in Bd. 1); Das Perfekt in den Csergeder Texten und das Fehlen der Kopula im Bulgarischen (Chr. Vasilev in Bd. 3); Die aktiven Präsenspartizipia perfektiver Verben im Altkirchenslavischen (Kl. Trost in Bd. 1 und 2); Adverbialpartizipia auf -'*a*- von perfektiven Verben im Russischen (Kl. Trost in Bd. 3). Die Diskussionsbeiträge und Rezensionen zeugen von Gründlichkeit und nüchterner Kritik. Besondere Beachtung verdienen in dieser Hinsicht die Beiträge der jüngeren Mitarbeiter W. Budich, Kl. Trost, E. Weiher.

Die neue Zeitschrift mit ihrem frischen kritischen Geist ist ein großer Gewinn für die ganze Slawistik. Man kann ihr nur weiteres Gedeihen wünschen.

L. Hadrovics

Eckhard Weiher, **Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung** (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, VIII) Otto Harrassowitz, Wiesbaden 1969. XLVIII + 312 S. + 12 Tafeln.

Dialektik werden zusammenfassend die philosophischen Kapitel des philosophisch-theologischen Hauptwerkes, der *Πηγὴ γνώσεως*, des Johannes von Damaskus genannt. Die älteste slawische Übersetzung der »Quelle der Erkenntnis«, die vom bulgarischen Exarchen Johannes (9—10. Jh.) stammt, umfaßt nur 48 theologische Kapitel. Eine vollständige südslawische Übersetzung der »Quelle« wurde erst im 14. Jh. angefertigt.

Die vorliegende Ausgabe umfaßt einen Teil dieser Übersetzung, nämlich die philosophischen Kapitel, zusammenfassend auch Dialektik genannt. Die Auswahl wird hauptsächlich dadurch gerechtfertigt, daß diese Kapitel ein organisches Ganzes bilden, und als erstes philosophisches Buch in slawischer Sprache für die Geschichte der philosophischen Terminologie von grundlegender Bedeutung sind.

Die große Anzahl der Abschriften zeugt davon, daß die Dialektik als einführendes und grundlegendes Werk allgemein verbreitet war. Zur vorliegenden Ausgabe wurden fünf Abschriften für den kritischen Apparat verwertet. Eine sechste konnte erst im Nachtrag mit der Anführung der wichtigsten Abweichungen berücksichtigt werden. Da alle erhaltenen Manuskripte Abschriften sind, bleibt die Frage der ursprünglichen Sprache der Übersetzung nach wie vor ungelöst. Die Übersetzung ist allerdings auf südslawischem Boden um die Mitte des 14. Jh.s verfertigt worden, aber ob die ursprüngliche Fassung bulgarisch oder serbisch gewesen sein mag, kann nicht mehr mit Sicherheit entschieden werden.

Der slawische Text selbst ist in mehr als einer Hinsicht interessant. Aufmerksamkeit verdient vor allem die Übersetzungstechnik des anonymen slawischen Literaten. Er wird augenscheinlich vom Bestreben geleitet, das griechische Original mit der größtmöglichen Genauigkeit wiederzugeben. Daraus stammen unzählige wörtliche Übersetzungen, die ohne den griechischen Text kaum zu verstehen wären. Es ist jedoch nur am Anfang so. Je mehr man nämlich in den Gedankengang der Dialektik eindringt, und je öfter die Fachausdrücke vorkommen, um so vertrauter werden sie. Am Ende klingt etwa *ot-nichь-imenьnь* als Übersetzung von *παρώνυμος*, wenn auch nicht ganz natürlich, so wenigstens erträglich. So mag es auch dem mittelalterlichen Kleriker vorgekommen sein.

Andererseits ist es geradezu überraschend, mit wie wenig griechischen Lehnwörtern der Übersetzer auskommt. Abgesehen von allgemein gebräuchlichen kirchlichen Gräzismen, wie *angelь*, *apostolь*, *ikona*, *jeresь*, *prezviterь* usw., gibt es nur einige Bezeichnungen für Fachwissenschaften, wie etwa *gramatikija*, *musikija*, *filosofija*, aber für letzteres kann auch *ljubomudrije* stehen. Hierher gehören auch einige Benennungen aus der Astronomie. Unter Wörtern des Alltags sind nur *adamanьtь* 'Diamant', *finikь* 'Palme', *pifikь* 'Affe' zu verzeichnen. Sonstige Wörter, die von Interesse sein könnten, sind *ludъ* 'dumm' (Serbismus !), *črьtogъ* 'Gemach', *korьda* 'Schwert', *sablja* 'dass.'.

Der ganze Wortschatz der Übersetzung ist jedoch hauptsächlich wegen der philosophischen Fachterminologie von Interesse. Da die Dialektik zum eisernen Bestand der theologischen und philosophischen Bildung gehörte, so ist auch die ganze wissenschaftliche Terminologie, die ihre erste Ausgestaltung darin erfahren hatte, als organischer Bestandteil der höheren Bildung fixiert worden. Es wäre nun eine äußerst interessante Aufgabe, historisch zu verfolgen, wieweit Elemente dieser mittelalterlichen Terminologie in die moderne russische Philosophie eingingen. Die allmähliche Verweltlichung und Verwestlichung der russischen Kultur seit dem 18. Jahrhundert bedeutete auch den Ausbau

einer modernen philosophischen Terminologie. Sie zeigt jedoch auch uralte Fachausdrücke, die unmittelbar auf die kirchenslawische Dialektik-Übersetzung, und letzten Endes auf die aristotelische Philosophie zurückgehen. So sind etwa вид 'species' und родъ 'genus', entsprechend dem griechischen εἶδος bzw. γένος bereits in der Dialektik-Übersetzung als immer wiederkehrende Fachausdrücke vorhanden.

Der Ausgabe ist auch eine deutsche Übersetzung beigefügt, die »zum Verständnis des Inhalts des slawischen Textes beitragen« soll. Diese Übersetzung ist jedoch keine wörtliche. Sie verrät keine so formale Abhängigkeit von dem slawischen Text wie letzterer vom griechischen. Es werden keine gekünstelten Konstruktionen dem Slawischen nachgebildet, sondern die gebräuchlichen philosophischen Fachausdrücke, meistens schon Errungenschaften der Scholastik, verwendet. Ein volltändiger slawisch—griechischer Wortindex erleichtert das Studium des Wortschatzes. Damit in Zusammenhang hätte ich bloß eine Bemerkung. Der Text selbst bietet an zwei Stellen (89a1 und b6) die Lesung *mladicь* (einmal Dat. *mladicu*, das andere Mal Akk. *na mladica*), der Index bringt statt dessen die Form *mladenьcь*. Meines Erachtens dürfte *mladicь* die unvolkommene schriftliche Wiedergabe von serb. *mladić* sein, entsprechend dem bulg. *mladišть* 'infans' (Miklosich, Lex. palaeosl.).

Ein griechischer Wortindex und 13 Faksimiles aus verschiedenen Handschriften runden die sehr sorgfältig ausgestattete, allen Anforderungen Rechnung tragende Ausgabe ab.

L. Hadrovics

Iglói Endre, **A régi orosz irodalom története.** XI—XVII. sz. Tankönyvkiadó, Budapest 1968, 248 p.

Le manuel universitaire de l'ancienne littérature russe d'Endre Iglói publié en 1968 est considéré comme un succès remarquable et un enrichissement des études russes en Hongrie. Le mérite du livre est avant tout d'aider dans une grande mesure les étudiants en russe à élargir leur conception littéraire concernant une époque — chez nous à peine connue et malheureusement sous-estimée — de la littérature russe, celle du Moyen-Âge Russe.

En Union Soviétique se multiplient les monographies, manuels, études, qui se donnent pour tâche la recherche analytique des sept premiers siècles de la littérature russe — objet également d'une série de publications, «Труды отдела древней русской литературы» (Les manuels universitaires et études de N. Gudzij, A. Orlov, les monographies et les études de V. Adrianova-Peretc, D. Lihačov, Ja. Lur'je, A. Robinson et d'autres.) En même temps de nombreuses études soumettent à l'examen la survie des traditions de l'ancienne littérature russe dans la littérature des siècles ultérieurs. P. e. P. Berkov démontre dans une de ses études, quelle importance avait la connaissance des livres slaves ecclésiastiques, ainsi que celle du latin, dans la formation du style poétique de Lomonosov, — fait qui lui assure une place originale au sein du classicisme russe, ou bien p. e. D. Lihačov dans sa monographie écrite sur la poétique de l'ancienne littérature russe étudie les traces particulières au temps caractérisant les annales dans les romans de Dostojevskij et les satires de Saltikov-Ščedrin. Les historiens d'art — les russes comme ceux d'Europe Occidentale — ont depuis longtemps découvert l'art d'A. Rublev et les beautés de la peinture d'icone en général, les monuments de l'architecture russe médiévale, et ajourd'hui nous pouvons déja parler de l'intérêt général d'un public averti, désireux

d'en savoir davantage. Historiens d'art et historiens de littérature attirent également l'attention sur la symbiose particulière de la peinture et de la littérature dans le Moyen-Âge russe. Il est à regretter, en même temps, que l'intérêt porté à l'ancienne littérature russe se limite dans notre pays à une couche bien étroite de spécialistes. L'ignorance du slave ecclésiastique y joue peut-être un rôle, bien que la connaissance de cette langue soit indispensable aux recherches entreprises dans le domaine de l'histoire des peuples slaves voisins et de la littérature roumaine parce qu'elle était la langue littéraire commune à ces peuples et avait un rôle identique à celui du latin dans la littérature médiévale de l'Europe catholique.

Le manuel d'Endre Iglói tout en poursuivant des buts pédagogiques pourra présenter un intérêt pour les spécialistes des études russes.

Le livre suit dans sa structure les principes de divisions chronologiques du manuel universitaire écrit par N. Gudzij.

La division du livre est la suivante:

I. période: Littérature de la Russie de Kiev — du Xe s. — jusqu' au 2e quart du XIIIe s. (p. 13—84).

II. période: La littérature du morcellement féodal — du 2e quart du XIIIe s. jusqu'à la fin du XIVe s. (p. 85—116).

III. période: Époque de l'unification des principautés du Nord-Est, XIVe s.— XVe s. (p. 117—143).

IV. période: Époque moscovite — XVIe s. — XVIIe s.

L'auteur subdivise la littérature de la Moscovie en deux parties et il étudie à part la littérature du XVIe s. (p. 145—175) et celle du XVIIe s. (p. 172—240). Le manuel est complété par des notes de bibliographie critique et analytique (p. 241—246) et des illustrations.

Le partage en deux de la 4e période est motivé, car bien que le Moyen-Âge russe proprement dit finisse avec le XVIe s., le XVIIe s. reste encore une période de transition dans la littérature aussi et malgré les traits nouveaux qui y paraissent, il conserve encore les genres et les éléments stylistiques de la littérature médiévale.

E. Iglói introduit chaque période par un tableau d'ensemble de la situation historique- procédé exigé et motivé par la structure de notre enseignement, puisque — suivant la réforme universitaire — les étudiants en russe n'ont pas un cours spécial consacré à l'histoire de l'Union Soviétique, et pourtant les connaissances historiques sont une condition indispensable pour comprendre l'ancienne littérature russe. À côté des introductions historiques, pour l'étude de chaque période l'auteur consacre un chapitre à la présentation des oeuvres importantes de la littérature traduite. Ainsi en plus de la naissance des oeuvres originales nous pouvons observer, quelles sources et quels ouvrages littéraires étrangers (avant tout, bien sûr, byzantins et bulgares) ont intéressé les lecteurs médiévaux, dans quelle mesure les écrivains russes ont-ils été influencés par le sujet et le style des oeuvres particulières. Dans tous les cas l'auteur attire l'attention sur les arts, avant tout sur l'architecture et la peinture de l'époque. Cette présentation complexe de l'histoire des lettres est un des grands mérites de l'auteur de ce livre, parce qu'il donne par là une vue en coupe de la vie littéraire pendant le Moyen-Âge russe.

Les grandes qualités de l'auteur, les résultats de ses recherches sont représentés dans les parties du livre où l'auteur étudie les relations hongroises apparues ci et là dans la littérature russe ou bien là, où il met en relief les voyages des écrivains russes de l'époque, faits en Hongrie et il nous décrit quelles ont été leurs impressions, leurs expériences de ce pays-quelle est l'image des expériences reflétées dans l'oeuvre, (p. e. Fedor Kuricin, Ivan Peresvetov). Il analyse les traductions et les interprétaions hongroises de l'une des plus belles oeuvres — qui est à la fois la plus discutée — celle de «La Chanson d'Igor».

Parmi les légendes du «Paterikon de Kiev» il met en relief et étudie d'une manière détaillée une des légendes ayant une haute tenue littéraire du patericon, l'histoire du «Moïse Hongrois». Cette analyse est d'autant plus justifiée que les relations hongroises de la littérature russe médiévale sont très peu soumises à la recherche au point de vue littéraire.

À cette matière riche du manuel — bien ordonnée et bien raisonnée au point de vue pédagogique — nous voudrions ajouter quelques remarques. L'auteur — probablement à cause de la contradiction entre sa matière volumineuse et de la place limitée — est resté avant tout dans le domaine de l'histoire de l'origine des oeuvres et de leur description. Nous avons relevé dans le manuel le manque d'une présentation, sous ses divers aspects, de certaines oeuvres, importantes du point de vue littéraire dont l'auteur a donné l'exemple dans l'analyse de «La Chanson d'Igor». À ce propos je voudrais mentionner quelques exemples. Dans la Chronique Primitive nous pouvons lire beaucoup de légendes, de récits qui racontent non pas des faits, des évènements historiques, mais ont une importance purement littéraire. Le lecteur intéressé trouve ces récits dans la chrestomathie à l'usage des étudiants rédigée également par E. Iglói; leur lecture ne présente pas de difficultés aux lecteurs versés dans le russe parce que l'auteur présente chacun traduit en russe moderne. Pour cette raison leur présentation dans le manuel nous semble avoir certaines longueurs. Leur analyse paraît être pourtant nécessaire parce qu'il développe le sens critique des étudiants, nécessité évidente surtout dans la formation des étudiants ayant comme spécialités deux langues étrangères. Je cite en exemple le récit contenu dans les annales sur l'auveuglement de Vasilko Terebovlskij, qu'Iglói analyse du point de vue du contenu, récit, dont l'allure pathétique, les tours stylistiques, les passages visant à un effet dramatique plus itense éveillent à juste titre la curiosité des hommes de lettres. Il est à regretter qu'Iglói n'ait pas fait usage de sa brillante analyse de la légende du «Moïse Hongrois» publiée il y a quelques années dans le «Filológiai Közlöny», et l'explique plutôt du point de vue du contenu. Nous pouvons affirmer la même chose à propos de la littérature du XVIIe siècle (excepté la pièce intitulée «Le récit du Triste Malheur»), et cette lacune est surtout évidente dans la présentation d'un personnage aussi intéréssant de la littérature russe que le grand-prêtre Avvakum. Au cours de la présentation de la littérature orthodoxe l'auteur s'occupe beaucoup plus des péripéties que le grand-prêtre entêté traverse dans la société que de la nouveauté que présente sa Biographie et de l'analyse concrète de son style. Le style exubérant du grand-prêtre passionné a enchanté des écrivains non moins grands que Turgenev et Gorkij. Plusieurs détails de la Biographie contredisent la tendance générale de l'oeuvre et l'intention de l'auteur (P. e. le réquisitoire d'Avvakum contre Dieu). Quand les évènements et les héros commencent leur vie à eux et deviennent indépendants de l'intention de l'auteur alors il ne s'agit plus seulement de la persécution des raskolniks, mais il est question d'une oeuvre littéraire au sens actuel du mot. Dans l'analyse de la littérature du XVIIe siècle il nous semblait trop peu ce que l'auteur dit concernant la littérature et l'art baroques de cette époque. A propos du baroque russe il y avait — et il y a jusqu'à nos jours — des discussions passionnées parmi les historiens de la littérature. On a longtemps nié son influence sur l'art russe, quoique ce fût la première tendance artistique qui ait exercé un effet sur la littérature russe.

Les lacunes mentionnées ne diminuent pas les mérites et l'importance du livre qui ouvre une nouvelle voie dans la formation des spécialistes hongrois du russe. E. Iglói s'efforce de donner de ce domaine inconnu une image aussi complète et aussi riche que possible et à ce fin il y expose des matières d'une trés grande abondance.

Marie Tétényi-Halász

За современное обучение русскому языку. (Материалы I Общегосударственной Конференции по преподаванию русского языка в Венгрии). Будапешт 1968, 308 стр.

Le Ier Congrès National de l'Enseignement du Russe a eu lieu à Budapest du 23— au 25 août. Plus de 300 professeurs de langue russe, et parmi eux plusieurs spécialistes étrangers, renommés ont participé à ses travaux.

Conscients de l'importance de la conférence du point de vue de méthodologie et de politique culturelle, le Ministère de l'Éducation et la Maison d'Édition Classique ont rendu possible de faire parvenir aux personnes désireuses de s'en informer les communications et les interventions entendues à la conférence sous une forme plus durable, sous forme de volume. Et puisque cette matière pourrait intérésser non seulement les spécialistes hongrois mais aussi ceux étrangers, le comité de rédaction a résolu de la publier en russe, — langue commune à tous les spécialistes de cette branche.

La structure du livre — présenté avec goût — est la suivante: après l'introduction des rédacteurs, de I. Banó, R. Suara, Anna Tálasi et du Vice-Ministre J. Lugossy se succèdent les communications faites à la réunion plénière: R. Suara: Histoire de l'enseignement du russe en Hongrie (p. 10—30), V. G. Kostomarov: Travail de recherche au Centre Scientifique de Méthodologie du Russe à l'Université de Moscou (p. 30—38), I. Banó: La relation de l'oral et de l'écrit dans l'enseignement des langues étrangères et les problèmes de la traduction (p. 39—48), Fr. Malíř: Principe morphologique dans l'enseignement du système paradigmatique russe (p. 49—56), I. Kosaras: Les problèmes du monoglottisme dans l'enseignement du russe (p. 57—67), I. Balogh: Le rôle et l'importance de l'intonation russe et les méthodes de son enseignement dans les écoles hongroises (p. 68—93), Anna Tálasi: L'emploi des instruments techniques audio-visuels dans l'enseignement du russe en Hongrie (p. 94—99), F. Papp: La linguistique appliquée et l'enseignement du russe (p. 100—109), Gy. Ferenczi: Le principe de la contrastivité dans l'enseignement du russe — aux personnes dont la langue maternelle est le hongrois (p. 110—117), B. Bertolt: Principes et résultats de recherche dans la méthodologie de l'enseignement du russe et leur relation avec les études de russe (p. 117—134), D. J. Fursenko: Enseignement moderne et pratique du russe en tant que langue étrangère (p. 134—144). La deuxième partie est composée de la matière des quatre séances de section: 1. L'enseignement du russe dans les écoles primaires supérieures et dans celles de l'enseignement secondaire (p. 145—176); 2. La formation des professeurs de russe (p. 177—216); 3. L'enseignement du russe dans les institutions supérieures non spécialisées dans l'enseignement des langues (p. 217—266); 4. Enseignement du russe pour adultes (p. 267—300). A la fin du livre se trouve la postface de E. Baleczky, titulaire de la Chaire de Philologie Russe à l'Université de Budapest.

Comme cela ressort des titres énumérés, la matière publiée est important à plusieurs points de vue. Elle confient des données importantes concernant l'histoire de l'enseignement du russe en Hongrie (cf. la communication de R. Suara), les formes d'organisation de notre enseignement du russe (cf. matière des séances de section). Mais il importe peut-être davantage qu'elle donne une vue d'ensemble des tendances nouvelles et des changements qui ont révolutionné l'enseignement des langues étrangères non seulement en Hongrie, mais dans le monde entier. Un de ces changements les plus importants — objet de plusieurs communications à la conférence — est le rapprochement qui s'opère entre la linguistique moderne et l'enseignement des langues. Fr. Malíř p. e. essaie de simplifier le système paradigmatique du russe en se basant sur les recherches phonologiques les plus medernes et il désire aider ainsi les élèves débutant dans l'étude de la

langue. F. Papp — aprés avoir analysé les expériences de la plus jeune branche d'étude de la linguistique, la logique mathématique et la traduction automatique — explique qu'elles facilitent la programmation des phénomènes grammaticaux et par conséquent aussi leur enseignement.

En conclusion nous pouvons affirmer que la matière de la Ière Conférence de l'Enseignement du Russe publiée intégralement et sans modification dans ce volume restera un document authentique, et par là indispensable, de l'enseignement du russe en Hongrie.

T. Adamik

VASO MILINČEVIĆ, **Kosta Trifković — život i delo.** Beograd 1969, 389 S.

Mit wissenschaftlichem Apparat versehene Monographien aus der serbischen Literaturgeschichte sind nicht sehr zahlreich, obwohl in den vergangenen Jahren die Philologische Fakultät der Belgrader Universität und die Matica srpska in Neusatz (Novi Sad) auf diesem Gebiet so manches nachgeholt hat. Deshalb ist es eine besondere Freude, wenn man ein so gut ausgestattetes Buch, wie das obige — das ebenfalls von der Philologischen Fakultät in Belgrad herausgegeben wurde — in die Hand nehmen kann.

Das Werk, das Vaso Milinčević als seine Doktorarbeit verteidigte, besteht aus drei Teilen. Im ersten und zweiten Abschnitt befaßt sich der Verfasser vor allem mit dem Lebenslauf und der Schulbildung von Trifković, dann mit dem Milieu, in erster Linie mit dem Milieu von Neusatz, wo der Dichter geboren wurde und den größten Teil seines kurzen Lebens verbracht hat. Im weitern bringt der Autor eine recht eingehende und fachkundige Analyse der literarischen Arbeiten von Trifković und zwar nicht nur derjenigen, die im Druck erschienen sind, sondern auch von denen, die nur in Handschrift erhalten blieben. Auch Fragmente werden entsprechend ihrem künstlerischen oder biographischen Wert gewürdigt. Milinčević ist es mit diesem Buch gelungen, das Lebenswerk des bis jetzt etwas in den Hintergrund gedrängten Kosta Trifković ins richtige Licht zu rücken und dem erfolgreichen Lustspieldichter den ihm würdigen Platz in der serbischen Literaturgeschichte zu sichern. Insbesonders hat der Verfasser die nicht unbedeutende Rolle des Dramatikers klargestellt, die dieser mit seinen Komödien in der bürgerlichen (kleinbürgerlichen) Gesellschaft der siebziger Jahre des vorigen Jahrhunderts und auf den serbischen Bühnen dieses Zeitalters innehatte. Überzeugend schildert der Autor Molière's Einfluß auf Trifković und auch das, wieviel Nušić seinem unmittelbaren Vorgänger zu verdanken hat.

Im dritten Teil gibt der Verfasser die Quellen seiner Arbeit an und weiterhin wird das Buch mit einem eingehenden Literaturverzeichnis über Trifković und einem Namensregister ergänzt.

Kosta Trifković lebte die ganze Zeit während seines, leider, sehr kurzen Lebens auf dem Gebiet des einstigen Ungarns. Er wurde in Neusatz geboren, besuchte die Schulen in seinem Geburtsort, dann noch in Pest, Fiume, Debrezin, Preßburg, Kaschau und starb in seinem Heimatort im zweiunddreißigsten Lebensjahr.

Wie schon erwähnt, bemüht sich Vaso Milinčević auch die Umwelt, die Umgebung, in der der Dramatiker lebte, zu zeichnen, benützt aber dabei ausschließlich serbische Fachliteratur. Demzufolge kommt es manchmal zu kleineren oder größeren Ungenauigkeiten, Unzulänglichkeiten, die bei größerer Umsicht, beim Gebrauch der entsprechenden ungarischen und slowakischen Literatur hätten unterbleiben können.

So gab es z. B. im 16. Jh. noch keine Universität in Debrezin — (wie das Milinčević auf S. 149 sagt) — die dortige Universität wurde in unserem Jahrhundert gegründet.

Oder 1777 wurde die Universität nicht aus Kaschau (Košice, Kassa) nach Ofen (Buda) verlegt (S. 160), sondern aus Tyrnau (Trnava, Nagyszombat).

Ein Blick auf die Landkarte genügt, um sich zu überzeugen, daß sich die »östlichste katholische Kathedrale in Europa« (S. 161) nicht in Kaschau befand. Denken wir nur an Großwardein (Oradea, Nagyvárad), Karlsburg (Alba Julia, Gyulafehérvár) und Lemberg (Lvov).

Es ist nicht klar, wieso der bekannte slowakische Dramatiker Ján Palárik das fragwürdige Attribut »pomadjaren« (madjarisiert) (S. 63, 73) erhalten hat. Palárik schrieb seine Werke in slowakischer Sprache, war einer der Begründer der Matica slovenská, bekam aber vom Verfasser trotzdem das obige, etwas pejorativ klingende Attribut. Vielleicht wegen seiner ungarfreundlichen politischen Einstellung. Wäre es aber nicht sehr merkwürdig, wenn z. B. Jakov Ignjatović wegen seines ähnlichen politischen Standpunktes auch so gekennzeichnet würde?

Utišenič von Jonáš (nicht Janoš) Záborský kann kaum als ein Drama mit dem Sujet aus der jugoslawischen Geschichte betrachtet werden (S. 161), um so mehr aber das vom Autor nicht erwähnte Stück *Chorvátska Helena.*[1]

Als einen Anachronismus fühle ich es, wenn die ungarische Form von Trifkovićs Vornamen *Szilárd* dem Verfasser Probleme bereitet und er den Dichter deswegen sozusagen als einen Opportunisten brandmarkt (S. 159, 160, 180). Es war doch im vorigen Jahrhundert (und auch noch später) ein allgemeiner Gebrauch die Taufnamen zu übersetzen. Zmaj Jovan Jovanović unterschrieb sich z. B. 1863 in seiner Eingabe an die Medizinische Fakultät in Pest *Jovanovics János,*[2] oder in seinem 1877 an János Arany gerichteten Brief *Dr. Jovanović János.*[3] Könnte es vielleicht jemand Skerlić verübeln, daß er nicht *Sándor* sondern *Aleksandar* Petőfi schrieb? Ich glaube kaum, um so mehr, da Petőfi mit diesem Vornamen bei der deutschen Leserwelt bekannt wurde. Übrigens schreibt selbst Milinčević in diesem Buch *Julije* Andrássy und nicht *Gyula, Melhior* Lónyay und nicht *Menyhért* . . .

Etwas befremdend klingt es, daß der Verfasser »echte« und »madjarisierte« (»pravi i pomadjareni«) Ungarn unterscheidet (S. 159). Rassisch echte Ungarn wird es in unserer Zeit nicht mehr viele geben und eine solche Unterscheidung ist nicht mehr zeitgemäß. Von diesem Standpunkt wäre Petőfi kein richtiger Ungar, Pavao Ritter Viezović und Branko Vodnik (Drechsler) keine echten Kroaten, Oskar Davičo kein richtiger Serbe, um nur einige Beispiele anzuführen.

Milinčević sagt, daß die Debreziner Professoren von Trifković nur dem Namen nach bekannt sind (S. 151) und wiederholt dies in bezug auf die Professoren des Dramatikers in Kaschau (S. 160). Es ist nicht wesentlich, aber es mag doch bemerkt werden, daß er über die meisten von ihnen in dem bekannten bibliographischen Werk von József Szinnyei *Magyar írók élete és munkái* I—XIV. (Budapest 1891—1914) so manche Angaben gefunden hätte.[4]

Auf S. 64 schreibt der Autor, daß Trifković in Pest fast das ganze Lebenswerk von Molière kennen lernte und fügt hinzu: »Nedostaju, doduše, a i to *je karakteristično za tadašnju Peštu* [gesperrt von *I. P.*], neke majpoznatije komedije: *Tartif, Tvrdica, Gradjanin plemić, Učene žene* i *Žorž Danden.*« Das scheint eine etwas zu gewagte Behaup-

[1] Vgl. Čepan—Kusý—Šmatlák—Noge, Literatúra druhej polovice devätnásteho storočia. Bratislava 1965, 164—165.

[2] Prepiska Jovana Jovanovića Zmaja, I. Matica srpska 1957, 70.

[3] Póth I., Jovan Jovanović Zmaj levele Arany Jánoshoz: Világirodalmi Figyelő 1960, 445.

[4] Ein Exemplar davon befindet sich auch in Neusatz in der Bibliothek der Matica srpska.

tung zu sein, da besonders die ungarische Fachliteratur nicht zu Rate gezogen wurde. Denn *L'avare* ist in ungarischer Übersetzung 1792 zum ersten Mal in Buchform erschienen, 1822 folgte eine andere und 1863 eine dritte Übertragung. Imselben Jahr erschienen auch *Tartuffe* und *George Dandin* in ungarischer Sprache. Einige Stücke des großen französischen Lustspieldichters wurden auf ungarischen Bühnen noch im 18. Jh. aufgeführt. Im 1837 gegründeten Ungarischen Nationaltheater wurde *Tartuffe* 1847, *George Dandin* 1853 und *L'avare* 1864 zum ersten Mal gegeben.[5]

Aus den ungarischen Quellen wäre auch das festzustellen gewesen, was Trifković in den Theatern von Pest, Ofen, Debrezin und Kaschau hat sehen können. In Ofen mag er 1861 vielleicht die suggestive Darstellung von seinem Landsmann Aleksandar Bačvanski bewundert haben, der unter dem Namen Várhidi ein bekannter Schauspieler des Volkstheaters war. In Debrezin kann er 1864 *Brankovics György* (Djuradj Branković) von Károly Obernyik und außer anderen ungarischen Dramen auch Stücke von Scribe, Schiller, V. Hugo und Shakespeare gesehen haben . . .

Die große Weite, die noch in kultureller und wissenschaftlicher Hinsicht zwischen den Völkern des Donauraums zu überbrücken ist, zeigt auch der Umstand, daß Milinčević die Namen der ungarischen Dichter und Schriftsteller *Arany*, *Jókai* und *Obernyik* nicht in richtiger Form wiedergibt. Er schreibt *Араньи* statt *Арањ*, *Јокаj* statt *Јокаји* und *Obernjak* statt *Obernyik* (S. 56, 58, 63, 169, 79). Oder sollten das nur Druckfehler sein, derer es in diesem Buch leider ziemlich viele gibt?

Die verhältnismäßig vielen kritischen Bemerkungen schmälern nicht im geringsten die am Anfang der Rezension hervorgehobenen Werte der Monographie, denn sie berühren kaum das, was der Verfasser über das Lebenswerk des Dramtikers fachkundig zu sagen hat. Milinčević gibt uns in gewandtem Stil ein gut umrissenes Bild von Kosta Trifković und seinem literarischen Nachlaß und das ist das Wesentliche.

Das Ziel des Rezensenten war bloß, den Autor — von dem in der Zukunft noch bedeutende Arbeiten zu erwarten sind — auf die Gefahren aufmerksam zu machen, denen der Forscher ausgesetzt ist, wenn er der leicht erreichbaren Fachliteratur nicht nachgeht und darauf hinzuweisen, daß man in solchen Fällen eine besondere Vorsicht walten lassen muß.

I. Póth

[5] Vasshegyi Margit, A magyar Molière-fordítások. Budapest 1926.

В. В. Виноградов
1895—1969

Мировая славистика понесла тяжелую утрату: в октябре 1969 г., в возрасте 74 лет скончался академик Виктор Владимирович Виноградов, крупнейший советский языковед и филолог. В его лице русская и славянская филология потеряла представителя того редкого типа ученого, который отличается не только энциклопедичностью своих знаний и интересов, но и не меньшей широтой творческого применения этих знаний. В самом деле, трудно найти такую область русского языкознания и филологии, в которую бы акад. Виноградов не внес свой значительный и прочный вклад.

В. В. Виноградов начал свою научную деятельность как ученик А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, крупнейших русских языковедов-филологов XX в. От первого он унаследовал умение возводить монументальные лингвистические построения на основании богатейшего языкового материала, от второго — постоянное стремление к теоретическому осмыслению этого материала, к постижению глубинных связей и закономерностей, скрывающихся под поверхностью разнообразия языковых фактов. При этом, обладая замечательным чувством историзма, В. В. Виноградов тем не менее признавал первостепенное значение изучения синхронного механизма функционирования языковой системы, и тем самым во многих отношениях опередил методологические требования, выдвигаемые в новейшем языкознании. Свою магистерскую диссертацию он посвятил важному вопросу исторической фонетики русского языка («Очерки по истории звука ѣ в севернорусском наречии» 1919), но впоследствии скоро оставил традиционную историко-фонетическую тематику и стал усиленно заниматься вопросами современного русского языка, стилистики и поэтики, историей литературного языка, а также языком художественных произведений.

В области изучения современного русского языка перу В. В. Виноградова принадлежит ряд основополагающих работ, как, например, «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков)» (1952), «Основные типы лексических значений слова» (1953) и др. Его исследования по современному русскому языку увенчаны монументальной монографией «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» (1947), бесподобным в истории русского языкознания трудом как по богатству охватываемого им материала, так и по его методологическим основам: в центре книги находится понятие о слове как основной структурной единице языка, сложная природа которой проявляется в разнообразных особенностях основных лексико-грамматических классов слов, т. е. частей речи. (Отметим, что этот «словоцентризм» в известной мере созвучен с грамматической традицией венгерского языкознания.)

С именем В. В. Виноградова связано формирование новой отрасли русской филологической науки, а именно систематического изучения истории русского литературного языка. Его книга «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934 и 1938) является до сих пор незаменимым пособием для всех, изучающих истоки и началь-

ный период истории современного русского литературного языка. Большое значение имеют также его исследования о характере литературного языка донациональной эпохи, в частности его концепция о необходимости выделения различных типов литературного языка по отношению к древнерусскому периоду. Вопросам закономерностей развития славянских литературных языков были посвящены его доклады на международных съездах славистов в Москве (1958) и в Софии (1963). Итоги многолетнего изучения этой темы подведены в его последней опубликованной при жизни книге «Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития» (1967).

Одной из главных областей научной деятельности В. В. Виноградова было изучение языка художественной литературы. Начиная с 20-х годов, он написал ряд блестящих работ о языке и стиле протопопа Аввакума, Ахматовой, Гоголя, Дмитриева, Достоевского, Зощенко, Крылова, Лермонтова, Пушкина, Л. Н. Тольстого. Его две обширные монографии «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941) остаются до сих пор непревзойденными шедеврами лингвостилистической литературы о Пушкине. Начиная с конца 50-х годов, академик Виноградов вновь возвращался к теме языка художественной литературы. Новая серия его обширных исследований («О языке художественной литературы» 1959, «Проблема авторства и теория стилей» 1961, «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» 1963, «Сюжет и стиль» 1963) отличается прежде всего обобщенно-теоретической постановкой вопросов. Пафос этих трудов заключается, во-первых, в утверждении необходимости разработки особой филологической дисциплины, изучающей языковые и стилевые особенности словесно-художественных произведений, и, во-вторых, в подчеркивании того, что индивидуально-стилевые особенности отдельного произведения (или писателя) находятся при всей своей целостности и системности в отношении глубокого взаимодействия и взаимообусловленности со стилистической системой общенационального литературного языка данного периода, а также с его историческим движением. Тем самым академиком Виноградовым постулируются, с одной стороны, самостоятельность предмета и методов науки о языке художественной литературы, а с другой стороны, ее глубокие связи со смежными лингвистическими и литературоведческими дисциплинами. В этих плодотворных идеях открываются исключительно важные методологические перспективы перед изучением словесно-художественных произведений.

Не затрагивая здесь других важных сторон его исследовательской работы, укажем лишь вкратце, что она постоянно сочеталась с неутомимой и удивительно широкой педагогической, редакторской и научно-организаторской деятельностью. Помимо почти полувековой педагогической деятельности в высших учебных заведениях Ленинграда и Москвы, В. В. Виноградов был в течение долгого времени директором Института языкознания, а потом Института русского языка АН СССР, академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР, первым и бессменным главным редактором всемирно признанного теоретического журнала советского языкознания «Вопросы языкознания». За последние двадцать лет не было, пожалуй, ни одного крупного предприятия советской русистики, в осуществлении которого В. В. Виноградов в той или иной мере не принимал бы деятельного участия (например, в академической «Грамматике русского языка» 1952—54, в пятитомных «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» 1964, в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» 1950—1965).

Венгерские слависты с прискорбием узнали о кончине академика В. В. Виноградова. Мы еще живо вспоминаем те дни, которые он провел среди нас весной 1967 г. Мы его видели в актовом зале Будапештского университета, где ему торжественно вручили грамоту о научной степени почетного доктора, а также в аудиториях филологического факультета, где он прочитал два доклада студентам русского отделения. (Истинный ученый-педагог, он и за краткое пребывание за рубежом не мог оторваться от студенческой среды.) Мы слушали его непринужденную и меткую беседу на кафедре русской филологии, в

Институте языкознания ВАН и за белым столом, увлекались его добродушной и мудрой иронией, за которой нельзя было не ощущать страстную привязанность ученого к науке и горячую любовь париота-гуманиста к русскому языку и к русской литературе.

Виктора Владимировича не стало, но светлая память о нем останется в сердцах всех, кто знали его, и его труды будут настольными книгами для многих поколений исследователей русской и славянской филологии.

М. Петер

И. Н. Голенищев-Кутузов
1904—1969

В конце апреля 1969 г. в Москве после операции рака кишечника умер профессор Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. Имя советского ученого хорошо известно в Венгрии. В 1954—55 учебном году он работал профессором в Институте им. Ленина, где читал лекции по истории славянской филологии и вел занятия по истории русского литературного языка, одновременно читая лекции по истории литературы южных славян в Институте славяноведения Будапештского университета. С этих пор Илья Николаевич сохранил сердечные дружеские связи со многими из своих венгерских коллег, а в первую очередь с Э. Андялом, Э. Балецким, Ф. Паппом, Л. Хадровичем и иными.

Перу И. Н. Голенищева-Кутузова принадлежит несколько исследований по венгерской литературе и культуре эпохи Возвождения,[1] нашедших хороший прием в научной прессе Венгрии. Упомянем прежде всего рецензии Э. Андяла, который был очень близок И. Н. Голенищеву-Кутузову своими идеями о славянском барокко. Его перу принадлежит между прочим и первый очерк истории славянской филологии в Венгрии.[2]

Память о выдающемся советском филологе и прекрасном человеке И. Н. Голенищеве-Кутузове венгерские слависты сохранят в своих сердцах.

Редакция

Советская и мировая филологическая наука понесла тяжелую утрату — 26 апреля 1969 г. скончался известный советский ученый, специалист по сравнительному литературоведению, романской и славянской филологии, профессор Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького Академии наук СССР.

Первые славяноведческие работы И. Н. Голенищева-Кутузова появились четыре десятилетия тому назад в журнале «Дубровник»[3] одновременно с его первыми исследованиями по романским литературам. Ведущее место среди многообразных научных интересов И. Н. Голенищева-Кутузова позже займут проблемы межславянских литературных связей и культурных связей славянского мира с Западом от эпохи средний веков до наших дней.

Обстоятельства жизни Ильи Николаевича способствовали его прекрасному знанию многих славянских и западноевропейских языков, старых и новых, и близкому соприкосновению с живой литературой многих стран, что в немалой степени определило широту его научной эрудиции. Родным языком И. М. Голенищева-Кутузова был русский. Он родился в приволжском селе Наталино б. Саратовской губернии и благодаря домашнему

[1] В том числе еще не напечатанный венгерский раздел в томе «Литература эпохи Возрождения» в «Истории всемирной литературы», подготовляемой Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР.

[2] См. Славяноведение в Венгрии: Славяне (Москва) 1955, 9 : 28—31; Славяноведение в Венгрии: Известия АН СССР ОЛЯ 16 (1957) 6 : 520—534.

[3] Književni i naučni rad F. M. Appendinija: Dubrovnik 1929, № 1—2; Ivo Vojnović i Russija: Dubrovnik 1929, 7: 225—239.

воспитанию с детства свободно говорил на французском, немецком и английском языках. Вторым родным языком стал для него сербский. Гимназию и университет ему пришлось заканчивать не на родине, а в Белграде, куда его привезли родители в 1920 г. Поездки в Италию в годы юности дали ему возможность усовершенствовать свои познания итальянского языка, а последующие занятия в Париже у классиков романской филологии Альфреда Жанруа, Марио Рока, Шарля Самарана и Анри Оветта — провансальского и старофранцузского.

Известность И. Н. Голенищева-Кутузова — поэта опередила на пятилетие публикацию его первых научных работ, ведь его ранние стихи были напечатаны в белградском сборнике «Гамаон» в 1924 г. Впоследствии он соединяет научный форшунг и поэтическое вдохновение, сделав правилом цитацию в своих исследованиях текстов в собственных стихотворных переводах. Поэт-переводчик всегда сопутствовал ученому, и это сочетание явилось причиной успеха многих его научных трудов в аудитории более широкой, чем круг специалистов.

После окончания Белградского университета (1925 г.) Илья Николаевич работал в гимназиях Черногории и Далмации и близко соприкасался с народным бытом.

В 1928 г. И. Н. Голенищев-Кутузов написал либретто пятиактной оперы «Марко Королевич» для своего близкого друга, польского композитора Людомира Михала Роговского, по мотивам сербскохорватских эпических песен и преданий. Они создали произведение просветленное и радостное, передававшее жизнеутверждающий дух народной поэзии. (Партитура оперы хранится в фонде Л. М. Роговского в Архиве города Дубровника.)

В 30-е годы он стал спутником и сотрудником американского филолога-эллениста Мильмана Пэрри, приехавшего в Югославию изучать эпическое творчество южных славян. Совместно они объездили Герцеговину, Черногорию и Боснию — области, где до войны еще сохранялись пережитки архаического уклада и где бы ласильна эпическая традиция. Они нашли несколько одаренных гусляров и записали много интересных вариантов народных песен. И хотя И. Н. Голенищев-Кутузов несколько скептически относился к теории эпоса Мильмана Пэрри и его школы, наблюдения, сделанные во время этих экспедиций, а также более ранние дали ему обширный материал для создания собственной оригинальной концепции. Песни южных славян в сопоставлении с русскими былинами были темой доклада, прочитанного им в Париже в 1932 г.; на основе живых впечатлений возникла статья «Россия в югославских народных песнях».[4] Реферат доклада, долженствующего быть прочитанным на III Международном конгрессе славистов в Белграде,[5] свидетельствовал об интересе И. Н. Голенищева-Кутузова к сербско-мусульманскому эпосу, которому впоследствии он уделяет более пристальное внимание. Многолетние исследования эпического творчества народов Югославии И. Н. Голенищев-Кутузов завершил в Советском Союзе, издав в серии «Литературные памятники» книгу «Эпос сербского народа» (Москва 1963) и статью «Косовская легенда» (Известия ОЛЯ АН СССР 1964, № 3). На IV международном съезде славистов в Москве (1958 г.) Илья Николаевич изложил свои идеи о проблемах сюжета и эпической техники южнославянских песнях.[6]

Не ограничиваясь рассмотрением одного национального эпоса, И. Н. Голенищев-Кутузов привлекает сравнительный материал из эпоса других народов и ставит некоторые общетеоретические вопросы.[7] Из них центральным является вопрос о характере эпической

[4] Русија у нашим народним песмама: Српски књ. гласник, Београд, 48 (1936) 1 : 46—52.

[5] Two epic travels in Herzegovina. IIIème Congrès international des slavistes (Philologues slaves). Communications et rapports. Beograd. 2: 103.

[6] IV Международный конгресс славистов. Материалы дискуссии. Москва 1962, 1 : 43—45.

[7] См. рецензии: *Е. Мелетинский*, Вопросы литературы, Москва 1964, 9 : 208—210 и *Б. Путилов*, Известия АН СССР ОЛЯ 23 (1964) 2 : 157—161.

памяти и сочетании ее устных и книжных источников, о поэтической технике устной поэзии. Многие из наблюдений автора над структурой песен сербов-мусульман важны для понимания позднего этапа развития народного эпоса и генезиса стиля средневековых стихотворных романов.

Исторический фон сербского эпоса, живо нарисованный И. Н. Голенищевым-Кутузовым, — трагическая история турецкого завоевания Балкан и тяжелое, унизительное и вместе с тем противоречивое положение сербов под турецким игом позволяют исследователю объяснить противоречивость, встречающуюся в песнях и предложить локализацию и датировку ряда циклов.

Илье Николаевичу и его другу поэту Алексею Дуракову принадлежит честь составления первой антологии югославской поэзии XX в. на русском языке (Белград 1933). Критика единодушно признала наиболее удавшимися в антологии переводы Ильи Николаевича из Владимира Назора. Этот первый опыт был далек от совершенства, и в 1957 г. И. Н. Голенищев-Кутузов выпустил в Москве более обширную и с большим мастерством переведенную антологию современной поэзии Югославии.

После окончания École des Hautes Études Philologiques et Historiques и успешной защиты докторской диссертации в Сорбонне, И. Н. Голенищев-Кутузов избирается приват-доцентом Белградского университета, где до самой войны ведет курсы по истории французской литературы и языка. В 30-е годы в журналах «Страни Преглед» и «Српски књижевни гласник» появляется много его статей о Пушкине, Гоголе, Л. Толстом, Достоевском и о русских писателях начала XX в., изданных в 1937 г. отдельной книгой. Творчеству Пушкина И. Н. Голенищев-Кутузов посвятил целый цикл статей, одна из них рассматривает связи великого русского поэта с французской литературой.[8] Сравнительный анализ многочисленных попыток перевода стихотворений и прозы А. С. Пушкина югославскими писателями Илья Николаевич дал в докладе на X Пушкинской конференции в Ленинграде (1958 г.).[9] Свой опыт текстолога-знатока старинных французских рукописей[10] И. Н. Голенищев-Кутузов применил в 1941 г. к текстам древнерусской литературы. Он принял участие в сборнике Института им. Кондакова, посвященном опровержению концепции Андре Мазона о позднем происхождении «Слова о полку Игореве». Исследование Ильи Николаевича, небольшое по объему, имело целью выяснить отношение текста «Слова» к спискам «Задонщины». Произведенный им сопоставительный анализ убедительно доказал неосновательность мазоновых построений и вторичность «Задонщины».[11] Многие из идей ученых, объединившихся в последнем из сборников Кондаковского института, нашли свое развитие в трудах советских специалистов по древнерусской литературе — Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц, В. Д. Кузьминой и др. Вполне естественна была позиция И. Н. Голенищева-Кутузова в недавней пространной дискуссии вокруг вопросов подлинности и датировки «Слова о полку Игореве», вызванная возрождением концепции А. Мазона в книге советского историка А. Зимина.[12]

Большой патриот своей страны и убежденный антифашист, И. Н. Голенищев-Кутузов деятельно участвует в годы войны в югославском движении Сопротивления. В 1946 г. он восстанавливает советское подданство и начинает печататься в советской

[8] Пушкин и француска књижевност (1837—1939): Страни Преглед, Београд 1936 дец. — 1937 јан., 1—4: 169—191.

[9] Изложение доклада см.: Вестник АН СССР 1958, 8 : 134—135 и Известия АН СССР ОЛЯ 18 (1959) 1 : 94—96.

[10] Книги L'histoire de Griseldis en France au XIVe et au XVe siècle (Paris 1933) и Étude sur «Le livre de la vertu . . .» de Ph. de Mézière (Belgrad 1937) базировались на средневековых рукописях Парижской Национальной библиотеки.

[11] Заметки к Слову о полку Игореве, вып. 2. Београд 1941, 49—55.

[12] Das «Igorlied» und seine Probleme: Sowjet Literatur 1965, 3: 140—148.

прессе. С 1947 г. в СССР опубликовано более ста его книг, научных статей, литературно-критических этюдов и переводов. Значительная их часть посвящена славянской тематике.

В капитальной монографии «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков» (Москва 1963) рассматривается гуманизм и Ренессанс в Далмации, Чехии, Польше и в тогдашней Венгрии (венгеро-хорватском государстве). «Огромный репертуар фактов, включающих явления гуманистической культуры и ренессансных литератур на латинском и национальном языках, представлен в исследовании И. Н. Голенищева-Кутузова в сложной системе взаимных связей и в исторической динамике своего развития. Типологически общие черты, обусловленные общностью исторического развития, культурные схождения и литературные взаимодействия не затемняют национального своеобразия общего процесса; оплодотворяющее влияние передовых итальянских образцов взаимодействует с самостоятельным развитием. Книга выдающегося советского ученого впервые показала в таких масштабах и с такой убедительностью большой самостоятельный вклад славянских народов в общую сокровищницу мировой культуры и литературы эпохи Возрождения.»[13] Монография получила высокую оценку на страницах научных журналов СССР, стран народной демократии и Запада; всего появилось более 30 рецензий и среди них отзывы Дж. Мавера,[14] Р. Ягодича,[15] Д. С. Лихачева,[16] Э. Андяла,[17] Л. Хадровича.[18]

Дальнейшим развитием той же темы явилось исследование «Гуманизм у восточных славян. Украина и Белоруссия».[19] Украинско-белорусские гуманистические течения (Франциск Скопина, Павел Русин из Кросна, Ореховский-Роксолан и др.) связаны были с развитием Галицкой Руси, украинских и белорусских земель Литвы от конца XV до начала XVII в. «Отказ от ограниченного конфессионализма и узконационалистических точек зрения в трактовке этой темы позволил советскому ученому показать самостоятельный вклад Украины и Белоруссии в культуру Возрождения и их роль в подготовке того, что автор называет русским «Предренессансом».[20]

Благодаря трудам И. Н. Голенищева-Кутузова в программу советских университетов были включены разделы о литературах польской, чешской, далматинской и венгерской эпохи Ренессанса и тексты славянских писателей заняли подобающее им место на страницах вузовских хрестоматий рядом с их современниками — ренессансными авторами западноевропейских стран.[21] Последними из работ этого круга является сопоставительный обзор литератур Восточной и Западной Европы в сборнике «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы» (Москва 1967), а также славянские разделы и главы в многотомной Истории всемирной литературы, подготовляемой Институтом мировой литературы им. Горького Академии наук СССР.

[13] *В. М. Жирмунский*, Памяти И. Н. Голенищева-Кутузова: Известия АН СССР ОЛЯ 28 (1969) 5.

[14] Ricerche Slavistiche 11 (1963) 196—200; Giornale storico della letteratura italiana 141 (1964) 600—603.

[15] Wiener slavistisches Jahrbuch 13 (1966) 161—167.

[16] Известия АН СССР ОЛЯ 22 (1963) 6 : 540—543.

[17] Helikon. Budapest 1964, 2—3: 332—333; Deutsche Literaturzeitung от 13 июля 1965 г.; Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft 1965, 8—9: 734—735.

[18] Studia Slavica 11 (1965) 444—447.

[19] См. рецензии: *Л. Пинский*, Вопросы литературы 1965, 4 : 23—26; — *М. Прашкович*, Полымя 1965, 4 : 184—187; — *Д. Факторович*, Неман 1965, 5 : 151—152; *Его же*, Вопросы литературы 1964, 5 : 222—224; — *D. Tschiževski*, Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen 202 (1965) 3: 236—238.

[20] *В. М. Жирмунский*, указ. соч.

[21] См. Хрестоматия по зарубежной литературе. Эпоха Возрождения, II. Москва 1962.

Много сделал И. Н. Голенищев-Кутузов и в области популяризации творчества писателей славянских стран среди советской читающей публики. Им были написаны предисловия к массовым изданиям А. Шеноа (1955), Д. Шимуновича (1962), Б. Станковича (1962), антологии далматинской лирики (1959), югославским сказкам (1962), изобранным стихотворениям Яна Кохановского. Немалая часть стихотворных переводов в антологиях сделана им самим.

Наш краткий обзор будет не полон, если не упомянем цикла работ И. Н. Голенищева-Кутузова по стиховедению.[22] Их автор — один из немногих в Советском Союзе теоретиков поэтического искусства, пишущий не только о стихах, но и стихи. И в этой специфической области филологической науки он не изменяет своему излюбленному методу — рассматривать литературные факты не с узких националистических позиций, а в их взаимных интернациональных связях. При этой широкой точке зрения народы разных стран предстают как равноправные творцы и участники мирового литературного процесса.

Москва *И. Голенищева-Кутузова*

[22] Словораздел в русской поэзии: Вопросы языкознания 8 (1959) 4 : 20—34; Александрийский стих на Западе. Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. Москва 1965, 357—365; Александрийский стих в России XVIII века. Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию акад. М. П. Алексеева. Москва—Ленинград 1966, 415—422.

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

INDEX

Нидерхаузер, Э.: Ленин и национальный вопрос 1
Урбан-Надь, Р.: А. В. Луначарский о пролетарской литературе 19
Шер, В.: Украинская литература в Венгрии 41
Dobossy, L.: Considérations sur les rapports entre les littératures slaves et non-slaves d'Europe Orientale 53
Radó, Gy.: Adam Mickiewicz et l'idée de la liberté 67
Spira, Gy.: The National Minorities Policy of the Pest Revolution's Left in March, 1848 81
Fried, I.: Die Sagen des Waagtales in der slowakischen und der ungarischen Literatur 93

Miscellanea

Моисеев, А. И.: Из истории производственной терминологии советского периода ... 115
Gregor, F.: Ungarisches *massa* und slowakisches *maša* 122
Póth, I.: Zur Entstehung einiger Gedichte von J. J. Zmaj 128
Comtet, M.: Čehov, Korolenko et «Magyar Szalon» 135
Зельдхейи-Деак, Ж.: Письма Э. Сабо к В. Г. Короленко 138

Critica et bibliographia

Крысин, Л. П.: К. Болла—Э. Палл—Ф. Папп, Курс современного русского языка . 141
Петер, М.: B. O. Unbegaun, Selected Papers on Russian and Slavonic Philology 149
X. Том, И.: Псковский областной словарь с историческими данными 154
Hadrovics, L.: H. Megiser, Slovenisch—deutsch—lateinisches Wörterbuch 158
Hadrovics, L.: Anzeiger für slavische Philologie I—III. 159
Hadrovics, L.: E. Weiher, Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung 161
Tétényi-Halász, M.: Iglói E., A régi orosz irodalom története. XI—XVII. sz. 162
Адамик, Т.: За современное обучение русскому языку 165
Póth, I.: V. Milinčević, Kosta Trifković — život i delo 166

Chronica

Петер, М.: В. В. Виноградов (1895—1969) 169
Голенищева-Кутузова, И.: И. Н. Голенищев-Кутузов (1904—1969) 171

Printed in Hungary

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója — Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor

A kézirat nyomdába érkezett: 1970. VII. 3. — Terjedelem: 15,50 (A/5) ív, 1 ábra, 1 melléklet

70.70023 Akadémiai Nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

Les *Studia Slavica* paraissent en langues slaves, de même qu'un français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine de la slavistique.

Les *Studia Slavica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 400—500 pages. Les volumes paraissent annuellement.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction à l'adresse suivante:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est de $ 16.00 par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise pour le Commerce Extérieur de Livres et Journaux «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Compte-courant No. 43-790-057-181) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Studia Slavica* publish papers on slavistics in Slavonic languages, in English, French and German.

The *Studia Slavica* appear in fasciculi of varying size, making up volumes (400—500 pp.). The volumes are published yearly.

Manuscripts should be addressed to:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription is $ 16.00 a volume.

Orders may be placed with "*Kultúra*" Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest I., Fő utca 32. Account No. 34-790-057-181) or with representatives abrond.

Die *Studia Slavica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Slawistik, sowohl in slawischen Sprachen als auch deutsch, französisch und englisch.

Die *Studia Slavica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen 400—500 seitigen Band. Die Bände werden jährlich herausgegeben.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind an folgende Anschrift zu senden:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion bestimmte Korrespondenz zu richten. Abonnementspreis pro Band: $ 16.00.

Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »*Kultúra*«-(Budapest I., Fő utca 32. Bankkonto Nr. 43-790-057-181) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Reviews of the Hungarian Academy of Sciences are obtainable at the following addresses:

ALBANIA
Drejtorija Qändrone e Pärhapjes dhe Propagandimit tä Librit
Kruga Konferenca e Päzes
Tirana

AUSTRALIA
A. Keesing
Box 4886, GPO
Sydney

AUSTRIA
GLOBUS
Höchstädtplatz 3
A-1200 Wien XX

BELGIUM
Office International de Librairie
30, Avenue Marnix
Bruxelles 5
Du Monde Entier
5, Place St. Jean
Bruxelles

BULGARIA
HEMUS
11 pl Slaveikov
Sofia

CANADA
Pannonia Books
2, Spadina Road
Toronto 4, Ont.

CHINA
Waiwen Shudian
Peking
P. O. B. 88

CZECHOSLOVAKIA
Artia
Ve Smečkách 30
Praha 2
Poštovní Novinová Služba
Dovoz tisku
Vinohradská 46
Praha 2
Mad'arska Kultura
Václavské nám. 2
Praha 1
SLOVART A. G.
Gorkého
Bratislava

DENMARK
Ejnar Munksgaard
Nörregade 6
Copenhagen

FINLAND
Akateeminen Kirjakauppa
Keskuskatu 2
Helsinki

FRANCE
Office International de Documentation et Librairie
48, rue Gay Lussac
Paris 5

GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC
Deutscher Buch-Export und Import
Leninstraße 16
Leipzig 701
Zeitungsvertriebsamt
Fruchtstraße 3—4
1004 Berlin

GERMAN FEDERAL REPUBLIC
Kunst und Wissen
Erich Bieber
Postfach 46
7 Stuttgart S.

GREAT BRITAIN
Blackwell's Periodicals
Oxenford House
Magdalen Street
Oxford
Collet's Subscription Import Department
Dennington Estate
Wellingsborough. Northants.
Robert Maxwell and Co. Ltd.
4—5 Fitzroy Square
London W. 1

HOLLAND
Swetz and Zeitlinger
Keizersgracht 471—487
Amsterdam C.
Martinus Nijhof
Lange Voorhout 9
The Hague

INDIA
Hind Book House
66 Babar Road
New Delhi 1

ITALY
Santo Vanasia
Via M. Macchi 71
Milano
Libreria Commissionaria Sansoni
Via La Marmora 45
Firenze

JAPAN
Kinokuniya Book-Store Co. Ltd.
826 Tsunohazu 1-chome
Shinjuku-ku
Tokyo
Maruzen and Co. Ltd.
P. O. Box 605
Tokyo-Central

KOREA
Chulpanmul
Phenjan

NORWAY
Tanum-Cammermeyer
Karl Johansgt 41—43
Oslo 1

POLAND
Ruch
ul. Wronia 23
Warszawa

ROMANIA
Cartimex
Str. Aristide Briand 14—18
Bucureşti

SOVIET UNION
Mezhdunarodnaya Kniga
Moscow G—200

SWEDEN
Almquist and Wiksel
Gamla Brogatan 26
S—101 20 Stockholm

USA
F. W. Faxon Co. Inc.
15 Southwest Park
Westwood Mass. 02090
Stechert Hafner Inc.
31. East 10th Street
New York, N. Y. 10003

VIETNAM
Xunhasaba
19, Tran Quoc Toan
Hanoi

YUGOSLAVIA
Forum
Vojvode Mišića broj 1
Novi Sad
Jugoslovenska Knjiga
Terazije 27
Beograd

30. XI. 1970. Index: 26.743

907.222

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

E. BALECZKY, L. DOBOSSY, P. KIRÁLY,
L. KISS, I. SIPOS

REDIGIT

L. HADROVICS

HOS FASCICULOS EDENDOS CURAVERUNT

E. BALECZKY ET A. HOLLÓS

TOMUS XVI FASCICULI 3—4

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1970

STUD. SLAV. HUNG.

STUDIA SLAVICA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA NYELV- ÉS IRODALOMTUDOMÁNYI OSZTÁLYÁNAK KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST V., ALKOTMÁNY U. 21.

A *Studia Slavica* szláv és egyéb nyelveken közöl értekezéseket a szlavisztika tárgyköréből.

A *Studia Slavica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg, több füzet alkot egy kb. 20—30 íves kötetet. Évente általában egy kötet jelenik meg.

A közlésre szánt kéziratok a következő címre küldendők:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi levelezés.

Megrendelhető a belföld számára az „Akadémiai Kiadó"-nál (Budapest V., Alkotmány utca 21. Bankszámla 05-915-111-46), a külföld számára pedig a „Kultúra" Könyv- és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest I., Fő utca 32. Bankszámla 43-790-057-181) vagy külföldi képviseleteinél és bizományosainál.

«*Studia Slavica*» публикуют трактаты из области славистики на славянских, французском, английском и немецком языках.

«*Studia Slavica*» выходят отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том. Ежегодно выходит один том, объемом в 20—30 печатных листов.

Предназначенные для публикации рускописи следует направлять по адресу:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации. Подписная цена — $ 16.00 за том.

Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Текущий счет № 43-790-057-181) или его заграничные представительства и уполномоченные.

LÁSZLÓ HADROVICS
SEXAGENARIO

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

László Hadrovics sechzigjährig

Am 27. Juni 1970 vollendete László Hadrovics, Mitglied der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Universitätsprofessor, angesehener Leiter der ungarländischen Slawistik, sein 60. Lebensjahr. Die Jahreswende bietet nicht nur die Gelegenheit, dem Jubilar unsere herzlichsten Glückwünsche auszusprechen, sondern auch die Möglichkeit, zu ermessen, was die ungarische Wissenschaft seiner Tätigkeit zu verdanken hat.

László Hadrovics ist in Alsólendva, Komitat Zala (heute Lendava, Jugoslawien; näher: Slowenien) geboren. Unter seinen Vorfahren finden wir väterlicherseits kajkawisch sprechende Kroaten von der Murinsel, mütterlicherseits čakawisch sprechende Kroaten und Deutsche aus Westungarn, die Sprache der Familie, in der er geboren wurde, war aber die ungarische. Diese Umstände haben sicherlich dazu beigetragen, daß der talentierte junge Mann — die Zeitschrift Iuventus veröffentlichte schon vom 16jährigen Jungen eine Übertragung aus dem Ungarischen ins Lateinische — an der Budapester Universität, als Mitglied des Eötvös-Kollegium, ungarische, lateinische, deutsche und slawische philologische Studien betrieb, und daß seine liebsten Arbeitsgebiete gerade jene sind, die wir nun der Reihe nach anführten. Der junge Mann von Alsólendva wurde würdiger Erbe des geistigen Nachlasses der edelsten Traditionen der ungarischen Slawistik, geschaffen von Oszkár Asbóth, János Melich und István Kniezsa.

Als Doktordissertation bearbeitete er die Ortsnamen der Murinsel. Er wurde der Namenkunde auch später nicht untreu. Auf ähnliche Weise begleiten die Themen der kroatischen Literatur, hauptsächlich deren ungarische Beziehungen und der Geschichte der kroatischen Orthographie, seine ganze Laufbahn. Immer wieder kehrt er zu den ungarischen und südslawischen geistigen Berührungen wie auch zu einzelnen Fragen der Geschichte der ungarländischen Serben zurück. Die Geschichte des serbischen Volkes und seiner Kirche während der Türkenherrschaft bearbeitete er in einer Monographie. Auch befaßte er sich mit den Bauernbewegungen im 18. Jh. Alldies kann jedoch nur als vielseitige und erfolgreiche Vorbereitung für jene späteren Arbeiten angesehen werden, die das Gelehrtenprofil von László Hadrovics endgültig

bestimmten. Seine bedeutendsten Erfolge erzielte er nämlich in der Philologie, Lexikographie, Etymologie und Syntax.

Der ungarischen Literaturgeschichte erwies Hadrovics dadurch den größten Dienst, daß er als Ergebnis seiner südslawischen philologischen Forschungen zwei verlorengegangene mittelalterliche Schöpfungen der ungarischen Literatur, nämlich einen Troja-, bzw. einen Alexanderroman entdeckte. Da Hadrovics in seinen zwei großen Studien über diese Werke im wesentlichen die gleiche Methode anwendet, wollen wir uns auf die Studie über den Trojaroman konzentrieren. In dieser Studie beweist Hadrovics — in erster Linie mit sprachwissenschaftlicher Argumentation —, daß die südslawischen (kroatischen, serbischen, bulgarischen) Versionen des mittelalterlichen Trojaromans letzten Endes zu einem lateinischen Urtext zurückführen, welcher der Feder von Magister P., dem anonymen Notar des Königs Béla III. von Ungarn (zweite Hälfte des 12. Jahrhunderts) entstammen mag. Aus diesem lateinischen Urtext entstanden im Mittelalter ein ungarischer Urtext, dann durch Filiation mehrere ungarische Variationen, und diese wurden ins Serbokroatische übersetzt. Die bulgarische Version des Romans stammt aus dem Kroatischen oder aus dem Serbischen, die russische hingegen aus dem Bulgarischen. Die südslawischen Versionen bewahren in der Lautform der Eigennamen, in den zahlreichen Hungarismen, in den Lehnübersetzungen aus dem Ungarischen und in den nur aus dem Ungarischen verständlichen Textverderbungen usw. den Beweis der ungarischen Vermittlung. Hadrovics beweist unter Benützung eines großen Tatsachenmaterials, daß in den südslawischen Texten die Eigennamen in einer Lautform vorkommen, die der ungarländischen lateinischen Aussprache entsprechen, die mit *a* oder *e* beginnenden Eigennamen dazu durch Verwechselung mit dem ungarischen bestimmten Artikel häufig mit Anlautsverkürzung, in den attributiven Wortgruppen findet man zahlreiche Hungarismen usw. Hadrovics antwortet auch auf folgende beunruhigende Frage: wie ist es möglich, daß neben den zahlreichen erhalten gebliebenen slawischen Versionen kein einziger ungarischer Text erhalten blieb? Seiner Erklärung nach entstand der mittelalterliche kleine Trojaroman im Kindesalter der weltlichen ungarischen literarischen Bildung, und war dementsprechend nur eine sehr bescheidene Bearbeitung des berühmten Trojanischen Krieges. Zur Zeit seines Entstehens mochte er die literarischen Ansprüche der Zeit vielleicht sehr gut befriedigt haben, aber mit dem Erstarken der literarischen Bildung waren diese Ansprüche gestiegen. Dadurch hatte ein so bescheidenes kleines Prosawerk, wie es der mittelalterliche ungarische Trojaroman gewesen sein mag, seine Bedeutung verloren, ging aus der literarischen Mode. Auch seine Sprache war veraltet, wurde kaum noch gelesen, geriet allmählich in Vergessenheit und ging verloren. Es ist aber möglich, daß in diesem oder jenem Satz der ungarischen epischen Dichtung des 16. Jahrhunderts, in diesem oder jenem charakteristischen Ausdruck, Brocken des alten Trojaromans erhalten blieben. Demnach

wäre also das mittelalterliche Werk doch nicht spurlos in der ungarischen Literatur verschwunden, sondern tauche in späteren literarischen Schöpfungen auf, ähnlich einem verschwindenden und wieder ans Tageslicht kommenden Gebirgsbach.

Seit langem beschäftigt László Hadrovics der Gedanke, die burgenländischen (vormals westungarischen) kroatischen Enklaven, die Geschichte ihrer regionalen Literatur und ihrer Schriftsprache im 18. und 19. Jahrhundert monographisch zu bearbeiten. Die Kroaten des Burgenlandes ließen sich von den ersten Jahrzehnten des 16. Jahrhunderts an, also zur Zeit der großen kroatischen Diaspora an ihren jetzigen Wohnorten nieder. Sie kamen als Flüchtlinge aus den von den Türken eroberten oder bedrohten Gebieten. Es ist nicht leicht, ihre ursprüngliche Heimat genauer zu bestimmen. Sicher ist jedoch, daß die überwiegende Mehrheit čakawischer Zunge war und diesen ursprünglichen Dialekt bis zum heutigen Tage bewahrt hat. Auf Grund dieses Dialektes gestaltete sich seit Mitte des 18. Jahrhunderts in Westungarn eine regionale kroatische literarische Sprache aus, und zwar mit Produkten religiösen Inhalts (Evangelien-Übersetzungen, Katechismen, Gebetbücher, Erbauungsbücher usw.), die für den Gebrauch der katholischen Gläubigen bestimmt waren. Da die Schriftsprache der burgenländischen Kroaten sich in einer fremden sprachlichen Umgebung — eingeschlossen von Ungarn und Deutschen — entwickelte, zeugt sie von starker ungarischer und deutscher Einwirkung. Hadrovics setzte sich also die Untersuchung einer besonders interessanten regionalen literarischen Sprache zum Ziel. Er schreibt die Monographie in deutscher Sprache und wird sie bald beenden. Außer der Schilderung der Siedlungsgeschichte und der Würdigung der Sprachdenkmäler bietet er auch eine Bearbeitung der Orthographie, Lautlehre, Wortbildung und Satzlehre, behandelt auch die italienischen, lateinischen, ungarischen und deutschen Lehnwörter. Wie ersichtlich, wird die Monographie unsere Kenntnis über die Geschichte der serbokroatischen Sprache in bedeutendem Maße bereichern, und sicher werden die aus dieser Arbeit zu ziehenden allgemeinen sprachwissenschaftlichen Lehren beachtenswert sein.

Außer dem Kreis der Fachleute ist László Hadrovics in erster Linie als Lexikograph bekannt. Seine gemeinsam mit László Gáldi redigierten russisch—ungarischen und ungarisch—russischen Wörterbücher sind in zahllosen Exemplaren im Gebrauch. Wir müssen aber wissen, daß Hadrovics seine Tätigkeit in der Lexikographie nicht mit praktischer Wörterbucharbeit begonnen hat, sondern mit theoretischem Studium, u. zw. mit dem Studium der kroatischen Lexikographie, so besonders mit dem Studium der lexikographischen Tätigkeit von Johannes Belostenec (1594—1675). Aus eigenem Interesse, seiner Neigung folgend, trat also Hadrovics unter die Forscher einer sehr wichtigen, aber außerordentlich anspruchsvollen, manchmal gleichsam mönchische Selbstaufopferung beanspruchenden und nur selten gewürdigten Disziplin der

Sprachwissenschaft, um sodann auch selbst zum aktiven Lexikographen zu werden und viele Jahre hindurch Tag für Tag die russischen, ungarischen und serbokroatischen Wörter zu analysieren, ihre Bedeutung, ihren stilistischen Wert und ihr grammatikalisches Verhalten zu erwägen und für sie aus der anderen Sprache Äquivalente zu suchen. Wieviel Schwierigkeit und Mühe diese Arbeit erforderte, kann sich jeder vorstellen, der jemals an einem Wörterbuch gearbeitet hat. Dieser mit Hingabe durchgeführten Wörterbucharbeit opferte Hadrovics riesige Energien und wurde dieser Arbeit gewiß auch müde. Die Frucht seiner Mühe genießen aber nicht nur Studenten, Übersetzer und andere Benützer seiner Wörterbücher, sondern auch er selbst. In seinen sprachwissenschaftlichen Forschungen verzinst sich reichlich und ständig seine vielseitige lexikographische Erfahrung.

László Hadrovics zählt zu den geistreichsten und produktivsten ungarischen Etymologen. Im Vordergrund seines Interesses stehen die Lehnwörter, u. zw. die slawischen — in erster Linie die südslawischen — Lehnwörter der ungarischen Sprache, des weiteren die ungarischen Lehnwörter der serbokroatischen Sprache. Er macht aber auch gerne kleinere und größere Abstecher in andere Gebiete, so z. B. in das Gebiet der deutschen und der italienischen Lehnwörter der ungarischen Sprache. Seine Vorliebe gilt den sogenannten »schweren« bzw. »hoffnungslosen« Wörtern, die von einer Forschergeneration der anderen mit den Bemerkungen weitergegeben werden: »Ursprung unbekannt« oder »europäisches Wanderwort, die Abgebersprache kann näher nicht bestimmt werden« oder »in den benachbarten Sprachen überall vorhanden, man weiß aber nicht, welche Sprache das Wort aus der anderen übernommen hat« usw. Hadrovics ziehen auch jene Wörter an, deren Ursprung nur scheinbar, formal gelöst ist, beruht diese Erklärung doch nur auf einem zufälligen Gleichklang mit fremden Wörtern und ist weder wortgeschichtlich noch wortgeographisch untermauert. Da bei solchen »schweren«, »hoffnungslosen« bzw. »nur formal gelösten« Fällen die traditionellen etymologischen Mittel meistens versagen, ist die Untersuchungsmethode zu vervollkommnen. Die etymologische Methode von Hadrovics, die er einmal wortgeschichtliche Philologie mit weitem Horizont und vielen Gesichtspunkten, ein andermal eine komplexe Forschungsmethode nennt, ist wie folgt:

a) Er geht von den Quellen selbst und nicht von den Angaben der Wörterbücher aus. Er zieht das »quellenlesende« Etymologisieren dem früher gebräuchlich »Wörterbuch benützenden« Etymologisieren vor. In den Wörterbüchern erscheinen nämlich die Wörter aus den größeren Textzusammenhängen und aus dem kulturgeschichtlichen Hintergrund herausgerissen, und selbst die größten Wörterbücher können nicht alles Wissenswerte zur beruhigenden Bereinigung der Sach- und Wortgeschichte bieten. Diese Kenntnisse kann man sich nur durch das Studium je einer aus sachlichem oder geographischem Gesichtspunkt umgrenzten Quellengruppe erwerben. Eine solche Arbeit

ist zwar langwierig, aber auch nicht unfruchtbar, und ihre Ergebnisse stehen fest.

b) In Ungarn, ebenso wie anderswo, wo dem Schrifttum in nationaler Sprache das Lateinische voranging, bilden die Quellen in lateinischer und nationaler Sprache eine Einheit, die auch der Forscher als Einheit betrachten muß. Die Erfahrung zeigt, daß Lehnwörter in den ungarländischen lateinischen Quellen in latinisierter Form oft um Jahrzehnte, ja sogar um Jahrhunderte früher als in ungarischen erscheinen. Die Angaben der lateinischen Quellen bewahren sehr häufig wertvolle archaistische Formen und Bedeutungen. Außer den ungarländischen Quellen können auch fremde Quellen, die sich auf das Ungarische beziehen, von Wichtigkeit sein.

c) Die Beweisführung wird in hohem Maße erleichtert, wenn wir auch in der Abgebersprache die Geschichte und die Verwendung irgendeines Wortes genau kennen.

d) Sowohl in der Abgeber- als auch der Annehmersprache muß man auch der negativen Untersuchung einen Platz einräumen. Es muß geklärt werden, weshalb ein Wort in gewissen Gegenden nicht gebraucht und was an seiner Stelle benützt wird, bzw. — wenn es sich nur spät eingebürgert hat — welches Wort den betreffenden Begriff früher bezeichnete.

e) Die Lösung kann entscheidend gefördert werden, wenn wir die Parallelen zwischen den Synonymen des untersuchten Lehnwortes und des Etymons klären. Der Vergleich erschließt die feinen Nuancen des Wortgebrauches.

f) Die Zeitfolge der Formänderungen und Bedeutungen des behandelten Wortes sind zu fixieren.

g) Die wortgeographische Argumentation erfordert bei der Untersuchung der Lehnwörter große Umsicht und ein reiches Belegmaterial. Wenn wir die wortgeographische Stellung der ältesten wortgeschichtlichen Belege feststellen können (was an Hand der urkundlichen Quellen im allgemeinen gelingt) und wenn der Großteil der Angaben in e i n e Richtung zeigt, dann ist auch die Entlehnung ganz gewiß aus jener Richtung erfolgt. Wenn jedoch die Angaben schon anfangs verstreut erscheinen, müssen wir mit mehreren, voneinander unabhängigen Entlehnungen rechnen.

h) Wir müssen bestrebt sein, festzustellen, ob das Lehnwort sich durch die unteren oder oberen Gesellschaftsschichten eingebürgert hat. (Wenn dies durch die unteren Schichten erfolgte, müssen wir mit einer unmittelbaren mündlichen Entlehnung rechnen; wenn es sich aber um die oberen Schichten handelt, kann sowohl die schriftliche als auch die mündliche Entlehnung in Frage kommen.) Der Wortgebrauch der unteren Schichten kann sicht mit der Zeit dem der oberen angleichen.

i) Da kein Forscher auf jedem Gebiet in gleichem Maße versiert sein kann, vermag er sich von jedem Abschnitt der langen Wortgeschichte gewisser Wörter kein einheitlich klares Bild verschaffen. In solchen Fällen ist es ratsam,

die Aufgabe aufzuteilen, wobei jeder Mitarbeiter auf seinem Fachgebiet den ihm zukommenden Teil behandelt. Die Erfahrung lehrt, wenn man wenigstens auf einem Abschnitt der sich auf einem großen Gebiet auf zahlreiche Sprachen verzweigenden Problematik sichere Kenntnisse gewinnt, die weitere Forschung zu guter Grundlage und Richtung gelangt.

Das geschilderte Verfahren war auch bisher mehr oder weniger bekannt und gebräuchlich, seine konsequente und einheitliche Anwendung wurde aber zuerst in der etymologischen Praxis von Hadrovics verwirklicht. In seinen etymologischen Erklärungen vereinigt sich die beschwingte Phantasie mit der zähe philologische Kleinarbeit erfordernden Akribie. Er nähert sich dem Wort immer von der sachlichen Seite her: er beginnt mit der Untersuchung der Bedeutung, des Gebrauches und der geographischen Verbreitung, und befaßt sich erst dann mit den lautgeschichtlichen oder sonstigen formalen Problemen. Oft besteht er trotz offenbarer lautgeschichtlichen Schwierigkeiten auf gewissen Etymologien, wenn alle anderen Umstände für ihre Richtigkeit sprechen. Er vertraut darauf, daß wir einst Analogien auch für jene lautgeschichtlichen Erscheinungen finden werden, die vorläufig keine Analogie haben. Nichts steht ihm ferner als die Starrheit der junggrammatischen Schule. Deshalb erscheint manche seiner Wortdeutungen als kühn. Ohne Kühnheit gibt es jedoch auch in den Wissenschaften keinen Fortschritt.

In der Etymologie erwarten wir von Hadrovics in naher Zukunft jenes Opus magnum, auf das er sich seit seiner Jugend vorbereitet und für dessen Schaffung niemand eine so ideale Rüstung besitzt wie er. Dieses Werk ist das etymologische Wörterbuch der ungarischen Lehnwörter des serbokroatischen Sprache. Eine solche Arbeit stellt den Forscher vor eine besonders schwere Aufgabe, weil das serbokroatische Sprachgebiet bis in die jüngste Zeit weder in politischer noch in kultureller Beziehung einheitlich war, und die griechischen, italienischen, deutschen, türkischen und ungarischen Einwirkungen auf die serbokroatische Sprache sich nur auf Teile des Sprachgebietes, nicht aber auf dessen Gänze erstreckten. Um bei den ungarischen Lehnwörtern zu bleiben: Zahl, Rolle und Frequenz dieser Elemente sind je nach Gebiet verschieden, und diese Gebiete stehen nicht mit der heutigen mundartlichen Gliederung, sondern mit der alten politischen Zugehörigkeit in Einklang. Aus dem Gesichtspunkt der ungarischen Lehnwörter ist der kajkawische Dialekt der Gegend von Agram (Zagreb) der wichtigste, weil sein Bereich mit Ungarn in längster und engster Verbindung stand, und ebendeshalb sind in diesem Dialekt die ältesten und die meisten ungarischen Lehnwörter zu finden. In dem čakawischen Dialekt ist nur eine kleinere Anzahl ungarischer Lehnwörter durch Vermittlung des kajkawischen Dialektes eingedrungen. Bedeutend ist die Anzahl der ungarischen Elemente in den Dialekten Slawoniens, Wojwodinas und der Šumadija, diese Lehnwörter sind jedoch neueren Ursprungs und stammen aus anderen Begriffskreisen als jene des Kajkawisch-

kroatischen. Hinsichtlich der ungarischen Lehnwörter befinden sich Bosnien, Südserbien und Süddalmatien, wie auch die serbokroatischen Dialekte des heutigen Ungarn in verschiedenen Situationen. László Hadrovics weiß alldies am besten. Er hat schon zahlreiche Detailfragen geklärt und die prinzipiellen methodischen Fragen bereinigt. Jetzt ist die große Synthese an der Reihe.

Während seiner wissenschaftlichen Laufbahn bereitete László Hadrovics bisher ohne Zweifel dadurch die größte Überraschung, daß er, nach einer slawistischen Tätigkeit von drei Jahrzehnten, für einige Jahre auf das Gebiet der ungarischen Satzlehre überging und, ohne früher auch nur einen einzigen Artikel über syntaktische Fragen zu publizieren, auf einmal mit einem ganzen Buch auftrat und dazu mit einem Werk, das die Grundlagen einer ganz neuen, vom Autor als funktionell benannten ungarischen Satzlehre niederlegte und das — nach der Intention des Autors — die Auffassung über die ungarische Syntax revolutionieren muß. Die Besorgnis darüber, daß die sogenannte traditionelle Linguistik gerade in der Satzlehre die Ansprüche am wenigsten zu befriedigen vermag, drückte ihm die Feder in die Hand, weil das logische System, das die Grundlage des Ganzen bildet, zu sehr einseitig sei, nicht genügend sprachgemäß, nicht von den natürlichen Gegebenheiten der Sprache ausgehe, sondern ein System bilde auf Grund der formalen Logik und an diesem die sprachlichen Erscheinungen messe. Demgegenüber baut sich die funktionelle Syntax von Hadrovics auf den Bedeutungsverhältnissen der Wortarten auf, beruht also auf einem semantischen Grundprinzip. Das Wesentliche ist, daß er das ganze komplizierte Geflecht der Zusammenhänge zwischen dem Inhalt der Mitteilung und der grammatischen Gestaltung zu erschließen sucht und die Erscheinungen auf ihre Ursachen zurückführt. Er will die Sprache in ihrem Funktionieren als Mittel verständlicher Mitteilung erfassen. Dies wird nur durch ein neuartiges Komplexverfahren ermöglicht, und dieses Verfahren nannte Hadrovics eine funktionelle Untersuchungsart. Bei der Untersuchung der Konstruktion des Satzes bricht Hadrovics mit der traditionellen Satzanalyse und vergleicht die Zusammenhänge der Satzglieder nicht mit den Konstruktionen der formalen Logik, sondern analysiert die semantischen Grundlagen der inneren Zusammenhänge des Satzes aus der Natur der Wortart der Satzteile heraus und leitet diese von ihren speziellen Bedeutungsnuancen ab. Bei der Untersuchung der untergeordneten zusammengesetzten Sätze achtet er z. B. nicht darauf, welches Satzglied des Hauptsatzes vom Nebensatz substituiert wird, sondern welchem »leeren« Wort oder Ausdruck des Hauptsatzes der Nebensatz einen Inhalt verleiht. Bei der Beschreibung der Syntagmen trennt Hadrovics die Ebenen der sachlichen (konkreten) Wirklichkeit und die der psychischen (abstrakten) Wirklichkeit voneinander, berücksichtigt den psychischen Mechanismus der sprachlichen Formung, die logischen Regeln, die sich aus den natürlichen Zusammenhängen der Dinge bei der sprachlichen Formung ergeben, wie auch die Funktionsvermehrung der sprachlichen Mittel,

was im wesentlichen der Prüfung der syntaktischen Analogie gleich ist. Und daß die Erörterungen von Hadrovics nicht die Ergebnisse leerer Spekulation sind, dafür bürgt sein großes, aus eigener Sammlung entstandenes Belegmaterial. Seine Theorie ist aus strenger analysierender und systematisierender Arbeit hervorgegangen und auf dem sicheren Fundament der sprachlichen Tatsachen aufgebaut.

Die syntaktischen Prinzipien von Hadrovics können offenbar nicht nur die ungarischen syntaktischen Untersuchungen befruchten, sondern auch bei den slawischen syntaktischen Untersuchungen von Nutzen sein. Sicherlich wird er früher oder später die Gelegenheit finden, seine Theorie auf die slawischen Sprachen anzuwenden.

Wir haben das imponierend reiche Lebenswerk von László Hadrovics flüchtig überblickt. Wenn wir seine auf verschiedenen Arbeitsgebieten erzielten, sehr bedeutenden, häufig bahnbrechenden Leistungen betrachten, kann uns der Gedanke kommen, daß dieser Gelehrte von exeptioneller Produktivität vielleicht ein Glückskind war, den das Leben vor allen Schwierigkeiten und Erschütterungen verschonte und daß er seine ganze Energie allein nur der Pflege der Wissenschaften widmen konnte. Die Wirklichkeit war jedoch nicht so idyllisch, das Schicksal war Hadrovics gegenüber nicht so gnädig. Krankenheiten, Heimsuchungen hinderten ihn auf seiner Laufbahn, nicht nur einmal und auch nicht nur für kurze Zeit. Hadrovics wartete jedoch immer mit heiterer Ruhe auf das Vergehen der »klimakterischen Tage« und überließ sich dann wieder der reinen Freude der schöpferischen Arbeit. Er ist immer bemüht, neue Probleme zu lösen, während sein ganzes Wesen harmonische Heiterkeit ausstrahlt. Diese Heiterkeit ist es, die die Atmosphäre um ihn so angenehm macht.

Was könnten seine Freunde, Schüler, Verehrer, die Mitarbeiter der Studia Slavica dem sechzigjährigen László Hadrovics wohl anderes wünschen, als daß er seine Ernte in die Scheune bringen und mutig seinen Pflug in die brach liegenden Felder der Sprachwissenschaft senken und in die neuen Furchen Samen streuen möge. Er möge also weiterhin tun, was er bis jetzt getan hat. Sein Anteil bleibt die innere Befriedigung: *feci, quod potui.* Damit schenkt er auch uns, die aufrichtigen Herzens um ihn stehen, die größte Freude, und daraus wird auch die Wissenschaft den meisten Nutzen ziehen.

L. Kiss

Bibliographie der Schriften von László Hadrovics

(Auswahl)

Unter A) sind die in Buchform veröffentlichten Werke, unter B) aber die in Zeitschriften und Sammelbänden publizierten Aufsätze verzeichnet.

1934

B) Muraköz helynevei [Die Ortsnamen der Murinsel]: Nyelvtudományi Közlemények 48 (1931—4) 403—434.

1937

B) Eine ungarische und kroatische Variante der »Visio Philiberti«: AECO 3: 317—324.

1938

B) A magyar sors a régi horvát költészetben [Das ungarische Schicksal in der alten kroatischen Poesie]: Apollo 4: 82—86.
A magyarországi szerb települések újabb szerb irodalma [Die neuere serbische Literatur über die serbischen Siedlungen in Ungarn]: Századok 72: 335—340.

1939

B) Die ungarischen Vorlagen eines alten kroatischen Dichters (Matijaš Magdalenić): AECO 5: 303—327.
A délszláv nemzeti kultúrák kérdése [Die Frage der südslawischen Nationalkulturen]: Napkelet 17: 488—494.
Deset propovideji o Euharistiji pavlina o. Ivana Belostenca: Građa za povijest književnosti hrvatske 14: 41—112.
A szlovének [Die Slowenen]: Magyar Szemle 36: 49—57.

1941

B) Ungarn und die Kroaten: Ungarische Jahrbücher 21: 136—172.

1942

B) A horvátban levő magyar elemek szóföldrajzi és időrendi problémái [Wortgeographische und chronologische Probleme der ungarischen Elemente im Kroatischen]: Emlékkönyv Melich János hetvenedik születése napjára. Budapest 1942, 104—116.
Magyar—szláv irodalmi érintkezések [Ungarisch-slawische Literaturberührungen]: A magyarság és a szlávok. Szerk. [Red. von] Szekfű Gyula. Budapest 1942, 189—204.
Zur Geschichte der einheitlichen kroatischen Schriftsprache. Johannes Belostenec (1594—1675) als Lexikograph und Prediger: AECO 8: 168—228.
Magyar és olasz kultúrhatások találkozása Horvátországban [Treffen von ungarischen und italienischen Kultureinwirkungen in Kroatien]: Magyar—olasz hatás a Balkánon. Írták Gáldi László, Hadrovics László és Kardos Tibor. Budapest 1942, 14—19. Balkán-füzetek 2. sz.
A magyarországi szerb kérdés balkáni gyökerei [Die balkanischen Wurzeln

der serbischen Frage in Ungarn]: A Magyar Történettudományi Intézet évkönyve 1942, 327—366.
Magyarország és a szerb művelődés [Ungarn und die serbische Kultur]: Délvidéki Szemle 1: 372—382.

1943

B) Délmagyarország két évtized szerb történeti irodalmában [Südungarn in der serbischen Geschichtsschreibung von zwei Jahrzehnten]: Századok 77: 419—426.
L'historiographie serbe concernant le sud du bassin carpatique: Revue d'Histoire Comparée. Études Hongroises 21 (Nouvelle Série 1): 554—562.
L'Église nationale serbe aux XVIe et XVIIe siècles: Revue d'Histoire Comparée. Études Hongroises 21 (Nouvelle Série 1): 117—166.
A szerb nacionalizmus kialakulása és a magyarországi szerbség [Die Ausbildung des serbischen Nationalismus und das ungarländische Serbentum]: Délvidéki Szemle 2: 193—201.
Ungarn und die Kroaten: Ungarn und die Nachbarvölker. Hg. vom Stefan Gál. Budapest, o. J. 141—156.

1944

A) Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok [Die geistigen Beziehungen der Ungarn mit den Südslawen]. Budapest 1944. Kincsestár. A Magyar Szemle Társaság kis könyvtára 140. sz.
B) Zur Geschichte der kroatischen Rechtschreibung im XVIII. Jahrhundert: AECO 9—10: 325—374.

1947

A) Le peuple serbe et son Église sous la domination turque. Paris 1947. (Bibliothèque de la Revue d'Histoire Comparée VI. Budapest.)
B) Magyarok és horvátok [Ungarn und Kroaten]: Magyarország és Kelet-európa. A magyarság kapcsolatai a szomszédnépekkel. Somogyi József közreműködésével szerkesztette Gál István. Budapest 1947, 143—156.
Piac [Ung. *piac* 'Marktplatz, Markt']: Magyar Nyelv 43: 102—105.

1951

A) Parasztmozgalmak a 18. században [Bauernbewegungen im 18. Jh.] Budapest 1951. Mitverfasser: Imre Wellmann.
Orosz—magyar szótár [Russisch-ungarisches Wörterbuch]. Budapest 1951. Mitverfasser: László Gáldi.
B) A XVI. századi protestáns horvát nyomtatványok helyesírása [Die Rechtschreibung der protestantischen kroatischen Druckschriften des 16. Jahrhunderts]: I. OK 1: 164—172.

1952

A) Magyar—orosz szótár [Ungarisch-russisches Wörterbuch]. Budapest 1952. Mitverfasser: László Gáldi.

1953

A) Magyar—orosz kéziszótár [Ungarisch-russisches Handwörterbuch]. Budapest 1963. Mitverfasser: László Gáldi.

1954

A) Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika za srednje škole. Budapest 1954.
B) Az ó-magyar Trója-regény nyomai a délszláv irodalomban [Die Spuren des altungarischen Trojaromans in der südslawischen Literatur]: I. OK 5: 79—175. Publiziert auch in der Schriftenreihe: A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 89. sz.
(Diskussionsbeitrag, enthaltend eine skizzenhafte Geschichte der russischen Lexikographie, zur L. Országh's Vorlesung »A magyar szókészlet szótári feldolgozásának kérdései« [Fragen der lexikographischen Bearbeitung des ungarischen Wortschatzes].): I. OK 6: 134—139.

1955

B) Der südslawische Trojaroman und seine ungarische Vorlage: StSl 1: 49—135.
Kelengye. Szójegyzékeink *farib* szava [Ung. *kelengye* 'Mitgift'. Das Wort *farib* 'Pferd' der lateinisch-ungarischen Glossarien des Mittelalters]: MNy 51: 340—343.

1956

B) Ein Bußgebet der ungarländischen Slowenen aus dem 17. Jh.: StSl 2: 388—394.
Bruchstück eines unbekannten kroatischen kirchlichen Dramas: StSl 2: 395—396.
Gálya, bárka, sajka [Ung. *gálya* 'Galeere', *bárka* 'Barke', *sajka* 'Nachen, Kahn']: Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára. Budapest 1956, 284—292.
Megjegyzések a Magyar Nyelv Kéziszótárának szemelvényeihez [Bemerkungen zur Proben aus dem Handwörterbuch der ungarischen Sprache]: Nyr 80: 227—235.
Kroatisches Freiheitsgedicht aus dem Jahre 1794: StSl 2: 387—388. (Anläßlich der Veröffentlichung des Textes von K. Benda.)

1957

A) Szerbhorvát—magyar szótár [Serbokroatisch-ungarisches Wörterbuch]. Budapest 1957 (KSzS).
Magyar—orosz szótár. Budapest 1957. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
B) Szláv jövevényszavaink kérdéséhez. Hozzászólás Kniezsa István »A magyar nyelv szláv jövevényszavai« című könyvéhez [Zur Frage der slawischen Lehnwörter des Ungarischen. Anläßlich des Buches von István Kniezsa »Die slawischen Lehnwörter der ungarischen Sprache«]: I. OK. 10:133—168.
Melich János 85 éves [János Melich 85 Jahre alt]: Nyr 81: 507—511.
Gebete und Gesänge einer slowenischen Rosenkranzbruderschaft aus dem 17. Jahrhundert: StSl 3: 379—401.

Nachträge zum kroatischen Freiheitsgedicht aus dem Jahre 1794: StSl 3: 416—418.

1958

A) Magyar—szerbhorvát szótár [Ungarisch-serbokroatisches Wörterbuch]. Budapest 1958 (KSzS).
Magyar—orosz szótár. Második kiadás [Zweite Auflage]. Budapest 1958. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
B) Adverbien als Verbalpräfixe in der Schriftsprache der burgenländischen Kroaten: StSl 4: 211—249.

1959

A) Orosz—magyar szótár. Második átdolgozott és bővített kiadás [Zweite neubearbeitete und vermehrte Auflage]. Budapest 1959. Mitverfasser: László Gáldi.
Orosz—magyar szótár. Budapest 1959. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
Orosz—magyar szótár. Második kiadás [Zweite Auflage]. Budapest 1959. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
Magyar—orosz szótár. Harmadik kiadás [Dritte Auflage]. Budapest 1959. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
B) Stefan Kniezsa 60 Jahre alt: StSl 5: 255—256.
Neki problemi mađarskih elemenata u srpskohrvatskom jeziku: Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21. IX. 1955). Beograd 1957, 503—510.

1960

A) Orosz—magyar szótár. Harmadik kiadás [Dritte Auflage]. Budapest 1960. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
Magyar—orosz szótár. Negyedik kiadás [Vierte Auflage]. Budapest 1960. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
B) Die slavischen Elemente im Ungarischen. Anläßlich des Buches von St. Kniezsa: A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Zeitschrift für slawische Philologie 29: 1—28.
A délszláv Nagy Sándor-regény és középkori irodalmunk [Der südslawische Alexanderroman und die ungarische Literatur des Mittelalters]: I. OK 16: 235—293.

1961

A) Magyar—orosz szótár. Ötödik kiadás [Fünfte Auflage]. Budapest 1961. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
B) Kajkavische Glossen aus dem 16. Jahrhundert: StSl 7: 363—366.

1962

B) Südslawische Beiträge zum russischen Etymologikon: Zeitschrift für Slawistik 7: 651—656.
Ung. *lánc* ['Kette'] und Verwandtes: Zeitschrift für Balkanologie 1: 15—20.
Zur Deutung einiger Stellen in Gundulićs »Dubravka«: Die Welt der Slaven 7: 293—299.

1963

B) Lautliche Merkmale der ungarischen Vermittlung in deutschen und italienischen Lehnwörtern Südosteuropas: StSl 9: 1—8.

1964

A) Magyar—orosz szótár. Második átdolgozott és bővített kiadás [Zweite neubearbeitete und vermehrte Auflage]. I—II. Budapest 1964. Mitverfasser: László Gáldi.
Orosz—magyar szótár. Negyedik kiadás [Vierte Auflage]. Budapest 1964. Mitverfasser: László Gáldi (KSzS).
Kajkavische Literatur. Eine Auswahl mit Einleitung, Anmerkungen und kurzem Glossar. Wiesbaden 1964.
Gramatika srpskohrvatskog jezika za 1—4 razred gimnazije. Drugo izdanje. Budapest 1964.
B) Duhovni kinč. Kajkavski molitvennik iz g. 1667: StSl 10: 177—180.
Rapports de la poésie hongroise ancienne avec celles de l'Europe Centrale: Littérature hongroise—littérature européenne. Études de littérature comparée. Réd. par István Sőtér et Ottó Süpek. Budapest 1964, 105—127.
Néhány megfejtetlen szláv szavunk [Einige unerklärte slawische Wörter im Ungarischen]: NytÉrt 40: 124—127.
Történelem és művelődés a földrajzi nevekben [Geschichte und Kultur im Spiegel der geographischen Namen]: Nyr 88: 315—319.

1965

A) Jövevényszó-vizsgálatok [Lehnwortstudien]. Budapest 1965 (NytÉrt 50).
B) Kniezsa István (1898—1965): Magyar Tudomány 72 (Új folyam 10): 519—521.
Szótörténeti adalékok [Wortgeschichtliche Beiträge]: MNy 61: 482—492. Mitverfasser: Lajos Kiss.

1966

B) Das Leben und Wirken von István Kniezsa: StSl 12: 5—11.
Die serbokroatischen Adverbien auf *-ice, -ce, -ke:* Anzeiger für slavische Philologie 1: 59—67.
Покушај реформе латиничког правописа 1785. године: Београдски универзитет. Анали филолошког факултета 5: 268—272.

1967

B) Die Endung *-t* der 3. Person des Präsens im Altkroatischen: StSl 13: 269—283.

1968

A) Orosz—magyar szótár. Harmadik javított kiadás [Dritte verbesserte Auflage]. I—II. Budapest 1968. Mitverfasser: László Gáldi.
B) Verbale Rektionskomposita im Altkroatischen: StSl 14: 187—192.

Die kroatischen Postillen der Budapester Universitätsbibliothek: L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves 18: 171—176.
Pokladne igre u Ljubljani god. 1531: Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад. 11: 47—48.

1969

A) A funkcionális magyar mondattan alapjai [Die Grundlagen der funktionellen ungarischen Syntax]. Budapest 1969.
Magyar—orosz szótár. Harmadik javított kiadás [Dritte verbesserte Auflage]. I—II. Budapest 1969. Mitverfasser: László Gáldi.
Magyar—orosz kéziszótár. Második kiadás [Zweite Auflage]. Budapest 1969. Mitverfasser: László Gáldi.

B) Mađarski elementi u srednjovjekovnom latinitetu Hrvatske: Starina 54: 5—16.

Béla Sulán (1916—1968): StSl 15: 171—173.

Ung. *daróc* und Verwandtes: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin 1969, 60—62.

Aus den onomastischen Fragen der ungarisch-südslavischen Symbiose: 10. Internationaler Kongress für Namenforschung. Wien 8.—13. IX. 1969. Abhandlungen. Disputationes ad montium vocabula aliorumque nominum significationes pertinentes, II. Wien 1969, 25—32.

1970

B) A magyar—délszláv együttélés onomasztikai kérdéseiből]Aus den onomastischen Fragen der ungarisch-südslawischen Symbiose]: NytÉrt 70: 235—239.

A Magyar Nyelv Történeti-Etimológiai Szótára. Első kötet. A—Gy (Historisch-etymologisches Wörterbuch der ungarischen Sprache. Bd. I. A—Gy. Hauptschriftleiter: Loránd Benkő, Schriftleiter: Lajos Kiss, László Papp): Anzeiger für slavische Philologie 4: 135—142.

Abkürzungen

AECO	= Archivum Europae Centro-Orientalis
KSzS	= Kisszótár sorozat
MNy	= Magyar Nyelv
Nyr	= Magyar Nyelvőr
NytÉrt	= Nyelvtudományi Értekezések
I. OK	= A Magyar Tudományos Akadémia [I.] Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei
StSl	= Studia Slavica A cemiae Scientiarum Hungaricae

Ung. *kocsi* 'Wagen' und die Namen ähnlicher Fahrzeuge sowie einiger Bestandteile im Slowakischen

F. GREGOR

I. Die Wagengattungen

Im Mittelalter, aber auch in den späteren Jahrhunderten stand natürlich eine viel geringere Auswahl von Verkehrs- und Beförderungsmitteln zur Verfügung als in unseren Tagen. In Ungarn war in dieser Hinsicht der Bauernwagen *(szekér)*, der in verschiedenen Epochen eine verschiedene Form hatte, ein wichtiges Vehikel. Der Bauernwagen wurde nämlich, hinsichtlich seiner Anwendung und Form, in vielen Varianten verwendet (vgl. z. B. die Angaben von NySz 3: 131—134). Es können auch einige Typen aus dem Slowakischen erwähnt werden: um 1560: *pokrity woz* (JČ 6: 233); Ilava, 1676: *Woz Bireski okowaný* (NL Okir. I. 828); Hrádok, 1702: *Wozy hospodarske wolarske No 3.; wůz koniarský No 1* .(NL Okir. I. 620); Plešivec, 1818: Od menšeho *voza terchovneho* . . . (SN 6: 303) usw. Im Anfertigen der Bauernwagen schritten die ung. Handwerker an der Spitze und offensichtliche spielte auch dieser Umstand eine große Rolle dabei, daß einst manche Gattungen von ung. Bauernwagen in Mitteleuropa und sogar in fast ganz Europa verbreitet waren. Die größte Karriere machte aber jedenfalls der Wagen.

Der Ursprung des ung. Wortes *kocsi* 'Wagen' wurde auf verschiedene Weise erklärt (zusammenfassend darüber s. SzlJsz 859—860; Décsy 43—44). Heute aber wird im allgemeinen die Feststellung, wonach ung. *kocsi* eine Rückbildung der Konstruktion *kocsi szekér* ist, nicht mehr in Abrede gestellt. Das erste Glied der Konstruktion stammt von dem Ortsnamen *Kocs* im Komitat Komorn (Komárom). Der erste Beleg für das ung. Wort stammt vom Ende des 15. Jh.s (s. EtSz; SzlJsz 859), aber nach Gyula Nagy kommt es schon 1267 in einem lateinischen Text vor: ». . .ad nos properare apparatibus bellicis super totidem *cochy* iugalibus vehendis bene vasatis . . .« (Nyr 8: 551). Nach Gyula Nagy wurden diese Zeilen von König Stefan d. J. an seinen Burggrafen in Hunyad gerichtet. Wenn obige Angabe als authentisch betrachtet werden könnte, so könnte die Auffassung, wonach der Erfinder des *kocsi* vielleicht König Matthias gewesen wäre, wie das letztens Tarr in seiner Monographie über den Wagen aufwirft (s. Tarr 202—208), keinesfalls zutreffend sein. Abgesehen aber von dem oben zitierten, nicht authentischen lateinischen Text pflegt man auch übrigens den Anfang des Wagenbaus in Ungarn auf die Wende des 13—14. Jh.s zu setzen (s. ÚML 4: 161). László Zolnay schreibt:

»In der Mitte des 15. Jh.s begann die sogenannte Kutsche *(hintószekér)* als Erfindung der ung. Kutschenbauer ihren Welteroberungszug . . . König Matthias erkannte mit scharfem Blick sogleich die unvergleichlichen Vorteile der sich leicht bewegenden, prunkvollen Kutschen, auf seinen Befehl wurden die Kutschen massenhaft gebaut.«[1]

Das ung. Wort wurde in den meisten europäischen Sprachen heimisch (vgl. z. B. Berneker 537; Brückner 243; SzlJsz 859—860; Décsy 43—44; Kluge 414; Machek[2] 265—266; Tamás 245—246 usw.). In der Form *Kutschi* wurde es in der zweiten Hälfte des 16. Jh.s im Siebenbürgisch-Sächsischen gebraucht, vgl. 1577, 1586: *Kutschi* (NyIK 12: 200); während aus dem Komitat Gömör kann *koczi* angeführt werden: Rosenau (Rožnava), 1596: *kocziarbeit* (TörtTár 1884: 369); *koczi* (a. a. O. 371). Es ist selbstverständlich, daß das Wort auch ins Slowakische früh eingedrungen ist. Das auslautende *-i* des ung. *kocsi* werde im Slowakischen lang *(kočí)* und als Adjektivsuffix gewertet, sowie auch im Tschechischen (vgl. 1457, 1469: *kotčí vůz* SzlJsz 859) und im Polnischen (vgl. 1564: *kotczy kon* Reczek 167; 16. Jh.: *kotczy wóz* Brückner 243.) Beispiele: Hlohovec, 1544: Kdež sem v patek do Trnawy k vam služiebnyka svyho poslal s *koczym*, dal jest mi tu spravu, zie jest se nieyaky Vher klysnie v *koczym* przinaval, pravycz, zie jest je[h]o (Varsík 286); Senica, 1545: stiry konie, dva vozy a trzety *koczy* a jineho statku (Varsík 304); 1583: geden *koczy* stary, geden pluch . . . (JŠ 6: 252). Diese Adjektivform war im substantivischen Sinn ('kocsi-szekér') verhältnismäßig lange lebendig, da neben dem männlichen *kočí* in meinen noch aus der ersten Hälfte des 17. Jh.s stammenden Angaben das sächliche *kočie* auch vorkommt: Mšená, 1613: *koczye gedno* (SL 3: 79); Ludány, 1656: *Koczie stare* bez zaoskow *N. 1.* (NL Okir. I. 633); 1658: *Koczie stare* N 1. (a. a. O.) Wahrscheinlich ist es hingegen, daß die im folgenden Zitat vorkommende Form *kočia* nicht Gen. Sing. von *koč* ist (auf Grund des Kontexts wäre ein Gen. Plur. zu erwarten), sondern eher Fem. Nom. Sing., der sozusagen als eine Erklärung hinzugefügt wurde: Orechovo, 1646: Jakož i od novokršťenských vozov neb *kočia*, na kterých budto sami sem tam se vozívají . . . (HŠ 7: 256). So kann man also entschieden behaupten, daß die aus dem 16—17 Jh. stammenden *kočí*, *kočia*, *kočie* sich vollständig in das System der slowakischen mouilliert auslautenden possesiven Adjektiva eingefügt haben. Dieselbe Erscheinung ist auf nordslawischem Gebiet auch später nachzuweisen, vgl. die karpato-ukrainischen Formen aus dem 17—18. Jh.: *кочвй, кочвя, котчия* 'повозка, коляска' (StSl 7: 166).

Die Bewertung des *-í (-ia, -ie)* als Possessivsuffix hatte zur Folge, daß für das slk. Sprachgefühl *koč* das Grundwort war, ebenso auch im Polnischen (s. Sławski 2: 321). Für *koč* gibt es im Slowakischen seit der ersten Hälfte des 16. Jh.s viele Angaben und in dieser Form ist das Wort noch heute in den Mundarten und in der Schriftsprache gebräuchlich. Es hatte einst, wie aus

[1] Zolnay L., Ünnep és hétköznap a középkori Budán. Budapest 1969, 156.

den Angaben ersichtlich, die Bedeutung 'Wagen, leichter Bauernwagen' und das änderte sich im wesentlichen auch später nicht. Im slk. Großen Wörterbuch bedeutet *koč* 'ťahké, pohodlné, obyč. perované vozidlo na dopravu osôb ťahané koňmi' (SSJ 1: 712). Nach meinen Angaben bedeutet *koč* in einzelnen Orten, hauptsächlich in den ungarländischen slk. Mundarten nicht nur 'Wagen', sondern auch 'Bauernwagen', d. h. ein Lastfuhrwerk, in das Pferde oder Ochsen eingespannt werden. Da es leider noch kein slk. sprachgeschichtliches Wörterbuch gibt, bringe ich eine verhältnismäßig ausführliche Beispielsammlung, damit die Bedeutung der einzelnen Wörter, die Dauer ihrer Anwendung und ihre territoriale Verbreitung entsprechend belegt werde. Nach Hauptová ist die slk. Form *koč* seit 1566 belegt (s. Slavia 28: 527). Das ist aber eine irrtümliche Feststellung, weil nicht nur ein früherer Beleg des Wortes nachzuweisen ist, sondern auch die Artikel der Schlosser- und Schmiedezunft in Neustadtl a. d. Waag (Nové Mesto nad Váhom, Vágújhely), woraus Hauptová die erwähnte Angabe anführt, nicht aus 1566, sondern aus 1666 stammen. F. Šupala, der die Zunftordnung veröffentlichte, datierte sie offensichtlich durch Verschreibung oder einen Druckfehler auf 1566, denn am Anfang so auch am Ende des Textes ist »Anno . . . Millesimo Sexcentésimo Sexagésimo Séxto« zu lesen (SL 4: 42, vgl. 4: 48).

Belege für *koč:* 1541: . . .ze biste raczili poslat . . . a ten vcz veliki, neb na *koczi* nemoz nicz privesti (Varsík, 226); Šintava, 1544: zase vypravil sem do Ffrystaku na *kotczy* (Varsík 289); 1584: Item ktomu cžtiry konie woznÿki *skoczżom* a z ginymi weczmy ktomu prinaležegiczymi (RadvL I. Oszt. IV. cs. 60. sz.); 1607: Kdy niekdo potrebuje doktora, aneb procuratora musí mu koňa aneb *koč* poslati (SP 14: 4); Altsohl (Zvolen, Zólyom), 1620: Liczaky N⁰ 5 (wzawsse dwa ku *koczu*) (OL NRA 1702: 27); Brestovany, 1627: chitil ho wpoly a hodil ho na *kocz* (SN 14: 137), Éleskő, 1664: Stupne zelezne *zkočza* . . .; . . .zeleza czo se *kočz* nanich držia N. 2. (NL Okir. I. 713: 28); Blatnica, 1678: *Kočz* Pansky N⁰ 1. (NL Okir. I. 829); Hrádok, 1682: Tamže *kocz* Nowý zktereho Lancze gsau pri *kočzi* p . . . (NL Okir. I. 620: 72); 1685: . . .na *kočžu* (Com 173); Hrádok, 1702: Na nowý *Kočz* korba nowa, osy nowe, kolesa nowe (NL Okir. I. 620); um 1775: Kotsi, *Koč*, Rheda (StSl 3: 90); *Koč* 1. 'kotsi'; 2. 'tzésa, német tzésa' (Bern); Tótkomlós, 1851/2: za *Kocs* slamy (StSl 8: 364); 1861: za *koč* kukurici (a. a. O.); *kuč* (gen. *koča*) ~ *koč* 'kocsi' (Czambel 541); Ambrózfalva: Jesto *ľaxkie koče*, na parádu, čo aj fídere mau, . . .poton je *ťaški koč* (Ondrus 226); Galgaguta: voľi do *koča* (Ondrus 204); Kisáč (Jugoslawien): *nabraní koč* 'beladener Wagen' (eigene Sammlung); Isaszeg, Csömör, Bér, Márianosztra, Mátraszentimre, Szuhahuta: *koč* 'szekér; Bauernwagen' (MSzNyA) usw.

Ableitungen: *kočový* Adj. 'kocsi-, Wagen-': Hrádok, 1702: Korba Kucharska *kočzowa* stara (NL Okir. I. 620); *kočowý* sl. (Palk); *kočový* 'patriaci ku koču; vhodný do koča' (SSJ I: 712);

kočík 1. 'Wagen'; 2. (einst) 'kleiner Wagen'; 3. (neuerdings) 'Kinderwagen'. Beispiele für die drei Bedeutungen: um 1560: . . .*koczyk* a dwoge jalowet pany Zawaskey (JŠ 6: 233); Parížovce, 1564: pany Zawaskej porucze[m] *koczyk* a dwe oucze (JŠ 6: 237); Nemecká Ľupča, 1593: . . .pochar strybrny . . ., *kočyk*, krawu . . . (JŠ 6: 158); 1791: Z Rjadu Gazdowßkeho: *Koczik* zlojtrami, z kossom, a ze ssetkim cžinom (EL Rep. 22. fasc. P.: 126); *Kočík* 'eine kleine Kutsche, ein kleiner Wagen; kis kotsi, kotsitska' (Bern); *kočík* 'vozík, kočárek' (Kálal); *kočík* 'vozidlo pre malé deti, detský vozík' (SSJ I, 712);

kočár ~ *kočiar* 1. 'leichter Wagen, Chaise'; 2. 'Wagen' — *kočárek* 1. 'leichter Wagen', 2. 'kleiner Wagen' — *kočiarik* 1. 'malý kočiar', 2. 'detský kočík (SSJ I: 712) — *kočiareň* 1. 'Wagenschuppen', 2. 'Wagenfabrik' (Loos 2: 185) ~ *kočareň* 'Wagenschuppen' (StSl 10: 235). Beispiele: 1725: Od každeho voza noveho aneb *kočara* habanskeho . . .; Od *kočara* neb šezy a hintova . . . (SN 6: 303); Trentschin (Trenčín, Trencsén), 1649—58: *kočárek*, ktery meno má šarkanova hlava (SSNM 8: 150); *kočárek* spuštiany (a. a. O. 151); Éleskő, 1664: Ssinuw z *koczarka* N. 16 (NL Okir. 713: 28); 1681: Od poprawowaný *Kotsarka* (NL Okir. I. 289 / B: 564 *b*); *Kočár* 'kotsi, tséza, német tséza; Kutsche, Kalesche, Chiese' (Bern); *Kočárek* 'kotsitska, német tsézátska; kleine Kutsche (Kalesche)' (Bern); *kočár* 'díszkocsi, hintó; Galawagen, Kutsche' (Jancs); *kočiarok* 'Karrenwagen; taligaszekér, kordély' (Loos 2: 309); Brestovany: *kočár* 'koč' (SN 14: 152).

In den tschechischen und den polnischen Angaben vor dem 17. Jh. kommt an Stelle von *č* die Lautverbindung *tč* vor, die von Machek[2] 265 als irrtümliche Schreibweise gewertet wird, ohne aber dafür den Grund anzugeben. Holub—Kopečný 175 denkt an eine etwaige Kontamination mit dem Wort *kotec* 1. 'Behältniss'; 2. 'Höke, Kramstelle, Halle'; 3. pl. 'die Kotzen, Tandelmarkt'; 4. 'Kajüte'; 5. 'Kasten beim Wagen'; 6. 'das Lager' (Kott I, 764). Meiner Meinung nach könnte man auch die Möglichkeit in Betracht ziehen, daß das *-t-* auch von der deutschen Schreibweise gefördert werden konnte. Es ist nämlich überhaupt nicht unwahrscheinlich — da der Wagen anfänglich ein aristokratisches Verkehrsmittel war — daß die Tschechen (und vielleicht auch die Polen, doch hier kann auch der tschechische Einfluß in Frage kommen) mit dem Wagen nicht nur unmittelbar, sondern teilweise durch österreichische Vermittlung bekannt wurden (vgl. auch Ertl: Naše řeč 9: 171). Die Ableitung *kočár* ist im Westslowakischen gebräuchlich, während im Mittelslowakischen gewöhnlich das mit dem *-iar* Suffix gebildete *kočiar* benützt wird. Die Bildungssilbe *-iar* kann dem mouilliert auslautenden Wortstamm einiger Substantive angefügt werden, die einen Gegenstand oder ein Gerät bedeuten (s. Horecký 116).

Das Lehnwort *kočí* bedeutete am Anfang auch den 'Fuhrmann, Kutscher', z. B. Hlohovec, 1544: Tomu ya nycz nevodpiram, anyż sem ty klysny poviedom, neż muj *koczy* jest vyfreymarczyl od czygana od jednoho za valacha tu

klysnu, . . . (Varsík 286). Selbstverständlich wurde die heimische Bildung *vozár* auch gebraucht, z. B. Orava (Árva), 1611: Klisy v *wozare* (JŠ 2: 272); 1626: . . .ale *wozara* ku konom dobreho nykde nemuožem dostatj (FL: 1626).

Zur gleichen Zeit, offensichtlich noch während des 16. Jh.s, verbreitete sich das aus dem Ungarischen stammende *kočiš* (ung. *kocsis* ist seit 1524 belegt: OklSz 511), und zwar in dem selben Sinne, wie es im Ungarischen gebraucht wurde. D. h. anfänglich als 'Fuhrwerkslenker', später aber, als der Fuhrwerkslenker nicht mehr auf einem eingespannten Pferd das Gespann lenkte, kutschierte (darüber vgl. Takáts 223), sondern vom Bock, dann als 'Kutscher' und diese Bedeutung lebt bis in unsere Tage. Beispiele: 1653: *Kočzissowy* nohawicze No 1. (NL Okir. I. 289/A: 712); 1671: *kocsyssa* (SFFUK 14: 82); Ludány, 1682: Na panskich *koczissoch* . . . (NL Okir. I. 633); 1685: Welicy Panowe wozj se ssestema koňmj dwema *kočissmj* (Com 173); 1725: Od každeho kona forman aneb *kočiš* má platit den. 2. (SN 6: 302); um 1775: Kotsis, *Kočiš*, Rhedarius (StSl 3: 90); Brestovany, 1814: *kocsissy* pansky (SN 14: 136); Komitat Gömör 1818: hintovskemu *kočišovi* . . .; Običajnemu *kočišovi* . . . (SN 9: 292); *Kočiš* 'aurigarius, rhedarius' (Bern); *kočiš* 'kočí' (Kálal); *kočiš* 'kto poháňa kone (obyč. ako zamestnanie)' (SSJ 1: 712).

Ableitungen: *kočišský* Adj. 'kocsis-, Kutscher-': 1601: sekera stara *kočziska* 1 (Teleki: 1601); *kočišskí* 'aurigalis, aurigas adtinens' (Bern); *kočišský* príd. (SSJ 1: 712);

kočiška 1. 'kocsisné, Frau des Kutschers' (Bern, Jancs, Kálal); 2. 'kocsis, Kutscher'; 3. 'nájomník bytu' (Sipos 260);

kočišovať 1. 'kocsiskodik; als Kutscher dienen'; 2. 'befogott lovakat hajt; eingespannte Pferde lenken': um 1775: Kotsiskodás, *Kočissowanj*, Aurigatio (StSl 3: 90); *Kočišovať* Syn. Koňe hnať, vulg. kučírowať 1. 'kutschen, kutschieren, die Kutsche regieren, die Pferde treiben; 'lovakat hajtani'; 2. 'ein Kutscher seyn; kotsiskodni, kotsisnak lenni', Syn. kočišem biť (Bern); *kocsiz* = koňe hnať, *kočišuvať* (Jancs); *kočišovať* 'býty kočím, říditi koč' (Kálal); *kočišovať* hovor. 'poháňať záprah koča al. voza' (SSJ 1: 712). In derselben Bedeutung werden in den slowakischen Mundarten auch die Varianten *kočírovať* ~ *kučírovať* gebraucht (ebenso im Tschechischen: *kučírovati* Machek² 265), die offensichtlich aus dem dt. *kutschieren* enstanden sind. So z. B. um 1775: Kotsiskodom, *Kočjrugj*, Aurigor (StSl 3: 90); *kočišowať*, vulg. *kučírowať* (Bern); *kočírovať* 'kocsiz, kocsikáz; kutschiren' (Loos 3: 185);

kočiščina 'kocsisnyelv, Sprache der Kutscher' (Holuby 101); *kočiština* 'mluva kočích' (Kálal).

Wie aus der Beispielsammlung ersichtlich, habe ich für das Grundwort *kočiš* Angaben bloß von der Mitte des 17. Jh.s an, aber das 1601 aufgezeichnete Adj. *kočišský* beweist unzweifelhaft, daß *kočiš* im Slowakischen schon im 16. Jh. eingebürgert war. Übrigens wurde in diesem Zeitalter dieses Wort auch im ungarländischen Deutschen gebraucht, vgl. z. B. Komorn, 1592: *Khutschis*,

so heüser aber kaine gründt dartzu haben: ... (Urbáre 1: 478); seit dem Ende des 17. Jh.s ist es im Rumänischen nachweisbar: *cocíș* (Tamás 247); seit dem 18. Jh. im Kroatischen: *kočiš* (Rječnik 5: 143; aber schon im 17. Jh. kam hier *kočijáš* 'kocsis, Kutscher' vor, über die Entstehung s. Décsy 44: *kočijáš)*. Im Polnischen bedeutet *kocisz* im 17. Jh. 'kocsi; Wagen' (s. Brückner; Sławski 2: 321), im 16—17. Jh. *kotczysz, koczysz* 'kocsis; Kutscher' (Sławski 2: 321; Linde 2: 467: unter *kotszysz)*.

Aus dem Ungarischen stammen auch die slowakischen Zusammensetzungen *landkočiš* (bezüglich des Ung. vgl. 1667: *Landt kocsisnak* fl. 2. TörtTár 1883: 585; 1678: *lantkocsis* 'Landkutscher' OklSz; 1718: *lantkocsis* MNy 60: 116; < dt. *Land* + ung. *kocsis*) und *igáškočiš*. Vgl. z. B. 1690: *Landkočzissowy* Pressḥor[skemu] (NL Okir. I. 289/B: 692); Tótkomlós, 1851: za *ygas kocsissa* (SFPS 332); 1852/3: za *igás kotsisa* (a. a. O.). Das letztere wurde zweifelsohne nur in den slk. Randdialekten, bzw. Mundartinseln, die mit dem Ung. in fortdauernder Beziehung standen, bekannt.

Außer den allgemein verbreiteten und gemeinsprachlich gebrauchten slk. Wörtern *koči* und *kočiš* können noch folgende aus dem Ung. stammende und auf Beförderungs- und Verkehrsmittel sich beziehende Ausdrücke erwähnt werden:

koňhakoč 'konyhakocsi; Küchenwagen'. Bytča, 1678: Na panský *konyhakočz* okuwania (EL Rep. K. Rep. 27. fasc. N. nr. 32); Trentschin, 1678: Šragle s *konha koča* a truhlice polamane (HŠ 3: 421); Blatnica, 1685: *skonyhakočza* Rebrinky, z Dwoma karikami zeleznima a s Panty dwema (NL Okir. I. 829); dwe kolesa stare s *Konyhakocza* (a. a. O.); 1697: *konyha kočz* geden (NL Okir. I. 289/B: 738).

Ableitung: *koňhakočový* Adj. 'konyhakocsi-; Küchenwagen-': Hrádok, 1702: Truhla Paneg *konyhakocsowa* železnimy zawesmy . . . (NL Okir. I. 620).

Eine Übernahme des ung. Kompositums *konyhakocsi* 'Proviantwagen', wobei das letzte Glied der Zusammensetzung durch das frühere Lehnwort *koč* modifiziert wurde. Das seit der erste Hälfte des 16. Jh.s belegte ung. *konyhakocsi* (OklSz; NySz) bezeichnete einen Wagen, mit welchem in erster Linie für den Haushalt des Hochadels Lebensmittel, bzw. deren Rohstoffe befördert wurden. Deshalb kam dieser Ausdruck in den Sprachgebrauch der ehemaligen slowakischen Schloßherrn im einstigen Oberungarn und selbstverständlich auch in denselben ihrer Bediensteten. Es scheint, daß das Wort anfänglich übersetzt wurde, vgl. 1624: *kuchynskeho kocža* račzila ordinowatj (FL: 1624), später aber wurde es einfach übernommen, was für den zum größten Teil zweisprachigen oberungarischen Adel im 17. Jh. ganz natürlich war. Dementsprechend hatte sich *koňhakoč* unter dem Volke nicht verbreitet, und als das Gerät nicht mehr gebraucht wurde, ist auch sein Name verschwunden. Meines Wissens ist es in der Sprache anderer Nachbarvölker nicht belegt.

Im 17. Jh. wurde übrigens im Slowakischen auch die Bezeichnung *kuchársky koč* gebraucht, vgl. Trentschin, 1649—58: *koč kuchársky* (SSNM 8: 150), das vermutlich dasselbe bedeutete wie *kuchynský koč*, bzw. *koňhakoč*.

hintov 'hintó; Kutsche, Prachtwagen, Karosse'. Laut Hauptová wurde dieses Wort im Slowakischen im 18. Jh. allgemein gebräuchlich (Slavia 28: 527), es kann aber schon seit der Mitte des 17. Jh.s so reichlich belegt werden, daß es eine unbestreitbare Tatsache ist: im 16. Jh. war das Wort auch unter den Slowaken verbreitet. Im slk. Großen Wörterbuch wird es als ein heute schon etwas veralteter Ausdruck angegeben (s. SSJ 1: 473). Das steht offensichtlich damit im Zusammenhang, daß in unseren Tagen die Kutsche als Verkehrsmittel fast gänzlich außer Gebrauch kam und so wird auch ihr Name in der gesprochenen Sprache immer seltener gehört. Dessenungeachtet gehört das Wort auch heute noch in den slk. Wortschatz. Beispiele: Trentschin, 1649—58: *hintov* nový sklenný pre osob šest; *hintov* axamientový červený; *hintov* pozlacený; jeden nový *hintov* na zadku s truhlu černú . . . (SSNM 8: 149); Ludány, 1662: Dal Do Huty za okna, do Panske[h]o *hyntowa* (NL Okir. I. 289/B: 119 *b*); Dubnica, 1666: pasy *zhyntowa*, stare mrchawe (NL Okir. I. 721); Ilava, 1676: *Hintow* stary z komoru (NL Okir. I. 828: 26 *b*); 1685: na wisicym woze, kteryž se zowe *Hintow* (kočž) (Com 173); Hrádok, 1702: Remene powrazý k *hintowu* na konie (NL Okir. I. 620: 84 *b*); 1713: Piletum, Hintószekér, Karosse, *Hintow* (Lyczei 296); Brestovany, 1742: na panske *hintovi* (SN 14: 137); um 1775: Hintó, *Hintow*, Carpentum (StSl 3: 87); *Hyntow* sl. 'carpentum' (Palk); *Hintow* 'carpentum' (Bern); *hintov* 'hintó' (Jancs); *hyntov* 'kočár (na perech)' (Kálal) usw.

Ableitungen: *hintovček* Deminutiv 'hintócska, kis hintó; kleine Kutsche': Trentschin, 1678: Maly zeleny *hintovček* jeden (HŠ 3: 415); Blatnica, 1685: *Hintowčzek* Pansky Modri mali (NL Okir. I. 829);

hintovský ~ *hintový* Adj. 'hintó-, hintós; Kutschen-': um 1775: Hintós ló, *Hyntowy kůn*, Carpentarius equus (StSl 3: 87); Plešivec, 1818: *hintovské* zadné kolesá (SN 9: 290); *hintovskemu* kočišovi (a. a. O.);

hintovať sa 'auf der Carosse fahren; hintón (fedeles kotsin) járni, menni' (Bern).

Früher wurde noch *polhintova* 'Halbkarosse, Halbberliner' zur Bezeichnung des Übergangs zwischen dem Wagen und der Kutsche gebraucht (die Beschreibung bei Horváth: SSNM 8: 149), z. B. Trentschin, 1649—58: koč, ktorý se jináč menuje *pol hintova* (SSNM 8: 149); koč na spusob *pol hintova* (a. a. O. 150); jeden koč remennýináč menovaný *pol hintova*, kterému zadek na pásoch visí (a. a. O.). In diesem Fall ist die Endung *-a* als Flexionssilbe des von *pol* regierten Gen. zu erklären.

Die Entlehnung des aus dem ung. *hintószekér* (zuerst um 1405: SchlGl) entstandenen *hintó* 'hängender Wagen, Rollwagen, Kutsche' (SzófSz). Im 17.

Jh. hat sich *hintó* als Fuhrwerk der Vornehmen nicht nur in Südosteuropa verbreitet (vgl. Décsy 40), sondern wurde auch in den nördlich und westlich von Ungarn liegenden Ländern beliebt. Im Slowakischen beweisen das oft vorkommende *hintov* und seine Ableitungen einwandfrei, daß *hintó* im 17. Jh., offensichtlich auch schon früher, ein beliebtes Verkehrsmittel der vornehmen Kreise geworden ist. Aufgrund des nachfolgenden Inventarauszugs bekommen wir ein Bild über die in der zweiten Hälfte des 17. Jh.s in Oberungarn benützten Kutsche und ihrer Zubehöre (die Beschreibung der zeitgenössischen Kutsche s. bei Horváth: SSNM 8: 149): Éleskő, 1664: Zeleza neb Cziffrowane stlupi tej czo klanicze su snimy Podeprene na *Hyntowe* Ze Stlupikow zadnich y Prednich Z *hyntowow* okuwani wrchý ý z halkmaj. Zeleza Z *hyntowuw* dluhe z Makowičzu N 2 Lancze zelezne Duplowane Z *hyntowa* Lancze zelezne Proste Z *hyntowa* Stlpikou menssich bočznich *zhyntowa* zeleznych N. 4. Praczky zelezne welike *Zhyntowa* N. 4. Makowicze *Zhyntowow* N. 12 Plechy Zadnich stlupow z *hintowa* Cziffrowanich 2. (NL Okir. I. 713).

Eine Variante der Kutsche hieß *leeresztő hintó*, eine Benennung, die auch in slk. Texten vorkommt, so z. B. Ilava, 1676: Hintow Panský zkomoru znutra czerwený *Leereßtô hinto* (NL Okir. I. 828); Ilava, 1682: *Leerestu Hinto* N. 1. (a. a. O.). Dieser Ausdruck ist aber im Slowakischen nicht als eine ung. Entlehnung, sondern als ein lexikalischer Hungarismus zu bewerten (vgl. für dieses Phänomen: Hauptová: MNy 56: 176; Gregor: StSl 15: 229—30), um so mehr, da hier die Bezeichnung *leeresztő* auch mit einem ins Slowakische übersetzten Wort gebraucht wurde: Trentschin, 1649—58: *hintov spuštiany* (SSNM 8: 149); Ilava, 1677: *Hintov spusstany* (NL Okir. I. 828). An Stelle des auslautenden ung. *-ó* steht im Slowakischen die übliche Endung *-ov* (darüber ausführlicher s. Sulán: Slavica 1: 43—54), ausnahmsweise ist aber auch die Variante mit *-o* anzutreffen. Außer *leereßtô (leerestu) hinto* wurde 1818 in Plešivec auch die Form *hinto* aufgezeichnet: na *hinto* zadna os (SN 9: 291). Da aber im Komitat Gömör die Aussprache des Worts *hintoy* ist (s. Szabó 23), besteht die Möglichkeit, daß es sich auch hier nicht um ung. *-ó* > slk. *-o* handelt (für das Kroatische s. Hadrovics: Melich-Eml 114—5), sondern einfach um eine ung. Schreibweise.

Aus dem Ungarischen stammen noch das karpatoukr. *гинтув* ~ *гинтов* 'коляска, экипаж' (StSl 7: 163); tschech. *hintov* 'kočár (v uherském prostředí)' (Machek² 166), rum. *hintéu* (seit dem Ende des 17. Jh.s) 'Kutsche, Prachtwagen' (Tamás 430), skr. *hintov* ~ *intov* (seit 1670) 'id.' (Hadrovics: Melich-Eml 114), bulg. *intòv, chintòv* (seit 1861) 'Kutsche, Karosse' (Décsy 39).

taliga 1. 'kétkerekű könnyű kocsi; zweirädiger leichter Wagen'; 2. egykerekű taliga; einrädiger Karren'; 3. 'eketaliga; Vordergestell'. Wie *hintov*, so ist auch slk. *taliga* seit der Mitte des 17. Jh.s bekannt, als das Wort von J. Benický in einem seiner Gedichte schriftlich aufgezeichet wurde: 1652/1873:

Co geden kun vest muž, *Taliga* gmeno geho (SA 2: 24); 1687: *Taligi* No. 2 co pýsek woza (NL Okir. I. 289/B: 663 *b*); um 1775: Taliga, Talyiga, *Taliga*, Vectabulum — Egy kerekű talyiga, o gednom kole *taliga*, Unirotum (StSl 3: 104); Komitat Gömör 1818: *Taliga* zo všeckim z koljeskami (SN 9: 291); *Taliga* 'Kára' (Bern); Ještě jedno domácí zvíře musím připomenout, totiž osla (somár), kterého obyčejně viděti při dvoukolové karici *(taliga)* zapřaženého (Němcová 127); *taliga* = *taliga*, dvokolica, samokol (Jancs); Komitat Gömör, Liptau: Hlási sa jeden žobráčik na *talige* s jedným chudým zodraným koníkom (Dobš 2: 194); *talicska* = táčky, fúrik, *taliga*, kolieska (LP 388); *taľiga:* Vžal totu *taľigu* i s koňem (Czambel 602); Eipelgegend: *taľiga* (JČ 17: 134); Nordwestlicher Teil von Gömör: *taliga* 'dvojkolesový vozík, ktorý ťahá človek' (JČ 13: 86); Umgebung von Kaschau und ungarländische slk. Dörfer: *taľiga* 'eketaliga; Pflugkarren' (SN 5: 326); Pilisszántó: *taliga* 'Pflugkarren (eigene Slg.); slk. Dörfer in Transdanubien: *taligi* (Štolc 80); Komitat Orava: *taľiga* 'vozík' (Hab 46): *taliga* 'vozík na dvoch kolesách, kára' (SSJ 4: 488).

Ableitungen: *taligový* Adj. 'taliga-, taligás; Karren-': um 1775: talyigás, *Taligowy*, Carrucarius (StSl 3: 104);

taligár vulg. 'Kárňík; taligás, talyigás; Kärner, Kärrner' (Bern: unter *Kárnik*); *taligár* = taligás, targoncás; Karrenführer (Loos 3: 546).

Entlehnung des seit dem Ende des 14. Jh.s belegten ung. *taliga* 1. 'zweirädiger leichter Wagen'; 2. 'einrädiger Karren'; 3. 'Pflugkarren'. Ung. *taliga* ist entweder ein altrussisches Lehnwort, oder es stammt unmittelbar aus derselben östlichen Quelle, woher die ostslawischen (russischen, ukrainischen) Äquivalenten kommen (s. SzlJsz 760—761). Laut Machek ist das slk. und das mährische mundartliche *taliga* offenbar türkisch-tatarischer Herkunft (Machek[2] 635), darauf geht er aber nicht ein, auf welche Weise die Entlehung stattgefunden hat. Kniezsa weist aufgrund der Wort- und der Lautgeschichte entschieden darauf hin, daß westlich vom Ungarntum *taliga* nur ein ung. Lehnwort sein kann (a. a. O.). Und die mit dem ung. übereinstimmende Bedeutung, so wie die slk. Angaben aus dem 17. Jh. unterstützen Décsys Feststellung: »Das Wort bezeichnete offensichtlich eine Art einfaches Verkehrsmittel, das ursprünglich von ung. Wagenbauern hergestellt wurde; es verbreitete sich zusammen mit anderen ung. Ausdrücken der damaligen Verkehrstechnik über den türkischen Balkan« (Décsy 61). Schon bei *kocsi* und *hintó* haben wir gesehen, daß man die Ausstrahlung dieser Wörter nicht nur in südöstliche, sondern auch in nordwestliche Richtung verfolgen kann. Dasselbe ist im Zusammenhang mit *taliga* zu beobachten. (Über die russischen, polnischen, serbokroatischen, slowenischen, bulgarischen, türkischen, rumänischen Angaben s. SzlJsz 760—761; Décsy 60—61; Tamás 798.)

Gesondert muß über das Deminutiv *talička* 1. 'Schubkarren', 2. 'Pflugkarren' gesprochen werden: in der Bedeutung 'kétkerekű taliga; zweirädiger Karren' gilt es in der Schriftsprache als expressiver Ausdruck (s. SSJ 4: 489),

in der Bedeutung 'eketaliga; Pflugkarren' lebt es aber nur in den Mundarten. Beispiele: *tališki* 'der Schiebkarren, Schubkarren, die Schiebkarre, Schubkarre; talitska, torbontza, egy kerekű talyiga' (Bern: unter *Koľečko*); *tališka* 'talyicska' (Jancs); *tališka* 'malá taliga' (Kálal); *tališka* 'kis taliga; talicska' (Hv); Komitat Neutra, Neograd, Békés: *tališka* 'eketaliga; Pflugkarren' (SN 5: 326); Pilisszántó: *tališki* Schiebkarren'' (eigene Slg.); Sóskút, Sárisáp: *tališki* 'fúrik na zem' (JŠ 2: 339).

Ableitungen: *tališkár* 'Karrenschieber; talitskás, talitskázó' (Bern: unter *Koľečkár*); *tališkár* 'taligás; talicskás' (Hv);

tališkovať 'karren, etwas mit der Schiebkarre führen; talitskázni, talitskát tolni, valamit a' talitskán vinni' (Bern: unter *koľečkovať*); *tališkovať* 'taligáz, talicskáz' (Hv).

Obzwar ich von diesem Wort erst seit Bernolák Belege habe, ist es als sicher anzunehmen, daß es die Slowaken bereits in den früheren Jahrhunderten gekannt haben. Deshalb ist es zu erwarten, daß die wortgeschichtliche Forschung auch ältere Belege bringen wird. Das Wort *tačka* (Nom. Plur. *tačky*) 'einrädiger Karren' nämlich, das nur mit dem Ausfall der mittleren Silbe von *tališka* ~ *tališky* entstanden sein kann (s. Machek² 635), ist schon seit dem ersten Drittel des 17. Jh.s belegt: Skalica, 1632: co dwoge *taczky* . . . kowarz okowal (SL 4: 154); erste Hälfte des 17. Jh.s: Cisium. *taćky;* cisium. *taćzky* (SMS 15: 156 — K. Palkovič setzt die Entstehung des Nomenclator pružinský für ein Jh. später, s. SFFUK 14: 105, 118, seine kurze Begründung ist aber nicht überzeugend); 1685: tisnauce před sebau *Tačky* (Com 133); Wozek o gednem kolesku, zůwe se *Tačky* (Com 170); Jaslovce, 1787: *Tačky* 1. (SSNM 1952—1960: 158) usw.

Die slk. Deminutive *tališka*, *tačka* so wie auch das Grundwort *taliga* werden von Machek² 635 als Wörter östlichen, türkisch-tatarischen Ursprungs betrachtet, obwohl Kniezsa klar darauf hinweist, daß *tališka* keine Weiterentwicklung des slk. *taliga* sein kann, da letzteres in den slawischen Sprachen, so auch im Slowakischen nur die deminutive Form **talížka* (durch Assimilation: *tališka)* haben kann (darüber s. z. B. skr. *teljiška* SzlJsz 761; bulg. *tàlìga* Décsy 60; ostslk. *teľiška* 'zweirädiger kleiner Wagen' Buffa 224), und aus *-šk* entwickelt sich in den slawischen Sprachen kein *čk*. Slk. *tališka* ist also offensichtlich die Entlehnung des ung. *talicska*, dessen Ursprung aber bis jetzt noch nicht ganz geklärt ist (s. SzlJsz 761—762). Mit Kniezsas Darlegung stimme ich in vollem Maße überein, füge bloß hinzu, daß die in dem Komitat Bereg und auf der Bodroginsel spät auftauchende (seit 1838: Tsz; MTsz) ung. mundartliche Variante *tacska* wahrscheinlich die Rückentlehnung des slk. *tačka* ist und keine ung. Entwicklung. Darauf weist die geographische Verbreitung des Wortes und ihre um zwei Jahrhunderte jüngeren Belege als die der heute bekannten ersten slk. Angaben.

tárny voz 'Lastwagen'. Von Hauptová wird es vom Anfang des 19. Jh.s an belegt (s. Slavia 28: 527), obwohl es bereits Nomenclator pružinský (darüber s. unter *tačky*) aus der ersten Hälfte des 17. Jh.s zu finden ist: Arcera. *tarny* nebo krity *wus* (SMS 15: 161). Weitere Beispiele: Trentschin, 1649—58: *tarný voz* (SSNM 8: 151); Ludány, 1660: Na cestu do *Tarneho woza* dalo se wina Me. 12 (NL Okir. I. 289 B: 86); Ilava, 1676: Worek z *Tarneho Woza* N. 1. (NL Okir. I. 828: 26 *b*); Hrádok, 1677: *Tarne wozi* . . . N 2 (NL Okir. I. 620); Trentschin, 1678: S *tarneho vozu* sukno brunatne platnom podsite (HŠ 3: 395); *Tarne vozy* no. 2. (a. a. O. 421); Hrádok, 1682: *Woz Tarny* sneho sukno zrezane (NL Okir. I. 620); *tárný wůz* sl. 'Soldatenwagen, Ärarialwagen; plaustrum' (Palk); *Tárni Wóz*, usus, 'plaustrum, currus oneratus; Lastwagen; tár (terhes) szekér' (Bern); *tárni voz* 'társzekér' (Jancs); *tárne hromovozy* 'velké vozy nákladné' (Kálal); Pilisszántó: *Tárni vos* 'Himmelswagen' (eigene Slg.).

Das Adjektiv *tárny* wird auch in den Wörterbüchern des 19—20. Jh.s gebucht (z. B. Bern, Jancs, Mič, Kálal, SSJ), die Bedeutungsangaben und die Beispiele weisen aber in jedem Falle darauf hin, daß *tárny* in einer engeren Bedeutung, eigentlich nur auf den Troßwagen bezogen, gebraucht wurde. D. h. das Adj. *tárny* hat den Wagen nur näher bestimmt und es kam nicht als Attribut von einem mit Last beladenen Gegenstand, Mittel oder Ort vor. So bezeichnet also auch das daraus gebildete Hauptwort *tárnik* immer einen Wagen, der zur Lastbeförderung geeignet ist: *tárnik* 'társzekér; Troßwagen' (SMSS 9: 46); Komitat Zips: *tarnik* 'vůz na brambory' (Kálal); *tárnik* nár. 'ťažký voz' (SSJ 4: 495).

Es ist die halbe Lehnübersetzung des seit dem Ende des 14. Jh. belegten ung. Kompositums *társzekér* 'Lastwagen; teherszállító (főleg katonai) szekér' (SzlJsz 762). Das erste Glied, d. h. *tár-* der ung. Zusammensetzung *társzekér* kann in gleicher Weise aus dem Slawischen und aus dem Türkischen erklärt werden (s. SzlJsz 763; Hadrovics 56). Den ung. Namen der zur Beförderung von Last und Ware ausgebildeten Wagenart haben auch die Kroaten mit einer den Slowaken ähnlichen Methode übernommen, wie das das seit der Mitte des 18. Jh.s belegte Wort *tarna kola* 'carrus, carrum' (SzlJsz 763) zeigt, während es im Osten im siebenbürgischen Rumänischen als *tarsécher* 'Trosswagen' (Tamás 765), im Siebenbürgisch-Sächsichen als *thar wagen* 'társzekér' (MNy 63: 175) auftaucht.

Zur Entstehung der Deutung 'Himmelswagen' in Pilisszántó hat sicherlich der Umstand beigetragen, daß der slk. Name des Sternbildes *Veľký voz* 'Großer Wagen' ist, und bei *társzekér* 'Troßwagen' sind die Attribute *groß* und *tár-* 'mit Last beladen' praktisch fast vom gleichen Bedeutungsinhalt.

batár 'régimódi fedett kocsi; altmodischer bedeckter Wagen'. Wird weder von Bernolák noch von Jancsovics angegeben, aber Loos hat es schon 1870

in sein Wörterbuch aufgenommen: *Batarde* 'zárt hintó, üveges hintó; koč celokrytý, *batár*' (Loos 2: 70 — fehlt aber aus dem slowakisch—ungarisch—deutschen Teil, der den 3. Band bildet), und ist seit der zweiten Häfte des 19. Jh.s auch in der Schriftsprache zu bezeugen. So z. B. bei Kalinčiak: Pán slúžny sadol si tiež do *batára* (SSJ I: 75), bei Vansová: Koč je krytý, takzvaný *batár* (a. a. O.). Heute lebt es in erster Reihe in der Volkssprache: *batár* ľud. 'staromódny krytý koč' (SSJ 1: 74—75).

Die Entlehnung des seit 1808 belegten und aus dem österreichischen Deutsch stammenden ung. *batár* 1. 'üveges hintó; Glaswagen, Karosse'; 2. régimódi utazókocsi; altmodischer Reisewagen' (in der 2. Bedeutung seit 1861: TESz 257). Daß das slk. Wort nicht unmittelbar aus dem dt. *Batarde* stammt, beweist außer der vollkommenen Übereinstimmung der Bedeutung auch die der Form.

čéza 'Halbkutsche, Kalesche'. Das Wort gehörte schon im 19. Jh. in den Wortschatz einiger slk. Mundarten und ist in einigen Orten auch noch heute bekannt. Z. B. *Čgeza* 'kotsi, tzésa, német tzésa; Kutsche, Kalesche, Chiese' (Bern: unter *Kočár*); *cséza* = *číža* (Jancs); Bač. Petrovac (Jugoslawien): *čéza* 'dvojkolka; kétkerekű homokfutó' (Bednárik 93); *čéza* (ŠJ 97).

Entlehnung des seit dem Anfang des 18. Jh.s belegten ung. *cséza*. Dieses Wort deutschen Ursprungs (vgl. das alte dt. *chaise* 'cséza; szék, ülés', das alte oberdeutsche *schesa* 'id.' TESz 517) wurde im Ungarischen um das Ende des 17. Jh.s durch die Postwagenfahrt bekannt (s. TESz 517). Die ganze Lautform des slk. Ausdrucks, besonders aber das anlautende *č-* zeugen vom ung. Ursprung.

Aus dem alten Slowakischen ist hingegen auch die Formvariante *šeza* ~ *seža* ~ *šeža* bekannt, die gleichwie ung. *séza*, früher vorkommt, als *čéza*, bzw. ung. *cséza*. Z. B. 1697: *Sseza* panska (NL Okir. I. 289 B: 737 *b*); 1725: Od kočara neb *šezy* a hintova . . . (SN 6: 303); Beckov, 1733: Na *Šežu* ojo kuwane, a sstirj zaoský a geden sworen do oja nowi, a klinczow do *Šeže* nowich N°. 35. (EL Rep. 39. fasc. C. nr. 109); um 1775: Tzésa, *Seža*, Essedum — Német Tzésa, *Nemecká Seža*, Essedum (StSl 3: 101); *Kočár*, vulg. *čgeza*, *šgeza* (Bern). Zweifelsohne war die ursprünglich übernommene Form *šeza*, und ihre unmittelbare Quelle war sicherlich ebenso die alte deutsche (< französische) *chaise* ~ *schese*, wie diejenige des ung. Wortes. (Vgl. noch Király: StSl 3: 101.) Nach der ungarländischen Verbreitung des fremden Termins kam im Ungarischen alsbald die Formvariante *cséza* zustande, die langsam auch ins Slowakische eingedrungen ist, von wo die ursprünglichere *šéza* nachher verdrängt wurde. (Bei Bern. sind noch beide auffindbar, s. oben.)

Das ung. Wort ist übrigens in der ersten Hälfte des 19. Jh.s auch ins Rumänische eingedrungen, wo aber *césă* 'Halbkutsche' heute schon veraltet ist (Tamás 192).

fakový voz (~ **fakósekér**) 'fakószekér'. In meinem sprachgeschichtlichen Material finde ich nur aus Bernoláks Wörterbuch einen Beleg: *Fakowí woz* 'plostellum, currus ligneus sine ferramento; fakó-szekér' (Bern: unter *fakowí*).

Das ist eine halbe Lehnübersetzung der seit dem Anfang des 17. Jh.s belegten ung. Zusammensetzung *fakószekér* 'postellum, currusligneus sine ferramento' (NySz 3: 132). Die aus dem Substantiv *fa* entstandene Ableitung *fakó* (TESz 831) ist verhältnismäßig schon lange in die Sprache der nördlichen Nachbarn der Ungarn gekommen und wir haben für die Bezeichnung der Farbe vom slk. Wort schon seit der Mitte des 17. Jh.s Angaben (s. Gregor: NyK 68: 409); aber in der Bedeutung 'vasalatlan; unbeschlagen' kommt es nur selten vor, vor allem in der Obigen Angabe Bernoláks. Es ist eine unzweifelhafte Tatsache, daß *fakószekér*, das einst ein Fuhrwerk der Armen war (s. Herman 89), auch bei dem weniger wohlhabenden slk. Bauerntum als ein wichtiges Wirtschaftsgerät betrachtet wurde. Der Ausdruck *bosý voz*, der sich auf ein unbeschlagenes Fuhrwerk bezog, beweist das. Z. B. Ludány, 1656: *woz bosy* ne okuwany (NL Okir. I. 633); Ludány, 1680: *Woz bosý* No. 1. (a. a. O.) usw. Solche »nackte«, d. h. Fuhrwerke ohne Beschlagung kommen auch im 18. Jh. oft vor, hauptsächlich in den nördlichen Teilen der Komitate Orava und Šariš (Sáros). Und nach der Aussage von P. Horváth hat in der letztgenannten Gegend den Begriff *bosý voz* das Wort *fakószekér* ausgedrückt: „V severnom Šariši uvádzali sa »bosé« vozy v inventároch poddanských hospodárstiev pod menom »*fakószekér*«. Porovnaj Archív Šariškej stolice, Acta publica z r. 1719—1724, ŠA v Prešove" (Horváth 74). Aus dieser indirekten Quelle (an Ort und Stelle war es mir nicht möglich der Angabe nachzusehen) aber folgt, daß Bernolák einen wirklich lebenden, im westslk. Dialekt gebrauchten Ausdruck gebucht hat, während im Ostslowakischen oder in einigen Gebieten desselben das ung. Kompositum *fakószekér* wohl nicht als halbe Lehnübersetzung, sondern ohne Veränderung übernommen wurde, mutmaßlich im 17. Jh. Die am meisten verbreitete Bezeichnung war aber offensichtlich das einheimische *bosý voz*. Mit dem Verschwinden des Begriffs sind selbstverständlich auch die damit verbundenen Benennungen verschwunden.

II. Die Bestandteile des Wagens

Von den Bezeichnungen für die Bestandteile des Wagens, Bauernwagens und der Kutsche sind auch einige zu erwähnen. In diesem Aufsatz ist es nicht meine Absicht, ein jedes Wort dieser Art, das ung. Ursprungs ist, zu behandeln, besonders nicht diejenigen, die in den slk. Dialekten nur vereinzelt auftauchen. Das sind Elemente einer kleineren mundartlichen Einheit (z. B. Nagyhuta: *ňujtoų* MSzNyA; Komitat Neograd: *rúda* JŠ 2: 339; SON 5: 281; Komitat Zemplén: *tengeľ* StSl 11: 104 usw.), die im ganzen Umfang der Sprache

jedenfalls auch zu dem slk. Wortschatz gehören. Hier möchte ich mich in erster Linie nur mit solchen Ausdrücken befassen, die an mehreren Orten, in verhältnismäßig weiten Kreisen bekannt sind, vielleicht schon seit älterer Zeit belegt, oder eben schon veraltet sind. Hier können folgende angeführt werden:

bak 'kocsiülés; Kutschbock'. Volkssprachlicher Ausdruck, den auch klassische Schriftsteller gebraucht haben (Kalinčiak, Timrava, s. Palkovič: SON 5: 316). Ich habe dafür seit dem 17. Jh. Angaben: Blatnica, 1675: *bak* starý zadný zhintowa geden (NL Okir. I. 829: 3); Hrádok, 1702: Kočz starý s *bakým* zadnimý remenom obtahnutj (NL Okir. I. 620: 81 *b*); um 1775: Hintó bakja, Na Hyntowe *bak*, Capsus Rhedae (StSl 3: 80); »Královná si vysadla do hintova k čertovi a Pustaj v kepeni utajený na *bak* kočišovi . . .« (Dobš 2: 219); *Kutschbock* = hintó bakja; kozlík, *bak* (Loos 2: 334); *bak* 'kozlík (na voze)' (Kálal); *bak* ľud. 'sedadlo na koči, na voze' (SSJ 1: 66).

Die Entlehnung des ung. *bak* 'kocsiülés; Wagensitz, Bock' (die erste Angabe mit dieser Bedeutung stammt aus 1746, sonst schon seit 1385 bekannt, s. TESz 221). Das in den slawischen Sprachen fast alleinstehende Wort (auch von Machek[1] nicht behandelt) kann kaum unmittelbar aus dem Deutschen stammen (wie es z. B. Kálal meint), da nämlich an Stelle des *o* vom dt. *Bock* in der slowakischen Umgangssprache auch ein *o* stehen müßte, und dasselbe gilt im wesentlichen auch für die Dialekte (vgl. z. B. Stan:Lipt 138, 146; Buffa 25; Hab 64; Sipos 114). Die *o* > *a* Wandlung ist eine ung. Erscheinung, darum ist es sicher, daß slk. unmittelbar *bak* auf ung. *bak* zurückgeht. In diesem Sinne wird es auch von DOLw 63 erwähnt. Und gleichfalls ung. Ursprungs ist das slk. mundartliche *bakdeska* 'ülésdeszka; sedlisko' (SON 5: 316), denn eine solche Zusammensetzung ist nicht für das Slowakische, sondern für das Ungarische charakteristisch.

In Angaben neueren Datums kommt es auch im Serbokroatischen vor: *bȁk* 'Wagensitz' (RječnKJ; Rječnik kennt es nicht), hingegen die frühere und herkömmliche Form *bȍk* 'id.' Es ist sicher, daß *bak* auch hier durch das Ungarische bekannt wurde, während *bok* unmittelbar aus dem Deutschen kommt.

ferhéc 1. 'Bracke, Querholz and der Deichsel'; 2. 'Wagentritt'. Das ist ein mundartliches Wort, daß in erster Linie in den südlichen Gebieten der Slowakei und in den ungarländischen und in den jugoslawischen slk. Siedlungen bekannt ist. Am frühesten kann ich es aus der Mitte des 19. Jh.s belegen, aber es ist mit Sicherheit anzunehmen, daß es im Slowakischen auch schon früher gebraucht wurde. Z. B. 1863: *ferhécz* = *firhejc* (Jancs); *ferhica* 'část vozu' (Kálal); Tárnok: *ferhíc* 'stúpadlo' (JŠ 2: 339); Bánhida: *ferhéc* 'sedisko na voze' (Štolc 36); Südslowakei: *firhejc* 'bočník' (SON 5: 310); slk. Siedlungen in Jugoslawien: *ferhíc* (ŠJ 98).

Die Entlehnung der Varianten *ferhéc* ~ *förhéc* ~ *fürhéc* usw. (s. darüber ausführlich MNyA 151: unter) *felhérc* des ung. *felhérc* (seit 1547: TESz 874), aber unbekannten Ursprungs ist. Slk. *í*, bzw. *ej* entsprechen üblich den ung. Lauten *é* und *ő* (letzteres ist in erster Linie für die südlichen, südwestlichen Varianten der mittelslk. Mundart charakteristisch). Die von Štolc aus Bánhida mitgeteilte Bedeutung 'Wagensitz, Wagenbock' scheint unrichtig zu sein und beruht sicherlich auf einem Mißverständnis. Diese Bedeutung des Wortes ist im Ungarischen nämlich unbekannt, und es ist unwahrscheinlich, daß sie im Slowakischen von Bánhida entstanden wäre.

Vom Ende des 19. Jh.s ist das Wort auch im Rumänischen belegt: *felehérț* 'Zugwaage (am Fuhrwerk)' (Tamás 327).

hajlok 1. 'kocsifedél; Wagendach; 2. 'présház, kunyhó a szőlőben; Kelterhaus, Hütte im Weingarten'; 3. 'menedékhely; Zufluchtsort'. Für die erste Bedeutung habe ich nur aus den slk. Mundarten von Szarvas und Umgebung (Ungarn) Angaben; die zweite Bedeutung ist im West- und Mittelslowakischen seit dem Ende des 18. Jh.s bis in unsere Tage bekannt; über die dritte Bedeutung erfahren wir von der slk. Schriftstellerin Vansová. Beispiele 1.: 1863: *hajlok* 'ekchó, kocsifedél' (Jancs); Szarvas: *hajlok* 'kocsiernyő; Wagenverdeck' (NyK 25: 259: unter *ekhov*); 2.: 1792: Jestli doma prešuješ a ňe v *hajlochu* (Fándly 280); *Haglok* 'Weinhütte; kunyhó', vulg. *Hagloch* (Bern); Brestovany: *hajloch* 'murovaný alebo pletenicový jednopriestorový domček vo vinici na stráženie, úschovu riadov i prešovanie, často s pivnicou' (JŠ 9: 234); Komitat Bars: »Tento stôl nemá zásuvku a používa sa dodnes ojedinele v letných kuchyniach a vo viniciach, v *hajlokoch* (SN 15: 88); 3.: *hajlok* 'chata ve vinohradě; útočiště (Kálal; — lezterer Beleg aus Vansová).

Ableitungen- *hajlokový*, Adj. 'fedeles; mit einem Deckel (Dach) versehen': *hajloková koč* 'fedeles kocsi; bedeckter Wagen' (Jancs);

Hagloček, vulg. *Hajlošček*, *Hajlošek* Demin. (Bern).

Die Entlehnung des in der Umgangssprache seit der ersten Hälfte des 15. Jh.s bekannten alten, bzw. mundartlichen ung. *hajlok* (heute in der Umgangs- und Schriftsprache *hajlék*). Das ung. Wort ist wahrscheinlich eine Ableitung aus dem Verb *hajlik*, anfangs mit der Bedeutung 'hajlás, Biegung; egymásra hajlított ágakból alkotott kezdetleges menedék; eine aus übereinander gebogenen Zweigen verfertigte primitive Zufluchtsstelle; a tető hajlott íve (bolthajtás?); der gekrümmte Bogen des Daches (Wölbbogen?)' (SzófSz 108), dann 'zeitweiliger Aufenthaltsort'; 'im Weingarten, Garten usw. gebautes kleineres Häuschen' usw. (s. NySz 1: 1254—1255; MTsz 1: 783). Aller Wahrscheinlichkeit nach ist also die Darlegung von I. Halász richtig, wonach die Planwagen, die zur Beförderung von Waren (Gemüse, Obst, und fügen wir hinzu: Hausleinwand, Spitzen usw.) dienten, unterwegs von den Ungarn wie auch von den Slowaken auch als Wohnung benützt wurden. Die Decke eines solchen

Wagens bekam begreiflicherweise die Bezeichnung 'hajlok' (vgl. Nyr 17: 304—305). Jancsovics hat das Wort *hajlok* in der Bedeutung 'kocsifedél; Wagendach' offensichtlich aus dem Wortschatz der slk. Mundart der Umgebung von Szarvas in sein Wörterbuch übernommen. Das wird durch die Mitteilung Melichs über das in Szarvas in unserem Jahrhundert im selben Sinn gebrauchten *hajlok* bekräftigt. (Übrigens wird in Szarvas 'kocsiernyő; Wagendeck' auch mit *ekhov* ausgedrückt, was hingegen die Entlehnung des ung. *ekhó* 'id.' ist, s. Melich: NyK 25: 259.) Die zweite Bedeutung von slk. *hajlok* die in den slk. Dialekten auch noch heute lebt, bezieht sich auf den Weinbau und ist die Einbürgerung des ung. *hajlok* 'Kelterhaus'; 'im Weingarten erbaute Hütte'. Selbstverständlich ist das ung. Wort die Quelle auch für die von Vansová mitgeteilten dritten Bedeutung.

Das slk. Wort hat also nichts mit der dt. Zusammensetzung *Heueloch* 'Versteck für Hacken' zu tun, wie das aufgrund von J. Volný (Německo-český slovník. Praha 1955) J. R. Nižnanský meint (JŠ 9: 228). Der Zusammenhang der Varianten *hajlok* und *hajloch* ist auf Grund ihrer Bedeutung offensichtlich und ist aus dem Ungarischen vollkommen zu erklären. Der Auslaut *-ch* ist ager das Ergebnis des slk. Lautwandels. Die Auslaute fremden Ursprungs *-k, -g* werden in einigen Mundarten oft zu *-ch*, z. B. Komitat Orava (mittelslk.): *kaučúx (~ kaučuk), cajx (~ cajg), ancúx (~ ancúg)* (Hab 118); Pilisszántó (westslk.): *cajch, luch, parloch, trožoch* (eigene Slg.) usw. Dasselbe ist bei *hajlok* > *hajloch* geschehen.

kiša 'kisafa, hámfa; Ortscheit, Zugscheit'. Heute kennt man das Wort nur in den slk. Dialekten, Mundartinseln, die mit dem Ungarntum in engerer Beziehung stehen, einst war es bei den Slowaken vermutlich viel mehr verbreitet. Darauf weisen wenigstens die folgenden zwei aus 1681, aus den Rechnungen des Guts Blatnica stammenden Angaben hin: Kolar zdejssy delal k wozom panskim . . . Ramena a *Kisse* N 3. (NL Okir. I. 289 B: 564 *b*); 5 Osy 5 *kissi* (a. a. O. 566 *b*). Weitere Beispiele: Szarvas: *kiša* 'a min a hámfa van' (NyK 25: 299); Stara Pazova (Jugoslawien): *kyša* 'kisafa' (ČMSS 7: 58 — s. noch Kálal 779: unter *voz);* Südslowakei: *kiša* 'felhérc, elülső felhérc; pripevnevá váha' (SON 5: 310); Ambrózfalva: *kiše* dve, na pretku voza, de sa skrúca (Ondrus 226); Nyíregyháza: dve *kiše* (a. a. O. 267); Vácegres, Pilisszentlászló: *kiša* 'pripevnené váhy' (JŠ 2: 339).

Die Entlehnung des ersten Gliedes der seit dem 16. Jh. bekannten ung. Zusammensetzung *kisafa* (Varianten: *késafa, késefa, kisefa* usw. s. Eger, 1562: Két vasas *kesefa* TörtTár 1881: 761; NySz 2: 315; MTsz 1: 1136). Schon J. Melich hat darauf hingewiesen, daß das im Slowakischen von Szarvas gebrauchte *kiša* wahrscheinlich aus dem ung. Wort türkischer Herkunft stammt (s. NyK 25: 299).

Vom Eindringen des ung. Wortes *kisafa* ins Rumänische zeugen *chişafáu* und dessen Varianten (s. Tamás 210).

lejč, léč, lojč usw. 'lőcs; Wagenleiste'. Zur sprachgeschichtlichen Übersicht der zahlreichen slk. Varianten (s. darüber Habovštiak: MNyj 7: 127) erwähne ich wenigstens einige Angaben: 1552: a czo ku wozowy potreba kolesa, zaosniky, furharty, *lywce* . . . (JŠ 6: 228); Blatnica, 1675: *lewče* (NL Okir. I. 829: 5); 1685: Potom osy, okolo kterjch behagj kolá (kolesa) před ktere se w bjgagj kliny, lany, *(leyče)* (Com 171); Éleskő, 1699: *Lewcze* dwe (NL Okir. I. 713: 19); Hrádok, 1702: Retezy k wozom No 5. *Luowčow* paruw No 10. (NL Okir. I. 620: 113); Kláštor pod Znievom, 1751: čtyri *louče*, svoren (SSNM 1952—60: 154); Ústie, 1766: Retiasky tri a *levčou* para (a. a. O. 156); um 1775: Lötz, *Leuč*, Brachium currus (StSl 3: 93); Vavrečka, 1784: *Lievči* starych 5 (SSNM 1952—60: 157); Jaslovce, 1787: Vozy okuvane z všetkym pristojom *(!)*, s košinami a *laučama* 2 (a. a. O. 158) usw. usw.

Die Meinungen über den Ursprung des slk. *lievč* 'lőcs' und über dessen Beziehungen zu dem seit 1509 in der Umgangssprache bekannten ung. *lőcs* 'Wagenleiste, Lisse' (OklSz), bzw. zum dt. *Leuchse* 'id.' gehen auseinander. Jedenfalls ist die Feststellung von Stefan Kniezsa auch heute stichhaltig, wonach der Ursprung des ung. *lőcs* schwer festzustellen ist, solange der Zusammenhang der slawischen (slk., karpatoukrainischen, serbokroatischen) Wörter mit dem Deutschen nicht geklärt wird (s. SzlJsz 686; s. hier auch die bis dahin erschiene Literatur). Nach E. Moór sollen zwar die skr., slk. und ung. Wörter wahrscheinlich auf eine slowenische Vorlage zurückgehen, und im Slowenischen sei das deutsche Wort, außer Namen anderer Wagenbestandteile, eingebürgert (StSl 2: 97—99). Das ist aber eine in Allgemeinheiten sich bewegende Voraussetzung (im Slowenischen ist das Wort überhaupt nicht belegt!), die für die von Habovštiak mitgeteilten 87 slk. Varianten keinesfalls gültig sein kann. Meines Erachtens kann die Frage bezüglich des Slowakischen nur dann zur Zufriedenheit gelöst werden, wenn die dt. Lehnwörter der slk. Mundarten — ihre Laut-, Formen- und Bedeutungslehre — bis in die Einzelheiten bearbeitet werden. Vergeblich setzt nämlich z. B. Habovštiak voraus, »daß die in den slk. Dialekten gebrauchte Form *lievč* und ihre Varianten dt. Herkunft sind« (MNyj 7: 127), wenn das nur zum Teil der Wahrheit entsprechen kann, wie darauf einige Zeilen weiter der Verfasser selbst hinweist: «Auf das Entstehen der einzelnen mundartlichen Varianten hatte auch das einen Einfluß, wie dasselbe Wort in den nachbarlichen Sprachen ausgesprochen wurde . . . Die Formen *loč, ľoč, lóč, lojč* sind wahrscheinlich durch die Einwirkung des ung. *lőcs* entstanden, besonders dort, wo das slk. Sprachgebiet sich in unmittelbarer Verbindung mit dem Ungarischen befindet« (a. a. O. 128). D. h. es unterliegt kaum einem Zweifel, daß z. B. die auf den Gebieten westlich von der Waag und südlich von Trentschin herrschende Variante *lušňa* dt. Herkunft

ist (s. Machek[1] 272; gleichzeitig ist seiner Meinung nach das ung. *lőcs* die Quelle des slk. *lievč* a. a. O. 265), und als solche sind vielleicht auch mehrere andere Varianten von *lievč* zu betrachten, aber all das muß von Fall zu Fall gesondert, den einzelnen mundartlichen Gruppen entsprechend, analysiert werden.

Diesbezüglich ist auch das sehr wahrscheinlich, daß außer *lóč, lojč, loč, ľoč* auch *lejč, lejš, léč, léš* auf der Entlehnung des ung. *lőcs* beruhen. *Lejč, lejš, léč, léš* sind in erster Linie in den Komitaten Neograd und Gömör bekannt (s. Habovštiak: MNyj 7: 129, auch die Landkarte zwischen den Seiten 128 und 129), d. h. dort, wo Ungarn und Slowaken Jahrhunderte hindurch in engem und massenahaftem Kontakt miteinander standen. Und wenn die Lautverbindungen *-iev-, -ieu̯-, -eu̯-* von *lievč* wohl aus dem Deutschen zu erklären sind (als Ausgangspunkt könnte auch hier ung. *ő* ernstlich in Frage kommen, dazu vgl. ŠJ 59), *-é-, -ej-* (desgleichen *-o-, -ó-, -oj-*) schon viel weniger. Diese Varianten weisen darauf hin, daß in diesem Fall ung. *lőcs* entlehnt wurde. Dem ung. langen *ő* entsprechen nämlich in einem Teil der mittelslowakischen Mundart — und zwar hauptsächlich in Neograd und Gömör, bzw. in den von hier aus besiedelten ungarländischen slk. Siedlungen — *é* oder *ej*. Z. B. *čéder* ~ *čejder* 'žrebec' (< ung. *csődör* 'Hengst'): Tótkomlós, 1853: obecznje *csejderi* (SFPS 331); 1854: k *csedrom* (a. a. O.); *méncsikó* ('Hengstfüllen') = *čéderik* (Jancs); Nyíregyháza, Békéscsaba: *čéjder* (MSzNyA); Ambrózfalva: *čejder* (Ondrus 226); Szarvas, Tótkomlós: *čéder* (MSzNyA); — *čés* ~ *čejs* (hájnik' (< ung. *csősz* 'Feldhüter'): Tótkomlós, 1853: *csejsz* (SFPS 331); 1912: za *čsejszóv* polnich; garad je *čéjsov* (a. a. O.); *csősz* = hajňik, *čejs*, varoučik, hajtol (Jancs); Szarvas: *čejs* (Drahos 107); Nyíregyháza, Nagycserkesz: *čés* (a. a. O.); — Horehronie: *fejnek* 'nadlesný' (< ung. *főnök* 'Prinzipal') (SN 13: 274); Pohorelá: *ťejťeš* 'hradská' (< ung dialektalisch *tőttés* 'Damm') (Horák 171); *sékavý* ~ *sejkavý* 'plavý, belavý' (< ung. *szőke* 'blond'): Turčianska Turná, 1713: voly *sajkavé* uhorské so širokými rohami (Horváth 59); Trentschin, 1718: rožný statok turnainsky, všetko pekny *sejkavy* (a. a. O.); Tótkomlós: *sejkaví* (Drahos 107); Nyíregyháza, Nagycserkesz: *sékaví* (a. a. O.) usw. Also ebenso: ung. *lőcs* > slk. ma. *léč* ~ *lejč*, bzw. an Stelle von *č* mit *š*, das eine Eigenheit im Komitat Görmör ist (s. Pauliny 180).

Die Slowaken konnten aber das ung. *ő* auch als *ó* werten, und das hat sich in einzelnen Dialekten in der Verbindung *o* + *u* (~ *o* + *v*) verwirklicht, z. B. *belčou̯* ~ *belčov* 'kolíska' (< ung. *bölcső* 'Wiege'); neusohl (Banská Bystrica, Besztercebánya) 1704: Sprostý *belcsov* (SMSS 11: 159); zweite Hälfte des 18. Jh.s: vezmi *belčov* na plece (Ant 578); Békéscsaba: *belčou̯* (Drahos 107); Jugoslawien: *reseľou̯* 'struhadlo; pilník' (< ung. *reszelő* 'Feile') (SJ 59); *temetou̯* 'cintorín' (< ung. *temető* 'Friedhof') (a. a. O.); *temlov* ~ *temlou̯* 'vak; žoch; hadica' (< ung. *tömlő* 'Schlauch'): 1655: po Kostolnim Dudkowy za *Temlov* fl 1. (NL Okir. I. 289 A: 268); *temlov* 1. 'pytel, nádoba z kůže, kozí kúže na

dudách'; 2. 'žrout, panděro' (Kálal) usw. Und ebenso: ung. *lőcs* > slk. ma. *loučˇ*, *lojčˇ*, *loč* usw.

Im Falle der Zweisprachigkeit konnte *ő* auch bewahrt bleiben. Das widerspiegelt sich in folgenden Angaben: Plešivec, 1818: Na *lőcs* bleha s zokovanim (SN 9: 290); *Lőcső* jeden par (a. a. O. 291); Újhu-a: *löčˇ* (Štolc 312).

Der Fall mit *lievčˇ* hebt die wiederholt außer Acht gelassene Tatsache hervor: daß die Erscheinungen nur in ihrem Zusammenhang erfolgreicht analysiert werden können. Deshalb wird es notwendig sein, der in den einzelnen Mundartgebieten gebrauchten dt. Aussprache des Wortes nachzuforschen, und diese mit den phonetischen Eigentümlichkeiten der untersuchten slk. Mundart zu vergleichen. Dazu kommt die Anführung der entsprechenden Parallelen. Auf diese Weise wird es sicherlich möglich sein zu entscheiden, ob die Grundform *lievčˇ* unmittelbar aus dem Deutschen oder doch vielleicht aus ung. *lőcs* stammt.

Ung. *lőcs* ist die Quelle des rumänischen Wortes *liócă* 'Wagenleiste' und ihrer Varianten (s. Tamás 502—503).

longo 1. 'lógó, a szekér vagy kocsi mellékrúdja, melyhez a harmadik lovat fogják; Wagendeichsel zum Anspannen eines dritten Pferdes'; 2. 'lógós (ló); Wildbahnpferd'. Auf Grund meiner Angaben ist das mundartliche Wort seit dem ersten Viertel des 19. Jh.s zu belegen: Hoste, 1823: *longoš* okuwany ze železom a brcom (SN 17: 612); 1863: *lógó-rud* = *lógov* (Jancs); Szarvas: *lo̯u̯go̯u̯*, *lo̯u̯gov* 'lógó' (NyK 25: 299); *langoše* 'rúdszárny, rúdvilla, rúdágas; predné snice' (SON 5: 282); *longo* 'žŕdka pozdĺž ľavej strany voza, ktorá slúži na nastupovanie' (a. a. O. 316); *longou̯* 'Wildbahnpferd' (StSl 11: 96); *longo* nár. žŕdka na voze slúžiaca na vystupovanie a zostupovanie' (SSJ 2: 57).

Die Entlehnung des ung. *lógó* 'mellékrúd, lógósrúd; Wildbahn', einer Ableitung des Verbs *lóg* 'hängen, bummeln' (darüber s. SzófSz 191), dessen Ursprung noch nicht geklärt ist. Das Wort *lógó* bezeichnete ursprünglich eine Eigenart des ung. Wagens. Früher wurde nämlich der ung. Wagen »von drei Pferden gezogen, d. h. genauer nur von zwei weil der Laufstrang des dritten Pferdes nicht auf den an der Bracke . . . hängenden Wagenschwengel geschlungen wurde, sondern an einen für diesen Zweck dienenden Schwengel, der an einer von der Nabe des Hinterrads ausgehenden Stange hing« (Tarr 199). So eine Stange und das Pferd, das daran gespannt wurde (vgl. SzamSz 2: 41) erhielten mit vollem Recht die Namen *lógó*, bzw. *lógós* (hinsichtlich des letzteren s. die Definition von CzF und ÉrtSz; die Slowaken in Szarvas haben auch diesen Ausdruck in der Form *lo̯u̯go̯u̯š* übernommen, s. Melich: NyK 25: 299). Dieser ung. Provinzialismus *lógó(s)* ist in die slk. Mundarten eingedrungen, und von hier ins Mährische, wo *ľonga*, *ľongoš* 'eine an die Seite des Leiterwagens befestigte Stange, die zum Auf- und Aussteigen dient' (Bartoš) bedeu-

tet. Václav Machek führt mährisches *longa, longoš, longač, langač*, ostmährisches (Kyjov), slk. *longo* und poln. *łągiew* einheitlich auf das dt. *Langwage* zurück (Machek² 339). Aber auf die überhaupt nicht einfache Frage, wie aus dem dt. *Langwage*, der Form und der Bedeutung nach, *longo* werden konnte, gibt er keine Antwort. Meiner Meinung nach konnte das überhaupt nicht geschehen. Die Quelle von *lógov, longo, longa, longoš* usw. ist ung. *lógó, lógós*, wie das in bezug auf ostslk. *longoų* auch Péter Király behauptet (StSl 11: 96). Im Falle des in Szarvas gebrauchten *lógov* und seiner Varianten unterliegt das keinem Zweifel, in den anderen Formen ist das *-n-* eine sekundäre Entwicklung. Es ist möglich, daß diese Formen unter dem Einfluß vom *-n-* des dt. *lang* entstanden sind, und zwar dann, als das übernommene Wort seine ursprüngliche Bedeutung verlor und sich auf die an die Seite des Wagens (an den Vorderteil) befestigte lange Stange bezog.

Es ist zu erwähnen, daß das in Brestovany bei Tyrnau aufgezeichnete *longoš* 'ker na dlhé vedenie prúta pravidelne na dvoroch a záhradách' (JŠ 9: 235), überhaupt das in Weinbauterminologie gehörende *longoš* 'dlhší vinič upevnený na oporách' (SSJ 2: 58) seinem Ursprung nach hierher gehört. Dieses *longoš* ist nämlich nicht die eingebürgerte Form des dt. *Langholz* oder vielleicht des lat. *longus* — wie das Nižnanský meint (JS 9: 228) — sondern es ist die Entlehnung jenes ung. folkssprachlichen das im Weinbau bekannt ist; vgl. *lógó* 'als am Traubenstock die Rebe in ihrer vollen Länge belassen wird' (MTsz 1: 1354). Bei der Beurteilung der Herkunft des Wortes ist nicht zu vergessen, daß ein nicht unbedeutender Teil der slk. Terminologie des Weinbaus ung. Ursprungs ist.

Ung. *lógó* 'Wildbahn', *lógós* 'Wildbahnpferd' sind übrigens in derselben Bedeutung auch ins Rumänische eingedrungen (s. Tamás 510: unter *lugău, lugăuș*).

šaragle 1. 'kocsisaroglya; Schragen (beim Fuhrwerk)'; 2. 'teherhordó saroglya; Tragbahre'. Von der ersten Hälfte des 19. Jh.s an habe ich darüber Angaben. Diese Wortform wird außer in den sl. Mundartinseln Ungarns und Jugoslawiens hauptsächlich in den südlichen Teilen der Slowakei (aber auch im Komitat Orava) gebraucht. Beispiele: *Ssarakle* sl. 'kocsisaroglya' (Palk); *šaragle = saroglya* (Jancs); Südslowakei: *šaragle, šeregľe, čaragle, čeragle, čeregľe* 'saroglya; Schragel' (SON 5: 315); Brestovany: *šaragla* 'kocsisaroglya, (SN 6: 249); *šeregľe* 1. 'Schragen'; 2. 'Dungtrage, Misttrag' (StSl 11: 103); *šaragľa* obyč. v množnom čísle *šaragle, šalagre* nár. 'kocsisaroglya' (SSJ 4: 394); Izbeg: *šaragla;* Pilisszentlászó: *šaragľa;* Sárisáp, Kesztölc: *šaragle;* Vácegres: *šaragle malie, šaragle velkie* (JŠ 2: 340); Ambrózfalva: *dvoje šaragľe*, na pretku maľie, na zatku veľkie (Ondrus 226); Stara Pazova (Jugoslawien): *šaragle* (eigene Slg.); Jugoslawien: *šarágľe* (SJ 98); Komitat Orava: seďeų na *šaragľox* (Hab 227); Dlžín: *šaragle;* Myslova: *šaragľe* 'Tragbahre' (SN 3: 198).

Die Entlehnung des aus dem dt. *Schragen*, genauer aus dessen Deminutiv *Schragel* stammenden ung. *saroglya* 'Gitter; Schragen; Futtergestell; Tragbahre' (seit 1530: OklSz). Das ung. Wort wird im algemeinen als eine Entlehnung aus dem Slowakischen betrachtet. Vergeblich hat Stefan Kniezsa auf die Unwahrscheinlichkeit dieser Erklärung hingewiesen und seine gut begründete Auffassung über die unmittelbare Übernahme aus dem Deutschen betont (SzlJsz 738—739), die alte Ansicht hält sich auch heute noch. So sei z. B. nach Ján Mihál das aus dem dt. *Schragen* stammende slk. Wort *šragle* in der Form *saraglya* ins Ungarische gekommen, und das hätten die Slowaken als ein Pluraletantum *šaragle* 'kocsisaroglya' wieder entlehnt. Ebenso sei poln. *szaragi* auch ung. Ursprungs (s. SR 25: 147—148). Die Erklärung von Mihál wurde von Machek[2] 622 übernommen (in der ersten Ausgabe hat er auch noch die Formen *šaragľa*, *šarakle* aus dem Deutschen erklärt, s. Machek[1] 510; und ebenso auch heute ŠJ 98), obgleich man damit nicht einverstanden sein kann. Erstens kann slk. *šragle* keinesfalls aus dt. *Schragen* stammen, da es dann der allgemeinen Praxis entsprechend **šragňa* ~ **šragna* sein müßte, vgl.: *fundgrúbňa* (= dt. veraltet *Fundgruben*), *kasňa* (< dt. *Kasten*), *mašňa* (< dt. *Maschen*), *platňa* (< dt. *Platten*), *vekňa* (> dt. *Wecken*) usw. Die Quelle von slk. *šragle* kann also nur *Schragel*, die Deminutivform von *Schragen* sein. Vgl. Trentschin, 1678: *Šragle* s koňha koča (HŠ 3: 421). Zweitens aber kann slk. *šragle* weder aus geographischen noch aus kulturgeschichtlichen Gründen als die Quelle von ung. *saroglya* betrachtet werden (s. SzlJsz 738). Recht hat hingegen Mihál bezüglich der Ableitung der slk. Variante *šaragle* aus dem Ungarischen. Die Auflösung der anlautenden Konsonantengruppe *šr-* ist ung. Eigenart; so hat schon DOLw 233 betont, daß die mit *šar-*, *šer-* beginnenden slawischen (slowakischen, polnischen, karpatoukrainischen, serbokroatischen) Wörter nur aus dem Ungarischen stammen können. Wiederholt betonte das Kniezsa, aber das polnische *szaragi* wurde seiner Meinung nach nicht unmittelbar aus dem Ungarischen, sondern aus dem Ukrainischen übernommen (a. a. O. 739).

Ung. *saroglya* ist auch die Quelle für rumän. *șireglă* 'id.' und seiner Varianten, wo ebenfalls keine Rede von der unmittelbaren Übernahme des dt. *Schragel* sein kann (s. Tamás 732—733).

vankuš 1. 'vánkos; Polster, Kissen'; 2. 'a kocsi (hintó) puha ülése; Wagenbock, Wagenpolster'; 3. 'szekérvánkos; Achsschale, Achsenstock'; 4. 'eketaliga vánkosa; Pflugkarrenpolster'; 5. 'lószerszám (nyereg) puhára kitömött része; weich ausgepolsterter Teil des Pferdegeschirrs (Sattels)'. In der 1. Bedeutung ist es seit der zweiten Hälfte des 16. Jh.s belegt und wird auch in unseren Tagen im Slowakischen allgemein gebraucht. Für die zweite Bedeutung habe ich von der Mitte des 17. Jh.s an, also verhältnismäßig frühe Angaben, während die anderen Bedeutungen, die nur in den Mundarten vorkommen, hauptsächlich mit Angaben neueren Datums nachzuweisen sind,

doch ist die Bedeutung 'Sattelpolster' schon seit dem Anfang des 18. Jh.s bekannt. Beispiele für die erste, d. h. Grundbedeutung: Komitat Zips: zweite Hälfte des 16. Jh.s: 1 *Wankoss* (JČ 10: 174); Boca, 1640: na *wankuß* cichi geden laket (Bjk 1: 269); Ludány, 1656: *wankusse* no. 3., perina welka (NL Okir. I. 633); Trentschin, 1678: Jeden axamientovy *vankuš*, kožu podšity (HŠ 3: 403); um 1775: Vankos, *Wankuš*, Pulvinar (StSl 3: 106); *Wánkuš* 'pulvinar; der Polster; vánkos' (Bern); *vankúš* 'podložka pod hlavu pri ležaní, spaní, obyč. naplnená perím, poduška, podhlavnica, hlavnica' (SSJ 5: 19). Beispiele für die 2. Bedeutung: Éleskő, 1664: *wankusse* Remenne z hyntowa (NL Okir. I. 713: 3*b*); Trentschin, 1678: Remenny *vankuš* stary, z hintova (HŠ 3: 411); um 1775: Hintó Vánkos, *Hyntowy Wankúš*, Sedularium (StSl 3: 87); *Kočowí Wánkuš* usus 'sedelarium; Polster zum Sitzen; hintó (kotsi) vánkos' (Bern); Malčice (Komitat Zemplin): *vankoš* 'Wagenbocke, Wagenpolster' (StSl 11: 106). Beispiele für die 3. Bedeutung: Vidza tote klaňice štiri? Dva še daju do predňeho nasada a dva do zadňeho *vankoša* (Czambel 616: unter *vuz); vankoš, vangoš, verchni vankoš* 'vánkos (elülső, hátulsó)' (SON 5: 283); *vankúš* 'förgettyű' (a. a. O.); Vácegres, Kiskőrös, Sóskút: (časti voza) *vankúš* (JŠ 2: 340); *vánkoš* na voze (Kálal); Ambrózfalva: na pretku voza, ďe se skrúca, je *vankúš* (Ondrus 226). Beispiele für die 4. Bedeutung (nur Deminutive): Brezovica (Komitat Orava); . . .styk, kolca, oška, *vankošik* (Kálal 474: unter *pluh); vankošik* 'poduška, súčiastka pluhových koliesok' (Žak 657). Beispiele für die 5. Bedeutung: Neusohl, 1704: Sedlo z *vankušem* . . .; Sedlo obtahnute remenem bez *vankuše* a tašiek (SMSS 11: 159); *vankuš* 'kumetvánkos; poduška (vložka, ktorá sa dáva do chomúta, aby netlačil koňa)' (SON 5: 84); Pilisszántó: *vankúš* 'Schweißdecke am Pferdegeschirr, Polster' (eigene Slg).

Ableitungen: Deminutive *vankúšik* ~ *vankúšek* ~ *vankošik:* 1626: Podle toho geden *wankussyk* naczpany myrankom (FL: 1626); Blatnica, 1679: ussila dwa *wankussky* (NL Okir. I. 619); um 1775: kar ala-valo Vankosotska, Pod Rame *wankussjk*, Pulvillus — Kis Vankossotska, Maly *Wankussek*, Pulvillus (StSl 3: 106); ostslk. *vankošik* (s. oben die 5. Bedeutung);

vankúšový Adj. 'vánkos-; Polster-'; *vánkostánc* = *vankúšoví* tanec (Jancs); *vankúšový* tanec (Kálal); Pilisszántó: *vankúsoví* tanec 'Polstertanz' (eigene Slg).

Die Entlehnung des seit dem Ende des 16. Jh.s belegten und aus dem Deutschen stammenden ung. *vánkos* 'Polster, Kissen', einst und heute in Dialekten auch *vánkus* (SzlJsz 776—777). Alle im Slowakischen vorhandenen Bedeutungen sind auch im Ungarischen bekannt. Vgl. z. B. 1544: Az zekerben valo bör *vankosra* szioth (KultNád 2: 220); Kaschau, 1665: Vagyon hintóba való veres szattyán tokba hosszu *vánkos* nr. 2. Vagyon kocsiba való kisebb tarka, szőr materiába való vánkos nr. 1. (TörtTár 1886: 154); Vagyon egy nyeregben való kordovány *vánkos* nr. 1. (a. a. O. 161); 1708—1710: Gróf Prajner ajándékozott egy szép lengyel kocsit, bársony *vánkost* (MNy 60: 118);

vánkos (vánkus) 1. 'a szekér tengelyére erősített lapos fa, a melyen a fürgentyü mozog; ein an die Wagenachse befestigtes flaches Holz, auf dem sich der Wendeschemel bewegt'; 2. 'az eketelyiga tengelye fölött levő vastagabb fa, melyen a gerendely vége nyugszik; ein breiteres Holz über der Achse des Pflugkarrens, auf dem das Ende des Grindels ruht' (MTsz 2: 917, s. noch die Angaben von OklSz, NySz, CzF, ÉrtSz usw.). Nach Kniezsa (SzlJsz 777) haben die slawischen Völker, die mit dem Ungartum in unmittelbarer Beziehung stehen (Kroaten, Slowenen, Slowaken), das Wort vermutlich aus dem Ungarischen übernommen, in erster Linie und hauptsächlich die Slowaken, da es in den übrigen nordslawischen Sprachen vollkommen fehlt. Diese Annahme wird außer der formalen Übereinstimmung (vor allem bei ostsl. *vankoš)* auch vom Bedeutungsinhalt in vollem Maße bestärkt. Ebenso leitet auch Machek[1] 555 das slk. Wort aus dem Ungarischen ab. Die ursprüngliche Länge *(á)* kam im Slowakischen auf die letzte Silbe, da in der vollkommen eingebürgerten Variante *vankúš* das slk. Sprachgefühl die Endung *-úš* (ursprünglich *-uš*) mit der Ableitungssilbe *-úš* gleichsetzte (s. ŠJ 98).

vendlíky 'vendégoldal; Ladegerüst'. Ein Mundartwort, das hauptsächlich in den südlichen Gebieten der Slowakei und in der Sprache der ungarländischen und jugoslawischen slk. Siedlungen bekannt ist. Es scheint eine neuere Entlehnung zu sein, worauf wir auch daraus schließen können, daß Jancsovics — der der genauen Wiedergabe zuliebe sehr oft auch Provinzialismen in sein Wörterbuch aufgenommen hat — das Wort noch nicht kannte. Bei ihm ist *vendégoldal = vozoví drúk*. Übrigens bringen es die Wörterbücher seitdem nicht. Beispiele: Stara Pazova (Jugoslawien): Na trafandách, drúkoch a *vendigoch* nosia sa slamené petrence (ČMSS 7: 38); Kisač (Jugoslawien): *vendégovi* 'vendégoldal' (ČMSS 22: 121); südliche Gebiete der Slowakei: *vendlíki, vendlíke, vendígi* 'vendégoldal; vendlíky' (SON 5: 316); Kesztölc, Pilisszentkereszt: *vendlík,* Nom. Plur. *vendlíki* 'vendégoldal' (JŠ 2: 340); Öskü: *vendégi* 'časť voza' (Štolc 36); Pilisszántó: *vendlíki* 'Ladegerüst' (eigene Slg).

Die Entlehnung des ersten Gliedes *(vendég-)* vom ung. Kompositum *vendégoldal* 'Ladegerüst' (MTsz 2: 949). Und da zum Bauernwagen immer zwei Ladegerüste gehören, haben die slk. Mundarten das Wort als Pluraletantum. Im ungarländischen Sóskút hingegen wurde es in der Einzahl als *vendlík* übernommen: 'priečna žrď na plote; Querholz, das Zaunpfähle verbindet' (JŠ 2: 324). Das in einigen Orten bewahrte ung. *é* weist auf die späte Übernahme des Wortes hin. Der Laut *l* ist im Slowakischen eine sekundäre Entwicklung. Einige slk. mundartliche Wörter — und zwar wohl beim Zusammentreffen eines vokalisch anlautenden Ableitungssuffixes mit einem konsonantisch auslautenden Stamm — können mit einem *l (ľ)* erweitert werden: z. B. *denglaví ~ dengľaví* (< ung. *gyenge,* darüber s. Gregor: StSl 8: 94—95); 1652/1872: *Denglave* gsau vczelj . . . (SA 2: 34); 1755: Prečo páni sú *denglaví*

a sedláci pevní (Ant 489); *seklavý*, *drgľavý* usw. (vgl. Décsy: MNy 51: 459). Das slk. Sprachgefühl hat im Lehnwort *vendík* (das auslautende *-g* wurde stimmlos) die Endung *-ík* mit dem einheimischen Deminutivsuffix *-ík* identifiziert, und so konnte nach dem »Stamm« *vend-* das Epenthetikum *l* kommen.

Abkürzungen

Ant	J. Mišianik, Antológia staršej slovenskej literatúry. Bratislava 1964
Bartoš	Fr. Bartoš, Dialektický slovník moravský. Praha 1905—1906
Bednárik	R. Bednárik, Slováci v Juhoslávii. Materiály k ich hmotnej a duchovnej kultúre. Bratislava 1964
Bern	A. Bernolák, Slowár Slowenskí, Česko-Latinsko-Ňemecko-Uherskí, I—VI. Budae 1825—1827
Berneker	E. Berneker, Slawisches etymologisches Wörterbuch, I—II *(A—morz)*. Heidelberg 1908—1914
Bjk	Bányajegyzőkönyvek [Bergwerkprotokolle], I—III. Archiv der Familie Szentiványi (OL)
Brückner	A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1927
Buffa	F. Buffa, Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava 1953
ČMSS	Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti. 1898 ff.
Com	J. A. Comenius, Orbis sensualium pictus. Leutschoviae 1685 (Phototypische Neuausgabe)
Czambel	S. Czambel, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jezykov. Turčiansky Sv. Martin 1906
CzF	Czuczor G.—Fogarasi J., A magyar nyelv szótára, I—VI. Pest (später Budapest) 1862—1874
Décsy	Gy. Décsy, Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden 1959
Dobš	F. Dobšinský, Prostonárodné slovenské povesti, I—III. Bratislava 1958
DOLw	V. Lumtzer—J. Melich, Deutsche Ortsnamen und Lehnwoerter des ungarischen Sprachschatzes. Innsbruck 1900
Drahos	Drahos A., Magyar hangzók helyettesítése a hazai szlovák nyelvjárások jövevényszavaiban. A Szegedi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. Szeged 1963 (Sonderabdruck)
EL	Archiv der Familie Eszterházy (OL)
ÉrtSz	A magyar nyelv értelmező szótára, I—VII. Budapest 1959—1962
EtSz	Gombocz Z.—Melich J., Magyar etymologiai szótár. Lexicon critico-etymologicum linguae Hungaricae, I—II. Budapest 1914—1944
Fándly	J. Fándly, Výber z diela. Bratislava 1954
FL	Archiv der Familie Fejérpataky (OL)
Hab	A. Habovštiak, Oravské nárečia. Bratislava 1965
Hadrovics	Hadrovics L., Jövevényszó-vizsgálatok [Lehnwortstudien]. Nyelvtudományi Értekezések 50. Budapest 1965
Herman	Herman O., A magyar pásztorok nyelvkincse. Budapest 1914
Holub—Kopečný	J. Holub—Fr. Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1952
Holuby	J. L. Holuby, Národopisné práce. Zostavil a úvod napísal J. Mjartan. Bratislava 1958
Horecký	J. Horecký, Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava 1959
Horák	G. Horák, Nárečie Pohorelej. Bratislava 1955
Horváth	P. Horváth, Poddaný ľud na Slovensku v prvej polovici 18. storočia. Bratislava 1963
HŠ	Historické štúdie. Bratislava
Hv	J. Hvozdzik, Zovrubný slovník slovensko-maďarský a maďarsko-slovenský. Szlovák—magyar és magyar—szlovák részletes szótár. I. Praha—Prešov 1937, II. Košice 1933

Jancs	JANCSOVICS J., Új kimerítő szláv—magyar és magyar—szláv szótár. Novi obširní maďarsko-slovenskí a slovensko-maďarskí slovník, I—II. Pozsony 1863
JČ	Jazykovedný časopis. Bratislava 1950 ff.
JŠ	Jazykovedné štúdie. Bratislava 1956 ff.
Kálal	M. KÁLAL, Slovenský slovník z literatúry aj náreči. Banská Bystrica 1923
Kluge	F. KLUGE, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin 1967[20]
Kott	F. S. KOTT, Česko-nemecký slovník, I—VII. Praha 1878—1893
KultNád	Kultúrtörténeti szemelvények a Nádasdiak 1540—1550-es számadásaiból. Kézirat gyanánt [als Handschrift], I—II. Budapest 1959—1960
Linde	S. B. LINDE, Słownik języka polskiego, I—VI. Warszawa 1951 (Phototypische Ausgabe)
Loos	J. LOOS, Wörterbuch der deutschen, ungarischen und slowakischen Sprache, II. Pest 1870; Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči, III. Pešt 1871
LP	LOOS J.—PECHÁNY A., Tót és magyar szótár, I; Magyar és tót szótár, II. Budapest 1906
Lyczei	J. LYCZEI, Iter oeconomicum. Tyrnaviae 1713
Machek[1]	V. MACHEK, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957
Machek[2]	V. MACHEK, Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1968
Melich-Eml	Emlékkönyv Melich János hetvenedik születése napjára. Budapest 1942
Mič	L. A. MIČÁTEK, Differenciálny slovensko-ruský slovník s tromi prílohami. Turčianský Sv. Martin 1900
MNy	Magyar Nyelv. Budapest 1905 ff.
MNyA	A magyar nyelvjárások atlasza, I. Szerk. [Red.] DEME L., IMRE S. Budapest 1968
MNyj	Magyar Nyelvjárások. Debrecen (später auch Budapest) 1951 ff.
MSzNyA	Magyarországi Szlovák Nyelvjárások Atlasza (Handschrift des Atlasses von ungarländischen slowakischen Mundarten)
MTsz	SZINNYEI J., Magyar tájszótár, I—II. Budapest 1893—1901
Němcová	B. NĚMCOVÁ, Národopisné a cestopisné obrazy ze Slovenska. Praha 1955
NL	Archiv der Familie Nádasdy von Nádasladány (OL)
NyIK	Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények. Kolozsvár 1957 ff.
NyK	Nyelvtudományi Közlemények. Budapest 1862 ff.
Nyr	Magyar Nyelvőr. Budapest 1872 ff.
NySz	SZARVAS G.—SIMONYI ZS., Magyar nyelvtörténeti Szótár. Lexicon linguae Hungarica aevi antiquioris, I—III. Budapest 1890—1893
OklSz	SZAMOTA I.—ZOLNAY GY., Magyar Oklevélszótár. Supplementum ad Lexicon linguae Hungaricae aevi antiquioris. Budapest 1902—1906
OL	Országos Levéltár [Staatsarchiv], Budapest
Ondrus	P. ONDRUS, Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava 1956
Palk	J. PALKOVIČ, Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, I—II. Praha 1820—1821
Pauliny	E. PAULINY, Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava 1963
RadvL	Archiv der Familie Radvánszky (OL)
Reczek	S. RECZEK, Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków 1968
Rječnik	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Zagreb 1880 ff.
RječnKJ	Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika. Zagreb—Novi Sad 1967 ff.
SA	FR. SASINEK, Archív starých česko-slovenských písomností. 1872—1873
SchlGl	SZAMOTA I., A schlägli magyar szójegyzék. A XV. század első negyedéből. Budapest 1894 [Schlägler Glossar, um 1405]

SFFUK	Sborník Filozofickej fakulty univerzity Komenského. Philologica. Bratislava
SFPS	P. Király, České a maďarské prvky v písomných pamiatkach Slovenského Komloša. Nadbitka z tomu v Studiów z filologii polskiej i słowianskiej. Warszawa 1965
Sipos	I. Sipos, Geschichte der slowakischen Mundarten der Huta- und Hámor-Gemeinden des Bükkgebirges. Budapest 1958
ŠJ	J. Štolc, Reč Slovákov v Juhoslávii, I. Bratislava 1968
SL	Slovenský letopis pre historiu, topografiu, archeologiu a ethnografiu. Red. Fr. V. Sasinek. Skalica 1 (1876)—6 (1882)
Slavia	Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha 1922 ff.
Slavica	Slavica. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de L. Kossuth nominatae. Debrecen 1961 ff.
Sławski	Fr. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1952—
SMS	Sborník Matice slovenskej. Turč. Sv. Martin 1922—1937
SMSS	Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti. 1896 ff.
SN	Slovenský národopis. Bratislava 1953 ff.
SON	Slovenské odborné názvoslovie. Bratislava 1952 ff.
SP	Slovenské pohľady. 1881 ff.
SR	Slovenská reč. Bratislava (früher Turč. Sv. Martin) 1932 ff.
SSJ	Slovník slovenského jazyka, I—VI. Bratislava 1959—1968
SSNM	Sborník Slovenského národného muzea (Fortsetzung von SMSS)
Stan:Lipt	J. Stanislav, Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin 1932
Štolc	J. Štolc, Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava 1949
StSl	Studia Slavica. Budapest 1955 ff.
Szabó	J. Szabó, Maďarské elementy v slovenských nárečiach v Gemeri: Linguistica Slovaca. Bratislava 1939—1940. (Separatum)
SzamSz	Csűry B., Szamosháti szótár, I—II. Budapest 1935—1936
SzlJsz	Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I/1—2. Budapest 1955
SzófSz	Bárczi G., Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941
Tamás	L. Tamás, Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest 1966
Takáts	Takáts S., Művelődéstörténeti tanulmányok a XVI—XVII. századból [Kulturgeschichtliche Studien aus dem 16—17. Jh.] Budapest 1961
Tarr	Tarr L., A kocsi története. Budapest 1968
Teleki	Archiv der Familie Teleki (OL)
TESz	A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest 1967
TörtTár	Történelmi Tár. Budapest 1879—1899. Új folyam [Neue Folge] 1 (1900)—12 (1911)
Tsz	Magyar Tájszótár. Budán 1838
ÚML	Új magyar lexikon, 1—6. Budapest 1959—1962
Urbáre	R. Marsina—M. Kušík, Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku, I—II. Bratislava 1959
Varsík	B. Varsík, Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava 1956
Žak	Banícka dedina Žakarovce. Bratislava 1956

Типы синтаксической модальности в русском языке

И. ПЕТЕ

1. В учении о модальности у лингвистов, как известно, нет единства взглядов.

Большинство лингвистов считает, что модальность как категория — неоднородная[1] и соответсвенно этому выдвигаются разные типы модальных отношений (логическая и грамматическая модальность,[2] прямая и косвенная модальность,[3] объективная и субъективная модальность,[4] модальность в логике и модальность в явыке, последняя из которых может быть грамматическая и лексическая, причем лексическая модальность неотносится к грамматической категории модальности[5]). По Б. В. Хрычикову же «модальность имеет единое категориальное значение и различные средства выражения».[6] В Академической грамматике русского языка выдвигается только один тип категории модальности.[7] В формальном синтаксисе Ф. Паппа ничего не говорится о типах модальной трансформации,[8] в работах же других авторов детально описываются отдельные типы модальной трансформации.[9]

Средства выражения модальности некоторые авторы отождествляют с типами модальности. Модальность, выраженную лексическими средствами, Б. В. Хрычиков считает субъективной, модальность же, выраженную грамматически — объективной.[10] А. Мирович предлагает использовать термин

[1] *H. Molnár Ilona*, Módosító szók és módosító mondatrészletek a mai magyar nyelvben. Nyelvtudományi értekezések, № 60. Budapest 1968, 14. — *E. Ďurovič*, Modálnosť. Bratislava 1956.

[2] *Ю. Р. Геппер*, О предикативности и модальности как грамматических категориях. Вопросы синтаксиса. Харьков 1958, 37—41.

[3] *В. Ф. Шабалина*, К вопросу о выражении категории модальности в русском языке. Ленинград 1955. Автореферат кандидатской диссертации (= АКД).

[4] *Г. А. Золотова*, О модальности предложения в русском языке. Филологические науки 1962, 2: 65. — *М. Грепль*, К сущности типов предложения в славянских языках. Вопросы языкознания 1967, 5: 64.

[5] *Р. А. Будагов*, Очерки по языкознанию. Москва 1953, 200—202.

[6] *Б. В. Хрычиков*, Модальные слова и их взаимоотношения с категорией модальности. Вісник Львівського університету. Серія філологична 1966, 4: 24—29.

[7] Грамматика русского языка, II/1. Москва 1954, 81.

[8] *К. Болла—Э. Палл—Ф. Папп*, Курс современного русского языка. Будапешт 1968.

[9] См. напр.: *Пржемысл Адамец*, К вопросу о модификации (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности. Československá rusistika 1968, 2: 88.

[10] *Б. В. Хрычиков*, Указ. соч. 24.

«модальность» в узкограмматическом смысле, соответствующем понятию категории наклонения.[11] По Р. А. Будагову же «следует различать модальность предложения и модальность наклонения». «Модальность наклонения — это вторичная модальность, которая как бы накладывается или наслаивается на модальность предложения.»[12]

В лингвистике нет общепринятой точки зрения по вопросам о соотношении модальных и функциональных типов предложений, модальности и предикативности, модальности и отрицания, модальности и эмоционально-экспрессивных значений.

По мнению большинства лингвистов функциональные типы предложений совпадают с модальными типами предложений.[13] Л. Г. Фридман, Г. А. Золотова, Е. М. Галкина-Федорук и др. считают, что эти категории не совпадают.[14] «Повествовательные, вопросительные и побудительные типы предложений не могут считаться основными модальными типами предложений, ибо они не отличаются единством модальных значений» — пишет Г. А. Золотова.

В. В. Виноградов, М. Грепль к модальным деривациям относит противопоставление утверждение—отрицание.[15] В. Г. Адмони также такого мнения, что «положительные и отрицательные предложения различаются не по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности, как таковых, а по своему модальному характеру, по оценке реальности этих содержаний».[16] По Е. М. Галкиной-Федорук «по модальности предложения делятся на утвердительные и отрицательные, по цели высказывания — на повествовательные, вопросительные и побудительные».[17] По А. Мировичу же противопоставление *утверждение—отрицание* не относится к модальным деривациям.[18]

Одна группа лингвистов признает общим признаком всех предложений категорию модальности, другая же — категорию предикативности, причем категория модальности входит в категорию предикативности.[19]

[11] *А. Мирович*, Основные функции частиц в современном русском языке. Лексикографический сборник 5 (1962) 107.

[12] *Р. А. Будагов*, Указ. соч. 200.

[13] См., напр.: Грамматика русского языка, II/1, 80—81. *Károly S.*, A mondat fajták vizsgálata a funkció és forma szempontjából. Nyelvtudományi Közlemények 1964, 1: 67.

[14] *Л. Г. Фридман*, О модальности вопросительного предложения в современном немецком языке. Тезисы доклада на конференции по воросам грамматики германских и романских языков. Москва 1959. — *Г. А. Золотова*, Указ. соч. 68. — Современный русский язык, II. Под ред. *Е. М. Галкиной-Федорук*. Москва 1964, 227.

[15] *В. В. Виноградов*, Русский язык. Москва 1947, 725. — *В. В. Виноградов*, О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка 2 (1950) 38—79. — *М. Грепль*, Указ. соч. 64.

[16] *В. Г. Адмони*, Введение в синтаксис современного немецкого языка. Москва 1955, 164.

[17] Современный русский язык, II. Под ред. *Е. М. Галкиной-Федеорук*. Москва 1964, 289.

[18] *А. Мирович*, Указ. соч. 107.

[19] См. *В. В. Виноградов*, О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка 2 (1950). — *Е. В. Кротевич*, Предложение и его

В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, В. Ф. Шабалина, Б. Б. Шувалов, С. Саидов и др. не отделяют субъективных, экспрессивных форм высказывания (les modalités sentimentales) от категории модальности.[20] (В. Ф. Шабалина: «В круг косвенных модальных отношений следует включить также различные оттенки эмоционально-экспрессивного характера — сожаление, огорчение, возмущение и др. — с точки зрения которых оценивается действие.»)[21] Е. М. Галкина-Федорук, Т. В. Борисова, В. А. Гуревич, И. Г. Рикман и др. же исключают из категории модальности и модальных слов те средства, которые выражают «экспрессивные, эмоциональные оттенки и волеизъявление, т. е. выражающие радость, огорчение, изумление, согласие, удивление, безразличие, а также приказ, просьбу, совет, одобрение, предостережение, позволение и др.»[22]

2. «Грамматические отношения, говорит В. В. Виноградов, могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности».[23] Из этого следует, что грамматические отношения в предложении можно описать на *конструктивно-синтаксическом уровне*, показывая как языковые средства фиксируют ту или иную мысль, и на *коммуникативно-синтаксическом уровне*, на котором конструктивно-синтаксические ряды словесных форм приобретают свойства коммуникативных единиц, т. е. способность не только фиксировать, но и целенаправленно передавать ту или иную мысль.

На основании такого подразделения грамматических отношений, которое соответствует мыслеоформляющей и коммуникативной функции языка,

---

признаки. Львов 1954. — *И. Р. Распопов*, К вопросу о модальности предложения. Ученые записки Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина 1957, 188. — *А. Б. Шапиро*, Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. Филологические науки 1958, 4: 20—26. — *Т. П. Ломтев*, О совещании по методу синтаксиса. Вестник Московского университета. Филология, журналистика. 1961, 5: 61. — *Л. С. Ермолаева*, К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале совр. германских языков). Филологические науки 1963, 4: 119. — *М. Д. Натанзон*, О модальности предложения. Конференция по вопросам грамматики германских и романских языков. Москва 1959. — *M. Dokulik*, K modální výstavbě věty. Studie a práce linguistické. Praha, 1 (1954) 259.

[20] *В. В. Виноградов*, Русский язык, 758 — *В. Г. Адмони*, О модальности предложения. Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. Крупской. Факультет ин. языков. 21 (1956). — *Б. Б. Шувалов*, Модальные слова в совр. английском языке. Ленинград 1953. — *С. Саидов*, К вопросу о классификации модальных слов. Ученые записки Ташкентского пед. ин-та (АКД). Вып. VIII. Серия фил. наук. 1963. 163.

[21] *В. Ф. Шабалина*. Указ. соч. 6.

[22] Современный русский язык, II. Под ред. *Е. М. Галкиной-Федорук*. Москва 1964, 227. См. еще: *Т. В. Борисова*, Лексические способы выражения модальности в совр. немецком языке. Москва 1951 (АКД); — *В. А. Гуревич*, Употребление модальных слов в совр. немецком языке. Ленинград 1959 (АКД); — *И. Г. Рикман*, Модальные слова в совр. англ. языке. Харьков 1953 (АКД).

[23] *В. В. Виноградов*, Русский язык, 725.

мы можем различать *внутрисинтаксические* и *внешнесинтаксические аспекты категории синтаксической модальности*.[24]

Внутрисинтаксические аспекты синтаксической модальности можно было бы назвать *конструктивно-синтаксической модальностью*, так как они качественно квалифицируют *отношения между членами предложения* с точки зрения говорящего.

Внешнесинтаксические аспекты синтаксической модальности можно было бы назвать *коммуникативно-синтаксической модальновтью*. Коммуникативно-синтаксическая модальность наслаивается на конструктивно-синтаксическую модальность и, качественно квалифицируя содержание предложения в зависимости от конкретных потребностей общения, по-разному может оформлять одно и то же формально-грамматическое предложение.

3. Внутри *конструктивно-синтаксической модальности* целесообразно различить *предикативную* и *предметную* модальность.

3.1. Предикативная модальность тесно связано с предикативным отношением и является конституирующим фактором предложения на конструктивно-синтаксическом уровне.

Предикативные отношения, как известно, выражают отношение предмета мысли (*S*) и его бытийного признака *(P)* через утверждение или отрицание: $S \frac{\text{est}}{\text{non}} P$. (Бытийным прзнаком называется такой признак, который локализован во времени и в пространстве. Функцию локализации признака субъекта во времени выполняют в русском языке категории времени и вида, в пространстве же — категория лица.) Таким образом утверждение и отрицание относятся к содержанию предикативных отношений, которые могут быть утвердительными или отрицательными в зависимости от того, что утверждается или отрицается наличие бытийного признака у субъекта. Напр.: *Он вернулся — Он не вернулся.*

Предикативные отношения однако тесно связаны и с внутрисинтаксическими аспектами модальности, а именно с предикативной модальностью, так как наличие или отсутствие бытийного признака у субъекта дается в плане его реальности/нереальности. Предикативная модальность, основным средством выражения которой является *морфологическое наклонение*, выражает оценку реальности связи между бытийным признаком и его субъектом с точки зрения говорящего. Морфологическое наклонение, которое связано с изменением форм слова, нельзя отождествлять с синтаксической предикативной модальностью, так как в ее выражении кроме морфологических средств принимают участие лексические и синтаксические средства.

Предикативная модальность в зависимости от средств выражения ее грамматикализации может обозначать разные степени отношения реальности нереальности бытийного признака к его субъекту.

[24] Эти термины взяты из работы *Е. К. Андриановой*, Модальность сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Ленинград 1966 (АКД).

а) *Реальная предикативная модальность* указывает на то, что наличие или отсутствие бытийного признака у субъекта является фактом. Реальная предикативная модальность может сопровождаться разными модальными окрасками.

1. *Действительная предикативная модальность* без какой-либо дополнительной модальной окраски указывает на то, что наличие или отсутствие бытийного признака у субъекта является фактом. Она выражается формами изъявительного наклонения. Напр.: *Он вернулся, Он не вернулся.*

2. *Узуальная предикативная модальность* экспрессивно воспроизводит «давно минувшие события, много раз повторявшиеся в прошлом».[25] На грамматикализацию этого вида реальной предикативной модальности указывает тот факт, что временные формы глагола теряют свое основное значение и в сочетании с частицей *бывало* выражают действие «не только как протекающее когда-то, но и как развертывающееся перед мысленным взором говорящего лица».[26] Напр.: *Он, бывало, придет к нам — Он, бывало, приходит к нам — Он, бывало, приходил к нам — Он, бывало, хаживал к нам.* (С частицей *бывало* не сочетаются только формы прош. времени сов. вида и сложного будущего.)

3. *Мгновенно-произвольная предикативная модальность* выражает неожиданность или произвольность связи действия с субъектом.

Формы императива в сочетании с местоимениями 1-го и 3-го лица ед. числа и существительными выражают н е о ж и д а н н о с т ь действия. Напр.: *Жил я-с в деревне . . . Вдруг приглянись мне девушка, ах, да какая же девушка . .* (Тургенев), *Я и прыгни, Он и скажи.*

Формы императива, прошедшего времени или простого будущего времени глаголов сов. вида в сочетании с частицами *возьми и, возьми да и, взял да и, возьмет (возьму) да и* кроме неожиданности выражают еще и «яркий дополнительный оттенок произвольности действия».[27] Напр.: *А он возьми да и расскажи об этом маме — А он возьмет да и расскажет все маме — Он взял да и рассказал все маме.*

4. *Недействительная предикативная модальность* представляет собой переход от реальной предикативной модальности к нереальному. Она выражает начатое, но прерванное, или только намеренное действие, т. е. нереализовавшееся отношение между бытийным признаком и его субъектом. Недействительная предикативная модальность выражается сочетанием форм прошедшего времени сов. вида с частицами *было* или *чуть*. Напр.: *Он ушел было, но потом раздумал. Он пошел было гулять, но вернулся из-за дождя. Она было заснула. Ваню я сперва было и не заметил* (Тургенев). С частицей *чуть* надо

[25] *В. В. Виноградов*, Русский язык, 587.
[26] Там же, 587—588.
[27] *Н. А. Саянкова*, Модально-приглагольные частицы *было* и *бывало* и конструкции, образуемые при их участии в совр. р. языке. Москва 1968 (АКД).

употреблять и частицу *не*. Напр.: *Я чуть было не согласился, Он чуть* (было) *не лопнул от зависти.*

Частица *было* может сочетаться и с глаголами несов. вида, если они обозначают желание, намерение, стремление *(хотел было, пытался было)*, фазовость действия *(начинало было)*, движение *(шел было)*, процессы мысли, познания *(думало было)*, то есть с такими глаголами, которые обозначают «действия, зависимые от воли деятеля или способны приобретать значение намеренной направленности к пределу».[28]

б) *Нереальная предикативная модальность* указывает на отсутствие реальной связи бытийного признака с его субъектом. Она может появляться в разных формах и значениях.

1. *Сослагательная предикативная модальность* выражает такой нереальный бытийный признак у субъекта, который связан со значением условности, желательности и долженствования. Основной формой выражения этой модальности является сослагательное наклонение. Напр.: *Он вернулся бы — Ему хотелось бы вернуться — Надо бы ему вернуться.*

Сослагательное наклонение в простом предложении выражает не всякое нереальное действие, как на это указывает Г. Ф. Лебедева, а только такое, которое связано со значением желательности и предположительности. Поэтому при пересказе сновидений и сказок в русском языке не употребляется сослагательное наклонение.[29] Напр.: *Мне казалось, как будто я был в Москве.*

Сослагательную предикативную модальность в условном придаточном предложении, когда оно присоединяется к главному предложению без союзов, может выражать и императив 2-го лица ед. числа. В этом случае форма императива стоит на первом месте и может относиться к любому лицу. Напр.: *Вернись я (ты, он, отец, мы, вы, они) пораньше, ничего не случилось бы.*

2. *Повелительная предикативная модальность* обозначает нереальное, мыслимое действие с волевой направленностью на осуществление или неосуществление бытийного признака у субъекта. Напр.: *Вернись — Не возвращайся.*

3. *Предостерегательная предикативная модальность* выражает модальное значение предостережения. Грамматической формой выражения предостережения является форма императива глаголов сов. вида в соединении с отрицанием. Напр.: *Не простудись, Не поскользнись.*

3.2. На конструктивно-синтаксическом уровне в организации предложения может принимать участие и другой аспект внутрисинтаксической модальности, так наз. *предметная модальность*, которая в отличие от предикативной модальности не является обязательным признаком предложения.

[28] *Г. Ф. Прокопович*, Особые формы прошедшего времени в роли сказуемого. Русский язык в школе 1960, 4: 14—17.

[29] *Г. Ф. Лебедева*, Значение и употребление форм сослагательного наклонения в простом предложении. В помощь преподавателю русского языка иностранцам. Москва 1964, 36—74.

Предметная модальность обозначает с точки зрения говорящего *отношение предмета*, который в предложении выступает чаще всего в роли субъекта, к действию, выраженному инфинитивом. Однако, предметная модальность обозначает не просто отношение предмета к действию, а определенное *состояние* предмета (обычно, но необязательно — лица), «которое заключается в отношении к другому действию или состоянию». «Состояние, которое выражено модальными глаголами, является неким (обычно внутренним) состоянием подлежащего — пишет В. Г. Адмони, которое направлено на другое (обычно внешнее) действие или состояние.»[30] Напр.: *Он может и должен оперировать.*

Точку зрения В. Г. Адмони мы должны корригировать только в том отношении, что этот тип модальности выражает состояние, то есть отношение не только подлежащего к действию, а и других членов предложения. Напр. «. . *предупреждаю, больной сейчас в хорошем состоянии, и его нынче же можно и должно оперировать*» (Юрий Герман, Дорогой мой человек). В этом предложении модальные предикативы *можно* и *должно* выражают определенное отношение состояния не подлежащего, а дополнения — отношения возможности и необходимости — к другому действию — к операции. В предложении *Нам пришлось оставить здесь машину: дальше на ней . . проехать было нельзя* (Симонов, Записки молодого человека) модальный предикатив *нельзя* связан с состоянием средства передвижения, модальный глагол *пришлось* связан также не с подлежащим, а дополнением, которое является логическим субъектом.

Такие примеры ярко доказывают, что точка зрения Е. Н. Зверовой и И. Г. Эбер, по которой модальные глаголы указывают «каким образом действие относится к действительности, т. е. является ли оно возможным, вероятным, желательным с точки зрения говорящего,»[31] не выражает сущности функции модальных глаголов и модальных предикативов.

Оценка реальности / нереальности *процесса* (значение предикативной модальности) является только вторичной функцией модальных глаголов и предикативов, поскольку в составном сказуемом они берут на себя и выражение морфологического наклонения (за исключением императива), которое играет важную роль при обозначении предикативной модальности. Может быть, это тоже может послужить объяснением того, что лингвисты внутри конструктивно-синтаксической модальности не различают предикативную и предметную модальность.

Мы не можем согласиться с Илоной Х. Молнар, по мнению которой «грамматически необоснована включение в число модальных выразительных средств так называемых модальных глаголов и предикативных наречий». По ее мнению «о модальных средствах языка можно говорить лишь в том

[30] *В. Г. Адмони,* Введение в синтаксис совр. немецкого языка. Москва 1955, 63—64.
[31] *Е. Н. Зверева, И. Г. Эбер,* Грамматические соответствия английского и русского языков. Ленинград 1962, 63.

случае, если сам язык в своей грамматической структуре отличает их от средств описания объективной реальности.[32]

Модальные глаголы и модальные предикативы в предложении выражают не действие, а *отношение* предмета к действию. О грамматикализации модальных отношений этого типа в русском языке говорит тот факт, что те же самые модальные отношения часто можно выражать и односоставными инфинитивными предложениями, кроме того, в оформлении предложений с модальными глаголами и предикативами важную роль играют *видовые* формы глагола, так как в утвердительных предложениях чаще всего употребляются формы сов. вида, в отрицательных же — формы несов. вида.

Предметная модальность, которая сопровождает и дополняет отношения предикативной модальности, может выразить следующие модальные отношения: а) отношения необходимости и долженствования, б) отношения возможности и невозможности, в) отношения желания, намерения, стремления.

а) *Предметная модальность необходимости и долженствования* означает необходимый, закономерный характер связи между субъектом и действием. Значение необходимости и долженствования выражается модальными предикативами и глаголами и односоставными инфинитивными предложениями. Ср. примеры:

Он вернется	*Он не вернется*
Ему *надо* вернуться	Ему *не надо* возвращаться
Ему *нужно* вернуться	Ему *не нужно* вовращаться
Ему *необходимо* вернуться	Ему *нет необходимости* возвращаться
Ему *надобно* (уст.) вернуться	Ему *нет надобности* возвращаться
Ему *есть зачем* вернуться	Ему *незачем* возвращаться
Ему *стоит* вернуться	Ему *не стоит* возвращаться
Ему *придется* вернуться	Ему *не приходится* возвращаться
Ему *обязательно* вернуться	Ему *не обязательно* возвращаться
Ему *следует* вернуться	Ему *не следует* возвращаться
Ему *полагается* вернуться	Ему *не полагается* возвращаться
Ему *надлежит* (уст.) вернуться	Ему *не надлежит* возвращаться
Ему *подобает* вернуться	Ему *не подобает* вовращаться
Ему *предстоит* вернуться	
Ему *остается* вернуться	
Он *должен* вернуться	Он *не должен* возвращаться
Он *обязан* вернуться	Он *не обязан* возвращаться
Он *вынужден* вернуться	Он *не вынужден* возвращаться

[32] *H. Molnár Ilona*, Указ. соч. 89.

Примечания:

1. Вышеназванные модальные глаголы и предикативы выражают разные *оттенки* необходимости и долженствования и их далеко не в каждом контексте можно заменить друг другом.

а) Глагол *приходиться/прийтись* выражает, что субъекту (предмету) не хочется совершать данное действие, но ему нужно это сделать. Напр.: *Два раза нам приходилось вылезать из саней и с ходу протаскивать их через быстрые горные ручьи* (Симонов), *Извините, что вам пришлось обождать* (Д. Тарасенков), *Автобуса пришлось ждать недолго* (Неделя,1970, 1 : 20), *Извините, что пришлось долго ждать!* (Неделя, 1970, 1 : 4). *Автобусы в это время ходят часто, и мне не приходится долго ждать* (С. Хавронина), *Ему придется уехать* (Ожегов), *Не придется долго раздумывать* (Ушаков). *Завтра мне придется рано встать. Удивляться этому не приходилось* (Симонов, Записки молодого человека).

Этот глагол не употребляется в таких предложениях, в которых не выражается принужденность. Напр.: *Вам пришлось бы идти к врачу, Нам бы пришлось подождать его.*

б) Слово *вынужден* употребляется в том случае, если обстоятельства заставляют кого-н. совершать действие. Напр.: *Я вынужден согласиться на ваше предложение* (Ушаков).

в) Слово *должен* употребляется в том случае, если субъект обязан сделать что-л. или неизбежно совершит действие. Напр.: *Мы должны преодолеть трудности* (Ожегов), *Он должен скоро прийти* (Ожегов), *Каждый человек должен работать. Больной должен лежать в постели. Собрание должно состояться вечером. Служащие должны во-время являться на работу* (Ушаков). *Сенат должен сам решить, как ему действовать и к кому обращаться* (Неделя, 1970, 1 : 8), *Он понимает, что рано или поздно должен попасть в поле нашего зрения* (Д. Тарасенков). *Я должен по-прежнему выжидать* (Д. Тарасенков).

Предикатив *должен* не употребляется в таких случаях, когда выражается совет, мнение кого-н. Напр.: **Ты бы должен был идти к врачу.* **Я думаю, что должно было издавать у нас больше русских книг.*[33]

2. В отрицательных предложениях модальные глаголы и предикативы употребляются с глаголами несов. вида и с глаголами неоднонаправленного движения. Напр.: *Вы не обязаны подчиняться ему, Ты не должен ходить туда.* П. Адамец указывает, что «глаголы сов. вида с префиксами *при-* и *за-* в данных отрицательных модификатах иногда теряют этот префикс и нейтрализуются в бесприставочную итеративную форму».[34] *Вы должны приехать*

[33] *Anna Šourková*, Interference ve vyjadřování přísudku. Interference v ruské skladbě. Praha 1968, 33—38.

[34] *П. Адамец*, К вопросу о модификации (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности. Československá rusistika, 1968, 2: 93.

сюда — Вы не должны ездить сюда (Однако *Вы не должны были приезжать сюда).*

3. В утвердительных предложениях вместо глаголов с префиксом *по-* можно употреблять и бесприставочные однонаправленные глаголы движения: *Мне надо пойти/идти туда* [Мы] *увидели судно, на котором нам предстояло плыть* (Симонов, Записки молодого человека). [Он] *должен лететь со всеми теми снимками, которые он уже делал, прямо в Москву* (Симонов, Записки молодого человека).

Предметную модальность необходимости и долженствования можно выразить и односоставными инфинитивными предложениями. Напр.: *Ему вернуться — Ему не возвращаться.*[35]

б) *Предметная модальность возможности и невозможности* указывает на степень достоверности связи субъекта с его бытийным признаком. Этот тип модальности выражает пассивное расположение субъекта к совершению действия. Ср. следующие примеры:

Он вернется	*Он не вернется*
Он *может* вернуться	Он *не может* вернуться
Он *может* возвращаться	Он *не может* возвращаться
Ему *можно* вернуться	Ему *нельзя* вернуться
Ему можно возвращаться	Ему нельзя возвращаться
Ему *возможно* вернуться	Ему *невозможно* вернуться
Он *имеет возможность* вернуться	Он *не имеет возможности* вернуться
Он *умеет* вернуться	Он *не умеет* возвращаться
Он *способен* вернуться	Он *не способен* возвращаться

Примечания:

1. В отрицательных предложениях при выражении предметной модальности невозможности инфинитив в совершенном виде указывает на объективную невозможность, в утвердительных же — на объективную возможность совершения действия субъектом; несовершенный вид же употребляется при субъективном возможности или невозможности (запрещении) совершения действия.[36] Напр.: *Нам пришлось оставить здесь машину: дальше на ней . . . проехать было нельзя* (Симонов. Записки молодого человека), *Сейчас супруги говорили между собой, но слов разобрать было нельзя* (Д. Тарасенков), *Без него нельзя было обойтись* (С. Антонов, Царский двугривенный), *Девушка, нельзя ли сарделек отпустить?* (Неделя, 1970 1 : 20). *Суркин не мог этого сделать* (Д. Тарасенков), *Если я смогу войти туда, то войти в*

[35] *К. А. Тимофеев*, Об основных типах инфинитивных предложений в сов. р. лит. языке. Вопросы синтаксиса совр. р. языка. Москва 1950, 257.

[36] См. *П. Адамец*, Указ. соч. 94.

305-й номер мог кто-то посторонний (Д. Тарасенков). *Он считает, что чем-то выдал себя. Тогда он может пойти на все, предполагая, что я еще не делился ни с кем своими подозрениями* (Д. Тарасенков). — *Он дольше здесь не может оставаться* (Симонов, Записки молодого человека). *Уже сложились официальные отношения, которыми она не могла пренебрегать* (Симонов, Записки молодого человека), *Нельзя употреблять такие выражения.*

2. В отрицательных предложениях можно отрицать не только модальный глагол, но и инфинитив, примыкающий к модальному глаголу. В этом случае *может* + сов. вид выражает предположение, *может* + несов. вид — ненужность действия. Ср.: *Руководитель кружка заболел. Он может не прийти на репетицию — Ребенок чувствует себя отлично. Врач может не приходить.*

Предметное модальное значение невозможности можно выразить и простым будущим, тогда «форма будущего времени распространяется и на настоящее время».[37] Напр.: *Хорошую коляску в магазине сразу не найдешь* (Д. Тарасенков), [Он] *являл собой тот тип высокообразованного военного профессионала, с которым не каждый день встретишься* (Симонов, Записки молодого человека). *Всего не перескажешь.*

Односоставные инфинитивные предложения также можно употреблять в модальном значении невозможности. Напр.: *Нам уже не успеть на поезд. Тебе не понять этого.*

в) *Предметная модальность желания, намерения, стремления* выражает активное отношение субъекта к осуществлению или неосуществлению действия. Напр.:

Он вернется	*Он не вернется*
Он *хочет* вернуться	Он *не хочет* возвращаться
Он *желает* вернуться	Он *не желает* возвращаться
Он *намеревается* вернуться	Он *не намеревается* возвращаться
Он *думает* вернуться	Он *не думает* возвращаться
Он *старается* вернуться	Он *не старается* возвращаться
Он *намерен* вернуться	Он *не намерен* возвращаться
Он *затеял* поехать на юг	Он *не затевал* ездить на юг

4. Р. М. Гайсина указывает, что «структурная организация синтаксических единиц связана не только с выражением мысли, но и с необходимостью ее целепаправленного сообщения, в результате чего одно и то же формально-грамматическое предложение получает различное структурное оформление в зависимости от конкретных потребностей общения».[38]

[37] *В. В. Виноградов*, Русский язык, 574—575.

[38] *Р. М. Гайсина*, Функциональная природа языка и речевой контакт. Вопросы синтаксиса русского языка. Уфа 1968, 34.

Структурное переоформление конструктивно-синтаксического уровня предложения в целях сообщения осуществляется не только в плане так называемого актуального членения предложения, т. е. смысловой структуры предложения, но и в модальном плане. В результате переоформления конструктивно-синтаксической модальности предложения мы можем говорить о коммуникативно-синтаксической модальности.

Внутри коммуникативно-синтаксической модальности можно различить *основную* и *дополнительную* коммуникативную модальность.

4.1. *Основная коммуникативная модальность*, которая является общим признаком всех предложений на коммуникативно-синтаксическом уровне, выражает с точки зрения говорящего о т н о ш е н и е содержания предложения к объективной действительности по цели высказывания в плане реальности/нереальности.

В Академической грамматике русского языка выделяются три модальных типа предложений: повествовательные, побудительные и вопросительные.[39]

По мнению же Г. А. Золотовой и других лингвистов «повествовательны, вопросительные и побудительные типы предложений не могут считаться основными модальными типами предложений, ибо они не отличаются, единством модальных значений».[40] К этому мы можем добавить, что они не являются модальными типами предложений на конструктивно-синтаксическом уровне.

На основании функционального анализа *отношений* между членами речевого акта (говорящим, собеседником и действительностью) мы предлагаем выделить в русском языке пять типов предложений по основной коммуникативной модальности: повествовательное, восклицательное, оптативное, побудительное и вопросительное.

а) *Повествовательные предложения* содержат сообщения о *фактах* действительности. Предложения *Он вернулся* и *Он вернулся бы, Он не вернулся* и *Он не вернулся бы* являются повествовательными, так как в них говорящий сообщает нам факты о действительности и только на конструктивно-синтаксическом уровне распадаются на разные модальные типы.

б) А. С. Богуславский и др. выделение *восклицательных предложений* рядом с другими типами считают неправомерным, так как «повествовательные, вопросительные или побудительные предложения, будучи произнесены с усиленной эмоциональностью, могут становиться восклицательными»[41] и

[39] Грамматика русского языка. II/1, 355.

[40] *Г. А. Золотова*, Указ. соч. 68. — *Е. А. Сердельников*, Структура простого предложения с точки зрения снитагматических и грамматических отношений. Филологические науки, 1961, 3: 66.

[41] Грамматика русского языка, II/1, 365.

поэтому «мы имеем здесь дело с перекрещивающимися, пересекающимися классами».[42]

Чтобы избежать перекрещивающейся классификации предложений, к восклицательными предложениям мы должны отнести только собственно-восклицательные предложения, в которых эмоциональное значение фиксируется определенной структурой, в которых вопросительные местоимения не имеют вопросительного значения, т. е. отдельные компоненты предложения теряют как лексическое, так и функциональное значение.[43] Напр.: *Как вы выросли! Сколько же народу было там!*

Д. Н. Шмелев обращает внимание на то, что «в русской разговорной речи существует целый ряд конструкций, которые употребляются только в роли своеобразных экспрессивных оценок и ограничены определенной интонацией».[44] Напр.: *Вот тебе и женился на богатой* (Бунин, Сны).

Побудительные и вопросительные предложения, произносимые восклицательной интонацией, не изменяют основное содержание и структуру, так как в них эмоциональное содержание выступает лишь в качестве дополнительного компонента. Поэтому мы не относим их к восклицательным предложениям. Восклицательными мы считаем только такие предложения, основная функция которых состоит в выражении эмоций говорящего и таким образом они выносятся за пределы повествовательных предложений.

в) *Оптативные предложения*, которые являются промежуточными между восклицательными и побудительными предложениями, выражают желание говорящего особой структурой в форме ненаправленного волеизъявления, т. е. пассивно-созерцательное отношение к явлениям и предметам действительности.

Оптативные предложения выражают желание с точки зрения говорящего лица. Напр.: *Только бы сесть Анне. Как бы не пошел дождь.* Предложения, которые выражают желание субъекта, являются повествовательными *(Анне хочется сесть)* или восклицательными *(Так хочется Анне сесть!)*. Если говорящее лицо и субъект предложения совпадают, только при наличии признаков оптативного предложения является предложение оптативным. Ср.: *Мне хочется сесть — Как мне хочется сесть! — Только бы мне сесть!*

г) *Побудительные предложения* в форме направленного волеизъявления имеют своей целью побудить собеседника к совершению или прекращению действия. Напр.: *Вернись — Не возвращайся.*

[42] *А. С. Богуславский*, О коммуникативных типах предложений. Филологические науки 1964, 4: 144.

[43] *Т. А. Кильбибекова*, Восклицательные предложения в совр. р. языке (опыт семантико-синтаксического анализа). Вопросы синтаксиса русского языка. Уфа 1968, 90.

[44] *Д. Н. Шмелев*, Несколько замечаний к построению синтаксической теории. Филологические науки 1961, 3: 87.

д) *Вопросительные предложения* выражают вопрос, который «возникает, когда известна часть фактов, и мысль направлена на то, чтобы выяснить неизвестное».[45] Напр.: *Он вернулся? Он вернулся бы?*

Самым важным средством выражения основной коммуникативной модальности является интонация. Основная коммуникативная модальность ни в значении, ни в средствах выражения не совпадает с предикативной модальностью и, тем более, с морфологической категорией наклонения глагола.

4.2. Второй разновидностью коммуникативно-синтаксической модальности является т. н. *дополнительная коммуникативная модальность*, которая выражает рассудочные или эмоциональные *отношения говорящего* к всему содержанию предложения или его отдельных частей с точки зрения подтверждения, вероятности, возможности, отрицания или эмоциональной оценки реальности связей.

Дополнительная коммуникативная модальность не является обязательным признаком предложения. В предложении она может отсутствовать, а если есть, тогда не изменяет основной коммуникативной модальности предложения.

Средствами выражения дополнительной коммуникативной модальности являются *модальные слова* и *модальные частицы*.

В определении границ модальных слов в лингвистике нет единого мнения.

М. Галкина-Федорук, Т. В. Борисова, В. А. Гуревич, И. Г. Рикман, С. Е. Каган, Е. Е. Щепеткин, А. М. Бордович и др. относят к модальным словам лишь те, которые выражают ту или иную степень реальности или нереальности факта высказывания *(вероятно, возможно, действительно, по-видимому* и др.).[46]

В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, Д. И. Ганич, Б. Б. Шувалов, Т. П. Ломтев, С. Саидов и др. в категорию модальных слов включают также слова, выражающие эмоциональную оценку говорящим фактов высказывания *(к сожалению, к счастью)*.[47]

Т. П. Ломтев, С. Саидов и др. к модальным словам относят также слова, выражающие отношение говорящего к форме высказывания, суммирующие все высказывание в целом *(так сказать, короче говоря, говорят, как сообща-*

[45] *Г. В. Валимова*, Функциональные типы предложений. Ростов-на-Дону 1967, 63.

[46] *М. Галкина-Федорук, Т. В. Борисова, В. А. Гуревич, И. Г. Рикман*, упомянутые работы и *С. Е. Каган*, Модальные слова англ. языка в различных по цели выказывания типах предложений. Харьков 1953 (АКД); — *Е. Е. Щепеткин*, Развитие лексических средств выражения модальности во французском языке. Ленинград 1958 (АКД); — *А. М. Бордович*, Некоторые наблюдения над синтаксической функцией и употреблением модальных слов в совр. р. языке. Труды по языкознанию Белорусского гос. ун-та, вып. I. Минск 1958, 265.

[47] *В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, С. Саидов*, Упомянутые работы и *Д. И. Ганич*, Модальные функции вводных слов в совр. русском языке. Киев 1953 (АКД); — *Б. Б. Шувалов*, Модальные слова в совр. англ. языке. Ленинград 1953; — *Т. П. Ломтев*, О вводных и однородных позициях словесных форм в совр. русском языке. Филологические науки 1958, 1: 114.

ют), и такие слова, которые указывают на отношение данного сообщения к последующему или предыдущему *(во-первых, во-вторых)*.

При определении границ модальных слов и следовательно дополнительной коммуникативной модальности лингвисты чаще всего применяют логические аргументы. Так, напр., по Б. Б. Шувалову в понятие модальности следует включить как рассудочную, так и эмоциональную сторону, так как «рассудочная оценка какого-л. предмета или явления неразрывно связана с эмоциональным отношением человека к познаваемому им, поскольку сама эмоция — это переживание человеком своего отношения к тому, что он познает и делает».[48]

При определении границ модальных слов для нас более важными являются синтаксические критерии. Дополнительная коммуникативная модальность характеризуется формальной самостоятельностью, при ее выражении в скрытом виде как бы наличествует в предложении в т о р о е п р е д и к а т и в н о е о т н о ш е н и е. В. Г. Адмони указывает на то, что «модальные слова обладают подчеркнуто динамическим, в известной мере предикативным характером. Они легко выступают в качестве заместителей целых предложений, особенно в диалоге, когда вещественное содержание предложения уже дано в контексте и основной задачей данного предложения является выражение определенной оценки реальности этого содержания».[49] Напр.: *Он уехал? — Наверно.*

П. Л. Дюровичу о формальной самостоятельности модальных слов говорит и тот факт, что очень часто вступают в связь с предложением при помощи союза *что*. Напр.: *Естественно, он еще здесь — Он, естественно, еще здесь — Естественно, что он еще здесь.*[50]

Э. Саламин полупредикативный характер дополнительной коммуникативной модальности доказывает тем, что модальное слово, которое по функции является своеобразным редуцированным предложением, можно развернуть в такое предложение, в котором появляется модальное подлежащее, указывающее на говорящего. Напр.: *К счастью, он пришел — Я считаю счастьем, что он пришел; По-моему, он умен — Я думаю, что он умный.*[51]

Синтаксические критерии оправдывают более широкое определение границ модальных слов и дополнительной коммуникативной модальности. Однако эти синтаксические критерии подчеркивают и правильность взгляда А. И. Остапина, по которому слова, указывающие на отношение данного сообщения к последующему или предыдущему, обозначают логические, а не

[48] *Б. Б. Шувалов*, Указ. соч.
[49] *В. Г. Адмони*, Указ. соч. 150.
[50] *Đ. Ďurovič*, Указ. соч. 197.
[51] *Э. Саламин*, Методы функционального анализа отграничения модальных слов от наречий. Dissertationes Slavicae (Szeged) 7 (1969) 20—22.

модальные значения предложения.[52] Напр.: *Он, во-первых, плохо знал свое дело. Он, таким образом, все знает.*

Полупредикативный характер модальных слов выражается и в том, что они синтаксически не связаны с основным составом предложения. «Удаление модальных слов из предложения не изменяет синтаксические отношения между членами предложения, не нарушает его структурной целостности, но безусловно отражается на смысловой стороне любого предложения, в состав которого эти элементы введены,»[53] так как они *семантически* связаны с структурой и основной коммуникативной модальностью предложения. Частотность употребления средств дополнительной коммуникативной модальности в разных типах предложений по основной коммуникативной модальности неодинакова. «Употребление вводных слов в предложении зависит от логического содержания предложения и от взаимодействия этого содержания с грамматической формой предложения.»[54]

Все семантические типы дополнительной коммуникативной модальности встречаются только в повествовательных предложениях, которые выражают суждение.

В восклицательных предложениях редко также употребляются такие модальные слова, которые указывают на степень достоверности/недостоверности высказывания. Напр.: *Ведь она, правда, так старалась для него* (Ю. Герман, Дорогой мой человек).

Модальные слова со значением степени достоверности высказывания предполагают наличие суждения. Поэтому такие модальные слова не употребляются в таких предложениях, которые не содержат в себе суждение.

Дополнительная коммуникативная модальность со значением степени достоверности суждения встречается только в таких вопросительных предложениях, которые в какой-то форме выражают и суждение, а именно в риторических и неместоименных вопросах.

Риторические вопросы, которые А. М. Пешковский называет «вопросительно-повествовательными,»[55] служат для выражения проблематичного суждения в форме вопроса. «Суждение, выраженное в риторическом вопросе — это предполагаемый ответ на вопрос.»[56] Этим объясняется возможность

[52] *А. И. Остапин*, Функционально-семантические и формально-грамматические признаки вводных слов и словосочетаний. Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов 1967, 326.

[53] *И. А. Бабакова*, Явления вводности в русском литературном языке. Харьков 1955, 3. (АКД).

[54] *В. Я. Плоткин*, Вводные слова в вопросительных и побудительных предложениях (на материале англ. языка). Ученые записки Карельского пед. ин-та, т. III, вып. I. Серия историко-фил. наук. 1956, 63.

[55] *А. М. Пешковский*, Русский синтаксис в научном освещении. Москва 1956, 395.

[56] *В. Я. Плоткин*, О соотношении логического содержания и синтаксической структуры предложения. Ученые записки Новосибирского пед. ин-та, вып. 19. Лингвистический сборник. 1963, 52.

употребления модальных слов в риторическом вопросе. Напр.: *Тогда, конечно, как вы могли быть здесь? Может быть, я жил не так, как должно?* (Л. Толстой, Смерть Ивана Ильича).

Употребление модальных слов со значением достоверности суждения в неместоименных предложениях В. Я. Плоткин объясняет тем, что в неместоименных вопросах сосуществует оба вида мысли: суждение и вопрос. «Любой вопрос опирается на одно или несколько суждений, из которых исходит говорящий при ее постановке. Задавая собственный вопрос (местоименный вопрос) говорящий обычно не указывает, каким, по его мнению будет ответ на него. А в вопросе предположения (неместоименном вопросе) заключена и догадка говорящего об ожидаемом ответе, причем догадка эта может обладать различной степенью достоверности, для выражения которой служат вводные слова.»[57] Напр.: *А может, она и нежилая уже* (Юрий Герман, Дорогой мой человек). *Разумеется, вы хорошо знаете его? Случайно, у вас нет папироски?*

В побудительных предложениях модальные слова, указывающие на степень достоверности высказывания, употребляются, во-первых, в таких предложениях, которые «являются ответом на вопрос о целесообразности того или иногда действия самого спрашивающего»[58] *(— Открыть окно? — Конечно, открой; — Так вы не советуете мне ходить туда? — Разумеется, не ходите)*, во-вторых, в советах, в которых «имплицитное суждение о целесообразности станет основным содержанием побудительного предложения» так как «значение побуждения, как прямого призыва к действию изчезает из предложения, и побудительное предложение становится формой выражения суждения».[59] Напр.: *Конечно, приходите, если у вас есть что-нибудь определенное.*

Имеются и такие модальные слова, которые употребляются только в побудительных предложениях. Напр.: *Пожалуйста, не повторяйте моих слов.*

В оптативных предложениях, в которых доминирует характеристика говорящего, т. е. наблюдается некое сближение основной и дополнительной коммуникативной модальности, модальные слова, как правило, не встречаются.

Дополнительную коммуникативную модальность можно выразить и модальными частицами. Модальные слова и модальные частицы придают предложению одни и те же оттенки значения, поэтому в одном и том же предложении нельзя употребить оба средства выражения дополнительной коммуникативной модальности. Ср.: *А у тебя, наверно, нет таких знакомых? — А у тебя разве есть такие знакомые?*[60]

[57] Там же, 53.
[58] Там же, 53.
[59] *В. Я. Плоткин*, Вводные слова в вопросительных и побудительных предложениях, 63.
[60] См. *Г. М. Валимова*, Указ. соч. 68.

Некоторые лингвисты, исходя из лексического значения модальных глаголов (предикативов) и модальных слов, отождествляют и их синтаксические функции. З. К. Долгополова, например, пишет о том, что модальные глаголы «выдвигают на первый план субъективный характер оценки высказывания говорящим».[61] Однако возможность совместного употребления модальных глаголов (предикативов) и модальных слов в одном и том же предложении подтверждает, что модальные глаголы и модальные слова имеют разную синтаксическую функцию. Напр.: *Так вот, я, наверное, давно должен был сделать это заявление* (Д. Тарасенков).

[61] *З. К. Долгополова,* Модальные глаголы в английском языке. Москва 1961, 6.

Особенности калькирования лексических инноваций русского языка советского общества в венгреском языке

А. М. РОТ

Калькирование, затрагивающее многие лингвистические вопросы, стоит в последние годы в центре внимания исследователей, пытающихся рассмотреть его в самых различных аспектах: а) с точки зрения языковых контактов и лингвистической интерференции; б) с точки зрения словообразования и путей пополнения словарного состава заимствующего языка; в) с точки зрения техники перевода и проблем адекватности; г) с точки зрения психологических процессов лексической номинации.

Но каждый из этих аспектов взаимосвязан. И поэтому весьма незначительны результаты тех исследователей, которые, стремясь решить какой-то один аспект этой проблемы, забывают об общей лингвистической сущности калькирования, пренебрегают фактом, что все эти аспекты должны исходить из общей теории языкового вазимодействия. Иначе говоря, доминирующим в исследовании калькирования должно, на наш взгляд, быть его изучение с точки зрения языковых контактов и лингвистической интерференции.

Существует весьма укоренившееся мнение о том, что калькирование получило свое распространение лишь в современную эпоху интенсивных экономических, политических и культурных взаимосвязей, способствующих усилению немаргинальных языковых контактов,[1] главным образом, через перевод литературы различных жанров. Источник образования лексических калек многие исследователи видят в том, что переводчики, со времен формирования национальных языков, в своем стремлении уберечь родной язык от иноязычных лексических элементов, т. е. в целях «пуризма», предпочитают лексические кальки собственно-лексическим (прямым, фонетическим) заимствованиям.

Во всей этой истории лишь доля правды. А вся эта история сочинена, чтобы «оправдать» причины, почему лингвисты только в наши дни обратились лицом к такой важной проблеме как калькирование, которое, несоменно, является таким же древним, как и языковые контакты. О позднем интересе к

[1] Об особенностях немаргинальных языковых контактов, динамики их лингвистической интерференции, о типах межязыковых отношений см. подробно в нашей монографии: A magyar nyelv fejlődése. A magyar—keleti szláv nyelvi kapcsolatok. Kijev—Uzsgorod 1968, 143—172.

лексическому калькированию говорит хотя бы и тот факт, что сами термины *калька*[2] (ср. франц. *calque*, англ. *calque, translation loan-word*, венг. *tükörszó*, итал. *calco*, нем. *Abklatsch, Übersetzungslehnwort*) и *калькирование* (ср. франц. *emprunt de traduction*, англ. *translation-loan*, венг. *tükörszóképzés*, итал. *calc*, нем. *Lehnübersetzung, Übersetzungsentlehnung*) появились совсем недавно. И вплоть до последнего времени эта лингвистическая проблема на задворках языкознания. О ней пишут всего несколько слов в общем плане в трудах, посвященных вопросам словообразования, принципам адекватного перевода, и еще меньше при исследования этимологий и языковых контактов.

Даже благородный замысел Ш. Балли покончить с дискриминацией калькирования и на основе его изучения в европейских языках сделать выводы о европейском психологическом складе (mentalité européenne) остался не осуществленным. Из-под его пера вышла лишь небольшая статья, посвященная некоторым вопросам калькирования.

И тем не менее, пожалуй, Ш. Балли принадлежит первая попытка определить введенный на рубеже XIX и XX вв. термин «калька», теоретически осмыслить «калькирование». Он писал: «. . . слово калька означает воспроизведение, точное и механическое, какого-нибудь образа, созданного книжным способом».[3] И хотя, как мы увидим, швейцарский лингвист сузил понятие «калька», исключив из него т. н. народные кальки, и слово «механическое» в его определении режет нам слух, все же он в основном правильно изложил сущность этого лингвистического явления. Ш. Балли призывал исследователей уделять больше внимания калькам. Этот призыв был воспринят К. Сандфельдом — исследователем языковых контактов, в частности т. н. балканского языкового союза. Он намеревался посвятить калькированию обширное исследование. Но и он сумел опубликовать лишь небольшую работу, посвященную, в основном, вопросам семантических калек.

Вопросам калькирования в общелингвистическом и типологическом планах уделял внимание известный славист Б. О. Унбегаун.[4] Он пытался изучить зависимость калькирования от типа языковых контактов. Но недостаточно четко различая маргинальные языковые контакты от немаргинальных, не дифференцируя типы двуязычия, в частности индивидуальный билингвизм от группового, субординативный от координативного, он приходит к странному выводу о том, что процесс калькирования требует наличия двуязычия в стране. Такой вывод противоречит фактам различных языков, в

[2] Так, в Тольковом словаре русского языка под ред. *Д. Н. Ушакова* (Москва 1935—1940), в первом издании Толкового словаря русского языка *С. И. Ожегова* (Москва 1949) лингвистическое значение слова *калька* приводится еще в качестве переносного употребления технического термина. Е. Рыт в работе «Язык и стиль Ленина» («Литературная критика» 1934, № 1) объясняет слово *калька* как обрусение иностранных слов.

[3] *Ch. Bally*, Traité de stilistique française, Heidelberg 1921, 49.

[4] *B. Unbegaun*, Le calque dans les langues slaves littéraires. Revue des études slaves XII/A (1932) 19—48.

которых немало калек, возникших благодаря немаргинальным контактам и отсутствию группового билингвизма (напр., русск. *вдохновление* < франц. *inspiration;* нем. *Gemeinsinn* < лат. *sensus communis;* венг. *tankönyv* < нем. *Lehrbuch*). Значит, речь может идти только об индивидуальном билингвизме автора кальки. Но Б. Унгебаун прав, когда говорит о существовании: а) калек народных; б) калек книжных.

Возникновение т. н. народных калек, действительно, требует, чтобы в процессе маргинальных и интрарегиональных перманентных языковых контактов развился групповой субординативный или координативный билингвизм, хотя бы вдоль границ ареалов контактирующих языков и диалектов. Но для возникновения т. н. книжных калек индивидуальный билингвизм (субординативный или координативный) вполне достаточен.[5]

Отдельные вопросы калькирования пытался рассмотреть, кстати небезуспешно, и Ж. Вандриес. В работах Э. Сэпира также немало интересных мыслей о роли калькирования в развитии языка. Попытки рассмотреть отдельные вопросы калькирования с общелингвистических позиций были предприняты также П. Папагаджи, неутомимым исследователем языковых параллеллей балканских языков.[6]

Значительно больше внимания калькам стали уделять с 30-х годов XX в. исследователи немецкого языка. И это понятно. Пуризм, как европейское течение, достигло своего апогея в Германии тех лет. Борьба против собственно-лексических (прямых или фонетических) заимствований, стремление за всякую цену провести Verdeutschung, т. е. ««онемечивание» даже интернационализмов, восходящих к греческим и латинским корням (напр., *Telephon — Fernsprecher*, *telegraphieren — draten*) потребовало заняться проблемами калькирования вплотную. Правда, даже без вмешательства пуристов, немецкий язык по своему структурно-типологическому характеру склонен лингвистическую интерференцию на лексическом уровне свести скорее к калькированию прототипа языка-источника, чем принять его в виде собственно-лексического (прямого или фонетического) заимствования или проникновения.[7]

Еще «отец» немецких пуристов И. Г. Кампе (I. H. Campe) в статье «Über die Reinigung und Bereicherung der deutschen Sprache» (1794) остро высту-

[5] Наши наблюдения над языками Карпатского ареала показали, что групповой билингвизм обычно захватывает вдоль границ ареалов контактирующих языков и диалектов пояс в 30—40 *км*. Отсюда путем языковой аттракции может языковая инновация продвигаться и вглубь и охватить всю территорию языка-рецептора, т. е. впоследствии функционировать и в тех ареалах языка или диалектах, где нет билингвизма.

[6] См. *P. Papaghagi*, Parallele Ausdrücke und Redesarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugrichischen und Bulgarischen: Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig 14 (1904) 128—134.

[7] По свидетельству некоторых лингвистов, в частности Л. П. Крысина, русский язык, наборот, относится к тем типам языков, которые предпочитают собственно-лексическое (прямое, фонетическое) заимствование кальке.

пает против собственно-лексических (прямых или фонетических) заимствований. Он признает влияние одного языка на другой только в форме калькирования. Стремясь изгнать из немецкого языка те собственно-лексические (прямые или фонетические) заимствования, которые, словно «непрошенные гости», проникли туда, Т. Г. Кампе выпускает в 1801 г. свой «Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke» (2. изд. в 1813 г.). В этом словаре «онемечивания» собственно-лексических (прямых или фонетических) заимствований помещена статья, в которой автор излагает принципы калькирования, не давая последнему никакого лингвистического определения. Ни для И. Г. Кампе, ни для его современников кальки не были еще лингвистической категорией.

Немецкие пуристы жили иллюзией, что, направляя «иноязычное влияние» в русло калькирования, они оберегают германский облик своего родного языка. На самом деле, как отмечал А. Мейе (A. Meillet), «обманчив и чисто германский облик современного немецкого языка. Употребление слов в значительной части перенесено из средневекового латинского и современного французского словоупотребления».[8] Это произошло в значительной мере из-за калькирования.

Традиции И. Г. Кампе продолжали многие немецкие филологи, в частности Э. Энгел (E. Engel), Ф. Маутнер (F. Mauthner), С. Зингер (S. Singer). Они сделали много для выяснения лингвистической сущности калькирования. Еще больше в этом направлении было сделано В. Бетцем.[9] Достаточно только ознакомиться с его основными работами, чтобы убедиться, что автор освободился от националистического угара своих предшественников-пуристов и дельным тоном, объективно рассматривает лингвистические особенности калькирования.

В советской языковедческой литературе вопросам калькирования в общелингвистическом плане уделяли некоторое внимание В. Л. Щерба и Л. А. Булаховский. Но к углубленному изучению этой проблемы советские лингвисты приступили лишь недавно. Так, работы А. Я. Матвеева,[10] Л. А. Пономаренко[11] и др. являются значительным вкладом в изучение лингвистических проблем калькирования.

[8] *А. Мейе,* Основные особенности германской группы языков. Москва 1952, 145.

[9] См. *W. Betz,* Der Einfluss des Lateinischen auf den Althochdeutschen Wortschatz, I. Heidelberg 1936; *его же,* Lehnwörter und Lehnprägungen im Vor- und Frühdeutschen. Deutsche Wortgeschichte, I/2. Berlin 1958.

[10] См. *А. Я. Матвеев,* Загальнолінгвістична характеристика лексичних кальок німецькоі мови. Збірник робіт аспірантів романо-германьскоі та класичноі філологіі. Львів 1963, 29—36; *его же,* Латинские лексические кальки в немецком языке (автореферат кандидатской диссертации). Львов 1966.

[11] *Л. А. Пономаренко,* До питання про кальку. Збірник наукових праць аспірантів з філологіі, 17. Киев 1952; *ее же,* Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка). Киев 1965.

Другой была картина в Венгрии. Движение за обновление языка (nyelvújítás), начавшееся в 70-х гг. XVIII в. и владевшее почти в течение целого столетия умами венгерского общества, столкнуло многих обновителей (nyelvújító) — лингвистов и литераторов, как Ш. Диосеги (Diószegi Sámuel), А. Дугонича (Dugonics András), Д. Барцафальви Сабо (Barczafalvi Szabó Dávid), П. Бугата (Bugát Pál), Ф. Кельчеи (Kölcsey Ferenc)[10] да и самого руководителя этого движения Ф. Казинцы (Kazinczy Ferenc) с практикой калькирования, которая являлась одним из принципов этого обновления. Правда, его не называли калькированием, а «творением слов» (szócsinálás). Но достаточно познакомиться с теоретическими принципами одного из «могучих» этой кучки обновителей венгерского языка П. Бугата,[13] с его практикой, с практикой других соратников Ф. Казинци, «чеканивших»[14] новые слова по образцу немецких моделей (ср. напр., венг. *tényleg* < нем. *wirklich;* венг. *újonc* < нем. *Neuling;* венг. *zsebkönyv* < нем. *Taschenbuch*)[15] и мы убедимся, что это и было калькированием. В этой своей деятельности обновители венгерского языка опирались на более древнюю традицию, на деятельность переводчиков т. н. «гуситской библии», калькировавших ряд латинских слов (напр. венг. *címerlet* < лат. *titulus*, венг. *kopaszlat* < лат. *calvaria*)[16].

Итак, мы видим, что создание книжных калек имеет в венгерском языке свои традиции. На эти традиции и опирались венгерско-русские индивидуальные билингвы, создавая кальки лексических инноваций русского языка советского общества. Модели книжного калькирования лексических единиц из русского языка дооктябрьского периода были в венгерском языке незначительны. Зато были традиции в венгерском языке народного калькирования из восточнославянских языков. Их истоки ведут к древневенгерско-древнерусским (VII—IX вв.) маргинальным и интрарегиональным языковым контактам, они развились в условиях старовенгерско-древнерусских (XI—XIII вв.) и венгерско-украинских (XIV в.—наши дни) маргинальных и интрарегиональных межъязыковых отношений. И, очевидно, эти традиции народного калькирования участвовали «стихийно» и внешне незаметно (черты общей венгерско-восточнославянской ментальности[17] и типологизации при создании языковых «слепков» действительности) в выработке в венгерском языке практики калькирования лексических инноваций русского языка

[12] См. *Tolnai V.*, A nyelvújítás elmélete és története. Budapest 1929.
[13] *Bugát P.*, Szócsintan. Pest 1857.
[14] См. *Simonyi Zs.*, A magyar nyelv. Budapest 1905, 188—192.
[15] См. *E. Martius*, Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759—1831). Stockholm 1970.
[16] См. *Hexendorf Edit*, Adalékok a bibliafordítási tükörszavak keletkezéséhez és életéhez: Nyelvtudományi Értekezések (NytudÉrt) 58: 103—109.
[17] О чертах этой общей ментальности свидетельствует анализ результатов интересных исследований Ш. Кароя, напр., *Károly S.*, A magyar szókincs struktúrájának (rendszerének) vizsgálata történeti szempontból: NytudÉrt 58: 115—121.

советского общества. Но, к сожалению, эта практика слабо обобщена. Как ни странно, имея многовековые традиции книжного калькирования в венгерском языке, венгерские лингвисты мало внимания уделяли еще изучению его лингвистических проблем.

Прежде чем конкретно рассмотреть особенности калькирования лексических инноваций русского языка советского общества в венгерском языке, очевидно, следует вкратце охарактеризовать развитие и преобразование русской языковой традиции в послеоктябрьский период. Эти новые процессы в русском языке привлекли уже в 20—40-е гг. внимание многих советских и зарубежных лингвистов, исследовавших изменения в русском языке советского общества.[18]

В изысканиях этих выдающихся лингвистов были попытки показать, как происходил в послеоктябрьский период процесс демократизации русского языка,[19] как новая революционная эпоха — «эпоха наиболее энергичной общественной деятельности людей»[20] способствовала его быстрому развитию. Однако, как справедливо отмечают авторы книги «Лексика современного русского литературного языка»,[21] указанные работы 20—40-х гг., посвященные развитию русского языка в условиях советского общества, «в большинстве своем должны оцениваться с современной точки зрения как неполные, недостаточные и часто — теоретически неубедительные».[22] Уровень этих изысканий снижался тем фактом, что много исследователей данной проблемы отдало сполна дань вульгарно-материалистической концепции А. Я. Марра о полном параллелизме процессов развития общества и языка, о полной обусловленности «языковых изменений социально-экономическими факторами».[23] Однако после лингвистической дискуссии 1950 г. исследователи процессов развития и преобразования русской языковой традиции перегнули палку в другую сторону. Они долго жили иллюзией, упорно утверждали, что под влиянием новой социалистической действительности в русском языке изменились лишь отдельные частности.

[18] Сюда относятся, в первую очередь, такие работы: *А. М. Селищев,* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917—1926. Москва 1928; — *А. П. Баранников,* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Влияние войны и революции на развитие русского языка, Ученые записки Самарского государственного университета, 1919, вып. 2; — *С. Карцевский,* Язык, война и революция, Берлин 1923. — *A. Mazon,* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918), Paris 1920; — *Е. Д. Поливанов,* Русский язык сегодняшнего дня: Литература и марксизм 1928, кн. 4; — *Р. О. Шор,* О неологизмах революционной эпохи: Русский язык в советской школе 1929, № 1.

[19] См. *Л. П. Крысин,* Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов. «Развитие лексики современного русского языка». Москва 1965, 117—118.

[20] *М. Горький,* Собрание сочинений в 30 томах, т. 27. Москва 1953, 213.

[21] Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного литературного языка. «Русский язык и советское общество». Москва 1968.

[22] Там же, 16.

[23] *А. Я. Марр,* Избранные работы, II. Москва 1934, 17.

И только, примерно с 1958 г., когда по предложению В. В. Виноградова и С И. Ожегова была выдвинута проблема «Русский язык и советское общество», исследователи стали уделять внимание взаимодействию внутренних тенденций и социальных факторов в развитии русского языка советской эпохи. В работах В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, М. В. Панова, И. Ф. Протченко, Д. Н. Шмелева, Г. А. Бариновой, С. М. Кузьминой, Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, О. Б. Сиротина, О. А. Лаптева, Р. В. Бахтуриной, В. Ф. Алтайской и др. сделаны попытки на значительном фактическом материале показать, как динамическая система русского языка, подчиняясь закону диалектики развивается в борьбе противоположностей. Правда, эта борьба противоположностей, как движущая сила механизма исторической изменчивости русского языка советского общества, больше декларируется, чем раскрывается. Тем не менее, в этих исследованиях со всей убедительностью показано, что характерные признаки нового этапа развития русского языка вызваны «особенностями социальной структуры советского общества и социально-языковым механизмом эволюции», что «сейчас мы можем говорить о реализации многих народных тенденций, которые были заложены в прошлом, и о разрешении ряда противоречий в развитии системы языка в новых социальных условиях».[24]

И хотя развитие русского языка в новых социальных условиях советского общества благодаря «ценной реакции» между разными его подсистемами в той или иной мере коснулось всех языковых уровней, оно наиболее глубоко и наглядно отражено в его лексике, в лексических инновациях, рожденных из потребностей номинации новых реалий, новых понятий социалистической действительности. Среди этих лексических инноваций есть лексико-семантический ряд, который, будучи связанным с производственными отношениями людей в обществе и с различными вытекающими из них проявлениями деятельности во всех сферах общественной жизни, «наиболее подвижен, интенсиве своем развитии и наиболее связан с социальными изменениями».[25] Это и есть общественно-политическая лексика. Она «наиболее ярко обнаруживает механизм развития языка в обществе».[26]

Как показывают наблюдения многих исследователей над процессами, происходившими в лексике русского языка за 50 слишним лет советского общества, потребность в создании новых языковых «слепков» действительности приводила как к созданию лексико-семантических инноваций, так и к изменениям в соотношениях, связях между существовавшими лексическими единицами. Образование первых происходило заметно, так сказать, на глазах всех носителей русского языка. Поэтому их изучение является более

[24] Из выступления *С. И. Ожегова* на Ученом Совете Института русского языка АН СССР 13 ноября 1958. Цитирую по книге «Лексика современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество». Москва 1968, 5.

[25] Русский язык и советское общество. Проспект. Алм-Ата 1962, 8.

[26] Там же.

доступным. Второй путь развития лексики русского языка советского общества, т. е. изменения в словоупотреблении, являясь сложным процессом, происходил незаметно для носителей русского языка. Их исследование наталкивается на определенные трудности.

В русском языке советской эпохи лексико-семантические инновации образуются несколькими путями. Основные из них:

I. Создание словообразовательных неологизмов

Эта, по нашим наблюдениям, самая большая группа слов включает производные, сложные и составные слова.

1. Производные слова этой группы образовались путем аффиксации. И хотя они охватывают разные лексико-семантические микроструктуры, больше всего их в общественно-политической лексике. В первую очередь это:

а) nomina agentis и nomina auctoris, напр., *большевик, ленинец, партиец, беспартиец, бетонщик, бульдозерист, высотник, доменщик, кружковец, дизелист, программист, ракетчик* и мн. др. *(Кружковцы этой школы оказывают систематическую помощь колхозу.* Комсомольская правда, 27 V 1949);

б) названия различных новых форм социального, административного, государственного устройства; напр., *новаторство, плановость, раскулачивание, товарность, укрупнение, штурмовщина* и мн. др. *(Его труд — подлинное новаторство.* Б. Полевой).

2. Сложные слова, образовавшиеся словосложением, смешанным способом (т. е. словосложением + суффиксацией), а также аббревиацией. Они встречаются также больше всего в общественно-политической лексике. Это главным образом:

а) названия различных явлений социалистической экономики, социального, административного, государственного устройства советского общества; напр., *всесоюзный, красноармеец, КПСС, пятилетка, многотиражка, НЭП, очковтирательство, СССР, хлебозаготовки* и мн. др. *(Выполнение задач новой пятилетки требует мобилизации материальных и духовных сил всего советского народа.* Советское Закрапатье 14 II 1959).

б) nomina agentis и nomina auctoris; напр., *парторг, профорг, комсорг, рабкор, космонавт, дальнобойщик, чекист* и мн. др. (*Он понимал, что комсорг прав, но ему трудно было публично признать свои ошибки.* С. Бабаевский).

3. Составные слова, образовавшиеся из различных типов свободных словосочетаний. Они охватывают различные лексико-семантические микроструктуры, но больше всего их в общественно-политической лексике и научно-технической терминологии. Здесь мы встречаем главным образом:

а) термины партийного строительства, названия различных явлений социалистической экономики, социального, административного, государственного устройства советского общества; напр., *член партии, беспартийный*

большевик, партийный комитет, партийная организация, партийное руководство, партийная дисциплина, демократический централизм, социалистическое соревнование, рационализаторское предложение, плановое хозяйство, производственные обязательства, ударный фронт, бригада коммунистического труда, пионерский отряд, пионерский лагерь, сектор охраны труда, библиотека-передвижка, советско-венгерская дружба и мн. др. *(Эту борьбу возглавила партийная организация цеха.* Известия 27 IV 1946).

б) nomina agentis auctoris; напр. *инженер по технике безопасности, комсомолец-активист, портной квартирник, уполномоченный по хлебозаготовкам, заместитель директора по кадрам* и мн. др. (*«Комсомольцы-активисты* собрались на свой очередной форум» — Ю. Жуков).

в) термины науки и техники, их новых достижений; напр., *угольный комбайн, условный рефлекс, шагающий экскаватор, космический корабль* и мн. др. *(Уральцы могут гордиться своим детищем — шагающим экскаватором.* Комсомольская правда 17 IV 1949).

II. Заимствование и проникновение лексических единиц

Лексика русского языка советской эпохи продолжала в послеоктябрьский период обогащаться за счет лексических заимствований и проникновений как из языков народов СССР,[27] так и иностранных языков.[28] Эти лексические заимствования и проникновения отражают интенсификацию языковых контактов между русским и другими языками.

1. Лексические заимствования и проникновения из языков народов СССР.

В период после Великой Октябрьской социалистической революции русский язык заимствовал из украинского языка такие слова, как: *хлебороб, хлопцы, хата* и мн. др., из языков тюркских народов СССР — напр., *пиала, лишлак, чайхана* и мн. др., из языков финно-угорских и самодийских народов СССР такие этнонимы, как: *мари, удмурт, ханты* и др.[30] *(Хлеборобы сделают все, чтобы с честью выполнить взятые на себя обязательства.* Сельская жизнь 24 V 1964).

[27] См. *Н. А. Баскаков, В. И. Абаев, Т. А. Бертагаев, Е. А. Бокарев, И. Г. Добродомов, В. И. Лыткин, С. И. Ожегов, Г. П. Ижакевич,* Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». Москва 1969, 49—63.

[28] См. *Л. П. Крысин,* Иноязычные слова в современном русском языке. Москва 1968.

[29] См. *Г. П. Ижакевич,* Украинские заимствования в русском литературном языке и их стилистическая роль. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». Москва 1969, 142—148.

[30] Проблема лексических заимствований и проникновений в русском языке (литературном) из языков других народов СССР вся еще остается малоизученной, хотя ее актуальность неоднократно подчеркивалась языковедами. См. Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР, 62.

2. Лексические заимствования и проникновения из разных иностранных языков.

В послеоктябрьский период русский язык в связи с т. н. «социальной метисацией» (по определению Е. Д. Поливанова) активизировал иностранные лексические заимствования и проникновения, жившие до этого на его периферии. Он к тому же заимствовал ряд новых иностранных слов, вошедших в различные лексико-семантические микроструктуры, в первую очередь, в состав бытовой лексики, терминов науки и техники;[31] напр., *джемпер*, *пижама*, *спиннинг*, *телевизор*,[32] *нейтрон*, *ротатор*, *комбайн*, *телетайп*, *тюбинг* и мн. др.[33] *(В поле работало шесть комбайнов нашей артели.* Закарпатская правда 17 VI 1965).

Авторы монографии «Лексика современного русского литературного языка» относят к заимствованной лексике русского литературного языка советского общества и те лексические единицы русской просторечно-диалектной и жаргонной стихии, которые в послеоктябрьский период, особенно в его первое десятилетие, потоком хлынули в русский стандартный язык (напр., *глухомань*, *новосел*, *баламут*, *отгул*, *ушанка* и мн. др.). С этим, конечно, нельзя согласиться. Процесс демократизации языка всегда сопровождается вовлечением в стандартный язык просторечно-диалектной и жаргонной стихии (ср. напр., вовлечение лексических единиц Colloquial и Slang в процесс демократизации современного английского Standart English), но это стихии одного языка, а не заимствования.

III. Детерминологизация профессиональной лексики и специальной терминологии

Одним из источников обогащения словарного состава общенационального русского языка советской эпохи была детерминологизация русской профессиональной лексики и специальной терминологии.

Детерминологизация происходила в самом процессе функционирования этой лексики.[34] Под давлением общей лексики эти специфические слова осво-

[31] Эта лексика всесторонне изучена *Л. П. Крысиным* в его книге «Иноязычные слова в современном русском языке», Москва 1968.

[32] Первоначально вместо *телевизор* функционировала калька англ. *televisor: дальнозор*. Эта калька была — подобно шишковским и далевским *мокроступы*, *тихогромы* — мертворожденным словом, и вскоре исчезла.

[33] *А. М. Селищев* (указ. соч. 30) составил список наиболее употребительных иноязычных лексических заимствований русского языка 20-х годов. Среди них мы встречали такие слова, как *ажиотаж*, *пакт*, *картель* и др. Иноязычная лексика имела в различных жанрах разную частотность. Так, по данным Л. П. Крысина, общественно-политическая иноязычная лексика в жанре передовой статьи на внутриполитическую тему составляла 8,85% для дореволюционной газеты «Речь» (1913 г.) и 11,31% для послеоктябрьской «Правды» (1923 г.). Это довольно значимое различие. См. *Л. П. Крысин*, Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов. «Развитие лексики современного русскоэго языка» Москва 1965, 121.

[34] См. *В. Ф. Алтайская*, Расширение сферы терминологической лексики в первое десятилетие после Октябрьской революции: Доповіді та повідомлення Ужгородського державного університету, серія філологічна (ДП УжДУ) 4 (1959) 50—56.

бождались от присущих терминам черт и стремлений «отмежевываться» и путем метафоризации приобретали даже эмоциональную окраску, стали входить в новые лексико-семантические микроструктуры; напр., *смычка* (города и деревни), *культурный фронт, брожение* (в массах), *тормоз* (партучебы), *командиры производства, боеспособность* (комсомола), *открыть огонь* (по недостаткам) и т. д. *(Практические предложения, выдвигаемые для устранения отмеченных тормозов в партучебе.* Ленинградская правда, 10 II 1926)

IV. Семантические изменения в лексике русского языка советского общества

В развитии лексики русского языка советского общества значительное место занимали и семантические изменения. Внеязыковое воздействие на семантические сдвиги, происходившие в русском языке советской эпохи, было далеко не гомогенным. Поэтому его следствием были:

1. семантические сдвиги, не связанные с потребностями номинации; напр., *кабина* (автомашины, а затем также космического корабля), *оружие* (классическое, а затем и водородное) и мн. др. *(Надо запретить это оружие массового уничтожения.* Правда 17 VIII 1952).

2. семантические сдвиги, вызванные потребностями номинации; напр., *звено, комиссар, трест, ударник, маяк* (производства), *смотр* ('общественная проверка'), *спутник* и мн. др. *(Смотр художественной самодеятельности помог открыть новые, подлинно народные таланты.* Комсомольская правда 24 X 1959).

Семантические сдвиги, вызванные потребностями номинации новых явлений жизни послеоктябрьского периода, возникли:

а) путем метафорической экспансии определенных групп словаря;

б) функциональным переносом наименований;

в) изменением в продуктивности старых и формированием новых «метонимических формул»;

г) изменением в парадигматических и синтагматических связях слов.[35]

Все эти способы семантических сдвигов создавали на протяжении всего послеоктябрьского периода различные соотношения, помогали русскому языку выполнять свою коммуникативную функцию.

Революционная эпоха 1917 и последующих годов интересна с лингвистической стороны в том отношении, что в этот период многие из лексических инноваций, просуществовав в русском языке более или менее непродолжительное время, постепенно вышли из употребления. Эти слова, составляющие далеко не гомогенную группу историзмов и архаизмов, — лучшее доказательство того, что язык тысячами нитей связан с жизнью. Совершенно

[35] Данное деление семантических сдвигов совпадает в основном с их классификацией, имеющейся в книге «Лексика современного русского литературного языка . . .», стр. 92—128, поэтому опускаем подробности нашей классификации.

ясно, что в таких условиях, когда после Великой Октябрьской социалистической революции впервые приходилось искать новые пути и формы построения бесклассового общества в крайне сложной обстановке внутри страны и вне ее, неизбежны были мероприятия, носившие временный характер. «Важно понять, — писал В. И. Ленин, — что в революционные времена объективная ситуация меняется также быстро, как быстро вообще течет жизнь».[36] Учитывая, что все то новое, что появляется в жизни общества, обязательно получает наименование, становится совершенно очевидным, что послеоктябрьские годы должны были создать в русском языке большое количество историзмов и архаизмов, возникших из лексических инноваций.

Переходные явления в лексике русского языка советского общества прослежены нами на материале русских газет и журналов 1918—1927 гг. Их выявление и изучение на почве языка-источника, т.е. русского языка, тем более важно, что они не были, к сожалению, до сих пор предметом серьезного изучения,[37] их не фиксируют словари. Но многие из них функционировали в русском языке настолько долго, чтобы в результате немаргинальных языковых контактов русского языка с различиными языками мира, в том числе и с венгерским языком, стать их лексическими заимствованиями. Наши изыскания показали, что историзмы и архаизмы, возникшие из лексических инноваций русского языка послеоктябрьского периода, являются языковыми «слепками» действительности явлений общественной жизни. Они относятся к:

а) лексико-семантической микроструктуре общественно-политических терминов; напр., *назначенец*, *рядовик*, *раббфаковец*, *комбедчик*, *партийная ячейка*, *райкомолец* и мн. др. *(Райкомольцы строят в селе новую мельницу.* Известия 24 IV 1923);

б) лексико-семантической микроструктуре терминов культурного строительства; напр., *шкраб* (школьный работник) 'учитель', *завраб клубом* 'заведующий рабочим клубом', *наробраз* 'отдел народного образования' и мн. др. *(Председателю надоела, заведующему наробразом надоела.* Новая жизнь, Москва 1925, № 1, стр. 15).

Переходные явления в лексике русского языка послеоктябрьского периода, возникшие из лексических инноваций, сыграли свою роль в коммуникативной функции языка, а затем исчезли (историзмы) или были заменены другими (архаизмы). Но они, как уже говорилось, благодаря лингвистической интерференции языковых контактов, оставили свой след и во многих языках мира, в том числе и в венгерском языке.

[36] *В. И. Ленин*, Сочинения 23: 322.

[37] Единственная работа, рассматривающая небольшую группу историзмов этой переходной лексики русского языка советского общества, является, насколько нам известно, исследование *В. Ф. Алтайской*, Историзмы послеоктябрьского периода в русском языке: ДП УжДУ 7 (1961) 49—52.

Поскольку все изменения в русском языке советского общества и в первую очередь, его лексике и были зигзагообразным отражением тех больших социальных преобразований, которые начались в Стране Советов после Великой Октябрьской социалистической революции и которые были созвучны думам и чаяниям передовых сил венгерского народа, они и были главным объектом заимствования в процессе интенсифицировавшихся немаргинальных венгерско-русских языковых контактов послеоктябрьского периода.

Лексические инновации русского языка советского общества, получившие в языковедческой литературе название советизмов, стали заимствоваться венгерским языком уже в 1917 г. Их заимствование продолжается и в наши дни.

Более чем 50-летний период послеоктябрьских немаргинальных венгерско-русских языковых контактов можно условно расчленить на три этапа: 1) 1917—1919 гг.; 2) 1920—1944 гг.; 3) 1945 г. — по наши дни.

Самыми интенсивными были первый этап (включает дни Великой Октябрьской социалистической революции и существование Венгерской Советской Республики — март—август 1919 г.) и третий этап (начался освобождением Венгрии — апрель 1945 г. и последовавшими за ним социалистическими преобразованиями в стране).

Эти этапы обусловлены экстралингвистическими факторами, в первую очередь, историческими событиями, характером и интенсивностью венгерско-советских экономических, политических и культурных связей послеоктябрьского преиода. Правда, по своему характеру лингвистическая интерференция венгерского-русских языковых контактов всего послеоктябрьского периода в этих существенно не отличалась. Она проявлялась в основном в словарном составе венгерского языка в форме:

а) собственно-лексических (прямых, фонетических) заимствований (около 0,5% всех заимствованных русских неологизмов советской эпохи);

б) различных типов лексических калек (около 99,5% всех заимствованных русских неологизмов советской эпохи).[38]

Общелингвистический анализ значительного количества калек лексики венгерского языка, восходящих к русским лексическим инновациям послеоктябрьського преиода, показал, что они далеко не гомогенны. Их классификация требует выработки критериев.

Несмотря на тот факт, что книжное калькирование венгерским языком неологизмов русского языка советского общества опирается на «чужие» традиции, оно, естественно, обуславливается такими факторами как степенью структурно-типологической близости венгерского и русского языков, осо-

[38] См. *А. М. Рот,* Русско-венгерские языковые контакты на современном этапе. Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum (Helsinki 23—28. VIII. 1965) Pars I. Helsinki 1968, 439—446.

бенностью развития их лексики, спецификой взаимодействия их словообразовательных элементов и моделей.

Критерии классификации венгерских лексических калек, восходящих к русскому языку советского общества, мы разработали на основе сближения планов содержания и структур и планов выражения значительного количества калькированной лексики (около 2750 лексических калек). Но чтобы иметь право делать такое сближение, право утверждать, что напр. венг. *átbeszél* 'обсудить' является калькой русск. *переговорить* 'обсудить', необходимо иметь данные экстралингвистических факторов, свидетельствующих о том, что план нового содержания этого венгерского слова заимствован из современного русского языка.

Таким образом, если в современном венгерском и русском языках мы находили слова, имеющие идентичные планы содержания и одинаковые структуры планов выражения, мы, в первую очередь, устанавливали их «возраст». «Возраст» русского прототипа должен быть больше, чем его венгерской кальки. Чтобы убедиться в этом, мы всегда искали лингвистические и культурно-исторические литературные данные, подтверждающие эти «возрасты». Вопрос об отнесении того или иного венгерского слова к калькам из русского языка советского общества иногда сложен, не всегда поддается однозначному решению. И хотя венгерский язык калькирует русские лексические инновации советской эпохи так сказать «на глазах истории», все же мы не сбрасывали со счетов возможность явлений независимого параллельного развития.[39]

С лингвистической точки зрения исследуемые кальки делятся на:

а) структурно-семантические (напр., венг. *tervgazdálkodás* < русск. *плановое хозяйство*);

б) семантические (напр., венг. *pártosság* < русск. *партийность*);

в) гибридные (полукальки; напр., венг. *szovjetellenes* < русск. *антисоветский*).

Стуктурно-семантические кальки

Структурно-семантические кальки русских неологизмов советского общества в венгерском языке составляют различные лексико-семантические микроструктуры. Доминирует в них общественно-политическая лексика:

1. Лексико-семантические микроструктуры терминов нового социалистического строя: венг. *burzsoá államapparátus* < русск. *буржуазный госу-*

[39] Поэтому среди приведенных ниже венгерских слов и выражений есть и ряд таких, происхождение которых не следует обязательно объяснять влиянием русского языка. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в годы, предшествовавшие второй мировой войне, немецкая марксистская литтература оказывала большое влияние на венгерскую общественно-политическую терминологию. Во многих случаях сам русский термин является калькой из немецкого языка.

дарственный аппарат; венг. *szocialista államapparátus* < русск. *социалистический государственный аппарат;* венг. *béralap* < русск. *фонд зарплаты;* венг. *beteglap* < русск. *больничный листок;* венг. *élharcos* < русск. *передовой борец;* венг. *élmunkás* < русск. *передовик;* венг. *érdemtábla* < русск. *доска почета;* венг. *ésszerűsítő* < русск. *рационализатор;* венг. *élcsapat* < русск. *передовой отряд* 'авангард'; венг. *csökevény* < русск. *пережиток* (старого общественного строя); венг. *házkezelő* < русск. *домуправ;* венг. *ifjúsági brigád* < русск. *молодежная бригада;* венг. *időnorma* < русск. *норма времени* (производственная); венг. *káderosztály* < русск. *отдел кадров;* венг. *káderképzés* < русск. *подготовка кадров;* венг. *káderes* < русск. *кадровик* ('работник отдела кадров'); венг. *káderpolitika* < русск. *кадровая политика;* венг. *maszek (magánszektor)* < русск. *частный сектор;* венг. *munkásbrigád* < русск. *рабочая бригада;* венг. *munkásújító* < русск. *рабочий новатор;* венг. *munkáslevelező* < русск. *рабочий корреспондент;* венг. *munkaverseny* < русск. *трудовое соревнование;* венг. *népbíró* < русск. *народный судья;* венг. *néptulajdon* < русск. *народная собственность;* венг. *munkás-paraszt-egység* < русск. *рабоче-крестянское единство;* венг. *munkás-paraszt kormány* < русск. *рабоче-крестьянское правительство;* венг. *osztálykorlátok* < русск. *классовые барьеры;* венг. *osztály-éberség* < русск. *классовая бдительность;* венг. *ötéves terv* < русск. *пятилетка;* венг. *újító* < русск. *новатор;* венг. *szocialista építés* < русск. *социалистическое строительство* и многие др.[40] Напр., *A szocialista építés a munkás-paraszt egység fő feladata.* Népszava 5 IV 1919 — 'Социалаистическое строительство — основная задача рабоче-крестьянского союза'.

2. Лексико-семантическая микроструктура терминов партийного строительства: венг. *pártaktíva* < русск. *партийный актив;* венг. *pártbüntetés* < русск. *партийное наказание;* венг. *pártcsoport* < русск. *партийная группа;* венг. *pártdemokrácia* < русск. *партийная демократия;* венг. *pártépítés* < русск. *партийное строительство;* венг. *pártegység* < русск. *единство партии;* венг. *pártélet* < русск. *партийная жизнь;* венг. *pártellenes* < русск. *антипартийный;* венг. *pártmegbízatás* < русск. *партийное поручение;* венг. *pártpolitika* < русск *политика партии;* венг. *pártonkívüli* < русск. *беспартийный;* венг. *pártmunka* < русск. *партийная работа;* венг. *pártszervezet* < русск. *партийная организация;* венг. *pártsejt* < русск. *партийная ячейка;* венг. *pártsajtó* < русск. *партийная пресса;* венг. *pártoktatás* < русск. *партийная учеба;* венг. *párttagság* < русск. *членство в партии* и мн. др. Напр., *Biztosítanunk kell minden pártsejtben az öntudatos pártfegyelmet.* Sarló és kalapács 1950, № 1 — 'Мы должны обеспечить в каждой партийной ячейке сознательную партийную дисциплину'.

[40] Из большого материала выявленных и изученных нами калек русских неологизмов советской эпохи в венгерском языке мы можем здесь привести лишь его незначительную часть.

3. Лексико-семантические микроструктуры терминов культурного и школьного строительства: венг. *kultúrház* < русск. *дом культуры;* венг. *kultúrfront* < русск. *культурный фронт;* венг. *kultúregyezmény* < русск. *договор о культурном сотрудничестве;* венг. *kultúrvezető* < русск. *культорг;* венг. *érdemes művész* < русск. *заслуженный артист;* венг. *úttörőtábor* < русск. *лагерь пионеров;* венг. *úttörőcsapat* < русск. *пионерский отряд* и мн. др. Напр., *Jó érzés volt az úttörőtáborban töltött hetekre visszagondolni.* Népszava 2 IV 1951 — 'Хорошо было вспоминать о неделях, проведенных в пионерском лагере'.

4. Лексико-семантическая микроструктура терминов движения борьбы за мир: венг. *békeharc* < русск. *борьба за мир;* венг. *békemozgalom* < русск. *движение за мир;* венг. *békeharcos* < русск. *борец за мир;* венг. *békepolitika* < русск. *мирная политика;* венг. *békekongresszus* < русск. *конгресс мира;* венг. *békehívő* < русск. *сторонник мира;* венг. *béketábor* < русск. *лагерь мира;* венг. *háborús gyújtogató* < русск. *поджигатель войны* и мн. др. Напр., *A béketábor legyőzhetetlen.* Kárpáti Igaz Szó 18 V 1959 — 'Лагерь мира непобедим'.

5. Лексико-семантические микроструктуры терминов науки и техники: венг. *atomerőmű* < русск. *атомная электростанция;* венг. *űrhajó* < русск. *космический корабль;* венг. *űrrepülés* < русск. *космический полет;* венг. *űrállomás* < русск. *космическая станция* и мн. др. Напр., *Az űrrepüléshez Gagarin komolyan készült.* Kárpáti Igaz Szó 14 IV 1962 — 'К своему космическому полету Гагарин серьезно готовился'.

6. Лексико-семантическая микроструктура военных терминов: венг. *Vörös Hadsereg* < русск. *Красная Армия* (арх.); венг. *indításfáklya* < русск. *пусковой факель* (ракет); венг. *indikátordob* < русск. *индикаторный барабан;* венг. *ballisztikai inga* < русск. *баллистический маятник;* венг. *repülőcsónak* < русск. *летающая лодка;* венг. *elfogási röppálya* < русск. *траектория перехвата;* венг. *rádiózavaró zászlóalj* < русск. *батальон радиопомех* и мн. др.[41]

При создании калек этого типа, составляющих около 64% всех заимствованных русских лексических инноваций советской эпохи, венгерский язык стремится наиболее точно передать структуру и семантику русского прототипа (напр., русск. *больничный листок* < венг. *beteglap*). Но так как контактирующие венгерский и русский языки, будучи не только генетически неродственными, но типологически неблизкими языками, то степень этой точности, т. е. адекватность, может быть различной.

Рассматривая степень полноты и правильность передачи венгерской калькой структуры русской модели, мы встречаем несколько типов калькирования:

[41] См. *В. Л. Куценко,* Венгерско-русский военный словарь. Москва 1966.

1. пословный (поморфемный) с сохранением расположения компонентов прототипа (напр., русск. *партийная дисциплина* < венг. *pártfegyelem*);

2. пословный (поморфемный) с перестановкой компонентов производного или сложного слова прототипа (напр., русск. *беспартийный* < венг. *pártonkívüli*);

3. понятийный или идеологический, в котором образ русского прототипа не переносится, а вместо него венгерский язык подставляет свой аналогичный образ (напр., русск. *трудодень*: венг. *munkaegység*).

Все это результаты языковой борьбы, которая происходит в процессе калькирования между стремлением венгерского языка как можно полнее и точнее (буквально, поморфемно, пословно) перенести структуру слова русского прототипа и тенденцией как можно лучше приспособить русский оригинал к структуре и сложившимся нормам номинации заимствующего венгерского языка. Благодаря этому и обеспечивается высшая верность оригиналу, адекватность передачи калькой структурно-семантических характеристик русской модели.

Характер дистрибуции значений венгерских калек неологизмов русского языка советского общества, их семантические поля, включающие особые семантические связи, подчинены так называемому закону коммутации. Различные единицы плана содержания соответствуют различным единицам плана выражения.[42] Значение кальки обусловлено не только прямым влиянием («механизмом контакта»)[43] русского языка советского общества, но и теми отношениями, которые существуют в данном смысловом поле языка рецептора. Очевидно, поэтому, когда в калькированном советизме возникает новое значение, оно имеет ту дистрибуцию значений, которые имеют другие заимствованные русские неологизмы советского общества данной лексико-семантической микроструктуры. Проиллюстрируем это такими калька-ми советизмов, как венг. *pártiskola* < русск. *партийная школа* и венг. *pártbizottság* < русск. *партийный комитет*:

1. **pártiskola:** а) *Hathónapos pártiskolán van* (ÉrtSz) 'Он учится в шестимесячной партийной школе [т. е. в учебном заведении]'; б) *A dombon álló ház a pártiskola* (ÉrtSz) 'Дом, что на холме — партийная школа [т. е. учреждение, здание]'; в) *Május elsején felvonult a pártiskola* (ÉrtSz) '1 Мая вышла на демонстрацию партийная школа [т. е. коллектив]';

2. **pártbizottság:** а) *Az apja a pártbizottságon dolgozik* (Kárpáti Igaz Szó 28. V. 1959) 'Его отец работает в парткоме [т. е. в партийном органе]'; б) *Ez az új épület a városi pártbizottság* (Népszabadság 1. XI. 1961) 'Это новое здание — горком партии [т.е. учреждение]'; в) *A pártbizottság is részt vett a búza betakarításában* (Népszava 24. VI. 1960) 'В уборке пшеницы принимал участие и партком [т. е. коллектив, члены парткома]'.

[42] См. об этом подробно в нашей работе «Вопросы русско-венгерских языковых контактов в послеоктябрьский период». Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. Москва 1966, 152—154.

[43] См. *В. Ю. Розенцвейг*, «Влияние» или «механизм контактов»? «Проблемы языкознания», Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест, 28. VIII—2. IX. 1967). Москва 1967, 123—126.

В соответствии с законом коммуникации при калькировании русских неологизмов советской эпохи, венгерский язык использует исконные модели агглютинативного словосложения или словосочетания, напр., $M_1 = S_1(N) + S_2(N)$: *munkaegység* 'трудодень', как *munkacipő* 'туфли для работы' или $M_2 = S_2(N) + S_1(N)$: *pártmunka* 'партийная работа' как *lakatosmunka* 'работа слесаря' и т.д. Все же новый план содержания, новая дистрибуция значений, вызванная воздействием смыслового поля, приводит к изменением в структуре модели, в плане выражения, напр., S_2 в модели M_1, так же как к S_2 в модели M_2 может в современном венгерском языке благодаря калькированию из русского языка советского общества быть не только существительное конкретное, но и абстрактное.

Семантические кальки

Благодаря интенсификации в послеоктябрьский период немаргинальных венгерско-русских языковых контактов появляется в венгерском языке и значительное количество семантических калек из русского языка советского общества. Они, по нашим подсчетам, составляют около 32,5% всех заимствованных венгерским языком русских неологизмов послеоктябрьского периода. Семантические кальки составляют также различные лексико-семантические микроструктуры. И у них доминирует общественно-политическая лексика.

1. Лексико-семантическая микроструктура терминов социалистического строительства: венг. *tanács* < русск. *совет* 'орган власти', венг. *brigád* < русск. *бригада* (труда); венг. *csoport* < русск. *звено* (в сельскохозяйственном производстве); венг. *norma* < русск. *норма* (производственная); венг. *felajánlás* < русск. *предложение* (в социалистическом соревновании); венг. *Nagy Október* < русск. *Великий Октябрь* и мн. др. Напр., *Estére odaérkeztünk a járási tanácshoz* (В. Мориц) 'К вечеру мы доехали до районного совета'.

2. Лексико-семанатичсекая микроструктура терминов партийного строительства: венг. *párt* < русск. *партия* (только марксистско-ленинская); венг. *agitál* < русск. *агитировать;* венг. *pártos* < русск. *партийный;* венг. *pártosság* < русск. *партийность*, венг. *tagjelölt* < русск. *кандидат* (в члены партии); венг. *elhajlás* < русск. *уклон* (в партии) и мн. др. Напр., *A pártos író a nép érdekeiért küzd* (Б. Иллеш) 'Партийный писатель борется за интересы народа'.

Семантические кальки из русского языка советского общества в венгерском языке охватывают и другие лексико-семантические микроструктуры, в частности область терминов науки и техники.

Новые значения, образовавшиеся в венгерском языке в результате лингвистивеской интерференции немаргинальных венгерско-русских языковых контактов, в разной степени отделены от стер жневыхзначений слов. Исходя из древней смысловой структуры венгерского слова, которую

можно назвать «семантическим конгломератом», мы наблюдаем как под воздействием русских неологизмов советского общества исходное единство противоположностей в значении венгерского слова, обогащаясь и усложняясь в конкретных применениях, переходит в дифференцированную систему четко разграниченных понятий. Так, напр., венг. *pártos* 'субъективный, необъективный', под воздействием русского неологизма советской эпохи *партийный* дифференцировалось в *pártos I* 'партийный' и *pártos II* 'субъективный, необъективный'. Это, по сути, уже омонимы. Следует заметить, что случаев семантического калькирования, ведущих к омонимии, очень мало. В большинстве случаев семантическое калькирование из русского языка советской эпохи приводит в венгерском языке к развитию полисемии (ср., напр., венг. *tanács* 1. 'совет [советование]'; 2. 'совет [орган власти]').

При этом типы сдвигов значений в словах венгерского языка являются теми же, что и в русском прототипе. Однако венгерский язык проделивает эти сдвиги значительно быстрее.

Гибридные кальки (полукальки)

Вопрос о гибридных кальках или полукальках был в лингвистической литературе предметом горячих обсуждений. В целом, очевидно, правы те исследователи, которые, как, например, Л. А. Пономаренко, предлагают подходить к этому лингвистическому явлению дифференцировано и доказывают, что «многие образования, трактуемые обычно как полукальки, являются по существу полными кальками».[44]

В венгерском языке компоненты гибридных калек (полукалек) состоят из «непереведенной» и «переведенной» части. Этот способ заимствования чужой лексики встречается в венгерском языке и в народном калькировании (ср., напр., венг. *lípafa* 'липа [дерево]' из заимствованного из слвц. *lípa* + венг. *fa*)[45].

В качестве примеров гибридных калек (полукалек), составляющих по нашим подсчетам 3% заимствованных венгерским языком русских неологизмов советского общества, мы приведем следующие лексические единицы: Венг. *bolsevik módra* русск. *по-большевистски;* венг. *szovjetellenes* русск. *антисоветский;* венг. *kolhozelnök* русск. *председатель колхоза*, венг. *komszomoltitkár* русск. *секретарь комсомола* и ряд др. Напр., *A gyárnak a komszomoltitkárával beszéltünk.* Kárpátontúli ifjúság 16 III 1968 — 'Мы говорили с секретарем комсомола завода'.

В этих гибридных кальках (полукальках) «непереведенной» частью являются собственно-лексические (прямые, фонетические) заимствования из

[44] *Л. А. Пономаренко,* Калькирование как вид влияния одного языка на другой, 6.
[45] *F. Šíma,* Linguistica Slovaca 1/2 (1939—1940) 176.

русского языка советского общества, получившие в венгерском языке «права гражданства» (прошедшие аккомодацию, адаптацию и ассимиляцию), т. е. усвоенные венгерским языком до калькирования русской лексической инновации советского общества.

К гибридным калькам (полукалькам) тесно примыкают кальки-аббревиатуры. Аббревиатуры, получившие широкое распространение в языках различных систем, начиная с рубежа XIX и XX вв., являются в наши дни предметом пристального внимания лингвистов. Однако их особенности изучены еще недостаточно. Исследователи не пришли еще к единому мнению даже относительно лингвистической сущности аббревиатур. Очень незначительны успехи лингвистики и в изучении вопросов калькирования аббревиатур. Правда, в работах Р. И. Могилевского[46] намечены пути решения ряда важных, относящихся сюда вопросов.

В процессе немаргинальных венгерско-русских языковых контактов послеоктябрьского периода венгерский язык калькировал с русского языка советского общества ряд аббревиатур, напр., венг. *SZSZKSZ* < русск. *СССР*; венг. *SZKP* < русск. *КПСС*; венг. *USZSZK* < русск. *УССР*; венг. *KGST* < русск. *СЭВ* и ряд др. В процессе калькирования прототипы аббревиатур обнаруживали особенности своего образования, специфические черты семантических взаимоотношений между составляющими их компонентами. Эти особенности учитывал и язык-рецептор, т. е. венгерский язык. Однако подчинял их своим закономерностям образования сложносокращенных слов, вытекающим из способа «склеивания» морфем в агглютинативных языках.

Общеязыковая аккомодация, адаптация и ассимиляция венгерских лексических калек с русских неологизмов советского общества происходила в самом процессе их книжного калькирования.

В результате анализа лингвистических особенностей венгерских калек из русского языка советского общества мы пришли к выводу, что в их быстром лексическом усвоении играет роль целый ряд моментов и, в первую очередь, тот факт, что они, выражая важные жизненные понятия, были достаточно функционально нагружены. Они вскоре после своего образования проявляли широту сочетаемости с другими словами.

Анализ функционирования калек из русских лексических инноваций советского общества в венгерском языке дает основание утверждать, что лингвистическая интерференция немаргинальных венгерско-русских языковых контактов послеоктябрьского периода не подавляет, а ведет к развертыванию и совершенствованию собственных ресурсов заимствующего языка.

[46] См. *Р. И. Могилевский,* Прямые заимствования и кальки-аббревиатуры. Материалы 3-ей объединенной научной конференции ученых г. Самарканда. Самарканд 1961; *его же,* Аббревиатуры-кальки. Труды Самаркандского государственного университета, вып. 132. Самарканд 1963.

Поэтому тщетны были в 20—40-х гг. потуги официальных законодателей языка хортистской Венгрии изгнать из венгерского языка русские неологизмы советского общества, игнорируя их, отказывая им в праве гражданства в венгерском языке, преднамеренно извращая их семантику, «доказывая», что они противоречат национальному духу венгерского народа. Это подобно тому, как попытки Я. Гримма игнорировать в своем словаре неологизмы К. Маркса и Ф. Энгельса *Produktionsmittel* 'средства производства', *Klassenkampf* 'классовая борьба', *Produktionsverhältnisse* 'производственные отношения', и др. и трактовать марксовское *Arbeiterbewegung*' 'рабочее движение' как *Arbeiterkravalle* 'мятежи рабочих, волнения рабочих', не помешали пролетариату разных стран, его авангарду — коммунистическим партиям, заимствуя слова из немецкого языка, вложить в них истинный марксовский смысл, так и венгерский народ кладывал в кальки русских лексических инноваций советского общества их истинный смысл.

Кальки русских неологизмов советской эпохи вошли в «плоть и кровь» венгерского языка. Они вызвали в нем лишь незначительную «цепную реакцию» на синтаксическом уровне, дав жизнь, напр., несвойственной агглютинативным языкам определительной конструкции *Leninről elnevezett kolhoz* вместо *Lenin-kolhoz* 'колхоз имени Ленина'.[47]

Лингвистическая интерференция немаргинальных венгерско-русских языковых контактов, способствовавшая заимствованию венгерским языком различного типа калек, не нарушила национальной специфики венгерского языка.

[47] Кстати, по сведениям Д. Фокоша-Фукса подобные сдвиги на синтаксическом уровне, вызванные лингвистической интерференцией монгольско-русских языковых контактов, мы находим и в монгольском языке.

Структура романа Достоевского «Двойник»

Д. КИРАЙ

1. Повествование романа открывается размышлениями героя о зависимости и «свободе»: Голядкин подсчитывает свой «капитал» и оказывается, что за долгие годы он накопил семьсот рублей, «знатную сумму», как он сам выражается, «знатную» для человека средних сословий в то время, и потому перед героем даже встает альтернатива, а не выйти ли ему в отставку. В том положении, в котором он оказался после своего бунта, это было бы, пожалуй, единственным трезвым и с точки зрения его интересов решением — в голядкинском романтическом духе предупредить шаг начальства об его отставке или же его отчислении из департамента. Но в том-то и дело, что Голядкин еще *не может догадаться* о последствиях своего бунта.

Альтернатива, о которой говорили Белинский и Добролюбов[1] и которая действительно стояла перед массами чиновников — смириться со своим положением, с тем, что «. . . если повысили в чине не его, а другого, то ему и соваться не следовало . . .» — эта альтернатива уже не характерна для чиновника середины 40-х гг. XIX в. Собственно, уже у героев Пушкина, вышедших из средних и низших слоев, есть тот «избыток» социального самосознания, который побуждает, например, Вырина, принявшего плату за оскорбление его чести, тут же втоптать эти деньги в грязь. Герман, герой «Пиковой дамы», теряет рассудок и всякое ощущение «меры» в своем неудержимом стремлении любой ценой выбиться «в люди». А ведь это еще только 30-е годы! Гоголевский Акакий Акакиевич смысл всей жизни сумел подчинить одному-единственному стремлению — приобрести шинель, которая хотя бы формально, внешне, хотя бы в его собственных глазах смягчила для него постоянное ощущение социальной пропасти, существующей между ним и «чиновниками с положением». А идея образа Поприщина? Всеми своими помыслами герой «Записок сумасшедшего» устремлен в «чужие» высшие сферы общества. Неосуществимость его социальных мечтаний и есть тот пункт помешательства, дальше которого он не может понять фетишизируемые им общественные отношения. Но собственно и «чичиковщина» и «хлестаковщина» одной своей стороной, — хотя и не развернутой в концепции Гоголя, но самой существенной, отвечающей на

[1] *В. Г. Белинский,* Полное собрание сочинений. Москва—Ленинград 1953—1566, 9:563; — *Н. А. Добролюбов,* Полное собрание сочинений. Москва 1934—39, 2:383—386.

Studia Slavica Hung. XVI. 1970.

вопрос, почему эти герои действуют так, а не иначе, почему поступают и реагируют именно так на «случайности» своей жизни, — упирается в эти *социальные* вопросы бытия. (Например, Хлестаков, догадывающийся, что его принимают за ревизора. Чичиков, строящий свои планы на том, что его всюду принимают за помещика и т. п.). Достоевский в первом своем романе дает возможность своему герою *исчерпать* одну сторону альтернативы: смирно и покорно стерпеть все, несмотря ни на какие обиды. Но все дело в том, что времена уже не те, жизнь вокруг слагается иным образом и критерии оценки поступков человека уже не те, чтобы даже самым тихим, скромным служением можно было обрести в жизни уголок, пусть самый непритязательный. Макар Алексеевич имел возможность до конца испить чашу смирения и самоуничижения. Но истинная его трагедия, по Достоевскому, состоит в том, что он ни на час, не то чтобы на целый вечер, как Голядкин, не смог стать ни Поприщиным, ни Акакием Акакиевичем, ни Голядкиным, хотя действительная жизнь и подсказывала ему, что это неизбежно. Добролюбов несомненно прав, когда говорит, что характер героя был бы, пожалуй, пошлым и отвратительным, если бы не вопросы, которые он постоянно задает себе и жизни в своих письмах, если бы не пафос отрицания и не трагедия его. В характере трагедии Девушкина, конечно, повинна пошлость и его трусость. Но в этой трусости и пошлости, как и во всей его трагедии, более всего повинна его непосредственная *экзистенциальная связь с устройством жизни*, «русские отношения». Герой второго романа Достоевского, Голядкин, поддается порыву своего гнева, бунту в ситуации, в которой вдруг обнаружилось, что все его смирение, прислужничество, «молчалинство» не привели ни к каким результатам, больше того: рушатся его мечты о карьере, о выгодной женитьбе и т. п. До тех пор пока мечту не нарушили догадки о том, как выглядит реальность, Голядкин был «смирненьким», примерным «служакой». Но все дело в том, что это *смирение и было расчетом*, надеждой: мир, как он думал, устроен по принципу «патриархальных» отношений к начальству, вышестоящему чиновничеству, «отцам», и Голядкин надеялся, что за его заслуги, смирение, покорное «молчалинское» служение ему воздадут «добродетельные отцы», не взирая на «зависть и происки» его сослуживцев, «злейших врагов». Когда Достоевский намеревался переделать роман в начале 60-х гг., он еще больше заострил эту сторону «кругозора» своего героя. После того что «младший советует просить прощения» у начальства, следует запись:

> «— Головоломное изъявление в 1-х о Гарибальди, а во 2-х о кислороде и водороде. Кислород и водород перевертывает ему голову.
> Нет более Всевышнего Существа.
> Что-же будет с филистерством и с начальством. *Сон*. Все упразднено. Люди вольные. Все *бьют друг друга*, явно на улице. *Обеспечивают себя* (откладывают копейку).»[2]

Когда же выяснилось, что все это были лишь мечты, романтические и даже болезненные иллюзии, «романы-мечты» (в которых Голядкин любил во-

[2] *Ф. М. Достоевский*, Записные книжки (1961—1862) — Ф. 93.1.2.6., 19.

образить себя то победителем, преодолевающим реальные преграды на пути его будущего продвижения, которые, конечно, не преминут воздвигнуть его недоброжелатели, то рыцарем, похищающим любимую девушку из высшего общества, то награжденным за свою верноподданность, смирение и скромность чиновником, которому все завидуют), а реальная жизнь между тем движется по совершенно иным принципам, — вот тогда-то и начинает Голядкин ставить те же бесчисленные вопросы, под тяжестью которых изнемогал Девушкин, придавленный трагедией, оставшийся ни с чем, несмотря на всю свою самоотверженную преданность, Девушкин восклицающий в конце романа: «Да по какому же праву это делается?» Хронологическим началом «романа Голядкина» по существу и является последний этот вопрос Девушкина. «Да что же это такое?» — восклицает Голядкин. Больше того, Голядкин открыто в обществе и высказывает свои соображения, оценивая то, что совершается на его глазах, с точки зрения этих самых «патриархальных» норм отношений героя к начальству. Делается это, как он говорил «третьего дня», ради денег, богатства, ради этого женятся не по любви, и выдвигают на высокие посты родственников, круговая порука помогает вышестоящим чиновникам сохранить власть и приумножить свое богатство и т. п. Девушкин со всеми этими дерзкими вопросами относительно устройства жизни оставался еще в *интимной* сфере, близкой ему социально, делясь ими в письмах к любимому существу. Голядкин же входит с ними в «чужие» высшие социальные сферы. Именно поэтому высказывания, бунт Голядкина чреваты скандалом. Он многого еще не понимает и ради того, чтобы он понял это, и заставляет Достоевский своего героя вступить в *новые*, не выяснившиеся из судьбы Девушкина, *отношения*. Содержание этих новых отношений и призвано разъяснить, «по какому же *праву* это делается», т. е. как движут людьми социальные интересы. Голядкин вынужден на своей судьбе испытать, что́ означает «бунт» для среднего человека, «мещанина», экзистенциально́ зависимого непосредственно от тех, против которых он вздумал бунтовать.

В начале романа Голядкин, как будто и реально — со стороны экзистенциальной, но совершенно нереально в его ситуации, — поскольку возможность для него миновала — размышляет, что́ было бы, если бы они с Кларой Олсуфьевной совершили побег, на какой срок хватило бы им сбереженных Голядкиным средств. Этот мотив еще несколько раз возникает в различных ситуациях, т. е. с различными оценочными моментами и оттенками, но именно здесь и оставлена «*лазейка*» для дальнейших романтических мечтаний Голядкина, его надежд. Ведь о том, как Клара Олсуфьевна отнеслась к бунту, мы ровно ничего не узнаем из *ключевой главы*, содержащей разговор Голядкина с Крестьяном Ивановичем,[3] сообщающей о бунте Голядкина против общества,

[3] *Ф. М. Достоевский*, Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Москва—Ленинград 1926—1930, 1:122.

происшедшего еще *до начала* собственно романа.[4] Собственно роман «естественно» движется дальше уже благодаря тому, что остались такие «лазейки», которые вынуждают герой забывать о своем ясном предчувствии реального положения («не лучше ли в отставку») и побуждают его к новым действиям.

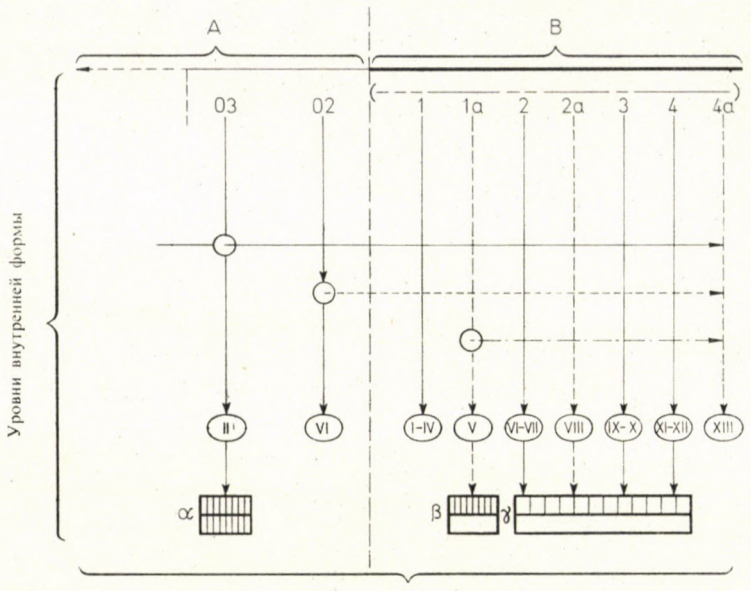
Мы видели, что в положении Голядкина бунт был неизбежен после того как выяснилась несостоятельность его «жизненных норм», «норм» отношения к начальству, на которых он строил все свои расчеты, терпел унижения, смирял свои мелкие «бунты» на протяжении 40 лет верноподданной службы. Все эти «лазейки», которые питают его новые надежды, остаются потому, что взбунтовавшийся чиновник не может знать, какая судьба ожидает «после бунта» человека в его социальном положении. Ведь из последствий «бунта» чиновника художественно были исследованы и Гоголем лишь «внутренние последствия», т. е. процесс помешательства героя (в «Шинели» и «Записках сумасшедшего»); «внешние последствия», т. е. подробности отношний вышестоящих сановников и чиновников равного с героем положения к бунтующему чиновнику — до романа «Двойник» *изображены* не были.

Вот почему, кстати сказать, не остается и не должна остаться для Голядкина альтернатива «выйти в отставку». Со стороны же композиции сюжета, именно потому *романный сюжет* не может *начаться с бунта;* его необходимо было дать *в монологе-исповеди* Голядкина, *без авторского аспекта, ракурса.* Ведь если бы в романном сюжете разыгралась сцена бунта «третьего дня», о которой лишь упоминает герой, для читателя не осталось бы никакой загадки относительно дальнейшей судьбы Голядкина. Все внимание читателя было бы сосредоточено на ожидании того, что Голядкин подаст в отставку, потерялось бы *увлечение* теми *иллюзиями*, которым предается герой и которыми мы сами, читатели, увлечены при таком соотнесении *романного и внероманного сюжета.* В иной объективированной конструкции потерялась бы та «мистика», которая является Голядкину всякий раз в его постоянном страхе; была бы утрачена глубина познания тех новых сфер новых интересов, которая приобретается Голядкиным после каждого его нового «начинания» или поражения, то «многоголосие мира», из которого он каждый раз черпает новые возможности для приключений, а тем самым потерялась бы возможность разоблачения, психологическо-социальной расшифровки «идеи фикс» — раздвоения личности эпохи, двойничества —, которая овладевает сознанием героя после всех его социальных и мистических потрясений.

А *раздвоение*, как мы видели, дает Голядкину и читателю возможность познать и то, «по какому праву это делается», как *реально движется мир* (в дефетишизации которого Голядкин заинтересован в такой же мере, как и в его романтизации, т. е. повторной фетишизации), и то, какие еще существуют

[4] О романном и внероманном сюжетах «Двойника» см. подробнее нашу статью: Сюжетный параллелизм в романе «Двойник»: Studia Slavica 15 (1969) 244—248, а также схему № 1.

Схема № 1



Линейное сюжетное развитие (план внешней формы)

A	—	внероманный сюжет	Уровень «романов-мечтаний» и «романов-приключений» г. Голядкина
B	—	собственно романный сюжет	
←– – – –	—	период «романов-мечтаний»	
———	—	период перехода «романов-мечтаний» в первые два «романа-приключения»	
———	—	период третьего «романа-приключения» с развитием idеé fixe	
(- - — - -)	—	повторение мотивов «романов-мечтаний» и первых двух «романов-приключений» в период третьего «романа-приключения»	
03	—	«третьего дня», о чем вспоминает Голядкин в разговоре с Крестьяном Ивановичем во II-й главе	Уровень времени
02	—	«второго дня» — день принятия в департамент реального Голядкина-младшего, о чем говорит Антон Антонович в VI-й главе	
1—4	—	дни романного сюжета	
1a, 2a, 4a	—	ночи романного сюжета	
⊖→	—	сюжет судьбы Голядкина	Уровень сюжета реальных чиновников и «двойника» Голядкина-старшего
⊙· · >	—	сюжет реального чиновника Голядкина-младшего в преломлении сюжета сознания и в переплетении с сюжетом судьбы г. Голядкина	
⊖· →	—	фантастический сюжет Голядкина-младшего и «двойника» Голядкина-старшего (складывается в основном из сюжета реального Голядкина-младшего и мотивов сюжета судьбы и сюжета сознания Голядкина-старшего)	
I—XIII	—	главы романа, соотнесенные с романным и внероманным сюжетом, с дневными и ночными событиями сюжета	Уровень композиции глав
α	—	первый скандал Голядкина	Уровень внутренних и внешних поступков героя
β	—	второй скандал Голядкина	
γ	—	«замедленный скандал» с реминисценцией первых двух скандалов	

«права» и русские формы «отношений к начальству», и какие выводы следуют из всего этого относительно «смирения» и «несмирения» чиновника, вследствие возбуждения и развития социальных противоречий в русском обществе середины 40-х гг. XIX в.

Суть в том, что герой раздваивается, поскольку возможны две формы этих отношений, «скобеевщины», а третьей, т. е. «подлинного бунта» — не дано, так как чиновник в экзистенциальном отношении — раб; по своему *общественному положению* он принужден мыслить, а по своему *экзистенциальному положению* — смириться. Это и есть ситуация русского массового буржуа эпохи «штурм унд дранг», это есть русские городские массы, с которыми революций, однако, не совершить. Их стремления раздвоены, расщеплены; история вынуждает их бунтовать, но тут же заставляет и раскаяться в этом.

И чтобы все это вышло более убедительно, Достоевский в «Двойнике» порывает с традицией *маленького «бедного человека»*, делая своего героя более свободным в возможности выбора (разумеется, в возможности в русских условиях): Голядкин — заместитель столоначальника в департаменте, обладатель «капитала в семьсот рублей», у него есть не только квартира, но и слуга, он вхож в дом своего начальника, «благодетеля» Берендеева и т. п. И для бунта была у него все основания — обманутые надежды, лелеянные им в течение всей его верноподданной службы начальству. Достоевский уже заглавием произведения указал на то, что речь в «Двойнике» идет о приключении, что и «двойничество» это — приключение одновременно реальное и фантастическое, так как коренится в действительности, в реальных типичных судьбах, в типических формах осознания людьми действительности и своего места в ней. То, что Достоевский в центре этих приключений поставил в романном сюжете *приключения сознания* чиновника среднего класса, было вполне оправдано. Писатель тем самым показал, что борьба среднего класса за свое место в жизни, господство в ней, бессильна, ибо и идеалы «возвыситься», «выбиться» вследствие русских отношении лишены главной идеи всех бунтов и протестов: стремления в общечеловеческом масштабе к идее создания новых отношений между людьми, идее освобождения человека. Но *история героя* несет в себе проблему дальнейшего развития человечества как проблему, стоящую не только перед разочарованной в революциях Европой, но и перед Россией. Идеалом, к которому стремилось европейское человечество и Россия, был «социализм», этим социализмом были увлечены люди 40-х гг., и не удивительно, что критика двух Голядкиных у Достоевского ведется в свете пафоса этих идеалов. В свое время Белинский в первой статье о Достоевском также намекал на это.[5] Но не только «Двойник», но написанные после него произведения «Неточка Незванова» и, особенно, «Белые ночи», строились на материале этих идей и идеалов. В «Неточке Незвановой» решаются подобные вопросы,

[5] *В. Г. Белинский*, указ. соч. 9 : 554.

только в преломлении судьбы творческой средней интеллигенции, а в «Белых ночах» — через судьбу «чиновного интеллигента» и «предпринимателя» из среднего класса. В «Белых ночах» эти «голядкинские» типы на соответственно более высоком уровне даются как две возможности отношения буржуазной и чиновной массы к власти, к устройству, к самой себе. Ясность и чистоту этих двух различных путей Достоевский оформляет посредством традиционного для русской литературы уже начиная с «Горя от ума» Грибоедова выбора «русской девушки». Настенька считала идеалом до встречи с Н. деятельный тип, но любовь к Н. открывает ей глаза на неполноценность прежнего идеала, но и тот прежний идеал, в свою очередь, вполне справедливо не дает ей успокоиться на идеале прекраснодушного мечтателя. Достоевский и заставляет Настеньку задуматься о возможном третьем идеале — не только практика и не только мечтателя. Из всех произведений Достоевского 40-х гг., пожалуй, в «Белых ночах» (и впоследствии в «Маленьком герое» и «Неточке») наиболее ощутимо выражена идея этого нового человеческого идеала. Характерно для реалистической поэтики Достоевского, что и в том и другом романе во всем стиле он сохраняет мажорный тон впротивовес произведениям романтиков с подобной тематикой.

2. В «Бедных людях» *реальная судьба* героя и *психологическое приключение* (которое состоит из соотношения понимания истинной судьбы героя и ложного представления его о ней и которое имеет свою собственную психологическую логику) являлись основой сюжета, идеей формы. В «Двойнике» *соотношение сюжета судьбы и сознания* несколько иное и находится не в основной сфере сюжета. В основной сфере сюжета на ее главном уровне лежит история приключения, а именно: история самосознания героя. Но цель такой идеи формы в самом существенном не расходиться с целью формы «Бедных людей». В «Двойнике» утверждается и еще более углубляется мысль о том, что основная коллизия русской жизни лежит не в стремлении к свободе прогрессивной части дворянства и не в противоречии этого дворянства и самодержавного характера правления, а в сфере социального устройства общества, в сфере конфликта богатства и бедности, власти и подчиненности, социальных возможностей и социального угнетения. Но вместе с тем центр художественных переживаний и эстетических в связи с бунтом и смирением, протестом против данного социального порядка и боязнью последствий такого протеста Достоевский помещает не в плоскости синхронии судьбы и сознания, а в плоскости *диахронии*. Вследствие этого сюжет судьбы и сознания героя, его внешнее и внутреннее движение исчерпывает не *альтернативу* бунта или смирения — в которой герой все же решил выбирать смирение, несмотря то, что судьба ведет его к бунту — а историю от бунта к смирению (и даже готовности к предательству). Вот почему правда выявляется не в борьбе сфер психологической логики и судьбы сюжетного героя со сферой его же

собственных иллюзий, проявляющихся в приключении его самосознания (т. е. в неумении разгадать свою судьбу), а в плоскости самой *истории психологической логики* героя, при этом психологическая логика героя здесь, в отличие от первого романа, не затуманена иллюзиями, возникшими в приключении сознания, наоборот, она обнажается перед ним с самого первого момента его кризисной ситуации, когда он узнает о крушении своих мечтаний, следовательно, еще до начала собственно романного сюжета. Но одновременно и параллельно процессу выявления правды в истории психологической логики (а не в альтернативно-дилеммном противопоставлении, как это было в «Бедных людях») обнаруживается она и в плоскости самой *истории судьбы*, которая опять-таки со всей очевидностью предстает перед героем вследствие того, что в той кризисной ситуации, в которой он оказался, он отважился запротестовать против частного проявления общего социального устройства, разрушившего его мечты, надежды и расчеты.

Благодаря такой структуре *история судьбы* героя как и в «Бедных людях» несет функцию трагического. Но глубина социального звучания этой трагедии увеличивается вследствие того, что эта трагическая судьба в сюжете уже не только и не столько история обманутой любви, а в первую очередь история о том, *как отстраняют чиновника, бунтующего против социальных законов устройства общества*. В то же самое время в *истории психологической логики* сознания скрыта еще более сложная и глубокая авторская идея. В этой идее углубляется как бы другая идейная сторона «Бедных людей», связанная с проблемой бунта и смирения,— идея о том, построен ли социальный мир на началах взаимной любви или борьбы между людьми, а, следовательно, в смирении или в бунте заключается «человечность» (или еще в чем-то третьем)? Как мы уже показали, в этом плане структура «Бедных людей» отрицала возможность сохранения «человеческого» в чиновнике путем смирения его бунтарских настроений, путем примирения с несправедливо устроенной человеческой жизнью. (Потому там и дана история смирения, заканчивающаяся бунтом.) Углубление этой идеи в реалистическом плане, с целью деромантизации, с целью иллюзии и трагедии — в «Двойнике» осуществляется посредством *истории бунта* чиновника-мещанина в русских условиях 40-х гг. (оканчивающейся смирением героя и вытекающими отсюда последствиями).

А тем самым во втором романе Достоевскому приходится переосмыслить не произведения типа «Страдания Вертера» и ранний сентиментальный буржуазный роман, и не концепцию «маленького человека» Гоголя и Пушкина, как в свое время в «Бедных людях», а такие произведения русской и мировой литературы, в художественной концепции и внутренней структуре которых была, тем или иным образом, затронута идея бунта личности против существующего порядка, идея бунтарского духа, разоблачения, идея борьбы за человеческое, т.е. в первую очередь такие произведения, как «Дон Кихот», «Гамлет»,

«Манон Леско», «Повесть о Фроле Скобееве», «Горе от ума», «Медный всадник», «Пиковая дама», «Записки сумасшедшего», «Мертвые души» и т.п. А кроме того, и длинный перечень художественных историй социально-психологического раздвоения человеческой личности.

Таким образом, перенося проблему из синхронической художественной плоскости («Бедные люди») в плоскость *диахронии* («Двойник»), Достоевский преследовал цель еще глубже поставить двусторонний вопрос о социальном устройстве русской жизни той эпохи и постижении его в общественной практике ценой трагедии познающего человека. Дело в том, что герой его первого романа вплоть до самого последнего своего письма не пошел дальше смутной догадки о сущности этого устройства. Герой второго романа как раз и начинает с этой догадки (при этом сама эта догадка гораздо полнее и глубже, чем это было у Девушкина) и сразу же переходит к «действию», т.е. к проверке познанного, стремясь убедиться в том, какова же на самом деле социальная жизнь, и это несомненно бóльше того, чтó можно было показать посредством изображения катарсиса вследствие крушения иллюзий и наступления трагедии, постигшей человека, не осмелившегося поверить в истинность своих догадок.

3. Но такое углубление идеи, с одной стороны, и вызванное этим углублением расширение круга произведений русской и мировой литературы, подвергшихся «эстетическо-художественной» переоценке в целях художественного освещения идеи нового романа, — с другой, повлекли за собой целый ряд изменений *в структуре и эстетических качествах* второго романа по сравнению с «Бедными людьми». Изменился при этом и уровень и характер тематического интереса к вовлеченным в сферу «переоценки» произведениям, ведь это уже не сентиментальный буржуазный роман русской или европейской литературы, а роман-пикаро, приключенческий, рыцарский роман, вернее, их преодоление, пародия на них, интеллектуальная трагедия и поэма (впоследствии романтическая и полуреалистическая фантастическая поэма, роман, повесть).

Прежде всего изменяется соотношение между тем, что и с какой глубиной и детальностью входит из сфер этих произведений в *кругозор героя*, а чтó в *кругозор автора*, в сферу самой романной структуры на различных ее уровней. Понятно, что изменяется при этом и вся структура внутренних форм, равно как и композиция внешних форм.

Обосновывая причину, по которой Достоевский, в отличие от писателей, изображавших историю дворянского молодого человека, получившего высоко интеллектуальное воспитание (например, Чацкий), должен был углубить изображение истории «маленького человека» до *романной* истории его судьбы, мы установили, что «маленький человек» лишь благодаря жизненному опыту своей судьбы может в условиях социальной жизни XIX в. подняться до

идейного осознания смысла судьбы, структуры социального мира. В контрапунктном соотношении судьбы героя и его ложного сознания и совершается история «допонимания» им собственной судьбы и структуры социальной жизни общества. Без трагедии судьбы героя невозможно было бы писателю ставить идею о том, что основная коллизия социальной жизни человека вообще и в частности русской жизни XIX в., а отсюда и решение глубочайших конфликтов жизни, лежит в социальной сфере.

Но в сюжете «Двойника» фабульно не дано такого пути самопознания и познания социальности структуры жизни героем через свершение его личной судьбы: сюжет судьбы вследствие вынесения основной ситуации за пределы собственно романного сюжета, расшифровывается, осознается самим героем уже после свершения ее и как бы вне сферы сюжета судьбы, т. е. в истории приключения самосознания, точнее говоря, психологической логики самосознания. Первый круг трагедии дается во внероманном сюжете. В этом плане осознание трагедии идет как бы от обратного и отнюдь не путем противопоставления двух сюжетов (романного и внероманного, сюжета судьбы и сознания). Вследствие этого как бы отсутствует контролирующее сознание героя о мире и о себе, история его судьбы.

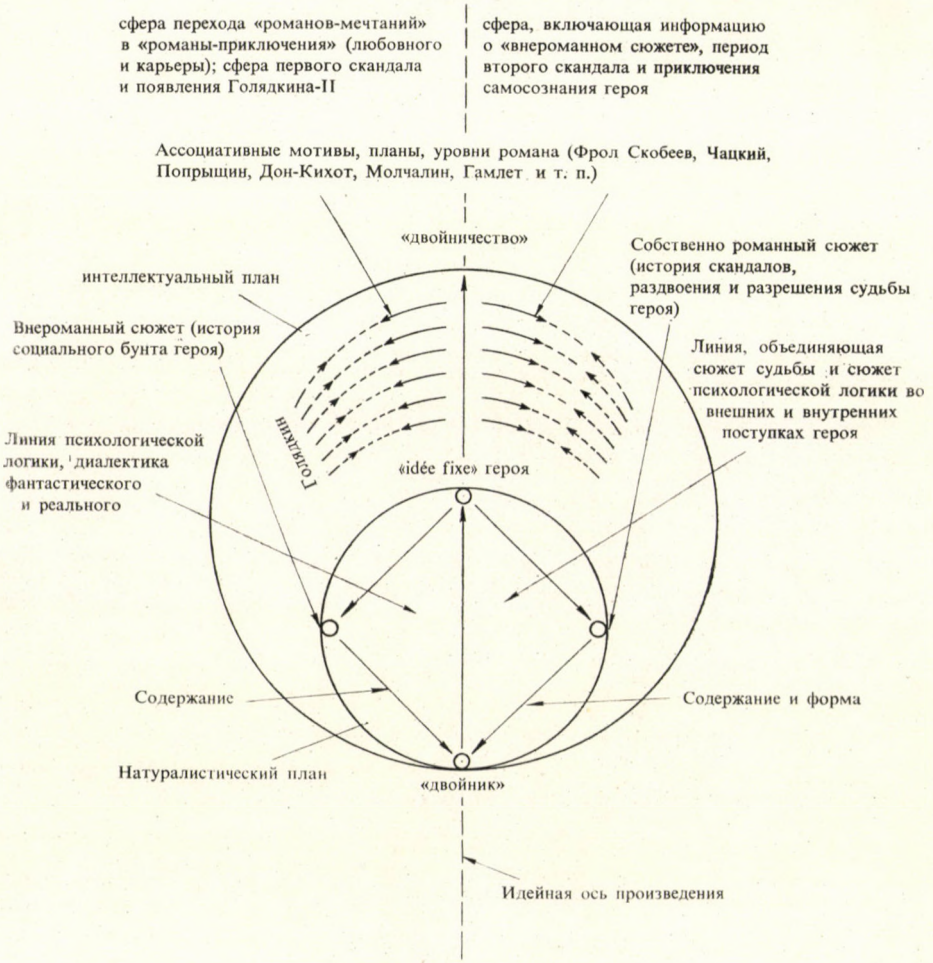
Но каким образом может в этом случае средний, неинтеллектуальный читатель «допонять» все то глубинное, что могла бы разъяснить лишь история судьбы, т. е. развернутая трактовка характера? Проблема тем более сложна, что и рассказчик говорит языком и мыслит в основном понятиями героя.

Суть в том, что в «Двойнике» трагедия рассказывается героем как бы в чистом виде с самого начала повествования, а впоследствии каждый круг приключений героя все более углубляет смысл этой трагедии для читателя. Существенна при этом не только та судьба, которая завершается до собственно романного сюжета, но и та «дополнительная», которая свершается в самом романном сюжете, в процессе превращения бунта героя в скандал, в ходе снижения протеста против общих условий в протест против частного случая. И, наконец, такая двойная трагедия судьбы (свершившаяся во внероманном, а затем и в романном сюжете) выявлена (а не замаскирована, как в «Бедных людях»!) благодаря тому, что изображается не приключение самосознания, а его объективная сторона — психологическая логика, как бы онтологическая сфера этого самосознания.

Но все это вместе взятое не исчерпывает жанровой идеи внутренней формы романа. Идея фикс героя не исчерпывается, не расшифровывается полностью в «натуралистически» понимаемом сюжете судьбы и сознания. Окончательная расшифровка, истолкование, обособленное от кругозора рассказчика и героя, происходит не только в *натуралистическом плане* и даже не столько в нем, сколько в так называемом *интеллектуальном плане*. *Неразрывность связи и диалектика* реального и интеллектуального может

быть терминологически обозначена термином «архитектоника» романа и представлена схемой № 2.

Схема № 2



Характерно, что Девушкин несколько раз повторяет название романа — «бедные люди». Голядкин, по воле Достоевского, даже в самом конце произведения, когда он как будто вдруг связал концы с концами, так и не осознал, что все его внутренние и внешние поступки были «приключениями», приключениями его судьбы и сознания. Соответственно этому ни рассказчик, ни герой не связывают воедино «двойничество» и «приключенчество».

Вне кругозора героя и рассказчика остается так же и содержание распространенных названий, поясняющих смысл главы, а эти распростра-

ненные названия сформулированы, как известно, в духе заглавий приключенческих романов.[6]

Вспомним далее, что в «Бедных людях» Достоевский оставляет в кругозоре своего героя литературные произведения («Шинель» и «Станционный смотритель») как историю завершенных судеб, в чем-то сходных и в чем-то расходящихся с его судьбой. Но там судьбы этих литературных героев, во-первых, завершены, а судьба героя, осмысляющего эти судьбы, еще не завершена; во-вторых, существует огромное различие между уровнем кругозора героя и кругозором автора и читателя, который имел в виду одновременно и уровень героя, и его судьбу, и психологическую логику. Ни рассказчик, ни герои «Двойника» не осознают того сходства или различия, которое существует в повторяющихся мотивах внутреннего или внешнего движения судьбы или сознания Голядкина с повторяющимися мотивами в судьбе или сознании героев произведений русской или мировой литературы, с идеей того или иного литературного произведения, как, например, «Дон-Кихота», «Фауста»,«Гамлета», «Повести о Фроле Скобееве» и др. Если эти «реалии» и даются в «чистом виде», т. е. названы героем (к примеру, «самозванство»), то они отнесены им к характеристике своего «двойника», Голядкина-младшего, и лишь в неосуществившейся переработке, отраженной в «Записных книжках» 1862—1864 гг., приведены некоторые исторические и литературные имена, служащие для объяснения приключения Голядкина, но и там они входят исключительно в кругозор Голядкина-младшего, «идеолога», поучающего Голядкина-старшего.[7] Таким образом, объективирующее начало в «Двойнике» не только ничуть не беднее, а наоборот, еще более полифонично, дифференцированно.

Сюжетное приключение сознания и сюжетная судьба не являются тем самым в новом романе Достоевского центром романического принципа трактовки характера сюжетного героя; таким принципом служит максимальная *ассоциативность* истории приключения психологической логики героя и параллельно — истории приключения его судьбы. Формой этих ассоциаций являются рифмующиеся мотивы романного и внероманного сюжета с идеей формы названных произведений русской и мировой литературы, а содержанием — то новое, что́ устанавливается с помощью этих рифм-ассоциаций в идейной стороне внутренних и внешних приключений героя.

4. Уже в «Бедных людях» была по-новому переосмыслена постановка проблемы в пушкинских и гоголевских произведениях, при этом субъективно-личностно — героем («я — маленький человек», «я — бедный человек»), а в аспекте новой общественной ситуации, т. е. объективно — автором. Но во

[6] О границах кругозора героя и рассказчика см. подробнее: *Д. Кирай*, Композиция сюжета романа «Двойник. Приключения господина Горядкина»: Acta Litteraria 11 (1969) 354—356.

[7] *Ф. М. Достоевский*, Записные книжки (1862—1864): 17, 22; Записные книжки (1861—1862): 66.

внешней форме «Бедных людей» в переосмыслении литературных предшественников доминировал *акт сознания героя*. В «Двойнике» же переосмысление литературных произведений принадлежит исключительно сфере *авторского сознания*, авторского кругозора, внутренней форме. Правда, Голядкин тоже мнит себя то удачливым пикаро, то героем рыцарского романа (в предполагавшейся переработке романа в 60-е годы Голядкин даже вызывает на дуэль важного сановника, мечтает сделаться «Наполеоном», «Периклом», «предводителем русского воспитания»!), а своего соперника именует самозванцем («отрепьевщина ноне не в моде. . .»), тем не менее ассоциации с литературными произведениями возникают (в издании 1846 г.) в сфере натуралистического сюжетного действия, романного движения судьбы и самосознания героя, т. е. во внутренних структурных формах «Двойника». Не сфера самосознания героя, а *сфера поступков героя* и их внешние и внутренние результаты соприкасаются с идеями образов Фауста, Дон-Кихота, кавалера де Грие, Гамлета, Фрола Скобеева и др.

Аспект этого авторского переосмысления и является наиболее глубокой сферой внутренней формы, эпической структуры «Двойника», определяющей вторую идею ее формы — «двойничество». Этим можно объяснить, почему Достоевскому для раскрытия идеи авантюрной ситуации XIX в. нужно единство *двух типов пикаро*, которые воплощали две различные тенденции времени и которые болезненное сознание героя постоянно объединяет; история же судьбы Голядкина и его idée fixe позволяют все отчетливее разделять эти тенденции; а приключения героя, точнее последнее его приключение — раздвоение психологической логики — приводит читателя к пониманию этой глубинной сферы внутренней структуры «Двойника», главной идеи романа.

Воплощаются эти две тенденции в образах Голядкина-младшего и Голядкина-старшего, образах реальных, а тенденция объединить их выражается в idée fixe Голядкина-старшего, т. е. в раздвоении его сознания, в силу разрозненности интересов самого русского мещанства и чиновничества, в силу разрыва *задачи дня* (буржуазные реформы или буржуазная революция) и *идеалов времени:* социалистических идеалов, которые могли бы осуществиться лишь в результате более глубоких перемен, чем могли обеспечить преобразования буржуазной революции.

Одна сторона двойничества — это ситуация Голядкина-старшего, претендующего на роль Фрола Скобеева и готового пойти на все ради достижения своей цели. При всем его стремлении он не может выбиться в высшие слои общества. Не удается ему это потому, что не существует такой реальной возможности в России 40-х гг. XIX в. Следствие этого стремление «выбиться» в вышестоящие слои общества объективно превращается в мечтательство, а «социальные» мечты в свою очередь разбиваются о неумение среднего чиновника бороться за свою идею, поскольку отсутствует необходимая для его социального опыта общественная ситуация. Он лишь мечтает о «подвигах», но

ему не удается воплотить их в жизнь: высшие слои общества умело защищают свои интересы от подобного рода претендентов, да и не так уж трудно защищаться против этих «разрозненных частных интересов».

Другая сторона двойничества — ситуация, в которой оказывается Голядкин-младший, с его трезвым умом, способностью довольствоваться достижимым в данный момент (ср. позднее у Шедрина: «применительно к подлости»). Но и это объясняется ситуацией времени. Ум, проницательность в социальном отношении людей типа Фрола Скобеева были когда-то явлением исторически обусловленным и прогрессивным; но оно не присуще той части начинающего осознавать свое положение общественного слоя, который в условиях XIX в. не стремится выше молчалинского принципа «выслужиться». А типичным последователем этого «молчалинского идеала» и является Голядкин-младший. Явный сарказм Чацкого и скрытая, трагическая ирония по отношению к Молчалину Грибоедова в комедии «Горе от ума» превращаются у Достоевского в иронию и сарказм по отношению к «Молчалину»-Голядкину-I, а у главного героя романа, господина Голядкина — в страх, зависть, идеал и презрение одновременно. Ум, социальный опыт низших слоев общества, поставленные на службу вышестоящим ради своего существования и личной выгоды, а не ради победы над ними — таков аспект этой авторской иронии — сами по себе не являются явлением прогрессивным. Вследствие этого и оправдана гиперболизация этого образа в болезненном сознании Голядкина-старшего, остро реагирующего на этические принципы поведения окружающих его людей. Именно поэтому Достоевский выбирает такую структуру внутри приключения сознания своего героя, в которой Голядкин-старший *снимает* воображаемые черты своего «двойника» с *реального образа* Голядкина-II. И это тем более справедливо для русских условий середины 40-х гг., когда начинается уже новый, реалистический «Sturm und Drang» поэтов и прозаиков петрашевцев, кружка Белинского, литераторов «натуральной школы» против основ феодального устройства России. Это и определяет ту сторону ситуации «Двойника», которая выражена в *романном* и *реалистическом* самодвижении Голядкина-младшего, «пикаро», который и не стремится к осуществлению идеи своего предшественника в русской литературе — Фрола Скобеева — а все усилия прилагает к тому, чтобы занять место чиновника того же уровня, да и то при условии, что он этим угодит начальству и получит возможность дальнейшего продвижения в своей карьере. По мысли Достоевского этот непрогрессивный тип массовых «Фролов»-пикаро XIX в. и представляет вторую типичную тенденцию в мещанском среднем классе русского общества 40-х гг. В то же тремя это и есть характеристика другой стороны «двойственных» русских отношений к начальству: тенденция сращения интересов средних классов с интересами поздней феодальной монархии (под лозунгом «общности чиновничьих интересов»), постепенной утраты ими прогрессивных классовых стремлений.

В романе явно ощутимы антиромантические тенденции, вплоть до деромантизации иллюзорных надежд на средний класс в осуществлении прогресса в России. Вот почему Голядкин, как и его «двойник», должен явиться героем типа пикаро, героем приключенческого романа. Роман был задуман Достоевским действительно как интеллектуальный роман, во многом полемически переосмысляющий идеи плутовских романов русской и мировой литературы с определенной целью выявления исторической особенности ситуации русского мещанства в специфических русских и общеевропейских условиях 40-х гг. XIX. века.

Для романной поэтики «Двойника» и характерно художественное переосмысление ситуации предшествовавших плутовских романов, что и определило его жанровую и стилевую структуру. Сюжетно это сконструировано в романе таким образом, что Голядкин-старший окружен не тупыми и бездарными богачами[8] (хотя богатство, положение в обществе и все, чем они владеют, достается и им отнюдь не за их особые заслуги, как это пародирует история «нéщечка» Андрея Филипповича), но чиновниками высших сословий, понимающими свои интересы и очень сознательно охраняющими их и от тех, кто претендует на роль и удачи Фрола Скобеева в русском обществе XIX в. — чиновников типа Голядкина-старшего, но и от Голядкиных-младших, которые своей пронырливостью и неразборчивостью в средствах более напоминают удачливого пикаро, однако, в концепции романа не они становятся удачниками, не им достается «богатая невеста». Женится на богатой невесте племянник высокого сановника, Владимир Семенович. Тем самым несмотря на «ябедничество» и доносительство Голядкина-младшего, ничто не меняется в его положении. Он лишь использован своим начальством для запугивания «бедного чиновника» с неуместными претензиями и бесшумного вытеснения его со службы. Произошла, по сути дела, со времени грибоедовской комедии смена «выслуживающихся» перед новыми «Фамусовыми». Но, заняв место своего «собрата», Голядкин-младший все также осужден на роль «слуги», только делает он это более современными и утонченными методами, чем его предшественник. Но как бы то ни было, он уже не торжествующий Фигаро, не Молчалин, который «выслуживается» в надежде получить руку Софьи и даже не Фрол Скобеев.

Вот почему отрицательные черты, которые были присущи уже Фролу Скобееву (но мы вместе с автором прощаем их ему), есть и у Голядкина-II, но ему мы не прощаем их, так как в его самоутверждении нет идеи «перевернуть мир», а она заменена идеей «молчалинства», идеей преданного «выслуживания». Достоевский вправе считать характер Голядкина-II отрицательным. В образе Голядкина-II отразилась теневая сторона характера «Фролов»

[8] О сюжетно-композиционной стороне этого различия в построении «Бедных людей» и «Двойника» см. нашу статью: Композиция сюжета романа «Двойник»: Acta Litteraria 11 (1969) 368.

40-х гг., удачников на амплуа «прислужников», что являлось знаменьем времени, точно так же, как, с другой стороны, «гамлетство», «дон-кихотство» и трусость, определявшие теневую сторону другого типа Фролов XIX в., выраженную в образе Голядкина-старшего. В это упирается и проблема «самозванства» в романе. Впоследствии в издании 1866 г. детали самозванства были Достоевским устранены, видимо потому, что после исправления в концепции «петербургской поэмы» «самозванство» уже мало что разъясняло в характере и ситуации Голядкина-I и Голядкина-II. В издании же 1846 г. оно характеризует их так же, как и «скобеевщина» (в расщеплении на две стороны: одна сторона — Голядкина-младшего, другая — Голядкина-старшего). Расщеплены «отрепьевщина» и «скобеевщина», своеобразно истолкованы «гамлетство» и «донкихотство» ввиду того, что русские отношения не выработали в третьем сословии в условиях XIX в. цельный тип; не городской средний слой, а крестьянство являлось опорой в разрабатывавшихся в 40-е гг. революционных и утопических проектах. Роман, таким образом, изображает проблему «двойничества» как проблему социальную: сюжетно это «натурализировано» в том, что у русских мещан-чиновников есть *мечта* о карьере, которой когда-то удалось достичь Фролу Скобееву, и потому они даже готовы бунтовать против порядка, но они слабы довести этот бунт до конца и вынести его экзистенциальные, моральные и душевные последствия; у сильных же мещан-чиновников есть достаточно трезвости, чтобы не мечтать и не бунтовать против сильных мира сего, они идут смирным путем, готовы удовольствоваться молчалинским принципом «выслуживаться», именно потому они представляют скорее тип «анти-пикаро», это уже будущие «Антонелли», как свидетельствуют планы переработки «Двойника» в «Записных книжках» Достоевского. Их «сила» непрогрессивна; выслуживание перед начальством последних, равно как и бунт первых в одинаковой мере свидетельствуют о незначительности третьего сословия как класса в России в 40-е гг.

Итак, в успехе Голядкина-II не открывается никакого пути к очеловечиванию общественных отношений и социальных возможностей личности, а бунт и стремление Голядкина-старшего возвыситься — не указывают пути выхода из существующих отчужденных отношений, а лишь указывают на эти отношения как на причину причин. Так, основная коллизия русской жизни выявляется и разоблачается вполне. И относительно русского общества 40-х гг. и чиновной русской буржуазии вывод Достоевского был вполне верным. Собственно оба пикаро-чиновника из среднего слоя русского общества «остаются с носом», ничего не изменяется в общем порядке вещей. Это и есть, по Достоевскому, симптоматично.

Так, идея «двойничества» вырастает до «значительной идеи», выражающей мысль о том, что современное состояние общественной жизни пробуждает социальные амбиции у чиновников-мещан, ведет к различным типам приключений, но приносит совершенно иные результаты, чем приключения

бывших пикаро типа Фрола Скобеева, так как и ситуация, в которой эти амбиции проявляются, изменилась: герой, выходец из средних слоев, слабее, менее уверен в себе или, с другой стороны, более конформист, а верхи общества — это люди высших классов, но в условиях XIX в., т.е. в более развитой системе угнетения. Именно поэтому трагизм ситуации обнаруживается тогда, когда этот трагизм уже переплетается с гротеском. И поэтому же роман построен таким образом, что сам бунт, т.е. начало трагедии героя, вынесено во внероманный сюжет, а романный сюжет является историей *гротескной трагедии* чиновника, который не выдержал последствий своего бунта, поскольку бунт у него вышел «нечаянно»: он совсем не хотел быть героем, он хотел быть удачником, хотел требовать справедливости *в меру своих интересов*. Когда же оказалось, что справедливость меряется отнюдь не его мерой, тогда чиновник «дерзнул», став «рыцарем на час» («третьего дня»). В этом плане и трактует впоследствии Достоевский и эту сцену и сцену V-й главы, когда герой скандально проникает на бал. В этом аспекте и станет понятным разговор двух Голядкиных в записях к неосуществившейся переработке романа в 1861—1862 гг. «NB. Когда же (в 1-й главе) пригласил Клару Олсуфьевну на польку, ты *восстал* против общества, говорит младший старшему, *патетически* утешая его!»[9] — Когда же выясняется, что на следующий торжественный прием героя и не приглашают и даже запрещают прислуге впускать его в дом «его благодетеля» (в случае если бы он вдруг отважился явиться незваным гостем), он начинает серьезно беспокоиться о своей судьбе.[10]

Тут и выступает вполне особое положение русского мещанина-чиновника: в конечном итоге, в отличие от мещанства Западной Европы, он экзис-

[9] *Ф. М. Достоевский*, Записные книжки (1861—1862): 66.

[10] Вот сцена прибытия Голядкина незваным гостем в дом благодетеля:

«— Олсуфий Иванович? — спросил он отворившего ему человека . . .

— Дома-с, т. е. нет-с, их нет дома-с.

— Как? что ты, мой милый? Я — на обед, братец. Ведь ты меня знаешь?

— Как не знать-с! Принимать вас не велено-с.

— Ты . . . ты, братец . . . ты верно ошибаешься, братец. Это я. Я, братец, приглашен; я на обед, — проговорил господин Голядкин, сбрасывая шинель и показывая очевидное намерение отправиться в комнаты.

— Позвольте-с, нельзя-с. Не велено принимать-с, вам отказывать велено. Вот как!

Господин Голядкин побледнел. В это самое время дверь из внутренних комнат отворилась, и вошел Герасимыч, старый камердинер Олсуфия Ивановича.

— Вот они, Емельян Герасимович, войти хотят, а я . . .

— А вы дурак, Алексеич. Ступайте в комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-с, — сказал он учтиво, но решительно обращаясь к господину Голядкину. — Никак невозможно-с. Просят извинить-с; не могут принять-с.

— Они так и сказали, что не могут принять? — нерешительно спросил господин Голядкин. — Вы извините, Герасимыч. Отчего же никак невозможно?

— Никак невозможно-с. Я докладывал-с; сказали: проси извинить. Не могут, дескать, принять-с.

— Отчего же? как же это? как . . .

— Позвольте, позвольте! . . .

— Однако, как же это так? Так нельзя! Доложите . . . Как же это так? я на обед . . .»

Достоевский, Полное собрание художественных произведений, 1 : 128.

тенциально зависим от государства-департамента (это одна из форм русских отношений к начальству !).

5. «Анатомия русских отношении к начальству», развернутая в «Двойнике» 1846 г., представлялась Достоевскому возможной лишь путем проведения полной деромантизации идей предшествующих «Двойнику» русских и европейских плутовских романов. Принцип сам по себе не новый в мировой литературе. Подобным же образом поступали в различные эпохи Сервантес, Стерн, Прево. К нему обращались романисты всякий раз, когда надо было обнажить «сходство несходного» и «несходство сходного», т. е. когда речь шла о повторении сходных процессов, но в иных условиях и с иными результатами. Источник *интеллектуальности* романов Достоевского приходится искать именно в этом. Белинский-эстет считал вполне *актуальным* интеллектуальный роман такого типа,[11] отсюда его восхищение «Двойником» Достоевского, но Белинский-демократ отвергал деромантизацию представителей чиновничьей демократической массы, представлявшейся людям 40-х гг. прогрессивной силой, фактором возможных демократических преобразований.

Переосмысление в соответствии с новыми условиями жизни произведений русской и мировой литературы, именно тех из них, которые в силу поставленных в них аналогичных проблем и предлагаемых решений, казалось, исчерпывали проблематику и современной Достоевскому русской действительности, нужно было писателю, как видим, для новой постановки тех же самых проблем. А гениальное художественное их воплощение обнаружило, что эти русские проблемы, аналогичные европейским, действительно новы, поскольку они возникают на новом этапе европейского развития, а по силе и глубине заложенных в них противоречий могут стать значимыми по-новому в общеевропейском масштабе.

Достоевский не вообще отрицает успешность бунта человека против окружающих и определяющих его общественных и конкретно-социаль-

[11] Приведем этот отрывок из статьи Белинского: «Такого неисчерпаемого богатства фантазии не часто случается встречать и в талантах огромного размера, — и это богатство, видимо, мучит и тяготит автора «Бедных людей» и «Двойника». Отсюда и их минимая растянутость, на которую так часто жалуются люди, очень любящие читать, но, впрочем, отнюдь не находящие, чтоб «Парижские тайны», «Вечный жид» или «Граф Монте-Кристо» были растянуты. И, с одной стороны, чтецы такого рода правы: не всякому дано знать тайн искусства, так же как не всякому дано глубоко чувствовать и мыслить. Поэтому чтецы имеют право не знать ни причины, ни истинного значения того, что называют они «растянутостью»; они знают только, что чтение «Бедных людей» несколько утомляет их, тогда как этот роман им нравится, а «Двойник» не многим из них удается осилить до конца. Это факт: пусть молодой автор поймет и примет его к сведению. Да спасет его бог вдохновения от гордой мысли презирать мнение даже профанов искусства, когда они все говорят одно и то же, — так же как да спасет он его и от унизительного намерения подделываться под вкус толпы и льстить ему: обе эти крайности — Сцилла и Харибда таланта. *Знатоки искусства,* даже и несколько утомляясь чтением «Двойника», все-таки не оторвутся от этого романа, не дочитав его до последней строки; но, во-первых, и они дорожа и любуясь каждым словом, каждым отдельным местом романа, все-таки чувствуют утомление . . . » — *Белинский,* указ. соч. 9 : 565—566.

ных условий, а отрицает успешность этого бунта у русского мещанина-чиновника в условиях XIX века. Но это опять-таки для самого Достоевского свидетельствует не столько о том, что в России буржуазия не может подняться до уровня классических по своей форме осуществления буржуазных реформ и революции Запада, сколько о том, что изменилась мировая ситуация, при которой эта буржуазная революция должна была бы произойти в России и новы те социальные проблемы, которых не могла разрешить буржуазная революция, которые остаются проблемами и в капиталистическом устройстве. Тем самым то, что должно было бы произойти в России, это *не меньше, а больше*, чем то, что обнаружила западная классическая форма буржуазной революции. Это бóльшее для круга Белинского (а позднее и для петрашевцев) рисовалось в виде утопии социализма, т.е. социализма отвлеченного и механистически понятого. Вот почему в структуре «Двойника», притом в противопоставлении двух Голядкиных, ставятся не только проблемы отношения «маленького человека», продукта «патриархальных» отношений к строю жизни, но и продукта «юридических» отношений к той же социальной структуре жизни.[12]

Эксперимент, проведенный над психологией мещанина-чиновника взбунтовавшегося — впротивовес Макару Алексеевичу — против своего положения, таким образом, вполне реалистический. После сказанного о «Двойнике» раскрывается более отчетливо смысл свидетельств современников о том, что Достоевский возлагал «надежды» в случае революционного переворота в России на крестьянство. После первых двух его романов становится очевидным, что возлагать подобные надежды на городские массы Достоевский, конечно, не мог и вполне обоснованно.

Русская революционность XIX в. вобрала в себя и новые противоречия, возникшие в Европе вследствие разочарования в иллюзиях буржуазной революции, и задачи, к которым вплотную подводили и нерешенные проблемы на Западе. Россия поднимает и разрешает в XIX в. интеллектуальные проблемы буржуазной революции на более высокой ступени, чем классическая идеология буржуазной революции. В этом объяснение новой ступени развития общественной мысли (Маркс, Энгельс) в Германии, литературы (Достоевский и Толстой) и критики (Белинский, Чернышевский) в России. Достоевский с полным правом мог сказать о «Двойнике», что идея этого произведения «превосходная» и светлая. Мещанство в столичных городах России состояло в основном действительно из чиновников, и две тенденции в нем, выявленные Достоевским, соответствовали действительности. Ни объективной, ни субъективной ситуации («готовности к протесту» со стороны городских масс, ни «растерянности» в стане господствующих слоев) не было для осуществления

[12] См. об этом: *Достоевский*, Записные книжки (1861—1862): 62. (NB. Тут анатомия всех русских отношений к начальству!») и нашу интерпретацию в статье «Сюжетный параллелизм»: Studia Slavia 15 (1969) 247.

будущей буржуазной революции в России. Этот взгляд Достоевского находился в полном согласии с идеей Белинского, выступившего впоследствии против позиции Бакунина, ратовавшего в то же время за восстание. «Двойник» вскрыл одновременно две стороны объективных условий: нереволюционность буржуазной массы и силу существующего порядка, формации и господствующих слоев. (Речь идет в романе не об интеллигенции, а о массах!) «Русские отношения к начальству» — это оба Голядкиных как представители массового типа. Так, Достоевский выявляет иную, чем в романах авантюрных и пикаро,типа повести о Фроле Скобееве, ситуацию конфликта мещан из чиновников с чиновной верхушкой, решая и развертывая эту ситуацию соответственно новым условиям XIX в., новой ступени развития «европейского человечества». Таким образом, Достоевский «Двойником» дал понять, что в России не существовало базиса для буржуазной революции в городских мещанских слоях. Именно поэтому Достоевский в 40-е гг. готов был опереться на революционность крестьянства. Он не ошибся в анализе «двойничества», социальных отношений буржуазных слоев, вербовавшихся в то время преимущественно из чиновничьей среды. На основании такого аналитического «целого» Добролюбов в 60-е гг. с полной ясностью мог заключить, что не мещанство тот слой, который может возглавить революцию в России или стать ее возбудителем, и тем не менее антифеодальные настороения в их среде достаточно сильны, чтобы их можно было использовать в качестве резерва революции.

Достоевский потому и берет не нравоописательную сторону, а *романическую идею* сюжета «Мертвых душ« и все перевертывает: главным становится исследование характера «приключения» русского пикаро XIX в., поскольку оно и может дать ответ на вопрос: можно ли надеяться на городской средний слой в предполагаемых преобразованиях? А это и есть основной комплекс вопросов в 1845—1846 гг. для Достоевского и кружка Белинского.

Правда, в категорию «*все* отношения» должны были в 60-е гг. войти и *иные* отношения к начальству.[13] Видимо, осуществить такой охват ретроспективно писателю было уже не под силу. Но мысль Достоевского о ретроспективном воспроизведении «всех» русских отношений к начальству чрезвычайно родственна замыслу Толстого, задумавшему в это же время «ретроспективно» дать анатомию русских отношений через аспект войны 1812 г. к социальным проблемам своей эпохи. С другой стороны, проблематика «Двойника» — бунт низов против устройства жизни — была на ином уровне поставлена в целом ряде произведений Достоевского от «Униженных и оскорбленных» до «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазоых». Если в «Бедных людях» Достоевский выявил социальную идею как основную *русскую коллизию* эпохи, то во втором романе, показав основную ситуацию

[13] Напомним, что Достоевский задумал, перерабатывая в 1861—1864 гг. «Двойника», расширить идею романа моментами отношения его к петрашевцам и петрашевцев к власти. Подробнее см. в нашей статье: Композиция сюжета романа «Двойник». Acta Litteraria 11 (1969) 373.

русского среднего мещанства и его отношения к «начальству», он поднял вопрос о возможности революции в России, позиция в споре о Петре, о значении его реформ и поиски решения вопроса: что делать? А с другой стороны, это и было первой художественной формулировкой новой по своему общему значению ситуации буржуазной революции в России. Вопрос о буржуазной революции в России ставится на повестку дня в условиях XIX в., т.е. после «несвершившихся надежд» европейских буржуазных революций; а потому вопросы эти ставятся на гораздо более высоком уровне, чем ставила их классическая идеология буржуазной революции в Англии и Франции; их нельзя было решить без решения тех новых проблем, которые заключали в себе главный вопрос: была ли буржуазная революция последним словом истории. С этими мыслями перекликаются рассуждения Добролюбова о том, что революция в России иначе должна решать те же проблемы.

Удивительная прозорливость: Белинский первым заговорил в связи с «Двойником» о произведении для «дилетантов» (т. е. посвященной в тайны литературы, интеллектуальной публике) и толпы. Он ставил вопрос о праве писателя создавать интеллектуальные романы. Может быть Белинский уже понимал эту перестановку акцента в «Двойнике» по сравнению с романами на подобные литературные темы западного и русского романа-пикаро? Можеть быть поэтому считал необходимым предупредить молодого писателя не переделывать романа, полагая, что любая переделка непременно испортит его.[14] И может быть Белинский, говоря о том, что Достоевский впервые в русской литературе сделал попытку создать «социальный роман» европейского типа, имел в виду не только социальное отрезвление героя «Бедных людей» от общественных иллюзий, но и социально-психологическое приключение героя «Двойника», в котором Достоевский переоценил и поставил по-новому социальную проблему русского и европейского романа-пикаро и авантюрного романа, приближая ее к проблематике «Дон-Кихота» Сервантеса и «Фауста» Гете и переоценив тем самым и проблематику «двойничества»?

Когда шли споры о «Двойнике» в 1846 г., Валериан Майков сравнил неприятие публикой, вернее известной частью публики, «Двойника» с таким же неприятием ею «Героя нашего времени» Лермонтова. Как говорил Майков, для многих был невыносим «психологический анализ» Лермонтова.[15] То же самое повторилось с «Двойником». Но с «Двойником» произошло нечто худшее: он до сих пор остается в романтической «шинели» «Петербургской поэмы» и ни за что не желает сменить ее на «будничный мундир», в котором он красо-

[14] «Если б автор «Двойника» дал нам перо в руки с безусловным правом исключить из рукописи его «Двойника» все, что показалось бы нам растянутым и излишним, — у нас не поднялась бы рука ни на одно отдельное место, потому что каждое отдельное место в этом романе — верх совершенства», — писал Белинский, а в другом месте добавлял: «. . . если б автор теперь вздумал совершенно переделать свой «Двойник», чтоб оставить в нем одни красоты, исключив все недостатки, — мы уверены, он испортил бы его.» — *Белинский*, ук. соч. 9 : 564—565.

[15] *В. Н. Майков*, Сочинения. Киев 1901, 1 : 256.

вался в течение четырех затянувшихся дней своих удивительных *приключений* и в котором приняли его люди 40-х и 60-х гг. и узнавали вплоть до 1866 г., в отлицие от последующей критики, опиравшейся на издание 1866 г. Равно как держится до сего времени мнение об его авторе как о «романтике», «русском Шиллере» 40-х годов, сентименталисте, вышедшем из натуральной школы. Каким образом потом этот Достоевский-Шиллер вдруг превратился в 60—70-е гг. в «Шекспира», толком никому не удалось выяснить. Да и невозможно. Потому что Достоевский если и был «Шиллером», то преодолел свой романтизм еще в ходе работы над переводом «Евгении Гранде» Бальзака. А симпатии к Шекспиру, его способу художественного мышления утвердились окончательно уже в годы написания «Бедных людей». А в период создания «Двойника», как мы видели, они уже приносили свои плоды. Видимо потому, что такой способ по природе своей был органически родственен мышлению самого Достоевского. Правда, и до сего времени многие критики и в «Братьях Карамазовых» склонны считать Достоевского романтиком.

6. В «Бедных людях» Достоевский изменил представления о сущности основных коллизий русской жизни 40-х гг., заставив задуматься о том, состоят ли они в противоречии между свободой и деспотизмом, или же в антагонизме богатства и нищеты, социального господства и социальной зависимости.[16] В «Двойнике» эта идея была налицо не только в момент катарсиса, но проникала собой все мотивы, сферы сюжета и переживалась читателем с самого начала со всей очевидностью. Но, как мы говорили, в «Бедных людях» в конфликте сознания и судьбы была проведена не менее глубокая идея о том, что примирение со своей социальной зависимостью социально-приниженного человека не оправдывает себя, наоборот, ведет его к трагедии, и в то же время к неизбежному бунту, несмотря на все его смиренные намерения и самоутешения: жизнь сильнее идеологии героя, жизнь вынуждает его ставить вопросы и, наконец, бунтовать. В «Двойнике» и эта сторона идеи Достоевского неизмеримо углубилась по сравнению с «Бедными людьми». Поскольку герой ни на минуту не сомневается относительно характера социального устройства, относительно того, что общество — это верхи и низы, господство и подчинение, нищета и богатство, возможность карьеры и личных выгод и отсутствие их; больше того, он сам мечтал о всех этих выгодах и преимуществах для себя. Переход от мечтаний о карьере к претензиям на эту карьеру и к действию, направленному на ее достижение, следовательно, вполне *естествен;*

[16] О типологических последствиях такого изменения для русского романа см.: *Д. Кирай,* Художественная структура ранних романов Ф. М. Достоевского: Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Philologica, 8 (1968) 123—137.

[17] См. об этом: *Ф. М. Достоевский,* 12 : 275.

ведь нежелание относить себя к униженным есть та реальная основа в сознании героя, которая позволяет ему перейти от мечтаний к претензиям, к действиям. Но то, что переход совершился в форме бунта, это уже *неестественно*, случайно, идущее от иного начала в сознании героя; от принадлежности его в социальном смысле к униженным, точнее от осознания им того, что он не может принадлежать к верхам, т. е. от «внешних» воздействий, от «идеи времени». Отсюда, *естественно* превращение его бунта в скандалы. Вот почему берет верх над бунтом *скандал*, над воинствующим началом смирение, над наивным романтизмом — тоска по «окольным путям». Этот комплекс чувств обусловлен невозможностью для героя причислить себя к верхам общества.

В этом пункте и обнаруживается его сходство с героями-пикаро, героями авантюрных романов русской и мировой литературы. Несомненно, что Голядкин является типичным мещанином, требующим для себя тех благ, которыми распоряжаются господствующие слои, представители верхушки общества. Но тут же и огромное отличие: Голядкин *не осуществлял* романы карьеры и любовный роман, а только *мечтал* о них, «*любил вообразить себя*» героем подобных романов; отсюда и берут свое начало «русские отношения к начальству» и здесь уже намечены основные признаки специфической русской ситуации: герой, который *лишь в мечтах* являлся героем авантюрных романов, узнав, что мечты его терпят крушение, что действительность, которая своей «незаконченностью» оставляла *лазейку* его фантазии, приобретает законченные формы, отнимая тем самым возможность и далее предаваться мечтаниям — бунтует, скандалит, раздваивается, т.е. внутренним и внешним движением ставит вопросы относительно устройства социальной жизни.

По существу здесь обнаруживается то, что случается со всеми героями-романтиками Достоевского; только в других его произведениях 40-х гг. — к самому концу романа или повести, а здесь уже в самом начале: герой бунтует, т.е. ведет себя так, как обычно поступает русский романтик, мещанин-чиновник: устраивает скандал по поводу того, что в реальной действительности к нему относятся совсем не так, как он вообразил в своих мечтах. Несомненно, что этот романтизм до начала бунта, во время бунта, да и после него глубоко социален и как таковой, конечно, в нем гораздо сильнее начало протеста, чем в любом недовольстве существующим порядком дворянских героев, описанном в романах и драмах о «лишнем человеке».

Понятно поэтому, что для выявления такой русской ситуации, специфических русских отношений, поведения русского мещанина-чиновника и русского романтического мятежа, а позднее смирения его и прислужничества его «двойника» нового типа в так называемой интеллектуальной сфере романа, т.е. в литературном оформлении сюжета и характера, Достоевский смело заимствует не только из произведений мировой литературы, но и из произведений русской литературы («Медного всадника», «Пиковой дамы» Пушкина, «Записок сумасшедшего», «Шинели», «Мертвых душ» Гоголя, «Горя от ума»

Грибоедова). При этом, по сравнению, например, с грибоедовским произведением, Достоевский сильно подчеркивает это свое в основном *социальное* переосмысление коллизий русской жизни (Голядкин сталкивается не с политической реакционностью, а с социальной зависимостью, иерархией). «Социальный» характер носит протест и смирение Голядкина в отличие от «политического» протеста, например, Чацкого, Печорина; иной характер имеет и социальная ущемленность стремлений и расчетов Голядкина-младшего, по сравнению, скажем, с играющей подобную же роль в комедии Грибоедова ущемленностью Молчалина. Молчалин у Грибоедова получает «двойную награду» за свое прислужничество: руку Софьи и карьеру в чиновничьем мире. Подобная цель вдохновляла и господина Голядкина, но поступая так же, как в свое время Молчалин, он уже не достигает цели; но и его «двойник» умеряет свой аппетит, ограничиваясь лишь карьерой, да и то незначительной, хотя взамен за это он готов сделать гораздо больше, чем Молчалин, вынужденный в свое время сохранять внешнее благородство и некоторую приципиальность своего поведения. Ведь времена были иные!

Социальное переосмысление Достоевским коллизии русской жизни в этом смысле по сравнению с политически осмысленной коллизией Грибоедова и показало, что зависимый в своем экзистенциальном положении мечательный «Чацкий» из мещан не может стать по-настоящему бунтарем после своего долгого, «подольного» «молчалинского» прошлого. Когда он становится бунтарем, он становится им поневоле, под давлением своего социального положения, а не из убеждения, как бунтари из дворян. Отсюда его бунт совершенно естественно превращается в *скандал*, поскольку мещанин-чиновник-романтический бунтарь не может выдержать свой характер в новой ситуации, вызванной впрочем его же бунтом. «Чацкий» из мещан падает ниже Молчалина. Его ущемленный двойник — хотя и торжествует над Голядкиным-бунтарем, Голядкиным, смирившимся и переживающим раздвоение — тоже не добьется даже молчалинского положения в той среде, куда он стремится. Дело в том, что романтический бунтарь из чиновников в экзистенциальном своем положении в отличие от бунтарей из дворян не свободен. Это глубокое отличие существует и между обоими Голядкиными и мещанами-пикаро, «мещанами» Запада, хотя русский пикаро типа Фрола Скобеева в XVII в., точнее до реформы Николая I, был таким же «свободным» мятежником, бунтующим и восстающим против социальных условий быта. Явление «голядкинщины» тоже порождается не только типично русской ситуацией, но прежде всего общеевропейской ситуацией 40-х гг. XIX в.[18] Голядкин-бунтарь, потеряв вследствие бунта свое прежнее, сравнительно спокойное экзистенциальное положение, вдруг теряет из виду все прежние цели и предметы своих мечтаний (карьеру, выгодную женитьбу, т.е. выход в высшие слои общества)

[18] Проблему «молчалинства» затрагивает Достоевский в своей статье 1876 г. — *Достоевский*, 11 : 243.

и все чаще начинает мечтать уже не о повышении» в чине и не «о руке» дочери своего благодетеля, а завидовать успехам своего двойника, хотя успехи последнего не могут идти в сравнение с успехами Владимира Семеновича, об успехе которого мечтал он сам, Голядкин-старший, и крушение которых и явилось причиной его бунта.

Все это уже и составляет результат анализа Достоевским новой русской ситуации (социальной по своему характеру), конфликтов русской жизни и конфликтов нового времени, русского романтика из мещан-чиновников, экзистенциально несвободного, зависящего, а идейно вынужденного ставить в рамках собственных своих стремлений к своей выгоде и относительной свободы насущные социальные вопросы времени. А эти социальные вопросы носили двойственный характер. Россия двигалась, казалось бы, неотвратимо к буржуазным переменам, и в то же самое время это происходило при таком соотношении социальных сил в столичных русских городах (Петербурга и Москвы), которые могли кончиться лишь победой чиновно-феодальных сил. С другой стороны, Европа уже разуверилась в том, что буржуазная революция может дать разрешение проблем человечества, проблем развития истории, тем более «окончательное». И в России с середины 40-х гг. XIX в. ставят вопрос не только об очередной буржуазной по своему характеру революции но и о том, что эта революция *должна быть иной* — не только буржуазной — т. е. более глубокой, значительной, чем была на Западе, или же за ней должно последовать еще *что-то*, благодаря чему можно будет избежать или отстранить те отрицательные последствия перемен, от которых не уберегласъ Европа, но и не убережется, повидимому, Россия. (В этом смысле идея терминов «юридические отношения», «патриархальные отношения» в поздних переработках «Двойника» родственна утопизму).

Таким образом, Достоевский в «Двойнике», ставя вопрос о бунте или смирении, и в этом смысле ставит его на более высоком уровне, чем ставил в «Бедных людях». Проблема «Двойника» охватывает не только проблему русской жизни, но и европейских условий. Не удивительно поэтому, что постановка в более широком плане этой проблемы отражена не только в самом сюжете, но и *в ассоциативной сфере* натуралистически взятого сюжета, т. е. в «литературности» формы, в ассоциативной нагрузке как внутренних, так и внешних форм, как сюжета, так и более глубоких сфер структуры произведения. Понятно, что 1) вместо противопоставления сюжета судьбы и сюжета сознания (как было в «Бедных людях») здесь мы встречаемся с параллельной структурой, т. е. историей судьбы и историей сознания героя, выявленного до крайностей его проявления в самой сюжетной структуре, что 2) «приключенчеством» объединены как история судьбы, так и история поступков, т. е. история психологической логики героя. Внутри же этого приключенчества как главной идеи формы и получает функциональное значение двойничество в натуралистическом плане как раздвоение, а в интеллектуальном, как «дон-

кихотство» и «гамлетство» героя, ассоциация двух Голядкиных с главными героями «Горя от ума» и «Фауста», а в ситуации — с ситуацией «Повести о Фроле Скобееве», ситуациями гофмановских, гоголевских и пушкинских произведений, романов-пикаро, романов Лесажа, Прево и т. п.

7. Со стороны структуры — *история* приключений idée fixe — психологической логики сознания героя — окажется в центре романного сюжета именно с той целью, чтобы *связать* планы «натуралистические» и «интеллектуальные», а в этой связи выявить главные, ключевые идеи романа.

Казалось бы парадокс. В «Бедных людях» Достоевский утвердил правду *судьбы* в противовес иллюзии сознания героя, и тем не менее в плоскости внешних форм произведения превалировала форма и содержание *сознания* героя; повествовательная форма прямо предполагала интимное самораскрытие, психологическое самовыявление, к тому же и герой был человеком «многословным», одаренным «говорливостью сердца». В «Двойнике» наоборот. Несмотря на то, что сюжетообразующим принципом становится история психологической логики и только через нее и проявляется, обнаруживается бунт, скандал, смирение и судьба сюжетного героя, тем не менее во *внутренней форме доминирует приключение* героя — иными словами, *действие* героя и *результаты* этого действия.

Что же касается его сюжетной судьбы, то о ней чуть не с первого момента знают и герой и читатель. В сознании рассказчика — третьего лица — точно так же превалирует описание (при этом с максимальной объективностью, правдоподобием, возможным при условии повествования от третьего лица) того, *что* происходит с героем, *что* он делает, *как* просчитался или угадал правду герой, *в чем* он уличил себя самого или других; т. е. происходит выявление хода судьбы и сознания, *описание* его (при этом с соблюдением мельчайших деталей, как бы под впечатлением *непосредственных* фактов судьбы и психологической логики сознания), а *не оценка* их, и уж никак не ложная оценка или намеренно ложная оценка событий, исходящая из сюжетных интересов героя, как мы это наблюдали в «Бедных людях».[19] Таким образом, во *внешней форме* и количественно и качественно превалирует *событие*, внешнее и внутреннее — и это последнее изложено *объективно* —, дистанция между рассказчиком и героем — по сравнению с объективностью рассказчика к происходящему во внешней и внутренней истории героя — незначительна.

Но в обоих этих случаях парадокс лишь кажущийся, свойственный произведениям Достоевского и вообще тем художественным структурам, в которых автор и рассказчик, автор и герой — не идентичны в сферах идей,

[19] См.: *Д. Кирай,* Художественная структура ранних романов Ф. М. Достоевского (К вопросу о разграничении позиции автора и позиции героя в романе «Бедные люди»): Studia Slavica 14 (1968) 221—241.

внутренней формы произведения, в которых авторская позиция проявляется преимущественно (или даже исключительно!) во внутренней структуре, в эпических сферах, в глубинных уровнях произведения.

Мы уже показали относительно «Бедных людей», насколько глубоко и полно именно такое превалирование субъективных элементов во внешней форме произведения приводит к торжеству объективного во внутренней форме произведения, обнажая «могучую способность *объективного* созерцания» автора. В «Двойнике» такой парадокс тоже лишь кажущийся: ведь именно *приключения*, т. е. поступки героя и их результаты, сообщенные рассказчиком с предельной объективностью, — наряду с известной с самого начала ситуацией сюжетной судьбы — и выявляет удачнее всего, и с наибольшей точностью *историю приключения самосознания.*

При этом если речь идет о внутреннем действии героя, о приключении логики самосознания и сознания о мире самого героя (иными словами, когда сообщается о фактах движения психологической логики героя), рассказчик не вносит ничего существенного, что могло бы входить, скажем, в сферу слова автора, принципиально сохраняющего при всех обстоятельствах дистанцию по отношению к герою. В «Бедных людях» *суждение о себе* и о мире *корректировалось* (слово о своей судьбе героя и об устройстве мира проверялось) *судьбой*, действительно происходившей в *сюжетном действии* романа. В «Двойнике» пути психологической логики *познаются* и переживаются в процессе постоянной оценки героем уже известной, свершившейся судьбы, в перманентной ситуации необходимости принять решение, выбрать путь, оценить избранную возможность, необходимости самооценки. Тем самым и во внешней и во внутренней форме читатель постоянно имеет дело с идейно-нравственно-административными переживаниями героя по поводу его уже так несчастливо сложившейся судьбы; следит за приключениями героя, направленными на поиски им *дальнейшего* пути, ожидает, что же последует дальше, как повернутся события, то желая, чтобы наконец, исход принял однозначное направление, то желая отдалить неизбежное; увлекается действием, направленным на предотвращение трагического разрешения. Таким образом, во всех сферах читатель встречается с психологическими проявлениями, движениями, рефлексиями героя, с полифонией оценок героем сюжетной сиутации, ситуации своей судьбы.

Психология познается и в дальнейшем ходе судьбы; эта сторона идеи формы направлена на обнажение структуры социального строя, на выявление *уклада человеческих отношений*, соцальной иерархии мира. Это и совершается в *сюжете судьбы* Голядкина, начиная от бунта, продолжая раздвоением и кончая устранением его из департамента, с одной стороны, а с другой — в развертывании сюжета его самосознания (надсюжет), т. е. в истории психологической логики героя; эта психологическая логика и колеблется в романе от идеи фикс героя до глубочайших истин структуры жизни. Идея

формы (двойничество) в этом смысле, аспекте функционирует еще с дополнительной художественной целью: обнаружает состояние (зрелость или незрелость) бунта и протеста личности из «большинства» города, т. е. личности не принадлежащей к высшим слоям общества, но личности желающей проникнуть в эты сферы. Эта сторона идеи формы, таким образом, как бы способствует выявить черты лица «героя времени» с средним уровнем самосознания, но героя, который именно благодаря такому среднему уровню («русское городское большинство») и становится «способным» носить в своей судьбе, доведшей его до бунта и скандала, и тем более в своем сознании, толкающем его не к доведению до конца своего бунта, а к смирению, (а от смирения опять к бунту, чем и создается его скандальная ситуация), идеи времени, социальные коллизии не только русской жизни но и европейской. С этим последним аспектом теснее всего связана в идее формы интеллектуальная сфера романа, общечеловеческий масштаб проблемы, «литературность» ткани этой формы. Дело в том, что трагическое разрешение приключения героя вызывает ироническое отношение к нему автора. Это и справедливо, поскольку герой не способен довести свой бунт до конца и превращает его в скандал, поскольку он не способен до конца оставаться трагическим героем, «выдержать трагедию» и превращается в героя гротескного — Гамлет в Полония, Дон-Кихот в Санчо Пансу, Фауст в Мефистофеля, Чацкий в Молчалина, Фрол Скобеев в слугу, т. е. трагическое разрешение приключения переходит в гротескное решение ее. Сюжет «Двойника» и построен на таком чередовании приключений героя — от бунта через скандал к развенчанию русского чиновничьего прогресса, основанного на идее городского, мещанско-чиновного бунта.

Как видим, действие, в котором, в сущности, и проявляется психология человека, может более объективно, чем «суждения» и «понятия», представление героя о себе (например, героя первого романа), обнаружить в сюжете *действительную психологию*, может глубже обнаружить его внутреннюю логику, а, следовательно, и создать объективное эстетическое переживание всеми сферами структуры произведения для реальной оценки такой психологии. При этом оценить ее не только в аспекте контрапунктном судьбе, но и собственной логики самосознания, следовательно, с другой стороны, изображение приключения *«психологической логики»* сознания, *«приключенчество»* как *идея внутренней формы* и является оригинальным способом проникновения в глубины и вершины этого сознания: от бунта и протеста всего самого человечного в герое до унизительной «ветошности», жалких остатков человечности в нем. Сама по себе эта «литературность», интеллектуальная ткань ее — т. е. не формальные, а *содержательные стороны приключения* героя — *в единстве его внешних и внутренних приключений*, в единстве *судьбы-действия-психологической логики* и дают возможность по-настоящему оценить, пережить все то, что относится уже не к идее формы, а к сфере *идеи содержания*, авторского слова.

Принцип *приключенчества* в «Двойнике» торжествует как во внутренней форме произведения (на уровне жанра), так и во внешней форме (на уровне композиции сюжета). Отсюда центр *внешней формы* составляют крайние проявления борьбы за сохранение человеческого начала в чиновнике-мещанине и в то же время утрата его в ходе приключения: бунта, скандала и раздвоения. А *внутренняя форма* суть история целого ряда приключений на различных уровнях и на всем протяжении истории героя — конкретные истории его бунта, его скандалов, откровений, мнительности, тщеславия, интриг, смирения, сомнения, мечтательности, раздвоения, доверчивости, т.е. «рыцарских», «дон-кихотских», любовных, психологических, официальных и других начал.

В научной литературе много говорилось о родстве «Двойника» и «Мертвых душ» Гоголя. Подзаголовок обоих произведении казалось бы дает основания для такого сопоставления. Оба они названы «поэмой». Однако, подзаголовок «*петербургская поэма*» к «Двойнику» возник позднее, в 1866 г. В первом же, журнальном варианте романа (1846 г.) подзаголовка не было. Заглавие звучало совершенно иначе: «*Двойник. Приключения господина Голядкина*». Следовательно, это было произведение с совершенно иной, чем в «Мертвых душах» жанровой установкой, а именно — *романной*. В «*Мертвых душах*» соединены принципы экстенсивной и интенсивной композиции; в экстенсивной композиции, т. е. на *уровне сюжета*, господствует авантюрно-романический, отчасти драматический принцип. Но в интенсивной композиции торжествует иной *жанровый* принцип в трактовке характеров — нравоописательность, сатира.

В произведении же Достоевского «приключение» является сферой интенсивной романной композиции, а двойничество — одновременно сюжетной и жанровой сферой. Заглавием своего произведения «Похождения Чичикова или Мертвые души» Гоголь хотел обратить внимание на то, что он намерен показать условия и людей, с которыми встречался Чичиков во время своего путешествия по России. Целью путешествия Чичикова было приобретение «мертвых душ», крепостных, а целью Гоголя, — показать, что «мертвые души» — это сами помещики.

Достоевский же заглавием своего романа ставил вопрос о том, что́ такое «двойник» и «двойничество», и там же отвечал: это приключения господина Голядкина; внешне «двойник» Голядкина является следствием раздвоения, приключения самосознания, а внутренне, т.е. реально — следствием сменяющих друг друга в сознании чиновника то фетишизации общественных отношений, то проникновения в их структуру подчинения своего «я» и «альтер эго» ее законам. «Двойник, таким образом, это *идея формы*, в которой развернулись все эти приключения; два господина Голядкина — это две живые тенденции типично русского исторического развития. Двойник, двойничество является следствием «idée fixe» Голядкина, воплощающей *социальные* кон-

фликты русского общества и в то же время расщепленности некогда сильных, не испытывавших идейных колебаний пикаро типа Фрола Скобеева; двойничество означает установление невозможности общественных перемен, исходящих от городской буржуазии, чиновной по преимуществу в России середины XIX в.

Заглавие произведения Достоевского, таким образом, в своей сущности контрапунктно гоголевскому. Заглавие «Двойник. Приключения господина Голядкина» — выражает концепцию формы романа Достоевского и указывает на ее содержание: «двойник» — лишь звено в цепи приключений господина Голядкина. Для романа не существует противоречия между принципом внешнего приключения и его внутренним жанровым содержанием, как это было в произведении Гоголя. Ведь сформулированное так же, как у Гоголя название — «Приключения («похождения» у Гоголя!) господина Голядкина *или* Двойник» подчеркивало бы нравоописательную цель произведения, перемещая во внешнюю идею формы плутовское, романное начало. Противопоставление же этих двух плоскостей в названии гоголевской поэмы в концепции жанра и выразилось связкой «или». Тем, что Достоевский снял связующее звено «или» между членами названия, он подчеркнул, уточнил романную, жанровую сущность своего произведения. Итак, по своему жанровому содержанию и по жанровой форме произведение Достоевского в том виде, как оно было опубликовано в 1846 г., было *романом*.

Но, как нам кажется, совершенно не случайно Гоголь после того, что цензура не приняла название «Мертвые души», назвал свое произведение «Похождения Чичкова или мертвые души»; он указал тем самым, что поиски Чичкова и их результат — «мертвые души». Вторая часть названия как бы не только содержала ответ на вопрос: что искал Чичиков, но и ответ на вопрос: что же нашел Чичиков в своих странствиях по Руси? И это соединение *конкретного* значения: «мертвые души» = крепостные и его *метафорического* значения: «мертвые души» = крепостники — прием поистине гоголевский. Не только подзаголовок гоголевского произведения «поэма» подчеркивает, следовательно, что речь идет *не* о романе, но и само заглавие; оно построено таким образом, что смысловую нагрузку в нем несет второй член: «мертвые души».

Достоевский, давая заглавие своему роману, воспользовался подобным же принципом семантического выделения одной из сотавных частей двучленного названия. Но если Гоголь сделал второстепенным членом *приключения* героя, романический интерес к личности героя и окружающих его помещиков и чиновников, то Достоевский, наоборот, *акцентирует* именно приключения, *романичность*. Отводя только формально второе место приключениям, т.е. романическому интересу к герою в двучленной конструкции названия, он тем самым выделяет семантическую функцию приключенчества, романности. Таким образом, оказавшийся на первом месте член названия «Двойник»,

который мог бы навести на мысль о якобы нравоописательной цели произведения, сводится такой конструкцией до обозначения лишь *сюжетного* начала, идеи внешней формы, но не внутренней.

Недооценка критиками второго романа Достоевского и была связана с тем, что они упускали из виду подлинный роман: «*Двойник. Приключения господина Голядкина*», рожденный неповторимыми условиями 40-х гг., и заменяли его результатами поспешной переработки романа в 1866 г. в «петербургскую поэму». Но все это и повлекло за собой в свое время в критике неверное прочтение «Двойника». Точнее привело к такому же ложному истолкованию романа, как в свое время ложно истолковывали «Бедных людей» не в духе поэтики Достоевского, а в духе поэтики его современников и предшественников, в духе поэтики «сентиментального натурализма», «физиологических очерков», поэтики повестей Пушкина и Гоголя, Бальзака, Эжена Сю, Толстого, Шиллера и др. Прочтение «Двойника» в таком традиционном восприятии, в котором автор и повествователь отождествляются соответственно поэтикам романов до и после Достоевского — и было помехой в понимании всей глубины второго романа писателя. Критики вот уже целое столетие и в «Двойнике» и в «Бедных людях» ищут позицию автора во внешних стилистических сферах произведения, в сфере внешней формы, а она находится во внутренних эпических сферах его, в диалектической взаимосвязи натуралистического и интеллектуально-ассоциативного планов, уровней, т. е. в глубинных эстетических сферах романа, внутренних формах структуры этого своеобразного романического произведения для «дилетантов», как определил его Белинский. Не удивительно, что подобного рода анализ, пользующийся чуждыми Достоевскому поэтическими нормами, естественно приводит к совершенно ложной формулировке основной идеи и всей идейной проблематики «Двойника», а в связи с этим и начального периода творчества Достоевского.

Роман «Бедные люди» так же анализировался в категориях поэтики произведений современников и предшественников Достоевского; герой рассматривался в духе героев нравоописательных повестей, а не как герой романа; за субъективной сферой структуры произведения не замечали его эпической объективной формы. Не лучше обстояло дело и с «Двойником». С тем отличием, что считая роман в целом субъективным, одни критиковали его за оригинальность, другие восхваляли. В то время как оригинальность «Бедных людей» из-за внешнего сходства романа с пушкинскими и гоголевскими произведениями о «маленьком человеке» критики за исключением Белинского, Майкова и Доболюбова все-таки не признавали. Оригинальность «Двойника» признавали почти все. Но признавали ее не в том, в чем она была на самом деле, а поэтому как хулители, так и ревнители идей «Двойника», навязывающие Достоевскому субъективные принципы эстетики, ошибались в самом существенном: не существует того Достоевского-субъективиста, ко-

торого они хотели видеть в авторе «Двойника». А причину неуспеха предпринятой переработки «Двойника» надо искать в другом.

Одна из причин, по которой Достоевский не осуществил большой роман о «двойничестве», заключалась в том, что многие аспекты проблемы двойничества перешли в его романы 60-х гг.; но главная причина заключалась все же в ином. Идея романа была действительно необычайно значительной, в ходе работы над ней в первой половине 60-х гг. для Достоевского открывались все новые и новые аспекты ее; эти аспекты некоторыми своими сторонами уже примыкают к проблематике его романов о двойничестве 60—70-х гг. Следовательно, в том-то и дело, что все эти варианты, переработки в чем-то очень существенном отличаются от аспектов, воплощенных в романе 1846 г. Мы уже говорили, что в «Записных книжках» гораздо яснее отделены ведущие идеи поведения обоих Голядкиных. К этому нужно еще добавить и то, что Голядкин-II, например, прямо выступает в роли «идеолога», формирующего понятиями как свою идеологию, так и идеологический смысл поведения Голядкина-старшего. В этой своей роли Голядкин-II уже больше напоминает (по материалам «Записных книжек») героя романов 60—70-х гг., «героев идеи», героев- «идеологов». Но вследствие этого Голядкин-младший теряет ту непосредственность, которую он имел в качестве героя романа 1846 года. Это, видимо, и опрокинуло весь план переработки. Достоевский чем дальше, тем больше убеждался в том, что при всех его стараниях роман не сможет стать тем давним романом 40-х гг. и что идея не будет спасена и этой новой формой, что чем больше он работает над формой своей идеи 40-х гг., тем больше отдаляется от него сама эта идея, рождая идеи новых романов и превращаясь в них; новая форма неожиданно выходит не формой старой идеи, а формой новых романов, новых идей и, оказывается, что она лишь *генетически* связана с идеей «Двойника» 40-х гг. Выходит, что найти *новую форму* невозможно; да и было бы это «эстетическим абсурдом», поскольку найти новую форму означает создать новый роман, в котором идея двойничества будет функционировать совершенно иначе и станет подчиненной идеей, составной частью, компонентом новой идеи, которая и является, в сущности, результатом работы над формой идеи двойничества, иными словами, над новой идеей. Впрочем, Достоевский совершенно верно говорил, что если бы он «теперь» — в конце 70-х гг. — взялся за осуществление идеи «Двойника», он выбрал бы совершенно иную форму. Поиски новой формы при переработке «Двойника» в 60-е гг. не дали результата и явились, как мы говорили, своеобразной ложной новой формой.

8. Скандалы и приключения — внутренние и внешние поступки героя и их результаты — это одновременно и сфера проявления автора и героев, но на различных уровнях.

Герой переживает эти внутренние и внешние действия как бы in statu

nascendi, ибо аспект повествования — *рассказ-описание* того, что делает герой, о чем он думает или «цитирование» его внутренних диалогов и монологов без ретроспекции за счет рассказчика. Читатель-автор имеет целостное впечатление о всем пути героя — от рассказанного «бунта» через раздвоение до последнего диалога в карете по дороге в сумасшедший дом.

Идеи и формы распространенных названий — это не сфера «голоса» повествователя, а сфера автора-писателя. Рассказчик, следовательно, не идентичен автору. Он является средством передачи внутренних и внешних поступков Голядкина и результатов этих поступков «языком и понятиями» героя, Голядкина-старшего (то Голядкина-младшего), действующего попеременно то за, то против *логики сознания*, но Голядкина, поступающего и говорящего hic et nunc соответственно своей *психологической логике* и в отличие от своего предшественника, Девушкина, улавливающего довольно точно *социальную характерность* своей и чужой жизни. Поступки Голядкина именно поэтому предполагают не укрывание перед нами (или утаивание даже от самого себя), а, наоборот, обнаружение действительного положения дел. Вследствие этого он сам (или повествователь) незамедлительно отчитывается о том, что, мол, он хотел бы поступить не так, а совсем иначе, не так, как это вышло на самом деле. Герой заинтересован высказать «все», «вывести на чистую воду» и т.п. Именно потому романным сюжетообразующим элементом и является *обнаженное сознание*, как бы независимая от воли героя, не управляемая им *психологическая логика* его сознания, а ситуацией — социальная судьба, но эта ситуация-судьба завершена, как мы говорили, уже до начала собственно романа, в романе уже только разъясняется эта ситуация посредством выявления приключения-последствия этой ситуации в бунте-скандале-раздвоении, в выявлении психологической логики сознания героя. В содержании, семантике этой логики, с одной стороны, и расшифровывается разыгравшаяся еще до начала романа ситуация в обрамлении последствий этой ситуации, с другой стороны, обращается внимание на причины именно *такого* разрешения и продолжения внероманной ситуации, и, тем самым, реализуются интеллектуальные планы, уровни романа.

Idée fixe — раздвоение и провалы сознания и реальный аспект, иллюзии приключенчества, рыцарства, «донкихотства», гофмановская фантастика и мистика «Фауста» и «Божественной комедии» в приключениях сознания Голядкина — и создает *интеллектуальный уровень* содержания авторского слова.

Но фантастическое, субъективное, идущее от сознания героя, уравновешивается реальным, объективным, идущим от судьбы, и в фантастическом раскрывается реальное, в субъективном обнаруживается на ином уровне объективное, в самом сознании — вследствие его раздвоения — и обнаруживается психологическая логика и судьба личности героя, т. е. в одно и то же время выявляется механизм воспроизведения социальных характер-

ностей самих общественных отношений. Достоевский вновь достигает цели — выявляет социальные характерности самой формации. Если в гиперболизации черт Голядкина-II Голядкиным-I до появления «двойника» отчасти проявилось «слово автора» и внешне, то после появления «двойника» это авторское слово является лишь в психологической логике самодвижения героя, а в целом угадывается в структуре оценки ущемленного действия и самосознания неполноценного пикаро, Голядкина-I, и Санчо Пансо-, антипикаро-Голядкина-II.

Потому *реальное* и *фантастическое* так своеобразно переплетается в сознании и действиях (приключениях) героя, хотя он лично заинтересован больше в дефетишизации своих отношений, своего запутанного положения, даже тогда, когда каждый раз на миг становятся видны его реальные отношения и его реальное положение, он сам до мистического ужаса пугается и вновь готов мистифицировать, покрыть их фантастикой. Таким образом, как дефетишизация, демистификация, разрушение фантастического детерминированы *реалистическим* движением героя в типической ситуации, так и обратное — повторная фетишизация скрыта в тех же реалистических отношениях героя и его ситуации.

Психологизм как предмет изображения и как средство изображения в произведениях Достоевского здесь и встает на место фантастики, являющейся предметом и средством изображения у его предшественников.

Достоевский тем и делает переворот в эстетике в этом аспекте, что *фантастику* целиком передает из компетенции автора в компетенцию героя. Таким образом, у Достоевского фантастика как таковая может вытекать из реалистической ситуации героя в качестве идеологии героя, т. е. объяснение героем мира. На ее место в компетенцию автора входит *психологизм* как предмет и вместе с тем средство изображения. Поскольку психологизм, изображение психологии и даже патологических явлений в реалистической ситуации по сравнению с фантастикой, сохраненной и Гофманом, и Гете, и Гоголем еще полностью в жанровом аспекте своих произведений, т.е. авторской компетенции (внутренняя форма), является тоже социальной типичностью, т. е. социальным, а потому эстетическим качеством действительности, только как бы в снятом виде, постольку замена психологизмом в авторской интроспекции тех сфер, где до Достоевского господствовало фантастическое — является величайшим шагом в художественном мышлении человечества. И этот шаг был сделан Достоевским отчасти в первом, но полностью только во втором его романе.

Во всяком случае, отдав в компетенцию слова и действия героя гиперболизацию, фетишизацию отношений, мистификацию происшествий, автор приобрел психологизм, власть над психологической логикой, над движением судьбы и сознания своего героя, над действительным приключением, приключением самосознания.

Вот почему Достоевский ничего не гиперболизирует за свой счет, или за счет рассказчика, а лишь за счет героя. А потому пределы гротеска и фантастического у Достоевского реалистически расширены, ограничены, обусловлены реальными возможностями соотношения характера и ситуации, в том числе и психологическим самодвижением характера в соответствии с его социальной ситуацией.

Таким образом, *фантастика* у Достоевского, в отличие от Гоголя, теряет самодовлеющее сюжетно-художественное, композиционное значение, функцию подчеркивания и оценки изобразительности. Она растворяется в предмете, воспроизводится как предметная деталь характерности персонажа и его ситуации; а экспрессивность авторской акцентировки или даже оценки сама по себе передается не через гиперболизм и не посредством фантастики. Авторская экспрессивность или оценка восстанавливается за счет реального в этой фантастике. У Достоевского фнатастика — результат внешнего и внутреннего действия героя, его гротескной трагедии и порождение реалистического движения сознания героя. Источник такого движения — страх (экзистенциальный или социальный). Чем более трезво, например, герой признается себе в трагичности своей судьбы, тем больше его психологические переживания переходят в патологические движения, вплоть до фантастики. Гоголь оставляет, сохраняет в своей авторской компетенции аспект деформации форм действительности, т. е. гиперболическое, фантастическое, абсурдное. Достоевский свою субъективную авторскую позицию проявляет в логике психологических переживаний и в смысле сложившихся судеб своих героев — в анекдоте, фабуле, разрешении ситуации и самодвижения героев. Выражаться гиперболически или преувеличивать фантастически писатель предоставляет сфере мышления героя, той сфере, в которой они являются реальным результатом столкновений судьбы и сознания героев, и тем самым создается эпическая дистанция по отношению к гиперболам, гротеску, фантастике, абсурду. Собственно это и явится гениальной, «смелой мыслью», как выразился Белинский, в самом выборе предмета изображения, т. е. реалистического изображения процесса сумасшествия. Отсюда и возвращение, свободное и легкое, на более высоком уровне, минуя Гоголя, к Гофману в создании «мистического ошущения». Поскольку у Достоевского фантастика всегда введена в рамки и границы *действия и мышления типа* в определенной реалистической ситуации — а не «свободная», идущая от автора, фантастика преувеличения, Достоевский и может дать волю типическому, романному, реалистическому самодвижению соотношения фантастического и реального, а потому и допускает порой полную мистификацию героем своих собственных отношений; Достоевский-автор при этом совершенно свободно изображает границы соприкосновения реального и фантастического (абсурд): то фантастическое выступает как фетишизируемое реальное, то реальное фантастически невероятно в своей абсурдной реальности. Тут и создается реалистическая диалекти-

ка: та «анатомия» психологического анализа общественных отношений, которая не лишена налета *мистики*, как проницательно заметил Майков (говоря, что критика уже давно не чувствует «несносности» психологизма Лермонтова, но только теперь начинает освобождаться от «неспосности» психологизма Достоевского).

Психиатры давно уже установили необычайный, почти клинически точный реализм психологического и психопатологического даже самого фантастического в движении героев и ситуаций у Достоевского по сравнению с героями и ситуациями Гоголя.[20] Дело в том, что Гоголь создавал фантастические условности не только за счет реалистического и эпического самодвижения характеров и ситуаций, но и за счет своих непосредственных, авторских, чисто экспрессивных идейно-стилевых целей. Достоевский, как мы видели, всесторонне эпизирует фантастику, перенося ее полностью в кругозор героя, пользуясь ею за счет реалистической ситуации внешнего и внутреннего сюжета героя. Поэтому представляется ему возможность исчерпать до самых глубин эти переходы, использованные уже отчасти Гоголем, Гофманом, Гете и др. без опасности подражательства им. Сделал это Достоевский с целью создания новых аспектов художественного исследования и претворения действительности в эстетическое познание и эстетическую оценку, т. е. ради открытия *новых сфер художественного мышления*, впрочем совершенно оправданных в художественной литературе в эстетическом творчестве впоследствии.

Совершить этот переход именно в «Двойнике», т. е. сохранить фантастическое и эти мистические начала в кругозоре героя, а психологическое в эпической структуре, т. е. в компетенции автора, пришлось по целому ряду причин. Нужно было провести через цензуру и замаскировать основные идеи романа (с этой точки зрения вся фантастика — суть форма, благодаря которой и отделяются сферы ответственности автора, с одной стороны, и героя и повествователя, с другой). Кроме того, структура романа выясняла проницательным читателям, «дилетантам», что в реальной действительности общественный механизм до фантастического абсурден, фетишизирован и что этот механизм реально обнаруживает себя при первом столкновении с ним бунтующего и скандалящего чиновника; целью Достоевского было и желание — в «эзоповой форме» в переходах романного сюжета во внероманный и обратно, в перехода реального в фантастическое и фантастического в психологизм — сильнее выявить и разоблачить саму эту фетишизацию русских отношений, мистифицированных в сознании большинства. И, наконец, благодаря ассоциативной силе этих переходов, столкновения гипербол, фантастики и мистики с психологи-

[20] Анализ специфических черт фантастики у Гоголя проводит *Ю. Манн* в своем интересном исследовании «Фантастическое и реальное у Гоголя»: Вопросы литературы, 1969, 9 : 106—126.

ческой логикой, двойственности абсурда с социальной ситуацией подчинить идеи ассоциированных произведений основной идее романа.

После лермонтовского «Героя нашего времени», психологического и интеллектуального романа, после гоголевской условной фантастики, сотканной из социальных мотивов и сатирически окрашенной, роман Достоевского явился интеллектуальным, психологическим и в одно и то же время фантастическим. Фантастическим без условностей, на реалистическом уровне жанра, интеллектуальным — на социальном уровне, психологическим — на уровне внутреннего самодвижения судьбы героя. Белинский, Майков и Добролюбов собственно за это и ценили роман, хотя Белинский и не вполне одобрял роман подобного типа в тогдашних русских условиях, при неподготовленности публики.[21]

Роман, следовательно, представляет своеобразный тип интеллектуального романа. Создается этот интеллектуализм за счет: а) нового, оргинального соотношения фантастического и реального планов; б) своеобразного сочетания психологизма, ассоциативности и социального плана.

В романе происходит в основном все в психологическом плане, а это облегчает расширение *емкости*, ассоциативности, движений, поступков, ситуаций. Здесь чувствуется нить, идущая от Гамлета: вполне реальной нерешительности героя — «быть или не быть». Психологическая логика самосознания и внутренних действий героя, проникающая собой сферы сюжета судьбы и сюжета сознания, является как бы обнажением этой судьбы и этого сознания героя на различных уровнях (плоскостях) внутренней формы романа. Оформляется в романы-приключения-скандалы, в роман сознания — в двойничество, *idée fixe*. Совпадение реального и фантастического здесь происходит лишь в кругозоре героя и рассказчика. В кругозоре автора (следовательно, и читателя) сферы эти разграничиваются в процессе выяснения ситуации. Роман поэтому и является развернутой ситуацией. Собственно поэтому и можно начинать новую поетику Достоевского с «Двойника»: впоследствии очень часто драматическая кульминация заполнит собой все сферы сюжета.

Существует целый ряд композиционно-стилистических, овнешненных уровней для разграничения автора и героя:

1. распространенные названия глав;
2. «почти авторские» намеки на характер героя и его положение;
3. повторяющиеся мотивы-детали *idée fixe* героя, которые несут двойную функцию: открывают «психологическую логику сознания» героя в сниженном плане (на уровне самосознания героя и знания о нем рассказчика) и составляют семантическую идею этой психологической логики, где она связывается в действительные значимые ситуации: где она обнажается как социально расшифрованная психологическая ситуация;

[21] *Белинский*, указ. соч. 10 : 395.

4. интеллектуальный план — на ассоциации форм, напоминающих творения мировой литературы.

При переработке «Двойника» — романа в поэму — Достоевский во многом снял этот интеллектуальный план, в ущерб как идее, так и форме произведения.

В анализе «Бедных людей» путем анализа различных пластов стиля романа, как нам представляется, удалось выявить суть поэтики Достоевского и поставить под вопрос сложившиеся о романе концепции. В вышедших ранее статьях о «Двойнике» мы анализировали сюжетно-композиционные пласты произведения, характер и ситуацию, но так и не добрались до сути, ибо не расчленили социальный и интеллектуальный, а таже фантастический и реальный уровни в художественной структуре романа. А они и есть уровни слова автора, в самой эпической структуре. Но то, что является конечным пунктом в анализе художественного произведения, служит исходным моментом в теории эстетического анализа. Анализ первого романа Достоевского мы начали с разговора о видах и жанрах и закончили анализом стиля произведения. Там, однако, это было обусловлено тем, что критики обычно смешивали сферу проявления автора и сферу идеи романа со сферами его стиля, а порой и внешней формы. В случае «Двойника», наоборот, мы начали с анализа стиля (композиции сюжета и сюжетным параллелизмом) и кончили анализом идеи формы романа. Такой порядок анализа был обусловлен тем, что идею романа интерпретировали искаженно, точнее безуспешно ее искали, анализируя роман только по изданию 1866 г. Восстановление первоначального текста романа 1846 г. представляется нам — хотели бы мы подчеркнуть еще раз — насущной задачей готовящегося академического собрания сочинений Достоевского.

Если попытаться выявить голос автора в аспекте *гносеологикеского* принципа построения сюжета, то окажется, что он вновь скрывается в социальной логике трагических последствий прозрения, бунта, поступков героя и тенденции дефетишизации в психологической логике самодвижения сознания, в том числе и больного сознания, в социальной логике движения idée fixe.

Одним из оценочных моментов типизации в этой сюжетно-композиционной форме «авторского слова» — является сюжетное сопоставление с Голядкиным чиновников его же социального положения, однако реальностью социальной жизни 40-х гг., условием их судеб, доведенных не до бунта, а до пресмыкательства, до философии прислужничества, в которой видят гарантию успеха (такой фигурой и является Голядкин-II).

Субъективная, оценочная сторона авторской идеи, положенной в основу композиции сюжета поведения бунтующего, скандалящего чиновника со стороны *онтологического* принципа сюжета, разумеется, тесно переплетена с гносеологическим принципом сюжета; например, история социальных последствий бунта также содержит уже эмоциональную оценку такого движе-

ния; то же самое можно сказать относительно психологической логики самосознания героя и повествовательной логики рассказчика: можно считать оценкой гносеологические моменты раздвоения; в нем скрыто глубокое открытие устройства мира и глубокая эмоция: вопрос относительно причин его и последствий.

Достоевский выявляет трагикомизм тенденции буржуазного развития при сохранении феодальной основы социальной формации: «мещанином», «дворянином в мещанстве» будет чиновник, социально угнетенный, но в силу характера государственной службы втянутый в механизм господства и подчинения, мировой ситуацией и историческим моментом активизированный — он, этот чиновник в первом поколении будет бунтующим трусом, во втором поколении одновременно Молчалиным-Антонелли и Чичиковым из мещан, знающим меру и усвоившим привычку молчать, поддакивать, умеющим устроить свою судьбу не за счет и не в ущерб существующим отношениям, а в угоду и на благо им. Такой диагноз бесперспективности русской буржуазной революции, опирающейся на мещан-чиновников, маленьких людей, впоследствии оказался совершенно верным. Это воззрение и привело автора к петрашевцам, а среди них — к радикальному крылу, где он не только распространял идеи Белинского относительно характеристики крестьян, но и был склонен принять идею бунта, идущего от крестьян, не видя, и вполне справедливо, в условиях 40-х гг. никакой массовой силы в городе, вследствие отсутствия разночинно-буржуазной массы, из-за чиновного по своему характеру населения города. Достоевский в этом смысле ближе стоял к взглядам Бакунина, чем к Белинскому, это отчасти и привело к разрыву с Белинским.

Сопоставление голосов и судьбы, исхода судьбы двух героев — Девушкина и Вареньки, конечно, много оттеняет в голосе автора, но не лежит в плоскости внутренних форм. Сопоставление же двух Голядкиных в «Двойнике» лежит именно в плоскости внутренней формы, хотя, как мы старались показать, это только одна из сторон внутренней формы, положенной наряду с другими сторонами и идеями внутренней формы в основу сюжетно-композиционного проявления авторского голоса.

9. Если учесть тот факт, что Достоевский-автор, с одной стороны, и его повествователь, с другой, занимают в «Двойнике» различные пласты и уровни, что во внутренней форме, т. е. жанровой структуре на уровнях идей произведения главным представляется не само повествование, а *предмет* повествования, т. е. действие и мышление героя, история его судьбы, история его приключений, приключения сознания и самосознания, его сознания о мире, отличие его судьбы и его самосознания, равно как и его поступков от подобных в русской и мировой литературе героев приключенческих романов, что фантастика и мистика полностью включена в кругозор сознания героя, в реалистической ситуации, что вместо фантастики Достоевский-автор вбирает в

свой кругозор психологическое движение, реалистическое движение психологии героя, т. е. психологию как предмет и средство изображения, притом, психологию, обусловленную и той крайней ситуацией, изображенной в произведении, смысл которой гораздо шире, чем только положение «маленького человека», чиновника 40-х гг. и чем смакование своей неудачи, что эта ситуация, наоборот, расширена своеобразной структурой неповторимого интеллектуального романа до мировых идей человечества, до идеи истории, до европейских проблем, возникших после французской революции и после июльских событий в Париже, и, наконец, если учесть, что не только реализм истории судьбы, но и реализм истории сознания героя, его внешних и внутренних действий изъят из рук повествователя, равно как и из сферы сознания самого героя, что благодаря привлечению целого ряда сходных, но нетождественных в своих решениях идей произведений мировой литературы переданы сфере внутренней формы, своеобразной жанровой структуре романа, т. е. сфере эпически проверенной авторской «субъективности», которая доведена самой эстетической структурой произведения до такого уровня «объективности созерцания», где само это авторское проверяется принципами реалистического отражения и внутренними законами жанра романа, принципами полифонии формы, одним словом, если учесть все эти факты внутренней и внешней структуры «Двойника», установленные в ходе нашего анализа, то можно с полной уверенностью утверждать, что и во втором романе Достоевского герой и повествователь в основном торжествуют в субъективной сфере, в сфере внешнего правдоподобия и фантастики произведения, а автор — в объективных, эпических, психологических, ассоциативных сферах, и далее, что эта объективность настолько присуща произведению, что при анализе его согласно чужим поэтическим нормам вполне справедливо создается видимость, эффект субъективности авторского слова, эффект слияния автора с его героями, иллюзия неразделимости реального и фантастического планов в произведении, иллюзия отсутствия завершающего слова автора и т.п. Но как только мы попытаемся применить в анализе произведения нормы, присущие поэтике романов самого Достоевского, (а они, как и следовало ожидать и как мы старались показать, полностью выступили и в первом и во втором романах — поскольку Достоевский начал как писатель необычно и как оказалось впоследствии был гениальным открывателем в области литературы и эстетики, создателем новых художественных форм и структур мышления, и в этом смысле сделал шаг вперед в эстетическом развитии русской и мировой литературы), оказывается, что в отличие от «Бедных людей» объективность торжествует в «Двойнике» уже не только во внутренней форме, в эпической сфере, но по большей части и во внешней форме.

Роман так и «сделан», что в нем дается не история сознания с превалированием в нем заблуждений относительно устройства социального мира и положения в нем «маленького человека», а наоборот, прослеживается *история*

психологической логики, т.е. история *объективной сферы сознания* героя, а судьба выясняется не к концу произведения, а завершается еще до начала собственно романного сюжета. Это объективное положение героя и приобретает фантастические размеры в содержании сознания и самосознания героя, т. е. превращается в идею фикс героя, проявляясь в двойничестве героя, в фантастических уклонениях героя от правды своей жизни, не «за счет» автора, а за счет этой реалистически выявленной ситуации героя. С другой стороны, выявленная с самого начала романа истина судьбы героя при каждом повороте его приключений, при постоянном соотнесении с объективной сферой его сознания героя приобретает все более глубокие и дифференцированные ракурсы, и таким образом, нарастание трагедии судьбы чиновника как разрешение сюжетной ситуации все более накопляет и углубляет чувство реальности. Поскольку «русская идея» в романе подчинена идее истории, идее проблемы прогресса человечества, фаустовской, гамлетовской, мировой идее, сопряжена с ней, объективная логика самосознания и обнаженный ход сюжета судьбы, эти две параллельные объективные сферы в структуре романа целиком подчинены еще более объективной по своему уровню идее, что и воплощается в интеллектуальном плане структуры романа. Тем самым сфера реальная, натуралистическая, внешне как будто субъективная соотнесена со сферой ненатуралистической, сферой общих закономерностей, сферой общих идей и идеалов, сферой более высокой «объективности».

Таким образом, вновь торжествует объективность, опять присутствует авторское слово, проверенное реалистической сферой самодвижения типичного героя в типичных условиях, эпическим самодвижением, романической трактовкой характера, но объективные и субъективные сферы в «Двойнике» гораздо более дифференцированы и полифоничны по сравнению с «Бедными людьми», т. е. субъективность и объективность в «Двойнике» выступают в несколько иных и совершенно новых соотношениях плоскостей романной структуры на иных уровнях эпичности: субъективность в целом на уровне натуралистических авантюр, реалистических приключений, тогда как объективность — как идея — на уровне интеллектуальных сфер, сопряженных идеей старого и нового времени. Но даже в самом этом реалистическом плане это субъективное сразу же сужается, до сферы «повторной фетишизации», «мистификации», гиперболизации самим героем своих до того времени раскрывшихся ему общественных отношений и частных связей, т. е. до сферы фантастического искажения в идее фикс этих отношений и их истинного содержания, тогда как объективность на том же уровне реальном, натуралистическом, не интеллектуальном даже в самой идее фикс героя выступает как объективность, как глубочайшая социальная правда, идея структуры общества. Соотношение и взаимосвязь этих двух планов в самой динамике произведения, из которых интеллектуальная сфера всегда относится только к глубочайшим идейным сферам произведения, а так называемый реальный, на-

туралистический план выступает то в качестве формы этой интеллектуальной идеи (и в этом соотношении выступает как субъективный план), то в качестве самостоятельного целого с присущим ему содержанием и формой, чередованием субъективного и объективного начала, — и дает ту неповторимость и оригинальность «Двойника», которая (судя по нескольким оброненным ими фразам) может быть была понята в свое время лишь Белинским и Майковым. Белинский в своей статье, видимо, не случайно уронил фразу об интеллектуальном характере его, а Майков сблизил роман с интеллектуальным по своему характеру романом Лермонтова.

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

О звуках тютчевских стихов

ЭРЖЕБЕТ КОЛЛЕР

В литературе о Тютчеве часто говорится, что в его поэзии встречаются дисгармончные черты. С точки зрения эвфонической для тютчевской поэзии между внешней звуковой формой о выражаемым при ее помощи содержанием характерна полная гармония. «Гениальный дилетант» был «профессиональным» мастером в подборе и употреблении поэтических средств. Чтобы обратить внимание на удивительный такт и чувство меры поэта, будет не бесполезно провести несколько чисто формальных исследований. Формальные работы такого рода не могут претендовать на полное исследование вопроса, однако нам представляется, что иногда интересны и примеры сами по себе. Задачей настоящей статьи является иллюстрировать примерами «умеренность» и поэтическое «чутье» Тютчева в употреблении звуковых средств.

Известно, что в стихотворных строках чередование определенных звуков придает стихотворению или части его определенный звуковой тембр, а отсюда и эмоциональную окраску. По мнению некоторых, такая звуковая инструментовка стихов намеренна, произвольна, другие полагают, что она только дело случая.

Общепринято считать звучание стихов более или менее случайным сочатением звуковых элементов речи, однако необходимо иметь в виду, что различные соответствия звуков (аллитерации, ассонансы, звуковые повторы, рифмы), иногда возникают прямо по умыслу автора. Особенно показательно в этом отношении явление рифмы. Для каждого поэта дан тот же самый фонд звуков, но каждый из них употребляет, подбирает, варьирует его по своему. Даже среди стихотворений одного поэта могут встречаться стихи мелодичные, музыкальные, легкие, и — тяжеловатые, жесткие. Особенно резкий контраст наблюдается в звуковом отношении, например, у Державина.

Звуковая инструментовка стихов может поддерживать тон, настроение, эмоции, стихотворения. Однако звуки бывают выразительны только потенционально. «Чтобы они стали действительно выразительными, следует, чтобы смысл того слова, где они встречаются, способствовал к выражению того, к чему они оказываются пригодными.[1] Балли пишет: «Некоторые звуко-

[1] *K. Nyrop*, Grammaire historique de la langue française, IV. Copenhague 1913, 5. — *M. Grammont*, Le vers francais. Paris 1913, 203.

сочетания способствуют чувственному восприятию и вызывают конкретное представление, сами по себе звуки неспособны произвести подобное действие».[2]

Вообще говоря, все звуки в языке, гласные и согласные, могут приобретать выразительное значение, когда тому способствует самый смысл того слова, где они встречаются. Один и тот же звук может служить для выражения довольно далеких друг от друга идей, или только содействовать их выражению, не выходя однако, за известные грани, поставленные ему его собственной природой.

Комбарье, в своей книге об отношении музыки и поэзии,[3] цитирует стихи, где аллитерация звука *t* связана с представлением энергии, ужаса, мести, страдания, затем такие, где свистящие вызывают ассоциации самых противоположных понятий: стыда, гордости, угрозы, мольбы, уважения, презрения, горячности, холодности, гнева, жалости, шума, тишины, движения, покоя. Все это свидетельствует о чрезвычайной сложности звуковой инструментовки стихов, требующей от поэтов особого искусства.

Нам бы хотелось на нескольких примерах показать некоторые характерные звуковые черты поэзии Тютчева. Во-первых, следует подчеркнуть, что Тютчев прекрасно знал все основные приемы звуковой инструментовки, и пользовался ими четко и умеренно. Он не употреблял звук ради звука, но сознательно стремился к общей эвфонии и гармонии своих стихов. Даже при беглом и поверхностном усвоении стихотворений Тютчева инструментовка их импонирует своим богатством.[4] В этом отношении особенно выделяется *аллитерация*. Аллитерируют у Тютчева главным образом плавные *(л, р)*, но не только они одни. Часто встречается также аллитерация шипящих. Шипящие доминируют вообще в стихотворениях более лиричного характера. Так например на шипящих построены стихотворения «Тени сизые смесились» *(с, з, ш)*, «Тихо в озере струится» *(с. з)*, «Слезы людские, о слезы людские» *(с, з +* плавный *л)*.

Звуки *с* и *з* преобладают в строфах:

Вот, *с*ловно *з*мейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, *с*ловно лента развиваясь,
Меж пологами развилось.
(Вчера, в мечтах обвороженных)

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сковозной,
Полупрозначною, как дым.
(Первый лист)

[2] *Ш. Балли*, Французская стилистика. Москва 1961, 75.
[3] *J. Combarieu*, Les rapports de la musique et de la poésie. Paris 1894.
[4] *Н. К. Гудзий*, Аллитерация и ассонанс у Тютчева: Slavia 5 (1927) 456.

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось . . .

(Успокоение)

На звуке *с* инструментированы строки:

Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

(Как не дышит полдень знойный)

Ее спасали от насилья
Бессметрной пошлости людской!

(Чему молилась ты с любовью)

В строфе:

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной
Снова жадными очами
Свет живительный я пью

(Вновь твои я вижу очи)

аллитерируют начала строк. В стихотворении «Что ты клонишь над водами» шипящие составляют 12% всех звуков.

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю? . . .

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей . . .
Но струя бежит и плещет,
И на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой.

На аллитерацию остальных согласных (т. е. кроме шипящих и плавных) встречается гораздо меньше примеров. Однако такие случаи, благодаря своей редкости, бывают особенно эффектны.

Обычно целые стихотворения инструментированы на шипящих и плавных; остальные согласные звуки могут проходить лишь через несколько строк. Тем не менее они представляют собой очень сильный прием инструментовки. Приведем несколько примеров. Звук *к* преобладает например в строках:

Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой

(Не раз ты слышала признанье)

в других доминирует *б*:

*Б*егут и *б*удят сонный *б*рег,
*Б*егут и *б*лещут и гласят . . .
(Весенние воды)

Очень редко строка аллитерирована на *м*:

Потом *м*ы все, в *м*олитвенном *м*олчанье

или на *п*:

*П*ламя рдеет, *п*ламя *п*ышет

В своих напевных мелодичных стихах Тютчев обычно избегает трудно-произносимых скоплений согласных звуков, особенно глухих. (Скопление плавных и носовых может, напротив, усилить мелодичность.)[5]

У Тютчева (и в русской поэзии вообще) очень распространено *скопление одинаковых плавных*.[6] Это относится не только к словам звукоподражательным, но и к таким, где звукоподражательный элемент отсутствует. Кроме стихотворных строк, отличающихся скоплением звука *л* или *р*, типа:

Толпами у*л*ица бл*и*стала
(Еще шумел веселый день)

Пл*ы*вут з*л*атые об*л*ака
(Над виноградными холмами)

Месяц с*л*ушал, во*л*ны пе*л*и
(Там, где горы, убегая)

Дымно-*л*егко, мг*л*исто-*л*илейно
(Вчера, в мечтах обвороженных)

На м*р*амо*р*е, весною *р*азог*р*етом
(Могила Наполеона)

С*р*едь бу*р*ь г*р*аждански*х* и т*р*евоги
(Цицерон)

Из к*р*ая в к*р*ай, из г*р*ада в г*р*ад

нередко встречаются целые строфы, и даже стихотворения, построенные на «эровой» или «эловой» инструментовке. Вот например интересный случай, когда «эловая» инструментовка распространяется на все стихотворение:

С*л*езы *л*юдские, о с*л*езы *л*юдские,
*Л*ьетесь вы ранней и поздней порой . . .
*Л*ьетесь безвестные, *л*ьетесь незримые,
Неистощимые, неисчи*сл*имые, —
*Л*ьетесь, как *л*ьются струи дождевые
В осень г*л*ухую, порою ночной . . .

[5] *В. Е. Холшебников*, Основы стиховедения. Ленинград 1962, 135

[6] Термин, употребляемый Л. П. Якубинским; см. *Л. П. Якубинский*, Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках. Поэтика. Сборники по теории поэтического языка, вып. 3. Петроград 1919.

Здесь аллитерация на *л* подражает падению капель дождя. Этот прием употребляет Тютчев и в стихотворении «Весь день она лежала в забытьи», в строках:

Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

На стихи с «эловой» инструментовкой характерен мягкий, лирический тон (*«Утихла биза . . . легче дышит», «Восток белел. Ладья катилась»*); на стихи с «эровой», наоборот — приподнятый, нередко ораторский стиль (с исключением, конечно тех случаев, когда аллитерация на *р* служит средством звукоподражания). Примером могут служить стихотворения «Последний катаклизм», «Цицерон», «1856», «Две силы есть, две роковые силы», «29-е января 1837», «Два голоса» и т. д., в которых на протяжении всего стихотворения преобладает звук *р*.

Плавные часто повторяются вместе с другими звуками, так например в свихотворении «Весенняя гроза» семь раз повторяется звукосочетание *гр (грозу—гром—играя—грохочет—гремят—громам—громокипящий)*. Также семь раз встречается звукосочетание *лу* в стихотворении «Cache-cache» *(углу—полуденный—луч—полу—шалунью—лукаво—лучах)*. В строках:

Бессмертье их чуждо *тр*уда и *тр*евоги;
*Тр*евога и *тр*уд лишь для смертных сердец . . .
(Два голоса)

четыре раза возвращается звукосочатание *тр*; для других характерен звуковой повтор *кр*:

И *кр*аткое время
На сучьях гостим,
Все *кр*асное лето
Мы были в *кр*асе
(Листья)

Интересный пример представляет собой стихотворение «И гроб опущен уж в могилу», которое инструментировано на звуковые повторы *гр* и *гл (гроб—могилу—вокруг—грудь—могилою—возглавили—погребальную—гласит—грехопаденье—голосисто—голубой)*.

Особенно любопытны такие случаи, когда из двух рядом стоящих строк, в одной скопление *р*, а в другой — *л* и наоборот:

Чуть зы*бл*ются дыханьем во*л*ны
На м*р*амо*р*е, весною *р*азог*р*етом. . .
(Могила Наполеона)

С *гл*авы своей зем*л*я скатила,
И м*р*ный вече*р*а пожа*р*
(Летний вечер)

И между го*р* *р*осисто вьется
До*л*ина светлой полосой.
(Утро в горах)

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
(Там, где горы, убегая)

Для того, чтобы подчеркнуть, Тютчев сознательно стремился к «благозвучию» в своей поэзии, любопытно рассмотреть несколько *других вариантов и редакций* его стихотворений. Сравнивая черновые варианты отдельных строк с их окончательными редакциями, мы находим, что звуки вновь вводимого слова более подходят к звукам той же строки (или соседних строк) чем звуки слова устраняемого, и что заменяющая строка в звуковом отношении является более созвучной, чем заменяемая. Так Тютчев в окончательных вариантах часто пользуется аллитерацией.[7] Привожу данные из отдельных стихотворений. Везде сперва приводится черновой вариант, затем — окончательный.

1. В твоей надменной силе
Седую гриву растрепав
2. В своей надменной силе
Густую гриву растрепав
(Конь мосркой)

1. Я просиял бы — и угас!
2. просиял бы — и погас!
(Как над горячею золой)

1. Вдруг развеял сонный хлад
2. Вдруг рассеял сонный хлад
(Вновь твои я вижу очи)

1. Лицом к лицу пред этой бездной темной.
2. Лицом к лицу пред пропастию темной».
(Святая ночь на небосклон взошла)

Интересным примером являются строки:

1. Безгласны, тихи — без движенья
Белеют в этой полумгле
2. В какой-то неге онеменья.
Коснеют в этой полумгле
(Осенней позднею порою)

В этих строках окончательный вариант за исключением последних двух слов *(в этой полумгле)* ни в чем не совпадает с первым, единственное сходство между ними заключается в том, что Тютчев в обоих употребляет аллитерацию и ассонанс причем во втором варианте совершенно другие, чем в первом Такой же случай встречается в стихотворении «Как сладко дремлет сад темнозеленый»:

1. В саду фонтан смеяся говорит
2. Соседний ключ слышнее говорит

но здесь аллитерации обоих вариантов совпадают.

[7] При сравнении вариантов я пользовалась другими редакциями и вариантами, опубликованными в академическом издании тютчевских стихов: *Ф. И. Тютчев*, Лирика, I—II. Москва 1865.

Иногда окончательный вариант отличается от первого внутренней рифмой:

1. И без пены и без вою
2. И без вою и без бою.
(Море и утес)

Вообще, можно установить, что в большинстве случаев заменяющие строки с точки зрения звучности более гармоничны чем заменяемые (интересно отметить, что это явление очень похоже на стремление Лермонтова к осуществлению звукового единообразия).

1. Давно минувшего, былого счастья
2. *Заб*ытого, *за*гадочного счастья
(Итак, опять увиделся я с вами)

1. Над стихиею лазурной
2. Над во*лно*й тем*но*лазурной
(Под дыханьем непогоды)

1. Пуще капли дождевые
2. Чаще капли дождевые
(Неохотно и несмело)

Кроме аллитерации в инструментовке стихов очень важную роль играет и *ассонанс*. Мастерское употребление ассонанса придает тютчевским стихам напевность и звуковую гармонию. Обычно у Тютчева ассонанс сопутствует аллитерации. Так например строфа:

Весен*не*й *не*гой утомлен,
Я впал в *не*вольное забве*нье*,
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужде*нье* . . .
(Еще шумел веселый день)

написано приемом соединения ассонирующего *е* и аллитерирующего *п*.

В зависимости от характера стихотворной интонации могут изменяться особенности и характер ассонанса и аллитерации. Так, в напевных стихах Тютчева они редко выделяют какое-нибудь отдельное слово, зато усиливают общее мелодическое звучание стиха или ряда стихов:

И мной своевольно игр*али* оне.
Вкруг меня, кимв*алы*, звуч*али* скл*ады*,
Оклик*алис*ь ветры и пели в*алы*.
(Сон на море)

С*кол*ько брошенных *кол*ец! . . .
Миновались по*кол*енья, —
Эти *кол*ьца обрученья,
Эти *кол*ьца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!
(Венеция)

Нам не *да*но предуга*да*ть,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие *да*ется,
Как нам *да*ется благо*да*ть.
(Нам не дано предугадать)

Соединение аллитерации и ассонанса в отдельных строках часто располагается симметрично:

И за*жи*во, как небо*жи*тель
(Цицерон)

И с ка*ждым* днем уходит *ды*мом
(Как над горячею золой)

*Жи*вя, умей все пере*жить*
(Не рассуждай, не хлопочи!)

Самым частым и характерным случаем при употреблении ассонанса у Тютчева является звуковая инструментовка отдельных строк, построенная на одной или двух доминирующих гласных. Особенно эффектны строки с инструментовкой на гласные *а* + *i* (или *ы*):

Ад ли, адская ли сила
(Море и утес)

Ты, риза чистая Христа
(Над этой темною толпой)

Из края в край, из града в град
(Из края в край, из града в град)

Молчи, скрывайся и таи.
(Silentium)

Интересно, что такую инструментовку Тютчев применяет вообще для подчеркивания высокого, приподнятого стиля. Ассонирующие гласные как бы помогают передать настроение стихотворений. Так например излюбленная Тютчевым инструментовка на *у* встречается в большинстве случаев в интимно-лирических, субъективных стихах, причем она обычно передает печальное, грустное настроение.

Перед *лю*бови*ю* твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Сто*ю*, молч*у*, благогове*ю*
И поклоня*юся* тебе . . .
(Не раз ты слышала признанье)

Нет — в мину*ту* рокову*ю*,
Тайной прелестью влеком
Душ*у*, душ*у* я живу*ю*
(Ты, волна моя морская)

Чем*у* молилась ты *лю*бовью,
Что, как святын*ю*, берегла,
Судьба *лю*дскому *су*есловью
На поруганье предала.
(Чему молилась ты любовью)

И вот *уж* год, без жалоб, без *у*преку,
*У*тратив все, приветству*ю* судьбу . . .
Быть до конца так страшно одино*ку*,
Как буд*у* одинок в своем гробу.
(Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло)

Однако эта же инструментовка иногда применяется как средство приподнятого стиля и усиливает мрачный, высокий тон стихотворения:

Вражду *твою* пусть тот рассудит,
Кто слышит пролит*ую* кровь . . .
Тебя ж, как перв*ую* *любовь*,
России сердце не забудет.
(29 декабря 1837)

Такая частая инструментовка на *у* в некотором отношении похожа на известный лермонтовский прием в употреблении рифм на *ю*. Очень любопытно признание Лермонтова о любви к рифмам на *ю* в «Сказке для детей»:

Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм, как например на Ю.

(Интересно отметить, что Тютчев тоже любил, и очень часто применял «тройственные созвучия».)[8]

Скопление звука *и* у Тютчева применяется также в основном в двух стилистических аспектах:

1. для выражения приподнятости:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель
Из чаши их бессмертье пил!
(Цицерон)

2. И (например вместе со звуком *е*) — наоборот: для передачи легкости и игривости:

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше-ль за ними
И нам улететь!

Стихотворение «Листья» построено на гласных *е*, *и*, *ы*. В нем из 173 слогов насчитывается лишь 70 случаев со звуками *а*, *у*, *о*. В стихотворении «Из края в край, из града в град», наоборот — преодоление звуков *а* и *о* (из 192 гласных на *а* и *о* приходится 114 случаев!) придает стихам оттенок мрачности; а в некоторых строках, с инструментовкой на сплошные *о* и *а*

[8] *В. М. Жирмунский*, Рифма. Ее история и теория. Петербург 1923.

определенной монотонности (*«За нами много, много слез»; «Любовь осталась за тобой», «Из края в край, из града в град»*).

Как известно, в ритмической речи ударные гласные получают особую силу и значимость. В тютчевских стихах встречается много случаев «качественной организованности» ударных гласных. Например в стихотворении, «Тени сизые смесились» господствуют ударные гласные верхнего ряда *(и,у, ы)* а в другом: «Песок сыпучий по колени» преобладает средний ряд *(е, о)*. В строфе:

Гроза прошла — Еще курясь лежал
Высокий дуб, перунами сраженный
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.

доминирует задний ряд ударных гласных, а в другой:

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой! . . .
(Как сладко дремлет сад темнозеленый)

происходит полное вытеснение ударных гласных верхнего ряда.[7] Такой же прием инструментовки может повторяться и в отношении вертикальных рядов ударных гласных. Так, например в строфе:

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами
(Снежные горы)

доминируют гласные переднего ряда. Подобное построение стихов ведет к сильному звуковому эффекту, однако оно применяется довольно редко. В большинстве тютчевских стихотворений характерно равномерное разделение всех трех рядов ударных гласных, хотя конечно равномерность здесь создается не абсолютным равенством количества звуков определенного вида, а известным приближением к норме, которая для разных рядов различна. Характерной чертой «трехстержневого» построения является чередование звуков всех трех рядов. Такое чередование — явление обычное в инструментовке целых стихотворений, оно придает им определенную звуковую гармонию.

Равномерное разделение ударных гласных не противоречит употреблению ассонанса; ассонанс зависит от отбора и расположения гласных в отдельных строках. Так у Тютчева очень часто располагаются звуки таким

[9] *А. Артюшков*, Стиховедение. Качественная фоника русского стиха. Москва 1917, 12.

образом, что в строках ударные гласные встречаются в парных, или даже тройных сочетаниях:

Так ни с того и ни с сего

Да это просто колдовство

Друг мой милый, видишь ли меня

Нет дня, чтобы душа не ныла

Пора разлуки миновала

Вот бреду я вдоль большой дороги

Утихла биза . . . Легче дышит

Нет — в минуту роковую

судьба людскому суеловью

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна

Толпа вошла, толпа вломилась

Как душу всю свою она вдохнула

Такой прием инструментовки, придающий строкам напевность и мелодичность (при полной звуковой гармонии всего стихотворения), характерен например для поэтического искусства А. Блока.[10]

О. Брик, в известной своей статье[11] устанавливает, что инструментовка поэтической речи не исчерпывается внешними приемами благозвучия. По его мнению, рифма, аллитерация и пр. только видимое проявление, частный случай основных эвфонических законов. Кроме этих «видимых» средств инструментовки поэты пользуются и менее заметными средствами: такое средство представляет собой звуковой повтор. Сущность повтора заключается в том, что некоторые группы согласных повторяются один или несколько раз, в той же или измененной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных.

Поскольку в стихотворениях Тютчева такие повторы встречаются чрезвычайно часто, необходимо их рассмотреть подробнее. (Зная «чувство меры» Тютчева в употреблении звуков, можно заранее предполагать сравнительную редкость сложных, многозвучных многократных повторов в его стихах. Тютчев редко прибегает к особенно ярким звуковым средствам. С другой стороны — «благозвучие» и звуковая гармония его стихов предпола-

[10] *Р. Якобсон,* «Девушка пела» (Наблюдения над языковым строем стансов Александра Блока). Orbis scriptus. München 1966.

[11] *О. Брик,* Звуковые повторы. Сборники по теории поэтического языка, вып. 2. Петроград 1917.

гают большое число и разнообразие более простых, иногда еле заметных звуковых повторов.) С формальной стороны О. Брик разделяет повторы на 1) двухзвучные, трехзвучные и мнозогвучные, т. е. состоящие из 2,3 и более согласных; 2) на простые, и многократные, т. е. повторяющие основные согласные 1,2,3 и более раз- и 3) на повторы, повторяющие основные согласные в различном порядке. Если обозначить основные согласные алгебраическими знаками, то получатся повторы типов: *AB*, *BA*, *ABC*, *CAB* . . . и т. д. Так, если слово *соловей* — основа (основой принять слово, в котором первый раз встречаются основные согласные), то *слова* — ее простой, трехзвучный повтор типа *ABC*, *волос* — простой трехзвучный повтор *CBA* и т. д.

Естественно, наиболее часто употребляемыми повторами являются двухзвучные простые повторы, повторяющие основные согласные, типа *AB* и *BA*. Таких повторов у Тютчева очень много. В 200 разбираемых мною стихотворениях звуковых повторов насчитывается почти семьсот случаев, из которых 72,5% относятся к типам *AB* и *BA*. Примером первого типа *(AB)* могут служить следующие строки:

*Пр*орочески *пр*ощальный глас
(Бессонница).

Лишь из*ред*ка, об*ряд* печальный
(Бессоница)

По све*тл*ым кровлям проле*тел*а.
(Еще шумел веселый день)

А мы *пл*ывем *пл*ылающею бездной».
(Как океан объемлет шар земной)

И на тебя, при*бр*ежная *дуб*рова.
(Через ливонские я проезжал поля)

И море и буря *кач*али наш *чел*н.
(Сон на море)

Внизу, как *зер*кало *ст*альное,
Синеют *озер*а *ст*руи.
(Снежные горы)

Тип *BA* может рассматриваться на примерах:

И новое, *мл*адное *пл*емя
(Бессонница)

То *св*оенравно *вес*ел, то угрюм.
(Ты зрел его в кругу большого света)

*Пес*ок *сы*пучий по колени.
(Песок сыпучий по колени)

Исто*рг*лась из *гр*уди ея
(Сей день, я помню, для меня)

Ногой младенче*ск*ой *кас*аясь
(Я помню время золотое)

Часто встречаются у Тютчева и двухзвучные многократные повторы с согласными в одинаковом или различном порядке. В инструментовке стихов такие

повторы играют особенно существенную роль. Среди них можно упомянуть семь основных вариантов, наиболее часто употребляемых в тютчевских стихах. Это звуковые повторы типа:

1. *AB—AB*

Блестит на праз*д*ной боро*зд*е
Пустеет воз*д*ух, птиц не слышно боле.
(Есть в осени первоначальной)

2. *BA—BA*

Вот невидимкой про*б*ежало
По темно *бр*езжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взб*и*раться стало по краям
(Вчера, в мечтах обвороженных)

3. *AB—BA*

Проб*и*лись вдруг на свет дневной . . .
О, первых *л*истьев красота,
Омытых в с*о*лнечных лучах
(Первый лист)

4. *BA—AB*

Люблю сей божий гнев! Люблю сие, нез*р*имо
Во всем *р*азлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике пр*о*зрачном, как стекло
(Mal'aria)

5. *AB—AB—AB*

Предвестники для нас по*сл*еднего часа
И у*сл*адители последней нашей муки
И ими-то Судеб по*сл*анник роковой
(Mal'aria)

6. *BA—BA—BA*

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете *св*оей,
И *вс*е дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, *вс*е призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.
(Не богу ты служил и не России)

7. *AB—AB—AB—AB*

С*к*олько брошенных *к*олец!
Миновались по*к*оленья, —
Эти *к*ольца обруч*е*нья,
Эти *к*ольца стали звенья
Тяжкой цепи на*к*онец! . . .
(Венеция)

Более сложным средством являются трехзвучные повторы, которые требуют большого созвучия согласных, и естественно, употребляются намного реже

двухзвучных. Вот наиболее частые варианты простых трехзвучных звуковых повторов, употребляемых Тютчевым:

1. *ABC*

Своей Савойи дорогой!
(Как он любил родные ели)

2. *BCA*

Я вспомнил, г*рустно*-молчалив,
Как в тех *стра*нах, где солнце греет
(Глядел я, стоя над Невой)

3. *CAB*

Чьи-то *грозные* зеницы
*Загора*лися порою . . .
(Не остывшая от зною)

4. *BAC*

Бредет по жаркой *мост*овой;
Кто *смот*рит вскользь через ограду
(Пошли, господь, свою отраду)

5. *ACB*

Но чу*ток* сон — и по ночам, *тоскуя*
(Наполеон)

6. *CBA*

И сквозь *величия* земного
Вся прелесть женщины мелькнет,
И *челове*ческим сознаньем
(Живым сочувствием привета)

Довольно редко, но все-таки встречаются в тютчевских стихах и сложные многозвучные, многократные повторы, например, типы:

ABC—ABC—ABC

Душа его возвысилась до *стро*ю:
Он *стро*йно жил, он *стро*йно пел . . .
И этот-то души высокий *стро*й
(Памяти В. А. Жуковского)

BAC—AC

Для битв он *по*слан и *распра*вы,
С собой *при*нес он два меча.
(1856)

BCAD

Помедли, помедли *вечер*ний день,
Продлись, продлись *очарова*нье.
(Последняя любовь)

ABCD

Орлиный, *дерзостный* полет
И в самом буйстве *дерзно*вений[12]
(Наполеон)

ABC—AB—AB

Что в суще*стве* разумном мы зовем
Бо*жествен*ной *сты*дливостью *стра*данья
(Осенний вечер)

BCAD—ACB—CDBA

Твоя-*ль стру*я передо мной?
Ты, *столько лет, с такою* славой
(Неман)

О. Брик разделяет несколько типов созвучных слов по их расстановке.[13]

А) Простейший способ расстановки — это расположить созвучные слова рядом. В тютчевских стихах 80% случаев созвучий построены на этом приеме:

Как *пля*шут *пы*линки в *пол*дневых лучах
(Cache-cache)
По жилам *про*бежал *при*роды
(Летний вечер)

Б) Расположение созвучных слов может определяться и внешней формой стихов. Такой прием формального звукосочетания предполагающий наличность определенной внешней формы поэтического произведения (строфы, куплета) образует следующие фигуры:

1. *Кольцо* — т. е. форму созвучия с основой в начале строки, повтором в конце той же или следующей строки:

*Глу*хие времени стенанья,
Пророчески-прощальный *глас*
(Бессоница)

*Вели*ких Средиземных *волн*
(Давно-ль, давно-ль, о Юг блаженный)

*Бра*ла их в руки и *бро*сала
(Она сидела на полу)

*Сто*ял я молча в *сто*роне
(Она сидела на полу)

*Гля*жу тревожными *глаза*ми»
(Лето 1854)

Сверкает в брызгах *с* высоты
(Фонтан)

[12] В группе согласных *стн* звук *т* не произносится.
[13] *О. Брик*, указ. соч. 79.

2. Стык — т. е. такое созвучие, в котором основа в конце строки, повтор в начале следующей строки:

Как бы резвяся и и*грая*
*Гр*охочет в небе голубом
(Весенняя гроза)

И все в один сливалось *ст*рой,
*Ст*озвучный, шумный и невнятный
(Еще шумел веселый день)

Как тихо веет над *дол*иной
*Дал*екий колокольный звон
(Вечер)

В панцырь дедовский зако*ван*,
Воин-сторож на стене
(Там, где горы, убегая)

Стык был излюбленным типом созвучия у Тютчева, употребляемым им мастерски и чрезвычайно часто. Иногда даже два стыка стоят друг за другом:

Огромной тучи *сн*еговой
*Син*еет даль — с ее угрюмым лесом
Окутанным осенней м*гл*ой . . .
Все *гол*о так — и пусто-необъятно.
(На возвратном пути)

3. Скреп — созвучие с основой в начале строки, повтором в начале следующей:

*Гр*охочет в небе голубом
*Гр*емят раскаты молодые
(Весенняя гроза)

И *кр*ичит он, и ликует,
И *кр*ужится все над ней
(Вот от моря и до моря)

*Св*ирель поет издалека,
*Св*етло и тихо облака
Плывут надо мною
(Весеннее успокоение)

*Пер*ед кумирами земными
*Про*ходит он, главу склонив
(Живым сочувствием привета)

4. И наконец: *концовка:* в которой основа в конце строки а повтор в конце следующей. Здесь мы имеем ввиду созвучия, *не* совпадающие с рифмой:

Мной, как и прежде, *доро*жит
. . . . . .
Хоть вижу, нож в руке его *др*ожит
(Не говори: меня он, как и прежде, любит)

Эта нить порой *гл*асит
И ,за ней следя *гл*азами
(Вот от моря и до моря)

Сии сердца, в которых *пр*авды нет,
Они, о друг, бегут, как *пр*иговора
(К. Н.)

Концовка может присоединяться к другим типам созвучия. В следующих двух строках например она встречается вместе со скрепом:

*Сло*вно жадными у*ст*ами
*Ло*вишь беглую *ст*рую
(Что ты клонишь над водами)

Чрезвычайно важную роль играет в инструментовке тютчевских стихов и так называемая «Формальная звуковая тавтология», т. е. повторение одного и того же корня или слова, придающих строкам напевность и музыкальность. Можем различать несколько типов формальной тавтологии.

1. Простейшим его типом является: расположение повторяющихся слов рядом:

Как *верим верою* живою
(Проблеск)

Из *края* в *край*, из *града* в *град*
. . . . . .
Блаженство *стольких, стольких* дней
(Из края в край, из града в град)

2. *Кольцо:*

Брата старшего венец
И с главы большого *брата*
(Альпы)

И *роковое* их слиянье
И поединок *роковой*
(Предопределение)

Могу дышать, но жить уж не *могу*.
(Не говори: меня он, как и прежде, любит)

3. *Стык:*

Как океан объемлет шар *земной*,
Земная жизнь кругом объята снами
(Как океан объемлет шар земной)

Душа моя — Элизиум *теней*,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных
(Душа моя — Элизиум теней)

О смертной мысли *водомет*,
О *водомет* неистощимый!
(Фонтан)

Давно им грезилось *весной*,
Весной и летом золотым.
(Первый лист)

4. *Скреп:*

Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят . . .
(Весенние воды)

Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой
(Неохотно и несмело)

Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь . . .
(Еще земли печален вид)

Приемом звукообразной тавтологии пользовались и другие поэты. Сам этот прием был унаследован от народной поэзии, в которой например тавтологический стык чрезвычайно распространен. У каждого поэта есть свой способ в применении тавтологии. По моему наблюдению излюбленным типом Державина был скреп, у Тютчева и Лермонтова все типы употребляются почти поровну.

Звукообразная тавтология тесно связана с синтаксическим, морфологическим и смысловым параллелизмом, характерной чертой напевного лирического стиля:

О *сколько* жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой! . . .
(Она сидела на полу)

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
(Русской женщине)

Чрезвычайно интересный пример представляет собой стихотворение «Сижу задумчив и один», в котором поэт как будто играет словами. Слова повторяются и возвращаются в нем, словно мысли поэте, сидящего «задумчив и один» перед «потухающим камином». Грустные воспоминания, тоска «о былом», о том, что «все пройдет» — выражены здесь удивительно легкой, игривой и гибкой формой. Эта мастерская вариация слов придает стихам быстрый и четкий ритм, подражая вечному ритму возрождения природы. Мысли и строки следуют друг за другом, как «за годом год», «за веком век».

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу . . .
С тоскою мыслю о *былом*
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда? . . .
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все *прошло*,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век . . .
Что-ж негодует человек,
Сей *злак* земной! . . .
Он *быстро, быстро* вянет — так,
Но с *новым* летом *новый злак*
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы *будут* цвесть,
И терны тож . . .

В заключении, нам следует рассмотреть еще один характерный прием инструментовки. Последовательно проведенная система аллитераций и звуковых повторов может служить *звукоподражанием.* Употребление в стихотворениях приемов звукоподражания требует от поэта большого артистического такта. Тютчев был настоящим мастером звукоподражания, хотя он пользовался им очень умеренно, даже редко. Кроме общеизветного стихотворения «Весенняя гроза», в котором звукоподражание может служить образцом фонетической стилистики, встречаются еще примеров десять, типа:

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
(Сон на море)
Зима еще хохочет
. . .
И пуще лишь шумит
(Зима недаром злится)

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат
(Пламя рдеет, пламя пышет)

Интересный пример представляет собой звукоподражение в стихотворении «Вот от моря и до моря», имитирующее крик ворона:

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и *кар*кнул, и *кр*ылами
Замахал он веселей.

И *кр*ичит он, и ликует
И *кр*ужится все над ней:
Уж не *кр*овь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

В связи со звукоподражанием интересно рассмотреть известную статью Л. В. Пумпянского: «Поэзия Ф. И. Тютчева». Под звуковыми особенностями тытчевской поэзии Пумпянский подразумевает только одно явление, которое он называет «акустицизмом.[14] По его мнению впервые акустицизм появился в поэзии немецкого барокко, а в русской поэзии величайшим его мастером был Державин. Л. В. Пумпянский считает, что в стихотровении Тютчева «Сон на море» строка «кругом как кимвалы звучали скалы» свидетельствует о воспроизведении методов акустицизма Державина. В связи с стихотворением Тютчева «Весенняя гроза» он пишет: «Мастерское акустическое произведение представляет «Весенняя гроза»; ничего лучше ее не создавал сам Державин. Вообще нет, быть не может, ни одного явления в русской поэзии, более неотъемлемо державинского, как игра громом, его раскатами, отзывами и долгим гулом. Из той же державинской акустики воспринял Тютчев

[14] По определению Л. В. Пумпянского «акустицизм» является трактовкой звуковых тем (гром, грохот, треск, обвал, топот, скакание, но также и шорох, шелест, шопот и пр.).

частую у него арфу, звон струн и, особенно важно, орган. («Ты был богов орган живой». Пойми, коль может, орган жизнь глухонемой). Тютчев был, вероятно, последним поэтом, знавшим это слово и получившим его из музыкальной лексикологии Державина.»[15]

В понимании Л. В. Пумпянского звуковая характеристика тютчевских стихов исчерпывается одним акустицизмом, по существу ничем не отличающимся от приема звукоподражания, при чем этот акустицизм, как метод был взят Тютчевым у Державина. Такая трактовка не только суживает вопрос о звуковой характеристике поэзии Тютчева, но она может привести к неверным выводам. Здесь необходимо принять во внимание и другие средства звуковой инструментовки, из которых «акустицизм» является только одним, при чем не самым важным средством.

Стремление Державина к звукоподражанию общеизвестно; а также неоспоримо его большое внимание к «сладкогласию стихов». Можно согласиться с мнением, что «о Державине смело можно сказать, что он со всех точек зрения оказался наиболее «музыкальным» из русских поэтов XVIII века,[16] но тем, что Тютчев был просто продолжателем звуковых традиций державинской поэзии, согласиться нельзя. Несомненно у Державина есть очень музыкальные стихи, но с одной стороны, необходимо отметить, что среди них есть такие, «благозвучие» которых имеет характер l'art pour l'art (Мы имеем в виду, например, целых десять стихотворений, в которых, как он сам указывает в предисловии к сборнику своих «Анакреонистических песен», буквы *Р* совсем не употреблялось) а с другой, что державинская поэзия *в целом* не отличается музыкальностью.

Наряду с «легкими», плавными и «сладкозвучными» стихами, другие стихи у Державина часто характеризуются прямо противоположными и «столь раздражавшими Пушкина чертами — крайней жесткостью, шероховатостью, сгустками согласных, затрудненностью в расстановке слов.[17]

Необходимо упомянуть, что пока Державин иногда тяготеет к диссонансу, Тютчев, в своих выработанных маленьких стихотворениях стремится к звуковой гармонии. Далее, нельзя не указать на существенные различия в употреблении рифмы Тютчевым и Державиным, исследование которых не входит в тамки настоящей статьи. Что касается употребления Тютчевым таких «державинских» слов, как *орган*, *арфа* и др. мы его считаем сходством чисто лексическим, а не звуковым.

Вообще, между державинской и тютчевской поэзией с точки зрения звучности, кроме звукоподражания, и определенной ораторской лексики (я

[15] *Л. В. Пумянский,* Поэзия Ф. И. Тютчева. Урания. Тютчевский алманах, 46—47.
[16] *Т. Ливанова,* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, I. Москва 1952, 184.
[17] *Д. Д. Благой,* Гаврила Романович Державин. Вступительная статья в кн. Г. Р. Державин, Стихотрорения. Ленинград 1957, 71—72.

имею в виду церковнославянизмы, употребление которых придает стихам определенное «высокое» звучание), применяемой у Тютчева далеко не во всех его стихотворениях, других общих черт мы не находим.

Большое внимание Тютчева к звуковой инструментовке, мастерское пользование аллитерацией, ассонансом, звуковыми повторами и звукоподражанием, стремление к звуковой гармонии — все это вместе придает большинству его стихотворений характер звучности и напевности. Один лишь акустицизм сам по себе не может нам дать верное представление о звуковых особенностях тютчевской поэзии.

«Что делать?» Чернышевского как психологический роман

Л. КАРАНЧИ

Роман Чернышевского «Что делать?» — произведение «неправильное». Своей «неправильностью» произведение великого революционного демократа обязано множеству факторов: своеобразной тематике, объединяющей общественно-критические и утопические элементы, отрывочности, кажущейся произвольности композиции, необычности композиционного места героя-революционера, исключительно активной роли рассказчика в оценке возникающих проблем, его постоянной «игре» с читателем, множеству смелых ассоциаций, а также и загадочности «эзоповского» языка.

Чернышевский стал беллетристом «поневоле». В своем первом романе писатель неоднократно подчеркивает, что он не имеет ни капли художественного таланта и что сущность романа не в его художественных достоинствах. На деле «Что делать?», конечно, представляет собой замечательное произведение и в художественном отношении, произведение, которое — несмотря на известные неясности и неровности внешней структуры — и в своих деталях доставляет читателю высокое эстетическое наслаждение, а исследователя нередко поражает неожиданностью и меткостью художественной формы.

Психологический анализ для автора «Что делать?» не представляет самостоятельной художественной задачи. Далеко еще время, когда углубление в тонкости человеческой психики обособится в художественной литературе в самоцель. Роман Чернышевского писался в то время — больше того: в особенно динамическую, большими переменами чреватую фазу того времени — когда непосредственное служение общественно-политическим целям признавалось главнейшей задачей художественной литературы. Служению подобным целям Чернышевский был обязан своим мировоззрением, своим политическим кредо. Изображение «внутренней» действительности для писателя-революционера, для художника-пропагандиста обозначало, конечно, художественную задачу второстепенной важности.

И все же: психологическому изображению в «Что делать?» отводится важное место. Наряду с «материальными» (экономическими, организационными и пр.) проблемами будущего социалистического общества Чернышевского в этом романе интересуют прежде всего т. н. «новые люди», моральные качества людей будущего, их взаимные отношения, методы и возможности фор-

Studia Slavica Hung. XVI. 1970.

мирования нового человека. В жизни — а также и в произведениях искусства — моральные принципы реализуются в человеческих отношениях, они же, в свою очередь, вызывают в отдельных людях — т.е. в героях художественных произведений — те или иные психологические реакции. В произведениях, ставящих морально-этические проблемы, исследование внутренней жизни человека приобретает, как правило, подчеркнутое значение. Растет в таких произведениях и интерес к психологической детализации. Не исключение в этом отношении и «Что делать?» В романе анализ внутренней жизни героев не является самоцелью, но в выражении общей идеи он играет значительную роль и даже — и это не менее важно — приводит к своеобразным эффектам, требует своеобразных художественных средств.

Т. н. внутренний монолог, на сущность и значение которого в произведениях Л. Н. Толстого указал сам Чернышевский, в «Что делать?» (да и в «Прологе») занимает важное место. Автору важно, чтобы на содержание и ход мыслей героев, на внутренние отношения последних к возникающим ситуациям и проблемам обращалось как можно больше внимания, чтобы душевные процессы прослеживались с максимальной точностью.[1] Несколько примеров: XVI глава второй части целиком посвящается мыслям, занимающим Веру Павловну в один из критических моментов ее жизни, когда, ей кажется, нет для нее выхода из «подвала», из удушливой атмосферы мещанской семьи. Вера Павловна уже думает о самоубийстве, она представляет себе приятное ощущение падения, затем ужас столкновения с тротуаром, сбежавшуюся толпу — и, ужаснувшись, думает о другом, менее страшном виде смерти, картина которого сразу же подробно и ярко предстает ей в воображении. Рассказчик обо всем этом сообщает читателю с максимальной точностью, доходящей до физиологических деталей.[2] Перевернув несколько страниц, мы получаем возможность подробно познакомиться с мыслями Лопухова о том, что неужели он и в самом деле принесет жертву, женившись на Вере Павловне.[3] Не менее обстоятельна психологическая характеристика и третьего героя романа — Кирсанова: ему принадлежит, например, длинный внутренний монолог в XVII и XX главах третьей части, где он с мучением взвешивает возможности «бегства» от любви.[4]

Отличным примером психологической реализации морально-этических проблем может служить письмо «отставного медицинского студента» (I глава четвертой части), в котором Лопухов дает как бы дополнительный комментарий к происшедшим событиям и собственному поведению, а также психологическое объяснение к сложившимся между ним и женой отношениям.[5]

[1] *Г. Н. Поспелов*, История русской литературы XIX века. II/1. Москва 1962, 420.
[2] *Н. Г. Чернышевский*, Что делать? Ленинград 1969, 139—140.
[3] Там же, 150—151.
[4] Там же, 247—248, 261.
[5] Там же, 337—349.

В следующей главе, в письме Веры Павловны, ситуация освещается и с точки зрения героини,[6] а в V главе писатель еще раз заставляет ее мысленно пережить последние, особенно драматические дни жизни с Лопуховым, имевшие большое значение в обострении морально-психологического конфликта.[7] Это повторение может быть объяснено по-разному; повидимому, однако, Чернышевский нашел необходимым подчеркнуть, как сильно героиню занимают происшедшие события, как трудно освободиться ей от их действия. Эта часть романа производит впечатление чуть ли не крайней психологической изощренности и обостренности.

Такой психологической детализации, выходящей, собственно, за пределы основного идейного замысла романа и потому производящей впечатление самоцельности, в приведенных примерах Чернышевский достигает вполне «традиционными» средствами. Ко времени создания «Что делать?» успехи русской литературы в области психологического изображения приобрели уже мировое значение. Чернышевский располагал опытом психологического мастерства «Героя нашего времени» Лермонтова, «Бедных людей» и некоторых других произведений Достоевского, «Дневника лишнего человека» Тургенева, биографических и военных повестей Л. Толстого, «Обломова» Гончарова, не говоря уже об аналогичных достижениях западно-европейских литератур. Такими же конвенциональными средствами, имеющимися почти у каждого русского прозаика-современника, строится и великолепная характеристика Марьи Алексевны, в которой тоже можно заметить некоторую долю чрезмерной психологической обстоятельности (вспомним, например, как кропотливо рассказчик передает историю «подозрения» и «одурачения» Марьи Алексевны, имеющую, правда, определенную функцию и в критико-реалистической струе романа).

Встречаются, однако, в романе Чернышевского и такие моменты с психологической функцией, которые в разной степени и разных формах выходят за пределы обыкновенной для того времени методики психологического анализа. Среди них особенно бросаются в глаза *сновидения*, имеющие психологическую функцию.

Прием сновидений (а также *видений*, с чисто психологической точки зрения расходящихся со сновидениями, но в структуре художественного произведения могущих входить в одну и ту же категорию) с давних пор в разных целях применяется в литературе. Романтизм обеспечивает особенно широкий простор для снов и видений самых разных форм и самого разнообразного назначения, но используются они и писателями, претендующими на реалистичность. Среди представителей предшествующих Чернышевскому поколений русских писателей изображение снов можно найти у Радищева,

[6] Там же, 350—356.
[7] Там же, 359—366.

Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а среди современников — у Достоевского, Островского, Гончарова, Л. Толстого. Сны могут иметь чисто идейную функцию (напр., у Радищева в главе знаменитого «Путешествия» «Спасская полесть», отчасти также у Гончарова в «Сне Обломова»). Чаще всего, однако, изображение снов служит углублению психологического рисунка, подчеркиванию или оттенению каких-либо ситуаций средствами психологическими. У Толстого и в особенности у Достоевского сны приобретают особенное значение, а в литературе конца XIX, начала XX в., как и в литературе нашего времени, сон и действительность могут появляться как неотделимые, подчас неразличимые друг от друга, художественно равноправные факторы.[8]

В «Что делать?» не каждый из четырех знаменитых снов Веры Павловны имеет психологическую функцию. Четвертый сон, в котором рисуется картина общества будущего, имеет чисто идейное значение.

Из остальных трех снов психологической роли первого и второго исследователи, как правило, не уделяют внимания, хотя эта роль очевидна и немалозначна. Правда, первый сон — это прежде всего символ освобождения угнетенных — предпосылки осуществления социалистического общества, таким образом, он тематически подготавливает четвертый сон героини. Не случайно, однако, этот сон снится Вере Павловне в один из кризисных моментов ее жизни, когда ей предстоит порвать с семьей и окружающей средой. В этом сне, помимо мучительно-напряженного душевного состояния героини, отражается и ее ожидание лучшего, а также и то, что у «новых людей» борьба за собственное счастье переплетается со стремлением освободить и других.

Несколько мудреная символика второго сна — «своеобразное размышление о первых шагах Веры Павловны в среде новых людей» — указывает на то, что «путь к подлинному освобождению и возрождению ведет через труд, через активную деятельность» и что «добро вырастает в борьбе со злом».[9] Нетрудно, однако, и тут проследить психологические моменты, характерные для героини. Появление Марьи Алексевны во сне служит не только воплощению отрицательного полюса содержимой в аллегории идеи, но способствует и психологической мотивации и осмыслению положения Веры Павловны после прихода ее к общине новых людей. Марья Алексевна воплощает в сознании героини прошлое, от тягостных следов которого ей не так легко освободиться. Больше того: во сне проскальзывает даже мотив невольной привязанности Лопуховой к прошлому; иронически-жалобные укоры матери намекают на что-то вроде угрызения совести:

[8] *Egri P.*, Álom, látomás, valóság. Az újabb európai regényirodalom álom és látomásábrázolásának művészi szerepéről. [Сон, видение, действительность. О художественной роли снов и видений в европейском романе новейшего времени.] Budapest 1969, 420.

[9] *Н. Г. Чернышевский.* Что делать? 19. (Вводная статья Б. Рюрикова.)

— Вера Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, — говорит Марья Алексевна, и голос ее дрожит от злобы, — вы такая добрая . . . как же мне, грубой и злой пьянице, разговаривать с вами? У нас, Вера Павловна, злая и дурная мать; а позвольте вас спросить, о чем эта мать заботилась? о куске хлеба; это по-вашему, по-ученому, реальная, истинная, человеческая забота, не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видели дурные дела и низости; а позвольте вас просить, какую цель они имели? пустую, вздорную? Нет, сударыня. Нет, сударыня, какова ни была жизнь нашего семейства, но это была не пустая, фантастическая жизнь. Видите, Вера Павловна, я выучилась говорить по-вашему, по-ученому. Но вам, Вера Павловна, прискорбно и стыдно, что ваша мать дурная и злая женщина? Вам угодно, Вера Павловна, чтоб я была доброю и честною женщиною? Я ведьма, Вера Павловна, я умею колдовать, я могу исполнить ваше желание. Извольте смотреть, Вера Павловна, ваше желание исполняется: я, злая, исчезаю; смотрите на добрую мать и ее дочь.[10]

Если учесть, как обстоятельно автор описывал другие важные моменты в жизни своих героев, не покажется удивительным, что и в этой, не менее существенной ситуации он обращает не меньше внимания на углубление психологической мотивировки положения и поведения Веры Павловны. Форма сна исключительно удобна для передачи тех мыслей, эмоций и той внутренней борьбы, которые в душе героини хотя и не играют решающей роли, но все же присутствуют и даже не перестают волновать ее.

На то, что в сновидениях Чернышевский стремится передать именно не дошедшие до сознания душевные движения, рассказчик сам указывает в вводной речи к третьему сну:

. . . и в себе ничего не замечает Вера Павловна, только снится Вере Павловне сон.[11]

Этот сон имеет преимущественно психологическое значение, несмотря на то, что в дальнейшем ходе действия он приобретет и важную сюжетную функцию: из рассказа жены об этом сне узнает Лопухов, что она любит другого. Не случайно на этот сон в романе часто ссылаются и позже;[12] особенно в отмеченной уже переписке Веры Павловны с «отставным медицинским студентом», весьма, впрочем, важной для анализа положения после «самоубийства» Лопухова и в показе душевного состояния героев.

Как об этом свидетельствует и приведенная выше «вводная речь» рассказчика, Вера Павловна еще не совсем осознала ни того, что своего мужа она никогда, собственно, не любила подлинной любовью в самом высоком человеческом смысле, ни того, что к Кирсанову она начинает питать именно такие чувства. Однако во сне таинственная гостья заставляет ее прочесть собственный — несуществующий в действительности — дневник, а содержание этого дневника производит на Веру Павловну ошеломляющее впечатление. Напрасно Вера Павловна отказывается дочесть ужасное писание — подчас ей кажется, что на следующей странице уже ничего не написано — под рукой

[10] Там же, 188—189.
[11] Там же, 251.
[12] Там же, 276, 337, 342, 343, 351, 367.

неумолимой гостьи то и дело выступают новые слова, и Вера Павловна, несмотря на возрастающий в ней ужас, не в силах противостоять необъяснимому принуждению. Последнюю записку читает за нее уже сама гостья; Вера Павловна, тщетно пытавшаяся выгнать ее, даже проклинает ее за это, но уже поздно: сон заставил ее осознать, что она любила не мужа, а свое спасение из «подвала», и что вместо страсти, питаемой мужем, она желает «тихой, долгой ласки», желает «тихо дремать в нежном чувстве».

Неосознанные душевные противоречия героини передаются во сне исключительно меткими и тонкими средствами. В тексте дневника часто — может быть, слишком часто — повторяется применительно к мужу выражение «мой миленький», указывающее в данном случае на дисгармоничность, даже на некоторую натянутость и фальшивость чувства; но повторяется и тихая женская жалоба на чрезмерную занятость мужа, на то, что ему некогда ухаживать за ней и ласкать ее. Этот тихий упрек перерастает затем на перевертываемых страницах дневника в потрясающее осознание, что ее привязанность к мужу — не любовь и никогда не была ею. Эмоциональные излияния о доброте, благородстве Лопухова контрастно чередуются с мотивами душевной неудовлетворенности.

Назначение этого сна не ограничивается символизацией душевного состояния героини и информированием читателя о нем. Сон этот является одновременно и исходным пунктом душевной перемены в героине; после него она уже не в силах утаить своей любви к Кирсанову ни перед собой, ни перед мужем. Этот сон — психологическое последствие, имеющее, в свою очередь, дальнейшие психологические последствия для героини. В следующей главе Вера Павловна уже и наяву начинает замечать такие недостатки мужа, — вернее: его отличие от себя, о котором впоследствии скажет и Лопухов в письме «отставного медицинского студента», — на которые раньше не обращала внимания (Лопухов, может быть, совсем уж «пуританин» душой: цветы и другие вещицы, например, составляющие постоянное украшение комнаты жены, ему совсем никакого удовольствия не доставляют).

На третий сон Веры Павловны, таким образом, Чернышевский налагает психологическую нагрузку, в общем не свойственную современной ему литературе. Тут Чернышевский сближается с Достоевским и Л. Толстым, несколько позже (Достоевский — через несколько лет в «Преступлении и наказании», Л. Толстой — лет через пятнадцать в «Анне Карениной») в подобных же целях применявшими сны и видения героев. Причины у трех художников, в известном смысле, одинаковы, или, по крайней мере, аналогичны: сны у каждого из них выражают душевные проблемы, которые сильно волнуют героев, не вполне ясно осознающих эти проблемы.

Психологический метод Чернышевского в «Что делать?» отличается от традиционного, сложившегося стиля современной литературы не только в изображении снов. Чернышевский делает шаг вперед и в отражении *психо-*

логии намеков и догадок, а также и в изображении *игры мыслей*, приобретающих в современном психологическом романе значительную роль.

Примером отражения психологии намеков и догадок может служить знаменитый «теоретический разговор» между Лопуховым и Кирсановым.[13] Мастерски строит Чернышевский этот напряженно-драматический диалог. Речь идет о вопросах, от точной формулировки которых по понятным причинам отказываются оба разговаривающих. Благодаря этим причинам разговор до конца остается в «теоретической» плоскости — о Вере Павловне в нем совсем не упоминается, несмотря на то, что на деле тут затрагиваются вопросы слишком даже конкретные и имеющие для всех заинтересованных в них лиц более чем решающее значение. За «отвлеченными» вопросами читатель чувствует беспрерывную вибрацию невыразимой психологической напряженности. Эта напряженность не могла бы быть ни драматичнее, ни психологичнее и в том случае, если бы разговаривающие лица давали точное название затрагиваемым вопросам. Создать психологическую атмосферу без психологической конкретизации и детализации — это тоже метод Достоевского, которому Чернышевский и тут, несомненно, идет навстречу.

Стоит обратить внимание и на начальные абзацы XX главы второй части. Вера Павловна с нетерпением ждет своего «освобождения» из «подвала» и лихорадочно считает дни до условленного срока, заботливо следя за тем, чтобы исходить из наиближайшего реального срока и чтобы сегодняшнего дня не считать — и тем время ожидания кажется короче. Все это — психологическая мелочь; подобное измельчание внутреннего монолога — отличающее приведенный пример от раньше указанных внутренних монологов романа — может казаться даже несколько наивным и комичным — это дети так считают дни до праздника или каникул. Но есть психические ситуации, в которых реакции и образ мышления взрослых мало чем отличается от реакции и мышления детей — существуют такие системы художественных стремлений, в которых этот принцип прямо-таки возводится в абсолют. Такую психическую ситуацию замечает и фиксирует Чернышевский в указанном месте своего романа, почти с фотографической, натуралистической точностью прослеживая игру мыслей героини цифрами и датами. Следующий шаг по этому пути — «Улисс» Дж. Джойса, где уже «любая мелочь вторгается без помехи в поток сознания и дает ему новый поворот».[15]

Все это, конечно, не значит, что Чернышевский имеет что-то общее с часто оспариваемыми психологическими стремлениями т. н. модернистско-декадентских течений, что в нем мы усмотрели одного из предшественников этих течений. Генеалогия и эволюция этих стремлений исключительно слож-

[13] Там же, 267—275.
[14] Там же, 152—153.
[15] *С. Г. Бочаров*, Пруст и поток сознания: Критический реализм XX века и модернизм. Москва 1957, 234.

ны, проследить их чрезвычайно трудно, тем более что помимо чисто литературных факторов (традиция, автоматизация, «конвенционализация» и т. п.) несомненно большую — хотя порой и трудно уловимую — роль играют в них, конечно, и общественные факторы, а также и особенности писательской личности. На наш взгляд нельзя согласиться даже с теми исследователями, которые в Л. Толстом видят одного из зачинателей литературы потока сознания.[16] От этих стремлений Чернышевский стоит, конечно, еще дальше. Однако отмеченные «курьезы» стиля «Что делать?» — тем более, что они выступают у писателя, очевидно, не поставившего перед собой целью «реформу» литературно-психологического метода — указывают на то, что замеченные тенденции отличаются некоторой устойчивостью в биографии литературы, что их зародыши можно обнаружить и в художественных системах, не допускающих возведения их в принцип. При назревании соответствующей общественной и художественной необходимости подобные, разрозненные во времени и разнородные по назначению, элементы могут объединяться в качественно новой художественной системе. Именно поэтому исследователи должны учитывать и их более ранние, обособленные проявления.

[16] *M. Aucouturier*, Langage interieur et analyse psychologique chez Tolstoj: Revue des Etudes Slaves 34 (1957) 7—14; — *С. Бочаров*, Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчестве Горького: Социалистический реализм и классическое наследие. Москва 1960, 104.

Pridevski nastavak *-oga, -og* u savremenom srpskohrvatskom jeziku

Pojava kraćih oblika genitiva (akuzativa) kod pridevskih reči (prideva, zamenica, pojedinih vrsta brojeva) u muškom i srednjem rodu jednine i u vezi s time — kako ćemo to pokazati — proces potiskivanja izvornih dužih oblika u srpskohrvatskom (hrvatskosrpskom) jeziku predstavlja zanimljivu temu i za uporednu gramatiku slovenskih jezika. Tomo Maretić je u pristupu svojoj znamenitoj gramatici[1] pri nabrajanju osnovnih inovacionih crta po kojima se srpskohrvatski odlikuje od drugih slovenskih jezika bio spomenuo da se »fakultativno odskorašnje otpadanje skrajnjega *a* u genitivu singulara zamjenica i pridjeva« može svrstati u red karakterističnih obeležja toga jezika. Pritom je Maretić uzgred napomenuo da su slične pojave, krnjenje genitivnog nastavka, primećene i u maloruskim dijalektima. Hrvatski je gramatičar, na bazi Vukovog i narodnog jezika, podrobno proučio odnos ovih i drugih dvojakih oblika za isti padež te dao i nekoliko normativnih konstatacija, naročito u vezi s upotrebom punog i krnjeg oblika u situaciji njihove naporednosti u rečenici.

U svojoj istorijskoj gramatici srpskohrvatskoga jezika Aleksandar Belić[2] ukazao je da oblik *-oga* u procesu jezičkog razvitka dobiva arhaičko značenje, te postaje sve redi u savremenom književnom jeziku, dok se kraći oblik *-og*, koji se počeo javljati u 17. veku, sve više širi. Zaista, u osnovanost ove konstatacije profesora Belića uveravamo se već pomoću obične opservacije pomenutih oblika u savremenim tekstovima. Međutim, u vodećim deskriptivnim gramatikama nije uvek dovoljno odraženo stanje modernog jezika Srba, Hrvata, Crnogoraca i Muslimana, a sem toga primećuju se i izvesne razlike u tom pitanju između osnovnih njegovih varijanata, u konfrontaciji: hrvatska varijanta — ostalo područje sh. jezika (Srbija, BH, Crna Gora).

Na ispitivanje ove problematike podstakla me je pre svega činjenica da se ovi oblici u opisnim gramatikama sh. jezika ne tretiraju na homogen način koji bi bio u skladu s brojnim srazmerom njihove upotrebe u standardnom i književnom jeziku savremene epohe. Tako Mihailo Stevanović u svojoj velikoj gramatici[3] u paradigmama određene deklinacije donosi npr. obrazac *zelenog(a)*, označujući fakultativnost krajnjega *a*, međutim u njegovoj školskoj gramatici[4]

[1] T. Maretić, Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb 1963[3], 13.

[2] A. Belić, Istorija srpskohrvatskog jezika, II/1: Reči sa deklinacijom. Beograd 1962[2], 141, 148.

[3] M. Stevanović, Savremeni srpskohrvatski jezik, I. Uvod. Fonetika. Morfologija. Beograd 1964, 262, 264, 270, 314; isp. i 145, 146.

[4] M. Stevanović, Gramatika srpskohrvatskog jezika za više razrede gimnazije. Cetinje 1962[4], 163, 165.

nema te oznake za dvojakost *(zelenoga)*. Takva demonstracija obrazaca deklinacije ide u raskorak s ukazivanjem da su *podjednako obični* oblici *-oga* i *-og*. (Videćemo da ni ova tvrdnja nije sasvim tačna.) Poimeničene prideve, odnosno imenice pridevskog porekla tipa *Zrinjski* Stevanović navodi samo u dugom obliku: *Zrinjskoga, Dragoga, Dobrovskoga, Vronskoga, Slovackoga* . . . Dalje, u paradigmama njegove gramatike susrećemo samo oblike *ovoga, svakoga* itd., no karakteristično je da u njegovom sopstvenom tekstu, u neposrednoj blizini, stoje ove i njima srodne zamenice upravo u kraćim oblicima! Vezan navikama tradicije, tj. ne napuštajući duboko ukorenjeni aspekat istorizma u deskripciji savremenog jezika, on izvornim dužim oblicima daje prednost, navodeći samo njih ili ih stavljajući na prvo mesto, dok kraće oblike navodi, kao nešto sporednije, odnosno manje frekventno, u zagradi, ili ih sasma zanemaruje. I to nije u skladu s njegovom konstatacijom da se »ne može davati preimućstvo jednim od njih nad onim drugima«.[5]

Mislim da je celishodnije postupio autorski kolektiv Brabec—Hraste—Živković, oslanjajući se na Maretića i u izvesnom smislu odražavajući stanje u hrvatskoj varijanti zajedničkog jezika. U njihovoj gramatici[6] kao pravilo navode se oba oblika, pri čemu je na prvom mestu duži, u skladu sa književnojezičkom praksom samih autora i jednog dela hrvatskih pisaca (što ćemo docnije dokumentovati), ili se pak doslednije ukazuje na fakultativnost završnog *a*, npr.: *mladog(a); koga, kog; čega, čeg; mojeg(a), mog(a)* itd. Međutim pri tumačenju vrsta deklinacija kao nastavke zamenične deklinacije navode samo duge oblike: ov-*oga*, on-*oga* itd.

Da bih dobio koliko-toliko dokumentovanu sliku stanja u književnom jeziku, odabrao sam delimični statistički metod ispitivanja na korpusu od nešto preko dve hiljade stranica proznoga teksta, uzevši odlomke iz po jednog ili više dela 37 autora sa gotovo čitavog srpskohrvatskog jezičkog područja.[7]

[5] Savremeni srpskohrvatski jezik, I, 145.

[6] Brabec—Hraste—Živković, Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb 1961[4], 43, 87, 97–99.

[7] T. Ujević, članci: Trnokop u Silvijevoj bašti, Boem Jesenjin, burgijaš i huligan, Jubilej francuskog simbolizma, I opet: »Hrvatska mlada lirika«, U spomen A. G. Matoša. U zborniku: Hrvatska književna kritika, VIII, Zagreb 1964, 273–283, 285–289, 291–304, 425–430, 75–87; Novembar (prevod dela G. Flobera), Sarajevo 1961, 5–21. — V. Nazor, Odabrana djela, Zagreb 1956, 301–350. — M. Krleža, Sabrana djela, sv. 25 (Zastave). Knj. II, 9–38; knj. III, 9–45; knj. IV, 452–474. — A. Cesarec, Škrinjarkin dom vanbračne djece. U zborniku: Pripovjedači Zagrebu, II dio. Zagreb 1965, 205–226. — Lj. Babić, Sjećanje iz trinaeste škole (ulomak). U zborniku: Pripovjedači Zagrebu, II dio. Zagreb 1965, 231–236. — St. Galogaža, Blijedi pobjednici. U zborniku: Pripovjedači Zagrebu, II dio. Zagreb 1965, 299–307. — M. Begović, Luka Laktaš. U zborniku: Pripovjedači Zagrebu, II dio, Zagreb 1965, 311–391. — S. Kolar, Quo vadis, Europa? U zborniku: Pripovjedači Zagrebu, II dio. Zagreb 1965, 239–296. — J. Horvat, Ni san ni java. Zagreb 1958, 164–195. — V. Kaleb, Divota prašine. Zagreb 1962, 138–180. — I. Sekulić, Kronika palanačkog groblja, I i II deo. Beograd 1958, 250–352. — Desanka Maksimović, Buntovan razred, Subotica–Beograd 1968, 7–245 (čitavo delo). — I. Andrić, Odabrane pripovetke. Beograd 1954. Knjiga I, 7–31, 172–203, 401–468; Gospođica, Beograd 1961, 7–52. — Veljko Petrović, Sabrana dela, sv. 6 (O književnosti i književnicima). Novi Sad 1958, 17–46, 53–61, 78–94, 580–584. — Dobrica Ćosić, Daleko je sunce. Beograd 1962[11], 361–401. — B. Ćopić, Sabrana dela, sv. 12 (Osma ofanziva). Beograd 1966, 7–29; Doživljaji Nikoletine Bursaća. Sarajevo 1957, 5–57. — A. Barac, Jugoslavenska književnost. Zagreb 1959[2], 147–166, 296–316; Književnost i narod. Zagreb 1941, 5–25. — M. Šicel, Pregled novije hrvatske književnosti. Zagreb 1966, 200–259. — V. Đurić, Govor poezije. I deo. Beograd 1966, 332–404. — B. Marinković, Vuk Stef. Karadžić i prozna narodna tradicija. Godišnjak

Poezija ne može da dođe u obzir s razloga što je upravo u oblasti pesništva upotreba ovoga ili onog od dvaju oblika podređena ritmičkim pravilima i uzusima versifikacije. U korpusu je zastupljeno više stilova proznog izraza: beletristika, esej, naučna rasprava, udžbenik. Pada u oči golem udeo lingvističkih tekstova. Poznatije jezičare citiram stoga što i oni podjednako kao i pisci raspolažu dobrim »jezičkim osećanjem«, ali također iz razloga što, općenito, naučna proza nudi neuporedivo više genitivnih sintagmi od lepe književnosti. Razumljivo, u slučaju većeg broja dela i pisaca, uz dodavanje primera iz drugih jezičko-stilskih oblasti — npr. žurnalistike ili prirodnih i tehničkih nauka — dobili bismo pouzdaniji prosečni brojni srazmer; ipak smatram da će ovoliki i ovakav materijal moći da nam predoči sliku prosečnog stanja i omogućiti da se uoče neke opšte osobenosti, a steći će se i izvestan uvid u individualne stilističke kvalitete pojedinih autora, makar i u tako uzanom aspektu. Napominjem da su primeri beleženi tokom jednokratnog čitanja, s pretpostavkom da sam previdео otprilike isti broj primera jednog i drugog tipa, što ipak neće uticati na suštinu brojnog srazmera između dvaju oblika. Prilikom skupljanja primera ispuštao sam one slučajeve koji predstavljaju, u određenim vezama, trajno ustaljene izvorne (duže) oblike, npr. u priloškim konstrukcijama tipa: posle *toga*, osim *toga*, pre *svega*, zatim »svega« u značenju »ukupno« itd. Koliko su tekstovi za analizu »savremeni«, tj. u kolikoj meri predstavljaju »savremeni jezik« — to može da bude predmet diskusije, tim više što je M. Stevanović za svoj Savremeni srpskohrvatski književni jezik (gramatiku) uzimao građu iz književnog stvaralaštva i preko jednog stoleća, dokle u mojim primerima, kako se to iz spiska vidi, nema dela starijeg od 50 godina, a veći deo primera potiče iz perioda posle drugoga svetskog rata.

1. *Sumarni rezultati analize:* na 2090 stranica teksta primećeno je ukupno 8011 oblika, od toga 5949 *-og* i svega 2062 *-oga*, što u procentima daje odnos 74,26% : 25,74%. Popularno rečeno, duži oblici snažno su potisnuti, predstavljajući samo četvrtinu od ukupnog broja datih padežnih oblika. Međutim ako izdvojimo i konfrontiramo hrvatske autore s ostalima, u oči

Filozofskog fakulteta u Novom Sadu, 9 (1966) 163—205. — M. Popović, Đura Daničić. Beograd 1959, 7—261 (čitavo delo). — Dragiša Živković, Teorija književnosti sa teorijom pismenosti. Beograd 1963, 3—56. — M. Stevanović, Ko stavlja u procep Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika MS i MH? Letopis MS, knj. 403, januar 1969, 74—104. — P. Ivić, Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Novi Sad 1956, 33—65. — Milka Ivić, Pravci u lingvistici. Ljubljana 1963, 79—121. — M. S. Lalević, Kategorije reči srpskohrvatskog jezika. Beograd 1957², 34—54. — A. Mladenović, Osobine jezika »Života sv. Katarine«: Godišnjak Fil. fakulteta u Novom Sadu, 9 (1966) 127—155; Odnos između domaćih i ruskoslovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove vukovske standardizacije: Zbornik za filologiju i lingvistiku MS 12 (1969) 43—50. — Lj. Mihailović, Ekonomičnost dužine reči u srpskohrvatskom jeziku: Zbornik za fil. i lingvistiku MS 8 (1965) 119—123. — B. M. Nikolić, Napomene o današnjem tršićkom akcentu: Zbornik za fil. i lingvistiku MS 8 (1965) 185—198. — Milija Stanić, Akcenat aorista uskočkog govora prema Vukovom. Zbornik za fil. i lingvistiku MS 8 (1965) 201—209. — M. S. Lalević, Srpskohrvatski u mom džepu, III. Beograd 1963, 579—602. — M. Pavlović, Primeri istoriskog razvitka srpskohrvatskog jezika. Beograd 1956, 3—24. — I. Stevović, Funkcionalna gramatika srpskohrvatskog jezika. Sarajevo 1958, 3—22. — J. Hamm, Staroslavenska gramatika. Zagreb 1958, 81—99, 114—133. — Brabec—Hraste—Živković, Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb 1961, 39—68. — Lj. Jonke, Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb 1964, 173—187, 261—271. — St. Pavičić, Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji. Zagreb 1953, 7—32. — F. Slipičević, Istorija naroda Federativne Narodne Republike Jugoslavije, I. Sarajevo 1962, 3—26.

nam udara zanimljiva razlika: oblici na *-oga* učestvuju kod hrvatskih autora sa 42,91%, i, nasuprot tome, kod pisaca s istočnog područja sh. jezika učešće dužih oblika je znatno niže od proseka — iznosi svega 17, 42 odsto.

2. Niti kod jednoga srpskog (ni bosanskog) autora nisam primetio preovlađivanje dužih oblika; doduše, kod nekih autora, pripadnika starijeg pokoljenja, upotreba dužih oblika znatno je iznad proseka, npr. u analiziranom tekstu Milivoja Pavlovića odnos kraćih i dužih oblika jeste 111 : 73, kod Isidore Sekulić — 173 : 113. Međutim u analiziranim tekstovima nekih hrvatskih pisaca broj *-oga* veći je od *-og*, npr. kod Antuna Barca imamo odnos 139 : 99, u gramatici kolektiva Brabec—Hraste—Živković — 75 : 10, kod Vjekoslava Kaleba 43 : 20 (na 43 stranice teksta), a najveće zapostavljanje kraćih oblika zapazio sam u tekstu Stjepana Pavičića — 5 : 329![8]

3. Sumu dužih oblika genitiva celishodno je analizirati sa gledišta udela vrsta (podvrsta) reči te prema njihovoj funkciji u rečenici. Pre svega valja držati u vidu dve različite grupe autora, one koji favorizuju duge oblike — a takvih je, kako videsmo, znatno manje — i one koji ih sve više napuštaju. Kod prvih je i u fondu dugih oblika značajan udeo prideva, dok kod drugih preovlađuju zamenice (pre svega pokazne *taj*, *ovaj*, *onaj*, zatim *sav*, *isti*, *sam*, *drugi*, pa onda prisvojne i razne vrste imeničkih zamenica; posebno je — zbog svoje vezničke službe — frekventna relativna zamenica *koji*). S obzirom na veliku frekventnost zamenica, do izražaja dolazi ponavljanje istih oblika u istim rečima, pa to može da pridonese konzervisanju tih oblika, u našem slučaju konzervisanju *-oga*. Da je tome tako, potvrđuju tekstovi sa malim brojem *-oga* u kojima su se »održali« pre svega dugi oblici kod zamenica. Tako npr. u knjizi Miodraga Popovića (Đuro Daničić, 261 stranica) prema 849 *-og* nahodimo 110 *-oga* (11%), i od toga okruglo 100 otpada na zamenice, a tek 10 primera jesu pridevi. I kod sledećih autora dominiraju zamenice nad pridevima u ovakvom odnosu: M. Stevanović — 29 : 2, V. Đurić — 21 : 4, I. Stevović — 13 : Ø, B. Ćopić — 39 : 8, A. Mladenović — 19 : 8, M. Šicel — 4 : Ø, S. Kolar — 25 : 4, M. Begović — 27 : 6, D. Maksimović — 99 : 38.

4. Problem dvojake upotrebe genitiva (akuzativa) određene deklinacije m. i sr. roda jednine bilo bi zanimljivo ispitati *u kompleksu pokretnih samoglasnika* unutar date vrste reči, a također i s obzirom na sve ostale vrste reči sa pokretnim (nestalnim) krajnjim samoglasnikom. Već i obična opservacija omogućuje nam da konstatujemo da, općenito, oni autori koji sve više napuštaju duže oblike jednog padeža ili jedne kategorije reči, takvu sklonost ispoljavaju i u odnosu na druge vrste reči. (Samo se po sebi razume, dvojakost oblika može da bude stilistički relevantna. Naporedno postojanje dvaju

[8] Jedan spoljašnji, lako uočljivi momenat simbolizuje razlike u upotrebi dvaju oblika između lingvista zagrebačke škole i ostalih centara. Već u naslovima gramatika i lingvističkih radova zagrebačkog izdanja, pod uticajem tradicije, pridev-atribut *hrvatski*, *srpski*, *hrvatskosrpski* stoji u punom obliku »*hrvatskoga*«, »*srpskoga*«, »*hrvatskosrpskoga*«, npr. »Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika« (autorskog kolektiva Brabec—Hraste—Živković, 1958), »Jezik — Časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika«, itd. Nasuprot tome, beogradska, sarajevska i novosadska izdanja imaju u takvim i sličnim naslovima odgovarajuće prideve u kratkim oblicima. Dokle neki od vodećih hrvatskih lingvista neguju tradicije, dotle se deo jezikoslovaca sa tog područja više ravna prema onakvoj književnoj i književno-govornoj praksi koja sve više preovlađuje. — Kao zanimljivost navešću ovde primer zanemarivanja dugih oblika pri citiranju naslova: M. Stevanović je to uradio više puta, npr. u vezi sa naslovom Maretićeve gramatike pogrešno navodi »hrvatskog ili srpskog« (v. Letopis MS za januar 1969, str. 77, 94).

oblika pruža piscima mogućnost za istančano oblikovanje individualnoga govornog, odnosno rečeničkog ritma, a od proučavaoca stila zahteva veoma suptilnu analizu.) Proces sve većeg napuštanja pokretnih samoglasnika — u genitivu i drugim padežima, zatim kod priloških reči — u znatnoj meri pridonosi izmenama u materijalnom ustrojstvu jezika: povećanje broja zatvorenih slogova, povećano učešće konsonanata, porast broja dodira određenih suglasnika na granici reči, što je od važnosti u govornom jeziku, itd. U duhu moderne lingvistike moglo bi se proučavanje ovih pojava povezati sa pitanjem ekonomičnosti dužine reči.

5. U svojoj daljoj analizi ja ću se ograničiti samo na nekoliko momenata. Pre svega da pogledamo kako se distribuiraju ispitivani oblici s obzirom na vrste, odnosno podvrste reči i njihovu funkciju u rečenici. Mislim da je celishodno obratiti veću pažnju na raspored dužih oblika u onim sferama gde je njihovo ograničavanje u snažnome toku.

a) Pokazna zamenica *to* (2. lice, sr. rod) u slučaju samostalne, poimeničene upotrebe ima u književnom jeziku gotovo bez izuzetka puni genitivni oblik; obrnuto, u atributskoj funkciji susrećemo je, kao i ostale zamenice i prideve, u oba oblika : *tog* čoveka, *toga* čoveka. Duži je oblik gotovo apsolutan u predložnim sintagmama s priloško-odredbenom funkcijom, npr. *pre toga, posle toga, nakon toga, usled toga, zbog toga, radi toga; od toga, iz toga* itd. Takvi izrazi imaju jaku frekvenciju u govornom i književnom jeziku, te svakako utiču na održavanje dužih oblika u atributskoj poziciji. Primeri:

Već *zbog toga* što ona ne voli trošenje uopšte (Andrić, Gospođica, 14) — *pre toga* je i on predavao u Chicagu (M. Ivić, 109) — to činimo *zbog toga* što je u analizi takav postupak nužan (Živković, 45) — *Iz toga* ne može izaći nikakva glupost (Maksimović, 28) — sam stvara *iz toga* nove vrednote (Šicel, 251) — Gospođica se sve više primiče prozoru i *od toga* joj biva sve hladnije (Andrić, Gospođica, 30).

Kod pojedinih pisaca, naročito onih poreklom iz Bosne, primećujemo u takvim slučajevima i kraće oblike, naročito u sintagmama s predlozima *od, iz*, npr.

. . .i to tako naglo da mu se *od tog* krati dah i nagli svest (Andrić, Odabr. prip. I, 346) — dolazi *od tog* što su one u govoru bile iznesene (Stevović, 11) — ali *od tog* je frau Roza bila još daleko (Sekulić, 203).

b) Vrlo je frekventan i pun oblik *ovoga* u imeničkoj funkciji, obično sa širim, uopštavajućim značenjem. Primeri:

Jednako zaokupio kako *ovoga* nikad nije bilo (Andrić, Odabr. prip. I, 174) — znam da bi ih zbog *ovoga* isterali (Maksimović, 163) — U apsolutnu tačnost *ovoga* se lako uveriti (Stevanović, 99) — Iz *ovoga* vidimo da je poređenje karakteristična crta reči koje pokazuju osobinu, svojstvo (Lalević, Kategorije reči, 50) — Samo neki govori na zapadu šumadijsko-vojvođanske teritorije pokazuju odstupanja od *ovoga*, i to pod očiglednim istočnohercegovačkim uticajem (P. Ivić, 63).

c) Duži je oblik kako zamenica tako i ostalih pridevskih reči češći od kraćeg *u eliptičkom izrazu* (izostavljanje upravne reči koja se podrazumeva jer je data u užem ili širem kontekstu), npr.:

Ovaj svijet plamti između dva groba, *onoga* u Pešti i *onoga* u New Yorku (Krleža, Zastave, IV, 474) — A ja ti to govorim zbog *ovoga* ovdje (Ćopić, Doživljaji Nikoletine Bursaća, 40) — *Ovoga* nema smisla saslušavati (Ćosić, 366) — drukčiji sat od *onoga varoškoga* (Ćopić, Osma ofanziva, 24) — I područje ekavskoga izgovora bilo je u prošlosti

jedinstvenije od *ijekavskoga* (Lalević, Srpskohrvatski u mom džepu, II, 50) — Bili su zauzeti svi osječki fijakeri osim *jednoga* (Begović, 362).

d) Pokazne zamenice, naročito *onaj*, *taj* u poimeničenoj funkciji prilično često imaju dugi oblik kada stoje na kraju upravne rečenice ispred relativne zamenice kao veznika, u ovakvim spregama: »onoga koji«, »onoga čiji«, »onoga što«, »onoga o čemu« itd. Nalazeći se na kraju upravne (glavne) rečenice, pokazna zamenica kao reč koja služi za isticanje, upućivanje, usmerivanje ima i naročiti rečenički naglasak, te možda upravo taj momenat uslovljava upotrebu dužeg, »punog« oblika, koji je već samim time naglašeniji. Sem pokaznih, pomenutu ulogu imaju i duži oblici raznih imeničkih zamenica. U dužem genitivnom obliku stoji i zamenica *taj* u međurečeničkim sponama tipa »svestan toga da«, »od toga što«, »zbog toga što«, »radi toga da bi«, zatim u specijalnim sintagmama tipa »polazeći od toga da«, »došlo je do toga da« i sl. Stil intelektualnog raspravljanja (kao i razgovorni stil obrazovanih ljudi) krcat je ovakvim primerima, zbog kojih se udeo dugih oblika povećava. To nam lepo posvedočuje i tekst Milke Ivić (odlomak iz dela »Pravci u lingvistici«, unet u korpus za analizu), iz kojega ću navesti primere:

. . .knjiga »Cours de linguistique générale« je . . . donela Saussureu dragocenu slavu *onoga od koga* je započelo novo doba (87) — u okviru *onoga što* odgovara uvek istim principima (88) — Njegova ispitivanja nisu daleko od *onoga što* ulazi u fonološki program praške škole (95) — nisu mnogo odudarali po opštem duhu od *onoga što* je u to vreme odlikovalo evropsku lingvistiku (107) — obuhvata proučavanje *svega što* se tiče čoveka (115) — zaposednut nečim bitno različitim od *onoga o čemu* se saopštava (121) — *polazeći od toga da* je sve u jeziku međusobno povezano (86) — Saussure je istovremeno bio *svestan toga da* je u praksi ovakvo precizno razgraničavanje neizvodljivo (87) — Trubeckoj je *pošao od toga da* je fonema jezički znak (95).

Primeri iz drugih autora:

. . .i pored *onoga što* je radila . . . Rajka nije zaboravljala ni kuću (Andrić, Gospođica, 37) — pod pesnikom razumemo književnika uopšte, i *onoga ko* piše u stihovima i *onoga ko* piše u prozi (Živković, 26) — Nastade strašan porodični trenutak: zamor *onoga koji* je davao i brinuo i stid *onoga koji* je primao (Sekulić, 212) — jedva jednom je našao *nekoga ko* je hteo da pročita taj koncept (Maksimović, 167) — htio je izjaviti . . . da će silom odstraniti *svakoga tko* hoće da omete ovo predavanje (Krleža, IV, 464) — Luka se uzradovao što je našao *nekoga koji* će ga uvesti u studentski život (Begović, 319) — 1918, kada je *došlo do toga da* se ova zemlja jednoga dana našla okupirana (Krleža, IV, 463).

U skladu sa opštom tendencijom napuštanja dužih oblika, niti u spomenutim pozicijama nisu retki kratki oblici zamenica, npr.:

. . .zašto ljudi prave toliku razliku između *onog što* je lepo i *onog što* nije (Andrić, Gospođica, 15) — nakon *ovog što* ste čuli od mene (Begović, 374) — ima tu *nečeg što* nije sasvim jasno (Krleža, III, 35) — iza *onog što* su pisali bilo je ipak *nečeg što* su doživeli (Maksimović, 151).

U ovakvim pozicijama i drugi zamenički padeži obično stoje u dugom obliku, npr.:

Ideja *o nečemu što* približno odgovara današnjem pojmu foneme bila se pojavila još vrlo davno (M. Ivić, 92) — »Lisice jedna !« — kažemo u ljutnji *nekome ko* je podmukao i lukav (Živković, 47).

e) Moju pažnju posebno je privukla zamenica *sav* zbog nekih njezinih osobenosti. Puni oblik *svega* upotrebljava se dvojako. U priloškom značenju to je sinonim za »ukupno«, »tek«, »jedva«, npr.

Saussure je objavio *svega* oko dvadesetak članaka (M. Ivić, 85) — i u tekstovima [se nalazi] *svega* osam priča (Marinković, 168).

U takvom značenju upotrebljava se samo duži oblik. (Smatram da bi ovaj oblik valjalo uvrstiti u rečnike kao posebnu reč, međutim u nizu rečnika koji su mi se našli pri ruci ne samo što »svega« nije izdvojeno nego i kod »sav« nije ukazano na ovakvo značenje!) U samostalnoj, imeničkoj upotrebi susretao sam jedino puni oblik, i to vrlo često, zbog jake frekventnosti predloških sintagmi kao što su *pre svega*, *iznad svega*, *nakon svega* i sl. U pridevskom značenju »ceo«, »čitav«, »potpun«, »celokupan« susretao sam, doduše retko, i kraće oblike. Na primer:

Pa iako je od *sveg* tog pića i razgovora otpala na Pintarića jedva jedna trećina, stao se i on zagrijavati (Kolar, 286) — uzdahnu od *sveg* srca (Kolar, 296) — kajem se od *sveg* srca (Andrić, Odabr. prip. I, 97) — ona predstavlja krunu *sveg* dotadašnjeg njegovog rada (Marinković, 163) — Srpska književnost i kultura već tada, 1847, intenzivno žive u piscu . . . i ispunjavaju ga *sveg* (Popović, 68).

f) Duži oblici nešto su češći i kod supstantiviziranih prideva različitog tipa i kod imenica pridevskog porekla. Tako npr. u analiziranom odlomku teksta P. Ivića, gde sam zapazio na 33 strane samo 8 dugih oblika (prema 188 kratkih oblika), od primećena tri duga pridevska oblika dva pripadaju pridevima u supstantivnoj poziciji: Ostale partije nose često pečat *slučajnoga* (39) — Malo *novoga* (41). Budući da je statistika malih brojeva nepouzdana, pogledajmo ona dela gde se primeri ovog tipa susreću u većem broju. Tako u romanu »Divota prašine« Vjekoslava Kaleba, gde inače preovlađuju dugi oblici (brojni odnos je 43 : 20), jedan od glavnih junaka ima nadimak *Goli*, pa se taj poimenični pridev duž romana susreće često u genitivu-akuzativu. Koliko sam primetio, zastupljen je samo pun oblik: *Gologa*, kao, uostalom, samo dugi oblik dativa-lokativa: *Golome*. Na 43 strane koje sam podrobno analizirao našao sam ukupno 16 primera *Gologa*, a ti, relativno česti, primeri znatno su uticali i na opšti postotak *-oga*, koji je možda veći od univerzalnog proseka u opusu toga pisca. U romanu Desanke Maksimović »Buntovan razred« jedno od glavnih lica nosi nadimak *Novi*, koja reč stoji u gen.-akuz. 23 puta, ali ovde samo 5 puta u dugom obliku *Novoga*, a takav srazmer uglavnom odgovara opštem srazmeru *-oga* i *-og* (137 : 495) kod ove spisateljice. To je dakle i stvar individualnih sklonosti autora. U ispitanom odlomku rada M. Ivić (Pravci u lingvistici, 79—121) susretao sam samo kraći oblik *Trubeckog* — 10 puta, što je i razumljivo u praksi onih koji su upotrebu dužih oblika sveli na minimum. Na bazi ostale građe iz korpusa tekstova moglo bi se navesti još zanimljivih individualnih karakteristika, ali za pouzdan sumaran zaključak još nemam dovoljan broj primera.

g) Duži oblici, dalje, bolje su se održali u pojedinim *ustaljenim izrazima*, kao na primer »*jedan drugoga*« i srodni izrazi, pored kraćih oblika. Npr.:

. . .provjeravamo *jedan drugoga* (Horvat, 177) — lugari nude *jedan drugoga* (Horvat, 179) — sjedimo *jedno do drugoga* (Begović, 350) — a ono dvoje podalje *jedno do drugoga* (Kaleb, 160) — dva poznanika, toliko otuđena *jedan od drugoga* (Ćopić, Osma ofanziva, 26).

Nasuprot indiferentnosti prema genitivnom obliku u izrazu »*ovog/ovoga puta*« kod mnogih pisaca, Miodrag Popović duž čitavog ispitanog dela ima samo dugi genitiv (Đuro Daničić, 63, 76, 83, 108, 125, 137, 160, 168, 169, 179,

218, 221, 232, 238, 244, 246, 255), dakle 17 puta, a to je 15% od čitavog broja *-oga* u delu pomenutog pisca.

6. Ukazivano je da kod autora s malim fondom dužih oblika do jačeg izražaja dolazi učešće zameničkog *-oga*. Naša građa svedoči da se to u prvom redu odnosi na pokazne zamenice, od kojih se anaforske *ovaj* i *taj* ističu osobitom frekvencijom. Rizično je, možda, upustiti se u uzgredna objašnjavanja ove pojave, koja zaslužuje specijalna opširna ispitivanja. Ipak, spomenuću svoju pretpostavku da se dužim oblicima općenito pojačava funkcija upućivanja na lice, predmet, pojam. U toj vezi zanimljivo je npr. da A. Mladenović u svom tekstu »Osobine jezika 'Života sv. Katarine'« ima 12 puta istu sintagmu *ovoga spomenika* (ukupno 27 dugih oblika, od toga 19 *ovoga*). Prirodno, autor prilikom pisanja nije činio svesne napore upravo u odnosu na ove fakultativne elemente, značenjski irelevantne. Na moj upit autoru kako bi on sam protumačio gornju pojavu, profesor Mladenović je izneo pretpostavku prema kojoj bi krajnje *-a* u oblicima *ovega* i njemu sličnim, budući lišeno morfološko-značenjske funkcije, imalo gdekad ulogu svojevrsne čestice za isticanje, kakvima je obilovao književni jezik u prošlosti i kakvih ima — i to sa jakom frekvencijom — u dijalektima.

7. U pitanju više genitiva kao niza istorodnih rečeničkih delova sve se više napušta ona preporuka koju je na osnovu proučavanja Vukova, Daničićeva i narodnog jezika bio dao Tomo Maretić. Naime, sve se manje respektuje model »našega dobrog« itd. Maretićeve sugestije po tradiciji poštuju se najviše u Hrvatskoj, s manje ili više doslednosti, prvenstveno od strane pojedinih lingvista.[9]

Ono što se lingvistu-statističaru u tekstovima čini kao prosto previranje i koletanje u pitanju redosleda dugih i kratkih oblika može da bude izraz, odnosno sredstvo, individualnog — često ćudljivog i neulovljivog — rečeničkog ritma pisaca-umetnika.[10] A to je više intuitivna negoli svesna pojava, u svakom slučaju najčešće nije svesno markirana, tim više što sa gledišta jezičkih normi ne dolazi u pitanje. I ovde ćemo još jednom spomenuti da pored sve heterogenosti i šarenila u vezi sa upotrebom punih ili krnjih genitivnih oblika sve se više ocrtava kretanje u pravcu unifikacije. Međutim tendencija ujednačavanja, prirodno, znatno je *jača izvan sfere lepe književnosti*, u radnom izrazu intelektualne proze, koja teži ka sve većoj uprošćenosti i ekonomičnosti izraza. (Uporedimo ovo sa upotrebom glagolskih vremena u beletristici i u ne-beletrističkim tekstovima.)

8. Na kraju, dotaći ćemo jednu fonetičku pojavu u vezi sa kratkim oblicima padeža pridevskih reči. Stevanović u svojoj velikoj gramatici (Savremeni

[9] Isp. u tekstu Lj. Jonkea (Književni jezik u teoriji i praksi, 1964): *hrvatskoga književnog* jezika (174, 175, 184), *toga ilirskog* genitiva (182), *toga trećeg* naleta (184), *tadašnjega ilirsko-hrvatskog* jezika (185), *ruskoga književnog* jezika (261), *češkoga književnog* jezika (261), *jednoga književnog* jezika (261), *srpskohrvatskoga književnog* jezika (268, 269), *srpskoga književnog* jezika (268), *suvremenoga književnog* jezika (271). Za ilustraciju raznoobraznosti (drugim rečima: neujednačenosti) navodim samo nekoliko iz sijaset primera ove vrste iz teksta A. Barca (Jugoslavenska književnost, 1959): *drugoga svjetskoga* rata (300, 301, 304, 307), *drugog svjetskog* rata (307); *prvoga svjetskoga* rata (305, 310), *prvog svjetskog* rata (304, 307), *prvoga svjetskog* rata (303).

[10] Nekoliko izdvojenih sintagmi da se predoči bogatstvo modela kojima se služio vrstan stilista T. Ujević (Hrvatska književna kritika, VIII): teškoća *vlastitoga* saznanja (278), borba oko *laičkog* nazora o svijetu (274), za budućnost *mjerodavnoga pjesničkoga* djela (273), nema *suptilnijeg artističkog* traženja (273), za golotiju *gologa seoskog* don Juana (288), u granicama *odsječitog estetičkoga* sistema (279).

sh. jezik, I, 146) preporučuje da se u slučaju kada reč uz koju stoji zamenički-pridevski oblik bez pokretnog samoglasnika počinje istim ili sličnim suglasnikom kojim se završava taj oblik — u našem slučaju *g* —, onda je bolje da padežni oblik bude duži, s pokretnim samoglasnikom. Dakle, po Stevanoviću, bolje je: »*srpskohrvatskoga* književnog jezika« negoli »*srpskohrvatskog* književnog jezika», «*našega* gosta« od »*našeg* gosta«. Međutim, pisci, pa i oni vodeći, uglavnom se ovog normativnog načela ne pridržavaju, i — što je vrlo zanimljivo — niti sam Stevanović. Upravo u članku koji smo uzeli za analizu (Letopis MS za januar 1969) nalazimo: ovo**g** glagola (100), srpskohrvatsko**g** književnog jezika (4 puta: str. 74, 76, 92), brojno**g** kolektiva (91), nesvesno**g** krivotvorenja (101). I mnogi drugi lingvisti, kao i većina književnika, sasma zanemaruju ovo pravilo. Tako u već spominjanom tekstu A. Mladenovića (Osobine jezika...) uočio sam ove sintagme: ovo**g** kompariranja (127), pomenuto**g** genitiva (141), pomoćno**g** glagola (4 puta: 144, 147, 148, 152), ovo**g** glagolskog oblika (146), radno**g** glagolskog prideva (148). M. Stanić upotrebio je sintagmu *uskočkog govora*, uvek sa *-og*, jedno za drugim 7 puta (Akcenat aorista uskočkog govora prema Vukovom, 201, 203, 207). To je i razumljivo kad se ima u vidu neznatan udeo oblika *-og* u njegovu tekstu — 2 : 45. Slično i kod M. Šicela: u okviru odnosa 4 *-oga* : 306 *-og* sasma se zanemaruje pravilo o kojemu je reč, te se broj slučajeva geminacije *gg*, pored doticaja *gk* na međi dveju reči povećao. Obrnuto, autori koji se u znatnijem postotku služe dužim oblikom kao da izbegavaju ovakve situacije; npr. u tekstu M. Pavlovića zapazio sam na 22 strane teksta 10 primera *-oga/g* i *-oga/k* (str. 3, 4, 8, 9, 21, 22) i tek tri slučaja *-og/k*. S obzirom da se većina pisaca odnosi prema ovoj pojavi indiferentno, susrećemo bezbroj primera sa situacijom dodira istih ili srodnih konsonanata pored primera s pokretnim samoglasnikom.[11]

I. Mokuter

Hrvatsko-slavonski internat u Budimpešti

28. jula 1849. god. u Segedinu tada već krnja revolucionarna Narodna skupština Mađarske donela je zakon o nacionalnostima. U tom zakonu došlo je do izražaja shvatanje košutovskih rukovodilaca, formirano oslobodilačkom borbom u toku tragičnih zbivanja revolucije. To je spoznaja da se nezavisnost i društveni napredak mađarskog naroda može ostvariti samo udruženim silama i obezbeđenjem političke, kulturne, privredne i društvene ravnopravnosti naroda sa kojima mađarski narod živi u zajednici. Neuspeh oslobodilačkog rata onemogućio je, na žalost, ostvarenje ovog prekasno donetog zakona.

Za vreme apsolutizma vođeni su između političkih vođa Mađara i nacionalnosti pregovori radi izgrađivanja budućnosti u duhu ovog zakona. Sa mađarske strane bio je važan pokušaj program Lajosa Mocsáry iz 1860. godine. Po tom programu na županijskim skupštinama mogu se koristiti jezici koji su na tom području u potrebi; jezik javne uprave je svaki jezik kojim se govori

[11] Npr. rodnoga kraja, rodnog kraja (Ćopić, Osma ofanziva, 24, 25); staroga Kamratha, starog Kamratha (Krleža, II, 10, 11) i mnogo drugih primera u istim sintagmama ovih i drugih autora.

u Ugarskoj; svaka nacionalnost treba da ima svoje škole. No austro-ugarska nagodba iz 1867. god., osiguravajući habsburšku vlast, dala je poleta ekstremnim elementima »mađarske državne ideje«, pristalicama mađarskog imperijalizma i supremacije, podstrekačima asimilacije nacionalnosti svim mogućim sredstvima. Pošto su pojedinosti tog negativnog razvitka poznate, ovde će biti dosta ako podsetimo na razne zakone, kao npr. zakon o osnovnim (1879. god.) i srednjim (1883) školama, zakon o zabavištima (1891. god.) kao i školski zakon iz 1907. godine.

Sredstvo nasilnog pomađarivanja bile su i Ugarske državne železnice, a osobito pravilnik izdan 1888. god., kojim je određeno da službeni jezik državnih železnica na području Hrvatske i Slavonije bude isključivo mađarski.

Ali pored svih tih ispoljavanja šovinističkog duha bilo je i pojedinih inicijativa koje svedoče o jednom umerenijem pravcu u nacionalnoj politici bivše Ugarske. Istina, ti pokušaji za ublažavanje nacionalne napetosti bili su dosta skromni, ali su oni ipak dokaz da su najbolji duhovi osećali potrebu međusobnog razumevanja. To dokazuje i istorijat Hrvatsko-slavonskog internata u Budimpešti.

Zajednička odluka ug. ministra za bogoštovlje i javnu nastavu (skraćeno: UMN) i ug. ministra za Hrvatsku, Slavoniju i Dalmaciju (skraćeno: MHSD) od 3. juna 1891. god. br. 24 646 predstavlja u odnosu prema Hrvatskoj i Slavoniji u oblasti školstva novu vrstu inicijative. Na osnovu te odluke dva ministra će se počev od 1891/2. šk. g. starati o izdržavanju 12 mladića hrvatsko-slavonske zavičajnosti, i to iz svote odobrene za stipendije u državnom budžetu.[1] Slično primeru u zapadnim državama, stipendisti će biti smešteni u posebnom internatu, pohađaće gimnaziju u VII rajonu u Budimpešti u ulici Barcsay (skraćeno: BG) ili višu realku u VIII rajonu (skraćeno: R). Za vreme svog osmogodišnjeg školovanja pitomci će naučiti mađarski jezik i upoznati se podrobnije i pobliže sa mađarskim prilikama; na osnovu svega toga ako neće biti prijateljski, ono bar neće biti neprijateljski raspoloženi prema Ugarskoj, koja pod svojom vlašću drži Hrvatsku i Slavoniju.

Koliko je meni poznato, a to potvrđuju i pitomci raznih godišta, ovaj internat nije ni jedne godine izdao izveštaj o svom godišnjem radu; ako je to učinio u vidu godišnjih izveštaja ministarstvu, o tome u Mađarskoj zemaljskoj arhivi i Arhivi glavnog grada nisam našao ni traga pošto je materijal iz vremena do 1916. god. ratnim nedaćama uništen. Nije se vodilo računa o tome da pitomci posle svršetka školovanja održavaju veze sa internatom, školom i drugovima iz internata i škole. Prirodno je, međutim, da je prilikom osnivanja i to bilo predviđeno kao jedno od sredstava za zbližavanje i međusobno upoznavanje mađarskog, hrvatskog i srpskog naroda. Sve to me je ponukalo na pokušaj da u glavnim crtama sastavim istoriju internata i to proučavanjem godišnjih izveštaja BG i nekadašnje R, materijala raznih biblioteka i Archive gl. grada kao i stvaranjem ličnog kontakta sa još živim pitomcima, članovima porodica preminulih i ljudima koji su po službenoj dužnosti mogli pitomce poznavati.

»Ustrojstveni propisnik budapeštanskog kralj. ug. državnog hrvatsko-slavonskoga internata«[2] izdalo je UMN naredbom od 3. XII 1897, — br. 38 928.

[1] A Budapesti VII. ker. Barcsay utcai főgymnasium értesítője az 1891/92. tanévről, 26—27; — A Budapest fő- és székvárosi VIII. ker. községi nyilvános főreáliskola huszonötödik tanusítványa, 1896, 89.

[2] A Budapesti M. kir. állami horvát-szlavon internátus szervezeti szabályzata. Budapest 1897. Fordítás hivatalos nyelvből horvátra.

Po §-u 2. svrha internata jest da si pitomci hrvatsko-slavonske zavičajnosti usvoje mađarski jezik i da uz to dobiju nabožno-ćudoredni i domorodni odgoj.

Po §-u 4. primanje u internat vrši UMN na temelju natječaja, uz preporuku MHSD.

Po §-u 6. pitomci internata jesu trovrsni: a) sa besplatnim izdržavanjem, b) sa pola izdržavanja, c) uz punu naknadu troškova.

Po §-u 8. pod opskrbom se razumeva stan, hrana, pranje, loženje, rasveta, lečenje i podvorba.

Po §-u 10. roditelji pitomaca su dužni starati se o odelu, knjigama, upisnini, školarini, pisaćem priboru, spravama za crtanje i ostalim potrepštinama.

Po §-u 11. nadzor nad celim internatom vrši nadzornik koga postavlja UMN i koji stanuje u zavodu.

Po §-u 12. za neposredno nadziranje pitomaca namestiće UMN na predlog nadzornika internata a prema broju pitomaca više profesorskih kandidata koji će u internatu stanovati, pitomce nadzirati, iste u njihovim naukama kao korepetitori potpomagati, zajedno sa njima jesti, sa njima u jednoj dvorani spavati, sa njima odlaziti u šetnje, u slobodnim časovima pak nadgledavati razgovore i igre.

Po §-u 13. jezik konverzacije je mađarski ili hrvatskosrpski, već prema tome kako nadzornik za pojedine dane odredi, vodeći pri tome računa da pitomci usvoje mađarski jezik i ne zaborave srpskohrvatski.

Po §-u 15. pitomci pohađaju kralj. ug. državnu gimnaziju u VII rajonu (danas gimnazija »Madách Imre«), ili opštinsku glavnu realku u VIII rajonu (danas gimnazija »Vörösmarty Mihály«); s njima se postupa isto tako kao sa redovnim učenicima ovih škola.

Po §-u 17. UMN staraće se da pitomci osim redovnih predmeta srednjih škola dobivaju i sistematsko poučavanje u hrvatskosrpskom jeziku, i u tu svrhu namestiće jednoga profesora koji će srpskohrvatski jezik u internatu predavati dva sata nedeljno.

Po §-u 19. odgovarajuću mađarsku lektiru dobivaće pitomci iz omladinske knjižnice svoje škole, a hrvatskosrpsku iz internatske biblioteke.

Po §-u 24. odeća pitomaca se sastoji iz tamnomodrog suknenog kaputa, tamnosivih hlača, kape i tamnosivog gornjeg kaputa, po uzoru oficirske odeće.

Po §-u 25. učenik koji je u školi i kod kuće dobrog vladanja a u svedodžbi na koncu šk. g. ima najviše jednu ocenu »dobro«, može u znak odlikovanja na ogrlicu kaputa prišiti dve zlatne trake, a pitomac dobrog vladanja sa najviše jednim »dovoljnim«, jednu zlatnu traku.

Po §-u 36. odrasliji pitomci dobroga vladanja mogu uz dozvolu izlaziti barem po dva puta nedeljno svojim rođacima ili poznanicima, no dužni su doneti tačnu potvrdu o trajanju napolju provedenog vremena, jer će im inače nadzornik uskratiti izlazak na kraće ili duže vreme, ili im uopšte neće više dozvoliti izlazak.

Po §-u 41. roditelji mogu se sa svojom decom i ova sa roditeljima, rođacima i poznanicima bez svake kontrole dopisivati.

Po §-u 52. za pitomce važe disciplinski propisi određeni za učenike srednjih škola, a po §-u 53. za slučaj da njihovo vladanje ne odgovara ovome pravilniku ili ako su nemarni u učenju, predviđeni su i sledeći stupnjevi kazne:

a) Opomena od strane korepetitora.
b) Ukor od strane korepetitora.
c) Ukor nadzornika u četiri oka.
d) Ukor nadzornika pred ostalim pitomcima.
e) Uskraćenje zabava, pušenja i izlaska iz internata na kraće ili duže vreme — naravno, izuzimajući zajedničke šetnje —, nadalje zabrana putovanja kući na božićne ili uskrsne blagdane.
f) Izveštaj ministarstvu i upozorenje roditeljima na opasnost od isključenja iz internata.
g) Predstavka ministarstvu radi isključenja iz internata.

Po §-u 54. nadzornik internata obaveštava roditelje o većim prestupima i kaznama pitomaca.

O osnutku internata poznati su sledeći podaci. Prilikom raspuštanja Vojne granice u Hrvatskoj i Slavoniji od preostale javne imovine osnovano je — između ostalog — 12 stipendija za učenike iz Hrvatske i Slavonije koji pohađaju srednje škole u Mađarskoj. Ta ustanova u takvom obliku, izgleda, nije potpuno odgovorila cilju koji su joj osnivači prvobitno bili namenili. Stoga je na osnovu odluke UMN grofa A. Csákyja br. 24646 od 3. juna 1891. god., donete u saglasnosti sa MHSD-om, počev od 1891/2. šk. g. pomoću tih stipendija stvoreno vaspitalište u Budimpešti za srednješkolske učenike iz Hrvatske i Slavonije.[3] Taj Državni hrvatsko-slavonski internat, po predlogu direktora BG, smešten je bio kod profesora R. Győzőa Feichtingera. UMN pobrinuo se da se za decu uredi stan sličan internatu i učinio što je potrebno kako bi internisti nedeljno dva sata sistematski učili hrvatskosrpski jezik. Dužnosti poučavanja srpskohrvatskog jezika primio se direktor gimnazije u Somboru dr Edo Margalić (kasniji profesor srpshohrvatskog jezika na Filozofskom fakulteta u Budimpešti) koji je radi toga premešten u BG u Budimpešti a istovremeno postavljen za (hronološki) prvog nadzornika internata.

Ministar je 11. juna 1892. god. posetio internat, razgovarao sa svakim pitomcem i izrazio svoje zadovoljstvo sa napretkom koji su internisti postigli u učenju i usvajanju mađarskog jezika. To ga je ponukalo na izjavu da će preduzeti mere za razvitak internata. Direktor BG Sándor Köpesdy smatra: »Svakako se može očekivati da će omladinac, koji ovde nauči mađarski jezik, upozna našu domovinu i u srcu iste Mađare, sigurno biti drugog mišljenja o Mađarskoj i Mađarima no što ga imaju oni koji neprekidno čuju samo kuđenje, čija je posledica pristranost.«[4]

Sledeće šk. g. internat je proširen. Na osnovu dotadašnjeg iskustva direktor gimnazije Köpesdy u godišnjem školskom izveštaju ocenjuje ovu meru UMN kao politički veoma ispravnu.[5]

Naredbom UMN br. 37734 od 25. augusta 1893. god. internat je proširen. Za rukovodioca je postavljen profesor gimnazije Károly Held koji je u tu svrhu u blizini gimnazije u novogradnji, na uglu Wesselényijeve ulice i ulice Hársfa iznajmio II sprat za vreme od 3 godine. Korepetitor je postao suplent gimnazije Lajos Medveczky. Nadzornik internata ostaje Margalić.[6]

[3] Felsman J., A Budapest fő és székesváros VIII. kerületi községi főreáliskola első huszonöt évének története. V. pod 1. str. 89.
[4] A Budapesti VII. ker. Barcsay utcai főgymnasium értesitője az 1891/92. tanévről. Budapest 1892, 26—27.
[5] N. d. za sk. g. 1892/93. 21.
[6] N. d. za šk. g. 1912/13.: Szemethy Béla: Historia domus, 29.

Dvogodišnje postojanje i rad internata poslužili su direktoru BG kao ubedljiv dokaz da će pitomci mnogo brže naučiti mađarski jezik ako se u internat primaju i mađarski učenici; no UMN svojom naredbom br. 40116 od 5. septembra 1893. god. zauzeo je stanovište da se to ne može odobriti.[7] Međutim predlog direktora gimnazije Köpesdyja smatrao je umesnim izvestan broj pitomaca i njihovih školskih drugova te to i danas podvlače.

Internat su posećivali predstavnici UMN, MHSD i Zemaljske vlade Hrvatske i Slavonije te izražavali zadovoljstvo zbog marljivog radai napretka pitomaca.

Broj internatskih pitomaca bio je 1891/2. i 1892/3. šk. g. 12; 1893/4. šk. g. porastao je na 21, 1894/5. šk. g. na 26, 1896/7. šk. g. na 31, a 1898/9. šk. g. na 35 pa do kraja 1913/14 ostaje oko toga broja. Za celo vreme postojanja internata, prema raspoloživim podacima, ukupno je bilo oko 150 pitomaca.

Pitomci su većinom bili gimnazijalci. Realaca je bilo 1891/2. šk. g. 4, u 1892/3. šk. g. 5, od 1893/4. do 1895/6. šk. g. 7 pa je njihov broj postepeno opadao; od 1899/900. do 1901/2. šk. g. samo je po 1 pitomac bio realac. Posle toga ostali su samo gimnazijalci.

Do 1893/4. šk. g. svi su uživali stipendije. Pročev od 1894/5. šk. g. primaju se u internat i plateći pitomci. Ovih je bilo te šk. g. 4, sledeće dve šk. g. po 2, 1897/8. šk. g. 3, 1898/9. i 1899/900. šk. g. po 5, sledeće dve šk. g. po 7, 1902/3. i 1903/4. šk. g. po 5, a idućih godina uglavnom po 6.

Socijalni sastav pitomaca prema zanimanju roditelja mogu tek približno dati jer je nekoliko razrednih knjiga usled rata i kontrarevolucije nestalo u Arhivi gl. grada Budimpešte. Dokumentaciju sam našao za 121 pitomca od 150 koliko ih je bilo. Javnih službenika je bilo 59%, i to 30% bilo je u službi zajedničke državne uprave, i to u oblastima finansijske, carinske, poreske, šumarske, železničke i poštanske struke. Nameštenici autonomne vlade Hrvatske i Slavonije u oblastima nutarnjih poslova (15), prosvete, vera i pravosuđa činili su ostalih 29%. Privatnom sektoru, slobodnim zanimanjima pripadao je ostatak od 41%, a to su bili zemljoposednici, zemljoposednički činovnici — agronomi, svega 1 zemljoradnik, trgovci, zanatlije, lekari, apotekari, inženjeri, advokati, privatnici i udove. Ovaj klasni sastav verni je odraz vremena kada seljak i radnik nije bio ni u najmanju ruku predmet prosvetne politike.

Nacionalni sastav pitomaca daje sledeću sliku: 58% Hrvata, Srba 34% i 8% ostalih.

U pogledu učenja pitomci su imali u početku zbog nepoznavanja mađarskog jezika izvesnih teškoća, pa su neki i izostali iz škole. Od ukupno 150 pitomaca završilo je BG njih 64; vrlo dobru ocenu na maturi postiglo je 10, a dobru 9 pitomaca. Valja napomenuti da je dobar deo pitomaca bio oslobođen plaćanja školarine, a po nekoliko njih je na kraju šk. g. dobivalo u BG knjige kao nagradu za primerni napredak.

Vladanje je potpuno zadovoljilo; svega je 1 pitomac bio odstranjen iz internata i gimnazije, i to 1896/7. šk. g. Vredno je napomenuti da je internat imao i svoj orkestar koji je učestvovao na koncertu priređenom u hotelu Royal u Budimpešti 6. i 7. maja 1911. god. u čast pedesetogodišnjice pedagoškog rada upravnika BG dr Florisa Chervena.[8]

[7] N. d. za šk. g. 1893/94. 30.
[8] Pod 6. n. d. str. 59.

Izbijanjem prvog svetskog rata u leto 1914. god. ukinut je internat. Pitomci su upućeni u unutrašnjost Mađarske da nastave školovanje; katolici u cistercitsku gimnaziju u Pečuju, a pravoslavni u Hódmezővásárhely, Makó i Kecskemét. UMN odobrio je učenicima VII razreda BG Bastaiću, Furtingeru i Emilu Laziću kao i učenicima VIII razreda Angeru i Dejanu Popoviću da stipendijom od po 1000 Kruna nastave školovanje u BG;[9] oni su 1915, 1916. i 1917. ovde maturirali.[10]

Valja obratiti naročitu pažnju na činjenicu da su skoro svi pitomci došli u internat bez znanja mađarskog jezika a samo je neznatan deo znao nešto mađarski, pa su ipak polagali ispite i srazmerno vrlo mnogi maturirali sa vrlo dobrom i dobrom ocenom; neznatan deo je pokazao slab uspeh a tek nekolicina ih je prekinulo školovanje i napustilo internat. Đaci su naučili mađarski, upoznali se sa mađarskom sredninom, istorijom i književnošću; opraštajući se od internata i škola ostavljali su utisak da neće biti neprijateljski raspoloženi prema Mađarima i Ugarskoj. Apsolventi su nastavili studije na raznim fakultetima i Višoj domobranskoj akademiji Ludoviceum u Budimpešti a neki u inozemstvu. Posvetili su se javnoj službi zajedničke državne ili autonomne zemaljske uprave. Time je dakle postignut cilj koji je osnivanjem internata postavljen. No ovde valja podvući konstataciju upravnika BG Köpesdyja koji kaže: »Ova mera UMN veoma je umesna sa političke tačke gledišta; da smo to učinili pre 100 godina, danas već ne bi bilo tih oštrih suprotnosti !«[11] Usmene i pismene izjave pitomaca potvrđuju slično shvatanje.

U imeniku pitomaca dajem mesto i datum rođenja, vreme školovanja u BG ili R, razreda koje je dotični svršavao, sve to po razrednim knjigama pohranjenim u Arhivi gl. grada (Fővárosi Levéltár). Brojeve razrednih knjiga u Arhivi npr. A—24—170 označavam skraćeno sa *FL 170* za BG i umesto A—10—71 za R skraćeno sa *FL 71.* Ovaj imenik obuhvata 121 pitomca jer u FL nedostaju razredne knjige BG za razrede II/B i III/A šk. g. 1893/4.; I/A, IV/B, VI i V/B za šk. g. 1894/5.; VI/B i VII/B za šk. g. 1895/6. do 1897/8.; I/B za šk. g. 1897/8.; I/A i II/A za šk. g. 1898/9. itd., pa i za one pitomce koji su se upisali 1913/4. šk. g. Imena lica kao izvore biografskih podataka navodim, a to su: Bastaić dr jur. Nikola, Zagreb; Grubić Nikola, sudija Vrhovnog suda u p., Zagreb; Helfman dipl. ing. Albreht, Zagreb; Kunc Zvonimir, banski savetnik u. p., Zagreb; Lazić dr med. Emil, Novi Sad; Lucić der jur., ing. com. Konstantin, Beograd; Mešić dipl. ing. Dragutin, Zagreb: Militar prof. Triva, Novi Sad; Popović dr jur. Ljubomir, novinar u. p., Beograd; Jelka ud. Slavka Šoraka, Križevci; Vlaškalin dr jur. Milorad, ban u p., Novi Bečej i Žganec dr jur. Vinko, akademik, Zagreb. I ovim putem im izražavam blagodarnost na trudu kojim su mi pomogli u ovom prosvetno-istorijskom radu.

Anger Livije, 26. IX 1896, Ruma. Otac mu je bio sudac banskog stola u Zagrebu Po završetku IV razreda gimnazije u Zagrebu, bez poznavanja mađarskog jezika, prešao je u V razr. BG u šk. g. 1911/2 te je ovde šk. g. 1914/5. dobio tzv. ratnu svedodžbu zrelosti. (AG-455) Nastupio je vojnu dužnost te je dvaput ranjen. (Godišnji izveštaj BG 1914/5, str. 22. i 1915/6, str. 31) Pravne nauke svršio je u Zagrebu te stupio u službu pravosuđa kao sreski sudac u Krapini, Dugom Selu i predsednik sreskog suda u Jastrebarskom. Za vreme II svetskog rata premešten je za suca sreskog suda u Petrinju i Karlovac, a početkom 1944. g. kao antifašista prebegao u partizane. Posle rata bio je predsednik

[9] Pod 1. za šk. g. 1914/15, str. 84, 89—90.
[10] Pod 1. za šk. g. 1915/16, str. 118. i za šk. g. 1916/17, str. 33.
[11] Pod 5. n. d., str. 21.

okružnog suda u Karlovcu, gradskog suda u Zagrebu i okružnoga u Sisku; u tome svojstvu je 1965. g. penzionisan. Živi u Zagrebu, Rokov perivoj 3-a. (Anger)

Antoš Josip, 25. II 1887, Slatina. Otac Jovan, šumar. Osnovnu školu svršio je kao odlikaš u rodnom mestu. Bez poznavanja mađarskog jezika 1897/8. šk. g. upisao se u I razr. BG, bio do kraja đak i 1904/5. šk. g. položio ispit zrelosti s ocenom »dobro«. (AG-249) Do svoje smrti bio je advokat u Virovitici. (Vlaškalin)

Bajić Ilija, 25. III 1894, Udbina. Otac Tomo, fin. preglednik. Svršio je I razred gimnazije u Gospiću s ocenom »dobro«. Bez poznavanja mađarskog jezika upisao se u II razred BG 1906/7. šk. g. i 1912/3. šk. g. kao dobar đak završio je VIII razred, no ne nalazi se u spisku maturiranih. (AG-382) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (Godišnji izveštaj BG za 1915/6. šk. g.) Studije nije nastavio, postao je privatan činovnik i umro je u Novom Sadu. (Grubić)

Balley Vladimir, 21. V 1885, Slunj. Otac mu Josip bio je kotarski predstojnik u Zagrebu. Svršio je I razr. realke u Zagrebu pa je bez poznavanja mađarskog jezika 1896/7. šk. g. prešao u BG gde je kao odlikaš svršio VIII razr. 1903/4. šk. g. i položio ispit zrelosti. (AG-232) Na tehničkom sveučilištu u Budimpešti je 1908. g. diplomirao. Postavljen je u službi Kr. hrv.-slav.-dalm. zemaljske vlade za inženjerskog pristava kod županije u Bjelovaru; zatim je tehnički izvestitelj za kotare Krapinu, Pregradu i Klanjec; u februaru 1915. g. dodeljen je V etapnoj komandi u Novom Sadu, gde mu je povereno održavanje i izgradnja strateške ceste u sektoru Zemun-Čukarica-Beograd. Prešavši sa vojskom u Srbiju zadržan je kao civilni komesar na dužnosti okružnog inženjera za Beograd-Okolicu kod generalnog guvernemana za Srbiju sve do kraja rata. Napustivši državnu službu 1919. g. postaje ovlašteni civilni inženjer u Zagrebu; kao takav radio je na manjim i većim gradilištima, često i visokogradnjama, samostalno ili kao nameštenik Zagrebačkog građevnog d. d. ili kao sudrug drugih ovlaštenih inženjera. Bio 4 godine predsednik Zagrebačke inženjerske komore; u tom periodu je komori uspelo ishoditi Zakon o ovlaštenim inženjerima, prvi zakon kojim se regulišu dužnosti i prava inženjera. U mirovinu je stupio 1950. g. Oženjen je od 1909. g., ima sina inženjera, sina lečnika i udatu kćer koja je studirala arhitekturu. Poznavanje mađarskog jezika bilo mu je od velike koristi za vreme opstanka Austro-Ugarske monarhije jer znajući i nemački nije imao nikakovih poteškoća bilo u službenom bilo u privatnom životu. Stanuje u Zagrebu, Masarykova 18. (Balley)

Balogh (Balog) Ernest, 21. XII 1888, Inđija. Otac mu je bio dr Nikola, lečnik, Inđija. Osnovnu školu svršio je s ocenom »dobro« u rodnom mestu, također s dobrom ocenom I—IV razreda BG od 1899/900. do 1902/3. šk. g. (AG-280) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 22)

Balogh (Balog) Sigismund, 31. VII 1892, Inđija. Otac mu je bio dr Nikola, lečnik, Inđija. Svršio je I razred Srpske velike gimnazije u Novom Sadu, 1903/4. šk. g. upisao se u II razr. BG te je 1907/8. šk. g. kao učenik VI razreda umro. (AG-342) ⑤

Barišić Veljko, 15. III 1880, Klenak. Otac mu je Pavle, nadšumar, Mitrovica. U V razr. realne gimnazije u Mitrovici upućen je na ponavljanje; bio je učenik V razreda u R 1894/5. šk. g. (AG-74)

Bazala dr Gustav, 19. VI 1880, Bjelovar. U BG 1893/4—1894/5. šk. g. svršio je III i IV razr.; školovanje nastavio u Rijeci i Zagrebu, gde je maturirao. Diplomirao je na pravnom fakultetu u Zagrebu, a 1906. g. na istom i doktorirao. Od 1906. do 1910. g. je tajnik Saveza industrijalaca u Zagrebu; jedan je od osnivača današnjeg Zagrebačkog velesajma. Od 1910. do 1919. g. direktor je Središnjeg ureda za osiguranja radnika u Zagrebu; izrađuje i sprovodi novi zakon o socijalnom osiguranju radnika, zasnovan po australijskom. Od 1919. do 1920. g. je načelnik ministarstva za socijalnu politiku u Beogradu. Od 1920. do 1922. g. direktor je Zagrebačkog paromlina d. d. Od 1922. do 1925. g. je gen. direktor poduzeća »Jugoslavija« d. d., odnosno Hrvatske banke d. d. u Zagrebu. Od 1926. do 1949. g. advokat je u Zagrebu. Od 1949. do 1952. g. pravni savetnik je Zagrebačkog paromlina »8 maj«; sa toga položaja odlazi u penziju. Od 1952. g. do smrti 8. I 1965. g. radi kao zakleti sudski tumač za mađarski i nemački jezik u Zagrebu. (Jelka Šorak)

Bečić Vladimir, 1. VI 1886, Brod. Otac mu je Dragutin, sudija, Novi. Osnovnu školu je svršio u Novom. Bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1896/7. šk. g. u I razr. BG te je 1899/900 šk. g. sa dobrim uspehom svršio IV razr. (AG-232) Posvetio se slikarstvu koje je počev od 1905. g. učio u Minhenu; 1909. god. boravi u Parizu. 1913. god. postaje učitelj crtanja u Beogradu, a zatim u Bitolju. Za vreme I svetskog rata boravi u Rimu i Parizu, a 1916. god. odlazi kao crtač ratnih motiva za pariski časopis L'Illustration na solunski front. Posle rata je nastavnik u Sarajevu i Zagrebu, a 1940. god. postaje redovni profesor Akademije likovnih unjetnosti (J. Šorak) U mladosti dao nekoliko odlič-

nih portreta rađenih u impresionističkom duhu, od koga se postepeno udaljavao, dok najzad nije prihvatio izrazito koloristično shvatanje slikarstva. Radio je pejzaže, portrete, kompozicije, s uspehom se ogledao i kao dekorativni slikar. Umro je kao jedan od najpoznatijih hrvatskih slikara 1954. g.[12]

Bekić Petar, 23. VI 1881, Dvor, županija Zagreb. Otac mu je Prokopije, trgovac, Dvor. Upisao se 1896/7. šk. g. u III razr. R gde je 1902/2. šk. g. maturirao. (AG-77)

Benko Nikola, 19. VIII 1895, Zemun. Otac mu je Franja, apotekar, Zemun. Posle svršene osnovne škole u Zemunu upisao se 1907/8. šk. g., bez poznavanja mađarskog jezika, u I razr. BG te je 1913/4. šk. g. završio VII razr. (AG-396) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu službu. (God. izv. BG za šk. g. 1915/6, str. 26) Stekao je apotekarsku diplomu i preuzeo očevu apoteku.

Blašković Aleksandar, 20. VII 1882, Varaždin. Otac mu je bio Aleksander, predstojnik u Zagrebu. Posle svršene osnovne škole sa dobrom ocenom u Zagrebu, bez poznavanja mađarskog jezika, upisao se 1896/7. šk. g. u V razred BG i 1899/900 šk. g. s »vrlo dobrim« maturirao. (AG-242) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost i dopao zarobljeništva. (God. iz. BG za šk. g. 1914/5, str. 23. i 38) Diplomu doktora medicine stekao na univerzitetu u Budimpešti te bio direktor i gl. lečnik bolnice u Osijeku. (Popović Lj.)

Ciganić Zvonimir, 19. IX 1899, Križevci. Otac mu je bio bankovni službenik. Osnovnu školu je svršio u rodnom gradu, a I razr. gimnazije u Bonjhadu (Bonyhád), gde je naučic pomalo mađarski jezik. U BG prešao je 1912/3. šk. g. u II razr, i 1913/4. šk. g. završio III razr. Raspuštanjem internata u leto 1914. god. upućen je u cistercitsku gimnaziju u Pečuju, gde je maturirao i studirao farmaciju. Na osnovu stečene diplome radio je u struci u Zagrebu i Križevcima te je 1942. god. dobio koncesiju za otvaranje III apoteke u Križevcima koja je 1946. g. podržavljena. Kao upravitelj apoteke radio je do umirovljenja 1964. g. i živi u svojoj kući u Križevcima, Gajeva 1. (Ciganić)

Cviić Stjepan, 6. VIII 1886, Mitrovica. Otac mu je bio Andrija, carinski službenik, Zagreb. Posle svršene osnovne škole u Bjelovaru, bez poznavanja mađarskog jezika, upisao se 1896/7. šk. g. u I razr. BG, bio dobar đak i 1903/4. šk. g. g. maturirao. (AG-232)

Delić Miroslav, 5. I 1901, Požega, gde je svršio II razr. gimnazije a 1913. g. prešao je u III razr. BG. Raspuštanjem internata u leto 1914. god. upućen je u gimnaziju u Makó gde 1919. god. maturira. Studirao je medicinu na sveučilištu u Beču i Zagrebu, gde je 1925. god. doktorirao. Po odsluženju vojske specijalizirao je ortopedsku kirurgiju u Zagrebu, a 1928/9. god. u Parizu, gde je 1929. god. izabran za asistenta ortopedske klinike sveučilista. Po povratku u Jugoslaviju vodio je ortopedski sanatorij u Kraljevici. Za vreme II svetskog rata bio je interniran u Padovi a nakon rata radio je kao glavni lečnik u Risnu, Budvi i Zagrebu sve do umirovljenja krajem 1967. god. 1961. god. izabran je za počasnog člana Francuskog ortopedskog društva, a 1966. god. dobio je najveće, priznanje, izbor za člana akademije u Parizu. Živi u Zagrebu, Rockefellerova 24. (Delić, Grubić)

Drakulić Branko, 4. IX 1891, Karlovac. Otac Sava, domobranski kapetan u Karlovcu. Posle svršene osnovne škole s vrlo dobrom ocenom u Karlovcu a bez poznavanja mađarskog jezika 1902/3. šk. g. upisao se u I razr. BG; školovanje ovde nije produžio. (AG-324)

Erben Rudolf, 10. II 1880, Petrinja. Otac mu je bio oficir u Zagrebu. Svršio je četiri razr. gimnazije u Zagrebu sa dobrom ocenom te je bez znanja mađarskog jezika 1893/4. šk. g. nastavio školovanje u BG, gde je 1896/7. šk. g. maturirao. (AG-200) Radio je kao inženjer u Petrinji. (Šorak Jelka) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 24)

Fadljević Dragutin, 8. IV 1881, Zagreb. Otac mu je Nikola, blagajnik, Rosingora. Po svršetku osnovne škole sa vrlo dobrom ocenom a bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1892/3. šk. g. u I razr. BG u kojoj je učio zaključno do 1896/7. šk. g. kada je završio V razr. (AG-182)

Fingerhut Rudolf, 16. X 1880, Sisak. Otac mu Ferdo bio je činovnik Kr. zemaljske vlade u Zagrebu. Po odlično završenoj osnovnoj školi u Zagrebu bio je od 1891/2 do 1894/5. šk. g. učenik R; u IV. razr. je upućen na ponavljanje. (AG-71)

Fink Zvonimir, 19. II 1881, Delnice. Otac mu Josip bio je inženjer u Brodu. Odlično je svršio osnovnu školu u Brodu. Bio je učenik I—III razr. R od 1893/4. do 1895/6. šk. g. (AG-73)

[12] Mala enciklopedija Prosveta, 1. Beograd 1959, 139.

Fodróczy (Fodroci) Albert, 2. XI 1878, Bogačevo. Otac mu Šandor bio je zemljoposednik u Bogačevu. Iz gimnazije u Zagrebu kao slab đak prelazi 1891/2. šk. g. u III razr. BG, gde je upućen na ponavljanje. (AG-173)

Folnegović Marcel, 9. III 1881, Zagreb. Otac mu Vilim bio je činovnik Stola sedmorice u Zagrebu. Kao odlikaš osnovne škole u Zagrebu a bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1891/2. šk. g. u I razr. BG i ovde 1898/9. šk. g. maturira. (AG-170)

Forko Alojzije, 18. VI 1881, Požega. Otac mu Josip bio je profesor realke u Osijeku. Kao odlikaš osječke osnovne škole bio je 1891/2—1894/5. šk. g. učenik I—IV razr. BG (AG-170)

Furdek Josip, 16. III 1885, Šid. Otac mu Jovo bio je financijalni nadzornik u Oriovcu. Kao odlikaš oriovačke osnovne škole a bez poznavanja mađarskog jezika primljen je 1897/8. šk. g. u I razr. BG, bio je dobar đak i 1904/5. šk. g. maturirao. (AG-249) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 25)

Furtinger Franjo, 3. X 1898, Moslavina. Otac mu Josip bio je opštinski beležnik u Moslavini. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je 1908/9. šk. g. u I razr. BG gde 1915/6. šk. g. polaže ratnu maturu. Za vreme I svetskog rata vrši vojnu dužnost (AG-418. i god. izv. BG za 1915/6. šk. g., str. 26) Stupio u vojnu službu, za vreme II svetskog rata je pao kao jugoslovenski oficir. (Dr Lazić)

Galjer Branko, 30. V 1884, Požega. Majka mu Joka bila je privatnica. Posle dobro završenog II razr. požeške gimnazije a bez znanja mađarskog jezika primljen je 1897/8. šk. g. u III razr. BG i kao dobar đak maturira. 1902/3. šk. g. (AG-252) Bio je advokat u Sl. Brodu (Vlaškalin). Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 25)

Gašparac Juraj, 23. III 1879, Delnice. Otac mu Juraj bio je trgovac u Delnicama. Osnovnu školu svršio je »dobro« u Senju. Bez znanja mađarskog jezika šk. g. 1896/7. upisao se u VI razr. BG, u kojoj je 1898/9. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-244) Bio je novinar, urednik Croatiae, Hrvatskog pokreta, Narodnog Kola; veliki župan varaždinski, poverenik za Međumurje i poverenik Središnjeg ureda za osiguranje radnika u Zagrebu. Preminuo je 18. IV 1956. g. (Žganec)

Georgijević Pavle, 25. X 1886, Ruma. Otac mu Todor bio je župan u Bjelovaru. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je šk. g. 1896/7. u I razr. BG i kao »dobar« đak 1900/901. šk. g. završio je ovde V razr. (AG-232) Bio je upravni činovnik u Zagrebu, kotarski predstojnik na području Savske banovine i banski savetnik u Skoplju. (Vlaškalin)

Glavina Alojzije, 21. VII 1889, Rijeka. Otac mu Ante bio je carinik u Bakru. Kao odlikaš riječke osnovne škole priml jen je 1899/900. šk. g. u BG, u kojoj je bio »dobar« učenik i 1906/7. šk. g. maturirao. (AG-250)

Grahovac Franjo, 18. V 1898, Sisak. Otac mu Josip apotekar u Zagrebu. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je šk. g. 1908/9. u I razr. BG, gde je 1911/2. šk. g. završio IV razr. (AG-418)

Grubić Milenko, 28. VI 1899, Pakrac. Otac mu Svetozar bio je kotarski predstojnik, a kasnije banski savetnik. Osnovnu školu učio je u Pakracu, Ogulinu i Vukovaru. U srpskoj gimnaziji u Novom Sadu svršio je I i II razr. da bi stekao osnovno znanje iz mađarskog jezika. U III razr. BG primljen je 1911/2. šk. g. gde je 1913/14. šk. g. završio V razr. Pošto je internat augusta 1914. god. raspušten, stipendijom UMN upućen je u cistercitsku gimnaziju u Pečuju, gde je 1916/7. šk. g. maturirao. Pravo je studirao na sveučilištu u Zagrebu i tamo 1922. g. diplomirao. Stupio je u političko-upravnu službu. Bio je kotarski pristav u Zagrebu, upravitelj kotara u Korenici, premešten je u Karlovac, Samobor, Jastrebarsko, Pakrac, Viroviticu, pa banskoj upravi u Nišu i Zagrebu. 1936. g. prelazi u Bjelovar, 1939. g. u Vukovar, a pred sam rat u Petrinju gde je po slomu Kraljevine Jugoslavije kao Srbin dignut sa položaja sreskog načelnika i sa porodicom otišao u Beograd. Ovde je za svo vreme rata radio u komesarijatu za izbeglice. Po oslobođenju radio je u Beogradu u Ministarstvu socijalne politike i od oktobra 1945. g. u Predsedništvu vlade NR Hrvatske u Zagrebu, pa je izabran za suca Vrhovnog suda socijalnog osiguranja FNRJ u Zagrebu i postao zamenik predsednika. Likvidacijom tog suda prešao je u Zavod za socijalno osiguranje u Zagrebu, a 1952. g. izabran je za suca Vrhovnog suda Hrvatske i tu radio do penzionisanja 28. II 1963. g. Znanje mađarskog jezika praktično je samo retko i malo mogao koristiti, i to za vreme kratkog službovanja u svojstvu sekretara velikog župana u Novom Sadu početkom 1926. g. i u periodu 1931—5. g. u Pakracu, gde je u okolici bilo dosta seljaka Mađara. Sada živi u Zagrebu, Bogovićeva 7. (Grubić)

Gvoić Veselin (Vidor), 17. III 1882, Kostajnica. Majka mu Sofija bila je privatnica u Zagrebu. Posle svršetka I razr. zagrebačke realke primljen je u R, od 1893/4. do 1895/6. šk. g. bio učenik II—IV razr. (AG-74)

Helebrant Franjo, 6. X 1899, Donji Miholjac. Otac mu Franjo bio je inženjer

u Donjem Miholjcu. U Osijeku je učio I razr. gimnazije, pa je bez poznavanja mađarskog jezika primljen u BG, gde je od 1911/2. do 1913/4. šk. g. svršio II—IV razr. (AG-449) Likvidacijom internata upućen je stipendijom UMN u cistercitsku gimnaziju u Pečuju, gde je 1917/8. šk. g. maturirao. Postao je privatan činovnik »Našičke«, pilane i tvornice tanina d. d. u Zagrebu. Umro je. (Grubić, Lučić)

Helebrant Vilim, 20. V 1892, Ručance. Otac mu Franjo bio je inženjer u Donjem Miholjcu. Posle odlično svršene osnovne škole u D. Miholjcu a bez poznavanja mađarskog jezika šk. g. 1903/4. upisan je u I razr. BG, gde je bio odlikaš i 1910/11. šk. g. maturirao. (AG-341)

Helfman Albreht, 2. VII 1889, Križevci. Otac mu Karlo bio je poglavar železničke stanice u Križevcima. Osnovnu školu svršio je u rodnom mestu sa dobrom ocenom. Bez poznavanja mađarskog jezika upisan je 1900/901. šk. g. u BG gde je svršio osam razreda i 1907/8. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-291) Studije nastavio na tehničkom sveučilištu u Budimpešti i 1913. g. diplomirao. Za vreme I svetskog rata bio je na srpskom, talijanskom i ruskom ratištu, a 1. nov. 1918. g. preuzeo je gradnju ličke železnice od mađarskog preduzeća iz Budimpešte. Posle 2 godine prešao je u privatno građevinsko preduzeće A. Peyer i drug u Zagrebu, a 1930. g. preuzeo je tu tvrtku i kao privatni preuzetnik radio do kraja 1946. g., kada mu je radnja nacionalizovana a on sa svojim inventarom dodeljen drž. preduzeću za niske gradnje »Viadukt«, gde je 1965. g. penzionisan. (Helfman) Preminuo je 1970. g. u Zagrebu.

Herrman (Herman) Julije, 21. VI 1881, Zagreb. Otac mu Danilo bio je trgovac u Zagrebu. U III razr. zagrebačke realke upućen je na ponavljanje pa je prešao u R, gde je šk. g. 1894/5—1896/7. svršio III—V razr. (AG-74)

Hondl Emil, 30. I 1888, Ruma. Otac mu Josip bio je apotekar u Rumi. Posle odlično svršene osnovne škole u rodnoj varoši a bez poznavanja mađarskog jezika upisan je šk. g. 1898/9. u I razr. BG; bio je dobar učenik i 1905/6. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-264) Za vreme I svetskog rata vršeći vojnu dužnost dopao je zarobljeništva. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 26. i 38) Za vreme II svetskog rata kao apotekar u Rumi iselio se u Nemačku. (Helfman)

Hondl Miroslav, 29. IV 1892, Ruma. Otac mu Josip bio je apotekar u Rumi. Posle odlično svršene osnovne škole u svom rodnom gradu i bez poznavanja mađarskog jezika šk. g. 1903/4. primljen je u I razr. BG; šk. g. 1907/8. izostao je iz IV razr.

Horváth (Horvat) István, 29. I 1895, Mitrovica. Otac mu Aladar bio je zemljoposednik u Mitrovici. Po svršetku III razr. mitrovačke realne gimnazije prešao je 1908/9. šk. g. u BG; kao učenik V razr. preminuo je 8. V 1910. (AG-423)

Horváth (Horvat) Josip, 7. I 1887, Nova Gradiška. Otac mu Josip bio je finansijalni nadzornik u Okučanima, gde je Josip mlađi s ocenom »vrlo dobro« svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je u I razr. BG 1897/8. šk. g. i ovde je završio VII razr. 1903/4. šk. g. (AG-249)

Horváth (Horvat) Lajos, 23. XII 1893, Mitrovica. Otac mu Aladar bio je zemljoposednik u Mitrovici. Posle svršene mitrovačke osnovne škole 1904/5. šk. g. upisan je u I razr. BG a 1911/2. šk. g. položio je maturu. (AG-368) Učestvovao je u I svetskom ratu, ranjen je i odlikovan. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 26. i za šk. g. 1915/6, str. 31. i 33) Radio je u porodičnoj pivovari u Mitrovici. (Bastaić)

Horváth (Horvat) Taszilo, 29. XI 1896, Mitrovica. Otac mu Aladar zemljoposednik je u Mitrovici, gde je Tasilo svršio IV razr. realne gimnazije. U V razr. BG upisan je 1909/10. šk. g. i 1913—4. šk. g. svršio VIII razr., no ne nalazi se u spisku onih koji su položili ispit zrelosti. (AG-440) U I svetskom ratu vršio je vojnu dužnost (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 26) Posle rata nastavio je studije u Beču na Visokoj školi za svetsku trgovinu. Umro početkom šezdesetih godina. (Lučić)

Iskra Josip, 24. I 1878, Nagyszalonta (Nadsalonta). Otac mu Josip drvarski je trgovac u Križevcima. U gimnaziji u Zagrebu svršio je 4 razreda sa »dobrom« ocenom te je sa slabim poznavanjem mađarskog jezika primljen 1891/2. šk. g. u V razr. BG, gde je svoje učenje sa VI razredom 192/3. šk. g. završio. (AG-177)

Iskra Konstantin, 1. IV 1881, Križevci. Otac mu Josip bio je trgovac u Križevcima. Sa dobrom ocenom je svršio 2 razreda zagrebačke gimnazije. Sa slabim znanjem mađarskog jezika nastavlja školovanje u BG šk. g. 1893/4—1896/7. u III—V razr. (AG-198) Učestvovao je u I svetskom ratu. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 27)

Ivančić Josip, 1. IV 1877, Lužnica. Otac mu Ivan upravitelj je imanja. Posle svršenog III razr. Velike realke u Šopronu nastavio je školovanje u R od 1891/2. šk. g. i položio ispit zrelosti. (AG-71)

Janković Vladimir Velmar, 29. VII 1895, Ćaglin. Otac mu Velimir bio je paroh u Varaždinu, gde je Vladimir svršio 2 razreda gimnazije kao odlikaš te je 1907/8. šk. g.

prešao u III razr. BG i 1912/13. šk. g. kao vrlo dobar učenik maturirao. (AG-399) Najmuzikalniji pitomac internata (Lučić). Posle I svetsog rata viši je činovnik u odeljenju za umetnosti Ministarstva prosvete u Beogradu. Njegove dve drame iznete su na scenu u Beogradu. (Dr Lazić) Za vreme II svetskog rata je državni sekretar za prosvetu u okupatorskoj vladi Srbije, pa je stoga emigrirao i živi u Španiji. Kćerka mu Svetlana spisateljica je u Beogradu. (Vlaškalin)

Kelemen Dragutin, 3. XI 1895, Valpovo. Skrbnik mu je dr Franjo Žbizovski, lečnik u Slatini, gde je Dragutin sa vrlo dobrim uspehom svršio osnovnu školu. Bez znanja mađarskog jezika upisan je šk. g. 1905/6. u I razr. BG koju je 1912/3. g. svršio, no ne nalazi se u spisku maturiranih. (AC-366) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/15, str. 27.) Bio je student prava 5 semestara, stekao je kvalifikaciju finansijskog inspektora i pregledavao rad državnih poduzeća. (Kelemen)

Klaić Aleksandar (Šandor), 16. II 1888, Petrinja. Otac mu Krunoslav beše sudac, Našice. U Požegi je učio I razr. gimnazije pa je bez poznavanja mađrskog jezika prešao u II razr. BG šk. g. 1899/900, bio dobar đak i 1905/6. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-282) Postao je inženjer, stupio u službu Ugarskih drž. železnica u Hrvatskoj i Slavoniji, a za vreme Jugoslavije bio načelnik odeljenja Zagrebačke direkcije. Tridesetih godina izvršio je samoubijstvo. (Dr ing. Villányi M.)

Kocian Božidar, 4. I 1884, Zagreb. Otac mu Samuel finansijski ravnatelj u Vukovaru, gde je Božidar sa dobrom ocenom apsolvirao IV razr. gimnazije. Sk. g. 1898/9. prešao je u BG i kao dobar đak šk. g. 1901/2. maturirao (AG-272)

Koch (Koh) Karlo, 30. VII 1889, Huta Korosfowska (Galicija). Otac mu Karlo šumar u Voćinu. Posle vrlo dobro svršene škole u Virovitici, bez poznavanja mađarskog jezika, šk. g. 1899/900. upisao se u I razr. BG. 1906/7. šk. g. svršio VIII razr., a godinu dana kasnije položio ispit zrelosti. (AG-280) Tridesetih godina je žandarmerijski oficir u Požegi. (Vlaškalin i Kunc)

Korać Želimir, 18. VIII 1883, Zagreb. Majka mu je Amalija. U St. Paulu (Koruškoj) učio je dva razreda gimnazije kao vrlo dobar đak, a u BG 1897/8 i 1898/9. šk. g. III i IV razr., te je naučio mađarski (AG-252)

Korašić Nikola, 22. X 1883, Glina. Otac mu Dragutin financijalni je pregledник u Kostajnici, gde je Nikola učio osnovnu školu. U I razr. BG upisan je bez znanja mađarskog jezika šk. g. 1896/7. i bio skroz odlikaš. U toku šk. g. 1898/9. u III razr. umro je. (AG-232)

Kosanović Milutin, 11. XII 1888, Plaški. Otac mu Nikola bio je paroh. Sa vrlo dobrom ocenom svršio je osnovnu školu u Rijeci te je bez poznavanja mađarskog jezika prešao šk. g. 1899/900. u I razr. BG, gde je sa dobrom ocenom maturirao 1906/7. šk. g. (AG-280) Vršio je vojnu dužnost za vreme I svetskog rata (God. izv. za šk. g. 1914/5, str. 27). Diplomu doktora medicine stekao je na sveučilištu u Budimpešti. Bio je lečnik u Ogulinu, pa načelnik zdravstvenog odeljenja Hrvatske banovine. Za vreme II svetskog rata ustaše su ga ubili u Ogulinu. (Popović Lj.)

Kostial Bogdan, 18. I 1881, Ogulin. Otac mu Ante bio je kr. drž. inženjer u Zagrebu. Bio je odličan učenik Vežbaonice Preparandije u Zagrebu. U BG upisan je 1891/2. šk. g. i ovde je šk. g. 1898/9. s ocenom »dobro« maturirao. (AG-170) Postao je bankarski činovnik. (Vlaškalin)

Kottas Aladar, plemenit od Heldenberga, 3. I 1885, Zagreb. Otac mu Aleksandar činovnik Ug. drž. železnica u Zagrebu. Posle vrlo dobro apsolvirane osnovne škole u Zagrebu, sa slabim znanjem mađarskog jezika, primljen je 1895/6. šk. g. u I razr. BG, gde je šk. g. 1902/3. sa dobrom ocenom scršio VIII razr., no u spisku maturanata ne nalazi se. (AG-219) U I svetskom ratu vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 28) Dvadesetih godina bio je urednik mađarskog dnevnika »Reggeli Újság« u Novom Sadu, zatim prešao u Zagreb za urednika »Morgen-Blatt«-a; ovde jei umro. (Militar)

Kovač Franjo, 12. IX 1888, Zemun. Otac mu Franjo bio je predstojnik carinarnice u Zemunu, gde je sin Franjo sa vrlo dobrim uspehom svršio osnovnu školu. U BG primljen je 1898/9. šk. g., takođe je vrlo dobro napredovao i 1905/6. šk. g. maturirao. (AG-264) Diplomirao je prava. Stupio je u službu Ug. ministarstva za Hrvatsku, Slavoniju i Dalmaciju; posle sloma Austro-Ugarske monarhije prešao je u Ministarstvo soc. politike u Beogradu a kasnije izabran za tajnika Zagrebačke trgovačke i obrtničke komore. Pročetkom šezdesetih godina je preminuo u Zagrebu. Udova Jola Kovač živi u Zagrebu, Socijalističke revolucije 19. (Popović Lj.)

Kovač Geza, 13. XII 1894, Zemun. Otac mu Franjo predstojnik carinarnice u Zemunu. Posle odlično apsolvirane škole u Zemunu, sa slabim znanjem mađarskog jezika, upisan je 1903/4. šk. g. u I razr. BG i kao dobar učenik položio je 1910/11. šk. g. ispit zrelosti. (AG-341) Svršio je Domobransku akademiju Ludoviceum u Budimpešti. (Lučić)

Sa svojim bivšim školskim drugom dr Đorđem Mitrovićem advokatom u Vukovaru poginuo je kraj Balatonskog jezera u automobilskoj nesreći kada su 1940. g. pošli na nogometnu utakmicu u Budimpeštu. (Kunc)

Kovač Koloman, 28. VII 1900, Zemun. Otac mu Franjo bio je finansijski savetnik u Zemunu. Sa vrlo dobrom ocenom svršio je osnovnu školu u rodnoj varoši. Bez znanja mađarskog jezika stupio je u I razr. BG šk. g. 1911/2. to ovde svršio III razr. šk. g. 1913/4. (AG-448)

Kovač Jakov, 5. IX 1888, Surčin. Otac mu Lajoš bio je činovnik u Mitrovici. Kao učenik građanske škole u Pečuju na osnovu položenog prijemnog ispita prešao je šk. g. 1902/3. u III razr. BG i ovde šk. g. 1904/5. svršio V razr. (AG-328)

Kulčar Đuro, 16. III 1890, Zemun. Otac mu Gustav bio je županijski činovnik u Vukovaru, gde je Đuro sa vrlo dobrom ocenom završio osnovnu školu. Bez znanja mađarskog jezika upisan je 1900/901. šk. g. u I razr. BG koju je sa dobrom ocenom završio 1907/8. šk. g., kada je ovde maturirao. (AG-291) Pravo je studirao u Budimpešti i položio doktorat. Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 28) Bio je advokat do 1950. g. u Križevcima i tada stupio u državnu službu. Umro je od srčane bolesti 1959. g. (Kunc)

Kulčar Stjepan, 6. VIII 1896, Vinkovci. Otac mu Gustav bio je županijski tajnik u Varaždinu. Upisao se u II razr. BG 1908/9. šk. g. i učenje ovde svršio 1909/10. šk. g. sa III razr. (AG-419)

Kunc Zvonimir, 12. XI 1888, Lipik. Otac mu Hugo bio je vlastelinski činovnik. Posle uspešno svršenog I razr. zagrebačke realne gimnazije, bez znanja mađarskog jezika, upisao se šk. g. 1900/01. u I razr. BG, u kojoj je šk. g. 1907/8. položio ispit zrelosti. (AG-291) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 28) Svršio je pravni fakultet; bio je redarstveni činovnik i banski savetnik u Zagrebu, gde je umro. (Vlaškalin i Helfman)

Kušević Svetozár, 24. VIII 1886, Blačko. Otac mu Todor bio je inženjer Ug. dr. železnica u Miškolcu, gde je Svetozar sa dobrom ocenom svršio osnovnu školu. U BG upisao se 1897/8. šk. g. i kao dobar đak 1904/5. šk. g. položio je ispit zrelosti. (AG-249)

Lazić Emil, 30. X 1898, Zemun. Otac mu Velimir bio je glavni carinik u Klenku. Bez poznavanja mađarskog jezika upisan je 1908/9. šk. g. u I razr. BG, gde je bio vrlo dobar đak i 1915/6. šk. g. maturirao. (AG-418) Medicinske nauke učio je i diplomirao u Pragu. Do kraja II svetskog rata bio je gradski lečnik u Starom Bečeju te je kao specijalist za plućne bolesti postao primarius grudnog odeljenja Vojne bolnice u Petrovaradinu. Umirovljen je 1958. i stanuje u Novom Sadu, ul. Laze Kostića 10. (Dr Lazić)

Lazić Jovan, 9. V 1895, Klenak. Otac mu Velimir bio je carinski nameštenik. Posle svršene osnovne škole u Zemunu sa vrlo dobrim uspenom, bez znanja mađarskog jezika primljen je 1905/6. šk. g. u I razr. BG i kao dobar učenik 1912/3. šk. g. maturirao. (AG-366) Vršio je vojnu dužnost za vreme I svetskog rata. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 28) Studirao je i diplomirao na veterinarskom fakultetu u Bernu (Svajcarska) 1920. g. Radio je kao veterinar starobečejskog sreza do 1939. g. kada je naprasno umro. (Dr Lazić)

Lipak Nikola, 19. III 1894, Vrašečko. Skrbnik mu Nikola Belajec bio je činovnik u Zagrebu, gde je Lipak svršio osnovnu školu sa dobrom ocenom. Bez znanja mađarskog jezika stupio je 1905/6. šk. g. u I razr. BG i do 1907/8. šk. g. svršio tri razreda. (AG-366)

Labaš Vladimir, 22. XI 1895, Koprivnica. Otac mu dr Franjo bio je lečnik u Đakovu. U Segedinu je svršio I razr. gimnazije i 1906/7. šk. g. stupio u II razr. BG, gde je bio dobar učenik i 1912/3. šk. g. maturirao. (AG-382) Za vreme Kraljevine Jugoslavije bio je viši pomorski oficir. (Bastaić)

Lipoščak Dioniz, 20. X 1880, Zagreb. Otac mu Mijo poštansko-telegrafski činovnik u Budimpešti. U Velikoj gimnaziji pijarista u Budimpešti uči je I razr. sa vrlo dobrim uspehom, 1891/2. šk. g. prešao je u II razr. BG i kao vrlo dobar đak svršio ovde 1894/5. šk. g. V razr. (AG-172)

Liščić Milutin, 29. X 1884, Okučani. Otac mu Đorđe bio je advokat u Petrinji. Prva 2 razr. Velike srpske gimnazije u Novom Sadu svršio je sa dobrom ocenom te je sa slabim znanjem mađarskog jezika 1897/8. šk. g. prešao u III razr. BG, gde 1902/3. šk. g. maturira. (AG-252)

Lučić Konstantin, 9. II 1901, Susek. Otac mu Milan bio je paroh u Suseku, gde je Konstantin sa vrlo dobrim uspehom svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1911/2. šk. g. u I razr. BG, gde je učio do kraja 1913/4. šk. g. pa je sa IV razredom nastavio u Hódmezővásárhelyu (Hodmezevašarhelju) i 1918/9. šk. g. maturirao. U Zagrebu je diplomirao i doktorirao na pravnom fakultetu, stekao je i diplomu inženjera ekonomskih nauka takođe na sveučilištu u Zagrebu. U Novom Sadu bio

je advokatski pripravnik i ovde je položio advokatski ispit 1931. g. Od 1932. do 1936. g. bio veliki beležnik i zamenik gradonačelnika u Somboru. Posle toga vršio je advokatsku praksu sve do umirovljenja. Za celo vreme svoje delatnosti imao je koristi od poznavanja mađarskog jezika. Prilikom pedesetogodišnjice gimnazijske mature 1969. g. bio je u Hodmezevašarhelju. Stanuje u Beogradu, Internacionalnih brigada 76. (Lučić)

Magarašević Jovan, 4. VII 1891, Dalj. Otac mu Dušan bio je paroh. U Osijeku je svršio sa dobrom ocenom prva 2 razreda gimnazije a 1904/5. i 1905/6. šk. g. sa vrlo dobrim uspehom III i IV u BG. (AG-356)

Makkay (Makaji) Mihály, 30. X 1892, Županja. Otac mu Miko bio je kotarski predstojnik u Slatini. Posle vrlo dobro apsolviranog II razr. gimnazije u Sušaku, bez znanja mađarskog jezika, upisao se 1905/6. šk. g. u III razr. BG i ovde 1909/10. šk. g. svršio VII razr. (AG-369)

Marković Dejan, 12. IV 1879, Vinkovci. Otac mu Sava kotarski sudac u Otočcu. Prva 2 razr. gimnazije svršio je u Senju i bez poznavanja mađarskog jezika 1893/4. šk. g. prešao je u III razr. BG, gde je 1898/9. šk. g. maturirao. (AG-198)

Mašić Ilija, 27. IV 1897, Škare. Otac mu Ilija paroh, Skare. Bez znanja mađarskog jezika upisao se 1908/9. šk. g. u BG gde je 1912/3. šk. g. završio V razr. (AG-418) Postao je činovnik Ug. drž. železnica. Umro je. (Lučić)

Menčik Jovo, 1. XI 1882, Novi Marof. Otac mu Jovo bio upravitelj vlastelinski. Svršio je I razr. gimnazije u Szombathelyu (Sombathelju) sa vrlo dobrom ocenom a II razr. u BG s dobrim uspehom. (AG-208)

Mešić Dragutin, 11. IX 1899, Bjelovar. Mati mu Katica udova suca u Zagrebu. U Vinkovcima je učio I razr. gimnazije sa dobrim uspehom pa je bez poznavanja mađarskog jezika prešao 1911/2. šk. g. u BG, gde je 1913/14. šk. g. završio IV razr. (AG 449) Po rapuštanju internata premešten je u cistercitsku gimnaziju u Pečuju, gde 1917/8. šk. g. maturira i 1919. odlazi na Visoku tehničku školu u Beču te na istoj 1924. g. diplomira kao inženjer strojarstva. Radio je u svojoj struci u Beču i Jugoslaviji a kasnije kao ovlašteni i patentni inženjer otvorio svoju kancelariju. Nakon rata ponovo radi po raznim tvornicama. Umirovljen je 1958. g. Živi u Zagrebu, Kukuljevićeva 11. (Mešić)

Mihajlović Pavle, 23. XI 1888, Susek. Otac mu Ignjat bio je opštinski beležnik. Pošto je svršio I razr. Srpske velike gimnazije u Novom Sadu, sa slabim znanjem mađarskog jezika prešao je 1900/901. šk. g. u II razr. BG i kao dobar učenik 1906/7. šk. g. maturirao. (AG-295) Diplomirao je na pravnom fakultetu u Budimpešti, bio advokat u Zagrebu, gde je pre II svetskog rata preminuo. (Popović Lj.)

Mihaldžić Stanoje, 28. V 1892, Jasenovac, gde mu je otac Nikola bio drž. nadšumar. Osnovnu školu svršio je sa dobrom ocenom u Zagrebu. Bez znanja mađarskog jezika učio je od 1903/4. do 1910/11. šk. g. u BG i maturirao. (AG-341) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost, ranjen je i bolovao (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 29, 35. i 36) Pravo je studirao i diplomirao na sveučilištu u Zagrebu. Stupio je u političko-upravnu službu, bio je šef policije u Subotici, Novom Sadu i Zagrebu, pa ministar unutrašnjih poslova i pred II svetski rat ban Drinske banovine u Sarajevu. Početkom rata interniran je u Gracu, gde je ostao kao emigrant do svoje smrti 1956. g. (Vlaškalin, dr Lazić i Grubić)

Miletić Karlo, 21. I 1882, Zagreb. Otac mu Matija bio je poverenik u Gospiću. Osnovnu školu svršio je u Sušaku. Bez znanja mađarskog jezika upisao se 1896/7. šk. g. u I razr. BG, a 6. III 1897. god. napustio školu. (AG-232)

Mirenić Stjepan, 14. VII 1885, Rakarje. Otac mu Davorin bio je seljak u Rakarju. U Zagrebu je vrlo dobar učenik I razr. gimnazije pa je bez znanja mađarskog jezika prešao u II razr. BG 1898/9. šk. g. gde je takođe vrlo dobar đak i 1903/4. šk. g. maturira. (AG-267) Vojničkoj dužnosti udovoljio je u Beču te stupio u službu hrvatsko-slavonskog odseka Ministarstva trgovine u Budimpešti i svršio ovde pravo. Od 1910. do 1912. g. bio prometni činovnik Ug. drž. železnica u Koprivnici, zatim se vratio na raniju dužnost u Ministarstvu gde je radio do kraja I svetskog rata, u kojem je bio sanitetski oficir u Sremu i na Soči. Krajem 1918. g. u Jugoslaviji postaje šef pravnog odseka Direkcije drž. železnica u Zagrebu, 1929. g. u. Subotici; 1933. g. vraća se u Zagreb kao šef bolničkog fonda. Umirovljen je 10. IV 1941. g. Od 1943. do 1945. g. je vršilac dužnosti turopoljskog komesa. U sretnom braku živeo je od 1912. g. do svoje smrti 26. V 1969. g. Imao je dve kćerke, dva unuka i dva praunuka. (Ud. Darinka Mirenić)

Mitrović Đorđe, 30. V 1894, Vukovar. Otac mu dr Jovan županijski fizikus u Vukovaru. Osnovnu školu svršio je u svom rodnom gradu. Bez poznavanja mađarskog jezika stupio je u I razr. BG 1904/5. šk. g. i 1911/2. šk. g. završio VIII razr. Ne nalazi se u spisku maturiranih. (AG-368) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 29) Bio je advokat u Vukovaru. Sa svojim bivšim školskim

i internatskim drugom Gezom Kovačem pošli su automobilom na nogometsku utakmicu u Budimpeštu 1940. g. i tom prilikom su u saobraćajnoj nesreći kraj Blatnog jezera oboje poginuli. (Bastaić)

Mitrović Veselin, 16. V 1893, Vinkovci, gde mu je otac Todor bio zemljoposednik. U rodnom gradu je svršio 2 razreda gimnazije pa je bez poznavanja mađarskog jezika 1905/6. šk. g. prešao u III razr. BG, gde je 1910/11. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-369) Svršio je prava i radio kao advokat u Vinkovcima. Za vreme II svetskog rata je umro. (Šaula)

Momčilović Nikola, 14. II 1894, Zemun. Majka mu je udova Luke. Svršio je osnovnu školu u Zemunu. Bez poznavanja mađarskog jezika upisao se u II razr. BG 1905/6. šk. g. i kao dobar đak 1911/2. šk. g. maturira. (AG-368) Jedno vreme bio je sreski načelnik u Bitolju (Vlaškalin). Kasnije predstavnik za Jugoslaviju jednog velikog rudnika ugljena u Ruhru (Ruru); sada živi u Düsseldorfu. (Popović Lj.)

Panić Antonije, 15. IV 1881, Vukovar. Otac mu Pantelija bio je financijalni kontrolor u Zagrebu, gde je Antonije sa vrlo dobrim uspehom svršio osnovnu školu. Bez znanja mađarskog jezika stupa 1893/4. šk. g. u I razr. BG i kao dobar đak maturira 1900/901. šk. g. (AG-194) Svršio je prava i stupio u službu Ug. drž. železnica da u svojstvu tajnika MÁV-a bude dodeljen na rad u hrvatsko-slavonskom odseku Ministarstva trgovine u Budimpešti, gde ostaje do sloma Austro-Ugarske Monarhije. U početku I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 29) U Kraljevini Jugoslaviji bio je gradonačelnik Kanjiže. (Lično sam ga poznavao)

Perc Karlo, 30. IX 1892, Jasenovac. Otac mu Vilim nadšumar u Jasenovcu. Prva dva razreda gimnazije učio je u Požegi sa dobrom ocenom. Bez poznavanja mađarskog jezika prelazi 1905/6. šk. g. u III razr. BG i kao dobar đak 1910/11. šk. g. maturira. (AG-369) Za vreme I svetškog rata vrši vojnu dužnost. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 29) Svršio je pravo i bio advokat. Umro je. (Kunc)

Petrović Branko, 1. III 1886, Daruvar. Otac mu Milan bio je financijalni nadglednik. U rodnom mestu je svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika upisan je 1896/7. šk. g. u I razr. BG, u kojoj je 1903/4. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-232) Prava je studirao na sveučilištu u Budimpešti i stekao doktorat. Stupio je u službu Ug. ministarstva za Hrvatsku, Slavoniju i Dalmaciju u Budimpešti. (Na osnovu ličnog poznavanja) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 29) Posle sloma Austro-Ugarske Monarhije gradonačelnik je u Senti, zatim sreski načelnik u Odžacima, 1923. god. pak pravni savetnik i nešto kasnije glavni tajnik Novosadske produktne berze sve do II svetskog rata, kada je u vršenju vojne dužnosti dopao nemačkog zarobljeništva. Ubrzo se oslobodio i postao viši činovnik poduzeća za industriju lana i kudelje u Budimpešti. Po završetku rata prima se dužnosti predsednika Mađarsko-jugoslovenskog udruženja u Budimpešti te u vezi Rajkovog procesa bude uhapšen, posle nekoliko godina kao teško bolestan pušten je na slobodu i umro. (Na osnovu ličnog poznavanja)

Plavšić Nikola, 5. VII 1878, Zagreb. Otac mu Nikola tajnik Trgovačko-obrtničke komore u Osijeku. Posle svršenog I razreda osječke realne gimnazije prešao je 1891/2. šk. g. u II razr. R i 1897/8. šg. g. u istoj maturirao. (AG-71) Stupio je u bankarsku službu i bio pomoćnik ministra finansija u Kraljevini Jugoslaviji. (Vlaškalin)

Popović Dejan, 1. III 1896, Surčin. Otac mu Dušan kr. nadšumar u Surčinu, gde je Dejan sa dobrim uspehom svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika 1907/8. šk. g. primljen je u I razr. BG i 1914/5. šk. g. položio maturu. (AG-396) Medicinu je studirao u Pragu i Gracu. Kao specijalist za ženske bolesti uživao je ugled u Beogradu. (Dr O. Palić-Szántó) Bio je istaknut član Komunističke partije. (Vlaškalin) Za vreme Narodnooslobodilačkog rata bio je pomoćnik glavnog lečnika u Užičkoj Republici u jesen 1941. g. (Lučić) Ustaše su ga 1943. g. u Bosni ubili. (Popović Lj.)

Popović Ljubomir, 7. I 1889, Klenak. Otac mu Dušan sreski šumar u Surčinu, gde je Ljubomir kao odlikaš svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika stupio je u I razr. BG 1899/900. šk. g., u istoj i „vrlo dobro" maturirao. (AG-208) Za vreme I svetskog rata vršio vojnu dužnost, ranjen i zarobljen. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 35. i 38) Na sveučilištu u Budimpešti slušao je prava 4 semestra, položio propisana dva temeljn ispita, 5. semestar studirao u Zenevi, 6. u Parizu i vrativši se u Budimpeštu u proleće 1912. g. stekao je diplomu doktora prava. Postavljen je za finansijskog vežbenika u Zagrebu, 1913. nastupio jednogodišnju vojnu službu, gde ga je zatekao I svetski rat. Kao zarobljenik Srbije prešao je u Albaniju, Solun i Zenevu, gde je stupio u službu Presbiroa Srbije. Time je počela njegova novinarska karijera. Po okončanju rata, vrativši se 1919. g. u Beograd, odao se novinarstvu i političkom životu; bio je narodni poslanik i potpredsednik Jugoslovenskog novinarskog udrzuženja 1923/4. g. U drugom svet-

skom ratu četiri godine proveo je u nemačkom zarobljeništvu. Vrativši se u zemlju odao se prevodilačkom radu sa francuskog i engleskog jezika. Od poznavanja mađarskog jezika imao je koristi utoliko što je posle pedeset godina stao da prevodi i sa mađarskog, i to »Égető Eszter« (Estera), »Iszony« (Užas), »Bűn« (Greh) od Lászlóa Németha, zatim Adyjeve pripovetke i »Fekete város« (Crni grad) Kálmána Mikszátha. Prevode Némethovih dela izdala je 1960. i 1963. g. Minerva u Subotici-Beogradu. (Popović Lj.)

Preradović Nikola, 26. IX 1877, Sombor. Otac mu Matija obrtnik u Budimpešti. Odlično je svršio osnovnu školu u Somboru. U BG učio je III—V razr., od 1891/2. do 1893/4. šk. g. (AG-174)

Račić Josip, 22. VI 1891, Našice. Otac mu je bio + Andrija u Virovitici, gde je Josip kao odlikaš svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je 1902/3. šk. g. u I razr. BG, gde je bio dobar đak i 1909/10. šk. g. maturirao. (AG-324)

Radoslav Matija, 10. III 1885, Zemun. Otac mu je bio kotarski sudac u Novoj Gradiški, gde je Matija sa dobrim uspehom svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađrskog jezika primljen je 1895/6. šk. g. u I razr. BG i 1902/3. šk. g. položio ispit zrelosti. (AG-219) U I svetskom ratu učestvovao i bio odlikovan. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 30. i 37)

Raisner Oskar, 13. XI 1892, Dombovar. Otac mu Šandor glavni inženjer Ug. drž. železnica u Zagrebu, gde je Oskar svršio prva tri razr. gimnazije sa dobrim uspehom. U BG primljen je 1907/8. šk. g. i do 1909/10. šk. g. apsolvirao IV—VI razr. (AG-402)

Rank Aleksandar, 17. XII 1896, Vukovar. Otac mu Anton bio je financijalni nadzornik u Zagrebu, gde je Aleksandar kao odlikaš svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađrskog jezika primljen je 1907/8. šk. g. u I razr. BG i 1913/4. šk. g. završio VII razr. (AG-396) Postao je privatni činovnik. Umro je u Zagrebu. (Grubić)

Rauer Robert, 17. VI 1887, Černahora (Moravska). Otac mu Rudolf bio je nastojnik imanja u Rumi, gde je Robert kao vrlo dobar đak svršio osnovnu školu. U BG primljen je 1898/9. šk. g. i kao skroz odlikaš 1904/5. šk. g. maturira. (AG-264) Učestvovao je u I svetskom ratu. (God. izv. BG za škg. g. 1914/5., str. 30) Posle rata preselio se iz Rume u Budimpeštu. (Šaula)

Réthy (Reti) Ladislav, 11. XI 1887, Grabovo (Srem). Otac mu Mavro upravitelj imanja na pustari Ovčora kraj Vukovara. Prvi razr. gimnazije svršio je u Vukovaru i od 1899/900. do 1904/5. šk. g. bio učenik II—VI razr. u BG. (AG-282) Vršio je vojnu dužnost u I svetskom ratu. (God. izv. BG za 1914/5. šk. g., str. 30)

Rohak Miloš, 29. VII 1895, Kobaš. Otac mu Miko bio je viši carinski prijamnik u Zemunu. Osnovnu školu svršio je u Kobašu sa dobrom ocenom. Bez poznavanja mađrskog jezika primljen je šk. g. 1905/6. u I razr. BG i 1912/3. šk. g. maturirao. (AG-366) Od 1913/4. do marta 1915. g. svršio Domobransku akademiju Ludoviceum u Budimpešti i kao poručnik bio upućen za vreme I svetskog rata dvaput na ruski i jedanput na rumunski front, te krajem rata postao kapetan. U Kraljevini Jugoslaviji služio je u vojsci do 1933. g. kada je po svom traženju umirovljen jer nije položio majorski ispit. Bolešljiv je, stanuje u Slav. Kobašu. (Rohak)

Roscher (Rošer) Alfred, 29. VI 1886, Donji Miholjac. Otac mu Martin gvožđarski je trgovac u D. Miholjcu. Prva dva razr. gimnazije svršio je u Požegi i bez poznavanja mađrskog jezika primljen je 1898/9. šk. g. u III razr. BG; bio je dobar đak i 1904/4. šk. g. maturirao. (AG-268) Bio je advokat u D. Miholjcu. (Popović Lj.)

Roscher (Rošer) Ivan, 12. I 1893, Donji Miholjac. Majka mu je udova Martina, trgovca u D. Miholjcu. 1904/5. šk. g. primljen je u II razr. BG i kao dobar đak završio je 1910/11. šk. g. VIII razr., no ne nalazi se u spisku maturiranih. (AG-369)

Savić Milenko, 14. III 1883, Slatina. Otac mu Lazar učitelj je u Slatini, gde je Milenko kao odlikaš svršio osnovnu školu te bez poznavanja mađarskog jezika primljen 1893/4. šk. g. u I razr. BG; 1896/7. šk. g. završio je IV razr. (AG-194)

Siruček Ivan, 30. VIII 1899, Nuštar. Otac mu Vjenceslav vlastelinski je ekonom u Nuštaru, gde Ivan kao dobar učenik svršava osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je 1910/11. šk. g. i 1913/4. šk. g. završava IV razr. (AG-431)

Sladić Radoslav, 18. VI 1879, Đakovo. Otac mu Josip berberin je u Đakovu, gde Radoslav kao dobar učenik svršava osnovnu školu. Od 1891/2. do 1893/4. šk. g. bio je đak I—II razr. BG (AG-170)

Šaula Dušan, 5. IX 1892, Bešenovo. Otac mu Marko paroh je u Rumi gde je Dušan kao odlikaš svršio osnovnu školu. Bez poznavanja mađarskog jezika primljen je 1903/4. šk. g. u I razr. BG i 1910/11. šk. g. maturirao. (AG-341) Od 1911. do 1914. g. bio je pitomac Domobranske akademije Ludoviceum u Budimpešti i 1. VIII 1914. proizveden je za potporučnika. Za vreme I svetskog rata 1915. g. prešao je u avijaciju, bio izviđač i pilot. Po slomu Austro-Ugarske Monarchije prešao je u jugoslovensku vojsku kao pilot

i tehnički referent u vazduhoplovstvu do 1921. g., kada je dao ostavku; postao je bankarski činovnik te prešao u Vrhovni računski sud (Glavnu kontrolu) u Beogradu, gde je službovao do 1950. g., kada je po vlastitoj želji umirovljen. Živi u Baru (SR Crna Gora), naselje Doma zdravlja. (Šaula)

Scharbert (Šarbert) Ernest, 26. IX 1889, Strabičo (Sztrabicsó, bivša županija Bereg). Otac mu Ernest bio vlastelinski ekonom i Božjakovini. Od 1902/3. do 1904/5. šk. g. svršio je II—IV razr. u BG (AG-359)

Schäffer (Šefer) Mojsije, 25. XI 1879, Bácsalmás (Bački Aljmaš). Otac mu Samojlo žitarski je trgovac u Vukovaru, gde je Mojsije ućio četiri razr. realke. Od 1895/6. do 1898/9. šk. g. svršio je V—VIII razr. R i maturirao. (AG-75)

Schein (Šajn) Franjo, 27. IX 1895, Erdut. Otac mu Franjo bio je vlastelinski ekonom u Erdutu. U BG primljen je 1906/7. šk. g., svršio svih osam razr. i 1913/4. šk. g. maturirao. U I svetskom ratu na bojištu poginuo (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 34. i Grubić)

Schein (Šajn) Dragutin, 18. VIII 1898, Erdut. Otac mu Franjo vlastelinski ekonom u Erdutu. U BG primljen je 1910/11. šk. g. u II razr. i do 1912/3. šk. g. svršio IV razr. (AG-433). Tada je prešao u trgovačku školu u Pečuju, gde je maturirao te za vreme svetskog rata nastupio vojnu dužnost; na bojištu poginuo. (Grubić)

Schmiermund (Šmirmund) Koloman, 19. V 1893, Zemun. Otac mu Ernest bio je poštansko-telegrafski nadzornik u Zemunu. Posle svršenog II razr. gimnazije u Požunu prešao je 1905/6. šk. g. u III razr. BG i kao dobar učenik 1910/11. šk. g. maturirao. (AG-369)

Šorak Slavko, 5. XI 1894, Ličko Petrovo Selo. Otac mu Petar narodni zastupnik, L. Petrovo Selo. Posle svršene škole, bez poznavanja mađarskog jezika, primljen je 1905/6. šk. g. u I razr. BG, gde je bio skroz dobar učenik i 1911/2. šk. g. maturirao. (AG-368) Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 31) Posle mature studirao prava na sveučilištu u Budimpešti i Zagrebu, ali zbog rata nije završio studije. Smrću svog oca krajem rata preuzima ugovorni poštanski ured u L. Petrovom Selu i pored poseda bavi se trgovinom sve do augusta 1941. g. kada je sa suprugom Jelkom otišao u Križevce jer mu je kao Srbinu bio ugrožen život u L. Petrovom Selu. Posle II svetskog rata bio je namešten u opštini i kotaru Križevci, a 1963. g. otišao je u mirovinu. Umro je od srčanog infarkta 5. VIII 1966. g. u Križevcima. (J. Šorak)

Štriga Velimir, 21. XI 1898, Petrinja. Otac mu Marko ravnatelj je vinogradarske škole u Đakovu. Bez pornavanja mađarskog jezika upisao se u BG i od 1910/11. do 1913/4. šk. g. svršio je I—IV razr. (AG-431) Jedno vreme bio je student prava, pa je postao činovnik Našičke tvornice tanina i paropile u Zagrebu. Posle II svetskog rata izvršio je samoubistvo iz nepoznatih razloga; sahranjen je u Zagrebu. (Grubić)

Švačov Josip, 18. V 1894, Bjelovar. Otac mu Valentin bio je finansijski činovnik u Bjelovaru. Posle svršene bjelovarske osnovne škole, bez poznavanja mađrskog jezika primljen je 1905/6. šk. g. u BG i 1911/2. šk. g. završio VIII razr., no ne nalazi se u spisku maturiranih. (AG-368)

Tolović Zvonimir, 29. VII 1878, Ivanić. Otac mu Josip privatnik je u Budimpešti. Posle »dobro« svršenog II razr. gimnazije u Zagrebu prešao je 1891/2. šk. g. u III razr. BG i ovde 1894/5. šk. g. takođe sa dobrom ocenom završio VI razr. (AC-173)

Trbojević Nikola, 21. V 1886, Ličko Petrovo Selo. Otac mu Jovan bio je paroh. Osnovnu školu svršio je kao odlikaš u rodnom selu i bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1897/8. šk. g. u I razr. BG, bio skroz odlikaš i 1904/5. šk. g. maturirao. Posle studija i diplomiranja na tehničkom sveučilištu u Budimpešti preselio se u Sjedinjene Američke Države i radio kod svog ujaka Nikole Tesle, pronalazača svetskog glasa. (Šaula)

Unkelhäuser (Unklhajzer) Eugen, 13. VIII 1893, pustara Ludvinci. Otac mu Adam bio je vlastelinski agronom na pustari Ludvinci. Posle vrlo dobro svršene osnovne škole, bez poznavanja mađarskog jezika upisao se 1903/4. šk. g. u I razr. BG i 1907/8. šk. g. završio je V razr. (AG-341) U I svetskom ratu je poginuo. (Unkelhäuser Ernest)

Veličković Aleksandar, 22. VII 1900, Zagreb. Mati mu je udova Ivana, suca okružnog suda u Zagrebu, gde je Aleksandar kao vrlo dobar učenik svršio osnovnu školu. Bez znanja mađarskog jezika primljen je 1910/11. šk. g. u I razr. BG i 1913/4. šk. g. sa dobrom ocenom završio IV razr. (AG-431) Školovanje je nastavio u cistercitskoj gimnaziji u Pečuju i kao đak umro kod svoje matere u Beču (Grubić, Lučić), a prema Zastavnikoviću kao đak gimnazije u Kecskemétu (Kečkemetu).

Vujić Milan, 7. I 1895, Mitrovica. Otac mu dr Nikola bio je lečnik u Mitrovici. U rodnom gradu je svršio sa vrlo dobrom ocenom IV razr. gimnazije te 1910/11. šk. g. prešao u BG, gde je takođe kao vrlo dobar đak svršio V—VIII razr. i maturirao. (AG-423)

Za vreme I svetskog rata vršio je vojnu dužnost. (God. izv. BG za šk. g. 1914/5, str. 30) Između dva svetska rata bio je advokat u Subotici i tamo umro. (Popović Lj., Bastaić)

Wolf (Volf) Jovan, 24. III 1887, Višnjica. Otac mu Jovan bio je arendar u Bušetini. U Osijeku je bio učenik I razr. gimnazije te je šk. g. 1898/9. prešao u BG i 1901/2. šk. g. završio V razr. (AG-267)

Wolf (Volf) Rihard, 22. XII 1889, Višnjica. Otac mu Jovan arendar u Okrugljači. U II razr. BG upisan je 1901/2. šk. g. i 4. X 1902. izostao je iz III razr. (AG-328)

Weisz (Vajs) Henrik (Hinko), 25. III 1896, Mitrovica. Otac mu Miko bio je vlasnik pivare u Mitrovici, gde mu je sin kao vrlo dobar učenik svršio osnovnu školu. U BG pohađao je I—III razr. od 1906/7. do 1908/9. šk. g. (AG-381)

Wonderka (Vonderka) Franjo, 28. VIII 1878, Zagreb. Otac mu Franjo bio je građevinski inženjer u Zagrebu, gde mu je sin učio osnovnu školu. Od 1891/2. do 1894/5. bio je đak I—IV razr. R, no u IV razr. upućen na ponavljanje. (AG—71)

Zastavniković Ozren, 27. X 1900, Garešnica. Otac mu Konstantin bio je tajnik Kr. zemaljske vlade u Zagrebu, gde je Ozren kao dobar đak svršio I razr. gimnazije. Bez poznavanja mađarskog jezika prešao je u I razr. BG 1911/12. šk. g. i ovde do 1913/4. šk. g. svršio prva tri razreda. (AG-448) Po raspuštanju internata upućen je u reformatsku gimnaziju u Hódmezővásárhely (Hodmezevašarhelj), gde je 1918/9. šk. g. položio ispit zrelosti. Završio je pravni fakultet na zagrebačkom sveučilištu i odao se pravosudno-sudskoj struci. Službovao je u raznim mestima u Hrvatskoj a za vreme II svetskog rata u Srbiji (Negotinu) kao sudac i drž. tužilac. Umirovljen je 1965. g. kao predsednik kotarskog suda u Dvoru na Uni, a godinu dana kasnije otvorio je advokatsku kancelariju u Zagrebu, odnosno nakon dve godine u Dvoru na Uni gde i sada radi (Trg maršala Tita 3). U leto 1969. god. o pedesetogodišnjici mature bio je u Hódmezővásárhelyu. Iako se u službi nije koristio mađarskim jezikom, izjavio je: »Mogu reći da mi je drago što sam naučio taj jezik, upoznao narod koji je imao sudbinu sličnu našoj i čija se kultura sve više zamećuje i ceni«. (Zastavniković)

Kao što je već bilo napomenuto, za tridesetoricu pitomaca manjka arhivski materijal. štoga mogu dati samo spisak njihovih imena i vreme provedeno u BG:

Adamović Sredoje 1894/5—1896/7, VI razr.-matura;
Bakić Nikola 1893/4—1899/900, II r.-matura;
Benak Šandor 1896/7—1897/8, VII r.-matura;
Buzdumović Jovan 1912/3—1913/4, I—II r.;
Domaćinović Ivan 1913/4, I r.;
Günther Ivan 1914/5, IV r.;
Herrmann Oskar1912/3, I r.;
Hlava Milan 1895/6—1897/8, VI r.-matura.;
Hradil Petar 1913/4, I r.;
Hrazdina Pavle 1913/4, I r.;
Josifović Pavle 1912/3—1913/4, I—II r.;
Jozić Miho 1913/4, I r.;
Killer Zvonimir 1911/2, I r.;
Klemen Lajos 1897/8—1900/01, I—IV r.;
Krcivoj Petar 1911/2, I r.;
Krulc Franjo 1905/6—1910/11, I—VI r.;
Kušević Vladimir 1913/4, I r.;
Mesarović Milisav 1894/5, IV r.;
Miletić Karlo 1896/7, I r.;
Misošević Simeon 1894/5—1901/2, I r.-matura;
Mojsinović Milan 1894/5, I r.;
Pakaci Vladimir 1913/4, I r.;
Panian Ernestin 1891/2;
Petelka Ivan 1912/3—1913/4, II—III r.;
Poić Zvonimir 1913/4, I r.;
Šajnović Ante 1913/4, I r.;
Söjtöry Nikola 1912/3—1913/4, I—II r.;
Suhay Imre 1893/4—1898/9, III r.-matura;
Vardian Viktor 1894/5—1897/8, V—VIII r.;
Wranyczany baron Lotar 1895/6, V r.

Imajući u vidu sve što je ovde rečeno, možemo ustvrditi da su počev od 1891. god. dve struje dejstvovale u oblasti mađarske prosvetne politike u odnosu na zemlje posestrime Hrvatsku i Slavoniju. Prva je bila šovinističko-imperijalistička koja se najizrazitije ispoljavala u poslovanju Ug. drž. železnica kao »privatnog« preduzeća države i u radu društva »Julijan«, a druga u shvatanju tadašnjeg ug. ministra za bogoštovlje i javnu nastavu i tadašnjeg ug. ministra za Hrvatsku i Slavoniju. Ovi poslednji su putem školovanja u Mađarskoj dece hrvatsko-slavonske zavičajnosti hteli stvarati kadrove koji ne bi bili neprijateljski raspoloženi prema Ugarskoj i Mađarima. Ova struja, na žalost, nije mogla nadvladati nerazumnu prvu, no ostaje nam kao dokaz da je pored Mocsáryja bilo i na odgovornim najvišim položajima u Ugarskoj naprednih, uviđavnih ljudi, svesnih istorijske odgovornosti, bez koje nema plodonosnog javnog rada u odnosima među narodima, zemljama i državama. Hrvatsko-slavonski internat u Budimpešti svojim radom od 1891. do 1914. god. potvrđuje nam da se, iako sa zakašnjenjem od ravno 100 godina, shvatila sudbinska neminovnost tešnjeg prijateljstva i saradnje između mađarskog, hrvatskog i srpskog naroda. To se danas u duhu socijalističkog internacionalizma ostvaruje kako u skoro jednojezičnoj Mađarskoj tako i u višejezičnoj Jugoslaviji kao svakodnevna prirodna potreba.

E. Palić

Von der Arbeit des »Instituts für Geschichte der sozialistischen Länder Europas« der Slowakischen Akademie der Wissenschaften

In Böhmen und in der Slowakei hat die Erforschung der Beziehungen zwischen den einzelnen slawischen Völkern eine große Tradition. Dies steht in enger Verbindung damit, daß die Idee der slawischen Wechselseitigkeit gleichzeitig mit der slowakischen und der tschechischen nationalen Ideologie erst von tschechischen und von slowakischen Gelehrten, Schriftstellern und Politikern ausgearbeitet wurde. Die Geschichte und die Kultur dieser beiden Völker verflechtet sich auch seitdem mit der Historie und der Kulturgeschichte der slawischen Völker.

Wenn wir also die Arbeit des Preßburger Instituts überblicken, können wir feststellen, daß der wertvollste und bedeutendste Teil der Arbeit im Studium der slawischen Wechselseitigkeit und der teschechoslowakisch-slawischen Zusammenarbeit ist. Wir halten es nicht für einen Zufall, daß das regelmäßig erscheinende Jahrbuch des Instituts den Titel »Slovanské štúdie« trägt. Und schon im voraus stellen wir fest, daß wir keinerlei Widerspruch zwischen der Benennungen des Jahrbuchs und des Instituts sehen. Der Name des Instituts bezeichnet die richtige und notwendige Bestrebung nach erweiterung der Forschung, der Ausgangs- und Schwerpunkt ist aber—nicht nur den Traditionen sondern in diesem Zusammenhang der Bedeutung der slawischen Länder und des Ethnikums entsprechend (die Slawen bilden ohne Ausnahme den Teil des sozialistischen Weltsystems) — die Bearbeitung der slawischen Beziehungen und der Geschichte der slawischen Völker.

Das Institut wurde im Jahre 1954 eröffnet als Tschechoslowakisch-Sowjetisches Institut und darin arbeitete neben der literarischen und linguistischen — noch eine historische Sektion. Im Jahre 1964 bildete sich aus dieser letzten Sektion das heutige Institut. (Die beiden anderen Sektionen wurden unter dem Namen »Institut für Weltliteratur und Linguistik« selbständig). In Preßburg hatten die slawischen Forschungen keine solchen institutionellen Vorbilder wie das Slawische Institut zu Prag, das zwischen den zwei Weltkriegen und auch in den Jahren nach der Befreiung tätig war, und aus welchem sich das Institut für die Erforschung der Geschichte der Sozialistischen Länder Europas zu Prag, bzw. das heutige Tschechoslowakisch-Sowjetische Institut bildete. Die Resultate in der Slowakei sind trotzdem beträchtlich und das Institut, das in seinem Namen auf die sozialistische Epoche hinweist — um damit eine der Hauptrichtungen seiner Forschungen anzugeben — ist ein historisches Institut, folglich beschäftigt es sich auch mit den der Oktoberrevolution vorangehenden Jahrhunderten. Die drei Sektionen des Instituts sind: die Sektion für die Geschichte vor 1917, die für nach 1917 und die für Dokumentation und Bibliographie.

Zahlreiche Zweige, Relationen *der vielseitigen slawischen Wechselseitigkeit* erschließen sich aus den Publikationen des Instituts, sowie aus den Werken seiner Mitarbeiter. In unserer Rezension besprechen nach Themen geordnet wir das zweiseitige Interesse: sowohl die vom Institut herausgegebenen Bände, in welchen die Werke zahlreicher

berühmter ausländischer Verfasser zu finden sind, als auch die von den Mitarbeitern des Instituts verfaßten und in anderen Publikationen erschienenen Studien.

Unser Ausgangspunkt kann nichts anderes sein als die Information über die Bearbeitung der *der zeitgenössischen slawischen Ideologie*. Vor allem müssen wir eine gemeinsame, bedeutende Unternehmung des Prager und Preßburger Instituts erwohnen. Dieses Werk entwirft ein zusammenfassendes Bild über die Rolle der slawischen Idee in der Geschichte des tschechischen und des slowakischen Volkes.[1] Es zeigt die historischen Voraussetzungen und Erscheinungsformen der slawischen Ideologie in den verschiedenen Etappen der tschechischen und der slowakischen Geschichte, sowie im Bewußtsein der einzelnen Schichten und Klassen der Gesellschaft. Und wenn auch von alledem in der Konkretheit der tschechisch-slowakischen Historie die Rede ist, ist die Präsentierung der universalhistorischen Zusammenhänge der slawischen Ideologie ein unbestreitbares Verdienst der Synthese. Umso mehr konnte es zur Präsentierung dieses weiteren Horizonts kommen, weil es außer den Slowaken und den Tschechen kein slawisches Volk gab, in dessen Geschichte die slawische Idee eine größere Rolle gespielt hätte.

Mehrere Mitarbeiter des Preßburger Instituts haben in diesem zusammenfassenden Werk wertvolle Kapitel geschrieben. O. R. Halaga beschäftigt sich mit dem anfänglichen Erscheinen des slawischen Bewußtseins und untersucht die verschiedenen, Slawen bezeichnenden Benennungen, die bis Ende des 16. Jh.s in den Denkmälern vorkommen. L'. Haraksim führt die Konzeptionen der modernen bürgerlichen Verfasser der slawischen Ideologie vor (J. Kollár, P. J. Šafárik, J. Herkeľ, Ľ. Štúr). Diese Ansichten enthielten die Anerkennung der weiteren slawischen Einheit bzw. der Selbständigkeit eines jeden slawischen Stammes (Nation). Mit der Betonung der Sonderstellung — und diese Ansicht wurde von Štúr vertreten — wollte er natürlich eine höhere Stufe der slawischen Integration fördern. Haraksim befasst sich mit den slawischen Plänen von 1848—49, welche größtenteils austroslawischer Anregungen entsprangen. Nach der Niederwerfung der bürgerlichen Revolution und des Freiheitskampfes trat — verständlicherweise — die Krise der austroslawischen Konzeption ein. Dies widerspiegelte sich in Štúrs russophiler Orientierung, die er in seinem Werk »Das Slawenthum und die Welt der Zukunft« darlegt.

Die Entwicklung der von den 60er Jahren bis zum ersten Weltkrieg sich immer mehr differenzierenden slawischen Idee führt V. Borodovčák vor. Neben dem Russophilismus der Konservativen, der sich nach dem zaristischen Rußland orientiert, meldet sich stark die Idee der demokratischen slawischen Zusammenwirkung, die Unterstützung des polnischen Aufstandes von 1863, die Unterscheidung des auch die Slawen in grossem Masse unterdrückenden Zarismus vom russischen Volk, von den russischen revolutionären Bewegungen. Die slowakischen bürgerlichen Demokraten orientierten sich nach den demokratischen Richtungen der slawischen Völker sie hegten zu ihnen eine tiefe Sympathie. Zugleich sahen mehrere slowakische Demokraten richtig die bis zu gewissem Grad positive Rolle des zaristischen Rußlands in der Unterstützung der nationalen Befreiungskämpfe der Slawen, Bulgaren, Serben am Balkan. Interessant und vielseitig ist Borodovčáks Darlegung von der slawischen Konzeption der Hlasisten und von der Auffassung der sozialdemokratischen Arbeiterpresse.

Mit den russisch-slowakischen Beziehungen während des zweiten Weltkriegs beschäftigt sich P. Pollák. Diese Zusammenarbeit knüpft sich nicht zuallerletzt an jene tschechisch-slowakischen Kolonien mit je cca. 100 000 Mann, welche schon zur Zeit des ersten Weltkrieges im zaristischen Rußland ausgebaut wurden. Der Verfasser schätzt auch die während des ersten Weltkriegs erstarkenden tschechoslowakischen Beziehungen als die Verwirklichung der slawischen Idee. Er stellt auch richtig fest, daß die slawische

[1] Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha 1968.

Idee nach der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution und der Gründung der Tschechoslowakischen Republik bei den Slowaken einen neuen Inhalt bekommen hat. Mit Recht kann also bemängelt werden, daß sich die Synthese mit dieser Frage nicht befaßt, ebensowohl kommt die Slowakei in den ansonsten skizzenhaften Kapiteln der Epoche zwischen den zwei Weltkriegen zu kurz.[2]

Im zweiten Weltkrieg hat die slawische Idee den Kampf gegen den Faschismus selbstverständlich gestärkt, denn mit der Sowjetunion an der Spitze haben alle slawischen Völker auf Leben und Tod mit dem Dritten Reich gekämpft. Die Sympathie für die Slawen im faschistischen Slowakischen Staat in den ersten Jahren des zweiten Weltkrieges und die den antifaschistischen Widerstand anregende slawische Idee wird von J. Pivoluska untersucht. Eine große Bedeutung hatten zur Zeit des Krieges die slawischen Komitees und die slawischen Kongresse. Zu solchen grossen Treffen kam es während des bewaffneten Kampfes viermal. Das erste fand im August 1941, das zweite im April 1942, das dritte im Mai 1943 und das vierte im Februar 1944 in Moskau statt. Mit diesen Fragen beschäftigt sich der Direktor des Instituts J. Hrozienčik, der in seinem Vortrag 1968 am VI. Slawistischen Kongreß zu Prag dieses Thema viel ausführlicher erörterte.[3]

Das letzte — ebenfalls skizzenhafte — Kapitel des genannten Bandes überblickt die Nachkriegsjahre. Vom Auftreten der slawischen Idee in der Slowakei berichtet J. Pivoluska. Und obwohl in diesem Kapitel richtig erwähnt wurde, daß nach 1948 den veränderten Umständen gemäß die slawische Idee von einer umfassenden Vereinigung abgelöst wurde, trotzdem bemängeln wir das Fehlen jener Darstellung, wie sich in den veränderten Verhältnissen nach der Besiegung des Dritten Reiches, schon in den Jahren nach der Befreiung neben den progressiven Komponenten der slawischen Idee auch deren regressiver, sozusagen unzeitmäßiger Zug bemerkbar machte, der schließlich zu ihrem Absterben führte.

Aus dem Themenkreis der slawischen Ideologie sind außer dieser Synthese mehrere kleine Teilreferate erschienen. Zwei Konferenzen — in der Veranstaltung des »Instituts für Geschichte« der Slowakischen Akademie der Wissenschaften — haben sich mit der Entwicklung der slawischen Idee befaßt. An beiden Konferenzen hat der Mitarbeiter des Instituts Ľ. Haraksim anregende Referate gehalten. Das eine überblickt die slawische Idee bei den ungarländischen Ukrainern von Bazilovyč und Lutskay über Duchnovyč bis Dobrjanskyj.[4] Das andere Referat hat einen weiteren Horizont: es untersucht die slawischen Programme der 30er und 40er Jahre des vorigen Jahrhunderts (Kollár, der kroatische Illirismus, die ukrainische Zyrill-Method-Gesellschaft, der Serbe Garašanin [Načertanije], der Russe Pogodin, die 1848—49 aufgetauchten Ansichten usw.).[5] In diesem Themenkreis muß ich noch auf ein — reiches und neues Material enthaltendes — Referat hinweisen, das die Erscheinungsformen der slawi-

[2] Zugleich dürfen wir nicht vergessen, daß dieses Thema früher in Sonderbänden von demselben Mitarbeiter des Instituts bearbeitet wurde: P. Pollák, Internacionalná pomoc československého proletariátu národom SSSR. Bratislava 1961; ders., Július Fučík a SSSR. Bratislava 1963.

[3] Všeslovanský výbor v Moskvě. Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha 1968, 499—507.

[4] Hnutie Ukrajincov Zakarpatska a východného Slovenska a myšlienka slovanskej vzájomnosti. Materiály z konferencie o myšlienke slovanskej vzájomnosti a jej úlohe v národnooslobodzovacom boji našich národov (Smolenice 12—14. októbra 1959). Historický časopis 4 (1960) 360—374.

[5] Die slawischen Programme. Ľudovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wissenschaftlichen Tagung in Smolenice 27—29. Juni 1966. Bratislava 1969, 217—240.

schen Idee zur Zeit der Matica Slovenská darstellt.[6] Der Verfasser erwähnt den Artikel von Nikolaus Kevelov (»Russische Stimme zu den Slowaken«) in den »Slovenské noviny« unter der Redaktion von J. Bobula. Dieses Pamphlet erschien übrigens — darauf weist der Verfasser nicht hin — auch in einer zeitgenössischen ungarischsprachigen Ausgabe.[7] An dieses Thema knüpft sich das Interesse für die Tätigkeit des die slawische Wechselseitigkeit wissenschaftlich begründenden Slawisten P. J. Šafárik. Zur 100-sten Jahreswende seines Todes hat das Institut einen Studienband herausgegeben, der zahlreiche Auszüge aus Šafáriks historischen, literaturgeschichtlichen und grammatischen Werken bringt, dabei auch die russischen, ukrainischen, polnischen, bulgarischen und jugoslawischen Beziehungen des grossen Gelehrten nicht ausser Acht lassend. Besonders beachtenswert sind die linguistischen Studien, welche Šafáriks Bedeutung in der Bewegung der Sprachpflege der slawischen Völker untersuchen.[8] Die Ausgaben des Instituts widmeten schon vor dem Erscheinen des Jubiläumsbandes besondere Aufmerksamkeit seinen russischen, ukrainischen und polnischen Beziehungen.[9]

Bevor wir zur Arbeit auf dem Gebiet einzelner slowakisch-slawischer Relationen kommen, müssen wir die Studien, die sich mit den breiteren *slawischen Beziehungen* befassen, in Augenschein nehmen. Diese bedeuten insofern einen von der slawischen Ideologie abweichenden Themenkreis, daß sie keine zeitgenössischen theoretischen Konzeptionen, sondern eine Zusammenarbeit präsentieren. So behandelt eine Studie die Beziehungen der mitteleuropäischen Slawen im 9. Jh. aus dem Gesichtspunkt der territorialen Ausdehnung des Großmährischen Reiches.[10] O. Halaga untersucht die mittelalterlichen Beziehungen der slowakischen Städte zu Polen und zu Rußland an Hand reichen Materials.[11] In der Reihe der frühen breiteren slawischen Beziehungen müssen wir jene große Studie erwähnen, welche die gemeinsamen polnischen, west-ukrainischen und ost-slowakischen Volkstraditionen, vor allem die Betyárenwelt beschreibt.[12]

Über die Zeit der bürgerlichen Revolution sind zwei Studien zu erwähnen: eine analysiert Giuseppe Mazzinis Meinung über die Slawen und stellt fest, daß dem großen italienischen Revolutionär nach die Befreiung der Slawen mit den nationalen Gleichberechtigungskämpfe anderer europäischer Völker in engem Zusammenhang stünde. Die andere Studie untersucht die Teilnahme der galizianischen Ukrainer am Slawischen Kongreß 1848. Die Folge des Kongresses war die Verstärkung des ukrainischen nationalen Bewußtseins. Ungarländische Ukrainer nahmen am Kongreß nicht teil, ihre nationalen Forderungen wurden von den Slowaken zum Ausdruck gebracht.[13]

[6] A. Popovič, K problematike slovanskej idey na Slovensku v matičnom období (1863 – 1875). Príspevky k medzislovanským vzťahom v československých dejinách. Slovanské štúdie 3 (Bratislava 1960) 165 – 199.

[7] Kevelov M., Orosz hang a tótokhoz. Pest 1868.

[8] Odkaz P. J. Šafárika. Slovanské štúdie 6 (1963).

[9] N. A. Kondrašov, Vyznam diela P. J. Šafárika pre ruskú vedu. Z dejín československo-slovanských vzťahov. Slovanské štúdie 2 (1959) 327 – 338; — H. Hostička, Pavel Josef Šafárik a Ukrajinci. Z dejín československo-ukrajinských vzťahov. Slovanské štúdie 1 (1957) 295 – 318; — Alina Szklarska, Próba bibliografii: Pavel Józef Šafárik w Polsce. Slovanské štúdie 3 (1960) 539 – 545.

[10] L. Havlík, Územní rozsah velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka. Slovanské štúdie 3 (1960) 9 – 79.

[11] Spojenie slovenských miest s Poľskom a Rusom do XVI. stor. Historické štúdie 9 (1965).

[12] E. Stavrovský, Spoločné ľudové tradície poľského, západoukrajinského a východoslovenského ľudu v 16. až v prvej polovici 18. storočia. Slovanské štúdie 3 (1960) 269 – 359.

[13] A. Nemlaha, Slovania v diele G. Mazziniho; — M. Daniľák, Ukrajinci a Slovanský zjazd v Prahe. Slovanské štúdie 10 (1968) 71 — 93, 5 — 28.

Was die weiteren Epochen anbelangt: V. Borodovčák behandelt sehr vielfältig und an Hand eines sehr reichlich dokumentierten Materials die Stellungnahme der Polen am Ende des 19. und am Anfang des 20. Jh.s zur Politik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie in bezug auf die slawischen nationalen Bewegungen. Das Verhalten der Polen wurde immer — wie das der Autor feststellt — von den Zielsetzungen der jeweiligen Befreiungskämpfe bestimmt, welche in enger Verbindung standen mit der Orientierung der auf verschiedenen polnischen Gebieten wirkenden mannigfaltigen Parteien.[14]

Die Zusammenarbeit während des zweiten Weltkrieges — welcher das Institut die notwendige Aufmerksamkeit schenkt — vertritt die neueste Epoche der Geschichte der multilateralen slawischen Beziehungen.[15]

Von den zweiseitigen slawischen Beziehungen ist die *slowakisch-russische* die am meisten ausgearbeitete Relation. Der Durchzug von Kutusows Truppen durch die Slowakei enthält viele kriegsgeschichtliche Momente und natürlich auch ungarische Beziehungen, welche vom Verfasser nicht außer Acht gelassen werden.[16]

In bezug auf die historischen Beziehungen untersucht eine andere Studie, was die russische wissenschaftliche und politische Öffentlichkeit von Štúr, dem hervorragenden Führer der slowakischen Bewegung der 40er Jahre wußte. Außer den zeitgenössischen Beziehungen verfolgt der Autor Sympathie und Interesse der russischen Öffentlichkeit für die slowakische Bewegung bis zur Oktoberrevolution. Unter den Beziehungen und den Sympathisierenden begegnen wir Namen wie Bakunin, Černiševskij, Dobroljubov. Natürlich war das Interesse der russischen Slawisten am größten. V. I. Lamanskijs slowakischen Beziehungen wird eine Sonderstudie gewidmet. An dieser Stelle müssen wir V. Borodovčáks Referat erwähnen, welches zwar eine kleinere Periode und die andere Seite der russisch-slowakischen Beziehungen untersucht, doch sein Interesse auf die ganze slowakische Gesellschaft ausbreitet, indem es die charakteristischen Züge des slowakischen Russophilismus in den 60er, 70er Jahren des 19. Jh.s darstellt. Diesem Thema schließt sich die Arbeit an, die das Verhalten der tschechischen Arbeiterbewegung zum tschechischen bürgerlichen Russophilismus behandelt. P. Pollák stellt die Tätigkeit des während des ersten Weltkriegs in Petersburg gegründeten slowakisch-russischen Vereins dar. Die Gründung des nach Štúr benannten Vereins ist dem zu verdanken, daß die zaristischen Truppen in der erfolgreichen Frühlingsoffensive 1915 einen Teil der Ost-Slowakei besetzt haben. Das regte die Slawen in Rußland zur Aktivität an.[17]

Eine ganze Reihe von Studien, welche die breite literarische Wechselwirkung widerspiegeln, beschäftigte sich mit dem produktiven slowakischen Echo der russischen

[14] Poliaci a slovanská otázka v habsburskej Monarchii na rozohraní 19. a 20. storočia (1890 – 1914). Slovanské štúdie 10 (1968) 47 – 70.

[15] V. I. Klokov, Z dejín bojovej spoluprace slovanských národov v období veľkej Vlasteneckej vojny Sovietského sväzu. Slovanské štúdie 2 (1959) 219 – 240; — J. Valenta, Poľsko a uzavretie československo-sovietskej spojeneckej zmluvy roku 1943. Slovanské štúdie 9 (1967) 29 – 53; s. auch Slovanství v národním životě Čechů a Slováků 401 – 444. Vgl. noch diesbezüglich Anm. 3.

[16] Č. Amort, Michail Kutuzov na Slovensku v rokoch 1805 – 1806. Slovanské štúdie 2 (1959) 423 – 446.

[17] O. Malevič, Znalosti ruskej predrevolučnej spoločnosti o živote a činnosti Ľudovíta Štúra. Slovanské štúdie 2 (1959) 339 – 386; — V. Matula, V. I. Lamanskij a Slovensko. Slovanské štúdie 9 (1967) 138 – 147; — O. Borodovčák, K niektorým charakteristickým črtám slovenského rusofilstva v 60 – 70. rokoch 19. storočia (roky 1860 – 1875). Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského 15 (1964) 299 – 319; — V. Šťastný, K otázce rusofilství českého dělnického hnutí a jeho názoru na Slovanskom otázku v posledních desítiletích 19. století. Slovanské štúdie 2 (1959) 411 – 422; — P. Pollák, Slovensko-ruský spolok pamäti Ľ. Štúra. Slovanský přehled 1968, 392 – 394.

Literatur (19., 20. Jh.) und mit den russischen Übersetzungen slowakischer Schriftsteller. Tolstoj, Gorkij, Hviezdoslav, Jonáš, Záborský und Janko Jesenský stehen sogar im Mittelpunkt selbständiger Studien. Besonders muß der Name F. F. Aristovs, eines russischen Universitätsprofessors (1888—1932) erwähnt werden, der eine Geschichte der slowakischen Literatur schrieb.[18]

Es ist also zu sehen, daß das Institut den *sowjetisch-tschechisch-slowakischen* Beziehungen eine besondere Aufmerksamkeit widmet. Eine der wichtigsten Perioden ist die zwischen den zwei Weltkriegen, welche mit der Teilnahme der tschechoslowakischen Kommunisten am russischen Bürgerkrieg begann und mit dem Kampf des slowakischen und des tschechischen Proletariats um die Anerkennung Sowjet-Russlands ihre Fortsetzung nahm. Gleichfalls war ihre Teilnahme an der Erneuerung und der Entwicklung der sowjetischen Wirtschaft in den Jahren zwischen 1922—1932 ein wertvoller Beitrag. Zu jener Zeit sind Tausende von tschechischen und von slowakischen Arbeitern und Bauern in die Sowjetunion übersiedelt und nahmen am Aufbau des Sozialismus teil. Eine besondere Periode bedeutete der zweite Weltkrieg, dann die Periode nach der Befreiung. Über letztere erschien ein besonderer Studienband, in dem die wichtigsten ökonomischen, politischen und kulturellen Momente dieses vielseitigen Kontakts zu finden sind.[19]

Der *ukrainisch-tschechisch-slowakischen* Zusammenarbeit widmet das Institut gleichfalls einen ganzen Band, in dem außer dem Überblick dieses reichen Kontakts auch die slawischen und die tschechisch-slowakischen Beziehungen des großen Schriftstellers und revolutionären Demokraten Ivan Franko eine große Rolle spielen.

Der Studienband enthält außerdem noch ein reiches Material von der mittelalterlichen Zusammenarbeit und von den verwandten Zügen der Folklore der zwei slawischen Nachbarvölker angefangen über die literarischen, wissenschaftlichen und überhaupt kulturellen Beziehungen des 19. und 20. Jh.s bis zur revolutionären Zusammenarbeit, zur produktiven Wechselwirkung der sozialistischen ukrainischen und der slowakischen Kultur. Die nach diesem Band erschienenen kleineren Studien erforschten die revolu-

[18] E. Panovová, Ruská literatúra v slovenských časopisoch koncom 19. a na začiatku 20. storočia. Slovanské štúdie 2 (1959) 275—325; — V. D. Savickij, Tvorba slovenských spisovateľov z konca 19. a začiatku 20. storočia, ebda 387—402; — Z ohlasov I. N. Tolstého na Slovensku. Slovanské štúdie 4 (1960); — S. Lesňáková, Ohlasy diela Maxima Gorkého na Slovensku pred rokom 1918. Slovanské štúdie 2: 241—274; ders., Maxim Gorkij v slovenskej žurnalistike (Osobnosť a dielo, 1918—1938).) Slovanské štúdie 3 (1960) 107—142; ders., Maxim Gorkij a naša súčasnosť. Z najnovších dejín československo-sovietskych vzťahov po roku 1945. Slovanské štúdie 5 (1962u 169—191; — L. S. Kiškin, Tvorba P. O. Hviezdoslava v Rusku na konci 19. a na začiatko 20. storočia. Slovanské štúdie 2: 403—409; — C. Chorvát, Drámy Jonáša Záborského s ruskou tematikou, zavislosť od Karamzina. Slovanské štúdie 3: 201—253; — E. Panovová, Janko Jesenský v ruskom zajatí (jun 1915—september 1916), ebda 143—164; — T. F. Aristová—J. V. Bogdanov, O rukopise F. F. Aristova, Slovenská literatúra, ebda 255—267.

[19] I. A. Peters, K otázke činnosti československých komunistov v sovietskej republike v rokoch 1918—1920. Slovanské štúdie 2: 141—217; — F. Gondor, Boj slovenského proletariátu za uznanie sovietského Ruska roku 1920. Slovanské štúdie 3: 81—106; — P. Pollák, Účasť československých robotníkov a roľníkov pri obnove a vystavbe sovietského hospodárstva v rokoch 1922—1932. Historické štúdie 9 (1965) 82—97; — J. Hrozienčik, Bojová družba 1952; — ders., Pomoc SSSR Slovenskému národnému povstaniu. Slovenské národné povstanie. Bratislava 1965; — J. Pivoluska, K niektorým otázkam zahraničnej orientacie slovenského odboja do roku 1943. Slovanské štúdie 9 (1966) 54—81; s. noch den Sonderband der Slovanské štúdie 5 (1962) 7—167, 205—217; — J. Šedivý, Spojenectví s SSSR — predpoklad řešení hlavních zahraničně politických cílu Československa. Slovanské štúdie 9: 13—28; — Z. Sládek, Československo-sovietské vzťahy v období rokov 1945—1960. Slovanské štúdie 7 (1965) 9—33.

tionäre Vorgeschichte der heutigen Zusammenarbeit (Ševčenko, der Kampf der tschechoslowakischen Soldaten in der Ukraine für die Sowjetmacht usw.).[20]

Bei der Erschließung der intensiven *slowakisch-polnischen* Beziehungen sind bedeutende Resultate entstanden. Neben einem die ganze Epoche umfassenden Werk[21] ergreifen Monographien und Studien die wichtigsten Knotenpunkte der Zusammenarbeit. Der Weg des mittelalterlichen Salzhandels führte durch die slowakischen Komitate. Für den ostslowakische Salzbau gibt es schon vom 13. Jh. an Dokumente. Aus demselben Jahrhundert stammen die ersten Angaben, die von der Lieferung polnischen Salzes in die slowakischen Komitate zeugen.[22]

Die Epoche des nationalen Unabhängigkeitskampfes, die besonders reiche Zusammenarbeit im 19. Jh. interessierte die Forscher in großem Masse. Kollárs polnische, Miczkiewicz's und Słowackis slowakische Wirkung ist viel breiter und tiefer als eine gewöhnliche kulturelle Wirkung.[23] Beachtungswert war die politische Zusammenarbeit in den 30er und 40er Jahren. Nach dem Aufstand 1830—31 standen sowohl der demokratische als auch der adelige Flügel der polnischen Emigration mit der slowakischen nationalen Bewegung in Verbindung. Eine besonders große Aktivität für die Gewinnung Štúrs und seiner Anhänger übte das Pariser Hotel Lambert, d. h. die von Czartoryski geführte polnische Emigration aus.[24] Auch der polnische Aufstand 1863 blieb in der slowakischen nationalen Bewegung nicht ohne Anklang, wie das die wertvolle Arbeiten von V. Borodovčák beweisen. Gleichfalls beschäftigte er sich in einer selbständigen Monographie mit den polnisch-slowakischen Beziehungen in der Epoche des Dualismus. Auch diesmal untersucht er die Frage sehr differenziert, indem er das Verhältnis der polnischen Parteien zu den Slowaken einzeln untersucht und die Auffassung der Richtungen in der letzteren Bewegung, z. B. in der Slowakischen Nationalen Partei und bei den Hlasisten, in bezug auf die polnische Frage. Borodovčák befasste sich auch mit dem Verhalten und Gesichtspunkt der Arbeiterparteien.[25]

In bezug auf die Zusammenarbeit mit den *Süd-Slawen* müssen die *slowakisch-serbisch-kroatischen* und die *slowakisch-bulgarischen* Beziehungen betrachtet werden. Eine interessante Studie stellt dar, daß auf das mittelalterliche serbische und bosnische Bergrecht das tschechische Bergrecht (Iglau) wirkte und die Vermittlung über die Slowakei, die Zipser Sachsen geschah. Auch K. Kučerová wählte ein mittelalterliches Thema: sie untersucht die kroatische Kolonisation im 16. Jh., welche sich bis an die westliche

[20] Z dejín československo-ukrajinských vzťahov. Slovanské štúdie 1 (1957); — M. Molnár, K prenikaniu diela I. Ševčenka na Slovensko. Slovanské štúdie 5 (1962) 193—204; — P. I. Harčev, Československí červenoarmejci v boji za sovietsku moc na Ukrajine. Slovanské štúdie 9 (1967) 117—137.

[21] V. Borodovčák—G. Gondor—E. Haraksim—J. Hrozienčik, Poliaci a my. Bratislava 1964.

[22] M. Kučera, Poľsko-slovenský obchod so soľou do konca 16. storočia. Slovanské štúdie 7 (1965) 89—122.

[23] M. Kudělka, Kollár v Polsku. Slovanské štúdie 2 (1959) 29—72; — D. Bergová, Preklady Kollárových básní do polštiny. Slovanské štúdie 3 (1960) 387—418; — H. Batowski, Mickiewicz a Slováci, ebda 359—387; — J. Magnuszewski, Prvé ohlasy poézie Juliusa Słowackého v Čechách a na Slovensku, ebda 369—386; — A. Bolek, K Hviezdoslavovým prekladom z J. Słowackého, ebda 419—435.

[24] V. Žaček, Z revolučných a politických poľsko-slovenských stykov v dobe predmarcovej. Bratislava 1969.

[25] Príspevok k ohlasu polského povstania roku 1863 na Slovensku. Slovanské štúdie 2 (1959) 73—140; — Ohlas poľského povstania r. 1863 na Slovensku. Bratislava 1960; — Poliaci a slovenský národný zápas v rokoch dualizmu (Poliaci a funkcia myšlienky slovanskej vzájomnosti v slovenskej národnej ideológii na prelome 19. a 20. storočia. Bratislava 1969; — Poľské robotnícke strany a Slováci na prelome dvoch storočí. Slovanské štúdie 7 (1965) 59—88.

Grenze des historischen Ungarns ausdehnte, ihre nördlichsten Inseln erreichten sogar das Gebiet der heutigen West-Slowakei.[26]

Die Beziehungen im 19. Jh. paßten sich den nationalen Bewegungen gleicher Zielsetzung an. Das Zentrum der serbisch-slowakischen Zusammenarbeit der 30er und der 40er Jahre war der Lesekreis der im Preßburger Lyzeum lernenden serbischen Studenten, in welchem auch der später berühmte Leiter der Serbischen Liberalen Partei, S. Miletić eine bedeutende Tätigkeit ausübte. Mit dem wichtigen Ereignis vom Ende des Jahrhunderts, dem Nationalitätenkongreß (1895) befaßt sich M. Krajčovič. Die linken Flügel der slowakischen, der serbischen und der rumänischen nationalen Bewegungen traten auf dem Budapester Kongreß mit bedeutenden nationalen und bürgerlich-demokratischen Forderungen auf.[27]

Es erschien auch ein imposanter Studienband, welcher zahlreiche Einzelheiten und Knotenpunkte der tschechisch-slowakischen und jugoslavischen Beziehungen in Betracht zog. Der Band enthält das Material des 1966 sich mit diesem Thema befassenden Symposiums. Von der mittelalterlichen Zusammenarbeit angefangen (Pribinas Fürstentum, die groß-mährische Tradition bei den Kroaten und den Serben, die Beziehungen der Tschechen, der Mähren, der Slowaken und der Slowenen, der Serben, der Kroaten und der Mazedonier zueinander bis Ende des 15. Jh.s, die kroatische Kolonisation in der Slowakei, die serbischen und die mazedonischen Kaufleute in der Ost-Slowakei im 18. Jh.) über die nationale Besinnung und die Beziehungen der Jahre 1848—49 bis zu den gemeinsamen Kämpfen um die Jahrhundertwende sind im Band zahlreiche Studien zu finden. Einen besonderen Platz nehmen in dieser Reihe die kroatisch-slowakischen Beziehungen ein. Die Zusammenarbeit während des ersten Weltkrieges und die kleine Entente bedeuten die nächste Station. Die Epoche nach München und die Waffenbrüderschaft im zweiten Weltkrieg sind im Band an Hand besonders reichen und neuen Materials geschriebenen Studien vertreten.[28]

Die slowakische nationale Bewegung betrachtete im 19. Jh. mit Interesse *den bulgarischen nationalen Befreiungskampf*, die Entwicklung des bulgarischen Kulturlebens und der Sprache. Und in den letzten Jahrzenten des 19. und am Anfang des 20. Jh.s nahmen slowakische Kolonisten an der bulgarischen revolutionären Bewegungen teil. Diese neuen Angaben legt J. Hrozienčiks Arbeit vor. Auch V. Bystrickýs Studie, die die tschechoslowakische Aktion für G. Dimitrows Verteidigung gegen die Provokation des nazistischen Deutschlands als Teil der internationalen proletarischen Solidarität darlegt, erweckt Interesse.[29]

Damit haben wir die wichtigste Thematik in der Tätigkeit des Instituts überblickt. Ein weiterer Interessenkreis ist *die Geschichte der slawischen Länder bzw. der sozialistischen Länder, Völker von Ost-Europa*. Damit breitete sich der Themenkreis nicht nur

[26] J. Pošvář, K otázce původu hornictví a horního práva v Srbsku a v Bosně. Slovanské štúdie 3 (1960) 437–466; – K. Kučerová, Stahovanie Chorvátov na Slovensko v 16. storočí. Slovanské štúdie 8 (1966) 5–69.

[27] V. Matula, Mladé Slovensko a Juhoslovania. Slovensko-srbské vzťahy a spolupráca v dobe Ľ. Štúra. Slovanské štúdie 10 (1968) 29–45; — M. Krajčovic, Kongres Rumunov, Slovákov a Srbov. Slovanské štúdie 8 (1966) 71–110.

[28] Československo a Juhoslávia. Z dejín československo-juhoslovanských vzťahov. Bratislava 1968.

[29] J. Vlčev, Slovensko-bulharské vzťahy päťdesiatych a šesťdesiatych rokov 19. storočia. Slovanské štúdie 2 (1959) 447–474; ders., Z dejín slovensko-bulharských vzťahov do oslobodenia Bulharska r. 1878. Martin 1959; — J. Hrozienčik, Участие на словашките колонисти в революционното движение на българския народ (Към историята на чехословашко—българските отношения). Чехословакия и Българля през вековете. София 1963, 203–218; – V. Bystrický, Hnutie na obranu Dimitrova v Československu. Slovanské štúdie 7 (1965) 35–57.

so aus, daß die landesgeschichtlichen Arbeiten, die die Beziehungen in vieler Hinsicht geschaffen haben, in Gang kamen sondern ihr Horizont sich außer den slawischen Völkern vor allem auf Ungarn, Rumänien und im allgemeinen auf den Balkan ausdehnte. Diese Ausdehnung der Forschung nahm seit 1964, seit der Gründung des neuen Historischen Institute einen größeren Schwung. Im Jahre 1965 begann man mit der Herausgabe der *historischen* Reihe der Slawischen Studien, die wir vorher schon teils behandelt haben, und diese Bände wurden größtenteils aus den Werken der Mitarbeiter des Instituts zusammengestellt. Und da wir in unserer Rezension die Tätigkeit des ganzen Tschechoslowakisch-Sowjetischen Instituts bis 1964 dargestellt haben, können wir auch von den Ergebnissen des seit 1964 aus dem Historischen Institut ausgeschiedenen Instituts für Weltliteratur und Linguistik, das den Themenkreis der slowakisch-slawischen literarischen Beziehungen umfaßt, nicht schweigen.[30]

Noch interessanter sind die literaturgeschichtlichen Nummern der ab 1966 erscheinenden Zeitschrift »Studia Slovaca«. In diesen Heften nehmen die literaturgeschichtlichen Fragen und Probleme der Komparatistik einen großen Platz ein. Von den Studien aus dem Themenkreis der slawischen Beziehungen müssen wir die Wirkung von Kollárs Slávy dcera auf die kroatische romantische Dichtung erwähnen, seine Beziehungen zu Chomjakow und des letzteren Einfluß auf die Romantik von Štúr und seiner Gruppe, Mickiewicz's Wirkung auf die Dichtung von Štúr und seiner Schule, den Vergleich der slowakischen und der polnischen romantischen Ballade, J. Kochanowskis Erscheinen in der tschechischen und der slowakischen Literatur, die polnischen Übersetzungen von Kukučins Werken, die jugoslawischen Motive in Samo Vozárs Dichtung, M. Hamuljaks jugoslawische Beziehungen, und I. Vazovs Aufnahme in der Slowakei. In dieser Zeitschrift erschienen neuere Studien über Lermontows, Puškins, Turgenevs, Dostojevskis und Tolstojs slowakischer Wirkung. Erwähnenswert sind jene Arbeiten, die sich nicht mit Beziehungen, Wirkungen, sondern mit einigen Fragen der slawischen Literaturen beschäftigen (die speziell nationalen Züge der modernen ukrainischen Dichtung, nationale und internationale Motive in der jugoslawischen Literatur, der bulgarische Symbolismus, die speziellen Züge der modernen bulgarischen Literatur und die über S. Żeromskis, L. Lazarevićs und J. Veselinovićs Bedeutung geschriebenen Studien). Mehrere Arbeiten sind aus dem Themenkreis der ungarischen Literatur und der ungarisch-slowakischen literarischen Beziehungen erschienen.[31]

Aus den genannten Themen sind zahlreiche selbständige Werke und Studienbände erschienen, bzw. sind noch im Druck.[32] Wir weisen hier auch auf die wertvollen Bibliographien des Instituts für Literaturgeschichte und Linguistik hin.[33]

[30] Slovensko-slovanské literárne vzťahy. Bibliotheca Slavica Slovaca I. Bratislava 1966. Aus den Studien dieses Bandes weisen wir auf die über J. Záborskýs Dramen mit Themen aus der jugoslawischen Geschichte, auf slowakische Übersetzungen von Mickiewicz und bulgarischen Dichtern, vor allem Ch. Botev, und schließlich auf B. Nosáks im Jitřenka (1840) erschienene Originale der Übersetzungen aus den slawischen Literaturen hin.

[31] Studia Slovaca 1966, No. 2, 4; 1967, No. 2, 3; 1968, No. 2, 4; 1969, No. 2, 4; 1970, No. 2.

[32] Literárne vzťahy Slovákov a južnych Slovanov. Bratislava 1968; Medziliterárne vzťahy. Bratislava 1968; — Vzťahy slovenskej a polskej literatúry (der im Druck befindliche Band enthält die Materialien der Konferenz von 1967); — E. Panonová, Puškin v slovenskej poézii do r. 1918. Bratislava 1966; — A. Popovič, Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1863—1875. Bratislava 1961; — M. Molnár, Slovaki i Ukrajinci. Prešov 1965; — Z. Klátik, Štúrovci a Juhoslovania. Bratislava 1965; — D. Ďurišin, Slovenská realistická poviedka a N. V. Gogoľ. Bratislava 1966; — A. Červenák, Vajanský a Turgenev. Bratislava 1968.

[33] M. Fedor, Balkanica Slovaca. Bratislava 1965; ders., Polonica Slovaca. Bratislava 1967; — M. Nevrlý, Ukrajinica Slovaca. Bratislava 1965. — Wir bemerken,

Und nun kommen wir zur Untersuchung des anderen Gebiets des Historischen Instituts. Schon früh meldete sich das Interesse für das *ukrainische Volk*, das sich in erster Linie auf die Geschichte der gegenwärtig in der Slowakei lebenden ukrainischen Bevölkerung, bzw. der ukrainischen Bevölkerung des geschichtlichen Ungarns richtete. Vor allem muß hier die Tätigkeit von L'. Haraksim hervorgehoben werden.[34] Auch in den Themenkreis der slawischen Beziehungen gehört die Tätigkeit des Ukrainers aus dem Komitat Zemplén M. A. Baludjanski (1769—1847): er spielte im zaristischen Rußland als Jurist eine große Rolle und war einer der nächsten Mitarbeiter von M. M. Speranski.[35] Wir müssen erwähnen — und das weist auf die weitere Ausdehnung der Forschungen über die Ukrainer hin — daß das Institut eine Synthese der Geschichte der Ukrainischen Sozialistischen Sowjetrepublik vorbereitet.

Schon aus dem bisher Gesagten folgt, wie eng sich *Ungarns* Geschichte an das Forschungsgebiet des Instituts knüpft. Eine Synthese über Ungarns Geschichte steht jetzt im Druck, die die Periode zwischen 1867—1956 behandelt. Außerdem sind auch kleinere Teilstudien von E. Rečková erschienen.[36]

Die Mitarbeiter des Instituts bearbeiteten aus der *Geschichte des Balkans* vor allem einige Fragen der Außenpolitik zwischen den zwei Weltkriegen. Diese Studien beruhen auf bis jetzt unbekannten archivalischen Dokumenten. V. Bistrický wandte sich den 30er Jahren zu sein Interesse umfaßt den ganzen Balkan.[37] Im Mittelpunkt von L. Deáks Tätigkeit steht das Verhältnis der einzelnen balkanischen Staaten zur Sowjetunion in den Jahren nach Hitlers Machtergreifung.[38]

Mit der Geschichte Bulgariens beschäftigen sich mehrere Studien. Außer den regen Interesse für die Geschichte des Frühmittelalters stehen auch die revolutionären Ereignisse und Bewegungen zwischen den zwei Weltkriegen im Mittelpunkt der Aufmerksamkeit.[39] Auf wertvollem, gleichfalls unbekanntem archivalischem Material beruht V. Bystickýs Studie, die die internationalen Zusammenhänge der bulgarischen Wende am 19. Mai 1934, der Machtergreifung der Zveno-Gruppe präsentiert.[40] Die *rumänischen* Studien sind kulturgeschichtlichen und histographischen Charakters.[41]

---

daß die Tätigkeit dieses Instituts für Literaturgeschichte besonders beachtenswert ist. Kurz informiert darüber: D. Ďurišin, Päť rokov výskumu inonárodných literatúr. Slavica Slovaca 1969 212—216.

[34] K sociálnym a kulturným dejinám Ukrajincov na východnom Slovensku. Bratislava 1961; — Nové metodologické aspekty k štúdiu obrodenia Ukrajincov na východnom Slovensku a Zakarpatsku. Dukla 1966.

[35] M. Fedor, Michail Andrejevič Balugjanskij. Slovanské štúdie 3 (1960) 497—531.

[36] Voľby v Maďarsku na jeseň 1945. Slovanský přehled 1966; — Maďarská historiografia rokov 1945—1965 o vplyve Veľkej októbrovej socialistickej revolúcie v Maďarsku. Slovanské štúdie 9 (1967) 215—225; — K niektorým problémom maďarsko-československých vzťahov v medzivojnovom období. Slovanský přehled 1969, 371—377; — Anglický lord a maďarská kráľovská koruna, ebda 400—402.

[37] Nové tendencie v zahraničnej politike balkánskych štátov začiatkom 30. rokov. Slovanské štúdie 10 (1968) 113—154; — Stanovisko Malej dohody a Balkánskej dohody k vyzbrojovaniu Bulharska v rokoch 1934—1938. Slovanské štúdie 8 (1966) 149—183.

[38] K problému normalizovania vzťahov medzi Juhosláviou a SSSR v rokoch 1933—1935. Slovanské štúdie 9 (1967) 98—116; — K otázke vzťahu Rumunska k SSSR v rokoch 1933—1936. Slovanské štúdie 8 (1966) 111—147.

[39] D. Krandžalov, Hodnota zpráv Al masudiho v Bulharech (na Dunaji) a Rusech. Slovanské štúdie 3 (1960) 467—495; — A. Avenarius, Prabulhari v prameňoch 6—7. storočia. Slovanské štúdie 8 (1966) 185—204; — J. Mitev, Septembrové povstanie v Bulharsku r. 1923 a európska spoločnosť. Slovanské štúdie 10 (1968) 95—112.

[40] Prevrat 19. mája 1934 v Bulharsku a Malá dohoda. Slovanský přehled 1968, 290—296.

[41] M. Dan, Príspevok Rumunov k štúdiu dejín a kultúry slovenského ľudu. Slovanské štúdie 10 (1968) 155—160; — K. Kučerová, Rumunská historiografia o vplyve

Um das Gesagte zu ergänzen, müssen wir erwähnen, daß das Preßburger und das Prager Institut gemeinsam die altbekannte Monatschrift »Slovanský přehled« herausgibt, welche mitunter ein ganzes Heft der Geschichte irgendeines sozialistischen Landes widmet. So erschienen hier unter anderem ein bulgarisches, ein jugoslawisches, ein polnisches, ein rumänisches und ein ungarisches Heft.[42]

Das Interesse des seit 15 Jahren arbeitenden Instituts ist also vielseitig, seine Resultate sind beachtungswert.

E. Arató

Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Hg. von W. Krauss, Z. Stieber, J. Bělič, V. I. Borkovskij. Akademie-Verlag, Berlin 1969, XX + 584 S.

Mit dem umfangreichen Band begrüßten die Redakteure bzw. Autoren, 72 an der Zahl, Professor Hans Holm Bielfeldt zu seinem 60. Geburtstag. Der Band ist ein würdiger Repräsentant der schon auf alte Traditionen zurückblickenden Festschriften. Unter den Autoren befinden sich hervorragende Philologen, Literaturhistoriker, Kulturhistoriker und Geschichtsforscher zahlreicher Länder.

Den Band leitet die in warmen Worten gehaltene Begrüßung der vier Hauptredakteure: W. Krauss, Z. Stieber, J. Bělič und V. I. Borkovskij ein, in der die Tätigkeit und der Lebensweg H. H. Bielfeldts in einer dem Anlaß entsprechenden Weise gewürdigt werden. Anschließend folgt das Verzeichnis seiner Publikationen in der sorgfältigen Zusammenstellung von H. Pohrt (X—XX).

Im Einklang mit dem Titel haben die Redakteure die zahlreichen Artikel in drei Gruppen zusammengefaßt. Den ersten un zugleich reichsten Teil bilden die 39 lingustischen Studien (Sprachwissenschaftliche Beiträge). Dann folgt mit 23 Artikeln der literaturhistorische Teil (Literaturwissenschaftliche Beiträge), zuletzt befassen sich zehn Autoren mit historischen, kulturhistorischen Themen (Beiträge zur Geschichte und zur Geschichte der Slawistik). Die Autoren sind in allen drei Teilen alphabetisch angeführt. Es erübrigt sich, zu betonen, daß der Rezensent in diesem Fall die Würdigung des ganzen Stoffes des Bandes nicht auf sich nehmen kann, würde doch einerseits nur die Anführung der Autoren und ihrer Artikel wenigstens zwei Seiten in Anspruch nehmen, anderseits würden die verzweigten Gebiete der äußerst reichen Thematik und der verschiedenen Wissenschaftszweige, im Rahmen einer Rezension, meritorische Bemerkungen kaum ermöglichen. Es scheint also angezeigter, unsere Aufmerksamkeit nur auf einige Artikel zu beschränken, die sich aus irgendeinem Gesichtspunkt auch an die ungarländische Slawistik knüpfen bzw. infolge gewisser Parallelen auch im Hinblick auf die ungarländischen linguistischen und literaturgeschichtlichen Forschungen von Nutzen sind.

Die ungarländische Sprach- und Literaturgeschichte ist übrigens in dem Band durch je einen Artikel von László Hadrovics und Andreas Angyal vertreten. L. Hadrovics ist bestrebt, die Herkunft des viel diskutierten ung. *daróc* an Hand neuer Gesichtspunkte zu beleuchten (Ung. *daróc* und Verwandtes. 60—2). Auf Grund sach- und sprachgeschichtlicher Angaben nimmt der Autor den Standpunkt ein, daß das ung. *daróc* die Entlehnung des ersten Gliedes einer mittelhochdeutschen, und zwar bairisch-österreichischenmundartlichen Wortgruppe *grôwes tuch* sei (61). Eine gewisse Schwierigkeit bedeutet jedoch,

Veľkej októbrovej socialistickej revolúcie v Rumunsku. Slovanské štúdie 9 (1967) 203—214.

[42] Slovanský přehled 1967, No. 4; 1968, No. 1, 2; 1969, No. 2, 5.

daß **grôwes tuch* nicht belegt und auch der Wechsel von $g > d$ am Wortanlaut nicht eindeutig geklärt ist. Das neueste ungarische etymologische Wörterbuch (A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest 1967) akzeptiert diese, in ungarischer Fassung früher bereits publizierte Etymologie von L. Hadrovics nicht, der aber ohne Zweifel recht hat, wenn er betonnt, daß seine im wesentlichen auch lautlich annehmbare, auf objektive Wirklichkeit aufgebaute Erklärung: ». . .mag sie auch mit einem Schönheitsfehler behaftet sein, m. E. doch beruhigender ist als bloße Schreibtischkonstruktionen« (62)

A. Angyal, im Themenkreis der Geschichte der Slawistik forschend, stellt ein Kapitel aus der Tätigkeit eines der vielseitigsten Slawisten des 19—20. Jh.s, des Slowenen Matija Murko vor (Matija Murkos Bedeutung für die südosteuropäische Barockforschung. 501—511). Unter Berufung auf verschiedene Feststellungen Murkos ruft A. Angyal in erster Linie die Aufmerksamkeit auf einige Charakteristiken des panonischen Barocks wach. Er weist z. B. darauf hin, »daß sich im Raum etwa zwischen Agram (Zagreb) und Preßburg (Bratislava—Pozsony), also im alten Nordkroatien und Westungarn, in der Übergangszeit zwischen Spätrenaissance und Frühbarock eine adelige Kultur entfaltet, in der Ungarisches und Slawisches fast unbemerkt ineinander übergehen« (503—504). Er erörtert ferner, welche Rolle die Familien *Zrínyi* und *Frankopan* in der Ausgestaltung des südslawisch-ungarischen Barocks innehaben (504), und bespricht die zeitgenössische Betätigung der Franziskaner und Jesuiten (505—8), sowie die Zusammenhänge zwischen der südslawischen Volksdichtung und den ungarischen Historiensängern (508—9) usw.

Mit der Wechselwirkung der deutschen und der westslawischen Sprachen befassen sich sogar mehrere Aufsätze. Nach dem Lesen dieser Artikel muß man wiederholt betonen, daß eines der vernachlässigsten Gebiete der slawistischen Forschungen die Untersuchung der Wirkung von fremden Sprachen, vor allem der Lehnwörter in den slawischen Sprachen ist.

Jaromír Bělič unternimmt eine kurze Analyse der deutschen Lehnwörter der heutigen tschechischen Sprache (Poznámky o postavení německých přejatých slov v dnešní češtině. 7—18). Er stellt fest, daß eine den wissenschaftlichen Anforderungen entsprechende eingehende Bearbeitung des Themas auch heute noch fehlt. Er untersucht, wie sich die aus verschiedenen Bedeutungskreisen und geographischen Gebieten stammenden deutschen Wörter in die tschechische Sprache eingefügt haben bzw. einfügen, genauer in deren literarische, umgangssprachliche, fachsprachliche, mundartliche usw. Variationen.

Die Charakteristiken der Einbürgerung bestimmt J. Bělič wie folgt: die lautliche und morphologische Einbürgerung der Lehnwörter ins Tschechische; Gebilde können mit heimischen Suffixen geschaffen werden; manchmal kann sich die Bedeutung, unabhängig vom Deutschen, ändern; die Bedeutungsänderung drückt sich gegebenenfalls auch in formaler Abweichung aus; in der (deutschen) Übergebersprache kann das ursprüngliche Wort aussterben, während es in der (tschechischen) Annehmersprache weiterlebt; das Lehnwort kann eine vollständig neue Bedeutung erhalten. Zum Schluß fixiert J. Bělič »že slova přejatá z němčiny a přes němčinu se vyskytují ve značném množství ve všech útvarech a vrstvách českého jazyka« (17). Und diese Wörter wurden von den ältesten Zeiten bis in die Neuzeit kontinuierlich entlehnt.

Der auch in seinen Methoden und im Aufbau mustergültige Artikel von J. Bělič bietet den Rahmen für eine größere Monographie. Jene seine Bemerkung aber, daß das mährische *lukše* aus dem Ungarischen stammt (15), scheint nicht standzuhalten. Der selben Meinung über den unmittelbaren Ursprung des Wortes ist auch Machek[1] 274, demgegenüber weist Stefan Kniezsa darauf hin, daß *laska* nur aus dem Norden, u. zw. entweder aus dem Ukrainischen oder Slowakischen ins Ungarische gelangt sein konnte

(s. I. Kniezsa: A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I/1—2. Budapest 1955, 307). Es scheint als gewiß, daß die mährischen Mundarten diesen Ausdruck nicht aus dem Ungarischen, sondern aus dem Slowakischen übernommen haben.

Milan Romportl untersucht die Lautform der aus dem Deutschen entlehnten Gattungsnamen und Eigennamen des Tschechischen (Zvuková podoba slov a jmen přejatých z němčiny do češtiny. 155—62). Er weist darauf hin, daß es Fälle gibt — und nicht einmal wenige —, in denen sich die Entlehnung auf die gesprochene bzw. gehörte Wortform stützt. Eine solche Entlehnung nennt M. Romportl »annähernd«, da hier nicht von der Substitution der Phoneme die Rede ist, sondern von der annähernden Reproduktion der Lautkörpers des gesprochenen Wortes (155—6). Meiner Meinung nach lenkt diese Feststellung M. Romportls die Aufmerksamkeit auf eine grundlegend wichtige Erscheinung: daß es nämlich überhaupt nicht möglich ist, den Ursprung der Lehnwörter im allgemeinen mit schulmäßiger Steifheit, eventuell nur aufgrund eng bemessener lautlicher Kriterien zu behandeln. Die Sprache ist nämlich in erster Linie ein Kommunikationsmittel, deren wichtige Bestandteile, die Wörter, in der fließenden Rede nicht im Nebeneinander abgesonderter Phonems, sondern als Ergebnis des gegenseitigen Aufeinanderwirkens hörbar sind. Ihre Apperzeption erfolgt — hauptsächlich für Fremde — häufig mit dem ganzen Lautkörper des Wortes, weshalb bei der Entlehung manchmal Veränderungen vor sich gehen, die mit den lautlichen Regeln nicht erklärbar sind.

M. Romportl führt im weiteren Beispiele für die Lautübernahme und Lautsubstitution an. Es ist bedauerlich, daß der Autor bei dem reduzierten dt. *ə* seine Untersuchung lediglich auf die Eigennamen ausdehnt. Aufgrund dessen kann er mit Recht sagen, daß das reduzierte deutsche *ə* im Tschechischen immer als *e* erscheint (159). Bei den Gattungswörtern oder z. B. in den Fachausdrücken ist die Lage bei weitem nicht so eindeutig. Hier verschwindet nämlich, hauptsächlich in den ursprünglichen Endungen *-e, -en, -er, -el* das gemurmelte *ə* am häufigsten, z. B. *štola*, ostrauisch *štolňa*, *maršejd* (< dt. *Markscheide*), *latro*, alttschech. *látr* (< mhd. *lāchter*) usw. Die zeitgemäße und systematische Aufarbeitung dieser Erscheinungen wäre in de nordslawischen Sprachen ebenfalls erwünscht.

Vladimír Šmilauer untersucht auf einem engeren Gebiet, in der tschechischen botanischen Terminologie die Ausdrücke deutschen Ursprungs (Německé prvky v české botanické nomenklatuře. 202—11). Er hält es nämlich für wichtig, den tschechischen Wortschatz gemäß den einzelnen Bedeutungskreisen zu analysieren, weil es nur auf diese Weise möglich ist, die auf das Tschechische ausgeübte lexikalische Wirkung der deutschen Sprache mit Erfolg zu kartographieren. Ich glaube, daß dies auch bei den übrigen Sprachen, z. B. der polnischen, der slowakischen oder sogar der ungarischen, Geltung hat und nicht nur für Wörter deutschen Ursprungs, sondern auch überhaupt für die Lehnwörter. V. Šmilauer bringt hier die Etymologien aufgrund des Werkes Česká a slovenská jména rostlin (1955) von V. Machek, benützt auch beide Ausgaben des etymologischen Wörterbuches von Machek. Die botanischen Ausdrücke der tschechischen Sprache deutschen Ursprungs behandelt er nach historischen Epochen. In die erste Gruppe kommen die sog. ureuropäischen Ausdrücke (hier können wir, meiner Meinung nach, in Wirklichkeit in engerem Sinne noch nicht von einer deutsch-tschechischen Wirkung sprechen); die zweite Gruppe bilden die Fachausdrücke deutschen Ursprungs der alttschechischen Epoche (bis 1511); in der dritten Gruppe sind die Lehnwörter der Zeit zwischen 1511—1780 zu finden; die vierte Gruppe setzt sich aus den ab 1780 bekannten deutschen Entlehnungen zusammen. In einer selbständigen Gruppe erörtert der Autor einige Pflanzennamen deutschen Ursprungs, hauptsächlich aus der mährischen Mundart. Ich bemerke, daß auch die baldige selbständige Aufarbeitung der vielen, hierher gehörenden mährischen bzw. tschechischen Mundartwörter angezeigt wäre. Schließlich spricht der Verfasser über die

Ausdrücke umstrittenen Ursprungs, die mit dem Deutschen auf irgendeine Weise in Verbindung gebracht werden können, ohne aber die Klärung ihrer Abstammung auf sich zu nehmen. In einigen Fällen lenkt er die Aufmerksamkeit auf gewisse Erscheinungen, für die endgültige Lösung wird aber das weitere Studium der einzelnen Wörter erforderlich sein.

Stanisław Urbańczyk befaßt sich mit dem Problem der deutschen Lehnwörter der altpolnischen Sprache (W sprawie staropolskich zapożyczeń z języka niemeckiego. 255—61). Ähnlich den tschechischen Slawisten, weist auch St. Urbańczyk mit Recht auf das Fehlen einer gründlichen wissenschaftlichen Aufarbeitung der Wörter deutschen Ursprungs im Polnischen hin. Versuche wurden auch auf diesem Gebiet angestellt, die Erörterung des ganzen Fragenkomplexes läßt aber noch auf sich warten. Die Arbeit scheint so groß, so ausgedehnt zu sein, daß ihre Ausführung, dem Autor nach, von einer einzigen Person gar nicht übernommen werden kann. St. Urbańczyk ist der Meinung, daß es erwünscht wäre, sich in mehreren Monographien mit diesem Problem zu beschäftigen. Gesondert wären in je einer Monographie die deutschen Lehnwörter des polnischen Mittelalters, der späteren Zeitabschnitte und der Mundarten aufzuarbeiten (257). Eine ernste Aufgabe wird auch die Feststellung sein, welche Wörter im Polnischen unmittelbar aus dem Deutschen stammen und welche durch Vermittlung des Tschechischen heimisch wurden. Von diesem Gesichtspunkt aus muß der ganze sprachliche Stoff nicht nur phonetisch sorgfältig und vielseitig durchstudiert werden, sondern auch aufgrund der bildungsgeschichtlichen Gesichtspunkte. Und es kann möglich sein, daß die Ausführung der letzteren Arbeit sogar wichtiger ist als die erstere, fügt der Autor, vollständig begründet (258), hinzu. Heutzutage ist nämlich die ernste Wortetymologie ohne die gründliche Beachtung der sachlichen und geschichtlichen Umstände, die Analyse des bildungsgeschichtlichen Hintergrundes nicht vorstellbar. In Kenntnis der bedeutenden Arbeitsgrundlage der polnischen Slawistik, kann als gewiß angenommen werden, daß die von St. Urbańczyk skizzierten Fragen in absehbarer Zeit beruhigend gelöst werden.

Fritz Keintzel-Schön behandelt die Wörter slawischen Ursprungs der Siebenbürger Sachsen (Slawische Wörter im Siebenbürgisch-Sächsischen. 74—83). Der Autor reiht die von ihm behandelten Ausdrücke in drei Kategorien: geographische Namen (74—9), Familiennamen (79—80) und Gattungsnamen (80—3). Es muß gesagt werden, daß die Feststellungen F. Keintzel-Schöns in manchen Fällen unannehmbar sind. In seinen Etymologien stützt er sich sehr oft auf vor beinahe einem halben Jahrhundert erschienene Arbeiten von G. Kisch und W. Scheiner, und nimmt z. B. auch nicht Kenntnis von der so bedeutungsvollen Arbeit von Stefan Kniezsa (s. oben), deren Benützung bei der Erforschung der ungarisch-slawisch-deutsch-rumänischen Zusammenhänge unerläßlich ist. Bedauerlicherweise unterscheidet der Autor die slawischen Wörter des Siebenbürgisch-Sächsischen aufgrund dessen, ob diese unmittelbar aus einzelnen slawischen Sprachen stammen, oder aber durch Vermittlung der ungarischen Sprache entlehnt sind. Letztere sind nämlich in der Wirklichkeit schon als ungarische Elemente anzusehen, nicht aber als slawische Wörter. Ich möchte nur einige Beispiele erwähnen: weshalb zählt z. B. im Siebenbürgisch-Sächsischen der Ortsname *Rakosch* als slawisches Wort, welcher Name auch nach dem Autor die ungarische Ableitung aus russ. *rak* 'Krebs' ist (77—78)? Abgesehen davon, wieso leitet F. Keintzel-Schön das ungarische Wort aus dem Russischen ab, wo wir von St. Kniezsa doch wissen, das ung *rák* wohl slawischen Ursprungs ist, die unmittelbare Quelle aber nicht festgestellt werden kann (Kniezsa, a. a. O. 457). Warum sind der Ortsname *Pintak* (75) und der daraus stammende Familienname *Penteker* (79) slawische Wörter? Auch in diesem Fall ist offenbar ung. *péntek* die unmittelbare Voraussetzung, nicht aber dessen slawische Quelle. Auch die siebenbürgisch-sächsischen Familiennamen *Lassel*, *Rāts* und *Woida* sind nicht slawische Elemente des Siebenbürgisch-Sächsi-

schen (80), die wohl im Ungarischen slawischen Ursprungs, im Sächsischen aber unzweifelhaft ungarische Lehnwörter sind. Dasselbe bezieht sich auch auf die Gattungsnamen *tâmälts* und *pârzäln*. Nach dem Autor: »Außer Gebrauch gekommen ist das an die ungarische Staatsmacht erinnernde *tâmälts* für *gəfiŋnəs*. In Sächsisch-Regen hatten *tâmältsgruəm* und *tâmältsbräk* den Namen vom ehemaligen Gefängnis. Das Wort gehört über ung. *tömlöcz* (richtig *tömlöc* — G. F.) zu russ. *тёмный* 'dunkel'« (83). Wissen muß man aber, daß das ung. *tömlöc* 'Gefängnis' sich nicht an das russ. *тёмный* 'dunkel' knüpft, sondern an die slawische Form *тьмьница*, und aller Wahrscheinlichkeit nach kroatisch-serbischen Ursprungs ist (Kniezsa, a. a. O. 532), folglich ist *tâmälts* nicht als slawische, sondern als ungarische Entlehnung anzusehen. Bei dem Verb *pârzeln* schreibt der Autor: »*fərpârzält* heißt 'verbrannt' (von einem Stoff, Tuch). Es gehört unmittelbar zu ung. *perzselni* 'sengen, anbrennen' (bulg. *пържа* 'braten, backen')«. Er beruft sich hier auf das Werk von G. Mihăilă: Imprumuturi vechi sud-slave in limba română. Bukarest 1960, 196. Wenn aber F. Keinzel-Schön auch selbst meint, daß das siebenbürgisch-sächsische Wort unmittelbar aus dem Ungarischen stammt, und dies natürlich auch richtig ist — so ist die slawische Abstammung des ung. *perzsel* übrigens noch bei weitem nicht gewiß (Kniezsa, a. a. O. 712) —, weshalb reiht er es dann dennoch unter die slawischen Elemente? Wo doch nicht zweifelhaft ist, daß *pârzäln* ebenso als ungarisches Lehnwort im Siebenbürgisch-Sächsischen zu behandeln ist, wie z. B. *porzolí* im Rumänischen (L. Tamás: Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest 1966, 622). Deshalb müssen wir sagen, daß der Wert des Artikels von F. Keintzel-Schön im ganzen Studienband der problematischeste ist.

Klaus Müller befaßt sich mit den deutschen Bezeichnungen slawischen Ursprungs für den Pfifferling (Slawische Bezeichnungen im Deutschen für den Pfifferling. 136—43). Er stellt fest, daß für den Pfifferling (Cantharellus cibarius) außer mehreren Dutzend heimischen Namen, entlang der slawisch-deutschen Sprachgrenze von Norden nach Süden, auch manche Bezeichnung slawischen Ursprungs zu finden ist. Solche sind z. B. *Kuozok*, *Meekuß*, *Labitzlain* (137), *Rei(t)zke(r)*, *Pitschkerlein*, *Wobink(e)n* (138), *Kuhrätel*, *Kuraschke(n)*, *Kakoschke*, *Lischka* (135) und ihreAbarten. Der Autor lenkt die Aufmerksamkeit auch darauf hin, daß die deutschen Mundarten aus einigen slawischen Sprachen nicht nur verschiedene Namen dieses Pilzes übernommen haben, aber auch Lehnübersetzungen verwendeten. Deutsche Pilznamen, wie *Füchslein*, *Hühnlein* und *Gänsel* können ebenfalls nur aus dem Slawischen abgeleitet werden, da das Slawentum den Cantharellus mit dem Fuchs, Huhn und der Gans in Verbindung brachte (140—2). Ebendeshalb fügt er richtig hinzu, daß in diesem Sinne auch der Ursprung des ung. Namens *rókagomba* zu behandelnt ist (143). Die ungarischen Pilznamen sind wahrscheinlich zum großen Teil slawische Lehnwörter, und gewiß ist, daß ein Teil der mit Lehnübersetzung entstandenen Bezeichnungen ebenfalls slawischen Ursprungs ist. Die Frage verdient die weitere Untersuchung, und es liegt auch in der Absicht des Rezensenten, dies in der nächsten Zukunft auszuführen.

Von den Autoren des Bandes befassen sich mehrere noch mit den verschiedenen Problemen der slawisch-deutschen sprachlichen Wechselwirkung, mit deren etymologischen, onomasiologischen, syntaktischen usw. Fragen, mit den slawischen und deutschen literarischen und kulturellen Beziehungen in je einem Kapitel. Wie aus unserer Besprechung hervorgeht, bereichert diese Publikation die Fachliteratur im allgemeinen um eine Sammlung von interessanten, Probleme stellenden und zergliedernden Artikeln hohen Niveaus.

F. Gregor

Nowa Księga Przysłów i wyrażeń przysłowiowych Polskich. I *(A-J)*. Chefredakteur: Julian Krzyżanowski. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1969, 882 + XXXIX S.

Die Gebiete der Phraseologie und der Parömiologie können nur schwer voneinander abgegrenzt werden. Einzelne Forscher behandeln die Sprichwörter als satzwertige phraseologische Einheiten (*fraza*, wie St. Skorupka), andere aber trennen die Parömiologie von der Phraseologie und mißbilligen obigen Standpunkt.[1]

In den phraseologischen Wörterbüchern finden wir Sprichwörter, in den Sprichwortsammlungen aber auch verschiedene phraseologische Einheiten. Dies bezieht sich auf das schon erwähnte polnische phraseologische Wörterbuch[2] und auch auf die jetzt erschienene polnische phraseologische Sprichwortsammlung.

»Nowa Księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich« ist die erweiterte, umgearbeitete Ausgabe der Sprichwortsammlung von Samuel Adalbergs »Księga przysłów przypowieści i wyrażeń przysłowiowych». Die aus mehr als 50 Mitgliedern bestehende Redaktions-Kommission arbeitete seit 1954 unter der Leitung von Julian Krzyżanowski an der neuen polnischen Sprichwortsammlung, die aus vier Bänden bestehen wird. Bisher ist der erste Band *(A—J)* erschienen. Der zweite Band *(K—P)* ist für Anfang 1971, der dritte *(R—Z)* für Mitte 1971 zu erwarten. Die Einleitung des im Herbst 1973 erscheinenden vierten Bandes wird die Anordnung der Sprichwörter, ihr Verhältnis zueinander besprechen, statistische Angaben mit teilen, anschließend folgen die vollständige Bibliographie mit dem Verzeichnis der Abkürzungen, das Verzeichnis der Archaismen und Provinzialismen und ein sehr ausführliches Register.

Chefredakteur Julian Krzyżanowski ist einer der bekanntesten polnischen Literaturhistoriker. Durch die Erforschung der Beziehungen zwischen der alten polnischen Literatur und der Volksdichtung gelangte er zu den Volksmärchen, der Folklore und der Sprichwörter. Außer seiner polnischen Literaturgeschichte weisen das systematisierende Werk der polnischen Volksmärchen »Polska bajka ludowa w układzie systematycznym« I—II (1962—1963) und das polnische Folklore-Wörterbuch »Słownik folkloru polskiego« (1965) diesen Weg. Als »Nebenprodukt« der Arbeiten an der Sprichwortsammlung entstand die »Mądrej głowie dość dwie słowie« I—II, in der der Autor 500 verschiedene Sprichwörter und Redensarten erklärt.

Zu der vorliegenden Sprichwortsammlung »Dzieje przysłowie polskiego w toku pięciu wieków« schrieb J. Krzyżanowski die Einleitung, definiert darin das Sprichwort, bestimmt seine Stellung unter den lexikologischen Einheiten, um dann die Geschichte der polnischen Parömiologie und die bekanntesten polnischen Parömiographen und Parömiologen darzustellen.

Fassen wir kurz zusammen, was Krzyżanowski über die Sprichwörter sagt:

Entgegen der Definition von Adalberg (und vieler anderer), daß nämlich das Sprichwort »die Weisheit der Völker, ihre Philosophie ist«, betont Krzyżanowski, daß es eine sprachliche Erscheinung ist und als solche über Form und Inhalt verfügt. Die echte, die eigentliche Form des Sprichwortes (przysłowie właściwe) ist ein einfacher oder zusammengesetzter Satz, manchmal das System von 2—4 Sätzen. Der Inhalt des Sprichwortes ist das, was es von den übrigen Sätzen unterscheidet. Dieser Inhalt verfügt über Eigen-

[1] S. z.B. die Kritik von A. M. Lewicki über das polnosche phraseologische Wörterbuch von St. Skorupka: Język Polski 49 (1969) 310—315.

[2] St. Skorupka, Słownik frazeologiczny języka polskiego, I—II. Warszawa 1967—1968.

schaften, die wir in anderen Sätzen nicht finden, bzw. die gemeinsam nur im Sprichwort vorkommen. Diese Charakteristiken sind die folgenden: 1. Allegorik (alegoryczność), also der eigentlichen Bedeutung gegenüber dominiert die übertragene; 2. die Bildhaftigkeit (obrazowość), sie drückt die abstrakten Dinge mit konkreten Bildern aus; 3. der didaktische Charakter (charakter dydaktyczny), das Sprichwort lehrt etwas, macht auf irgendetwas aufmerksam; 4. die Sprichwörter verändern sich im Laufe der Jahrhunderte sehr wenig (mała zmienność); 5. die internationale Verbreitung (powszechność międzynarodowa). Hier fügt Krzyżanowski hinzu: »Alle diese Eigenschaften zusammen machen das Sprichwort nicht nur zur sprachlichen, sondern auch zur literarischen Erscheinung. Die Allegorik, die Bildhaftigkeit, der didaktische Charakter des Sprichwortes, seine Beständigkeit und seine Verbreitung veranlassen uns, es für einen Grenzfall zwischen sprachlichen und literarischen Erscheinungen zu halten, als ein aus einem Satz bestehendes literarisches Werk . . . , das es möglich macht zu beobachten, wie der Satz zur literarischen Schöpfung wird.« (S. VIII)

Die aufgezählten fünf Eigenschaften beziehen sich auf die echten, die eigentlichen Sprichwörter. Außerdem gibt es viele Sprichwörter, die nur über drei Eigenschaften verfügen: den didaktischen Charakter, die Beständigkeit und die Verbreitung. Solche sind die Sprüche berühmter Personen, Kalender-Sprichwörter (Monatsreime), Wetterregeln, den Ackerbau, die Viehzucht usw. betreffende Sprüche, ferner die kurzen literarischen Dialoge, die sog. Wellerismen (Sprüche, die der Zietierende verschiedenen Personen usw. zuschreibt — die Benennung nach Sam Weller, dem Helden des Pickwick Klubs von Dickens).

Wie wir sehen, reiht Krzyżanowski auch solche Sprüche, Sentenzen unter die Sprichwörter, deren Verfasser, literarischen usw. Ursprung wir kennen (geflügelte Worte), womit besagt wird, daß sie auch von solchen Personen benützt werden, die sich über den Ursprung des geflügelten Wortes nicht im klaren sind. Krzyżanowski bemerkt hier, daß diese von ihm aufgezählten Variationen nicht von jedem Forscher unter die Sprichwörter gereiht werden.

Außer den Sprichwörtern spricht Krzyżanowski auch noch von sprichwortartigen Sprüchen (wyrażenie oder zwrot przysłowiowy). Er stellt fest, daß der Unterschied zwischen den beiden bisher noch von niemandem genau bestimmt wurde. Krzyżanowski hält die linguistische Definition, daß nämlich das Sprichwort einen satzartigen, der Spruch aber einen wortartigen Charakter hat, nicht für genügend. (Auf die Definition von Krzyżanowski komme ich bei der Wertung des Wörterbuches noch zurück.)

Im weiteren erklärt Krzyżanowski das Sprichwort als eine literarische Schöpfung in einem Satz. Seiner Meinung nach verfügt es auch über die von anderen Gebieten der Literatur her bekannten Eigenschaften, wie Ausdruckskraft, Anwendung von Wortbildern, dann finden sich darin auch Formen, wie die Anekdote, das Epigramm, und häufig werden darin die Mittel der Komik benützt. Das wichtigste ästhetische Charakteristikum des Sprichwortes ist — nach Krzyżanowski — der Realismus, der die abstrakten Erscheinungen der verschiedenen Lebensgebiete in konkreten Bildern ausdrückt.

Was den Ursprung der Sprichwörter anbelangt, bezeichnet Krzyżanowski die Umgangssprache bzw. die Literatur (Bibel, Belletristik usw.) als Quelle.

Im weiteren können wir — wie erwähnt — die Geschichte der polnischen Parömiographie und Parömiologie, ihre hervorstechenden Formen kennenlernen: beginnend mit Rysiński und Knapski (17. Jh.) über die Arbeiten von Kolberg und Adalberg bis zu J. S. Bystroń, den Begründer der polnischen wissenschaftlichen Parömiologie, bis zur neuen polnischen Sprichwortsammlung.

Statt der Besprechung des geschichtlichen Teiles möchte ich über die Sprichwortsammlung selbst einige Worte sagen.

Die Anordnung des Materials der Stichwörter (in den meisten Fällen Hauptwörter) erfolgte in alphabetischer Reihenfolge. Die Sammlung teilt alle Variationen des Sprichwortes mit, bezeichnet die Quelle und stellt die Chronologie der Belege zusammen. In einzelnen Fällen kommen noch Bedeutungserklärung oder sonstige Bemerkungen dazu.

Hier möchte ich bemerken, daß die Sammlung die Bedeutungserklärungen genug karg behandelt, bei den Sprichwörtern sozusagen überhaupt keine Erklärung gibt und auch die Sprüche ohne Bedeutungserklärung bleiben.

Die Sammlung bearbeitet das große Material von Adalberg und ergänzt es mit älteren und ganz neuen Sprüchen, so daß die neue Sprichwortsammlung ungefähr dreimal so groß sein wird als die vorhergehende.

Dieser große Umfang hängt auch damit zusammen, daß Krzyżanowski die Sprichwöter und den Begriff der sprichwortartigen Redensarten außerordentlich weit faßt (übrigens wäre es zweckmäßiger gewesen, für die eine Kategorie die Kursivschrift zu verwenden): er übernahm von Adalberg die biblischen Sprüche und Ausdrücke, die geflügelten Worte der antiken Mythologie und der Literatur, wie z. B. *achillesowa pięta, stajnia Augiasa, niewola babilońska; Łatwiej wielbłądowi przejść przez ucho igielne, niż bogaczowi wejść do królestwa niebieskiego* usw. Die Sammlung enthält in außerordentlich großer Zahl vergleichende Redensarten, deren großer Teil — wie auch W. Kopaliński in seinem kurzen Artikel darauf hinweist — vielmehr ins phraseologische Wörterbuch gehören.[3]

Unter den Sprichwörtern finden wir auch Wahlsprüche des zweiten Weltkrieges wie »*Anglia przegrywa wszystkie bitwy, prócz ostatniej*« oder »*Anglio, to twoje dzieło*«.

Obgleich Krzyżanowski die sprichwortartigen Redensarten wie folgt charakterisiert: »Wir benützen sie, ähnlich den Sprichwörtern, nicht in ihrer ursprünglichen, sondern sekundären, übertragenen Bedeutung, ihr ursprünglicher Sinn ist nämlich in Vergessenheit geraten« (p. X. Hervorhebung von mir. *M. K.*), kommen in der Sammlung dennoch viele neue, ins phraseologische Wörterbuch gehörende Ausdrücke des 20. Jahrhunderts vor: *admirał szwajcarski, humbug amerykański, na amerykańską skalę, fabrykant aniołków* usw. Wir finden hier sogar auch noch Sportausdrücke: *na bilardzie śpi, murować bramkę.*

Das phraseologische Wörterbuch und die neue Sprichwortsammlung zählen — neben dem polnischen großen Sprichwörterbuch — zu den vortrefflichsten wissenschaftlichen Arbeiten der letzten Jahre in Polen.

K. Morvay

A. N. Radiščev und Deutschland. Beiträge zur Russischen Literatur des ausgehenden 18. Jahrhunderts (Sitzungberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse, Bd. 114, H. 1) Akademie-Verlag, Berlin 1969, 132 S.

В мае 1967 г. слависты университета им. Карла Маркса, а также ученые Берлина, Галле, Эрфурта и Лейпцига на особом заседании отметили любопытную годовщину: исполнилось 200 лет с тех пор, как А. Н. Радищев стал студентом Лейпцигского Университета. Название сборника, отразившего работу конференции, «Радищев и Германия», не совсем точно соответствует содержанию его: в большинстве докладов Германии нет совсем, некоторые и с Радищевым связаны только косвенно. Но все эти работы, написанные в разных «жанрах», — здесь есть и историко-биографический очерк, и остро-проблемный

[3] S. O księgach i o podróżach: Życie Warszawy, Nr. 69, 22—23 marca, 1970.

доклад, касающийся самых коренных вопросов мировоззрения писателя, и просто краткая аннотация очень интересных для немецкого читателя советских книг — имеют одно общее свойство: во всех присутствует тот ценнейший элемент открытия (пусть иногда это только крупицы нового), который приближает науку к решению необычайно сложных проблем литературы XVIII в. и творчества Радищева.

Эрхард Хексельшнайдер, автор работы «Радищев и Германия», открывающей сборник, ставит перед собой задачу выяснить: что дал Лейпциг Радишеву, какого рода связи соединяли его, революционера, философа, ученого, поэта, с этим городом. Автор довольно успешно старается опровергнуть ироническое мнение современника Радищева, Фонвизина, который, побывав в этом университетском городе, пришел к выводу: «Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума», и утверждение нашего современника Макогоненко, что рутина, схоластика, ханжество и верноподданнический дух царили в Университете. Лейпциг был, по мнению автора статьи, одним из центров просвещения.

Скрупулезно и обстоятельно перечисляет Хексельшнайдер всех тех, кого несомненно знал Радищев в Лейпциге и под чьим влиянием он бесспорно находился; тех, кого, по всей вероятности, он знал и даже тех, знакомство с которыми не было исключено. Отдельные выводы Хексельшнайдера о влиянии на Радищева тех или иных писателей (прежде всего Гердера) и ученых находят интересное подтверждение и развитие в других статьях сборника.

Труд Зигфрида Хиллерта «Новые материалы из лейпцигской прессы о пребывании русских студентов в Лейпциге (1767—1769)» содержит не только любопытные сведения и бытовые подробности о жизни русских студентов в Германии, но и приводит интересные данные о том, как освещалась в лейпцигских газетах жизнь России.

Работа Аннелиз Лаух «Литературная полемика с царской цензурой до Радищева» наиболее далеко отстоит от обозначенной в заглавии сборника темы его. Это краткий обзор содержания II томов журнала немецкого просветителя Х. Л. Х. Бахмайстера, «Русская библиотека» которого начиная с 1772 г. знакомила западно-европейского читателя буквально со всеми произведениями, опубликованными в России, оригинальными и переводными, на русском или каком-либо иностранном языке, а также с достижениями, событиями во всех областях науки.

Небольшая статья А. Лаух углубляет и разнообразит наши сведения об общественной и духовной жизни России в XVIII в., дает почувствовать, какой богатый и еще мало исследованный материал хранится в библиотеках и архивах Советского Союза.

Одной из интереснейших работ сборника нам кажется исследование Хельмута Грассхофа «Путешествие» Радищева и его место среди литературных течений эпохи». Грассхоф приходит к очевидному выводу о том, что язык «Путешествия» состоит из двух структурных слоев: собственно путевые впечатления путешественника, рассказанные в первом лице, выдержаны в разговорном тоне и весьма близки сентимеетализму; и — вводные эпизоды, наполненные теоретическими размышлениями, которые написаны научно-философским или канцелярским стилем.

Но гораздо интереснее, чем установление этого, в общем-то лежащего на поверхности факта, представляется нам «вводный эпизод» работы самого Грассхофа, говорящий об источниках главы «Путешествия», посвященной цензуре.

Автор убедительно доказывает, что более половины экскурса «Краткое повествование о происхождении цензуры» представляет собой вольное переложение главы из книги геттингенского профессора Йоханна Бекмана «Труды по истории открытий» (Лейпциг, 1783). Радищев воспользовался в «Путешествии» не только немецким текстом, но перевел также довольно точно, хотя и без указания на источник, латинские вставки в него, принадлежащие перу Майнцского архиепископа Бертольда (1486), а также Сенеке и Тациту. Грассхоф проделал большую работу, выбрав те места главы о цензуре, в которых особенно

явственно ощутимы революционная страсть и пафос, внесенные Радищевым в объективно-бесстрастные и, в конечном счете, проникнутые верноподданническим духом рассуждения геттингенского профессора.

Бекман до сих пор совершенно не был известен исследователям творчества Радищева, хотя, как доказывает работа Грассхофа, «его естественно-научные взгляды, так же, как и рассуждения о земледелии, экономике были, несомненно, высоко ценимы Радищевым».

Две последние статьи сборника своеобразно демонстрируют ведущие и издавна противоборствующие тенденции в изучении Радищева. Хорст Шмидт в исследовании «Исторический принцип в мировоззрении и позднем творчестве Радищева» при верном и оригинальном освещении многих деталей последних произведений Радищева чрезмерно «размашист» в своих выводах: «именно ему [Радищеву — *Н. С.*] удалось . . . утопические взгляды на историю развить до домарксистского материалистического учения об истории» (стр. 108), «Историко-материалистический метод, ставший наиболее общим принципом его мышления . . .» (стр. 115) и т. д. Игнорируя длительные споры о художественном методе «Путешествия», он заявляет: «Реализм этого произведения в существенных чертах — следствие исторического мышления Радищева». (стр. 111). Говоря об историзме Радищева, автор решается поставить рядом с ним только Гердера. Сопоставление Радищева с Гердером, несомненно, может дать при строго научном методе исследования весьма интересные результаты. К сожалению, автор и здесь ограничивается в основном широковещательными и слабо аргументированными заявлениями вроде: «В этой борьбе за материалистический взгляд на историю наряду с Гердером наиболее плодотворно проявил себя Радищев» (стр. 107) или: «В споре с французским Просвещением, с Монтескье и Руссо, русское Просвещение проявило свою национальную самостоятельность, свой творческий дух. Радищев усвоил мысли Гердера, пролагающие новые пути и т. д.» (стр. 119).

Если Хорст Шмидт старается доказать исключительность Радищева, то, что он сумел преодолеть эпоху, овладев «поразительными» для того времени принципами (в некоторых случаях Хорст Шмидт просто игнорирует факты, говорящие против его теории), то Петер Хоффман, автор статьи «Радищев после возвращения из ссылки» видит тесную связь писателя с его эпохой. Именно поэтому Хоффман не боится затрагивать самые сложные вопросы мировоззрения Радищева, например, понимание им свободы личности, отношение его к Французской буржуазной революции* и т. д. «В развитии мировоззрения всех ведущих представителей той эпохи наблюдаются неопределенность, непоследовательность, колебания и переломы. При этом и Радищев не исключение.» (стр. 126), — пишет Хоффман. «Он мог соглашаться с крестьянской войной и одновременно отклонять революционный террор якобинцев, сохраняя одновременно верность своим взглядам . . . Трагедия Радищева, если можно так назвать непоследовательность его мировоззренческой позиции — в конечном счете — трагедия его времени», (стр. 130) — продолжает исследователь.

Выводы, которые делают два ученых о позднем творчестве Радищева, прямо противоположны:

«Позднее творчество революционера предоставляет множество доказательств того, что раз выработанный иторический принцип и в восьмидесятые годы, и во время и после сибирской ссылки многообразно поддерживался, развивался, обосновывался и применялся им» (стр. 111), — пишет Хорст Шмидт.

* Можно пожалеть, что участники конференции не знают, по всей вероятности, чрезвычайно глубокой статьи, занимающейся этими вопросами: «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века». Ученые записки Тартуского Гос. Университета, труды по русской и славянской филологии, VIII, 1965.

«Радищев остался верен идеалу человеческой свободы, но его ответ на вопрос, каким образом осуществим этот идеал, изменился. . . . он теперь скорее видит в гуманном правителе возможность достижения желаемой цели» (стр. 128) — таково мнение Петера Хоффмана.

С удовлетворением отметим, что вторая тенденция, судя по всему, одерживает верх: большинство статей свидетельствует об объективном, исторически-конкретном подходе к проблемам литературоведения.

Нина Секей

Robert Louis Jackson, **Dostoevsky's Quest for Form.** A Study of his Philosophy of Art. Yale Russian and East Europian Studies 1. Yale University Press, New Haven and London 1966, 274 p.

Профессор Иельского университета Роберт Луис Джексон пользуется заслуженной известностью среди славистов: он является автором многочисленных статей о русской литературе, интересной монографии, посвященной «Запискам из подполья» Достоевского, составителем сборника критических статей о Чехове и т. д.

В рецензируемой книге профессор Джексон анализирует сложные и очень спорные вопросы философии искусства Достоевского. Книга состоит из одиннадцати глав. В первых четырех освещается — в хронологическом порядке — формирование эстетических взглядов Достоевского с ранних лет до его возвращения из ссылки. В последующих шести главах рассмотрены различные аспекты эстетической мысли зрелого периода писателя (напр.: «Действительность и ее изображение в искусстве»,«Проблема типа»,«Два рода красоты»,«Искусство и эстетическое воспитание»,«Критика утилитарной эстетики»,«Творческий процесс»).

Автор книги изучает философию искусства Достоевского на основе его статей, писем, дневников, использует свидетельства близких писателю людей. Джексон привлекает для анализа художественные произведения только тогда, когда они содержат непосредственные эстетические высказывания. Более подробно он анализирует лишь «Бедных людей», воспринимаемых им как своего рода эстетическое кредо Достоевского. В этом анализе так много тонких наблюдений, что можно лишь сожалеть о том, что автор им и ограничился.

Джексон подчеркивает несистематичность и даже противоречивость эстетических идей Достоевского, он не старается представить читателям законченную философскую концепцию писателя. «Невозможно говорить о нем как о философе искусства, но возможно говорить о его философии искусства», — формулирует автор одну из важных мыслей своей книги.

Чувство меры, стремление к многостороннему анализу сложнейших явлений, отсутствие предвзятых выводов, убедительная аргументация — вот качества, прежде всего характеризующие метод автора. Показательным примером является вопрос о генезисе эстетических взглядов и творческих принципов Достоевского: Джексон подчеркивает прочное влияние немецкой философской мысли на писателя — он неоднократно отмечает это во всех главах, а в конце книги посвящает целую главу *(Соответствия)* рассмотрению отношения эстетики Достоевского к философским системам XVIII—XIX вв. При этом исследователь не только не отказывает Достоевскому в самостоятельности, оригинальности мысли — но наоборот: эти сопоставления на конкретном материале подтверждают высказывание Шатобриана, приведенное Джексоном: «L'écrivain original n'est pas celui'qui n'imite personne, mais celui'qui personne ne peut imiter».

Особый интерес представляет глава *Два рода красоты*, где Джексон приводит высказывания Достоевского, выдержки из его статей, свидетельствующие о том, что понятие

«прекрасного» у писателя близко к греческому классическому идеалу красоты. В связи с живописью Достоевский высказывает требование гармонической, идеальной красоты (с такой точки зрения он критикует, например, картины импрессионистов). Причем «красота» (также, как и «форма») — очень широкие понятия, всегда связанные у Достоевского с моральными категориями «правдивости» и «добра». Абсолютной красоте (красоте Мадонны) противопоставляется «другой идеал» — человек в своем заблуждении может принять «содомский идеал» за идеал красоты. Но Джексону удается доказать, что у Достоевского «амбивалентна не красота, а человек, который ее воспринимает.» (Надо отметить, что Джексон и здесь и в других частях книги очень тонко проводит различие между мнением самого Достоевского и позициями его героев. Это тем важнее, что отождествление писателя с его героями уже не один раз приводило к ложным выводам.) — Но идеал абсолютной, гармонической красоты, выраженный в теоретических статьях Достоевского, далек от воплощения в реальной действительности. А так как романы Достоевского основаны на реальности (конечно не в поверхностном смысле этого слва), то наблюдается противоречие между его идеалом гармонии и дисгармоничным миром его произведений.

Также очень дифференцированно трактуются в книге вопросы «реальности», «действительности» и ее изображения в искусстве. Джексон правильно сравнивает широкое понимание реальности у Достоевского с идеей Белинского: «Под словом «действительность» разумеется все что есть — мир видимый и мир духовный, мир фактов и мир идей.» Автор на интересных примерах — не в последнюю очередь анализом отношения Достоевского к другим писателям: к Золя, Э. Т. А. Гоффману, Э. По и т. д. — показывает сложность понятия «реальность» у Достоевского, место фантастического в его эстетике. Достойны внимания мысли автора о понятии типического у Достоевского, о характере его положительных героев. Как в других главах, так и здесь он сравнивает взгляды и художественную практику Достоевского с воззрениями и произведениями других русских писателей. Может быть, было бы не излишним еще несколько систематичнее сопоставить его с выдающимися русскими современниками.

Тесно связана с проблемой реальности полемика Достоевского с утилитарной критикой. Показывая выступления Достоевского против упрощения соотношения между искусством и действительностью и узкого понимания «пользы» искусства, автор в то же время подчеркивает, что Достоевский не представляет «другую крайность», что он никогда не был сторонником «искусства для искусства», что ничто так не чуждо ему, «как отвлеченно-эпикурейский или чисто эстетический взгляд на жизнь или на красоту, ничто ему так не чуждо, как отделение красоты от гуманизма.» Автор подчеркивает, какую важность придает Достоевский искусству в эстетическом и моральном воспитании человека и сколь велико для него значение искусства, творческого процесса как единственно возможной связи между идеалами и уродливой действительностью.

Все эти вопросы рассматриваются так, что читатель получает представление о развитии Достоевского, об истории появления разных категорий в его эстетике. В то же время Джексон — не игнорируя изменений во взглядах Достоевского — подчеркивает органическую связь между периодами *до* и *после* ссылки.

В небольшой рецензии невозможно даже с приблизительной точностью дать представление о проблемах, проанализированных Р. Джексоном, но, может быть, и приведенные примеры убеждают в том, что книга о философии искусства Достоевского обогащает литературу о творчестве писателя ценными выводами и в значительной мере способствует созданию правильного представления о Достоевском как о таком мыслителе и художнике, в котором никакие противоречия не могут скрыть гуманиста.

Ж. Зельдхейи-Деак

Oświecenie. Opracowała Elżbieta Aleksandrowska z zespółem. Vol. 4—6. Bibliografia literatury polskiej. «Nowy Korbut». Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk. Warszawa 1966—1968.

Библиография польской литературы — «Новый Корбут» — фундаментальный информационно-библиографический компендиум польской литературы, как подсказывает подзаголовок, имеет своим источником ценный труд историка литературы, языковеда и библиографа — Габриэля Корбута «Literatura polska od początków do 1914 roku» (Wyd. 2, tt. 1—4, Warszawa 1929—1931), содержавшего около 25 000 библиографических названий.[1]

Ощутимые результаты координированных планомерных исследований в области истории, театроведения, истории литературы Польши, огромная работа по сохранению и упорядочению архивов, потерпевших невозместимый ущерб во время последней войны, диктуют необходимость подвести итоги, замкнуть почти двадцатилетний период изысканий и наметить перспективы дальнейшей работы. Этим видимо можно объяснить обилие био-библиографических изданий, появившихся в последнее время. Достаточно назвать лишь некоторые из них, чтобы получить представление о размахе и тематическом богатстве этих изданий. Институт Истории ПАН в Кракове продолжает начатое еще до войны издание «Польского биографического словаря» (под ред. выдающегося исследователя польского Просвещения Эмануэля Ростворовского), в Институте Искусства ПАН готовится «Биографический словарь польского театра» (силами сотрудников Сектора истории и теории театра), наконец, Институт Литературных Исследований совместно с Государственным Издательским Институтом [PIW] уже выпустил свыше десяти томов «Библиографии польской литературы».

Редакционный комитет «Библиографии польской литературы» был создан еще в 1950 г. по инициативе профессора Казимежа Будзыка. Двадцать лет, прошедшие со времени выхода в свет библиографии Г. Корбута, естественно требовали внесения поправок и дополнений в этот так необходимый для каждого исследователя польской литературы труд или же издания нового подобного свода библиографических материалов. Редакция, до 1963 г. возглавлявшаяся проф. Ф. Будзыком, избрала первый путь, подчеркнув в названии своего издания преемственность от «старого Корбута», хотя несомненно, что как в количественном отношении (новая библиография более чем в шесть раз превышает старое издание), так и в качественном (критерии классификации материала) «Новый Корбут» стоит особняком. Закончено к настоящему времени издание трех тематических групп «Библиографии»: «Словарь современных польских писателей»[2] в четырех томах, «Старопольская письменность» в трех томах[3] и трехтомная часть «Просвещение».

«Словарь современных польских писателей», выходивший в 1963—1966 гг. по сравнению с томами «Старопольской письменности» и «Просвещением» имеет существенный недостаток, доведя библиографический материал лишь до 1957 г., тогда как в этих последних учтены самые свежие библиографические позиции, часто внесенные уже в корректуру. О насущности издания «Словаря современных польских писателей» лучше всего свидетельствует тот факт, что он уже стал библиографической редкостью. По своей структуре он несомненно лучше удовлетворяет потребности специалистов, издателей и всех

[1] Литературы о Г. Корбуте и библиографию его трудов см. T. Mikulski, Gabriel Korbut: Pamiętnik Literacki 33 (1936) 4: 1040—1058; — Z. Mianowska-Klimowicz, Gabriel Korbut. 1862—1936. Z dziejów polonistyki, 245—255.

[2] Słownik współczesnych pisarzy polskich, 1—4. Bibliografia literatury polskiej. Warszawa 1963—1966.

[3] Piśmiennictwo staropolskie, 1—3. Opracował zespół pod kierownictwem R. Pollaka. Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut, IBL PAN. Warszawa 1963—1966.

интересующихся польской литературой, чем вышедшие одновременно с ним в Венгрии, Чехословакии и СССР литературные энциклопедии и научно-популярные литературные лексиконы.[4]

Три тома, посвященные старопольской литературе, охватывают, как это и диктуется спецификой литературной жизни того времени, явления истории культуры, просвещения и науки, историографию. Подробный анализ этой тематической части издания «Библиографии польской литературы» и дополнения находятся в обстоятельных рецензиях, помещенных в журнале «Pamiętnik Literacki».[5] Предметом настоящей рецензии является часть «Просвещение» (в общей последовательной нумерации томов «Нового Корбута» — 4, 5, 6). Начало работы над «Просвещением» также датируется 1950 г. Велась она группой исследователей под руководством проф. Тадеуша Микульского, который принимал участие в дискуссии о принципах издания «Нового Корбута» и выработке его общего плана. Первая редакция была в основном закончена в 1952 г., вторая редакция (после смерти Микульского в 1958 г. редактором стал Станислав Ступкевич) в 1959 г., но и тогда билиография не была отдана в печать. Работа над третьей редакцией развернулась с 1962 г. при участии всех сотрудников Сектора истории польской литературы Просвещения Института Литературных Исследований ПАН (Збигнев Голиньский, Ежи Якль, Роман Калета, Янина Павловичова, Юлиан Платт, Роман Соболь, Зофия Волошиньская, Роман Волошиньский). Редактирование перешло к Эльжбете Александровской, автору известных монографических исследований журналов эпохи Просвещения Zabawy Przyjemne i Pożyteczne, Monitor, вложившей много личной инициативы и труда в это издание. Кроме того, многие статьи написаны специалистами в данной узкой области (например, «фольклористика» — Чеслав Хернас; «Антони Трембецкий» — Ежи Ковецкий; «Ян. Н. Каминьский» — Барбара Ласоцкая; «Книгопечатание» — Йозеф Щепанец; «Немцевич», «Скарбек» — Михал Витковский; «Наука, образование, Эдукационная Комиссия» — Мирослава Хамцувна и т. д.). Эта третья редакция была закончена в 1965 г. Первый том серии «Просвещения» вышел в 1966, второй — в 1967 г. и третий, последний — вот-вот должен появиться на книжных полках.

Второй том «Польской литературы» Г. Корбута, который лег в основу серии «Просвещения», охватывал хронологический период от начала XVIII в. до 1820 г. В новом издании принята граница эпохи 1730—60 — 1820—30 гг. в соответствии со сложившейся на основании новейших исследований в литературе предмета периодизацией эпохи Просвещения, включая также деятельность предшественников Просвещения как исходный момент и творчество предшественников романтизма, замыкающих эпоху. Не вошли в эту часть «Нового Корбута» писатели, хотя и дебютировавшие до 1820 г., но по духу своего творчества принадлежавшие уже целиком новой эпохе. Включая около 300 имен, «Новый Корбут» обогатил этот список новыми ранее не известными именами писателей и публицистов Просвещения. 120 новых имен, указанных во введении к первому тому, воз-

[4] Magyar irodalmi lexikon. 1—3. Budapest 1963—1966.; — Slovník českých spisovatelů. Praha 1964—1966; — Краткая литературная энциклопедия. Москва 1962—. (До настоящего времени вышло 4 тома до буквы *М* включительно.) В этом отношении соответствием польского словаря могут служить издающийся в Ленинграде био-библиографический справочник: Русские советские писатели-прозаики, 1—4. Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград 1959—1966 и вышедший в 1966 г. в Праге первый том словаря чешско-латинских поэтов: Enchiridion renatae poesis Latinae in Bohemia et Moravia cultae. Opus ab A. Truchlář et C. Hrdina inchoatum J. Hejnic et J. Martínek continuaverunt, 1. Pragae 1966, но они более скромны в своих намерениях.

[5] St. Grzeszczuk, Piśmiennictwo staropolskie: Pamiętnik Literacki 58 (1967) 1: 237—247; — J. Starnawski, Piśmiennictwo staropolskie: там же, 247—259; — Elżbieta Aleksandrowska, Piśmiennictwo staropolskie: там же, 259—267.

росло ко времени выхода в свет третьего тома до 220 и видимо будет довольно быстро пополняться, если принять во внимание размах исследовательской работы над Просвещением в Польше.[6] Большую помощь приработе над «Новым Корбутом» оказало сотрудничество с редакцией «Польского биографического словаря».

Потребность в компендиуме по литературе польского Просвещения ощущалась может быть острее, чем в любой другой области, поскольку период 1950—1968 гг. был чрезвычайно плодотворным как в смысле пересмотра устаревших взглядов и оценок, так и в смысле источниковедческих и научных открытий. «Новый Корбут» в этом отношении весьма верно отражает современное состояние исследований в области польского Просвещения вместе с его диспропорциями и ощутимыми завоеваниями в новых областях. Так, бурное развитие историко-театроведческих исследований нашло подтверждение и на страницах «Нового Корбута»: из ста страниц первого тома, отведенных проблемным статьям (Журналистика, Книгопечатание, Эдукационная Комиссия, Пулавы и т. п.) 36 (т. е. одна треть) посвящена театру. В словник авторских имен вошли писатели этнически польских территорий, административно не принадлежавших Польше после третьего раздела. Продолжая практику Г. Корбута, редакторы нового издания включили авторов произведений, выходящих за пределы чисто литературного творчества, но сыгравших определенную роль в формировании литературного языка, научной терминологии. К этой группе относятся и авторы так распространенных во второй половине XVIII в. рукописных газет (частных и публичных). Для тех авторов, которые известны нам и по другим жанрам творчества, этот вид их литературной деятельности выделен особо в пункте «творчество». Вообще же материал по истории быта, вкусов, политических настроений, содержащийся в рукописных газетах так богат и колоритен, что не случайно привлекает в последнее время внимание ученых различных исследовательских интересов. Так, обилие сведений о театральной жизни того времени в этих газетах послужило темой интересной и единственной в своем роде работы Ежи Якля «Театр и театральная жизнь в печатных и рукописных газетах. 1763—1794», опирающейся на богатое собрание прессы XVIII в. в Оссолинеум.

Составители «Нового Корбута» провели, таким образом, не только собирательскую, но огромную исследовательскую работу. Богатство био-библиографических информаций и деталей характеризует не только большие имена, но и те, которые только впервые введены в научный обиход.

Однако, движимые стремлением возможно более полно представить материал, составители нередко включали и второстепенные, малозначащие библиографические позиции, которые не внося ничто нового, явно затрудняют пользование словарем, который рассчитан не только на узких специалистов в данной области, без труда отделяющих ценные работы от незначительных.

В структуре I тома, распадающегося на четыре больших раздела: 1 —статьи общего характера (в свою очередь делящегося на главы — Просвещение в Европе, Просвещение в Польше, Польская литература периода Просвещения); 2 — проблемные статьи (Журналистика, Фольклористика, «Кузница Коллонтая», Публичный театр в Варшаве, Общество Иксов и др.); 3 — Именные статьи; 4 — Дополнения (этот раздел будет сопутствовать всем томам, причем в третьем томе представлены дополнения, касающиеся первых двух) — кроме некоторой обрывочности данных главы «Просвещение в Европе» менее всего удовлетворяет хронологическое расположение библиографии предмета. При быстро растущей

[6] Рецензия на первый том «Корбута» одного из крупнейших знатоков эпохи Просвещения, к консультациям которого неоднократно прибегали составители томов, Ю. В. Гомулицкого, приводит 13 имен, достойных включения в «Новый Корбут». J. W. Gomulicki, Literatura polska. Oświecenie: Rocznik Literacki, 1966. Warszawa 1968, 286—291.

[7] J. Jackl, Teatr i życie teatralne w gazetach i gazetkach pisanych (1763—1794). Teatr Narodowy 1765—1794. Pod red. J. Kotta. Warszawa 1967, 433—617.

специализации областей исследования это в дальнейшем лишь затруднит пользование библиографией.

Статьи об отдельных авторах в случае наличия достаточного количества материалов включают семь пунктов: 1) Биограмма писателя. 2) Творчество (куда вошли и различные dubia, произведения, приписываемые автору, которые в «Старопольской» части «Нового Корбута» были выделены в особую группу). 3) Переводы. 4) Издательская и редакционная деятельность. 5) Собрания сочинений. 6) Корреспонденция и материалы. (Пункт, указывающий также собрания архивных материалов, лишь частично использованных в исследованиях или же вообще не привлекавшихся к исследованию, и в этом отношении «Новый Корбут» раскрывает новые возможности в изучении проблем и облегчает координацию усилий ученых, работающих в данной области). 7) Литература предмета, расположенная так же, как и в общих разделах в хронологической последовательности, что в большинстве случаев (за исключением больших статей, как «Богуславский», «Богомолец», «Красицкий» и т. п.) вряд ли оправдан. Воссоздавая процесс изучения жизни и творчества отдельных писателей, что несомненно не лишено значения, такой порядок приводит к смешению кратких и малозначащих заметок с обстоятельными монографиями, к смешению жанров исследований. Кажется, что и здесь алфавитный порядок предметной библиографии был бы более целесообразным. В целом же «Новый Корбут» — незаменимое пособие в руках исследователя польской литературы, начинание, достойное продолжения и в кругу других национальных литератур.

Нина Кирай

Tanulmányok a lengyel—magyar irodalmi kapcsolatok köréből. Szerk. [Red.]: Csapláros I., Hopp L., J. Reychman, Sziklay L. Akadémiai Kiadó, Budapest 1969, 659 S. — **Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków literackich i kulturalnych.** Ossolineum, Wrocław—Warszawa—Kraków 1969, 528 S.

Dieser Band ist zur rechten Zeit erschienen. Gerade die polnische und die ungarische Gesellschaft und Literatur weisen die positivsten Beispiele der parallelen Entwicklung und der gegenseitigen Beziehungen auf; sowohl auf polnischem als auch auf ungarischem Boden fanden die namhaften und namenlosen Heimatvertriebenen unserer Völker ein Zuhause. Das literarische Bewußtsein beider Völker bewahrte die Bilder einer großen Anzahl derselben Helden: Hedwig von Anjou ist nicht nur Heldin eines romantischen Gedichtes von Mihály Vörösmarty, sondern auch die als Heilige verehrte Jadwiga der Polen; der Gestalt des Königs Wladislaw I. (aus dem Hause der Jagiellonen) begegnen wir in den ungarischen Gedichten aus der Mitte des 15. Jh.s, aber auch polnische Werke erinnern den Leser an den jung verstorbenen Herrscher; der Abenteurer Benyovszky regte keine geringeren Künstler als Maurus Jókai und Slowacki an. Die Schriftsteller der polnisch-ungarischen Romantik und später die des Naturalismus werden von den gleichen Zweifeln geplagt. Fredro und Karl Kisfaludy sind Schöpfer des osteuropäischen Lustspiels gleichen Typs. Aus dem Vergleich der Lebenswerke von Reymont und Zsigmond Móricz können auch einige Lehren gezogen werden. Wie das Bewußtsein und der Patriotismus des Ungarntums im 19. Jh. durch den Verlauf der polnischen Aufstände äußerst beeinflußt wurde, so wurde die Theorie der slawischen literarischen Wechselseitigkeit von ungarischer Seite mit den Argumenten der Vernichtung des polnischen Staates angegriffen (Vierteljahrschrift aus und für Ungarn 1843). Das polnisch-ungarische Verhältnis ist im allgemeinen harmonisch, freundschaftlich, aber manchmal werden auch besorgte Stimmen laut. Einer der bedeutendsten ungarischen Politiker der 30er und 40er Jahre des 19. Jh.s gab seiner Abneigung Ausdruck gegen die »Propagande von revolutionärem Geist«, die

von den polnischen Flüchtlingen verbreitet werde (M. Wesselényi: Szózat [Mahnwort] I. Bd.). Solche Stimmen sind aber vereinzelt; was allgemein ist, das ist die Sympathie.

Deshalb haben wir diesen geschmackvoll ausgestatteten und sorgfältig redigierten Band mit gespanntem Interesse in die Hand genommen. Zumal die Redaktoren für die Erforschung der polnisch-ungarischer literarischen Beziehungen schon bisher viel getan haben. Reychman ist hauptsächlich in der Problematik der Aufklärungszeit bewandert, Csapláros, erwarb sich hingegen Verdienste in der Aufhellung der Rezeption der polnischen Literatur in Ungarn und in der Rezeption der ungarischen in Polen. Hopps Fachgebiet erstreckt sich auf den Anfang des 18. Jh.s und Sziklay bereicherte die ungarische Polonistik mit einer Mickiewicz-Kleinmonographie. Wir werden nicht enttäuscht: eine jede Studie bringt eine Fülle von neuen Angaben und weist auf bisher unbekannte Zusammenhänge hin. Die polnischen Elemente in der ungarischen Folklore, Krakaus Rolle in der ungarischen Kultur, die polnischen Beziehungen des Aufstandes von Franz Rákóczi II. (1703—11); die Zusammenhänge und Parallelen des ungarischen und des polnischen Klassizismus und der Romantik, sind ebenso wichtige Bestandteile der Kulturgeschichte unserer Völker wie die typologischen Entsprechungen der literarischen Bestrebungen der neuesten Zeit.

Die Fülle der Angaben verblendet, aber viele Artikel gehen darüber nicht hinaus. András Pályi dokumentiert z. B. die ungarische Rezeption der Dramen der beiden Fredros mit vielen Angaben. Beim Lesen seiner Studie können wir uns einer Unbefriedigung doch nicht erwehren: er hätte ein wahrheitsgetreueres und genaueres Ergebnis erzielt, wenn er gezeigt hätte, wie das anfangs gesellschaftskritische, wirklichkeits- und lebensnahe polnische Lustspiel allmählich im Sumpf des billigen Amüsements versank. Dazu hätte er auch handgreifliche ungarische Parallelen reichlich finden können. Grácia Kerényi ist auch nicht fähig, eine Antwort zu finden, warum der oberflächliche Zapolska dort einen Erfolg ernten konnte, wo sich ein gut Teil des Publikums von Mrożek abwandte? Die gesellschaftlich-soziologische Untersuchung des der Groteske und dem neuartigen theatralischen Effekt abgeneigten ungarischen Theaters und Theaterpublikums hätte uns vielleicht eine Erklärung gegeben.

Die bloße Mitteilung der Angaben birgt auch andere Nachteile. Angaben können nach Belieben vermehrt werden. Dies ist auch der Fehler der sonst interessanten und anspruchsvollen Benyovszky-Studie von A. Sieroszewski. Mit Anspruch auf Vollständigkeit zählt er auf, wieviel Autoren und auf welche Weise das wechselvolle Leben des polnisch-ungarischen Abenteurer-Helden bearbeitet haben. Aber gerade wegen dem Streben nach Vollständigkeit sind seine Angaben Mangelhaft und könnten, mindestens um die gleiche Anzahl vermehrt werden. Eine Feststellung in seiner Studie müssen wir sonst auch noch berichtigen: einer der interessanten Schriftsteller der ungarischen konservativ-patriarchalischen Volkstümlichkeit ist József Gvadányi. Seine Parole lautete: Omnis mutatio periculosa. Wozu ihm dann nachtragen, daß er aus Benyovszky »keinen Reformatoren und radikalen Menschen . . . geschaffen hat« (793)? Der Artikel, von T. Samociuk unter dem Titel »Antoni Lange — Popularisator der ungarischen Literatur in Polen« unterscheidet sich stark von den anderen Abhandlungen durch seine nichtssagenden Feststellungen und verallgemeinernden Bemerkungen. Wir können nicht erfahren, ob Lange gut oder schlecht, anspruchsvoll, kongenial oder platt übersetzt hatte. Wenn wenigstens eine Textanalyse oder eine philologische Untersuchung der Gedichte in seiner Studie Platz gefunden hätte? Aber nirgends eine Spur; das Ganze mutet beinahe an wie eine annotierte Bibliographie!

Zum Glück kann aus den besten Studien des Bandes nicht nur die beziehungsgeschichtliche, sondern auch die gesamte Ost-Europa-Forschung profitieren. In der Studie »Unsere literarischen Denkmäler polnischer Beziehung aus der Rákóczi Zeit« fördert Lajos

Hopp, mit mikrophilologischer Methode aus dem Dunkel der vergessenen Vergangenheit die Beweise der polnisch-ungarischen Kontakte und Beziehungen zutage, und weist, methodologisch äußerst lehrhaft, darauf hin, wie man aus Tagebüchern, Denkschriften usw. kulturgeschichtliche Elemente absondern kann. Károly Horváth zeichnet das Bild der Entwicklungsgeschichte der Gattungen des polnisch-ungarischen Klassizismus und der Romantik, wobei sich zugleich auch die Richtung einer, künftig zu schreibenden, osteuropäischen Synthese abzeichnet. Mit subtilem Können veranschaulicht er die ähnlichen Züge der klassizistischen Lyrik, die parallelen, aber in Nuancen voneinander abweichenden Charakterzüge der Ode und des Epigramms. Gerade hier soll noch das tschechische Beispiel erwähnt werden, denn sowohl der polnischen als auch der ungarischen Literatur steht die tschechische Dichtung am nächsten gleichviel, ob Themen, Gattungen oder Charakterzüge der einzelnen Gattungen in Betracht gezogen werden. So könnte dann die ähnliche, aber in ihren Schattierungen abweichende Entwicklung der polnischen und der ungarischen (in kleinerem Maße die der slowakischen und der österreichischen) Ballade wieder nur durch die Entwicklung der tschechischen Ballade vervollkommnet werden. Wir können eine meisterhafte Analyse lesen über die Parallelen der Anfängen von Mickiewicz und Vörösmarty; die polnisch-ungarischen Entsprechungen des romatischen Epos; den gleichmäßig intensiven Auftritt des Orientalismus . . . Mit einem Wort: Die Studie von Károly Horváth ist eine der besten in diesem Bande. Das gleiche kann auch von der sehr anspruchsvollen Abhandlung von László Sziklay gesagt werden, in der der Autor die tschechischen, polnischen und ungarischen Varianten des pseudo-romantischen geschichtlichen Romans vom Ende des 19. Jh.s, Anfang des 20. Jh.s analysiert. Er weist darauf hin, daß, die mit nationalistischen Elementen trächtige, die Vergangenheit falsch idealisierende Geschichtsbetrachtung, — die sogar heute noch ihren Einfluß ausübt — ihre »künstlerische« Bestätigung eben in diesen Romanen (denen die akademische Geschichtsmalerei entspricht) findet. Die für Ost-Europa bezeichnende Schönfärberei der Vergangenheit; der manchmal auch zur Bestätigung von Machtbestrebungen dienende Machtwille — nähren sich ebenfalls aus diesen Romanen. Es ist eine andere Sache, daß sowohl die polnische, die ungarische als auch die tschechische gesellschaftliche Entwicklung als Nährboden dieser Vergangenheitsdarstellung diente.

Es ist nicht unsere Aufgabe, alle interessanten Studien des Bandes herzuzählen und zu zitieren. Wir können lediglich eine Konsequenz hervorheben: Die polnische und die ungarische literarische Vergangenheit sind so sehr ineinander vergriffen (diese Verwandtschaft haben wir auch bei der Lektüre des tschechisch-ungarischen beziehungsgeschichtlichen Bandes erfahren!), daß wir uns vor die Frage gestellt sehen, ob wir beim heutigen Stand der Forschung noch auf die literaturgeschichtliche Slawistik im Sinne des ausklingenden 19. Jh.s bestehen können? Ob wir auch dann nicht mehr und nichts Genaueres sagen könnten, wenn wir unseren Interessenkreis auf ganz Ost-Europa ausdehnen würden? Ob die polnisch-ungarischen (und mindestens in gleichem Maße, die serbisch-ungarischen und die slowakisch-ungarischen) Entsprechungen und Parallelen nicht vielmehr die Schaffung einer osteuropäischen Synthese erfordern?

Alle 27 Studien dieses im ganzen hervorragenden (in Einzelheiten diskutablen) Bandes unterstreichen unsere Fragen. Wir sind überzeugt, daß uns diese Fragen gerade von den vorzüglichen Autoren dieses Studienbandes beantwortet werden.

I. Fried

GYULA MORAVCSIK, **Studia Byzantina.** In aedibus Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapestini — A. M. Hakkert, Amsterdam 1967, 438 S.

In diesem Bande sind 32 Studien von Gyula Moravcsik, eines der hervorragendsten Byzantinologen vereinigt, und zwar die bedeutenderen Aufsätze und Abhandlungen, welche in irgendeiner internationalen Sprache schon erschienen.

Die meisten Studien behandeln Themen des klassisch gewordenen Hauptwerkes von Gyula Moravcsik, die des zweibändigen »Byzantinoturcica«. In 4 Studien befaßt sich der Autor mit allgemeinen Fragen der Byzantinologie, 5 Studien berichten von den Hunnen, Türken, Bulgaren, Petschenegen und Kumanen, die mit den Byzantinern in Berührung gekommen waren, und in 8 Studien werden die byzantinischen Beziehungen der ungarischen Geschichte erhellt.

Aufgrund des Quellenmaterials dieser Periode behandelt der Verfasser Fragen und geschichtliche Beziehungen mehrerer byzantinischer Quellen, so auch des von ihm herausgegebenen Werkes De Administrando Imperio von Konstantinos Porphyrogennetes. Schließlich können wir Aufsätze lesen, die das literarische Fortleben der griechischen Kultur verfolgen.

Bezeichnend für die Gelehrsamheit der Arbeiten von Gyula Moravcsik ist die bis auf die Manuskripte zurückgehende Kenntnis der Quellen, ihre gründliche, quellenkritische Bewertung und der darauf ruhende solide, geschichtliche-philosophische Aufbau, mit dem eine äußerst klare Darstellung und ein an das Literarische angrenzender, schöner Stil einhergeht. Die Studien von Gyula Moravcsik sind nicht nur ihrer wissenschaftlichen Ergebnisse halber bedeutend, sondern sie sind auch in methodologischer Hinsicht beispielhaft: Sie können als klassische Schriftwerke einer philologisch begründeten Byzantinologie betrachtet werden.

Die Bedeutung des Studienbandes besteht also gerade in der Veröffentlichung der in verschiedenen Zeitschriften zerstreuten und nur schwer zugänglichen Studien von klassischem Wert. Auch diejenigen Studien von Gyula Moravcsik, welche Themen von geringerer Tragweite behandeln, stehen über dem Durchschnittniveau jeder internationalen Fachzeitschrift. Die feste Quellengrundlage, die soliden Konsequenzen, die bündige, aber gleichzeitig das Wesentliche erfassende Art des Vortrages und die klare Abfassung der Gedanken sind zusammen, eine rare Erscheinung der Fachliteratur.

Klassische Ausnahmen, die solche Tugenden ihr eigen nennen konnten, verdienten es immer, aus dem Konglomerat der verschiedenen Arbeiten unterschiedlichen Inhaltes und Niveaus hervorgehoben und als ein Teil des Lebenswerkes des Autors, in ihrer Gesamtheit vorgestellt zu werden.

Zum ersten Male erschienen die Studien in den Jahren 1926—1965, sie umfassen also fast 40 Jahre des Schaffens von Gyula Moravcsik. Obwohl die Slawistik nur eine Hilfswissenschaft der Byzantinologie ist, gibt es unter den Studien des Autors mehrere, die besonders das Interesse der Erforscher der slawischen Völker und Kultur erwecken werden. Unter diesen Abhandlungen seien hier in erster Linie die erwähnt, welche über die Donau-Bulgaren berichten. Die Studie »Zur Geschichte der Onoguren« (SS. 84—118) hat zweifelsfrei geklärt, daß die Bulgaren aus dem Stammesbund der Onoguren ausgeschieden sind. In der Studie »Die Namenliste der bulgarischen Gesandten am Konzil vom J. 869—70« (SS. 127—138) konnte der Autor die Personennamen, größtenteils slawischen Ursprungs, von den türkischen Würdennamen sondern. Auch die Frage des Christentums der Alt-Bulgaren wird in der Studie »Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of their Migration« (SS. 245—259) besprochen. In der Studie »Zur Geschichte des Herrschertitels *caesar* > *царь*« erbringt er den Nachweis der lateinischen Abstammung des bulgarisch-slawischen Wortes (SS. 267—274). In der Studie »*Κομέντον* — печенеж-

ское или русское слово?« weist er auf das byzantinische Vorkommen des Wortes hin, wodurch eine petschenegische, russische oder rumänische Ableitung des Wortes zweifelhaft erscheint (SS. 275—282). Die mittelalterliche Geschichte der Balkanvölker wird in den folgenden Studien angeschnitten: »Pour une alliance byzantino-hongroise. Seconde moitié du XIIe siècle« (SS. 305—313), »Les relations entre la Hongrie et Byzance à l'époque des croisades« (SS. 314—319), »The Role of the Byzantine Church in Medieval Hungary« (SS. 326—340), »Византийские императоры и их послы в г. Буда« (SS. 341—358) und »Ungarisch-byzantinische Beziehungen zur Zeit des Falles von Byzanz« (SS. 371—382). Daneben wird oft auf slawische Quellen oder slawistisches Schrifttum auch in anderen Artikeln hingewiesen.

In Grunde genommen läßt sich von dem Bande sagen, daß er einen großen Gewinn für die byzantinologische Fachliteratur und zugleich für die südosteuropäische Mediävistik darstellt.

Gy. Györffy

CHRONICA

László Dobossy a 60 ans

László Dobossy, professeur de langue et littérature tchèques à la Faculté des Lettres de l'Université «Eötvös Loránd» a 60 ans.

J'ai l'honneur d'être chargé de faire le portrait de ce sexagénaire qui garde toute la vigueur de son jeune âge. Et c'est avec une joie sincère que j'accomplis cette tâche. D'ores et déjà des sentiments nobles et purs m'assaillent, car je pense à notre pays natal commun et a l'époque décisive de la vie à la jeunesse, lorsque nous sommes partis à la recherche de nous-mêmes, pour réaliser notre propre formation. Nous l'avons réalisée ensemble l'un à côté de l'autre, dans la carrière de professeur et dans l'apprentissage du travail de clerc. C'est pendant la même période et au milieu des mêmes problèmes que nous avons essayé d'arriver à la sûreté de l'expression et de la construction dans notre travail d'humaniste. La génération des jeunes intellectuels hongrois d'après la Ière guerre mondiale était dispersée, mais on sait que c'est la jeune génération des intellectuels hongrois de Tschécoslovaquie qui a tiré avec le plus de réalisme les enseignements de ses possibilités et de ses expériences. László Dobossy est un représentant authentique de cette génération.

Le village de Vágfarkasd, où László Dobossy a vu le jour le 9 août 1910 se trouve dans le comitat de Nyitra, au bord même du Vág, dans une plaine fertile dont le spectacle sous le soleil d'été rappelle les strophes du poème d'Endre Ady, «Été paysan». Mais dans la formation de László Dobossy c'était la ville d'Érsekújvár, troisième ville du comitat de Nyitra, proche de Vágfarkasd, qui a joué le premier rôle et non son village natal. C'est une ville paysanne typique des plaines d'Europe centrale, riche et calme, quis ne se trouve plus au bord du Vág, mais plus à l'Est, près du fleuve Nyitra, au carrefour des routes et des lignes de chemin de fer. Le lycée hongrois d'Érsekújvár est un des centres de la formation d'avantgarde et du tourbillon d'idées de la jeunesse hongroise de Tchécoslovaquie. Le lycéen voit la situation des Hongrois en minorité, la démocratie des Tchèques, et parcourt le pays en scout, avec ses camarades, en disciple enthousiaste de Rousseau. Le scoutisme se transforme peu à peu en sociographie dans l'esprit des jeunes, et la connaissance profonde des réalités du peuple hongrois crée l'harmonie de la conscience et de l'intelligence, et rend actives les forces qui viennent de la conscience de la minorité hongroise. En plus de l'accomplissement exemplaire des devoirs d'étudiant les années d'études de Dobossy furent remplies de ces devoirs là, qu'il a partagés avec sa génération. C'est dans cette période même qu'il reconnaît la valeur de la poésie d'Endre Ady au point de vue de l'éducation de la nation, et il subit profondément l'influence de la grande génération du «Nyugat», dont les représentants sont pour lui des classiques, non seulement Zsigmond Móricz, qui visite le lycée d'Érsekújvár, mais aussi le poète lointain, Babits. Il publie sur ses lectures un article qui fait sensation, dans le journal de la jeunesse hongroise de Slovaquie, rédigé à Losonc par le professeur Lajos Scherer «A Mi Lapunk» (Notre Revue).

Le lycéen à l'esprit ouvert puise d'une façon heureuse dans tout ce que l'école et l'autodidaxie des lycéens peuvent offrir. Il s'oriente librement dans la culture humaniste hongroise, fait connaissance avec les tendances de la littérature tchèque et slovaque, découvre la littérature française. Dans ce dernier domaine il est initié par un professeur exceptionnel, le professeur de français du lycée hongrois d'Érsekújvár, Jenő Krammer, qui se lie d'amitié avec ses élèves, leur prête ses propres livres et établit un lien concret entre eux et la nation de Romain Rolland, en organisant pour eux des voyages en France. Le lycéen préparant son baccalauréat, plus tard le participant du mouvement estudiantin, membre fondateur du «Sarló», László Dobossy, représente l'orientation européenne en Slovaquie. Il fait ses études universitaires à Prague, étudie la philologie et les sciences

littéraires, devient le disciple de F. X. Šalda, homme de lettre dont les vues embrassent tout l'horizon européen et qui possède une vaste culture occidentale, critique qui emploie les normes de la littérature européenne, de Zdeněk Nejedlý, qui ne cache pas ses conceptions marxistes. Il a l'occasion de discuter avec ses professeurs les problèmes que pose la destinée de la minorité hongroise et, en utilisant l'interprétation d'autres représentants de la vie intellectuelle tchèque, il rend compte de ce sujet dans quelques articles retentissants, par lesquels, pour ainsi dire, il jette un pont entre Tschèques et Magyars dans la presse hongroise.

Il approfondit à la Sorbonne ses connaissance acquises à l'Université de Prague et arrive à la possession parfaite de la culture littéraire française. Quand il obtient à Kassa un poste de professeur au lycée hongrois, il est déjà considéré comme un représentant connu de la minorité hongroise de Tschécoslovaquie. A Kassa, il accomplit un travail exemplaire. Les jeunes qui ont grandi auprès de lui, évoquent avec une reconnaissance toujours vivante ses encouragements, ses conseils. La Société Kazinczy de Kassa de ces années qui, justement avant 1938, pendant la période de la présidence de l'inoubliable János Gömöry, était une association progressive digne de l'écrivain qui lui donna son nom, ent un secrétaire dévoué en la personne de László Dobossy. A cette époque, ses écrits et ses critiques paraissaient le plus souvent sous le nom de László Czuczor.

Dès avant la deuxième guerre mondiale, László Dobossy se trouve à Paris au service de la culture hongroise, et il y vécut les épreuves de l'histoire française, l'occupation allemande, la Résistance. Plus tard il devint président de l'Association Démocratique des Hongrois en France et directeur de l'Institut Hongrois de Paris. Il a accompli une mission importante dans la capitale française. Après son retour à Budapest il devint professeur dans une école supérieure, ensuite maitre de conférences, puis professeur à la Chaire des Études Slaves de l'Université Eötvös. Cette nomination est un résultat important de politique culturelle. Elle montre que l'orientation littéraire se renforce dans le domaine des études slaves hongroises. À Budapest, les slavistes étaient en grande partie linguistes, jusqu'à István Kniezsa. Avec Dobossy l'histoire littéraire commence également à caractériser l'école hongroise. Déjà a l'époque de son activité de professeur de lycée, Dobossy était un pédagogue aux idées originales, qui considérait avec scepticisme l'harmonie des classes sociales comme but de l'éducation. Ce n'est que dans la société socialiste que cette harmonie pourra s'effectuer dans l'éducation. — Soulignait-il déjà en 1931, au congrès du «Sarló». Dans l'enseignement universitaire et dans la formation des jeunes, Dobossy peut aujourd'hui faire usage de sa pratique pédagogique et des résultats théoriques acquis au lycée. C'est une aide qui a beaucoup de valeur dans l'enseignement universitaire.

Quand nous analysons l'activité littéraire de László Dobossy, il apparaît que pendant longtemps il a choisi pour forme de ses écrits les genres de courte haleine, les formes littéraires de peu d'étendue. C'est dans ces petits écrits qu'il a condensé ses idées, ses connaissances solides de la matière, guidées par un instinct infaillible. Il est capable de parler de la littérature française comme de la littérature tchèque et slovaque, en connaissance parfaite de l'arrière-plan social et historique. Il connaît par expérience non seulement Prague et et l'homme de la rue, mais aussi les formes plus closes de la vie tchèque, comme, la famille. Il a fait son service militaire dans une petite ville tchèque, Vysoké Mýto, et cette expérience lui fut plus précieuse que quelques semestres universitaires consacrés à ce sujet. C'est ce qui fait que ses peintures des caractères esquissées d'une main légère, ses comparaisons, ses présentations des types révèlent des connaissances profondes de la vie et du comportement humain. La forme de ses phrases montre son sens critique, son sens de la mesure et de la discipline. Par chacune de ses phrases, il conduit le lecteur plus loin, de la peinture des traits de caractère de l'individu jusqu'à ceux du type national. C'est dans l'analyse de l'oeuvre littéraire de Čapek et de Hašek que nous pouvons observer la profondeur des connaissances de Dobossy concernant la vie et l'homme tchèques, et sa veine littéraire dans la peinture des caractères. Dans ses analyses qui ont l'ampleur d'un livre, les proportions sont sans fautes, les arguments et les données sont composés d'une manière harmonieuse. Ce style n'est pas sentimental, impressionniste, mais donne des solides connaissances des analyses comparatives et des vues d'ensemble. Dobossy aime à faire des parallèles tchèques et hongrois, français et hongrois, il y indique l'essentiel, et ces rapprochements spirituels sont un plaisir pour le lecteur. Il établit également des parallèles entre les peuples de l'Europe de l'Est et fait sentir que la matière de nos connaissances sur les peuples danubiens et sur leur culture est facile à rassembler et à comparer. Dans le domaine des rapprochements et de la découverte des analogies nous attendons encore beaucoup de Dobossy.

En passant en revue ses écrits, c'est la première étape de son activité, celle de sa

jeunesse, ses portraits de l'histoire de la littérature hongroise qui me viennent à l'esprit. Son portrait d'Ady aux traits audacieux et celui de Babits, où il résume l'activité de l'auteur, esquisée par l'étudiant de Prague à l'occasion de la publication du roman de Babits, «Halálfiai» (Les Fils de la Mort). Il fut l'un des meilleurs critiques, aux arguments très sûrs de la génération du «Sarló». A ses explications rationalistes se mêlait toujours un peu de scepticisme amer. Il était hongrois, et à mi-chemin entre sentimentalisme slave et rationalisme français. Mais les limites du rationalisme restaient intactes dans ses analyses.

Ses oeuvres concernant la littérature française se groupent autour de l'activité littéraire de Romain Rolland. Nous avions à l'époque, en Slovaquie, une sorte de crédo sentimental, formé d'après les idées de Romain Rolland. C'est notre professeur, Jenő Krammer qui avait éveillé et nourri cet enthousiasme. Dobossy reçut cette tradition de Romain Rolland également de Krammer, qui connaissait personnellement l'écrivain français et était en correspondance avec lui. Il traça le portrait de l'humaniste d'après son ouvrage (Romain Rolland, l'homme et l'écrivain, 1961) et de ses lettres adressées à des Hongrois (Lettres inédites de Romain Rolland à ses amis hongrois, 1960). Dobossy souligne les contacts que cet écrivain avait avec des Hongrois, et quifaisaient exception dans cette ambiance d'indifférence caractérisant les contacts des Français avec les Hongrois entre les deux guerres mondiales. Il écrit avec jubilation sur Rolland, un Français que nous pouvions respecter et prendre pour exemple et qui nous aidait à justifier notre propre attitude d'humaniste. Quelques études mineures ayant trait à la littérature française mises à part, je dois mentionner deux grandes anthologies faites par lui. Un recueil de poésie populaire française qui parut en 1956 sous le titre «Si tu te fais rose» et le recueil «Poètes français contemporains» (1958). Mais son amour pour la littérature française, et sa compétence se révelent le plus dans son ouvrage paru en deux volumes. «L'histoire de la littérature française» (1963). Ce livre aide à comprendre cette littérature. La connaissance de la matière est en rapport étroit avec l'attitude de l'humaniste savant et l'auteur, an cours de sa pérégrination à travers les siècles, s'arrête pour analyser les écrivains qu'il préférait.

Dobossy semble être infatigable dans les recherches concernant la littérature tchèque. Il a dans ce domaine une compétence qu'on ne saurait dépasser. Il traite les textes anciens et modernes avec un sens très fin de l'analyse comparative. De son activité, je rappelle tout d'abord les deux volumes de son «Dictionnaire tchèque-hongrois» (1960) avec sa riche matière de phraséologie littéraire, qui sert de point d'appui pour la traduction des oeuvres de la littérature tchèque par des Hongrois. Ce dictionnaire, les critiques compétents en ont parlé avec beaucoup d'estime. L'écrivain, le traducteur qui s'en servent doivent apprécier avant tout l'étendue de sa matière phraséologique, sa précision et sa correction au point de vue de la grammaire, et le fait que le vocabulaire des meilleurs écrivains tchèques y est représenté. Dans le domaine des relations tchèques-hongrois, ce dictionnaire fut le plus grand résultat de la philologie pendant les 25 dernières années. Parmi les oeuvres concernant l'histoire de la littérature tchèque il y a un écrit d'une importance théorique capitale la «division en périodes de l'histoire de la littérature tchèque» (1958) qui — avec une autre étude traitant les interprétations d'histoire littéraire de Zdeněk Nejedlý (1958) — a pour nous beaucoup d'importance, parce qu'il montre les devoirs d'une histoire de la littérature qui se nourrit des traditions nationales, de la force du peuple, avec courage et dans un esprit socialiste. Ici comme ailleurs, Dobossy rapproche avec prédilection les phénomènes tchèques et hongrois. Il a le don d'évoquer des traits complexes et fins, comme le montrent ses portraits littéraires: l'étude sur Jan Neruda, analyse minutieuse et poussée, le bel essai sur la poésie de Jiří Wolker, son traité sur Nezval, mais surtout deux petites monographies: celle sur Karel Čapek et l'autre qui présente Jaroslav Hašek, l'auteur de «Švejk». Chacune des deux trace l'histoire de l'évolution de l'auteur, et donne une analyse du style. Toutes les deux sont importantes, même au point de vue des recherches faites en Tchécoslovaquie. Dobossy ne varie pas la matière de l'histoire littéraire tchèque, mais nous présente les résultats originaux de ses propres recherches. Ces deux analyses révèlent les moyens utilisés par ces deux écrivains importants, la justesse de leur peinture des caractères. Dans l'analyse de Čapek comme dans celle de Hašek l'auteur découvre des riches rapports hongrois. Les données hongroises replacent sous son vrai jour l'image de Hašek, et donnent un aspect inédit à l'image que nous avions de Čapek.

Il y a une traduction dans l'oeuvre de Dobossy que je trouve exemplaire. Il a traduit en hongrois le célebre roman autobiographique de Comenius, «Labyrint světa a ráj srdce», sous le titre «Le labyrinthe du monde» (1961). Il a entrepris la tâche la plus difficile qu'un traducteur puisse avoir: celle de rendre en hongrois la musique du style baroque

tchèque. Il a révélé aux lecteurs hongrois le monde de cet humaniste, ses déceptions émouvantes, le douloureux 17e siècle, si proche pour nous. Il fait sentir l'atmosphère de la guerre de 30 ans, avec son art verbal archaïsant où s'expriment une sagesse et une foi profondes. La prose de Dobossy est imagée, pleine de force, pareille à celle de l'écrivain tchèque. Il a rédigé une brillante étude qui éclaire le style de Comenius et ses intentions d'écrivain.

Notre conception sur l'Europe de l'Est, formée à l'époque du «Sarló» se reflète dans un livre important, dont la rédaction fut dirigée par Dobossy. Le titre en est «La littérature des peuples voisins» (1962), ouvrage qu'on utilise dans les lycées hongrois comme anthologie de la littérature mondiale. Ce n'est pas le voisinage géographique que Dobossy veut souligner par l'épithète «voisin», mais plutôt les rapports d'idées, le passé commun vécu le long du Danube, et l'enseignement qui se dégage de l'analyse des tendances littéraires communes, créées à leur tour par ce passé commun. Dans ce livre, on trouve l'histoire des littératures tchèque, slovaque, polonaise, roumaine, yougoslave, albanaise, et une substantielle anthologie de la poésie et de la prose de chacun de ces peuples. Ce livre qui révèle tant d'honnêteté, fait sentir l'essence des attitudes nationales parallèles et peut servir de modèle à chacun de nos voisins. Il pourrait être considéré également comme un symbole de la nouvelle conception pédagogique hongroise qui dans nos rapports avec les peuples voisins, vise à établir une atmosphère nouvelle d'estime réciproque.

L'activité de László Dobossy forme un lien entre deux littératures: la littérature française et la littérature tchèque. Sa voie est une voie solitaire, mais une voi honnête et pure. Il a toujours accepté la critique. Ses écrits révèlent ses convictions profondes. Il nous montre par une critique intransigeante l'attitude que nous devons adopter quand nous nous approchons de la culture littéraire de Prague et de Paris. Il tire des enseignements divers en s'appuyant sur des données hongroises, rappelle des traditions et laisse entrevoir ses sentiments de solidarité dans ses analyses.

László Dobossy a 60 ans. Mais en évoquant cet anniversaire, nous nous tournons vers l'avenir et lui souhaitons, avec un sentiment d'amitié profonde, de pouvoir continuer son activité dans le même esprit pour couronner son oeuvre.

R. Szalatnai

L'oevre scientifique de László Dobossy

1. Romain Rolland magyarul megjelent művei és a magyar Rolland-irodalom [Bibliographie des oevres de Romain Rolland parues en hongrois et la littérature hongroise sur Romain Rolland]. Budapest 1956.

2. A nyelvoktatás időszerű kérdései [Problèmes actuels de l'Enseignement des langues vivantes.] (Réd.) Budapest 1957.

3. Mai francia költők [Poètes français contemporains]. (Réd.) Budapest 1958.

4. Cseh—magyar szótár. Česko—madarský slovník I—II. Praha—Budapest 1960.

5. Lettres inédites de Romain Rolland à ses amis hongrois. Budapest 1960.

6. Karel Čapek. Budapest 1961.

7. Romain Rolland az ember és az író [Romain Rolland, l'homme et l'écrivain]. Budapest 1961.

8. A szomszéd népek irodalma [La littérature des peuples voisins]. (Réd.) Budapest 1962.

9. Jaroslav Hašek. Budapest 1963.

10. A francia irodalom története [L'histoire de la littérature française], I—II. Budapest 1963.

11. Hašek világa [Univers de Hašek]. Budapest 1970.

*

12. A mai cseh költészet [Poésie tchèque contemporaine]: Irodalmi Figyelő 3 (1957) 23—28.

13. Magyar költők franciául [Poètes hongrois en français]: It 45 (1957) 224—231.

14. A cseh irodalomtörténet korszakolása [Périodisation de l'histoire de la littérature tchèque]: I. OK 15 (1958) 161—178.

15. Adalék Az ember tragédiája falanszter-jelenetének értelmezéséhez [Contribution a l'étude de la scène phalanstérienne de «La tragédie de l'homme»]: It 46 (1958) 148—152.

16. A mai francia költészet [Poésie française contemporaine]: ViF 4 (1958) 113—128.

17. Lehetséges-e a fordítás? [La traduction est-elle possible?]: FilKözl 4 (1958) 448—452.

18. Zdeněk Nejedlý és a cseh irodalomtörténeti kutatás: FilKözl 4 (1958) 374—379; cf. 29.

19. Fordításelmélet és irodalomtörténet [Théorie de la traduction et histoire littéraire]: FilKözl 5 (1959) 473—476.

20. Karel Čapek humanizmusa [Humanisme de Karel Čapek]: Nagyvilág 4 (1959) 94—97.

21. La traduction est-elle possible? ActaLit 1 (1959) 422—428.

22. Cseh költők magyarul [Poètes tchèques en hongrois]: Nagyvilág 5 (1960) 928—930.

23. Két szovjet monográfia Romain Rolland-ról [Deux monographies soviétiques sur Romain Rolland]: FilKözl 6 (1960) 135—137.

24. Komenskýval „A világ útvesztőjében" [Komenský et «Le labyrinthe du monde»] FilKözl 6 (1960) 369—382.

25. Petőfi-vers cseh munkások ajkán [Un poème de Petőfi dans le mouvement ouvrier tchèque] IrK 64 (1960) 361—362.

26. Čapek és a magyarok [Čapek et les Hongrois]: ViF 7 (1961) 140—143.

27. J. A. Comenius, A világ útvesztője [Le labyrinthe du monde]. (Trad.) Budapest 1961.

28. Einige Bemerkungen zum Stil und zu den ersten ungarischen Übersetzungen des »Labyrinths der Welt« von Comenius: Philologica 7 (1961) 2—5.

29. Зденек Неедлы и исследование истории чешской литературы: Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de Rolando Eötvös nominate 1 (1961) 61—57.

30. Zdeněk Nejedlý: Magyar Tudomány 69 (1962) 417—422.

31. Megemlékezés Božena Němcováról [Commémoration de Božena Němcová]: ViF 8 (1962) 206—214.

32. Beitrag zur Geschichte der tschechisch—ungarischen literarischen Beziehungen im 20. Jahrhundert: StSl 9 (1963) 273—292.

33. A fordítás művészete [Art de la traduction]: Nagyvilág 9 (1964) 1558—1560.

34. Jiří Wolker és József Attila: ISz 6 (1964) 834—840.

35. Člověk proti nelidskosti — Josef Švejk: Plamen 7 (1965) 145—148.

36. Das Schicksal eines tschechischen Volksbuches in der ungarischen Folklore und Literatur: StSl 11 (1965) 331—344.

37. Egy cseh népkönyv sorsa a magyar folklórban és a magyar irodalomban: I. OK 22 (1965) 267—279; cf. 36.

38. Egy szelíd forradalmár (Husz János) [Un doux révolutionnaire (Jan Hus)]: Nagyvilág 10 (1965) 1434—1436.

39. Jiři Wolker a maďarská avantgarda: Plamen 7 (1965) 98—101.

40. Kapcsolataink a XX. században: Tanulmányok a csehszlovák—magyar irodalmi kapcsolatok köréből. Budapest 1965, 309—327; cf. 41.

41. Naše styky ve 20. století: Dějiny a národy. Praha 1965, 191—201.

42. Krejčís Deutung des Heroikomikums: StSl 11 (1965) 432—434.

43. A cseh és a magyar avantgard kölcsönössége [Réciprocité de l'avant-garde tchèque et hongrois]: ISz 9 (1966) 55—58.

44. A modern művészet hullámzása [Mouvements de l'art moderne]: ISz 9 (1966) 821—828.

45. Rapprocher les mains qui se cherchent . . . (Les cent ans de Romain Rolland): ActaLit 8 (1966) 445—454.

46. Satirische Darstellung der Wirklichkeit in Jaroslav Hašeks »Schwejk«: Littérature et réalité. Budapest 1966, 179—190.

47. A szomszéd népek irodalma és a magyar olvasók [La littérature des peuples voisins et les lecteurs hongrois]: Irodalmi és Nyelvi Közlemények 3 (1966) 71—82.

48. Bezruč a maďarská poezie: Impuls 2 (1967) 547—549.

49. Irský král a waleští bardi: Impuls 2 (1967) 385—389.

50. Lettres inédites de Romain Rolland: Nouvelles Études Hongroises 2 (1967) 165—178.

51. Quelques remarques sur le surréalisme: ActaLit 9 (1967) 215—226.

52. Romain Rolland and his Hungarian Friends: The New Hungarian Quarterly 8 (1967) 167—176.

53. Sur l'esthétique de Romain Rolland: Philologica Pragensia 10 (1967) 2: 95—101.

54. Ady franciául [Ady en français]: Nagyvilág 13 (1968) 618—619.

55. »Atteindre à l'harmonie . . .« (Contribution à l'étude de la pensée de Romain Rolland): ActaLit 10 (1968) 189—192.

56. Hašek és a magyarok [Hašek et les Hongrois]: ISz 11 (1968) 153—165.

57. Kassák Lajos és szülőföldje [L. Kassák et son pays natal]: ISz 10 (1967) 681—688.

58. F. X. Šalda: ISz 11 (1968) 80—82.

59. Contribution à l'étude des origines de la poésie tchèque moderne: ActaLit 10 (1968) 281—292; cf. 64.

60. Problémy literárnej kontintuity z hľadiska vzťahov českej a maďarskej avantgardnej poézie: Problémy literárnej avantgardy. Bratislava 1968, 291—296.

61. Quelques aspects du roman moderne: ActaLit 10 (1968) 405—406.

62. Ungarische Motive im Lebenswerk von Jaroslav Hašek: StSl 14 (1968) 119—139.

63. Magyar motívumok Jaroslav Hašek életművében: FilKözl 15 (1969) 268—283; cf. 62.

64. A modern cseh költészet forrásvidékénél: Helikon 15 (1969) 14—22; cf. 59.

65. Sur quelques nouveaux paradigmes de l'analyse littéraire: ActaLit 11 (1969) 199—204.

66. *Robot:* Magyar Nyelv 66 (1970) 80—82.

Abréviations

ActaLit	=	Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae
FilKözl	=	Filológiai Közlöny
I. OK	=	A Magyar Tudományos Akadémia [I.] Nyelv- és Irodalmi Osztályának Közleményei
ISz	=	Irodalmi Szemle
It	=	Irodalomtörténet
ItK	=	Irodalomtörténeti Közlemények
StSl	=	Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae
ViF	=	Világirodalmi Figyelő

К шестидесятилетию Ласло Гальди

Венгерские слависты вместе со всей нашей филологической общественностью отмечают 60-летие со дня рождения заведующего отделом Института языкознания ВАН, доктора филологических наук, профессора Ласло Гальди. Научная личность этого видного ученого представляет собой своеобразное явление в венгерской славистике. Уроженец многонациональной области Трансильвании, с блестящим знанием ряда языков, проф. Гальди пришел к славяноведению в отличие от большинства наших славистов старшего поколения не от венгерской, а от романской филологии. Занимаясь исторической лексикологией румынского языка и вопросами ареальной лингвистики Юго-восточной Европы, он рано убедился в том, что в этих областях не обойтись без славяноведения.[1] Еще до второй мировой войны, во время своей научной командировки в Париже он стал изучать

[1] Из этой области его деятельности упоминаем только две работы. В 1944 г. он издал в Будапеште «Dictionarium valachico-latinum», рукописный румынско-латинский словарь конца XVIII в., составленный С. Мику-Клейном. В комментарии, приложенном к словарю, Л. Гальди посвятил отдельную главу разбору славянских элементов его материала. Другая его работа «A Dunatáj nyelvi alkata» [Языковой склад Дунайского бассейна] (Documenta Danubiana, 4. Budapest 1947, 3—26), содержащая солидный материал по фонетике, морфологии и лексике славянских языков, является, пожалуй, первым ареально-лингвистическим исследованием в отечественном языкознании.

старолавянский язык под руководством проф. А. Вайана. Более определенный поворот его научных интересов в сторону русистики был связан с общим подъемом отечественного славяноведения в послевоенный период. Одной из неотложных задач формировавшейся в то время венгерской русистики было составление словарей, удовлетворяющих насущные потребности как практически-общественного, так и научно-филологического характера. За эту ответственную и во многом пионерскую работу взялись Л. Хадрович и Л. Гальди. Составленные под их редакцией словари являются основополагающими и до сих пор широко используемыми трудами русско-венгерской лексикографии.[2] Л. Гальди отдал свою дань и стержневой теме отечественной славистики: в первых томах нашего журнала он опубликовал исследования, в которых освещается с привлечением богатого фактического материала «предыстория» научно-этимологического изучения славянско—венгерских лексических связей.[3] Незаурядная эрудиция и большой лексикографический опыт позволили профессору Гальди внести свой вклад и в русскую историческую лексикологию. В его работе «Слова романского происхождения в русском языке», опубликованной издательством Московского университета в 1958 г., дается характеристика принципов и методов исследования лексикографических текстов русского языка для изучения западноевропейских заимствований, и, кроме того, делаются ценные замечания о методах изучения романских ка́лек в русском литературном языке.

Большое место в научном творчестве Л. Гальди занимают его исследования в области русской стихотворной речи. Основной пафос этой стороны его деятельности определяестя требованием рассмотрения стихотворного произведения как функционального целого, в котором особенно важная роль принадлежит взаимоотношению метрического «инварианта» стиха и многочисленных разновидностей его ритмической реализации. В связи с этим Л. Гальди настаивает на необходимости уточнения ритмического анализа стихотворений, предлагая различать в стихе не только ударные и безударные слоги, но и целую иерархию ударений, различающихся по степени их динамической силы и исполняющих различные функции в смысловой и синтаксической структуре текста. В этих своих взглядах Л. Гальди следует лучшим традициям русского стиховедения, представленным в трудах В. М. Жирмунского, Д. Г. Гинцбурга, Л. В. Щербы и др. Помимо изложения своих теоретических взглядов[4] проф. Гальди опубликовал ряд работ, в которых указанные принципы применяются на конкретном поэтическом материале, прежде всего на произведениях Лермонтова. Так, в частности, ему удалось дать более дифференцированную и точную интерпретацию различных случаев «нарушения ямба» у Лермонтова,[5] создать настоящую «типологию» его александрийского стиха (с весьма поучительным экскурсом в историю этого размера в долермонтовской русской поэзии),[6] а также сделать тонкие наблюдения относительно взаимодействия ритмической и синтаксической структуры в некоторых стихотворениях Лермонова.[7] Истинно новаторский характер для венгерской русистики имеет обстоятельная работа Л. Гальди о венгерских переводах поэзии Лермонтова.[8] Его работа, отличающаяся как монографическим охватом материала, так и глубиной и тонкостью анализа, представляет собой не только образец филологически обоснованной критики

[2] *Л. Хадрович, Л. Гальди,* Русско-венгерский словарь. Изд-во Академии наук Венгрии, 1951. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное: 1959. Изд. 3-е, исправленное: 1968. *Л. Хадрович, Л. Гальди,* Венгерско-русский словарь. Изд-во Академии наук Венгрии, 1952. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное: 1964. Изд. 3-е, исправленное: 1969.

[3] Sur quelques pionniers des rapprochements étymologiques slavo-hongrois. Studia Slavica 1 (1955) 5—28. — De Gyarmathi à Miklosich. Studia Slavica 2 (1956) 289—329.

[4] Le mètre et le rythme. Études Hongroises. Paris 1936—37, 71—85; — Essai d'une interprétation fonctionelle du vers. Acta Linguistica Acad. Sci. Hung. 3 (1953), 373—409; — Az orosz vers funkcionális problémái [Функциональные проблемы русского стиха] Filológiai Közlöny 1 (1955) 185—192; — Les variétés de l'accent dans le vers russe. Studia Slavica 6 (1960) 315—329; — Le mètre et ses variantes typiques. To honor Roman Jakobson. I. The Hague—Paris 1967, 692—696; — Личность поэта и техника стиха. Вопросы языкознания 1967, 3: 53—58.

[5] Contributions à l'étude du vers ïambique de Lermontov. Studia Slavica 10 (1964) 171—176.

[6] Александрийский стих Лермонтова. Studia Slavica 14 (1968) 157—168.

[7] Remarques sur l'expressivité de la syntaxe poétique de Lermontov. Studia Slavica 9 (1963) 56—74.

[8] Lermontov versművészete magyar köntösben [Стиховое искусство Лермонтова в венгерском одеянии]. Tanulmányok a magyar—orosz irodalmi kapcsolatok köréből. I. [Русско—венгерские литературные связи. I. Сб. статей]. Budapest 1961, 407—470.

художественного перевода, но также значительный вклад в «сравнительную метрику», о праве на существование которой Л. Гальди говорил несколько лет тому назад на будапештском совещании о современных методах литературной компаративистики.[9] К этому следует добавить, что проф. Гальди не только з н а е т сложный механизм стиха, но он и ч у в с т в у е т стих: его строго научный анализ гармонирует с высказанной им же эстетической оценкой данного произведения, они взаимно подтверждают друг друга и тем самым свидетельствуют о действенности предлагаемого метода разбора.

Поздравляем нашего уважаемого юбиляра с шестидесятилетием со дня его рождения. От души желаем ему доброго здоровья и полноты творческих сил, и ждем новых плодов его прекрасной эрудиции и оригинального исследовательского таланта.

М. Петер

Славянское языкознание в Венгрии за 1969 — 1970 гг.

1. В феврале 1970 г. выдающийся ученый-филолог, известный деятель славяноведения в Венгрии, заведующий Кафедрой славянской филологии при Будапештском университете, член-корр. ВАН *Л. Хадрович* был избран действительным членом Академии наук ВНР.

2. В работе Международной конференции преподавателей русского языка и литературы, состоявшейся 22—28 августа 1969 г. в Москве, приняла участие и венгерская делегация.[1] Возглавлявший делегацию доц. *Р. Суара* на встрече за круглым столом провел беседу об «Учете специальности при обучении русскому языку» и в секции методики он прочитал доклад на тему «Опыт периодической концентрации преподавания русского языка». В той же самой секции были прочитаны доклады главным референтом Министерства просвещения и культуры ВНР *Анной Талаши* «Ситуативные и структурные аспекты обучения русскому языку в венгерской школе» и ассистентом *Д. Ференци* «Контрастно-оппозиционное перераспределение русской грамматики при обучении венгров». В секции «Типы учебников и учебных пособий» выступили с докладами доц. *Ф. Папп* — «Принципы построения „Курса современного русского языка"», адъюнкт *Эрна Палл* — «Из опыта преподавания синтаксиса современного русского языка в Будапештском университете», *М. Хорват* — «Основные принципы построения учебников русского языка в Венгрии», доц. *И. Кошараш* — «Значение статистических данных для создания учебников русского языка», *Й. Крекич* — «Опыт использования языковой лаборатории в венгерской средней школе». В секции «Лингвистические основы описания русского языка как иностранного» доц. *И. Балог* прочитал доклад «Некоторые результаты музыкального анализа русской речи», доц. *И. Бано* — «Контрастивные исследования в области порядка слов в русском и венгерском языках». В секции «Литературоведение и страноведение в обучении русскому языку» выступили с докладами *А. Кичка* и *И. Феньвеши*.

В конце августа 1970 г. состоялась в Москве Генеральная ассамблея МАПРЯЛ, на которой присутствовали и венгерские делегаты: доц. *К. Болла*, доц. *Э. Балецкий*, проф. *Р. Суара*, доц. *И. Бано*, доц. *И. Кошараш*, *Ф. Марьянек*, *М. Хорват*.

3. 3 сентября 1969 г. на Ономатологической конференции в Будапеште были прочитаны славистами следующие доклады: член-корр. ВАН *Л. Хадрович* — «Об ономатологических вопросах сосуществования венгров и южных славян» (на эту же тему он выступил с докладом на немецком языке на X Международном съезде ономатологов, состоявшемся в сентябре месяце в Вене), *П. Лизанец* (Ужгород) — «Исследования по венгерской ономастике в УССР», зам. директора Института языкознания ВАН *П. Кирай* — «Исследования по славянской ономастике и задачи венгерской славистики», доктор лингв. наук *И. Шипош* — «Влияние аналогии на формирование географических названий».

[9] Littérature comparée et métrique comparée en Europe Orientale. Acta Litteraria Acad. Sci. Hung. 4 (1962) 207—212.

[1] Доклады венгерской делегации опубликованы Обществом Венгеро-Советской Дружбы в журнале на ротапринте «Методический сборник для преподавателей русского языка», Будапешт 1969, № 2.

A Könyvtára 2412 19 71

4. В течение обозреваемого периода в нашей стране пребывали — кроме упомянутых выше — еще следующие иностранные слависты:

В 1969—70 учебном году на Кафедре русской филологии при Будапештском университете работала канд. филологических наук, старший преподаватель Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко *Т. А. Марусенко*. Она читала лекции по русской лексикологии и словообразованию на IV курсе дневного отделения, вела спецсеминар на тему «Введение в восточнославянскую топонимику», руководила практическими занятиями по русскому языку и стилистике. В рамках курса «Вопросы современной советской культуры» для V курса дневного и вечернего отделений она прочитала лекцию о современном состоянии советского языкознания и в базовой школе университета провела открытый урок, кроме того принимала участие и в работе лаборатории учебно-педагогической организации «ТАНЭРТ», по подговке пособий для программированного обучения русскому языку.

В этом же самом учебном году на Кафедре славянской филологии при Будапештском университете преподавал доктор филологических наук, *А. М. Рот* (Ужгород). Он читал лекции и вел спецкурс по-венгерски на тему о языковых контактах между венгерским и восточнославянскими народами.

Прибывший в Будапешт по приглашению Общества по распространению научных знаний член-корр. АН Болгарии *Э. Георгиев* 8 октября 1969 г. выступил с докладом о новейших результатах по исследованию деятельности Кирилла и Мефодия.

Начиная с октября месяца 1969 г. в качестве приглашенного преподавателя работала в г. Эгер сотрудник МГПИ им. Ленина *П. П. Ратникова*, она читала лекции по русской лексикологии на Кафедре русской филологии при Эгерском пединституте им. Хо-Ши-Мина. Эту же кафедру посетили в апреле 1969 г. доц. *П. Фурманн* (ГДР) и в июне 1969 г. главный редактор журнала «Fremdsprachenunterricht» *Г. Бенке*.

В 1969 г. в Венгрии собирали материалы для словаря истории словацкого языка в Государственном архиве Венгрии и в каталогах библиотек сотрудники САН (Братислава) *К. Хабовштиакова, Я. Складана, Я. Доруля, Фр. Кочиш* и *Шт. Михалус*.

В 1970—71 учебном году на Кафедре русской филологии при Будапештском университете работает преподаватель МГУ *А. В. Фролкина*. Она ведет семинары по русскому языку и стилистике и принимает участие в работе по составлению учебных пособий и конспектов по русскому языку.

16 октября 1970 г. посетила Кафедру русской филологии при Будапештском университете преподаватель МГПИ им. Ленина *Л. А. Дерибас*. Она прочитала лекцию на тему «Актуальные вопросы преподавания русского языка иностранцам», знакомя слушателей с опытом применения новейших методов обучения иностранцев русскому языку в МГПИ им. Ленина.

В октябре 1970 г. по приглашению Кафедры русской филологии при Будапештском университете прибыла в Будапешт доктор филологических наук, проф. МГУ *К. В. Горшкова*. Она прочитала цикл лекций «Формирование русской фонологической системы как системы консонантного типа». На отдельных лекциях были затронуты вопросы о судьбе гласных передней и непередней зоны образования; об истории звука, обозначавшегося буквой *ѣ*, а также — остальных гласных фонем. К. В. Горшкова посетила и Кафедру русского языка и литературы Сегедского университета, где тоже прочитала лекцию по вопросам исторической грамматики русского языка.

20 ноября 1970 г. в Институте языкознания БАН проф. *Й. Хамм* (Вена) выступил с докладом «Mehrstuffigkeit in der Wortenwicklung und -verwendung».

5. За обозреваемый период в секции славистики Венгерского лингвистического общества были прочитаны следующие доклады:

4 марта 1969 г. канд. лингв. наук *Л. Киш* выступил с докладом «Венгерские этнографические и ботанические термины, заимствованные из славянских языков». В своем докладе Л. Киш проанализировал следующие слова: *bikla* 'белая юбка'; *bugyli* 'дешевый перочинный ножик'; *grulya* 'картофель'; *körpöly* 'принадлежность плуга'; *kruspán* 'букс'; *lapor* 'разновидность почвы близ г. Печ (Венгрия)'; *mácsonya* 'Dipsacus'; *masánszki* 'сорт яблока'; *vázsu* 'фасоль'; *zsoltina* 'Serratula'.

16 декабря 1969 г. зам. директора Института языкознания ВАН *П. Кирай* прочитал доклад на тему «Кириллическая надпись на т. н. кошеле Степана I». Разбирая кириллическую надпись, имеющуюся на т. н. кошеле короля Венгрии Степана I (1000—1038), П. Кирай пришел к выводу, что эта надпись — русской редакции XII в., следовательно, вышеупомянутый предмет является одним из материальных доказательств русско-венгерских контактов эпохи средневековья.

20 июня 1970 г. состоялось общее собрание Венгерского лингвистического общества на котором — по случаю их шестидесятилетия — чествовали доктора лингв. наук *Л.*

Гальди и акад. *Л. Хадровича*. В своих приветственных речах канд. лингв. наук *Ф. Бакош* особо отмечал тонкость и глубину исследований Л. Гальди, посвященных вопросам романской и славянской филологии, и канд. лингв. наук *Л. Киш* всесторонне освещал многогранную деятельность Л. Хадровича в области венгерского языкознания и славянской филологии.[2]

24 сентября 1970 г. проф. *Т. Левицкий* (Краков) выступил с докладом «Магометанские источники по истории юго-восточной Европы».

6 октября 1970 г. адъюнкт *А. Холлош* прочитал доклад «Проблематика изучения слов венгерского происхождения в русском языке». В докладе автор излагает, что роль венгерского языка в русско-венгерских контактах до времени занятия отчизны венграми не определена полностью. Очень вероятно, что посредством венгерского языка попали в русский язык такие слова, как *валах* ~ *валух*, *гуляш*, *доломан*, *карваш*, *кодман*, *кочи*, *сабля*, *сипош(ь)*, *херчег* ~ *герчек*, *шатер*, *шишак* и т.д. В своем докладе автор анализировал и судьбу этих слов в русском языке.

20 октября 1970 г. канд. лингв. наук *Л. Киш* выступил с докладом «Исследования по калькам» (10 профессиональных названий). В докладе им были разобраны следующие слова: *ablakos* 'стекольщик', *asztalos* 'столяр', *bádogos* 'жестянщик», *drótos* 'проволочник, лудильщик', *fazekas* 'гончар», *lakatos* 'слесарь', *sáfrányos* 'торговец (странствующий) шафраном', *szabó* 'портной', *százados* 'капитан', *varga* 'кожевник'.

27 октября 1970 г. прочитал доклад проф. Ужгородского университета *А. М. Рот* на тему «Проблемы языковых контактов. Билингвизм и многоязычие в бассейне Карпат». В этом докладе были затронуты вопросы мультилатерального языкового взаимовлияния, карпатизмов, билингвизма и многоязычия.

1 декабря 1970 г. выступил с докладом канд. лингв. наук *И. Х. Тот* «К вопросу изучения старославянских памятников русской редакции XI в.» (По Бычковскому псалтырю). В докладе автор дал краткую характеристику псалтыря, его фонетический и морфологический анализ и попытался точно определить место и время возникновения памятника.

6. За отчетный период из венгерских славистов — кроме упомянутых выше представителей венгерской делегации на конференции МАПРЯЛ — заграницей были еще следующие:

В 1969 г. адъюнкт Дебреценского университета *Ф. Хадаш* провел две недели в СССР. Он прочитал доклад в Киевском государственном университете «О некоторых принципиальных вопросах программированного обучения венгров русскому языку».

Зам. директора Института языкознания ВАН *П. Кирай* 18—21 мая 1970 г. присутствовал в Варшаве на заседании Комитета по составлению Общеславянского лингвистического атласа, а от 30 августа до 4 сентября 1970 г. — вместе с акад. *Л. Хадровичем* — на заседании Международного комитета славистов в Хельсинки, где представили тематический план и тезисы докладов венгерских славистов на VII Международный съезд славистов.

На конференции Контрастивного языкознания (между 9—16 июня 1970 г.) в г. Нови Сад (Югославия) канд. лингв. наук. *Л. Дэже* прочитал лекцию о «Сопоставительном синтаксисе венгерского и сербохорватского языков».

Доктор лингв. наук *И. Шипош* в ноябре 1970 г. провел две недели в Пражском университете, где прочитал доклад «О планах и исследованиях по ономастике в Венгрии».

В ноябре же 1970 г. акад. *Л. Хадрович* в г. Кёльне (ФРГ) выступил с докладом Структура славянского синтаксиса на семантико-функциональной основе».

А. Холлош—Г. Вернке

[2] Тексты поздравительных речей опубликованы в журнале Magyar Nyelv 66 (1970) 507—510.

INDEX

Kiss, L.: László Hadrovics sechzigjährig 173
Gregor, F.: Ung. *kocsi* 'Wagen' und die Namen ähnlicher Fahrzeuge sowie einiger Bestandteile im Slowakischen 193
Петe, И.: Типы синтаксической модальности в русском языке 219
Рот, А. М.: Особенности калькирования лексических инноваций русского языка советского общества в венгерском языке 237
Кирай, Д.: Структура романа Достоевского «Двойник» 259
Коллер, Э.: О звуках тютчевских стихов 301
Каранчи, Л.: «Что делать?» Чернышевского как психологический роман 323

Miscellanea

Mokuter, I.: Pridevski nastavak *-oga, -og* u savremennom srpsko-hrvatskom jeziku 331
Palić, E.: Hrvatsko-slavonski internat u Budimpešti 339

Critica et bibliographia

Arató, E.: Von der Arbeit des »Instituts für Geschichte der sozialistischen Länder Europas« der Slowakischen Akademie der Wissenschaften 357
Gregor, F.: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur 367
Morvay, K.: Nowa Księga Przysłów i wyrazeń przysłowych Polskich 372
Секей, Н.: A. N. Radiščev und Deutschland 374
Зельдхейи-Деак, Ж.: R. L. Jackson, Dostoevsky's Quest for Form 377
Кирай, Н.: Oświecenie 379
Fried, I.: Tanulmányok a lengyel—magyar irodalmi kapcsolatok köréből 382
Györffy, Gy.: Gy. Moravcsik, Studia Byzantina 385

Chronica

Szalatnai, R.: László Dobossy a 60 ans 387
Петер, М.: К шестидесятилетию Ласло Гальди 392
Холлош, А.—Вернке, Г.: Славянское языкознание в Венгрии за 1969—1970 гг. 394

LLBA LANGUAGE AND LANGUAGE BEHAVIOR ABSTRACTS

A multidisciplinary quarterly providing access to the current U. S. and foreign literature in

LANGUAGE AND LANGUAGE BEHAVIOR

More than 1000 abstracts per issue from 900 journals in 25 languages and 25 disciplines

Philosophy of Language
Linguistics (General)
Descriptive Linguistics
Semiotics
Rhetoric and Stylistics
Sociology of Language
Applied Linguistics

Psychology (General)
Psycholinguistics
Neurology and Genetics
Psychology of Perception
Psychology of Learning
Developmental Psychology
Personality and Social Psychology
Psychopathology
Mathematical Psychology and Psychometrics
Educational Psychology
Special Education

Psychoacoustics
Hearing Physiology
Hearing Pathology
Phonetics
Speech Physiology
Speech Pathology
Communication Sciences

Subscriptions: $45.00 for institutions; $15.00 for individuals

LANGUAGE AND LANGUAGE BEHAVIOR ABSTRACTS
The University of Michigan
256 City Center Building
220 East Huron Street Ann Arbor, Michigan 48108

Printed in Hungary

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója — Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor

A kézirat nyomdába érkezett: 1970. X. 30, — 3 ábra. Terjedelem: 19,5 (A/5) ív, 3 ábra.

71.70653 Akadémiai Nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

Les *Studia Slavica* paraissent en langues slaves, de même qu'un français, anglais et allemand et publient des travaux du domaine de la slavistique.

Les *Studia Slavica* sont publiés sous forme de fascicules qui seront réunis en volumes de 400—500 pages. Les volumes paraissent annuellement.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction à l'adresse suivante:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est de $ 16.00 par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise pour le Commerce Extérieur de Livres et Journaux «*Kultúra*» (Budapest I., Fő utca 32. Compte-courant No. 43-790-057-181) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The *Studia Slavica* publish papers on slavistics in Slavonic languages, in English, French and German.

The *Studia Slavica* appear in fasciculi of varying size, making up volumes (400—500 pp.). The volumes are published yearly.

Manuscripts should be addressed to:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription is $ 16.00 a volume.

Orders may be placed with "*Kultúra*" Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest I., Fő utca 32. Account No. 34-790-057-181) or with representatives abrond.

Die *Studia Slavica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Slawistik, sowohl in slawischen Sprachen als auch deutsch, französisch und englisch.

Die *Studia Slavica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen 400—500 seitigen Band. Die Bände werden jährlich herausgegeben.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind an folgende Anschrift zu senden:

Studia Slavica
Budapest 502, Postafiók 24.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion bestimmte Korrespondenz zu richten. Abonnementspreis pro Band: $ 16.00.

Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »*Kultúra*« (Budapest I., Fő utca 32. Bankkonto Nr. 43-790-057-181) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Reviews of the Hungarian Academy of Sciences are obtainable at the following addresses:

ALBANIA

Drejtorija Qändrone e Pärhapjes
dhe Propagandimit tä Librit
Kruga Konferenca e Päzes
Tirana

AUSTRALIA

A. Keesing
Box 4886, GPO
Sydney

AUSTRIA

GLOBUS
Höchstädtplatz 3
A-1200 Wien XX

BELGIUM

Office International de Librairie
30, Avenue Marnix
Bruxelles 5
Du Monde Entier
5, Place St. Jean
Bruxelles

BULGARIA

HEMUS
11 pl Slaveikov
Sofia

CANADA

Pannonia Books
2, Spadina Road
Toronto 4, Ont.

CHINA

Waiwen Shudian
Peking
P. O. B. 88

CZECHOSLOVAKIA

Artia
Ve Smečkách 30
Praha 2
Poštovní Novinová Služba
Dovoz tisku
Vinohradská 46
Praha 2
Mad'arská Kultura
Václavské nám. 2
Praha I
SLOVART A. G.
Gorkého
Bratislava

DENMARK

Ejnar Munksgaard
Nörregade 6
Copenhagen

FINLAND

Akateeminen Kirjakauppa
Keskuskatu 2
Helsinki

FRANCE

Office International de Documentation
et Librairie
48, rue Gay Lussac
Paris 5

GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC

Deutscher Buch-Export und Import
Leninstraße 16
Leipzig 701
Zeitungsvertriebsamt
Fruchtstraße 3—4
1004 Berlin

GERMAN FEDERAL REPUBLIC

Kunst und Wissen
Erich Bieber
Postfach 46
7 Stuttgart S.

GREAT BRITAIN

Blackwell's Periodicals
Oxenford House
Magdalen Street
Oxford
Collet's Subscription Import
Department
Dennington Estate
Wellingsborough. Northants.
Robert Maxwell and Co. Ltd.
4—5 Fitzroy Square
London W. I

HOLLAND

Swetz and Zeitlinger
Keizersgracht 471—487
Amsterdam C.
Martinus Nijhof
Lange Voorhout 9
The Hague

INDIA

Hind Book House
66 Babar Road
New Delhi I

ITALY

Santo Vanasia
Via M. Macchi 71
Milano
Libreria Commissionaria Sansoni
Vie La Marmora 45
Firenze

JAPAN

Kinokuniya Book-Store Co. Ltd.
826 Tsunohazu 1-chome
Shinjuku-ku
Tokyo
Maruzen and Co. Ltd.
P. O. Box 605
Tokyo-Central

KOREA

Chulpanmul
Phenjan

NORWAY

Tanum-Cammermeyer
Karl Johansgt 41—43
Oslo I

POLAND

RUCH
ul. Wronia 23
Warszawa

ROUMANIA

Cartimex
Str. Aristide Briand 14—18
Bucureşti

SOVIET UNION

Mezhdunarodnaya Kniga
Moscow G—200

SWEDEN

Almquist and Wiksell
Gamla Brogatan 26
S—101 20 Stockholm

USA

F. W. Faxon Co. Inc.
15 Southwest Park
Westwtood Mass. 02090
Stechert Hafner Inc.
31. East 10th Street
New York, N. Y. 10003

VIETNAM

Xunhasaba
19, Tran Quoc Toan
Hanoi

YUGOSLAVIA

Forum
Vojvode Mišića broj 1
Novi Sad
Jugoslovenska Knjiga
Terazije 27
Beograd

24. IV. 1971. Index: 26.743